

**КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ПОСТОЯННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ ЛИНГВИСТОВ (CIRL)  
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК  
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

# **ВЫЗОВЫ И ТРЕНДЫ МИРОВОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

**КАЗАНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ САММИТ**

**Казань, 16–20 ноября 2020 г.**

**Труды и материалы**

**Том 1**



**КАЗАНЬ**

**2021**

УДК 81  
ББК 81  
В92

Под общей редакцией  
Р.Р. Замалетдинова, Ф.Х. Тарасовой, Е.А. Горобец

**В92** **Вызовы и тренды мировой лингвистики:** Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 16–20 ноября 2020 г.): тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. Р.Р. Замалетдинова, Ф.Х. Тарасовой, Е.А. Горобец. – Казань: Издательство Казанского университета, 2021. – Т. 1. – 450 с.

**ISBN 978-5-00130-481-4 (т. 1)**  
**ISBN 978-5-00130-480-7**

В первый том трудов и материалов Казанского международного лингвистического саммита «Вызовы и тренды мировой лингвистики» включены материалы пленарных докладов и докладов, заявленных на сессии «Историческая и эволюционная лингвистика: направленность на будущее», «Традиционная лингвистика и ее цифровая трансформация», «Математическая, квантитативная и компьютерная лингвистика», «Русский и татарский языки в поликультурном мире».

УДК 81  
ББК 81

**ISBN 978-5-00130-481-4 (т. 1)**  
**ISBN 978-5-00130-480-7**

© Издательство Казанского университета, 2021

# ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА: НАПРАВЛЕННОСТЬ НА БУДУЩЕЕ

Адягаши Клара

Институт славистики Дебреценского университета, Венгрия  
УДК 811.512.145

## Прошлое и будущее исследования исторической фонетики татарского языка (пленарный доклад)

*историческая фонетика татарского языка, письменные источники, устные источники, теоретическая основа изучения татарской исторической фонетики, методы изучения татарской исторической фонетики, ареальная лингвистика Волго-Камского региона*

Казанско-татарский язык является одним из самых значительных кыпчакских языков с точки зрения численности его носителей, географического распространения его диалектов, коммуникативного значения межэтнического общения, а также как хранитель культурных ценностей. Все же исчерпывающего труда по исторической фонетике этого языка до сих пор нет<sup>1</sup>. В то же время нельзя сказать, что совсем не было сделано шагов для осуществления упомянутой цели в прошлом вплоть до настоящего времени.

Для описания татарской исторической фонетики необходимо учитывать сведения письменных и устных источников. В качестве отправного пункта в хронологии истории собственно кыпчакских языков имеются разные издания Кодекса Куманикуса (об отношении его языка к татарскому см. [Махмутова 1982]). В описании изменений среднетюркского периода можно отчасти использовать арабские письменные памятники на литературном языке тюрки поволжской редакции, среди которых многие изданы [Усманов 1972, 1979; Ivanics 2002]. Реконструкция раннего периода современного татарского языка может основываться на материале памятников XVIII века (их обзор см. [Кононов 1982: 87–108], образец для критического анализа орфографии материалов Миллера и Фишера см. [Agyagási 1984: 5–15]).

В области устных источников следует различать внутренние и внешние. Внутренние источники включают лексический материал всех диалектов татарского языка. Татарские ученые с конца XIX века собрали богатейшую сокровищницу диалектного лексикона. Но были изданы не только словари, среди которых мы приведем здесь лишь самый значительный – Большой диалектологический словарь татарского языка [Ба-

---

<sup>1</sup> Имеется в виду реконструкция изменения состава фонем системы и подсистем языка по периодам с определением причин системного изменения языка шаг за шагом, из периода в период.

язитова 2009]. Такую же значимость имеют теоретические и методологические исследования, в которых определяются основная фонетическая характеристика разных диалектов, часто в сопоставлении с восточно-древнетюркским фонемным составом, иерархия наречий и говоров внутри единичных диалектов, а также географическое распространение определенных диалектальных явлений. О результатах исследований знаменитой казанской диалектологической школы можно получить подробную информацию в библиографии, приложенной к Большому диалектологическому словарю.

В ряде внешних устных источников имеется обзор татарских заимствований в марийском и удмуртском языках [Исанбаев 1989] и [Csúcs 1990]. К сожалению, тема татаризмов (и кыпчакизов) в чувашском языке до сих пор не рассмотрена, в этой области еще можно ожидать появления важных сведений.

Что касается метода, на первом плане естественным образом должен стоять историко-сопоставительный метод. Однако важно, по какой модели реконструкции происхождения языка и системы изменения фонемного состава он применяется. В исследованиях по тюркской исторической фонетике впервые К.М.Мусаевым [Мусаев 2000: 216–217] было опубликовано очертание хода исторического развития кыпчакской ветви тюркских языков и дифференциации единичных кыпчакских языков по традиционной модели языкового дерева. По его представлениям кыпчакская ветвь тюркских языков обособилась от остальных уже в пратюркском периоде как пракыпчакская ветвь. Практикыпчакский период длился до XII века, а с XIII началось образование четырех групп современных кыпчакских языков, среди которых одну единицу представляет собой северная группа. Мусаев предполагает, что раньше всех отделился северокыпчакский язык, то есть единый язык-начало, от которого происходят башкирский и татарский языки, но фонологические детали их формирования и хронологические рамки этого процесса он не указывает. К единому кыпчакскому началу возводил татарские диалекты и А.Берта в своей монографии о внутренней реконструкции диалектов татарского языка [Berta 1989], только это единое начало он назвал волжско-кыпчакским.

В то же время исторические данные и данные татарских диалектов противоречат теории о едином северокыпчакском или волжско-кыпчакском начале (ветви) языкового дерева. Уже в Кодексе Куманикусе отражаются два варианта: йокающий и джокающий вариант среднекыпчакского языка<sup>2</sup>. В конце 70-х гг. XX века выдающиеся исследователи татарского и башкирского языка выпустили монографии о мишарском [Махмутова 1978] и центральном диалекте казанско-татарского языка

---

<sup>2</sup> Речь идет о среднекыпчакском языке по общей тюркологической периодизации, согласно которой начало формирования самостоятельных тюркских языков относится к среднетюркскому периоду.

[Ахметьянов 1978], о диалектах сибирских татар [Тумашева 1977], а также о башкирском языке не только в синхронном, но и в диахроническом аспекте [Гарипов 1979]. Результаты этих исследований подтверждают предположение о параллельном существовании по меньшей мере трех самостоятельных, территориально отделенных среднекыпчакских диалектных систем: среднетатарский (центральный диалект), среднемишарский и среднебашкирский. Это значит, что модель языкового дерева здесь дальше не может действовать. При описании исторической фонетики татарского языка с XIII века нужно исходить из сосуществования диалектных вариантов.

В прежних исследованиях [см. Тумашева 1989] самую большую трудность определения по крайней мере релятивной хронологии фонетических изменений (в частности, сужение системы гласных и появление редуцированных) представляло то, что не удалось найти источник и причину этих изменений. К.М.Мусаев [Мусаев 2002: 258] предлагает принять причиной этого системного изменения влияние волжско-булгарского субстрата. Я бы не стала сужать эту проблему до влияния волжско-булгарского субстрата. Когда в Среднем Поволжье в XIII веке появились носители среднекыпчакских диалектов, в этом регионе уже существовал Волго-Камский языковой ареал [Agyagási 2012]. Внутри ареала отделилось две большие зоны: одна включала языки без редукции и сужения гласных (древнеудмуртский язык, центральный диалект вожско-булгарского языка и часть прамарийских диалектов), а другая – языки, в которых тенденция сужения гласных и редукция уже были в действии (закамский волжско-булгарский диалект, волжско-булгарский предшественник чувашского языка, другая часть прамарийских диалектов и субстратный язык населения «нижняя черемиса») [см. Agyagási 2019: 161–183, 200–220]. Среднекыпчакские диалекты интегрировались в языковой ареал, и их система гласных стала изменяться под влиянием системы гласных контактирующих с ними местных языков. Исходное состояние системы гласных среднекыпчакских диалектов можно реконструировать на основании среднемонгольских заимствований в этих диалектах [см. Róna-Tas 1982]. А реконструкция темпа и последовательности деталей процесса сужения и редукции в диалектных и поддиалектных разновидностях татарского языка не может обойтись без вовлечения историко-фонетического анализа татарских заимствований в окружающих языках.

Татарский язык среди кыпчакских языков – благодаря своему богатству данных в разных типах источников, а также достигнутым до сих пор результатам фонетических исследований – стоит ближе всего к возможности иметь свою историческую фонетику. Но для этого в будущем необходимо будет разработать новую модель для представления исторического развития языка, а также такой метод, который позволяет

обосновывать языковые изменения равным образом внутренними и внешними причинами.

### Литература

Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков / Р.Г.Ахметьянов. – М., 1978.

Баязитова Ф.С. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / Ф.С.Баязитова, Д.Б.Рамазанова, З.Р.Садыйкова, Т.Х.Хэйрәтдинова. – Казан, 2009.

Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики / Т.М.Гарипов. – Москва, 1979.

Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. Часть первая (Татарские и башкирские заимствования) / Н.И.Исанбаев. – Йошкар-Ола, 1989.

Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России / А.Н.Кононов. – Ленинград, 1982.

Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка / Л.Т.Махмутова. – Москва, 1978.

Махмутова Л.Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus по данным лексики. Краткий анализ и приложение / Л.Т.Махмутова // Исследования по исторической диалектологии татарского языка 2. – Казань, 1982. – С.68–154.

Мусаев К.М. Кыпчакская группа. Сравнительная грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / К.М.Мусаев; отв. ред. Э.Р.Тенишев. Москва, 2002. – С.216–298.

Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар / Д.Г.Тумашева. – Казань, 1977.

Тумашева Д.Г. Перебой гласных и формирование вокализма кыпчакских языков. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей / Д.Г.Тумашева. – М., 1989. – С.5–18.

Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. / М.А.Усманов. – Казань, 1972.

Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. / М.А.Усманов. – Казань, 1979.

Agyagási K. Hat XVIII. századi tatár szójegyzék forráskritikája [Критические заметки о шести татарских словниках XVIII в.] / K.Agyagási // Néprajz és Nyelvtudomány. – 1984. – Vol.28. – Pp.5–15.

Agyagási K. Language contact in the Volga-Kama Area. The Szeged Conference / K.Agyagási; ed. by É. Kincses-Nagy, M. Biacsi // Studia uralo-altaica 49. – Szeged, 2012. – Pp.21–37.

Agyagási K. Chuvash Historical Phonetics. An areal linguistic study. With an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism / K.Agyagási. – Turcologica 117. – Wiesbaden, 2019.

Berta Á. Wolgatatarische Dialektstudien. Textkritische Neuausgabe der Originalsammlung von G. Bálint 1875–76 / Á.Berta // Oriental Studies 7. – Budapest, 1988.

Berta Á. Lautgeschichte der tatarischen Dialekte / Á.Berta // *Studia uralo-altaica* 31. – Szeged, 1989.

Csúcs S. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen / S.Csúcs. – Budapest, 1990.

Ivanics M. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiz-nāmā) I / M.Ivanics, M.A.Usmanov // *Studia uralo-altaica* 44. – Szeged, 2002.

Róna-Tas A. Loan Words of Ultimate Middle Mongolian Origin in Chuvash / A. Róna-Tas // *Studia Uralo-Altaica*. – 1982. – Vol.17. – Pp.66–134.

## **Несколько слов о маргиналиях Христинопольского Апостола XII века**

*Христинопольский Апостол, маргиналии, глосса, катена, схолия*

Галицко-Волынская рукопись толкового Апостола XII века – Христинопольский Апостол (АпХр) – является уникальным источником древнерусской письменности. Манускрипт представляет собой один из самых ранних сохранившихся списков Апостола и отличается строгой последовательностью написания с системой четких правил. Кроме того, примечательным является наличие в рукописи АпХр значительного справочного аппарата. Исследование маргиналий в тексте Деяний АпХр (л. 1-6об., 11-40об. львовской части) показывает, что рукопись содержит богатую систему разноплановых комментариев, выполненных в разное время. Тем не менее, в их исполнении прослеживается та же строгость и продуманность последовательности написания, которая свойственна основному тексту манускрипта.

Первый пласт записей составляют «экстратексты», которые, находясь в составе рукописей, тем не менее являются автономными [Крысько 2020: 289]. К таким текстам можно отнести скорописные записи XVII в. на л. 39об. о «посполитых рушениях» 1648 и 1651 г. и «козацкой войне», связанной непосредственно с именем Богдана Хмельницкого. К «экстратекстам» относится и запись на л. 40: *юже с(вя)ты книги рѣжетъ не даи юму б(ог)ъ добра в сии вѣкъ и в будущи*. Запись XIV–XV вв. выполнена более темными, нежели основной текст, чернилами, довольно небрежным уставом. Следует отметить, что чернилами такого же цвета в основной текст и тексты маргиналий вносятся поздние правки.

Записи, имеющие непосредственное отношение к тексту, выполнены тремя писцами. *Первый почерк* – мелкий устав XII века, которым написан основной текст Апостола. Данные палеографического анализа львовской части манускрипта позволяют судить о совпадении начерков текста маргиналий и начерков основного текста АпХр, изменения связаны лишь с необходимостью уменьшить размер буквы. В записях на полях, выполненных основным писцом, как и в тексте основной части рукописи, периодически встречается «и-десятеричное», вероятно, с целью экономии места в строке. Регулярно употребляется «он широкое» в позиции начала слога (в то время как широкое «есть» употребляется лишь в цифири).

Данным почерком выполнены записи *нескольких типов*:

1. Сокращенные отметки богослужебных чтений. Данные записи выполнены киноварью, часто начальное «како» затерто, вероятно, вто-



рым писцом, который делал своего рода «расшифровку» более ранних помет.

2. Редактура основного текста (вставки пропущенных элементов и замена фрагмента). Например, на л. 2 на полях запись *иудейскаго* при помощи знака пропуска (обычно он имеет форму знака креста, по начертанию напоминающего глаголическое «азъ») соотносится со словом (*от*) *съньма*.

3. Глоссы как разъяснения малоупотребительных слов с их толкованиями. Такие записи малочисленны. В тексте Деяний было обнаружено всего два примера. На л. 11об. писец называет *Македонию градом-колонией*, а на л. 37 *бурный ветер – эвроклидон (эуроклудон)*. В первом случае глосса вводится при помощи знака пропуска, во втором – используется титло.

4. Схолии как комментарии критического, культурологического, грамматического, стилистического характера. Данные записи выполнены теми же чернилами, что и основной текст. Толкования, разные по объёму и содержанию, отмечены, как правило, сочетанием глаголической буквы и трёх точек или точки и двух запятых.

Толкования этой группы могут сопровождаться особыми словами-маркерами, например, *сиречь (л. 2): сиречь б(ог)ъ распаса и оумре* к фрагменту Деян. 13:41 (после слов основного текста *юмоу же не имате вѣры яти аще кто и повѣсть вамъ*), *разумеи (л12)*.

Другие толкования не содержат слов-маркеров, например, на л. 3об. даётся пояснение к фрагменту Деян. 14:11-12. В данном фрагменте рассказывается об эллинах, которые увидели в Варнаве и Павле Зевса и Ермия. Писец даёт следующий комментарий: *Еллини вѣровахоу ч(е)л(о)в(е)комъ оуподобити б(ог)ы своя а мнии ни хр(и)стиани не вѣроуютъ б(ог)оу подобитиса ч(е)л(о)в(е)комъ*.

5. «Заголовки сюжетов». Некоторые части текста озаглавлены писцом, вероятно, для более удобного чтения. В тексте для их введения используется буквенная цифирь. Примерами таких записей может служить «заголовок» к Деян. 14.1 *о како въ иконии проповѣдавше х(рист)а* либо к Деян. 14:8 *о ицѣлѣвши хромѣмъ* на л. 3.

6. Комментарии к тексту (повторение информации, которая могла забыться). В тексте АпХр выделяется отдельный блок записей, цель которых – напомнить читающему информацию, о которой речь шла выше (например, на другой стороне страницы). Такие надписи обычно киноварные, с основным текстом часто соединяются «кавычками». Например, запись *о бывъшимъ троусъ и чудеси* к Деян. 16:26 на л. 12об., *пъри бывъшии въ коринѣ* к Деян. 18:11 на л. 16об.

*Второй почерк* – устав, близкий по времени к основному тексту. Почерк отличается от основного большей небрежностью, основная функция таких записей – «расшифровать» указания богослужебных чтений, данных первым писцом. Данные записи выполнены киноварью.

Из отдельных начертаний следует отметить начертание «како», для верхнего элемента правой части которого можно отметить характерный наклон. Нижняя часть буквы «цы» довольно небольшая (в основном тексте – нижняя утончённая часть буквы по размерам совпадает с верхней). Буква «червь» пишется с наклоном и имеет крючкообразную форму. Рисунок букво-цифры «зело» 'б' здесь перевернут, то есть используется принятое в Древней Руси написание. В основном тексте встречается исконное старославянское написание как «s». Следует отметить своеобразную форму титла – над цифрами они имеют вид перечеркнутой черты.

*Третий почерк* – полууставной почерк XVI в., основная функция которого – обновление стершихся начертаний и дополнения к тексту. Часть надписей выполнена киноварью светлого цвета, часть чернилами. Из палеографических примет следует отметить написание «твёрдо» с опущенными вниз «ножками», «червь» со смещённой вправо ножкой и петлеобразной чашкой, занимающей  $\frac{1}{4}$  часть буквы, титло в виде изогнутой линии. Данным почерком выполнены записи двух типов: 1. Вставки, как маргинальные, так и интерлинейные (л. 3, л. 6, л. 14об, л. 33об., л. 36об). В данную группу включена также одна глосса (л. 36об) и одна правка (л. 36 об.). 2. Пометы чтений и обозначение чтений.

Нередко при обозначении чтений возникают своего рода комплексы, когда сокращённая помета даётся основным писцом, позднее она расшифровывается вторым, а затем отдельные фрагменты дописываются третьим. Примером такого комплекса могут служить записи на л. 1, л. 4.

Исследование маргиналий АпХр показывает, что несмотря на широкое разнообразие, записи на полях рукописи представляют собой довольно строгую систему. Следует отметить, что тексты апостольских посланий содержат ещё один тип маргиналий – текст уникальной рамочной катены, выполненный изящным мелким полууставом по разным датировкам – XIV или XII века. Дальнейший анализ языковых особенностей маргиналий АпХр, вероятно, позволит выявить разнообразные проявления древнерусского языкового узуса.

## Литература

АпХр – Христинопольский Апостол (толковый), XII в. (Львовский ист. музей, ОР, № 37), 291 л. [Электронный ресурс] / М.О.Новак и др.; проект «Манускрипт». URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=61> (дата обращения: 20.06.2019).

Христинопольский Апостол [Электронный ресурс] // Львовский исторический музей. URL: [http://www.lhm.lviv.ua/proekty/krystynopolskyu\\_apostol.html](http://www.lhm.lviv.ua/proekty/krystynopolskyu_apostol.html)

Крысько В.Б. Письменные источники по истории русского языка / В.Б.Крысько // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / под ред. В.Б.Крысько. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2020. – С.279-295.

## **Из опыта создания электронного грамматического словаря древнерусского языка: модель, реализация, использование**

*древнерусский язык, исторический корпус, лемматизация*

Электронный грамматический словарь исторического корпуса «Манускрипт» (manuscripts.ru) предназначен для обеспечения работы автоматического лемматизатора славянских текстов X–XVII веков.

Модель базы данных словаря позволяет хранить информацию о леммах древнерусского языка, состоящих из двух компонентов – изменяемой и неизменяемой частях словоформ (граница между ними может не совпадать с лингвистической границей), а также о связях между ними. (Псевдо)окончания (псевдо)основ, имеющих идентичные (под)парадигмы, объединены в уникальные группы (типы изменения – ТИ), содержащие сведения о морфологических характеристиках, общих для всех форм (под)парадигмы. Основа леммы может иметь подчиненные основы с собственными типами изменения и наборами окончаний.

Приведем фрагмент парадигмы леммы *ходити*:

*ходи* – ТИ глаг. – *ти* инф. / *тъ* суп.

*хож* – ТИ глаг., изъяв., наст. – *оу* ед., 1 л.

*хожд* – ТИ глаг., изъяв., наст. – *оу* ед., 1 л.

*ход* – ТИ глаг., изъяв., наст. – *иши* ед., 2 л. / *ить* ед., 3 л. / —

*ходи* – ТИ глаг., изъяв., аор. – *хъ* ед., 1 л. /  $\emptyset$  ед., 2 л. /  $\emptyset$  ед., 3 л. / *хомъ* мн., 1 л. / *сте* мн., 2 л., / *ша* мн., 3 л. / —

*хожа* – ТИ глаг., изъяв., имперф. – *ахъ* ед., 1 л. / *хъ* ед., 1 л. / *аше* ед., 2 л. / *ше* ед., 2 л. / —

*ходя* – ТИ глаг., изъяв., имперф. – *ахъ* ед., 1 л. / *хъ* ед., 1 л. / *аше* ед., 2 л. / *ше* ед., 2 л. / —

*ходда* – ТИ глаг., изъяв., имперф. – *ахъ* ед., 1 л. / *хъ* ед., 1 л. / *аше* ед., 2 л. / *ше* ед., 2 л. / —

*ходи* – ТИ глаг., повел. –  $\emptyset$  ед., 2 л. /  $\emptyset$  ед., 3 л. / *мъ* 1 мн., 1 л. / *те* мн., 2 л. / *въ* дв. 1 л. / *та* дв., 2 л.

*ход* – ТИ прич., наст., действ., имен. – *а* муж., ед., им.

*ходяч* – ТИ прич., наст., действ., имен. – *ь* муж., ед., вин. / *а* муж., ед., род. / *а* муж., ед., род.-вин. / —

*ходящ* – ТИ прич., наст., действ., имен. – *ь* муж., ед., вин. / *а* муж., ед., род. / *а* муж., ед., род.-вин. / — и т.д.

Леммам, имеющим одинаковое количество основ и идентичные наборы их окончаний, присваивается один и тот же индекс; подчиненные

основы могут иметь дополнительные индексы. Так, лемма *ходити*, а также еще 135 лемм с основой на *ѣ* с идентичной парадигмой имеют индекс *a1\_ѣ*, а подчиненные основы их причастий – *a1\_прич1\_ѣ*, *a1\_прич2\_ѣ* и др. (см. также [Баранов 2007; Баранов 2010]).

Реализация парадигмы в виде перечня главной и проиндексированных подчиненных основ и связанных с ними групп окончаний позволяет пополнять и редактировать словарь, а в случае необходимости визуализировать отдельные подпарадигмы леммы, например, подпарадигмы нечленных (именных) и членных (местоименных) форм, подпарадигмы причастий, а также изменять состав итогового словника текста или подкорпуса, давая причастия отдельными статьями.

Процедура поиска леммы для текстовой формы и присвоения последней морфологических помет осуществляется с помощью отдельного модуля корпуса – автоматического морфологического анализатора – и заключается в сопоставлении текстовой формы с единицами словаря. Нормализованная подача форм парадигмы в словаре и максимально точная транскрипция текстов корпуса потребовала разработки приемов нахождения соответствующих по грамматическому значению, но различных по написанию слов.

Основным приемом является применение и к единицам словаря, и текстовым прецедентам единых правил унификации, приведение тех и других к условным формам и поиск для текстовых форм полных соответствий в словаре. Правила включают устранение диакритики и титл, приведение заглавных и выносных букв к строчным, унификацию а) отдельных букв – *о = ѡ, и = ѣ, ѣ = ѣ* и др., б) йотированных и нейотированных букв в позициях начала слова и после гласных – *ю = оу, ѡ = ѡ* и др., в) буквенных сочетаний – *ша = шѡ = шѡ = шѡ, жоу = жю = жѡ = жѡ, че = чѣ* и др., г) лигатур, диграфов и монографов – *ѡ = ѡт, оу = у* и др., д) буквенных групп – *согласный + р/л + ѣ + согласный = согласный + р/л + е + согласный* и другие приравнения. Всего используется более 20 правил (см. их перечень на странице [http://manuscripts.ru/mns/slov.list\\_preobr](http://manuscripts.ru/mns/slov.list_preobr)).

Другим способом является добавление в базу данных словаря форм, отличия которых от нормализованных форм парадигмы не описаны правилами: *здоровьѣ – съдоровиѣ, хитрость – хытрость* и под., – а также форм под титлом: *трѣца, пѣ, стѣго* и под. При включении таких форм в словарь может быть указано: использовать форму или для определенного текстового прецедента, или для конкретной морфологической формы, или для всех омонимичных форм парадигмы.

Третий прием предполагает хранение в словаре вариантных лемм одного (заимствованного) слова – *моисии – моисеи – моисѣи – моиси, симеонъ – съмеонъ – семеонъ – сумеонъ – сѣмьонъ – симонъ* и под., установление в базе данных связи между ними, приведение текстовых прецедентов к соответствующим начальным формам и демонстрацию

всех вариантов в одной словарной статье или формирование разных с перекрестными отсылками. Этот способ установления соответствия между текстовым прецедентом и единицей словаря используется также и для незаимствованных слов, например, с начальными *преже-* / *переже-* / *прежде-* / *пръже-* / *пръжде-*, с различными суффиксами – *обитель* – *обитгль*, с различными основами – *законодавьць* – *законоудавьць* и др.

В лемматизаторе реализовано несколько режимов приведения к леммам текстовых форм и определения их морфологических признаков: автоматический анализ (автоматическая лемматизация), автоматическое снятие омонимии, ручное снятие омонимии. При первом лемматизатор соотносит текстовую форму со всеми соответствующими ей омонимичными формами словаря, включая в итоговый перечень соответствий внутри- и межлеммные. Второй – обеспечивает приведение текстового прецедента к одной и только одной лемме и предлагает наиболее вероятную форму парадигмы [Баранов 2020]. Третий – позволяет пользователю вручную выбрать (подтвердить) вариант разбора текстовой формы.

До недавнего времени модули демонстрации корпуса (однотекстовая и многотекстовая запросные формы, статистические модули) обеспечивали визуализацию словников только с использованием результатов лемматизации без снятия омонимии. В таких словниках с помощью условных обозначений и перекрестных отсылок указывается на неоднозначность определения морфологических признаков текстовых прецедентов. Приведем пример трех статей из Толстовского сборника XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39), лл. 100–184:

**адамовъ** {\*\*137.2-17 см. адамъ}

**адамъ** (8) {\*\*106.2-14}, {\*\*126.1-8}, {\*\*137.2-17 см. адамовъ}, {\*\*150.1-1 см. адъ}, {\*\*159.1-4}, {\*\*164.2-21 см. адъ}, {\*\*167.2-5}, {\*\*180.1-1}

**адъ** (11) {\*\*107.2-7}, {\*\*126.1-25}, {\*\*131.2-4}, {\*\*131.2-5}, {\*\*137.1-7}, {\*\*147.2-15}, {\*\*150.1-1 см. адамъ}, {\*\*164.2-21 см. адамъ}, {\*\*171.2-7}, {\*\*173.1-16}, {\*\*173.1-19},

где { } – адрес текстовой формы с неснятой омонимией, \*\* – несколько разборов текстовой формы в пределах одной парадигмы, см. – несколько разборов в пределах парадигм двух или более лемм.

Использование режима автоматического снятия омонимии позволяет с высокой степенью точности устранить повторение одной текстовой формы в разных статьях:

**адамъ** (8) {106.2-14}, {126.1-8}, {137.2-17}, {150.1-1}, {159.1-4}, {164.2-21}, {167.2-5}, {180.1-1}

**адъ** (9) {107.2-7}, {126.1-25}, {131.2-4}, {131.2-5}, {137.1-7}, {147.2-15}, {171.2-7}, {173.1-16}, {173.1-19}.

Работа над словником текстов Кирилла Туровского из Толстовского сборника потребовала не только снятия омонимии вручную, но и добав-

ления в словарную базу данных большого количества форм под титлом и лемм, отсутствующих в словаре.

Приведем пример статьи леммы *хотѣти* в ее сегодняшнем виде (лл. 1–48):

**ХОТѢТИ** (28) глаг (парадигма а2а\_т\*)

*изъяв. наст. ед. 1 л. (6) хощю 7.1-17, 9.2-12, 10.1-19, 12.1-25, 19.2-16, 19.2-18, 2 л. хощеши 17.2-12, 3 л. (2) хоцеть 10.2-3, 10.2-13, прич. наст. действ. ед. муж. им. хотя 3.2-12, жен. род. хотаща 20.1-24, прош. ед. муж. им. хотѣль 17.2-13, жен. им. хотѣла 7.1-3*

*& хощю изъяв. наст. ед. 1 л. 24.2-16, хощеши 2 л. 48.2-6, хоцеть 3 л. (2) 27.2-15, 47.1-1, хоцемъ мн. 1 л. 32.1-21, хоцете 2 л. | дв. 3 л. (4) 24.1.1-6.22, 29.1.1-23.2, 29.2.1-2.22, 29.2.1-5.7, хотя прич. наст. действ. ед. муж. им. (3) 24.1-8, 24.1-19, 46.1-16, хотащаго род.-вин. | род. 31.1-14, хота средн. им. (3) 24.1-8, 24.1-19, 46.1-16, хотаще вин. 36.1-1, хотащаго род.-вин. | род. 31.1-14, хотаще мн. муж. им. 36.1-1, хотѣли прош. мн. муж. им. | жен. им. 24.1.1-11.7,*

где & – начало раздела с неснятой вручную омонимией, | – варианты разбора.

Реализованная в системе «Манускрипт» модель словарной базы данных, ее первичное наполнение, возможности редактирования и пополнения, режимы модуля морфологического анализа и форм демонстрации результатов автоматической и ручной лемматизации позволяют осуществить весь цикл работ по созданию словника текстов корпуса «Манускрипт».

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта «Подготовка интернет-издания и комплексное исследование языка и письма Толстовского сборника XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39)» (проект № 18-012-00428).*

## Литература

Баранов В.А. Автоматический морфологический анализатор древнерусского языка: лингвистические и технологические решения / В.А.Баранов, А.Н.Миронов, А.Н.Лапин, И.С.Мельникова, А.А.Соколова, Е.А.Корепанова // 10-я юбилейная международная конференция «EVA 2007 Москва». – Москва, 2007. – URL: [http://conf.evarussia.ru/upload/eva2007/reports/doklad\\_1318.pdf](http://conf.evarussia.ru/upload/eva2007/reports/doklad_1318.pdf).

Баранов В.А. Морфологическая парадигма и ее составляющие в системе «Манускрипт» / В.А.Баранов, О.В.Гулина, А.Н.Миронов // Информационные технологии и письменное наследие: материалы междунар. науч. конф. (Уфа, 28–31 октября 2010 г.) / отв. ред. В.А.Баранов. – Уфа; Ижевск: Вагант, 2010. – С.28–31. – URL: <https://textualheritage.org/english/el-manuscript-10/18.html>.

Баранов В.А. Инструменты извлечения и приемы подготовки лингвистических данных для статистического анализа в историческом корпусе «Манускрипт» / В.А.Баранов, Р.М.Гнутиков // Труды XVII Международной конференции Ассоциации «История и компьютер» (в печати)

## **XVII – XVIII гасыр язма истәлекләренең поэтик топонимиясе (гидронимнар мисалында)**

*имена собственные, гидронимы, письменные памятники XVII – XVIII вв.*

Ялгызлык исемнәр, ягъни ономастик берәмлекләр, аппелятив лексика кебек үк, теләсә кайсы телнең иң мөһим катламы, татар тарихы, дине һәм мәдәниятенә аерылгысыз өлеше булып тора. Ономастик берәмлекләр телебезгә хас булган тарихи-лингвистик үзенчәлекләренә, закончалыкларны, лексиканың кулланылыш-үсеш эволюциясен эзлекле һәм системалы итеп тикшерергә, лингвомәдәни чынбарлыкны тулырак чагылдырырга мөмкинлек бирә. Аеруча матур әдәбият стилендә барлык тел-сөйләм чаралары белән бергә ялгызлык исемнәр аеруча зур әһәмиәتكә ия. Белгәнәбезчә, сүзләр һәм тәгъбирләр контекстта өстәмә мәгънә төсмерләренә ия була. Күренекле галим И.Б. Бәширова әдәби әсәрләрдә сүз белән сурәтнең бер-берсе белән бәйләнештә өйрәнелүен әйтә: "...бер яктан, ул. сүз буларак, әсәрнең барлык компонентларына [жанр, теле, композиция, сюжет төзелеше, күп санлы алымнар һ.б.] бәйләп карала" [Бәширова 1974: 6]. Әдәби әсәрдә ономастик берәмлекләр дә эчтәлек белән форманы тоташтыручы сүз-сурәт булып китәләр. Мәсәлән, атама һәм ул атаган географик объект текстта бер бөтен булып яши башлый, укучы әсәр героен шул объект киңлекләре буйлап "хәрәкәт иттерә" [Васильева 2010: 8].

XVII–XVIII гасырларга караган татар язма истәлекләрендә географик атамалардан елга-су, диңгез-дәрья атамалары еш кулланыла. Бу аңлашыла да, төрки халыклар, беренче чиратта, борынгы мәжүсилек чорында суга табына, аны илаһилаштыра, ярдәм көтә. Икенчедән, су – яшәү чыганагы, дәүләт-калаларны зур елга-сулар янында төзәргә омтылганнар. Өченчедән, әдәби әсәрләрдә елга-дәрьялар кешенең күңелен ымсындырып, үзенә тарта торган яшерен бер дөнья, табигатьнең серле өлеше булып та күзаллана.

XVII–XVIII гасыр язма чыганакларында диңгез атамаларынан *Ак диңгез*, *Төн диңгезе* кебек гидронимнар телгә алына: Өвәл заманда *Ак диңгез* эчендә Мальта дигән шәһәр бар иде [Дәфтәре Чыңгызнамә 2011, б. 69]. Имде илә улса гүзәлне көймә берлән *Төн диңгезенә* салып йибәрәек, – тиде [Дәфтәре Чыңгызнамә 2011: 70]. Бүгенге көндә Мальта шәһәренең Урта диңгездә урнашкан булуын искә алсак, *Ак диңгез* атамасы Урта диңгезне аңлата дип фаразларга мөмкин. Төн диңгезен исә галимнәр төньяк турындагы легендаларга бәйләп аңалата. Ул легенда-

лар нигезендә төньякта үтә кыргыз табигатыле халыклар яши дип фарзлана, алар сәүдә эшләре алып бару өчен Болгар иленә дә кертелмәгәннәр. Шушы ышанулар “Дәфтәре Чыңгызнамә” әсәрендә дә чагылыш таба [Дәүләтшин 1999: 149 – 151]. “Тәварихе Болгария” әсәрендә исә *диңгез* сүзенә синоним буларак кулланылган гарәп алынмасы *бәхре* белән очрашабыз. Шунисына да игътибар итәргә кирәк, *бәхре* лексемасы биредә *Бәхре һинди* дигәндә – һинд океаны, ә *бәхре Фарсә* дигәндә Иран диңгезе дигәнне аңлата: Бәхре һиндидән бәхре Фарсә варанчадыр, ягъни Хажидан Тархан диңгезендән Хытай диңгезенә варанчадыр [Мөслими 1999, б. 18]. Хәтта *дәрийа* сүзе дә *диңгез* лексемасының синонимы булып килә: Диңгезләренң олугы Мохит дәрийасыдыр [Мөслими 1999: 20].

“Тәварихе Болгария” әсәрендә Мөслими диңгезләргә хақында да үзгә белгән кадәр мәгълүмат бирергә тырыша. Биредә түбәндәгә атамалар белән очрашабыз: *бәхре Чин* – Кытай диңгезе, *бәхре Мохит* – Мохит диңгезе, *бәхре Фарис* – Иран диңгезе, *бәхре Калзәм* – Кызыл диңгез, *бәхре Мәгъриб* - Көнбатыш диңгезе, *бәхре Жәржан* – Каспий диңгезе, *Бәхре һинди* – һинд океаны.

Гомумән, борынгы төрки халыклар тормышында су мәһим урынны алып торган, кабилә-ырулар елга-күл буена урнашырга тырышканнар, чөнки су – яшәү чаткысы, тормыш чыганагы. Язма истәлекләрдә *елга* төшенчәсе сүзе су лексик берәмлегә белән жикерелә. “Дәфтәре Чыңгызнамә” әсәрендә *Бүләргә суы, Гөбнә суы, Тикәлик суы, Казан суы* дигән елга атамалары очрый: Бүләргә суының өстенә йорт-шәһәр салдылар [Дәфтәре Чыңгызнамә 2011: 85]. Анда барып, Гөбнә дигән суның буйынды мәкам дотды [Дәфтәре Чыңгызнамә 2011: 86]. Әй, анам, мин имдә бу йирдән, бу йортдан китәрмен, ошбу Тикәлик суының башында Курлан дигән кара тау бардыр, ул тагда мәкам-йорт тотармын [Дәфтәре Чыңгызнамә, 2011: 74]. Казан суының тамагында шәһәр төзеделәр [Дәфтәре Чыңгызнамә 2011: 91]. Мисаллардан аңлашылганча, бу гидронимнар вакыйгалар барган урынны конкретлаштырып, тарихи жикерелә бәйләп тасвирлау максатыннан кулланылган. Мөслиминенң “Тәварихе Болгария” әсәрендә су сүзе сирәк очрый, нигездә, *елга* һәм шул мәгънәдәгә гарәб алынмасы *нәһер* сүзе өстенлек итә, бик күп елга атамалары санап бирелә: *Чирмешән елгасы* икедәр. *Өфе иделенә* кояр. Мәшһүр улан елга *Иш суыдыр* вә һәм *Туймы елгасыдыр*. Самар елгасы *Вулгы иделенә* койгандыр [Мөслими 1999: 20]. Соңгы мисалдан күренгәнчә, *идел* лексик берәмлегә “елга” төшенчәсендә килгән. Бу чор язма истәлекләре өчен бу гадәти күренеш: *Ак идел* килеб, *Ука иделене* вә *Чулман иделене* вә *Нократ иделене* жәмыг идеб, Мишә тагындан бик аз түбән *Вулгы иделене* койгандыр [Мөслими 1999: 20]. Мисаллардан аңлашылганча, *идел* атамасы зур елга-суларны атау өчен файдаланылган, ягъни *су, елга, нәһер* кебек лексик берәмлекләренң синонимы булып килә. Ә Идел елгасы үзе, халык телендә йөргәнчә, рус сүзе белән



*Вулгы* дип бирелгән. “Дәфтәре Чыңгызнамә”дә *идел* сүзен бар төрки дөньяга мәгълүм зур елга исеме буларак очратабыз: *Амәт Идел башына* чыкды [Дәфтәре Чыңгызнамә 2011: 90]. Бу тирмә *Идел-Жайыкта* хасил булды [Дәфтәре Чыңгызнамә 2011: 90]. *Идел башында* мәкам-йорт тотдылар [Дәфтәре Чыңгызнамә 2011: 90]. Әлеге мисалларда теркәлгән *Идел-Жаек*, *Идел башында мәкам йорт* кебек сүзтезмәләр Идел атама-сының мул сулы, тирән елганы гына түгел, ә туган йорт, туган ил образларын да гәүдәләндерүе хакында сөйли. Ә менә *Ак Идел* сүзтезмәсе хакында фәндә фикер төрлеләге яшәп килә. Ф.Г. Гарипова төрки халыкларның Идел чыганагы итеп Агыйделне санавын искәртә [Гарипова 1994: 140]. К.М.Миңнуллин, борынгыларның суга табыну, аны изгеләштерүләрен, һәр төбәкнең үз елгасын аклык-сафлык чыганагы итеп санавын искә алып, *ак идел* гыйбарәсе саклангандыр, дип фаразлый [Миңнуллин 1998: 86].

“Дәфтәре Чыңгызнамә” әсәрендә гидронимик терминнар вакыйга-сюжетны тасвирлау барышында телгә алынса, ягъни әсәр тукумасына геройлар хәрәкәтенә географик мәйданы буларак кергән булса, “Төварихы Болгария”дә елгаларны тасвирлауга “Мәшһүр елгалар бәяһында” дигән аерым бүлекчә багышланган. Биредә *Өфе иделе*, *Ак идел*, *Вулгы иделе* кебек зур елгаларга коя торган байтак кына кына вак елга атамалары санап кителә. Мәсәлән, автор “Өфе иделенә коя” дип, түбәндәге гидронимнарны китерә: *Әй дәрйасы*, *Узан елгасы*. *Ак иделгә* коя торган елгалар: *Таныб*, *Бөре*, *Язи*, *Сәрмәсән*, *Кармәсен*, *Сөн*, *Ак*, *Ирәнә*, *Зәй*, *Кичү*, *Чулман*, *Нократ*, *Кече Чирмешән*. Ә түбәндәге елгалар, автор фикеренчә, *Вулгы иделенә* коя: *Самар*, *Зөя*, *Суй*, *Мишә*, *Илләт*, *Казан елгасы*. Шулардан *Әй*, *Үзән*, *Кармәсен*, *Сөн*, *Зәй*, *Чулман*, *Нократ*, *Кече Чиремшән*, *Самар*, *Зөя*, *Мишә*, *Илләт*, *Казан* кебек елга атамалары Ф.Г.Гарипова хезмәтләрендә чагылыш таба, аларның урыны, атамаларның килеп чыгыш хакында мәгълүмат бирелә [Гарипова 1998].

Түбәндәге мисалларда телгә алынган *Ак Идел*, *Зәй* атамалары *баш*, *тамак* кебек лексик берәмлекләр белән килеп, урыннын географик яктан тагын да конкретлаштыра: *Ак Идел тамагы* Кара хан белән Бугра ханның йортыдыр [Дәфтәре Чыңгызнамә 2011: 91]. Бараж халкының әүвәл замандагы борынгы төб йорты ошбу *Зәй тамагыда* улыр ирде [Дәфтәре Чыңгызнамә 2011: 85]. Гомумән, галимнәр татар телендә *баш*, *тамак* сүзләре катнашында ясалган гидроним, ойконим һәм микротопонимнарның искиткеч куп булуын ассызыклай [Гарипова 1998: 123 – 129]. Борынгы төрки сүзлектә дә *тамак* сүзенәң топонимик термин буларак теркәлүен дә искәртәргә кирәк [Древний тюркский 1969: 529].

Шулай итеп, һәрбер гидронимик берәмлек язма истәлекләрдә сюжет вакыйгаларны сурәтләүдә, автор фикерләрен бирүдә динамик, җанлы милли чара булып тора. Алар теге яки бу күл-елганы, ул урнашкан географик ноктаны төгәен атаучы буларак кына түгел, ә авторның әйтәсе сүзен җиткерүдә, персонажның эчке дөньясын, холкын

ачуда стилистик вазыйфа башкара, татар халкының үзаңын, дөньяга карашын, жиргә-суга мөнәсәбәтен чагылдыра.

### Литература

Бәширова И.Б. Сүз белән сурәт ясау / И.Б.Бәширова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. – 175 б.

Бәширова И.Б. Татар әдәби теле тарихы. Гомумтеоретик мәсьәләләр: Татар әдәби теленең билге-шартлары һәм аларның өйрәнелеше / И.Б.Бәширова. – Казан, 2012. – 255 б.

Васильева Н.В. Имя и персонаж: способы семантического описания / Н.В.Васильева, С.Е.Никитина // Онмастика Повожья: сборник материалов XII международной научной конференции [Казань, 14 –16 сентября 2010 г.]. – Казань: Отечество, 2010. – 444 с.

Гарипова Ф.Г. Исемнәрдә – ил тарихы / Ф.Г.Гарипова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. – 140 б.

Гарипова Ф.Г. Татарская гидронимия / Ф.Г.Гарипова. – Казань, 1998. – 571 с.

Дәүләтшин Г.М. Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы / Г.М.Дәүләтшин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. – 512 с.

Дәфтәре Чыңгызнамә (транскрипция) // Мирастан биш сәхифә: XVII – XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2011. – 38-96 б.

Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – 676 с.

Миннуллин К.М. Шигърият һәм жыр / К.М.Миннуллин. – Казан: Мәгариф, 1998. – 288 б.

Мөслими Тәварихы Болгария. – Казан: иман, 1999. – 101 б.

**Гарипова Ләйлә Шамиловна**  
Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең  
Г.Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты  
УДК 811.512.145

**Г.Ибраһимовның Г.Ходаяров китабына бәяләмәсе хакында:  
тәржемә өлкәсендә тәҗрибәләр һәм терминология**

*Г.Ибрагимов, татарский язык и литература, перевод, терминология*

Татар мәдәниятенә кыйммәтле мирасында аның асылташларынан берсе булган энциклопедик галим, җәмәгать эшлеклесе, публицист Г.Ибраһимовның иҗат мирасын халкына тулы килеш кайтару эше бүген дә давам итә, нәтиҗәләре белән куандыра: 2018 елда 15 томлык дип тәгаенләнгән академик басманың (“Әсәрләр”) 1-5 томнары басылып чыкса, 2019 елда 6-10 томнары дөнья күрдә. Аларда язучы әсәрләренә төрле вариантлары, аның үткен каламнан төшкән, моңа кадәр басылмаган, яки басылып та, цензура тарафыннан өзгәленеп-теткәленеп беткән хезмәтләре, гарәп графикасында гына сакланып калган публицистик мәкаләләре урын алган.

1921 нче елгы 25 апрель (№88) санында Г.Ибраһимовның “Иҗтимагый икътисад гыйлемендә беренче тәҗрибәләр” мәкаләсе “Татарстан хәбәрләре” газетасында басылып чыга. Мәкалә галимнең 1978-1986 елларда нәшер ителгән сигезтомлык “Әсәрләре”нең тел белеме буенча хезмәтләренә туплаган 8 нче томына керми калган булса, 2019 елда дөнья күргән – яңартылган, тулыландырылган академик басманың 10 томында урын ала. Димәк, ул – галимнең җәмәгатьчелек өчен әле яңа тәкъдим ителгән хезмәте дә. Гомумән, 6-10 томнар “Г. Ибраһимовның әдәби, тәнкыйди, фәнни эшчәнлегенә бер максатка – татар дөньясын үзгәртү, алга җибәрү, торгынлыктан чыгару, аерым бер юнәлешләрдә аның үсешенә хезмәт итү максатына буйсынганлыкны гаять калку итеп ассызыкый” [Заһидуллина 2020:122].

Билгеле ки, XX йөз башында әдәби телне өйрәнү, аны бердәм нормаларга китерүдә Г.Ибраһимовның да лаеклы өлеше бар. Үзенә эшчәнлеген төп ике юнәлештә алып барып, беренчедән, ул, тирән эчтәлекле әсәрләр иҗат итүче булса, икенчедән, тел белеменә караган хезмәтләр язып, татар тел гыйлеменә зур өлеш кертүче дә. Тел мәсьәләләре буенча әдипнең инде 1910-11 елларда ук аерым хезмәтләре дөнья күрә, вакытлы матбугатта мәкаләләре басыла. Шундыйларның берсе – Г.Ходаяров китабына бәйләп рәвештә языла.

Галим-энциклопедист, табиб А.А.Богдановның “Начальный курс политической экономии в вопросах и ответах” исемле китабы мөгаллим, шагыйрь, җәмәгать эшлеклесе Г.Ходаяров (1891-1966) тарафынан татар теленә тәржемәдә “Сөальле-җаваплы кыскача иҗтимагый икътисад гый-

леме” исеме белән халыкка тәкъдим ителә. Заманында елдан-ел яңартылып, тулыландырылып торган А.Богданов китабы икътисад өлкәсендәге терминнар белән таныштыруда беренче баскыч китап була, тиз таралыш ала. Бәяләмәсендә Г.Ибраһимов галим эшчәнлегенә бәя биреп, китапның уңай-тискәре якларын күрсәтә, татар теленә тәржемәсендә дә фикерен җиткерә. Беренчедән, китап коры тәржемә генә булмыйча, тәржемәченең һәр аңлатмага үзенең дә бәя-карашы булса, отышлырак булуын искәртеп: “бу беренче тәҗрибә булганга, бу фән бездә яңа туганга, тел, истыйлях мәсьәләсе аеруча урынны тотарга тиешле. Яңа, киләчәк хезмәтләрдә бунардан файдалансыннар, яңа һәммәсе хәзерлекнең сәяси-икътисади нәзарияләренең төп нигезе, башлангычы, әлифбасы булган бу фән бездә җиңел, рәхәт аңларлык бер юлга салынсын” , ди язучы. Хезмәтнең зур тырышлык куеп эшләнгәнлеген күрсәтеп, Г.Ибраһимов кимчеләклә якларына да туктала. Рәсми эш кәгазьләрендә сүзне сүзгә тәржемә кылу мәҗбүри, төгәл, катгый кысаларга утыртылырга тиеш булса да, халык өчен язылган әдәби әсәрләрдә мондый мәҗбүриятнең кирәк булмавы, гомуми мәгънәне исә татарның үз каләбенә салу тиешлеген җиткерә. Гомумән, Г. Ибраһимов үзе дә атамалар алганда, халыкка аңлашылсын өчен турыдан-туры телнең үз хәзинәсендәге сүзләренә файдаланырга тырыша, шул ук вакытта татар теленең иҗтимагый функциясен киңәйтү, халыкның җанлы сөйләмендә йөргән лексик катлам берәмлекләрен әдәби тел дәрәжәсенә җиткерү өчен күп көч куя: “Ул халыкның җанлы сөйләмен әдәби калыпка салып, күңелгә үтеп керерлек, тирән тойгылар уятырлык әдәби әсәрләр тудырды” [Хаков 2003: 200]. Г.Ибраһимов хезмәтләрендә шулай ук татар теленең фонетик кануннарына зур игътибар бирә, авазларның кулланылу үзенчәлекләрен тикшерә. Г.Ходаяров китабы мисалында да ул бу жәһәттән дә ачыклык кертергә тырыша : “икътисад” сүзен (т) белән түгел, (д) белән язарга кирәк. Бездә камил татарлашкан бер галәмәт (и) бар. Ул, сүзнең ахырына кушылып, һәр якта (һәркайда) йөри: сәяси, гыйльми, әдәби, иҗтимагый дигән кебек, әгәр ахырга (т) язсак, (икътисати) дияргә мәҗбүр булуына ки, бу бөтенләй көлке чыга”.

Икътисадка бәйле татарча уңышлы тәкъдим ителгән атама-терминнарның тәржемә үрнәкләрен күрсәтеп, Г.Ибраһимов аларның телгә шулай кереп китәчәкләренә дә ышана. Мәсәлән, “капитал”ның төрле дәверләрен аңлату өчен түбәндәге сүзләр алынган: 1) Сәүдә капиталы, 2) риба капиталы, 3) сәнәгать капиталы, 4) финанс капиталы... русчадагы – ростовщический капиталны “риба капиталы” дип атау җиңел дә, халыкка аңлаешлы да. Боңа аеруча дикъкәть итмәле. Боның иясен “рибачы яки рибакхур” дип атаячаклар” дип язып, күп еллар алга китеп гөманлый.

Г.Ходаяров тәржемәсендәге кимчеләкләргә карамастан, Г.Ибраһимов аны югары бәяли: “Совет, партия мәктәпләрендә, түгәрәкләрдә, үзеннән-үзе өйрәнүчеләргә бу хакта һичнәрсәнең булмавы

– әйтеп бетергесез зур бушлык иде. Ходаяров тәржемәсе шул ихтыяж диңгезеннән бер тамчыны булса да үтәде. Ләкин бу – әле тик бер башлангыч, тик бер тәжрибә генә... Гыйлем бездә хәзер туып килә, үсәргә, киңәергә, тирәнәергә өмид бирә” дип мәкаләсен тәмамлай ул. Телнең фонетик, орфографик, лексик, грамматик нормаларын эшкәртүдә зур хезмәт куйган галим, телнең ижтимагый функциясен киңәйтүнең мөһимлеген аңлаган хәлдә, терминология мәсьәләләре белән дә шөгыльләнә. Аның татар теле терминологиясенә бәйле фикер-тәкъдимнәре вакытлы матбугатта басылган күпсанлы мәкаләләрдә, һәм төрле китап-дәреслеккә язылган бәяләмәләрендә дә актив чагыла. Бу эшчәнлегә Гыйльми үзәк рәисе вазыйфасы итеп сайлангач, аеруча да күтәрелеп китә, мәсәлән, 1925 елның ноябрендә, алдагы елларда тәжрибәләргә таянып, телне жиңеләйтү һәм атамалар ясау өчен Гыйльми үзәк тарафыннан “Тел һәм атамалар турысында инструкция” кабул ителә.

Г.Ибраһимовның теге яки бу мәсьәлә уңаеннан басылган мәкаләләрендә таләпчәнлегә, хәтта ки кискенлегә дә чагылыш таба. “Билгеле бер атама артына кем яшеренгән” сорап-жавап формасында ул кайбер язучыларны тәнкыйтьли, әдәби әйләнәштән төшеп калырга тиешлекләренә дә басым ясай. Аның бу кырыслыгы әдәбиятта үз урыннарын тапкан абруйлы әдипләренә дә “аямый”. “Татар әдәбиятына кергән яңа сүзләр хакында” мәкаләсендә автор “мөртәдләр”, “чукынчыклар”, “сәяси фахишәләр” дигән сүзләрнең мәгънәләрен “яңарта”. Ләкин бу инкыйлабка бәйле рәвештә язучының дөньяга карашы үзгәрү, шулай ук большевикларның кызыл шигарьләренә ышану нәтижәсе дә.

Гомумән, Г.Ибраһимов һәм башка күренеклеләребезнең мирасын өйрәнәп, халкына кайтару эше эзлекле дәвам итсен, нәтижәләре белән куандырсын иде. Аларда – олпатларыбызның жан авазы, милләтенә әйтергә теләгән фикерләре, алар хәзергә татар теле, әдәбияты гыйлемендә бәхәсле мәсьәләләренә хәл иткәндә нигез булып торырдай кыйммәтле чыганак ролен дә үтиләр.

### **Әдәбият**

Ибраһимов Г. Әсәрләр. 10 том.: татар тел белеменә һәм телне уку методикасына караган хезмәтләр / Г.Ибраһимов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. – 351 б.

Заһидуллина Д. Г.Ибраһимов – әдәбиятчы: яңа чыганаклар (15 томлык академик басманың 6-7 томнары басылу уңае белән) / Д.Заһидуллина // Фәнни Татарстан. – 2020. – С.114-125.

Хаков В. Тел – тарих көзгесе / В.Хаков. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2003. – 296б.

Шәмсетдинова Р.Р. Г.Ибраһимовның татар телендә фәнни терминологияне үстерү өлкәсендәге эшчәнлегә / Р.Р.Шәмсетдинова // Галимжан Ибраһимов һәм XXI гасыр. – Казан, 2007. – С.172-174.

## **Распределение лексических вариантов *животъ – жизнь – житие* в древнерусском сборнике XIII в.**

*старославянский язык, история русского языка,  
древнерусский сборник, лексико-семантический ряд*

В статье рассматривается распределение слов *животъ – жизнь – житие* в древнерусском сборнике второй половины XIII в. (рукопись РНБ, Ф.п.1.39), которые в силу своих семантических особенностей образуют тесный лексико-семантический ряд. Сборник имеет разнообразный состав, а также значительный объем – 184 оборотных листа (см. [Жолобов 2020: 132]). В сборник входят тексты разного происхождения и времени возникновения – как оригинальные, так и переводные, как древнерусские, так и южнославянские. Недавно рукопись была опубликована в составе Казанской электронной коллекции славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв. (см. [Казанская коллекция]). Предпринятое описание, помимо решения источниковедческих задач, дает возможность представить функционирование и дистрибутивные характеристики названных выше лексем в древнерусской письменности, а также установить зависимость указанного лексико-семантического ряда от ранней славянской традиции.

Все три слова сохраняются в современном русском языке, однако их семантическая структура и стилистический характер претерпели существенные изменения на протяжении веков, что сказалось и на отношениях внутри данного лексико-семантического ряда<sup>3</sup>. Кроме того, сам ряд расширился за счет приобретения морфонологическим вариантом *житьё* самостоятельного словарного статуса (см. [Ожегов 1988: 157–159]).

В первоначальной славянской традиции при переводе греч. ζωή, τὸ ζῆν вместо трех названных лексем по существу представлена только одна – **животъ** ‘жизнь’. В наиболее архаичных глаголических источниках количественное соотношение лексем **животъ** : **жизнь** : **житиѣ** следующее: 5 : 0 : 0 в Киевских листках; 21 : 0 : 0 в Синайской псалтыри. Оно незначительно меняется в глаголических Зографском и Ма-

---

<sup>3</sup> Слово «живот» в значении ‘жизнь’ в современном русском языке выступает как архаизм лишь в устойчивых выражениях, в которых также вытесняется лексемой *жизнь*: *не на живот, а на смерть* ‘не щадя своей жизни’; *положить живот* ‘погибнуть, пожертвовать собой’; *решиться живота* ‘умереть, погибнуть’ [Фразеологический словарь 1987: 157, 198, 389].

риинском евангелиях: 37 : 0 : 2 и 47 : 0 : 2 соответственно (см. [SJS 1966: 603]). В текстах, возникновение которых связано с Болгарией симеоновского периода, соотношение лексем в корне меняется, поскольку первоначальное **животъ** заменяется на лексему **жизнь** или несколько реже – **житик**. В кириллической Саввиной книге, переписанной с глаголического оригинала, наблюдается постепенная замена лексем с количественным отношением 9 : 7 : 1. В кириллической Супрасльской рукописи уже полностью господствуют слова **жизнь** и **житик** с соотношением 27 : 100 : 94 (о некоторых наблюдениях по динамике замен см. [Jagić 1913: 263, 287; Vondrák 1912: 28, 40, 42, 46]). Факты замен исходного слова свидетельствуют о развитии дублетного лексического ряда, который, безусловно, в таком своем качестве в дальнейшем не мог сохраниться, поскольку в языке действует жесткая конкуренция семантически тождественных единиц.

В рассмотренном древнерусском сборнике в совокупности представлен весь лексико-семантический ряд, однако очень неравномерно в составляющих его отдельных текстах, что свидетельствует о действующих разнонаправленных тенденциях в изменении структуры трехчленного ряда. Количественное соотношение в ряду **животъ** : **жизнь** : **житик** в отдельных текстах следующее: в Словах Кирилла Туровского 9 : 6 : 0; в анонимном поучении 0 : 0 : 1; в анонимном поучении на Пятидесятницу 0 : 2 : 0; в Слове на Рождество Христово Иоанна Златоуста 0 : 0 : 3; в Житии Василия Великого 1 : 15 : 3; в огласительных поучениях Кирилла Иерусалимского 18 : 11 : 6. Несмотря на ключевой характер выражаемого понятия, лексемы из данного ряда отсутствуют в Слове о Премудрости и апокрифических текстах – Сказании Афродитиана и Легенде об Авгаре. Нужно также отметить небольшой объем указанных выше анонимных поучений и Слова на Рождество, в то время как перевод поучений Кирилла Иерусалимского занимает около половины рукописи. В поучениях Кирилла Иерусалимского воспроизводится переходная традиция, которая отразилась в Саввиной книге, поскольку перевод поучений был осуществлен очень рано, как об этом свидетельствуют Хиландарские листки XI в., содержащие отрывок перевода огласительных поучений. Этот тип употребления контрастирует с тем, который наблюдается в болгарском переводе Жития Василия Великого<sup>4</sup> и анонимном поучении на Пятидесятницу, где полностью господствует лексема **жизнь**.

Внешним образом древнее распределение лексических вариантов как будто бы выдержано и у Кирилла Туровского, однако оно действительно лишь внешне совпадает с типом, отраженным в Саввиной книге.

---

<sup>4</sup> О списках жития см. [Иванова 2008: 410–418].

Нужно иметь в виду при этом три обстоятельства. Во-первых, Кирилл Туровский создавал свои произведения во второй половине XII в., гораздо позже старославянской Саввиной книги или содержащего тот же дистрибутивный тип древнерусского Остромирова евангелия 1056–1057 гг. Во-вторых, в народном языке Древней Руси лексема *жизнь* отсутствует и частотность лексемы *животъ* у Кирилла Туровского находится в русле древнерусского узуса. В берестяных грамотах употребляется только слово *животъ* с двумя значениями – ‘жизнь’ и ‘имущество’, а слово *жизнь* отражено лишь косвенным образом в редких именах собственных – *Жизнобудъ* и *Жизномиръ* [Зализняк 2004: 738–739]<sup>5</sup>. В-третьих, употребление лексемы *жизнь* у Кирилла Туровского семантически специализировано, как показывает ее сочетаемость в следующих контекстах: *днѣ поновишася всѣхъ стѣхъ чиновѣ · нову жизньъ ѡ хѣбъ приемъше* 2 об.; *прѣрци патриарси трудившеся · въ раистѣи почиваютъ жизни* 2 об.; *и на нѣси бесконьчною жизньъ* 8 об.; *и причастникы створить бѹдоушага жизни* 16; *прѣставистася въ бесконьчною жизньъ* 19; *ингы же съ авраомъ въ вѣчныа жизни прѣбываниа* 33. Во всех случаях здесь говорится об идеальной, посмертной жизни и, таким образом, сужается в специфической направленности семантический объем лексемы *жизнь*, в то время как употребление лексемы *животъ* не знает таких ограничений. Ср. контексты со словом *животъ*: *свѣтъ бо мой и надежа и животъ снѣ и бѣ на дрѣвѣ оугасе* 7; *и ѿ вѣка оумьршимъ гробнымъ животъ дарова* 13; *давшаго ны животъ прославимъ* 37 об.; *ѡ свокмъ бо неродивъ животѣ* 8 об.; *да и прочекъ лѣтъ живота нашего* 46 и под. Такая направленность смысловой динамики существенно отличается от распределения лексем у Кирилла Иерусалимского, где разные лексемы используются в одинаковых контекстах: *животъ ѿ живота рожь*<sup>6</sup> 146; *ѿ жизни жизньъ рожена* 105 об. (в теологеме об отношениях Бога-Отца и Бога-Сына).

Помимо значения ‘жизнь’, существительное *животъ* метонимически развивает значение ‘живое существо, животное’. В этом случае встречаются все числовые формы существительного, хотя количество

<sup>5</sup> Значение ‘имущество, нажитое’ у слов *животъ* – *жизнь* – *житие* представлено в собственно древнерусских источниках (см. [СДРЯ 1990: 258, 261, 265]). Его развитие, вероятно, семантическая универсалия, поскольку оно отражает структурные свойства объекта номинации и отражено в других языках (напр., в греческом). Значение ‘живот’ у слова *животъ* фиксируется лишь в среднерусских источниках начиная с XVI в. (см. [СлРЯ 1978: 104]).



примеров ограничено пятью случаями, см., в частности: **КГОЖЕ ЧЕТВЕ-  
РОВАБРАЗНИИ ЖИВОТИ ТРЕПЕЦЮТЬ** 51; **ІІІ ПОЛЗУ МОЖЕШИ ШВѢДѢТИ ВСЮ  
· ІЗЪ ВСАКОГО ЖИВОТА ІСХОДАЦЮ** 134 об.; **ПОСРЕДѢ ДВОЮ ЖИВОТУ ПО-  
ЗНАНЪ БУДЕШИ** 155 (в цитировании пророка Аввакума, см. греч. и сла-  
вянские параллели **житиѣ** и **животнѣ** в [SJS 1966: 610]).

В Слове на Рождество наблюдается нестандартная ситуация: здесь используется лишь лексема **житиѣ** и везде актуализируется процессуальный оттенок значения (см., напр.: **присносущаго съ англы нечлѣбнаго жита** 54).

Таким образом, проведенное исследование показало, что сложившийся в начале письменной славянской традиции дублетный ряд лексем со значением 'жизнь' является результатом развития исходного состояния, когда употреблялась только лексема **животъ**. В древнерусской антологии, составленной во второй половине XIII века тройной ряд лексем сохраняется, однако материал рукописи свидетельствует о развитии новых тенденций в дистрибуции и семантике лексем. Устойчивость слова **животъ** поддерживалась его укорененностью в народно-разговорном языке, вместе с тем нарастает частотность употребления слова **жизнь** прежде всего благодаря текстам болгарского происхождения, при том что в проповедях древнерусского писателя Кирилла Туровского оно прочно ассоциируется с представлениями о посмертной жизни. Болгарские по происхождению источники способствуют также распространению слова **житиѣ/житаѣ**, которое отсутствует у Кирилла Туровского. В отдельных примерах других текстов у этого слова актуализируется процессуальный оттенок значения 'жизнь', потенциально присутствующий в его словообразовательной форме.

*Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-18-00206).*

### Литература

Казанская коллекция – Казанская электронная коллекция славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв., 2007–2020. – URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54> (дата обращения 19.10.2020).

Жолобов О.Ф. Морфосинтаксические особенности числительных в Толстовском сборнике XIII в. / О.Ф.Жолобов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2020. – 2 (80). – С. 132–140.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект / А.А.Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.

Иванова К. Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica / К.Иванова. – София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2008. – 420 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И.Ожегов. – М.: Русский язык, 1988. – 750 с.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. Р.И.Аванесов. – Т. 3. – М.: Русский язык, 1990. – 511 с.

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С.Г.Бархударов. – Вып. 5. – М.: Наука, 1978. – 392 с.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И.Молоткова. – М.: Русский язык, 1987. – 543 с.

Jagić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache / V.Jagić. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1913. – 540 S.

SJS – Slovník jazyka staroslověnského. – I. – Praha: Academia, 1966. – 853 s.

Vondrák W. Altkirchenslavische Grammatik / W.Vondrák. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1912. – 656 S.

## **Метатеза семитского корня в исторической перспективе**

*семитский корень, биконсонантизм, триконсонантизм, метатеза, прото-афразийский язык*

Явление метатезы носит спорадический и во многом случайный характер. При этом меняется просодия лексем, но семантика остается неизменной. Метатезы можно классифицировать по смежности – перестановка соседних фонем, либо фонем, между которыми есть одна или несколько фонем, или даже слогов. Это явление можно рассматривать в синхроническом и диахроническом аспектах, а также применительно к детскому языку (*лошадка > салатка, ласатка*). Это явление в целом хорошо описывается теорией оптимальности – в том, что касается установления более и менее строгих ограничений, накладываемых фонетической системой языка [Prince 2004], на фонологическом уровне предлагались объяснения акустического порядка, связанные с обструкцией исходящего из ротовой полости во время речевого акта воздушного потока [Hume 2001]. Предсказать появление метатезы весьма сложно, если вообще возможно [Kiparsky 1976].

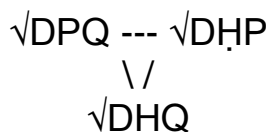
Особое место метатеза занимает в морфологии семитских языков. Так, она может наблюдаться в пределах одной именной парадигмы (пример из туниско-арабского языка): *mlək* ‘he possessed’ – *məlk* ‘property’; *fhəm* ‘he understood’ – *fəhm* ‘understanding’; *ħrəm* ‘he forbade’ – *ħarm* ‘prohibition’ [Kilani-Schoch 1986] (цит. по: [Buckley 2011, 9]).

Метатеза трехсогласного корня семитского корня, хотя и давно привлекала внимание лингвистов, но так и не получила исчерпывающего объяснения [Goldenberg 2005, Hecker 2007, Šimron 2000, Zaborsky 1991, Майзель 1983]. Трехсогласный семитский корень произошел из двухсогласного афразийского корня, вероятно, в натуфийскую эпоху, в период, последовавший за сельскохозяйственной революцией и коренными изменениями в образе жизни обитателей Леванта с VI–V тыс. до н.э. [Зельдин 2020, this volume]. В частности, появилась потребность в выражении абстрактных понятий. Такую возможность предоставило приращение корня третьей согласной. Другим способом стала метатеза. Израильский писатель А.Мегед приводит пример *ŠKḥ* ‘забывание’, ‘забывать’ < *ḤŠK* ‘тьма’. Рассмотрим примеры, как перестановка согласных корня меняла смысл, но лексемы оставались в рамках одного семантического поля или, по крайней мере, смежных. Перестановка корневых согласных и полугласных диахронически происходила позже приращение двухсогласного корня третьей и продолжалась и после заката

натуфийской культуры:  $\sqrt{B\dot{S}R}$  'собирать (виноград)' >  $\sqrt{\dot{S}BR}$  'накапливать';  $\sqrt{GR?}$  'уменьшать' >  $\sqrt{RG?}$  'мгновение';  $\sqrt{DR}$  'мотыжить', 'вскапывать' >  $\sqrt{?RD}$  'разрыхлять'.

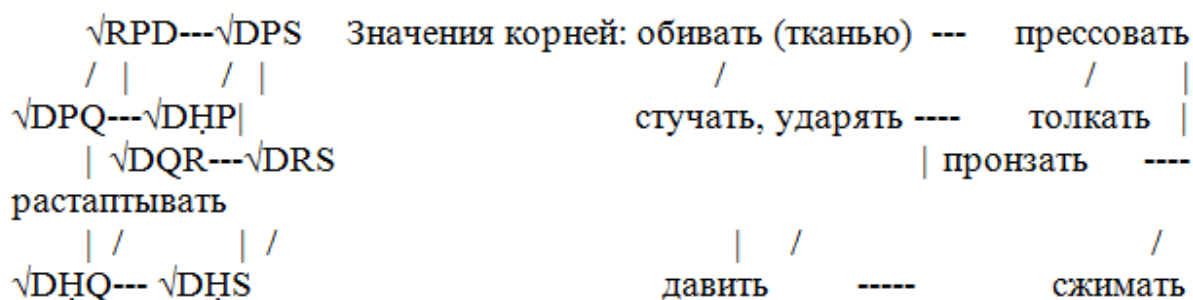
Мы уже упоминали свойства семитского корня – триконсонантизм; наличие биконсонантного смыслового ядра; гомологичность [Зельдин 2020, op.cit], которая и выражается метатезой. Но одной метатезой это явление объяснить не удастся из-за ограниченности количества согласных фонем и фонетических правил, делающих невозможным сочетания двух определенных фонем по причине больших энергетических затрат при артикуляции. Кроме того, действуют свойственные семитским языкам фонологические ограничения сочетаемости согласных [Greenberg 1950].

Рассмотрим корень  $\sqrt{DPK}$  'стучать', 'ударять' и близкий ему  $\sqrt{D\dot{H}P}$  'толкать'. Можно предположить наличие двухсогласного смыслового ядра со значением 'прикладывать усилия к объекту' – в данном случае пара  $\sqrt{DP^*}$ . Но у корня  $\sqrt{D\dot{H}P}$  есть и гомологичный ему корень  $\sqrt{D\dot{H}Q}$  'давить', 'теснить', и в роли смыслового ядра выступает пара  $\sqrt{D\dot{H}^*}$  со значением, близким  $\sqrt{DP^*}$ . Гомологичный ряд будет выглядеть следующим образом:  $\sqrt{DPQ}$  -  $\sqrt{D\dot{H}P}$  -  $\sqrt{D\dot{H}Q}$ . Легко убедиться, что первый и последний член объединяет пара  $\sqrt{D^*Q}$ , и таким образом ряд замыкается сам на себя:



Кроме явления метатезы при построении этих корней, очевидно, происходила фонетическая ассимиляция, облегчавшая произношение.

К данной схеме можно добавить еще несколько смежных гомологичных корней, при этом ряд удлиняется, разветвляется, его можно даже представить объемным.



Представленный на схеме "куб" значений можно расширить, добавляя лексемы/корни смежных семантических полей. Напр.:  $\sqrt{DRS}$  'сжимать' –  $\sqrt{HRS}$  'разрушать';  $\sqrt{DRS}$  'сжимать' –  $\sqrt{DRK}$  'топтать' –  $\sqrt{DKN}$  'подавлять' –  $\sqrt{DK\zeta}$  'подавлять', 'угнетать' –  $\sqrt{DQQ}$  'растирать в порошок';  $\sqrt{DPS}$  'прессовать' –  $\sqrt{DPN}$  'прижимать к стене, перегородке'.

При рассмотрении корней прото-АА языка-основы можно найти отдельные этимологии (PAA \*da/uk 'to beat', 'to pound' > PSem \*duk id.; PAA

\*dab – ‘to trample’ > PСem \*dVbdVb id.; pAA \*daḥ-/\*diḥ- ‘to push’, ‘to fall’ > PСem \*dVḥ ‘to push’, ‘to throw’ [Starostin 1998–2013]), но в целом каждый корень возвести к прото-АА не удастся. Еще сложнее объяснить метатезой и ассимиляцией столь радикальные перестановки с изменением значения в рамках одного семантического поля.

Попытаемся предложить объяснение этому феномену. Рассмотрим группу корней  $\sqrt{QLT}$  ‘впитывать’, ‘поглощать’ –  $\sqrt{PLT}$  ‘исторгать’. Данные корни с антонимичным значением объединяет смысловое ядро  $\sqrt{*LT}$  с вероятным значением в языке-основе (прото-семитском или прото-АА в эпоху диалектного распада) ‘держат’, ‘осуществлять (руками) энергичное действие’. При эволюции данного корня производные дали противоположные значения (аналогично: русск. *вонь*, чшск. *vũň* ‘аромат’ < прото-слав. *vonati* ‘пахнуть’). В иврите отмечен корень  $\sqrt{TWL}$  ‘кидать’, метать со слабой согласной W, в императиве (*to!*) исчезающей. Гомологичный корень  $\sqrt{TLL}$  ‘покрывать’. С метатезой корня имеем форму  $\sqrt{LWT}$  ‘заворачивать’. Разницу можно объяснить диалектными различиями, возможно, оба корня произошли от неустановленной прото-АА формы, из которой позднее выделились две корональные согласные, близкие по месту образования – обе альвеолярные.

Итак, феномен образования древа семитских корней, который сложно объяснить фонологическими процессами метатезы, ассимиляция, slips of tongue, а также происхождением от различных корней и диалектными различиями, можно рассматривать эволюционно – корни происходят от форм афразийского языка-основы, представлявших собой еще недифференцированные комплексы фонем – дифтонги и трифтонги, из которых впоследствии, по-видимому, в натуфийскую эпоху, выделились отдельные согласные фонемы.

С.Майзель отмечает: “На известном этапе языкового развития чередовавшиеся звуки еще не были фонемами, и их произношение не было строго определенным. Находясь еще в некотором диффузоидном состоянии, эти звуки не успели выкристаллизоваться настолько, чтобы дифференцировать смысл слов. <...> Так, например, Хавестафт сообщает, что в хиленском языке понятие ‘ряд’, ‘вереница’ одинаково передается словами *huif*, *huiv*, *huib* (где чередуются губные f/v/b); ‘кирпич, черепица’ – *chollof*, *chollov*, *chollob* (f/v/b); ‘дом, жилище’ – *ruca*, *duca*, *suca* (r/d/s) – ‘зеленый, незрелый’ – *carù*, *cadù*, *casù* (r/d/s) и т.п. В других американских языках смешиваются d и n/r/l; в австралийских языках – b/p, d/t, g/k и др. В очень многих так называемых первобытных языках смешиваются b/p/m, f/v, s/š и др.” [Майзель 1983, 121-122].

Высказывалось предположение, что консонантизм семитских корней с антонимичной семантикой при одинаковой фонологии может свидетельствовать о тенденциях происхождения и развития человеческого языка [Архек 1991]. В целом, изучение семитского корня как *per se*, так и его диахронической эволюции от афразийского корня позволяет понять

ряд процессов лингвогенеза как с фонологической, так и психологической точки зрения.

### Литература

Зельдин А. Эволюция триконсонантного семитского корня культурно-исторический подход (forthcoming) / А.Зельдин. – 2020.

Майзель С. Пути развития корневого фонда семитских языков / С.Майзель. – М: Наука, 1983.

Aphek E. Semantic polarity and the origin of language / E.Aphek, Y.Tobin // Studies in Language Origins / Ed. by W. von Raffler-Engel, J.Wind, A.Jonker. Vol. 2. – Amsterdam-Philadelphia John Benjamins Publishing Company. – 1991. – Pp.263-284.

Buckley E. Metathesis / E. Buckley // The Blackwell Companion to Phonology / Ed. by M. van Oostendorp, C.Ewen, E.Hume, K.Rice. – Blackwell Publishing. Blackwell Reference Online, 2011.

Goldenberg G. Semitic Triradicalism and the Biradical Question / G.Goldenberg // Semitic Studies in Honour of Edward Ullendorf / Ed. by G.Khan. – Leiden, Brill, 2005. – Pp.7-26.

Greenberg J. The Patterning of Root Morphemes in Semitic / J.Greenberg // Word. – 1950. – Vol. 6, Issue 2. – Pp.162-181.

Hecker B. The Biradical Origin of Semitic Roots / B.Hecker. – Austin: University of Texas Press, 2007.

Hume E. Metathesis: Formal and Functional Considerations / E.Hume // Surface Syllable Structure and Segment Sequencing / Ed. by N.Smith, J. van de Weijer. – HIL Occasional Papers – Leiden: HIL, 2001. – Pp.1-25.

Kiparsky P. The phonology of Old English inflections / P.Kiparsky, W.O'Neil // Linguistic Inquiry. – 1976. – Vol.7. – Pp.527-557.

Prince A. Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar / A.Prince, P.Smolensky. – Malden (MA)&Oxford: Blackwell, 2004.

Šimron Y. Keitsad nithavta ha-sapa u-keitsad ha-ivrit? / Y.Šimron. – Tel-Aviv: Hotsaat Čerikover (in Hebrew), 2000.

Starostin G. The Afroasiatic Etymologies Database / G.Starostin, S.Starostin. – 1998-2013. [www.starling.rinet.ru](http://www.starling.rinet.ru)

Zaborsky A. Biconsonantal roots and triconsonantal root variation in Semitic: Solutions and prospects / A.Zaborsky // Perspectives on Arabic Linguistics XVII – XVIII / Ed. by M. Alhawary & S. Ben-Mamoun. – Amsterdam: John Benjamins, 1991. – Pp.85-116.

## **К вопросу о контролируемой текстологической традиции в истории бытования текста Толковой Палеи**

*Толковая Палея, контролируемая текстологическая традиция*

Любое лингвистическое исследование средневекового памятника письменности обязательно должно основываться на текстологическом анализе.

Толковая Палея – весьма объёмный компилятивный памятник древнеславянской книжности, в котором вместе с различными комментариями и толкованиями передаются отдельные книги Ветхого Завета. А.А.Алексеев выдвинул положение, что Толковая Палея относится к памятникам с контролируемой текстологической традицией, то есть при создании апографа использовался не один, а два (или больше) антиграфа [Алексеев 1998: 27].

Непосредственное знакомство с 85 списками Палеи *Толковой* и *Промежуточной редакций* позволило нам отметить некоторые особенности, связанные с проявлением контролируемой текстологической традиции.

С одной стороны, анализ текста может показать, что у писца, переписывавшего текст, мог быть только один антиграф. Так, писец рукописей ГИМ, собр. А.С.Уварова № 1304/85 (пер. пол. XVI в. (1520-е гг.)) и ГИМ, Музейское собр. № 1197 (нач. XVI в. (1510-е гг.)) (Лл. 1–327 об.), два раза переписавший конволют, составной частью которого был список РНБ, СПбДА I /119 [Грибов 2008], имел перед собой только одну рукопись с лакунами и непонятными чтениями, которые ему пришлось перенести в свои списки.

С другой стороны, можно назвать несколько рукописей, текст которых показывает, что писец при копировании проводил кропотливую текстологическую работу по сопоставлению списков. В качестве примера можно указать список ГИМ, Синод. собр. № 548 (пер. пол. XVII в.), который входил в личную библиотеку патриарха Адриана во время пребывания того в Казани в качестве митрополита казанского и свияжского [Белоброва 1977: 411].

Следует отметить, что список уже в XIX в. был введен в научный оборот: А.Н.Попов привлёк его для подведения разночтений при публикации Исторической Палеи (1881), Н.С.Тихонравов неоднократно упоминал его в качестве основных списков Палеи. Но в XX и XXI вв. Адриановский список был полностью забыт: он не был упомянут и в недавно

опубликованной статье Т.В.Анисимовой, где было указано местонахождение 63 списков Толковой Палеи [Анисимова 2020: 38–40].

В истории изучения Палеи её списки распределялись по редакциям по-разному: кто-то из исследователей различает древнейшую (*Толковую*) и среднюю (*Промежуточную*) редакции (Н.С.Тихонравов, В.В.Мильков), а некоторые исследователи объединяют их в одну (В.М.Истрин). Главное отличие редакций – сокращенная или полная передача текста апокрифа Откровение Авраама.

Нам удалось выявить, что списки *Толковой редакции* памятника на основе структурных особенностей и различий делятся на три подредакции: на первую (РГБ, Ф. 304/1 Тр.-Серг. №38, 1406 г. и др.), вторую (ГИМ, Увар. 566, 1495 г. и др.) и третью (ГИМ, Музейское собр. №3927, 1576 г.; ГИМ, Чудовское собр. № 349, 70-е гг. XV в. и др.).

Одна из основных черт второй подредакции – в большинстве дошедших до нас рукописей Палея входит в комплекс памятников, содержащий Историческую Палею, сказания о ветрах, о великих реках, о великих горах, о 72 языках, Толковую Палею и Стязание, бывшее вкратце в Иерусалиме при Софронии архиепископе, о христианской вере.

Адриановская рукопись – яркий представитель второй подредакции Толковой редакции, что подтверждается наличием особого названия, различиями, структурой и конвоем: в рукописи, кроме других произведений, присутствуют Историческая и Толковые Палеи, Стязание о христианской вере. Но, по-видимому, при переписывании именно Толковой Палеи была использована другая палейная рукопись. Писец провел сложный текстологический анализ, выявил несоответствия и произвел редакторскую правку, которая заключалась в добавлении текста.

Эти дополнения были сделаны тремя способами.

Первый способ: добавленный текст был помещен на небольшом листе, вшитом перед листом, в тексте которого должна быть вставка. Такой добавочный маленький лист обнаруживается в Адриановской рукописи – Л.105. Вставка представляет расширение славянского перевода трактата Аристотеля «*Historia animalium*», который автор-составитель Толковой Палеи заимствовал из Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского. Подобная передача трактата фиксируется в списках Палеи, восходящих к списку Александро-Невской Лавры (РНБ, СПбДА I /119) [Козлова 2014].

Вторая вставка Адриановской рукописи первым способом – с помощью вшитого маленького листа – находится посередине отрывка, передающего текст Диалогов Псевдо-Кесария, – Л.120. Вставка небольшая, и для её выявления писец должен был проделать кропотливую текстологическую работу.

Второй способ: добавленный текст помещен в основной, но на полях рукописи вставка указывается с помощью галочек, выполненных кинноварью или чернилами, а также, наверно, для того чтобы будущие чи-



татели (или исследователи) не мучились в догадках, приводится источник – «из чудовской палеи» (Лл.143–154). Таким образом в Адриановской рукописи краткая версия апокрифа Откровение Авраама была превращена в полную.

Третий способ: сначала идет отрывок текста, характерный для второй подредакции Толковой редакции, а потом этот же кусок второй раз передается расширенно – в соответствии с текстом другой палеинной рукописи.

В данном случае можно точно определить, какая редакция текста была использована: писец Адриановского списка вставляет в текст Святое сказание о Солнце и Луне (Лл. 77 об. – 80), которое обнаруживается только в списках Палеи Александро-Невской ветви. В Сказании передается текст из Книги Еноха о воротах, которые должны проходить Солнце и Луна, приводятся сведения о лунном месяце, заканчивается Сказание Кругом угорским [Козлова 2017].

Примечательно, что писец Адриановской рукописи значительно расширяет эту вставку непалеинным материалом. Новые приведенные им сведения были проанализированы Р.А.Симоновым, который озаглавил этот отрывок как «А егда будет Луна...». Исследователь показал, что, судя по этому отрывку, на Руси уже в XVI в. существовало расчетное моделирование изменения лунного диска: «Открытие памятников теоретического характера – Ярославского трактата, списка «А егда будет Луна» – свидетельствует о том, что в XVI в. в России в области математического естествознания развивались и теоретические исследования, а не только прикладные науки [Симонов 2016: 10]. А также в этот список были включены заимствования из апокрифа Галеново на Гиппократа (Л. 79–80).

Произведения, входящие во вторую подредакцию Толковой редакции (например, Стязание, бывшее вкратце в Иерусалиме при Софронии архиепископе, о христианской вере), по мнению А.И.Алексеева, в XV в. приобрели особую актуальность в связи с антииудейской полемикой [Алексеев 2011: 71]. Но писец Адриановской рукописи явно демонстрирует другие интересы: он дополняет список текстами естественнонаучной тематики и отрывками из апокрифов.

В конце XVII – начале XVIII вв. с Адриановской рукописи (возможно, через какие-то промежуточные этапы) были сделаны две копии – это ИРЛИ, Величко 12 и ПМЗ (Псковский музей-заповедник) 443. В этих рукописях уже нет маленьких вставных листов, их текст был вписан в основной, но галочки на полях для указания вставки и помета «из чудовской палеи» сохраняются.

Можно привести другие примеры использования нескольких антиграфов. Так, Венский список (Австрийская национальная библиотека, Cod. slav. 9 (первая половина XVI в.), относящийся к южнорусской редакции, обрывается на передаче Книги Иисуса Наввина. После этого

идёт не связанный с текстом Палеи физиологический трактат. В списках XVIII века этой редакции (РГБ, Ф. 247 (Рогожское собр.) № 457, РНБ, Q.I. 375) трактат находится внутри палеинового текста, т.е. какой-то писец, оставив трактат на том же месте, конец Палеи дописал из другой рукописи.

Проведенный нами анализ позволяет допустить предположение, что при переписывании Палеи применялась контролируемая текстологическая традиция, но, по-видимому, это происходило не всегда: списки Палеи не были так многочисленны, как списки Священного Писания. Использование нескольких рукописей при создании копии очень затрудняет текстологическую работу и требует учета множества факторов и осторожности при определении редакции или подредакции списка. Исследование показывает, что в XVI–XVII вв. переписчиков абсолютно не смущала апокрифическая составляющая текста Палеи, наоборот, некоторые списки были дополнены апокрифическим материалом.

### Литература

Алексеев А.А. Текстология славянской Библии / А.А.Алексеев. – СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1999. – 254 с.

Алексеев А.И. Полемическая литература XV в. и «ересь жидовствующих»: к постановке проблемы / А.И.Алексеев // Евреи и христиане в православных обществах восточной Европы / под ред. М.В.Дмитриева. – М.: Индрик, 2011. – С.47–74.

Анисимова Т.В. Неизвестное обращение к жидовину в окончании Толковой Палеи конца XVI в. / Т.В.Анимисова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – М., 2020. – Вып. 1. – С.19–44.

Белоброва О.А. К истории библиотеки патриарха Адриана / О.А.Белоброва // Труды Отдела древнерусской литературы. Т.33: Древнерусские литературные памятники. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – С.406–414.

Грибов Ю.А. О реконструкции новгородского иллюстрированного сборника XIV в. / Ю.А.Грибов // Хризограф. Вып. 3. – М.: Сканрус, 2009. – С.253–267.

Козлова А.Ю. К вопросу о лингвистических особенностях старших списков «Толковой Палеи» / А.Ю.Козлова // «Палея Толковая» в контексте древнерусской культуры XI – XVII вв.: сборник научных работ. – М.: Согласие, 2014. – С.189–224.

Козлова А.Ю. Сведения о 12-летнем восточном календаре в «Толковой Палеи» / А.Ю.Козлова // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции. Москва, 13–15 апр. 2017 г. – М.: ИВИ РАН, 2017. – С. 183–185.

Симонов Р.А. Расчетное моделирование изменения формы лунного диска (по списку XVII в. «А егда будет Луна») / Р.А.Симонов // Гуманитарный вестник. – 2016. – Вып. 9. DOI 10.18698/2306-8477-2016-09-384

## **О становлении и развитии системы русской пунктуации**

*развитие системы русской пунктуации, знаки препинания, интонация,  
правописание, синтаксис, семантика и прагматика текста*

Система пунктуации современного русского литературного языка отличается ярким своеобразием, а правила постановки знаков препинания, точнее их применение на практике, вызывают постоянные затруднения не только у иностранцев, но и у носителей языка.

Одна из первых грамматик – «Грамматика Словенска, съвершенаго искусства осьми частей слова и иных нуждных, ново съставлена Л.З. (Лаврентием Зизанием) в Вильно, в друкарни братской, року божого 1596», имела чисто практическую цель – «же бы мы добре молвили и писали». В главе «О точкахъ» автор выделил шесть знаков препинания и впервые сформулировал правила их постановки запятая (,), срока, изображавшаяся точкой меньшего размера (.), двосрочие (:), подстолия (;), соединительная (–), точка (.).

Очевидно, что Лаврентий Зизаний не придумал эти знаки препинания. В начале XVI в. они появились в многочисленных статьях по грамматике, а Лаврентий Зизаний дал лишь свой вариант объяснения их постановки и тем самым положил начало созданию системы пунктуации, дальнейшее развитие которой связано с историей синтаксического строя русского литературного языка, формировавшегося постепенно в условиях церковнославянско-русской диглоссии и функциональной дистрибуции двух письменных языков: литературного церковнославянского и административно-делового приказного, тесно связанного с народно-разговорной стихией.

В приказном языке XVI–XVII вв. последовательно ставятся только точки, постановка запятых не отличается системностью. А если обратиться к текстам «сказок», «расспросных», или «пыточных» речей, становится очевидной однозначная корреляция «смысловая пауза – запятая».

В §130 «О строчныхъ знакахъ» «Российской грамматики» (1755 г.) М.В.Ломоносов выделяет уже 8 знаков препинания точка (.), точка с запятой (;), запятая (,), вопросительный знак (?), удивительный знак (!), вмести́тельный знак (( )), две точки (:), единительный знак (–). Эта же система знаков отражена и в «Письмовнике» Н.Г.Курганова 1809 г.

А.А.Барсов в «Российской грамматике» (1773-1778 гг.) вводит вносной знак – кавычки ("), статейный знак – параграф (§) и молчанку – тире (–).

А.А.Бестужев-Марлинский впервые в русской грамматической традиции обратил внимание на суперсегментные характеристики речи, подробно проанализировал связь знаков препинания с интонацией и паузами, продемонстрировав удивительное лингвистическое чутьё. Он определил различную длительность пауз для точки, запятой и двоеточия, а также тоновую амплитуду для вопросительной и удивительной просодий [Бестужев-Марлинский 1847: 173].

В конце XIX – начале XX вв. в систему преподавания отечественной словесности всё глубже начинает проникать звучащая речь. В 1904 г. И.М.Владимирский предложил разделить знаки препинания на риторические, связанные с тоном и паузами (тире, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки), и грамматические (точка, запятая, двоеточие и точка с запятой) [Владимирский 1904].

В начале XX в. всё прочнее укрепляется представление о неоднородности знаков препинания и о роли звучащей речи в правильном членении письменного текста, хотя справедливости ради следует отметить, что ещё задолго до этого Н.В.Гоголь в предисловии к «Объяснительному словарю русского языка» призывал всех «носить в себе внутреннее ухо» [Гоголь 1952: 441], а А.П.Чехов 13 ноября 1888 года в письме Н.А.Хлопову называл знаки препинания «нотами при чтении» [Чехов 1975: 200].

В ноябре 1918 г. в Петрограде открылся «Институт Живого Слова», в котором многие выдающиеся филологи, искусствоведы, юристы, такие как Л.В.Щерба, С.И.Бернштейн, С.М.Бонди, Б.М.Эйхенбаум, А.Ф.Кони, разрабатывали проблемы мелодики русской речи, смыслоразличительной роли интонации, пауз и драматизации речевого поведения.

Представление о пунктуации как неразрывном триединстве грамматики, семантики и интонации принималось не всеми лингвистами. Признанным «пионером» исследования синтаксической роли интонации в предложении считается А.М.Пешковский. В книге «Интонация и грамматика» он доказал фундаментальную роль интонации для описания русского синтаксиса. Ему принадлежит термин «фразовое ударение», которое он считал фундаментом синтаксической организации предложения.

На Первом Всероссийском съезде преподавателей русского языка средней школы, который состоялся зимой 1916–1917 гг. в Москве, А.М.Пешковский выступил с докладом «Роль выразительного чтения при обучении знакам препинания» и убедительно показал на примерах из собственной педагогической практики, что единственной опорой правописания является грамматика, оппонировав сторонникам идеи развития

механической памяти немецкого педагога В.А.Лая [Пешковский 1925: 33], которым одно время симпатизировал даже Л.В.Щерба.

Исключительное внимание А.М.Пешковского к интонации как синтаксическому средству организации текста восходит к долгой и прочной дружбе с поэтом Максимилианом Волошиным. М.Волошин увлѣк А.М.Пешковского поэзией Брюсова и Бальмонта, под влиянием которых у лингвиста формировалась ритмико-мелодическая теория текста.

Значительное влияние на развитие лингвистической интуиции А.М.Пешковского оказал декан филологического факультета Московского университета, выдающийся славист, переводчик и поэт-баснописец Р.Ф.Брандт. В учебной книге «Наш язык», посвященной «первому и незабвенному учителю Роману Фѣдоровичу Брандту», А.М.Пешковский советовал учителям научить школьников прислушиваться к тексту, определять паузы и логические ударения. Он первым обратил внимание на условность связи между правилами постановки знаков препинания в бессоюзном сложном предложении и смысловыми отношениями между его частями, признавая, что при обучении знакам препинания роль грамматики сильно преувеличена [Пешковский 1925: 39].

В работе «Стихи и проза с лингвистической точки зрения» А.М.Пешковский обращает внимание на появление нового знака препинания – «неоконченная строка», называя ее «огромным» приобретением для нашей литературы [там же 1925: 166], развивает идеи В.Брюсова о прозе А.С.Пушкина и убеждает читателя, что «мы всегда говорили стихами» [там же: 154], не осознавая границ между словами, но ощущая ритмическое дробление речи на слоги, такты, фонетические предложения и фонетические периоды при восприятии смысла. Именно это обстоятельство создает возможности для авторской пунктуации, расцвет которой пришелся на начало XX века.

Причина нарастающей вольности и вариативности в постановке знаков препинания объясняется всё более глубоким проникновением в текст устной речи, «живого слова», которое подвергается индивидуально-авторскому осмыслению. Пунктуация даёт не формальные сигналы, а звуковые, и предстаёт как живая развивающаяся система, подчиняющаяся не грамматическим правилам, а семантическим параметрам текста, идиостилию автора.

В языке современных средств массовой информации почти полностью вытеснены двоеточие и точка с запятой, широко используется новый знак – рвущаяся строка. У современных авторов появляются так называемые контекстуально обусловленные знаки препинания, растолковывать которые с позиции традиционных представлений бывает очень сложно. И для понимания текста всё большее значение приобретает прагматический аспект при достижении множественных интерпретаций, что присуще постмодернистскому представлению о трёхмерности текста.

Значимые для автора смысловые паузы в структуре предложения отмечаются чаще всего с помощью тире. Тире активно используется и в рамках сверхфразового единства.

Чаще всего за авторской пунктуацией скрываются индивидуально значимые смысловые паузы. Пунктуация, таким образом, глубоко вторгается в смысловую ткань текста и становится значимым элементом механизма его понимания и интерпретации.

Следует отметить, что упрощение современной системы пунктуации – это лишь внешнее явление; в действительности – имплицитных смыслов становится всё больше, они скрываются за частотными знаками препинания и паузами, расширяя круг возможных толкований смыслов, которые они объединяют или разъединяют в речевом дискурсе, таким образом, усложняя коммуникативный сценарий адресата и адресанта.

### Литература

Бестужев-Марлинский А.А. История знаковъ препинанія / А.А.Бестужев-Марлинский // Второе полное собрание сочинений. Т. IV. Ч. X. – Санкт-Петербургъ: въ Типографіи Министерст. Государст. Имуществъ, 1847. – С. 181-184.

Владимирскій И.М. Знаки препинанія. Руководство къ употребленію знаковъ препинанія въ русской письменной речи / И.М.Владимирскій. – М., 1904.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 9 / Н.В.Гоголь. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 441.

Грамматика Словенска, съвершенаго искусства осьми частей слова и иных нуждных, ново съставлена Л.З. (Лаврентием Зизанием) в Вильно, в друкарни братской, року божого. – Вильно, 1596.

Курганов Н. Письмовник, содержащий в себе науку русского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия / Н.Курганов. – СПб.: Типография И.Глазунова, 1818.

Пешковский А.М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика: сборник статей / А.М.Пешковский. – Л.–М.: Государственное издательство, 1925.

Российская грамматика Антона Антоновича Барсова / под ред. Б.А.Успенского. – М.: Изд-во Московского университета, 1981.

Россійская грамматика Михайла Ломоносова. – Санктъ-Перербургъ: Императорская Академія Наукъ, 1757.

Чехов А.П. Письмо Хлопову Н.А., 13 февраля 1888 г. Москва / А.П.Чехов // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1974-1983. – С.199-201.

## **Наименования объектов Березовского месторождения золота отантропонимического происхождения**

*золотопромышленность, горное дело, ономастическая система,  
топонимика, антропонимия*

Березовское месторождение золота, расположенное недалеко от Екатеринбурга, было открыто в середине XVIII в. Добыча на нем была организована государством и крупными компаниями, а не частными старателями. В связи с этим система наименований объектов месторождения складывалась искусственно, административным порядком. Значительное число этих названий (до 40%, 116 единиц из 288, обнаруженных в источниках) мотивировано антропонимами. Столь большое количество таких названий можно объяснить искусственностью ономастической системы, при формировании которой более важным в глазах номинатора было не отражение в названии существенных признаков объекта, а мемориальные цели либо указание на принадлежность объекта тому или иному лицу. Подавляющее большинство (110 из 116) отантропонимических наименований было дано объектам в дореволюционный период. В пореволюционный период были названы *Кирова / Кировский* рудник, *Кировская* шахта; *Ленина / Ленинская* шахта, *Ленинский* рудник и, возможно, *Молоковская*, жила, шахта, свита.

Наиболее распространенным номинируемым типом объекта в рассмотренном материале является *жила*, которая также может именоваться *полосой*. Было обнаружено 27 отантропонимических названий жил (*Андреиановская, Ивановская, Петровская* и т.п.), что вполне укладывается в общие принципы номинации подобного рода объектов, поскольку конкретные локальные точки добычи полезных ископаемых (жилы, копи, скопления) часто получают свое название по именам лиц, которые работают на этих точках либо обнаружили их. Небольшая часть названий жил имеет мемориальное значение. Кроме того, наименования жил могут создавать и более или менее сложные словообразовательные системы. Так, например, встречаются названия жил типа *Первопавловская, Второпавловская, Новопавловская*. Первая из них была названа в честь императора Павла I, а в дальнейшем это название было переосмыслено в духе указания на первенство открытия и разработки жилы по времени.

Весьма многочисленны на рассматриваемой территории названия даек (геологических тел, в корпусе которых может находиться жильное

золото). Как и в случае с названиями жил, наиболее частотной является отантропонимическая модель наименования (*Андреевская, Ильинская, Платоновская, Второпавловская* и т.п.). Всего обнаружено 22 наименования такого типа, причем часто встречается метонимический перенос названия жилы на название дайки (*Второпавловская, жила > Второпавловская, дайка*).

Особый интерес представляет собой наименования верстовых квадратов, введенные в 1804 г. [Клейменов 2005: 16] для обозначения отдельных участков месторождения. Территория основной разрабатываемой части месторождения была поделена на 56 квадратов, каждому из которых присваивалось собственное название. Из этого числа 35 названий мотивированы антропонимами. Из них 11 наименований даны в честь членов императорской фамилии (*Царево-Мариинский, Царево-Александровский, Князь-Константиновский, Первопавловский*). Эти названия, очевидно, имеют сугубо мемориальный смысл. Однако существенной чертой подхода к наименованию объектов является то, что они могли называться как в честь лиц, открывших золотоносные жилы или разрабатывавших их, так и руководителей работ разных рангов. Например, квадрат *Комаровский* назван в честь мастерового Егора Комарова, открывшего на этой территории рудник [Клейменов 2005: 16], а квадрат *Вагнеровский*, вероятно, получил свое название в честь геолога П.И.Вагнера, работавшего на Среднем Урале. *Соймоновский* квадрат назван, по-видимому, в честь В.Ю.Соймонова, председателя Временной горной комиссии, отвечавшей за разработку золота на Среднем Урале, в том числе и за расширение работ на Березовском месторождении [Локерман 1978: 87]. Часть названий квадратов определенно вновь реализует метонимический принцип наречения (*Ильинская, дайка > Ильинский, квадрат; Севастьяновская, дайка > Севастьяновский, квадрат; Комаровская, шахта > Комаровский, квадрат* и т.п.). Удалось установить не менее 9 случаев такого переноса наименований жил, даек, приисков, шахт, рудников на наименования квадратов.

Названия рудников также весьма часто мотивированы антропонимами (*Волковский, Коневский, Петро-Михайловский, Ушаковский, Мочаловский*), причем, как и в случае с названиями жил и даек, вероятнее всего, наименование отражает имя лица, открывшего или разрабатывавшего полезные ископаемые на конкретном участке.

Наименования шахт также имеют, как правило, отантропонимическое происхождение – из 26 названий шахт 18 образованы от фамилий. При этом, в отличие от прочих объектов месторождения, их названия могут иметь вид «тип объекта + фамилия в Р.п.» (*шахта Валуева, шахта Вилашева*) наряду со случаями образования отфамильного прилагательного (*Валуевская, шахта, Вилашевская, шахта*). Важное отличие таких наименований от прочих названий объектов месторождения заключается в том, что указывают они чаще всего (в 13 случаях из 18), не на



человека, работавшего на участке месторождения, а на владельца шахты, пайщика Березовской золотопромышленной компании [Сапоговская 2004: 30]. Но при этом, например, название *Марковская* имеет мемориальный характер и названа в честь Ерофея Маркова, первооткрывателя березовского золота (сама шахта расположена рядом с местом обнаружения им золота). Интересным кажется случай именованя шахты не по фамилии владельца, а по его имени. Речь идет о наименовании шахты *Максимилиановская* по имени пайщика Максимилиана Лейхтенбергского.

Названия копей и приисков в исследуемом материале встречаются весьма редко. Объясняется это, вероятно, тем, что они довольно быстро реорганизовывались в рудники, карьеры, шахты, соответственно, в рассматриваемом материале такие названия фиксировались как принадлежащие другим типам объектов. Всего были обнаружены названия трех копей и групп копей (*Ивано-Редикорцевская*, *Евгение-Максимилиановская*, *Крокоитовый Шурф*) и четырех приисков (*Мариинский*, *Коневский*, *Новоандреевский*, *Приканавский*). Как мы видим, отантропонимическая мотивировка является ведущей для названий объектов этих типов. В названиях копей обращает на себя внимание комплексная – по двум элементам полного имени – форма названия. *Ивано-Редикорцевская* копь названа в честь И.И.Редикорцева, горного инженера, посетившего эту копь. Интересно, что название группы копей *Евгение-Максимилиановская* образовано не от имени и фамилии, а от имени и отчества (названа в честь Евгении Максимилиановны Лейхтенбергской [Сапоговская 2004: 151]).

В исследуемом материале обнаружены названия всего двух карьеров, находящихся на месторождении: *Коневский* и *Ушаковский*. Столь малое число таких названий вполне объясняется использованием преимущественно шахтного способа добычи на этой территории. Сами же эти названия вполне укладываются в общую схему присвоения наименований на данной территории и восходят к названию мотивированных фамилиями прииска и рудника соответственно.

Система наименований объектов Березовского месторождения золота, как видно из приведенного материала, демонстрирует очень высокую степень искусственности и, следовательно, имеет большое количество отантропонимически мотивированных наименований, носящих, как правило, мемориальный смысл.

В формальном отношении следует отметить довольно широко развитую систему формальной деривации в корпусе названий объектов месторождения. Здесь мы можем говорить как о словообразовании в случаях типа *Андреевская* дайка, *Новоандреевский*, прииск или *Первопавловская*, жила, *Новопавловская*, жила, *Второпавловская* жила, так и об образовании новых наименований при помощи присвоения числового

индекса (*Андреевская*, *дайка*, *Андреевская-II*, *дайка*; *Соймановская*, *дайка*, *Соймановская-II*, *дайка* и т.п.).

Примечательно, что часть отантропонимических именовании имеет варианты корневой части (*Елизаветский* \ *Елизавенский*, *Коневский* \ *Коновский*, *Чигаревский* \ *Щигаревский*, *Соймоновский* \ *Соймановский*). Некоторые из них можно объяснить простыми опечатками и орфографическими ошибками в письменных источниках (*Елизаветский* \ *Елизавенский*, *Соймоновский* \ *Соймановский*), другие же, вполне вероятно, подверглись переосмыслению значения корневой части (*Коневский* \ *Коневский*). Во всяком случае, такая вариативность явно указывает на то, что связь лица, в честь которого назван объект, с этим объектом стирается.

Не для всех названий удалось достоверно определить лиц, чьи имена легли в основу наименований. Исследование наименований объектов отантропонимического происхождения требует дальнейшей работы в направлении уточнения биографий лиц, в честь которых названы эти объекты и их связи с историей месторождения. Однако очевидно, что довольно большая часть объектов названа не в честь людей, которые непосредственно работали на объекте, и имеет явно посвященный характер. Это является, пожалуй, наиболее яркой характеристикой, подчеркивающей искусственный характер ономастической системы месторождения.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала».*

### Литература

Клейменов Д.А. Березовское золоторудное месторождение (история и минералогия) / Д.А.Клейменов, В.Г.Альбрехт, Ю.В.Ерохин, А.С.Баталин, А.В.Баталина. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2005.

Локерман А.А. Загадка русского золота / А.А.Локерман. – М.: Наука, 1978.

Сапоговская Л.В. Березовская золотопромышленная компания (1874–1917 гг.) / Л.В.Сапоговская, Е.Ю.Рукоусев. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004.

## For an Understanding of Several Toponyms Related to Queen Tamar

*toponyms, Queen Tamar, Kartli's Tskhovreba, Adjara, Georgia*

The historian of Lasha-Giorgi's period writes in "Kartlis Tskhovreba" (the Life of Kartli): "She has risen above of all kings being fortunate and happy, God-fearing, sweet and pretty (and obedience of God means humility, lover of churches and nuns, supporter of the poor and plaintiffs)" [Kartlis Tskhovreba, 1955: 368], Tamar was distinguished not only in the capital city, but also in different parts of Georgia. In Georgia, you probably will not find a village, castles, bridges, temples built there, which were not associated with her name.

Adjara is no exception in this regard; on the contrary, most of the folklore here is related to King Tamar. Numerous historical legends preserved in Adjara speak about the abundance of historical folklore tradition of King Tamar's cycle, about which famous scholars wrote [Murray 1962, Sioshvili 2014, Putkaradze 2015 and others].

Adjara is especially distinguished from the other parts of Georgia by its historicity; here we are dealing with a rather rich folk tradition. As we have mentioned, the folklore materials of Adjara contain the legends about King Tamar's greatest activity – her work as a builder, the constructor of churches, her insight, religiosity, merit, and power.

The folk language of Adjara bleeds into the general Georgian folklore. In the study of materials we find toponyms, the scientific study of which is one of the primary means of understanding the socio-cultural, historical life of the people who once lived in this or that area. In particular: **Nephekalo, Nadarbazevi, Oshanakhevi, Yordana, Nabolokvarti, Tsmindiseri, Kviriauli**, also, **Queen's Way, Tamari's Mirror, Tamari's Bridges, Tamari's Fortress/Kaviani Fortress** and many others.

We believe that studying the toponyms and related legends is important and relevant. All the new findings of the folklore source and their scientific analysis will help us to better study the history of this land. This is the purpose of the presented work.

According to the narrators "Nadarbazevi" and "Nakalakari" had a great importance in the gorge. In particular, King Tamar often visited these areas and large discussions were held. From here she moved to the Diakonidzeebi hills, then to Skhalta, from Skhalta to Oshanakhevi, from Oshanakhevi to Khikhani and from Khikhani to Zarzma. It was an important place for kings to visit. According to the ancestors, they are called "Nakalakari" and "Nadarbazevi"

(M. Khozrevanidze, born in the village of Didachara, living in Khelvachauri, I recorded in 2005, N.Mikeladze's personal archive). "Nadarbazevi" and "Nakalakari" are monosemantic compositions, in the transmission of which historical headlines are presented (it is a display of the glorious face of the past, having stopped existence). There is no doubt that this narrative is based on reality, for this valley has long been a special administrative unit.

There was also a church in the village of Didachara, a nearby village in Khulo district, and the way to get there was called "Tarangelo", or "Tamarangelozhi". This name was given also to the church because in ancient times King Tamar and her retinue desired to climb and pray in this church. The road to get there was rough (decent), so the locals cut down the forest and named this road "Tarangelo" Road // "Khanumi Road" (Queen's Road). Even today they call this name; they refer to King Tamar in "Khanum". According to informants, King Tamar used to go to the ancient church this way.

In a different context, however, there is a religious toponym of the same cycle, Oshanakhevi, where, as elsewhere, there was a Christian church, where King Tamar often walked and attended the glorious liturgy. No matter how tired she was, she would rest there. She would stay for a few days, attend church services, drink "Osana" grape wine and continue his way to Khikhani prison. Queen Tamar was greeted by the population with great ceremony. Currently, "Oshana" grapes are still grown in the village and the name has been preserved. During the conversation, the informant emphasizes the fact that Tamar especially distinguished the grapes of this variety that is why this village was named "Oshnakhevi" in her honor. This village still bears this name and King Tamar is remembered with great honor. (The speaker K. Abashidze also claims that due to the ancestral will, this grape variety is especially taken care of in the village, its destruction is considered as an unforgivable sin) [Mikeladze 2019: 76-92]. Based on the materials, we can judge that despite the prohibitions by Ottoman rule in Adjara, vines were an integral part of the lives of natives (because of the prohibitions, they took vines and planted them in the nearby forests in order to save them. They used them to make wine and for some other purposes).

All the above-mentioned toponyms are related to some stories and King Tamar's feature can be clearly seen in the folklore of Adjara. In folklore, along with the history, the meaning of the first root of the composite "Oshana //" Osana is worth to pay attention. Maybe there is a connection between the toponym of Oshanakhevi (Osana-Khevi) (the village itself is included in the Khikhadziri Gorge) and the ancient Greek and ancient Hebrew "Hosanna". ("Hosanna" in ancient Greek and ancient Hebrew means - "have mercy on us", as well as Hosanna - is the praise of God, a shout of praise in Jewish and Christian worship [Tezelishvili 2007: 585]. **Relig Gk. Hōsanna! Gk. hōšana!** – "Save!" In Georgian it corresponds to "Glory!" [Dictionary of Foreign Words, 1989].

Historically, according to sources, "Hosanna" was used with different meanings. Here Hosanna would initially respond to the request for help (Ps. 118: 25). Later it acquired the meaning of a shout of joy. As it is known, when the Savior entered Jerusalem in glory, people came out to meet him. Some took off their clothes and threw them under His feet, while others tore the branches down and cried out, "Hosanna to David's Heir, who is coming! Blessed is he who comes in the name of the Lord! Hosanna in the highest" (Matthew 21: 9).

Thus, the meaning of the word "Osana // Oshana" was known to the people of Adjara since the first century AD, because it is historically known that Christianity was preached in Adjara, Georgia by one of the Apostles Andrew the First and the first church was built in this valley. According to the source, "Andrew came ... to the city of Trabzon, which is the village of the Megrelians, where he spent a little time, and seeing the cattle-like folly among the dwellers of this towns, he departed and entered the country of Kartli, called Didachara, and began to preach the gospel" [Kartlis 1955: 39].

Historically, St. Andrew the First-Called not only converted Didachara to Christianity, but also discovered a healing spring there, where people were baptized, built a church named after the Virgin Mary in the village, blessed priests and deacons. Finally, in the first Christian church of Georgia, he placed a copy of the icon of the Atskuri Godmother.

Therefore, this term was not foreign, but was considered an ancient term and merged with the Georgian vocabulary. It is probable that the inhabitants of Adjara used this form of address as a sign of respect when King Tamar came. In general Georgian orthography or historical sources, a number of facts or traditions are preserved when Tamar was identified with holy people. The legend also shows their attitude towards the king: "they met festively" ... "the king attended the service here, received communion" and many others ones, which should indicate that this village or valley has long been the center of the Christian religion. That is why it is possible that "Oshana" is "Osana", as it is preserved in the consciousness of the locals.

There is a different opinion about this toponym in the scientific literature. In 1972, while on a summer expedition, the researcher M.A.Kamadadze wrote that "Osa // Osana" is a grape variety and the name of the village comes from this term. "Of course, both narrations are based on "any understanding" of the word, which is characteristic of folk etymology in general (82, 232), it is likely that Oshanakhevi (Oshana gorge - Osana gorge), in which Oshana should be a personal name," wrote the researcher [Kamadadze 1992: 18]. We believe that in this legend, "Osana" should not be associated with the proper name.

During one of the meetings, a representation of the black clergy, the monk Archimandrite Siso, said in a private conversation: "As a child, I was distinguished by my eloquence and pleasant voice. My mother and relatives used to call me "Osana", "Osana", "Osana". At that time, of course, I did not

know what this word meant (he was a resident of Adjara, a Muslim with parents), but when I chose this way by the will of God, I understood what they meant" [Mikeladze 2019: 76-92]. Here, of course, the mother, because of her special speech and pleasant voice, would shout at him with admiration ... Probably, "Osana" meant a word of praise.

Therefore, "Adjara is first mentioned in the Georgian chronicle in the III century BC. as a part of the Kingdom of Kartli. For the first time in Georgia, the cradle of Christianity was established here. This historical event of great importance is connected with the Apostle of Christ - Andrew the First-Called, who came to Adjara and preached Christianity.

It is also noteworthy that the area of the presented toponyms is the same valley and their roads, tunnels, run along the same route, which shows that history is often sedimented, but reflected and stored in toponyms.

It is noteworthy, from the point of view of scientific research, the following toponyms of religious nature preserved here: Jvarikedi, Tsmindiseri, Yordana, Nabolokvarti, Bethlemi, Gorgivli, Nanya, Jamikari, and many others, the study of which is related to the Christian, Pagan, Muslim religions. Each toponym, legend, fable or toponymic transmission reveals that they reflect the historical realities of the corner.

### **Bibliography**

Kamadadze M. For the etymology of the names of some villages of Upper Adjara / M.Kamadadze // IV Republican Dialectological Scientific Session Work Plan and Abstracts of Papers. – Tbilisi: Publishing House "Science". – 1982. – 98 p.

Kartlis Tskhovreba / prep. by S.G.Kaukhchishvili. – Tbilisi: Governmental Publishing, 1955. – 440 p.

Mikeladze N. Toponymic Legends in Adjara / N.Mikeladze. – Tbilisi: Publish House "Universal", 2019. – 300 p.

Murray J. Batumi and Chorokhi Basin / J.Murray. – State Publishing House, 1962. – 245 p.

Putkaradze Sh. "Tamar, the mother-Queen of Georgians revived in the legends of Chveneburebi / Sh.Putkaradze, R.Malakmadze // Proceedings of the International Conference – "Queen Tamar the Saint". – 2015. – Pp.19-31.

Rusidze Sh. Expedition Reports, Khulo District / Sh.Rusidze. – 1953. – 52 p.

Siosvili T. King Tamar in Georgian Folklore / T.Siosvili. – Tbilisi: Publishing House "Lampari", 2014. – 220 p.

**Мирхаев Рифат Фирдинатович**  
Академия наук Республики Татарстан,  
Институт языка, литературы и искусства имени Г.Ибрагимова  
УДК 81-114.2+84.512.145

### **Арабские заимствования в языке татарской просветительской прозы конца XIX – начала XX вв.**

*язык татарской просветительской прозы, арабские заимствования,  
социальная маркированность, функциональный аспект,  
семантические коннотации*

На протяжении многих веков арабские заимствования играли важную роль в развитии татарского языка. Они прослеживаются во всех его подсистемах. Однако наиболее заметно данные единицы выступают в письменно-литературной форме в период со второй половины XVI в. по начало XX в. Этим и обусловлен интерес к ним со стороны исследователей истории татарского литературного языка, в трудах которых изучаются языковые особенности старотатарских письменных текстов предшествующих эпох [Григорьева 1988: 52-55; Кадирова 2001: 120-125; Миннуллин 2012: 99-101; Мөхәммәдиев 1991: 35-39; Нуриева 2004: 137-138, 171-173]. Несмотря на сказанное, социолингвистические аспекты их бытования в различные периоды, в частности проблема социальной маркированности этих единиц, которая является одной из общетеоретических вопросов истории татарского литературного языка, требующих дальнейшего изучения [Бәширова 2012: 45-49], остаются все еще не изученными. Принимая во внимание данное обстоятельство, в рамках настоящей работы была поставлена цель исследования арабских заимствований в языке татарской просветительской прозы конца XIX – начала XX вв. на предмет их социальной маркированности. Язык, зафиксированный в произведениях представителей указанного литературного направления, рассматривается нами как социальная страта татарского общенационального языка, сложившаяся в результате деятельности этих лиц.

По мнению ученых, социальная обусловленность употребления языковых единиц в той или иной сфере, кроме материального плана, находит свое отражение в функциональном и семантическом аспектах [Функциональная 1985: 5; Современный 2003: 95]. Данный фактор определил общую направленность нашего исследования: в нем основное внимание было уделено особенностям бытования лексических единиц арабского происхождения в языке татарской просветительской прозы конца XIX – начала XX вв. и изменениям в их значениях, произошедшим в результате употребления данных слов в новых контекстах. В качестве источника было взято произведение М.Акъегета «Хисаметдин менла» (1886), которое считается первым романом, первым образцом художе-

ственной беллетристики на татарском языке. В языковом плане для него характерно переплетение художественной составляющей с публицистическим и научным началами, что позволило нам рассмотреть особенности функционирования исследуемых единиц в различных функциональных стилях.

В историческом плане арабские заимствования имели место на всех этапах развития татарского письменно-литературного языка и в той или иной степени представлены во всех старотатарских источниках. Однако в конце XIX – начале XX вв. рамки их употребления заметно расширяются, в семантическом плане они обогащаются дополнительными коннотациями, кроме этого, активизируются и выступавшие до этого спорадически лексемы. Все это было обусловлено проникновением татарского языка в новые для него общественные и социальные сферы, что привело к определенным сдвигам в его функциональной парадигме [Мирхаев 2015: 49-53; Мирхаев 2016: 141-143].

В плане расширения семантики данных лексических единиц примечательно употребление автором рассмотренного нами произведения слов и словоформ арабского происхождения, традиционно функционировавших до рассматриваемого периода в религиозных текстах, в иных контекстах, а именно в художественной и публицистической. Так, например, в романе наблюдается использование эпитетов Всевышнего, посредством которых выражаются его атрибуты, в частности, таких как *Галим* 'Всезнающий' и *Нур* 'Просветляющий (Свет)' в описаниях портретов главных героев. При этом они приобретают дополнительные, в определенной степени образные, коннотации мирского характера. Это 'образованный, просвещенный и ученый человек' для *галим* и 'приветливый, светлый' для словоформы *нурлы*, произошедшей от *нур*: *Нурлы вә күк күзләре сәтра бәсәтра сәхифәйе йөгереб кичейурлар* 'Светлые и голубые глаза пробегали строка за строкой по странице' [Акъегет 1886: 4]; *Бу тап шул Хисаметдин менла, кангысыны бән сезә бик галим дийеб сөйләдем* 'Это тот самый Хисаметдин менла, о котором я вам рассказывал, как об очень ученом человеке' [Акъегет 1886: 7].

Как уже было сказано, расширение сфер употребления татарского языка в рассматриваемый период активизировало в нем новые лексические единицы, в том числе и арабского происхождения. В этом плане произведение М.Акъегета характеризуются широким употреблением общественно-политической лексики. Не имея возможности охватить в рамках настоящего исследования весь спектр данных единиц, мы остановились на синонимическом ряде, который включает в себя слова *әһали* 'население', *халык* 'народ', *милләт* 'нация', *казем* 'племя'. Как показывают данные электронного фонда словарей татарского языка [<http://suzlek.antat.ru/indexR.php>], их всех объединяет общность семы 'устойчивый человеческий коллектив, объединенный внутри определенных пространственных границ на основе языковых, культурных, эконо-



мических и др особенностей'. При этом за каждым из них закреплена отдельная сфера употребления, что находит отражение и в рассмотренном нами источнике. Так, например, слово *әһали* 'население' используется в своем основном значении, которое в зависимости от контекста конкретизируется соответствующими лексическими единицами. В сочетании с ними рассматриваемая лексема обозначает определенные социальные прослойки населения, а именно сельских и городских жителей: Карйәнең әһалисе ике йөз әв кадәр улыб, – 'Население села насчитывало около двухсот домов, –' [Акъегет 1886: 2]; Шәһәремезең һәммә әһалисе мәзкүр мәүкифә тупланмышлар 'Все население нашего города собралось в указанной станции' [Акъегет 1886: 41].

Значение 'население' в тексте передается и посредством формы множественного числа слова *халык* 'народ'. В этом случае наблюдается своего рода семантическое замещение первой лексемы второй: Ләкин чук халыклары башка шәһәрләрә, мәсәлән, Әстерхан, Растуф, Казан кебиләрә эш вә тижарәт ичүн дагылырлар 'Однако большинство населения (села), для работы и ведения торговли расходились в другие города, например, в такие как Астрахань, Ростов, Казань' [Акъегет 1886: 2].

Но в основном данное слово используется автором в романе для обозначения временных групп людей: Мәсәлән, халыкдан бересе кадынлар алмак хосусында сорашдыкда – 'Например, когда один из людей (собравшихся за столом) спросил о женитьбе на женщинах, –' [Акъегет 1886: 11]; Халыкның диккате тупланмасын дийә – 'Чтобы не привлекать внимание людей (прогуливавших на улице) –' [Акъегет 1886: 20]; Күп халык платформага чыкыб – 'Многие люди (собравшиеся на станции) выйдя на платформу –' [Акъегет 1886: 42] и т.д.

Далее слово *халык* было зафиксировано нами в сочетании с названием *Аурупа* и в значении 'нация': Бундан бөйлә Аурупа халкындагы, мәсәлә, инглиздәге кеби улмайыб, исламларың кәсебкәрлеге вә һөнәркәрлеге бик ашагы вә түбән дәрәжәдә имеш 'Поэтому сноровка к торговле и ремесленному делу у мусульман на очень низком уровне, не как у других наций Европы, например, как у англичан' [Акъегет 1886: 22].

Здесь следует отметить, что слово *халык* не представляло собой новое явление в старотатарском письменно-литературном языке, однако его использование в указанном значении в контексте общественно-публицистического характера позволяет интерпретировать его как социально маркированную лексическую единицу. Такой же, по нашему мнению, является и лексема *милләт* 'нация, национальность', в семантику которой М.Акъегет закладывает политический смысл: Олуг Петро милләтендән бәһалы бер шәй белмәз иде – 'Петр Великий ничего ценнее не знал кроме своей нации –' [Акъегет 1886: 31]; Бақыңыз башка милләтләрә, эстәр франсызлара, эстәр нимсәләрә, – 'Посмотрите на другие нации, хоть на французов, хоть на немцов, –' [Акъегет 1886: 46].

В источнике в совершенно новом контексте выступает и традиционная для старотатарского письменно-литературного языка лексема *кавем* 'племя'. Употребляясь в одном ряду со словом *милләт* 'нация, национальность', а также с лексическими единицами *матбугат* 'печатать, пресса', *һөнәркәр* 'искусный к ремесленному делу' и *зыйаланмак* 'просвещаться, стать просвещенным', она также приобретает новые семантические оттенки, которые в полной мере реализуются в публицистических отступлениях: Бер инсана нотык вә дел никадәр кирәк исә, чук инсанлара йәгни бер милләтә, бер кавемә матбугат ул дәрәжә кирәкдер 'Насколько нужна одному человеку речь и язык, в такой же степени нужна многим людям, то есть одной нации, одному племени, и печать' [Акъегет 1886: 6]; Һөнәркәр вә мөгълүматлы кавем улмак, әлбәттә, йахшыдыр, ләкин татар милләте һөнәркәр була алмаз 'Быть искусным к ремеслам и осведомленным племенем, конечно, хорошо, но татарская нация никогда не сможет стать искусным к ремеслам' [Акъегет 1886: 45]; Зыйаланмага истигдадлы бер кавемдер 'Способная к просвещению племя' [Акъегет 1886: 46].

Таким образом, как показало наше исследование, арабские заимствования, имевшие место в старотатарском письменно-литературном языке на всех этапах его развития, в том числе и в рассмотренном нами периоде, являются своего рода маркерами проявляемой как на материальном, так и на функциональном и семантическом уровнях социальной стратификации татарского общенационального языка, в частности его письменно-литературной формы.

### Литература

Акъегет М. Хисаметдин менла. Милли роман яки хикәя / М.Акъегет. – Казан: Казан университеты табгыханәсе, 1886. – 70 б.

Бәширова И.Б. Татар әдәби теле тарихы. Гомумтеоретик мәсьәләләр / И.Б.Бәширова. – Казан: ИЯЛИ, 2012. – 255 б.

Кадирова Э.Х. Поэмы Мухаммедьяра «Тухфа-и мардан» и «Нур-и содур: лексика / Э.Х.Кадирова. – Казань: РИЦ: «Дом печати», 2001. – 232 с.

Миннуллин Б.К. Арабо-персидские и турецкие заимствования в языке татарской периодической печати начала XX века / Б.К.Миннуллин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 6 (17). – С. 99-101.

Мирхаев Р.Ф. Система форм существования татарского языка в конце XIX – начале XX вв. / Р.Ф.Мирхаев, И.Г.Гумеров // Филология и культура. – 2015. – № 1 (39). – С.49-53.

Мирхаев Р.Ф. Языковая ситуация в татарском обществе конца XIX – начала XX века / Р.Ф.Мирхаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – №12. Ч.3. – С.141-143.

Мөхәммәдиев М.Г. Ш. Камал прозасының теле / М.Г.Мөхәммәдиев. – Казан: СССР ФА КФУ Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм тарих институты, 1991. – 135 б.

Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода / Ф.Ш.Нуриева. – Казань: Казанский государственный университет, 2004. – 376 с.

Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / А.В.Занадворова, Е.В.Какорина, М.В.Китайгородская и др.; отв. ред. Л.П.Крысин. – М.: Языки славян. культуры, 2003. – 565 с.

Функциональная стратификация языка / [М.М.Гухман, Н.И.Толстой, В.А.Чернышев и др.]; отв. ред. М.М.Гухман. – М.: Наука, 1985. – 240 с.

Электронный фонд словарей [электронный ресурс]. – URL: <http://suzlek.antat.ru/indexR.php>.

**Мольков Георгий Анатольевич,  
Шарихина Миляуша Габдрауфовна**  
Санкт-Петербургский государственный университет  
УДК 811.161.1

### **Проблемы составления словоуказателя к Евхологию Великой церкви в славянском переводе конца XIV в.**

*древнерусский язык, Евхологий Великой церкви, словоуказатель,  
лемматизация, грецизация*

Евхологий Великой церкви – византийский патриарший требник, который использовался в храме Св. Софии со 2 половины IX в. В него вошла крупнейшая подборка богослужебных чинов. Восточнославянский перевод этой книги был выполнен в конце XIV в. по инициативе митрополита Киприана. В рамках исследования языка данного перевода ведется работа по составлению словоуказателя к нему по рукописи Син. 900 (конец XIV – XV вв.). При его подготовке возникает ряд специфических сложностей. До сих пор внимание исследователей в этом аспекте привлекали ранние славянские переводные тексты – изданы и снабжены подробным лемматизированным словоуказателем Изборник 1076 г., Ильина книга, История иудейской войны, Пролог, Пчела и нек. др. В языке позднейших славянских переводов (с XIV в.) возникает ряд новых явлений, связанных в первую очередь с грецизацией книжного языка. Не все из них могут быть адекватно переданы способами, разработанными в существующих указателях.

В меньшей степени сложность представляют лексические грецизмы новой волны. Среди них встречаются лексемы, грамматическая адаптация которых была затруднена, вероятно, вследствие их ограниченного употребления. Это дает морфологически изолированный языковой материал, не встроенный в парадигмы. Так, в составе чинов принятия в православие экзотизмы (имена собственные) функционируют преимущественно в составе однотипных формул “Αναθεματίζω ‘проклиная’ + Вин.п.”. Определение их начальной формы создает определенную проблему. При возможности использования грецизированной начальной формы неоднозначна реконструкция Им.п. для имен собственных типа **вѹдана** 198 об., 201 об. — **Вовѹдѣн** (Им.п. **вѹда** / **вѹданъ** ?), **єннєшна** 204 — **’Ivvaiov** (Им.п. **єннєшъ** / **єннєшнъ** ?) и т.п.

Сложнее передать средствами словоуказателя некоторые грамматические грецизмы, присутствовавшие в переводах более раннего периода в небольшом количестве и активизировавшиеся в книжном языке XIV в. Самый яркий пример – использование форм **нже**, **гаже**, **еже**.

Формы местоимения **иже** в восточнославянском переводе Евхология имеют две грамматические функции: 1. Выступают в роли относительного местоимения; 2. Используются на месте греческого артикля.

В первом случае местоимение обычно соответствует той же части речи в греческом тексте. Оно изменяется по родам, числам и падежам. Его форма зависит от синтаксической позиции в придаточном предложении. Если местоимение выполняет функцию подлежащего, то оно обычно согласуется с вершиной, например: **Проклинаю манента ...**

**иже дерзну себе оутѣшителѧ именовати** 198–198 об. – Ἀναθεματίζω Μάνεντα ... ὅς ἐτόλμησεν ἐαυτὸν παράκλητον ὀνομαῖσαι. Выступая в функции дополнения, оно заполняет валентность предиката придаточного предложения, в этом случае падеж местоимения зависит от управления глагола: **Бѣ великии ... емуже всѧ колѣна прекланяются** 208 об.–209 – Ὁ θεὸς ὁ μέγας ... ᾧ πᾶν γόνυ κάμπτει.

Во втором случае формы **иже**, **таже** и **еже** и в морфологическом, и в синтаксическом плане функционируют иначе. Они создают «синтаксическую рамку», которая состоит из артикля и существительного или причастия, между которыми находятся зависимые компоненты субстантивной группы или причастного оборота. Схематически эту конструкцию можно представить следующим образом: артикль – зависимые слова – существительное / причастие. Формы **иже**, **таже** и **еже** находятся в дистантном положении от существительного или причастия, к которому они относятся. Кроме того, форма **еже** используется на месте греческого артикля, который стоит перед инфинитивом, субстантивируя его (контактное положение). В указанных функциях формы **иже** и **еже** не являются связующим средством в сложноподчиненном предложении, так как находятся в пределах простого предложения. Следовательно, их форма не может быть мотивирована вершиной, находящейся в главной клаузе, или предикатом зависимой клаузы. При этом их грамматические характеристики обычно не обусловлены формой греческого артикля, для перевода которого они используются. Примеры: **самъ и нѣтъ вл(д)ко посредѣ недостойныѧ ти рабѣ, иже твоемѹ въвѣраженню послѣдующиѧ** 74–74 об. – αὐτὸς καὶ νῦν Δέσποτα ἐν μέσῳ τῶν ἀναξίων σου δούλων τῶν τῷ σῶ ὑποδείγματι ἐπακολουθοῦντων; **помани г(с)и и еже ѿ ноци к тебѣ вопиющихъ** 21–21 об. – μνήσθητι Κύριε καὶ τῶν ἐκ νυκτὸς πρὸς σὲ βοῶντων. Вместе с тем употребление каждой формы имеет ряд особенностей, которые могли бы в некоторых случаях стать основанием для их грамматической характеристики.

Форма **иже** в большинстве «артиклевых» употреблений (147 из 250) используется в начале молитв в составе устойчивых конструкций, описывающих проявления Божественной сущности, например: **Бѣ великии и дивнии · иже неизреченною блг(с̄)тынею и бѣтымъ промысломъ оустра члвч(с̄)кии животъ · иже и мирьска намъ блга даровавъ 11 об.; Г(с̄)и бѣ нашъ · иже петра и блудницу слезъ ради вставка грѣхомъ даровавъ 90.** В таких конструкциях **иже** организует «синтаксическую рамку» причастного оборота, и, таким образом, соотносится с причастием. Совпадая с причастием и подлежащим по грамматическим характеристикам, она может рассматриваться как субъект причастного оборота. При этом общие с причастием и модифицируемым существительным род, число и падеж формы **иже** можно квалифицировать именно как совпадение на том основании, что в других синтаксических позициях модифицируемого существительного (или его заместителя) форма **иже** с ним не согласуется, например: **ко тебѣ согрѣшихо<sup>м</sup> г(с̄)и · иже и безвѣстна и таинна ср(д)ць нашихъ вѣдущему, и единому имѣющему власть вставка согрѣшени 23; въ стѣхъ иже в тебѣ постро(д)авши<sup>х</sup> ч(с̄)тныхъ мчнцѣхъ почиваши 41.** Таким же образом характеризуется употребление формы **еже**.

В то же время форма **ѣже** в «артиклевом» употреблении в переводе Евхология чаще всего относится к существительным или причастиям в винительном падеже множественного числа, в большинстве случаев среднего рода (17 из 31), например: **дару намъ, и же в мирѣ блга тво 29 об.** – δωρούμενος ἡμῖν καὶ τὰ ἐγκόσμια ἀγαθά σου;

**ко да претварати же в немъ приносимы ти безъкровны жертвы 49 об.** – ὥστε μεταποιήσθαι τὰς ἐν αὐτῷ προσφερομένας σοι ἀναίμακτους θυσίας. Такое соответствие может быть дополнительно мотивировано фонетическим составом греческих артиклей (ударное /a/), так как в большинстве случаев **ѣже** употребляется на месте артиклей τὰ и τὰς. В указанной ситуации форму местоимения **ѣже** можно установить, исходя из формы соотносимого с ним существительного или причастия. Вместе с тем ограниченное количество употреблений этой формы (всего 58, включая собственно местоименные употребления) и отсутствие той же закономерности в отношении других форм не дают достаточных ос-

нований для использования такого метода при описании формы **гаже**. Кроме того, встречаются случаи, когда на месте ожидаемого **гаже** используется другая форма, например: **прими наша еже по силѣ благодаренна** 21 об. – πρόσδεξαι ἡμῶν τὰς κατὰ δύναμιν εὐχαριστίας 92; **еже ѿ вѣка ѡкованныа дша преимущю ти силою разрѣшивъ** 128–128 об. – τὰς ἐξ αἰῶνος πεπεδημένας ψυχὰς τῷ ὑπερέχοντί σου τῆς δυνάμεως λύσας 298.

Приведенные факты, как нам представляется, свидетельствуют о тенденции к утрате склонения, которую проявляют местоимения **иже** и **еже** в тех случаях, когда они используются в качестве средств передачи греческого артикля. Ярким явлением, подтверждающим действие этой тенденции, является употребление формы **еже** при инфинитиве для передачи греческого субстантивированного инфинитива. Она не зависит от управления главного слова и сохраняет форму в позиции после предлогов, например: **а по еже вѣдрѹзитисѧ трапезѣ, коверъ авие новъ пре<sup>а</sup> сѣми дверми простираетсѧ** 38 – Μετὰ δὲ γε τὸ καθιῶρουθῆναι τὴν τράπεζαν τάτης εὐθύς πρὸ τῶν ἀγίων θυρῶν τίθεται; **воплощениемъ еже ѿ дѣвы бывъ члвкъ. по еже пребыти боу** 200 об. – σαρκώσει τῇ ἐκ παρθένου γενόμενος ἄνθρωπος μετὰ τοῦ μεῖναι Θεός; **мѣтва еже створи ти зычника ѡглашенника ѡглашена** 219. Независимо от формы греческого артикля, а также синтаксических условий славянской фразы при инфинитиве всегда используется форма **еже** (около 100 случаев).

Таким образом, описание грамматических признаков «артиклевого» употребления форм **иже** и **еже** представляет проблему, так как в переводе Евхология Великой церкви отражен процесс их перехода в неизменяемые формы. В связи с этим в словоуказателе к этому памятнику мы предлагаем дать отдельное описание местоимения **иже**, которое используется в функции относительного местоимения, и форм **иже**, **еже** и **гаже**, которые употребляются для передачи греческого артикля в составе «синтаксической рамки» и в конструкции с субстантивированным инфинитивом. При этом во втором случае мы считаем оправданным дать указание на неизменяемость этих форм. В качестве релевантных признаков, характеризующих специфику их употребления, мы выделяем следующие: связь с определенными частями речи (пометы *при сущ., прич., инф.*), синтагматическую характеристику (контактное / дистантное расположение), связь с греческим оригиналом (помета *на месте греч.*

*артикля* при заголовочном слове и греческие соответствия при каждом употреблении).

Это решение расходится с традиционным оформлением, при котором в словоуказателе весь материал по слову *иже* объединяется под леммой *иже мест*. Формы, соответствующие греческому артиклю при этом обычно даются отдельно и сопровождаются пометой – *в значении артикля, с нарушением согласования* и др. Для переводов раннего периода такое решение допустимо ввиду немногочисленности примеров употребления форм местоимения в этой функции. В случае же с киприановским переводом подобное искусственное явление заметно активизируется, демонстрирует яркие грамматические отличия от местоимения *иже* и требует специального оформления в словоуказателе.

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 20-18-00171.*



### **Заимствования из «простой мовы» в церковнославянских памятниках**

*проста мова, Пятикнижие, заимствования*

Прежде чем начать говорить об особенностях простой мовы, необходимо определиться с терминологией. Под простой мовой подразумевается особый письменный язык, сложившийся на территории Великого княжества Литовского к середине XV века и широко использовавшийся до второй половины XVII века. «Проста мова» представляет собой литературно обработанную надрегиональную разновидность белорусского и украинского языков среднего периода. Она возникла на основе общего, так называемого «руського» делового языка — потомка делового стиля древнерусского языка — и испытала сильное влияние польского языка. Церковнославянские элементы присутствуют в ней только в качестве лексических и морфологических вкраплений.

Интересующий нас памятник — Правленое славяно-русское Пятикнижие — представлен двадцатью двумя списками. Правленным славяно-русское Пятикнижие названо из-за содержания в нём большого количества глосс и правок, которые, как считалось до недавнего времени, были сделаны по еврейскому Масоретскому тексту.

Первое чтение, на которое обращал внимание ещё прот. А.Горский, находится в книге Исход, его удалось найти в четырёх списках: Тих.453, Волок.8, Волок.7 и Егор.648: (21:8). В списке Тих.453 встречаем следующий текст: «Аще же не угодит господину своему, яже ему помыслив, дарма не отпустит». Здесь обращает на себя внимание яркое лексическое вкрапление *дарма*. То же чтение находим в Волок.8, Волок.7 и в Егор.648. Здесь имеется в виду, что еврейке, купленной в качестве наложницы и сделавшейся таковою, впоследствии господин должен помочь выкупиться, то есть не отпустит её даром, без денег.

В более ранней редакции — цитирую по Геннадьевской Библии 1499 г. — мы видим на этом месте такое чтение: «Аще же не угодит господину своему, яже ему обѣща, искупит ю...». В критическом издании книги Исход Татьяны Леонидовны Вилкул, где за основу взят Виленский хронограф начала XVI века (а также даны разночтения к нему по другим хронографам), этот стих звучит так: «Аще не угодит господину своему юже ему обеща искупити ю» [Вилкул 2015: 45]. Новое чтение, вероятно, попало в текст этих трёх списков Правленого Пятикнижия из какого-то толкования, существовавшего ранее, так как списки создавались в раз-

ное время и переписывались разными людьми. Вероятно, это толкование как раз и было написано на «простой мове».

Возвращаясь снова к слову 'дарма', стоит сказать в первую очередь о словаре староукраинского языка XVI – первой половины XVII веков и об историческом словаре белорусского языка, где зафиксировано наречие *дарма* (а также *дармо*) со значением 'бесплатно'. «Псковский областной словарь с историческими данными» даёт для неё довольно широкую фиксацию, в которой преобладают западновеликорусские говоры (псковские, смоленские, брянские). Однако нас интересует не столько распространение этой формы по славянским говорам, сколько возможность его использования в письменном языке XV–XVI веков. И здесь нужно признать, что таковой возможности не было в так называемом «среднерусском», или «старорусском» языке — великорусском письменном языке этого периода: его не фиксирует «Словарь русского языка XI–XVII веков», формы *дарма*, *дармо* и *дармя* отсутствуют в «Старорусском корпусе» Национального корпуса русского языка. Единственный источник, из которого форма *дармо* попало в «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков», — это анонимный немецко-русский разговорник середины XVI века, но этот факт как раз свидетельствует о том, что она бытовала именно в обиходном языке, а не в литературно-письменном, раз не засвидетельствовано даже памятниками московской деловой письменности. При этом ситуация с «простой мовой» обратная: это десятки примеров в «Историческом словаре белорусского языка» и «Словаре украинского языка XVI – первой половины XVII веков», причём самая ранняя фиксация принадлежит так называемому Виленскому библейскому своду — сборнику библейских переводов на «просту мову» с древнееврейского языка, которые были, согласно гипотезе Сергея Юрьевича Темчина, осуществлены во второй половине XV века в Киеве, то есть одновременно с правкой Пяткинижия.

Следующее чтение, которое имеет следы простой мовы, находится также в книге Исход (18:7) и звучит так: «... и поклонися ему, и целовал и пытал друг друга здоровья». Те же четыре списка, о которых говорилось выше, содержат это чтение, также оно есть в списках МГАМИД354 и ЦГАДА790. В данном примере речь идёт о встрече Моисея и его тестя Иофора. В Геннадьевской Библии на этом месте видим следующее: «Изыди Моисей противу тести и поклонися ему и целова и введи в кущу». В издании Т.Л.Вилкул на этом месте похожий текст: «Изыди Моисей противу тести и поклонися ему и целова и лобзастася оба въведи их в кущу» [Вилкул 2015: 76]. В данном фрагменте, во-первых, обращает на себя внимание полногласная форма *здоровья* вместо церковнославянского “здравия”, она характерна для простой мовы, а во-вторых, словоформа *пыталь*. Что касается глагола *пытати*, то в словаре староукраинского языка XIV-XV вв. есть это слово со значением 'спрашивать'. Есть

оно и в историческом словаре белорусского языка со значениями 'спрашивать', 'задавать вопрос', 'обращаться с просьбой'. Форма этого слова неоднократно встречается в деловых памятниках XV века «Статут Казимира Великого» и в записках Литовской метрики, а также в старобелорусских памятниках, но уже более поздних – XVI-XVII веков. Впрочем, встречается этот глагол с указанным значением и в великорусской книжности среднего периода, однако не в библейских текстах.

Следующий пример заимствования удалось обнаружить в списках Тих.453, Волк.7, Муз.358, МГАМИД354, ЦГАДА790 и в Костромском. Это чтение из книги Бытия (49:22): «Иосиф на потоце девки приступили на грады и смотрили на красоту его, садовая ветвь», где речь идёт о благословении Иосифа. Словосочетание «садовая ветвь» должно быть в начале этого предложения. А фрагмент «девки приступили» Горский отмечает лишь как свидетельство правки по еврейским толкованиям, но не относит к заимствованиям из «простой мовы». Действительно, в комментариях к Пятикнижию у Ибн Эзры есть этот текст, который толкует эти строки так: «Дочери фараона по очереди забирались на стену и любовались красотой Иосифа». Аналогичный фрагмент текста сохранился в традиции галицких караимов, где существовал тракайский иудеотюркский перевод [Грищенко 2020: 70]. Однако орфография в этом отрывке не полностью соответствует церковнославянской и отличается от той, которая присутствует в остальном тексте этих списков. Во-первых, здесь есть замена "ять" на "и" в слове "смотрили", характерная для староукраинского языка, а во-вторых, нетипичное ударение на первом слоге в слове "красота". В Геннадьевской Библии этого отрывка из текста нет, соответственно, можно предположить, что этот фрагмент попал в текст из какого-то толкования, написанного на «простой мове».

Обращает на себя внимание киноварная (написанная красными чернилами) глосса, находящаяся внизу на полях, из списков Егор.648 и Тих.453 «заповѣди посполиты. ѿ отцѣ рабі», которая была обнаружена также в книге Исход. В списке МГАМИД 345 она находится внутри текста и встречается там несколько раз. Это слово зафиксировано в историческом словаре белорусского языка со следующими значениями: 'простой', 'публичный', 'общий'. В словаре староукраинского языка тоже встречается это слово с похожими значениями 'всенародный', 'простой', 'человеческий'. Кроме этого, в 1519 году Франциск Скорина в своей «Бивлии руска» в начале книги Исход пишет: «... и людем посполитым». Эти же «люди посполиты» появляются у него в «Прадмовы і пасляслоуі», где он пишет: «Абы братия моя русь, люди посполитые...». В словнике мовы Скорины также есть слово *посполитые* опять же со значением 'простой'. Следовательно, переписчик делает пометку, что перечисленные заповеди (речь идёт целиком о XXI главе книги Исход, где Бог даёт Моисею заповеди) относятся ко всем людям, но он использует при этом просто-

мовную формулировку, чтобы сделать своё замечание более доступным и понятным с его точки зрения.

Описанные здесь примеры заимствований являются лишь отправной точкой в исследовании «простой мовы», поэтому сделать выводы, насколько сильным было влияние этого языка на церковнославянский в интересующем нас памятнике, пока не представляется возможным.

### **Сокращения**

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГБ – Российская государственная библиотека (Москва), Отдел рукописей.

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва), Отдел рукописей.

### **Источники**

Бивлия 1519 — [Прага, 1519] (цифровая фотокопия на сайте РГБ: <http://www.rsl.ru> )

Вилкул Т.Л. Книга Исход: Древнеславянский полный (четий) текст по спискам XIV–XVI веков / Т.Л.Вилкул. – М., 2015.

Волок. 7 – Волоколамское Пятикнижие Паисия Мичурина (неполное), втор. четв. XVI в.: РГБ, ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоцкого монастыря), № 7.

Волок. 8 – Волоколамское Пятикнижие Павла Васильева 1493 г. РГБ, ф. 113 (Собрание 80 Иосифо-Волоцкого монастыря), № 8.

Егор. 648 – Егоровское Пятикнижие, начало 1490-х годов: РГБ, ф. 98 (Собрание Е.Е. Егорова), № 648

НКРЯ (Старорусский корпус) [https://ruscorpora.ru/new/search-mid\\_rus.html](https://ruscorpora.ru/new/search-mid_rus.html) (дата обращения: 01.11.2020).

Тих. 453 – Тихонравовское Пятикнижие (с прибавлениями), перв. треть XVI в.: РГБ, ф. 299 (Собрание Н.С. Тихонравова), № 453.

МГАМИД 354 – 1-е Архивское Пятикнижие (с утратами): РГАДА, ф. 181 (РО МГАМИД), оп. 4, № 354

Син. 915 – ГИМ, Музейское собрание. № 3479: Пятикнижие с утратами, 4.

Тих. 453 – Тихонравовское Пятикнижие (с прибавлениями), перв. треть XVI в.: РГБ, ф. 299 (Собрание Н.С. Тихонравова), № 453.

Тора с комментарием Раши (Берешит), Библиотека еврейских текстов, Москва, 2017.

ЦР 401662.4 – Костромское Пятикнижие (с прибавлением).

### **Литература**

Владимиров П.В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык / П.В.Владимиров. – Санкт-Петербург, 1888. – С.242-243.

Горский А.В. прот. О славянском переводе Пятикнижия Моисеева, исправленном в XV в. по еврейскому тексту / А.В.Горский // Прибавления к Творениям св. Отцев. – 1860. – Ч. 19. Кн. 1. – С.134–168 (1-я паг.).

Грищенко А.И. Археография и текстология правленного славяно-русского Пятикнижия XV века: новые данные / А.И.Грищенко // Славяноведение. – 2020. – №4. – С.68–87.

Темчин С.Ю. Функционирование русской мовы и иерархия церковных текстов / С.Ю.Темчин // *Studia Russia*. – 2009. – Vol. XXIII. – P.226-234.

### **Словари**

Гістарычны слоўнік беларускай мовы / гл.ред. А.М.Булыка. – Вып.8. – Мінск, 1987. — 312 с.

Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. А.И.Корнева, А.И.Лебедевой – Вып.8. – ЛГУ, 1990. — 184 с.

Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / гл.ред. Б.А.Ларин. – Вып.5: Да – Дотянуть. — СПб.:Наука, 2012. — 346 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл.ред. С.Г.Бархударов. – Вып.4. – М.: Наука, 1977. — 403 с.

Словарь украинского языка XVI – первой половины XVII веков / под ред. И.Белододеда. – Вып.7. – Львов, 2000. – 256 с.

**Новак Мария Олеговна**  
Институт русского языка им. В.В.Виноградова  
Российской академии наук,  
Федеральный исследовательский центр  
«Казанский научный центр Российской академии наук»  
УДК 811.161.1

**К вопросу об адаптации полонизмов в русском языке:  
лексема *роскошь* и ее производные**

*история русского языка, полонизмы, адаптация, лексикография,  
Национальный корпус русского языка*

В статье обсуждается лексико-грамматическая адаптация и семантическая трансформация лексемы *роскошь* и ее производных в русском языке на протяжении нескольких столетий. В исторической лексикографии это слово, имеющее широкое распространение в целом ряде южно- и западнославянских языков и диалектов, характеризуется как признанный полонизм для русского и украинского [Этимологический 2007: 192–194]. Наиболее ранние источники, содержащие лексему *роскошь* и ее производные *роскошникъ*, *роскошно*, *роскошный*, датируются XVI–XVII вв. [Словарь 1997: 214]. Словообразовательное гнездо, фиксируемое в языке-источнике с XV в., обширнее: *rozkosz*, *rozkoszać*, *rozkosznik*, *rozkoszność*, *rozkoszność*, *rozkosznie*, *rozkoszny*, *rozkoszować* [Słownik 1977: 530–531]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в современном польском, как и в большинстве других славянских языков, в значениях слова *роскошь* и его производных преобладают семы ‘удовольствие’, ‘наслаждение’, ‘радость’ [там же], тогда как в современном русском языке – ‘изобилие’, ‘богатство’, ‘излишество’ [Этимологический 2007: 193]. Возникает вопрос о ходе адаптации этих лексических единиц, вызывающих интерес не только в силу своего заимствованного характера и жизнеспособности в русском узусе, но и в силу важности и неоднозначности несвободного от оценочных суждений понятия роскоши (особенно в современной культуре потребления) (см., например, содержательный обзор [Фетисова 2018]). Результаты анализа, в котором использовались данные исторической лексикографии и Национального корпуса русского языка [НКРЯ], представлены хронологически, по столетиям. Для интерпретации данных НКРЯ были созданы три пользовательских подкорпуса XVIII, XIX, XX–XXI вв.; поскольку они существенно различаются по объему, учитывался относительный показатель частотности лексических единиц ipm (instances per million words).

1. XVI–XVII век. Немногие старорусские источники еще указывают на сохранение заимствованием семантики языка-источника: ***Розкоши*** (пол.) – *негование во изобилии всяком* («Книга глаголемая гречески

алфавит», БАН, №446); *Се таковыя ужасно слышательные, паче же смѣху достойные, отъ роскошеи и отъ презлыхъ различныхъ вѣрѣ приключаются христіанскимъ предстателемъ* («История о великом князе Московском» Андрея Курбского); *въ той улицѣ на лѣвѣ есть домъ великій богатаго онаго роскошника, иже Лазарю милосердія показать не хотѣ* (Похождение в Святую землю князя Радиви́ла Сиротки) [Словарь 1997: 214]. При этом «Алфавит» – словарь-азбуковник – дает глоссу «пол.», указывающую на польское происхождение слова, сохраняет орфографию языка-источника (*розкоши*) и раскрывает в своем толковании оба семантических компонента, которые впоследствии будут конкурировать друг с другом в семантике заимствования, – ‘удовольствие’ (*негование*) и ‘изобилие’ (*во изобилии*). Фонетический вариант *разкошь* присутствует в переписке Андрея Курбского: *богомерскими плотными страстьми --- сиречь всякими разкошми* [Словарь 1997: 15], – и здесь реализация значения ‘наслаждение’ не оставляет сомнений.

2. XVIII век. В пользовательском подкорпусе НКРЯ 1701–1800 гг. (объем 5.325.444 слова) выявлено 401 вхождение словоформ лексемы *роскошь* (ipm 75), производное *роскошный* имеет 86 вхождений (ipm 16), *роскошно* – 13 (ipm 2,4), *роскошность* – 11 (ipm 2,0), *роскошествовать* – 5 (ipm 0,9), *роскошничать* – 2 (ipm 0,3). Данные Национального корпуса отражают живой процесс освоения полонизма *роскошь*, а именно – колебания в роде и словоизменении, даже в последней трети столетия: *Главней же роскош в царских обыкновенных платьях состоял в драгоценных мехах* (М.М. Щербатов. О повреждении нравов в России (1786–1787)); *...пристрастившись к роскоше и корысти желают, чтоб как возможно позже сей страшный для них случай открылся* (архиепископ Платон (Левшин). Слово в неделю Ваий (1780)); вместе с тем: *Такоже излішня роскошь и пріхотлівыя протари, сьло непохваляються* (Юности честное зеркало, или Показаніе къ жітеискому обхожденію (1717)) [НКРЯ]. Семантика обсуждаемой лексемы в приведенных контекстах определяется компонентами ‘богатство’ и ‘изобилие’, причем самый ранний текст из процитированных указывает на то, что роскошь может быть излишеством.

Однако НКРЯ регистрирует и контексты, которые указывают на сохранение сем ‘удовольствие’, ‘наслаждение’ в семантике существительного *роскошь* на протяжении XVIII века: *ибо послушникам своим повелел в роскошах жити, а посты и всякое воздержание весьма повелел отринуть* (И.Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему (1718–1725)); *Надежда оживляетъ, а пресыщеніе роскошей, ненавистну и кратку творить жизнь* (С.С. Волчков. Придворной человѣкъ [перевод книги Грациана с французского] (1742)); *Эпикур --- за приятнейшую роскошь исполнение добродетели полагал, а потому и приготавливал душу к бессмертію, отвергая его* (М.М. Щербатов. Разговор о бессмертіи души (1788)) [НКРЯ]. В середине столетия становятся наиболее частот-

ными плюральные формы, которые могут означать как удовольствия, так и отдельные предметы роскоши. После 1800 года употребление форм множественного числа затухает, однако получает широкое распространение словосочетание *предмет роскоши*.

«Словарь Академии Российской» 1794 года представляет, помимо слов *роскошь*, *роскошный* и *роскошно*, также *роскошество* и два глагола – *роскошествовать* и *роскошничать* (последний соотносится с *роскошник*; однако это существительное отсутствует в словаре Академии). Налицо, таким образом, словообразовательная активность заимствованной основы, свидетельствующая о высокой степени ее освоенности. Что касается семантики, словарь Академии дает толкование, не лишенное негативной коннотации: «Излишнее удовлетворение мнимых нужд, предпочитая в вещах редкость и платя за оные дорого»; значение ‘удовольствие, наслаждение’ уже не фиксируется, несмотря на его реализацию в узусе носителей языка [Словарь Академии 1794: 164].

3. В XIX веке активность словообразовательного гнезда заметно возрастает: пользовательский подкорпус НКРЯ 1801–1900 гг. (55.166.493 слова) представляет 2172 вхождения лексемы *роскошь* (ipm 39), *роскошный* – 2282 (ipm 41), *роскошно* – 411 (ipm 7,4), *роскошествовать* – 44 (ipm 0,79), *роскошничать* – 22 (ipm 0,4), *роскошество* – 9 (ipm 0,16); *роскошность* – всего одно вхождение. Обращает на себя внимание рост частотности прилагательного *роскошный*, которое начинает опережать производящее *роскошь*, в отличие от предыдущего столетия.

«Словарь церковнославянского и русского языка» Академии наук (1847) расширяет круг слов с основой *роскош-* (те же, что в словаре Академии 1794 плюс *роскошность*, *роскошник*, *роскошница*) и указывает в словарной статье *роскошь* два значения: «1) Излишество в употреблении дорогих и лучших в своем роде вещей --- 2) Изобилие изящного» [Словарь церковнославянского 1847: 71]. Как видим, в семантике появляется и компонент с положительной коннотацией. Во втором издании «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (1880–1882) в семантике слова *роскошь* разведены два аспекта – по отношению к предмету и по отношению к человеку. В первом даются позитивные значения «изящество, обилие прекрасного, богатство и полнота, торчатость», во втором – негативные: «излишество удобств, расточительность на насущное» (цит. по [Этимологический 2007: 193]).

4. В XX – начале XXI в. (пользовательский подкорпус 1901–2020 гг. объемом 224.589.654 слова) число употреблений продолжает расти: *роскошь* – 3773 вхождения (ipm 16), *роскошный* – 6213 (ipm 27), *роскошно* – 609 (ipm 2,7), *роскошество* – 93 (ipm 0,4), *роскошествовать* – 73 (ipm 0,3), *роскошничать* – 5, *роскошник* – 3 (только в исторических стилизациях), *роскошность* – 2. Частотность существительного *роскошь* падает по сравнению с предыдущим периодом, но зато наблюдается исключительное разнообразие оценочных характеристик, в том числе ок-



казиональных (*чванная, стыдная, уютная, сусально-витиеватая, ди-карская, безудержная роскошь*) – с преобладанием негативной коннотации. Расширяет свою сочетаемость прилагательное *роскошный* – однако описание специфики его контекстуального «поведения», как и других производных, не вмещается в рамки этого текста.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н.Ушакова синтезируются аспекты толкования В.И.Даля, причем значение «со знаком плюс» находится на первом плане: «1. Внешнее великолепие, пышность чего-н. ---. 2. Излишество в комфорте, в жизненных удобствах и удовольствиях, связанное с затратами, превышающими средний уровень жизни. ---. 3. Изобилие, природное богатство» [Толковый словарь 1939: 1386–1387]. Те же компоненты присутствуют в Большом академическом словаре русского языка с существенным дополнением «красота, пышность и яркость чего-либо» [Словарь современного 1961: 1467–1468].

Таким образом, семантика лексемы *роскошь* и ее производных к началу XIX в. утрачивает компоненты, характерные для языка-источника, что компенсируется расширением функциональных возможностей всего словообразовательного гнезда. Разновременные словарные толкования фиксируют амбивалентное отношение к феномену роскоши. В перспективе исследования – дальнейшее описание сочетаемости и семантики лексем, более тщательный анализ их частотности, а также возможного западноевропейского влияния на семантическую эволюцию основы *роскош-*.

*Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-29-09113 офу-м «Электронный исторический словарь заимствованной лексики в русском языке XI–XVII вв.: грецизмы и полонизмы»).*

### Литература

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/old/search-main.html> (дата обращения 21.09.2020).

Словарь Академии Российской. Часть V. От Р. до Т. – СПб., 1794. – 1084 стб.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться – Рященко) / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 1997. – 298 с.

Словарь современного русского литературного языка. Том 12. Р. – М.-Л.: АН СССР, 1961. – 1676 стб.

Словарь церковнославянского и русского языка, сост. вторым отделением Императорской Академии наук. Том IV. – СПб., 1847. – 487 с.

Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н.Ушакова. Том III. П – РЯШКА. – М.: Гос. Изд. иностранных и национальных словарей, 1939. – 1424 стб.

Фетисова Т.А. Теория и история культурной среды. Роскошь – символ неравенства / Т.А.Фетисова // Культурология: Дайджест / РАН. ИНИОН. Центр

гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. культурологии; ред. кол.: О.В.Кулешова, гл. ред., и др. – М., 2018. – № 3 (86). – URL: <http://xn--c1akas7b.xn--80apatbber.xn--p1ai/archives/1020> (дата обращения 26.09.2020).

Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: вып. 33 (\*orzbotěti – \*ormajati (se)). – М.: Наука, 2007. – 284 с.

Słownik staropolski. Rodzić – Rozproszyć. Tom VII, zeszyt 7(47). – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1977. – 560 s.

**Новак Мария Олеговна**  
Институт русского языка им. В.В.Виноградова  
Российской академии наук,  
Федеральный исследовательский центр  
«Казанский научный центр Российской академии наук»  
**Пенькова Яна Андреевна**  
Институт русского языка им. В.В.Виноградова  
Российской академии наук  
УДК 81.373, 81.374, 811.161.1

## **Редкая лексика в славяно-русских списках Огласительных поучений Кирилла Иерусалимского**

*историческая лексикология, историческая лексикография,  
Огласительные поучения Кирилла Иерусалимского,  
Толстовский сборник XIII в., һараһ legomena*

Интерес к лексическим особенностям древнеславянского перевода Огласительных поучений Кирилла Иерусалимского явился следствием участия авторов в проекте по комплексному изучению языка и письма и электронному изданию рукописи Толстовского сборника XIII в. (РНБ Ф.п.1.39; далее — ТС), в состав которого входят и Огласительные поучения. Важность исследования отдельных текстов, входящих в сборник, а также самого сборника как мегатекста обоснованы в [Жолобов 2018], [Новак 2020]. Лексические особенности других произведений (Сказания Афродитиана и Легенды об Авгаре), входящих в состав ТС, описаны соответственно в [Пенькова 2018] и в [Пенькова 2019].

Огласительные поучения Кирилла Иерусалимского (далее — ОП) занимают особое место в составе ТС, поскольку составляют почти половину объема всего сборника (лл. 89–184). Специфика славянского перевода и текстологическая история этого памятника довольно хорошо изучены (см. [Vaillant 1932; Кадочникова 2017; Новак 2020]). Многие лексические особенности ОП описаны в [Николов 2014; Николов 2015]. Текст ОП изобилует редкой лексикой и гапаксами (например, **живомая** ‘вселенная’, **прелихновение** ‘гордость’, **развина** ‘веревка, путы’ и др.), в том числе лексикографически не описанными.

Цель настоящей работы — ввести в научный оборот редкие слова и һараһ legomena, встречающиеся в различных списках ОП, и тем самым предложить дополнения и уточнения к историческим словарям русского языка. Это дополнения и уточнения двух типов: лексемы, до сих пор не получившие полноценного лексикографического описания, и контексты, отражающие более раннюю фиксацию слова, чем в исторических словарях русского языка. Лексические единицы как леммы приводятся в стандартизированной орфографии с заменой а-йотированного на я, цитаты даются по ТС с указанием номера листа.

## 1. Редкая лексикографически не описанная лексика

**Възвластеловати** ‘прийти к власти’ (ТС, л. 125: възвластелуеть — βασιλεύση) — *hарах legomenon*, не отмеченный ни одним историческим словарем русского языка. Данный глагол фиксируется только Ф. Миклошичем [Miklosich 1962–1965: 84], тогда как словообразовательные паронимы **възвладѣти** и **възвласти** представлены соответственно в [СлРЯ 2: 273] и [Срезневский I: 341].

**въпражемьникъ**, *м.* ‘вьючное животное’ (τὸ ὑποζύγιον) — *hарах legomenon*, представлен только в списке ТС (ТС, л. 151), тогда как список Син и восходящие к нему другие списки содержат чтение **съпражьникъ**, а список Рум — **упражьникъ**. Слово интересно и со словообразовательной точки зрения, поскольку представляет собой образование по редкой модели от страдательного причастия настоящего времени **въпражемъ** (от **въпрагати**). Лексемы **въпражемьникъ** и **съпражьникъ** не зафиксированы историческими словарями русского языка. Первое представлено только в Лексиконе Ф. Миклошича со ссылкой на ОП [Miklosich 1862–1865: 101], **съпражьникъ** отсутствует и в последнем.

**ересьство**, *с.* ‘ересь’ (ТС, л. 124об.: ересьству – τῆς αἱρέσεως) — *hарах legomenon*, не зафиксированный ни историческими словарями русского языка, ни другими историческими словарями. Данное имя существительное отмечено только Н. Николовым [Николов 2015: 34–36] в ряду других аналогичных образований на **-ьство**, характеризующих преславский книжный узус (ср. ниже **ядовитьство**).

**скърпия**, *с.* ‘скорпион’ (ὁ σκортπίος): боїса ба то не можетъ лі тобе вредіт<->и скорпіа сѣкліво (ТС, л. 134об.). Согласование по ср. р. представлено в нескольких русских списках ОП. В [SJS IV: 92; СлРЯ 24: 247] зафиксированы только существительные ж. рода **скърпия** и м. р. **скърпии**. В [Срезневский III: 383] и [СДРЯ XI: 220] представлено также собирательное имя существительное ср. р. **скърпие**. Вероятно, в ОП мы имеем дело с контаминацией форм собирательных имен ср. р. ед. ч. на **-ие** и мн. ч. на **-ия** или же с колебанием между моделью неодушевленных собирательных существительных на **-ие** и одушевленных на **-ия** (типа **братия**). Не исключено влияние имен существительных ср. р. не-тематического склонения.

**съвъскърмленикъ**, *м.* ‘перен. совместно вскормленный’ (ТС, л. 148: съвоскоръмленици — σύντροφοί). Лексема встречается в нескольких списках ОП (ТС и Син). Представляет собой *hарах legomenon*, не встречающийся в других источниках за пределами ОП. Не зафиксировано историческими словарями: СлРЯ приводит только **вскормленикъ** [СлРЯ 3: 139].

**тъж(д)евредие**, *с.* ‘подобострастие (о тождестве природы Христа и человеческой)’ (τὸ ὁμοιοπαθές; ТС, л. 152об.) — композит, не отмеченный в исторических словарях и исследованиях по лексике ОП. Представляет собой *hарах legomenon*, тогда как в целом данная словообра-

зовательная модель с первым компонентом **тъж(д)е-** была чрезвычайно продуктивна и широко представлена в источниках (в [СлРЯ 29: 387–389] описано более 20 подобных лемм). Семантически и структурно близкие образования — **подобовредие** [Николов 2014; СлРЯ 16: 23] и **съвредие** (ἡ συμπαθεία) [СлРЯ 26: 68].

**хытрьникъ**, м. ‘творец’ (ὁ τεχνίτης; ТС, л. 134об.) отсутствует в завершенных исторических словарях (СДРЯ и СлРЯ еще не дошли до алфавитного отрезка на х, однако в картотеке ДРС не обнаружено ни одного примера). Представляет собой *hарах legomenon*. В Лексиконе Ф. Миклошича [Miklosich 1862–1865: 1102] и Словаре И.И. Срезневского [Срезневский III: 1430] представлен только пароним **хытрьностьникъ** — также со ссылкой на ОП.

**ядовитьство**, с. ‘перен. поражение ядом’ (τὸ ἰοβόλον; ТС, л. 127об.) — *hарах legomenon*, отсутствующий в завершенных исторических словарях. Отмечен только Н. Николовым [Николов 2015: 33–36] в перечне других имен существительных на **-ство** — словообразовательного типа, характеризующего преславскую книжную норму.

## 2. Уточнения к историческим словарям русского языка

**безлѣпотъство**: ѿ еже пребудеть съ слнцемъ ѿ преже рода родъ еже на члѣвка възносѣти всего безлѣпотъства полнъ есть (ТС, л. 128). Эта лексема зафиксирована только в [СДРЯ 1: 126] в значении ‘безобразие’ с греческой параллелью ἡ ἀκοσμία ‘неупорядоченность’. Словарная статья содержит единственную цитату из более позднего источника XIV в. — XVI Слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского. В ОП это же слово использовано иначе — в значении ‘невежество, неразумие’ для перевода греч. ἡ ἀγνωμοσύνη ‘неведение, невежество’, т.е. в данном значении представляет собой *hарах legomenon*.

**въскрамолвати** (въскрамолують — ἐπιβουλεύωσιν) ‘замыслить зло’: гсне бо оубиение ѿ юдѣи прозра пррчскыи даръ покры именованіе да не ѿ вѣдѣниа извѣста готовѣ въскрамолують (ТС, л. 139об.). В СлРЯ и СДРЯ слово не отмечено, а в других исторических словарях ([Срезневский I: 406] и [Miklosich 1862–1865: 103]) иллюстрируется только примером из Паремейника 1370 г. (Иез. 2:6) с параллелью ἐπισυνίστασθαι ‘соединяться; состоять’ со ссылкой на А.Х.Востокова. В словаре старославянского языка [SJS I: 325] представлен только вариант по более продуктивной словообразовательной модели **въскрамолити** со ссылкой на Паремейник Григоровича с аналогичной греческой параллелью, что и в словарях И.И.Срезневского и Ф.Миклошича.

ОП дает более раннюю фиксацию для глагола **измълсти** ‘выдотить’: ѿли яко млѣко ма їзмолзе насырилъ же ма еси равно сыру кожею ма и массы вблече (ТС, л. 157). В [СлРЯ 6: 181] этот глагол иллюстрируется той же цитатой из Библии (Иов. 10:10–11), что и в ОП, однако по более поздним источникам XIV–XV вв.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00428а «Подготовка интернет-издания и комплексное исследование языка и письма Толстовского сборника XIII в. (РНБ, Ф.п.1.39)».*

## Литература

Жолобов О.Ф. Толстовский сборник XIII в. как мегатекст // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: тр. и матер.: в 2 т. Т. 2 / Е.А.Горобец, О.Ф.Жолобов, М.О.Новак (ред.). – Казань: Изд-во Казанского университета, 2018. – С.73–77.

Кадочникова О.Г. Поучения святителя Кирилла Иерусалимского в древнеславянском переводе: лингвотекстологический анализ / О.Г.Кадочникова. – М.: Эдитус, 2017. – 227 с.

Николов Н. Сложните съществителни в старобългарския превод на Огласителните слова на свети Кирил Йерусалимски (ГИМ, Син. 478) / Н.Николов, Г.Георгиева // Преславска книжовна школа. – Т. 14. – Шумен: Научен център «Преславска книжовна школа», 2014. – С.91–121.

Николов Н. Съществителни на -ство в старобългарския превод на Огласителните слова на свети Кирил Йерусалимски (ГИМ, Син. 478) / Н.Николов // Преславска книжовна школа. – Т.15. – Шумен: Научен център «Преславска книжовна школа», 2015. – С.23–47.

Новак М.О. Огласительные поучения Кирилла Иерусалимского в Толстовском сборнике XIII вв. / М.О.Новак, Я.А.Пенькова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2020. – №3(81). – С.108–118.

Пенькова Я.А. Сказание Афродитиана в Толстовском сборнике XIII в.: лексическое своеобразие и проблема локализации перевода / Я.А.Пенькова // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2018. – Т. 160, кн. 5. – С.1059–1068.

Пенькова Я.А. Редкая лексика Легенды об Авгаре в Толстовском сборнике XIII в. / Я.А.Пенькова // Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития: сб. статей междунар. науч. конф. / П.Б.Балаян и др. (ред.). – Ереван: Изд-во ЕГУ, 2019. – С.204–209.

Рум — РГБ, ф. 256, № 194. Конец XVI – начало XVII в., пергамен, 4°.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XII—. М., 1988–2019—.

Син — ГИМ, Синодальное собр., № 478. Конец XI – начало XII в., пергамен, 4°.

СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–31—. М., 1975–2019—.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. / И.И.Срезневский. – СПб.: Отделение рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1893–1912.

ТС – Толстовский сборник, РНБ Ф.п.1.39. Вторая половина XIII в., пергамен, 4°.

Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum / ed. F.Miklosich. – Vindobonae: Guilelmus Braumueller, 1862–1865. – 1171 с.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského / Lexicon linguae palaeoslovenicae. – T. I–IV. – Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1956–1997.

Vaillant A. La traduction vieux-slave des Catéchèses de Cyrille de Jérusalem / A.Vaillant // Byzantinoslavica. – 1932. – Vol. IV. – №2. – Pp. 253–302.

**Functioning of anatomical names  
in the work of Mahmud Bulgari «Nahj al-Faradis» (XIV Century)**

*Turkic manuscript, functioning, anatomical names, phraseology,  
«Nahj al-Faradis»*

Linguistic analysis of lexemes functioning in written Turkic monuments is of great importance in understanding the language and perception of its history and national culture, and aesthetics of artistic expression.

The Arabic manuscript of Mahmud Bulgari «Nahj al-Faradis» is a significant Turkic monument of the 14th century. The uniqueness of the literary language is that its epoch dates back to the establishment of Islam as the dominant and widespread religion. The change in the outlook and religion of the people, as well as the emergence of a new way of life, are reflected in the vocabulary of the work being studied. The nature of the language by which the work is written, linguistic particularities are considered in the writings of F.S.Nurieva [Nurieva 2001].

In modern Turkology, there is a growing scientific interest in the study of terminology and terminuses, the interest is explained by the importance of this lexical stratum in general literary language as a way of reproducing reality in society. In our opinion, it is necessary to study the vocabulary presented in the works of the Old Tatar literary language. In this study the names of the body, body parts and organism are under study used in the work of Mahmud Bulgari «Nahj al-Faradis» of the Golden Horde era.

The anatomical vocabulary of the above-mentioned manuscript has not been closely studied before. The question of specific vocabulary and its role in the artistic work of Mahmud Bulgari is of great importance. The terms are part of the vocabulary of the medieval author's language - a very interesting material for characterizing not only the creativity of the medieval compiler, but also its culture, values, epoch in general.

The vocabulary is not chosen by chance. Firstly, among the language of the writings, the anatomical names in question constitute a relatively clear thematic group that is actively used by the author of the manuscript. Secondly, it is clearly seen how M.Bulgari applied different linguistic means, a leading example is the use of the terms in the text of a religious-didactic work. Thirdly, the study of the functioning of anatomical names reveals the lexical richness of the work, as well as the world-view basis of the choice of words, which makes possible to study the process of formation of the studied terminology in the Tatar language.



The material of the study is the text of the religious-didactic content «Nahj al-Faradis» Mahmud al-Bulgari (in 1360). For comparative analysis edited Istanbul list by F.Sh.Nurieva was used. By the way, this material was earlier published in Tatar language with transcription elements [Nurieva 2019]. As for sources of the research M. Kosgariy «Turkiy suzlar devoni» [Kosgariy 1960-1963] (hereinafter MK), «Etymological dictionaries of Turkic languages» E.V.Sevortian [Sevortian 1978], «Starouzbek dictionary» E. Fazylov [Fazylov 1966] and a number of other dictionaries were involved.

In the monument under study there are 33 lexemes related to anatomical terminology. The names: baş 'head': pajyambär saždädin baş qaldurdy 'prophet raised the head after his bow' (15), jalyn baş 'with an uncovered head' (343); jüz 'person': jüzläri kün täg jaruq 'their faces are light as day'(241), jüzi nur küjunlijun 'their faces emit light' (102), jüzläri öndörtünçi tünytua luna aj tey jaruq 'a person's face similar to the full moon' (65); ayyz 'mouth': bir kün nayax azydin bismillah kälimäse çyqty 'once from her mouth came out the word «bismillah'(162), suw quruq azydin asty 'water in the well stretched over the edge' (46); köz «eye»: közüm birlä körmädim 'I have not seen with my own eyes' (47); közläri sürmäle 'eyes with surma' (65); burun 'nose': yalinen burnyndan qan kaldi 'Hali's nose bled' (52); qaş 'eyebrows': açuq qaşlyy turur 'with indestructible open eyebrows' (23); qulaq 'ears' (67), byjyq 'mustache' (81), saqal 'beard'; päjyambär baqar byjyqlaryny käsmädin tururlar täqyj saqallaryny julup tururlar 'the prophet watches that they should not cut the mustache and rip out the beards' (81); saç 'hair' (48); kirpük 'eyelashes': közümnä açar bolsar am bolsanday sizärmän kim äki kirpügüm biri birinä qawyšmadın Xaq täyalä žanyzny qabc qylyan 'I wanted to open my eyes, but felt my eyelashes were joined, at that moment the almighty began to take my soul' (426); qabaq 'eyelid': därwiş qabaqyny tutty 'dervish grabbed by eyelids' (441); til 'tongue'; (384); tiş 'teeth' (250); tudaq 'lips': tudaqy mänim azyymya tägdi 'lips touched my mouth' (204); änäk 'chin' (346); älik (77) ~ qıl (47) 'hand', say qıl (47) 'right hand', sul älik 'left hand' (77). *Both words älik and qıl are used in the text, but Oguz word älik is more common in the text; tän 'body' (167); tamyr 'blood vessel' (34); aja 'palm' (44); söñük 'bones' (191); bayarsuq 'intestines' (12); bayyr 'liver' (177); jüräk 'heart' (361); barmáq 'finger', barmaqlary boyunnary 'finger joints' (326), kiçik barmaq 'finger' (77); äñ 'shoulder' (219); tän 'body': täni qurudy (278) 'body dried up'; qursaç 'abdomen' (299); boj 'growth' (48); Indik 'umbilical cord' (23), bojun 'neck' (31), boyaz 'throat' (18).*

The function of a lexeme that has a direct and portable meaning, as well as the composition of phraseology is under the study now.

The word *báš* is found in ancient Turkic written monuments with the following meanings: 1. head [MK 41], [OBN 25]; 2. liability. [MC]; 3. headboard [SYW 442]; 4. neck, nose (vessel) [MK, 63]; 5. millet, broomstick (plant) [MK 193]; 6. top, tip [MK 99]; 7. Upper reaches, sources [MK 324]; 8. head, chief, boss [MK 66]. In the dictionary of E.I.Fazylov, we have found the following

meanings of the lexeme *bash* – ‘head’, ‘leader’; the beginning; top; peak; numerical or counting word [Fazylov 1966: 192-193].

Mahmud Bulgari shows the use of many of these various connotations: *head*: taş birlä urmyş ärdi ol Ƴalinyň başy jançildi täqyj öldi ‘when he was hit with a stone, Gali’s head split apart and he died’ (339-14); başy jaryldy täqyj qany saçrady ‘the head split apart and blood splashed’(349-7); päjyambär başnyňa Ƴosabä baş bayy baylady ‘Gosaba on the head of the prophet tied a headband on the prophet’s head’ (85-9); *Top*: jolda barurda tay başynda bir saumay bat ärdi ‘there was a monastery on the top of the mountain following the way’(15-6); *daratlaxar başyndaqy quşlar* ‘birds at the top of trees’(145-1); *Beginning*: bizlärneň olturyu jerläremiz jol başlarynda bolur ‘we will sit at the beginning of the road’(305-1). *The numerical* meaning is jети baş kişi ‘seven people’ (48-5).

The word *jüz* was used in the ancient monuments in the meanings: 1. person (MK, DP, etc.). 2. surface. In the language style of «Nahj al-Faradis», as in the other monuments of the XXIV century, these meanings are also found: *jüz täqyj älik täqyj köz...* ‘...face, and hands, and eyes’ (229-9); *jer jüzündäge maxluqat* ‘life on Earth’ (47-6).

There are variants of various speech patterns with the lexeme *jüz*: *päjyambär jüzini bir janqa çäwurdi žawap birmäde* ‘the prophet turned his face the other way and did not reply’ (388-16), *jüz suwyny tökmäk* ‘to ask, to be humiliated’ (384-14), *xurmät qylmas jüzüsum wyn xalaiq tyqanda törmäään* «if he does not honor, I am humiliated to the people» (128-5), *jüzüňni saryartmaq* «make me suffer»: *bu xatunlar bir-biringä täyät üzä jary birmiçä jüzümni Ƴsarartty* «these women, not yielding to each other, made me suffer», *jüz ämäk* «turn away»: *mänim dustymdin jüz äwerbolser bolsa ... ol kişineň jüzinkä uryajlar* «if he turns away from my friend..., then hit him in the face» (263-8), *jütiz tümäk* ‘lose weight’: *jyykim jüziniň itläri tüşti söňkläri küründi* «he cried, lost weight, came out bones» (281-17), *jüzi nur jurjur* (281-17), *jüzi* «the person emits light» (102), *jüzläri öndörtünçe tünye tulun aj tey* ‘her face like the full moon’ (65), *jüzläri kün täg jaruq* ‘face like the sun’ (343). The masterful interweaving of metaphorical elements into the language of the work shows the flexibility of the art of the writing of Mahmud Bulgari, his perfect knowledge of the subtleties of the folk language.

The term *hand* is passed by Mahmud Bulgari in two Turkic words - *älik* (77) ~ *qol* (47) ‘hand’: *say qol* (47) ‘right hand’, *sul liäk* ‘left hand’ (77), but the Oguzian word *älik* is more commonly used in the texts. The Oguz word *äl* can be found in Turkic Runic, ancient Uighur monuments in the form of *älig* ‘hand’ or as *älik*. The frequent use of this word in Tatar literature is observed until the beginning of the 19th century.

*Ayyz ‘mouth’*: *bir kün nayax aƳzydin bismillah kälimäse çyqty* «Once the word ‘bismillah’came out of her mouth’ (162), *suw quruy aƳzydin asty* ‘water in the well passed over the edge’ (46).

The analysis of the anatomical vocabulary functioning in theological-didactic works has a compilative character (containing statements of theologians, commentaries from the Koran) allows us to draw a number of conclusions. First of all, most of the terms used in the monument belong to the commonly accepted Turkic vocabulary, and they are found in all ancient and modern Turkic languages. Secondly, it is worth mentioning the frequency of use of the vocabulary throughout the work. Thirdly, the anatomical names are all equivalents, but phraseology, which includes the names of the body parts and organs, are of interest. These phraseological units are a corpus of somatic phraseological units of the Turkic language that require more detailed and thorough analysis.

### **Bibliography**

Eckmann J. Nehcú'l – Feradis. I, Tipki Basim / J.Eckmann. – Ankara, 1956. – 444 s.

Fazylov E.I. Starouzbekskij jazyk. Horezmijskie pamjatniki XIV veka / E.I.Fazylov. – T.1. – Tashkent. Izdatel'stvo "Fan" Uzbekskoj SSR, 1966. – 651 s. (In Russian)

Kosgariy M. Turkiy suzlar devoni. V I-III / M.Kosgariy. – Tashkent: Izdatel'stvo AN Uzbekskoj SSR, 1960-1963.

Nurieva F.Sh. Mahmud Bulgari «Nahj al-Faradis» / F.Sh.Nurieva. – Kazan, 2001. – 358 s. (In Tatar)

Nurieva F.Sh. Mahmud Bulgari «Nahj al-Faradis». Perevod. Transkripcija / F.Sh.Nurieva. – Moscow: Islamskaja kniga. – 2019. – S. 147-320. (In Russian)

Sevortian E.V. Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na bukvu "B" / E.V.Sevortian. – Moscow: Nauka, 1978. – 350 s. (In Russian)

Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Leksika. – Moscow: Nauka, 1997. – 800 s. (In Russian)

**Об одном аспекте редакторской правки в Коране 1716 г.:  
лексема *убо***

*Петровская эпоха, переводы Корана, французский язык,  
церковнославянский язык, союз и частица *убо**

В церковнославянской лексикографии принято различать *убо*-союз и *убо*-частицу. Отмечается, однако, что «во многих контекстах трудно отличить союз от частицы и уточнить его отдельные значения» [Цейтлин 1994: 720–722, Старобългарски речник 2009, II: 1016–1021, ССЯ 2006, IV: 577–583, СлРЯз XI–XVII вв., вып. 31: 29–33]. Издание [Норовская Псалтырь 1989, I: 164] определяет *убо* как междометие.

Лексема *убо* состоит из наречия *оу* (изначально самоударного) и частицы *бо*, то есть не является энклитикой [Зализняк 2019: 497]. Обзор церковнославянских примеров из источников разных эпох свидетельствует тем не менее, что зачастую *убо* занимает неначальное место во фразе, видимо, вторично с энклитиками сближаясь.

Эта лексема весьма частотна в русско-церковнославянском переводе Корана, напечатанном в 1716 г. в Санкт-Петербурге в Синодальной типографии под названием «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий». Сохранился корректурный экземпляр печатного издания Корана – РГА-ДА, ф. 1251 (БМСТ) № 3 (36) и наборная (кавычная) рукопись РГАДА, ф. 381 (Син.тип.) № 1034. Текст наборной рукописи частично написан справщиком Петербургской типографии Михаилом Волковым и содержит исправления, выполненные им самим и вторым справщиком Иваном Кременецким. В корректурном экземпляре также имеется правка этих двух справщиков с их подписями на нескольких страницах, однако сведений о переводчике ни в рукописи, ни в издании нет [Крумлинг 1994: 233; Запольская 2002: 436–437]. Спорадически *убо* появляется во втором переводе Корана с того же французского оригинала, озаглавленном «Закон Магметанский». Он представлен в двух рукописях: БАН, 33.7.6 и РГАДА, МГАМИД (ф. 181) № 148. Эта недатированная рукопись была переплетена в 1726 г. [Запольская 1988: 75–91]. Данные этого перевода по рукописи БАН частично привлекаются для сопоставления.

В старшем переводе Корана *убо* многофункционально и соответствует разным французским эквивалентам (*ainsi, au contraire, car*). Во втором переводе на месте *убо* первого перевода находятся разные средства, чаще всего *такое, симь образом, понеже*.

РГАДА, ф. 381 (Син.тип.) № 1034 *убаче ихъ сердца затве<sup>р</sup>дъли, твердъе нежели каменіе. **убо** реки текхть из каменіи когда разсѣются – ~~о<sup>т</sup>ве<sup>р</sup>зуются, или когда грядхть – разлиются~~ чре<sup>з</sup> его великое*

*бжие изволение* (л. 9) → РГАДА, ф. 1251 (БМСТ) № 3 (36) *обаче ваша сердца затвердгли, твердге нежели камене, убо ргки текутъ изъ каменю, отверзеные чрезъ его великое Божие изволение* (с. 8). Ср. 2-ой перевод БАН, 33.7.6: *о<sup>о</sup>нако<sup>ж</sup>де шны<sup>х</sup> се<sup>р</sup>дца шкаме<sup>н</sup>ели паче единого камене: понеже ргки текутъ и<sup>3</sup>дикихъ камене' егда ра<sup>3</sup>дгляются и о<sup>м</sup>воряются, и егда уподають и ра<sup>с</sup>сыпаю<sup>м</sup>ся повелгннемъ величешва его. neanmoins leurs coeurs se sont endurcis plus durs que les rochers: car les rivieres coulent des rochers lors-qu'ils se fendent et s'entr'ouvrent, ou lors-qu'ils tombent et se renversent par la permission de sa divine Majesté* (f. 8)

Анализ первоначального текста наборной рукописи показывает существование определенной зависимости позиции *убо* от позиции переводимых слов, в частности, от места, занимаемого во фразе коннектором *ainsi*. Он может лексикографироваться как наречие образа действия 'de cette manière', 'de la même façon' и относиться либо к глаголу (и тогда обычно стоит в постпозиции, за исключением случаев особого его выделения типа *ainsi soit-il* 'да будет так!'), либо ко всей фразе (и тогда всегда находится в ее начале). Кроме того, *ainsi* выступает в качестве координативного союза и тогда находится в начале пропозиции [TLFi].

В большинстве примеров, когда *ainsi* занимает начальное место во фразе, в арабском тексте ему соответствует *kadhālika* 'так, так же, равным образом' [Баранов 2006: 672].

РГАДА, ф. 381 (Син.тип.) № 1034 *хдари сие мертвое тгло единою частю сея коровы. хбо бгъ оживи мертвыхъ о<sup>б</sup>ъявляе<sup>м</sup> вамъ сия чудеса. можетъ быть что вы сие ра<sup>с</sup>судите* (л. 9) → РГАДА, ф. 1251 (БМСТ) № 3 (36) *ударю сие мертвое тгло единою частю, сего телца убо Богъ оживляю, мертвыхъ объявляетъ вамъ сия чудеса, можетъ быть, что вы сие разсудите* (с. 8). Ср. 2-ой перевод БАН, 33.7.6: *ударю сие ме<sup>р</sup>твое тело, единою частю, се' кравы, тако Бгъ воскрешает мертвых, лвы про<sup>с</sup>ла<sup>с</sup>ляете его чудеса, можетъ быти что вы сие уразумете. frapez ce corps mort avec une piece de cette vache, ainsi Dieu ressuscite les morts, et vous manifeste ses miracles, peut-être que vous les comprendrez* (f. 8).

Если *ainsi* ставится после глагола, то *убо* занимает место после первого знаменательного слова во фразе: РГАДА, ф. 381 (Син.тип.) № 1034 *азъ убо бхдх благодарити до<sup>б</sup>ротворящихъ они были вчислг тгхъ которые послгшали приказаня его* (с. 319) → РГАДА, ф. 1251 (БМСТ) № 3 (36) *Азъ убо буду благодарити добротворящихъ, они быша въ числг слушающихъ приказания его* (с. 252). *Je recompense ainsi les gens de bien, il étoit au nombre de ceux qui obeïssent à mes commandemens* (f. 352).

В нескольких случаях справщики, очевидно ощущая аномальность препозиции *убо*, изменяют его место на постпозицию (при исходной препозиции *ainsi* и *убо* в рукописи): РГАДА, ф. 381 (Син.тип.) № 1034 *Сие*

су<sup>м</sup> двѣ вещи поги<sup>б</sup>шия. І истинныя они бхдхтъ влечены во вгнь адскиі. **Убо** Бѣъ проповѣдуетъ правовѣрны<sup>м</sup>. в сотворение мое рцыте симъ которые Імгють стра<sup>х</sup> мои пре<sup>о</sup>чима своіма дабы немлѣся Ідолом Ідабы воспокаялися Г<sup>с</sup>дх свое<sup>му</sup> (л. 328) → РГАДА, ф. 1251 (БМСТ) № 3 (36) Богъ **хбо** глаголетъ. *Ce sont deux grandes pertes et très-assurées, ils seront envelopés dedans un feu éternel. Ainsi Dieu prêche les vrais croians; ô mes créatures, dites à ceux qui ont ma crainte devant les yeux qu'ils n'adorent pas les Idoles, et qu'ils se convertissent à leur Seigneur* (f. 361).

В одном случае начальное **убо** было вычеркнуто при стилистической правке фразы: РГАДА, ф. 381 (Син.тип.) № 1034 онъ подаде до<sup>ж</sup>дь небеси, ради вашае нхжды, онъ про<sup>в</sup>одитъ поля мертвыя сухія Іза<sup>з</sup>женыя. **убо** ме<sup>р</sup>твыя Ізыдутъ І<sup>р</sup> гробовъ (л. 343 об.) → РГАДА, ф. 1251 (БМСТ) № 3 (36) Онъ подаде дождь съ небеси ради вашае нужды, онъ производитъ поля мертвыя, сухія и зажженыя, и мертвыхъ возставитъ изъ гробовъ (с. 276). *Il fait descendre la pluie du ciel en vôtre nécessité, il en fait ressusciter les champs morts, secs et arides, ainsi les morts sortiront des monumens* (f. 384).

Наконец, при исправлении начальное **убо** было заменено на союз **ибо**: РГАДА, ф. 381 (Син.тип.) № 1034 рекли ащебы Бѣъ хотѣ<sup>л</sup>, мыбы немолілися ангело<sup>м</sup>. они не<sup>з</sup>нають что рекутъ, Іде<sup>р</sup>заютъ не<sup>з</sup>наемо, сохраняютли какое нѣбу<sup>д</sup> писание что І<sup>м</sup> пре<sup>ж</sup>де сего показано. **Убо** они рекутъ<sup>м</sup> что о<sup>т</sup>цы ихъ жили тако. Іони послѣдуютъ Імъ (л. 344 об.) → РГАДА, ф. 1251 (БМСТ) № 3 (36) тогда они будутъ глаголати: аще бы Богъ хотѣлъ, мы бы не моліліся ангеломъ. они не знаютъ что рекутъ, и дерзуютъ незнаемо, сохраняютъ ли какое нѣбудъ писаніе что имъ прежде сего показано. **Ибо** они рекутъ, что отцы ихъ жили тако, и они послѣдуютъ имъ (с. 277). *Ils ont dit, Si Dieu eût voulu nous n'aurions pas adoré les Anges; ils ne savent pas ce qu'ils disent, et blasphément ignorantement, observant-ils quelque écriture qui leur ait été ci-devant enseignée? Au contraire, ils dissent que leurs peres vivoient de cette façon, et qu'ils suivent leurs vestiges* (f. 384). В последнем случае изменяется также значение 'напротив, наоборот' → 'потому что' (замена обусловлена тем, что союз **убо** может указывать на причину ранее сказанного и имеет значение 'ибо, ведь, потому что') [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 31: 31].

Расширенное употребление **убо** в печатном переводе Корана является частным случаем экспансии маркированно церковнославянских синтаксических средств в языке петровской эпохи и манифестацией продолжающегося действия тенденции к расширению употребления церковнославянского языка, характерной для предшествующей эпохи. Лексема **убо** является теперь не только переводческим эквивалентом греческих и латинских лексем с соответствующим набором значений, как это было в более ранний период. Она становится весьма точным функ-

циональным эквивалентом синтаксических коннекторов европейского литературного языка нового типа (французского).

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42009.*

### **Литература**

Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь / Х.К.Баранов. – Т. 2. 11-е изд., стереотипное. – М., 2006.

Зализняк А.А. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь / А.А.Зализняк. – М., 2019.

Запольская Н.Н. П.В.Постников – выпускник Славяно-греко-латинской академии (новые материалы для биографии) / Н.Н.Запольская // *Cyrrillomethodianum*. – 1988. – № 12. – С.75–91.

Запольская Н.Н. Культурно-языковой статус личности и текста в Петровскую эпоху (опыт прогнозирующего анализа) / Н.Н.Запольская // *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением*. – М., 2002. – С. 422–447.

Крумлинг А.А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом / А.А.Крумлинг // *Архив русской истории*. – Вып. 5. – М., 1994. – С.227–239.

Норовская Псалтырь 1989, I – Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века: В 2-х чч. / изд. подг. Е.В.Чешко, И.К.Бунина, В.А.Дыбо, О.А.Князевская, Л.А.Науменко. – София, 1989.

СлРЯз XI–XVII вв., вып. 31 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 31 (Убивание – Улокъ). М., 2019.

ССЯ 2006, IV – Словарь старославянского языка. Т. IV. СПб., 2006.

Старобългарски речник 2009, II – Старобългарски речник. Т. II. София, 2009.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерка, Э.Благова. – М., 1994.

TLFi – Trésor de la Langue Française informatisé. <http://atilf.atilf.fr/>

## **Лингвистические аспекты книжной справки Псалтыри в составе Московской Библии 1663 г.**

*церковнославянский язык, книжная справа, богослужebные книги,  
история языка*

В докладе представлены результаты реконструкции филологической программы, которой руководствовались книжники круга Епифания Славинецкого при подготовке к изданию Псалтыри в составе Московской («Первопечатной») Библии 1663 г. (далее МБ). Недостаточная изученность Московской Библии в языковом отношении обусловила бытующее в науке представление о том, что она была напечатана по Острожской Библии 1581 г. (далее ОБ) либо почти без изменений, либо с незначительными окказиональными исправлениями, то есть представляет собой буквальное «переиздание», «перепечатку» Острожского кодекса [ср. Астафьев 1889: 71; Чистович 1899: 13–14; Евсеев 1916: 112].

Существенные коррективы в традиционное представление о МБ были внесены лишь в самое последнее время Е.А.Кузьминовой, исследовавшей лингвистические параметры МБ на материале новозаветных текстов как более стабильных по сравнению с Ветхим Заветом и в наименьшей степени подвергавшихся справе на уровне текста. Ею было установлено, что филологическая работа московских редакторов не сводилась к корректному воспроизведению текста-источника, т.е. ОБ, а представляла собой «последовательную, систематическую и целенаправленную книжную справу» [Кузьминова 2017: 22; Кузьминова 2020: 414–416]. Также было доказано, что ведущая тенденция осуществленной на Московском Печатном дворе библейской справки заключалась в приведении основных орфографических и грамматических параметров исходного текста ОБ в соответствие с системой норм московского издания грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. (М.: Печ. двор, 14.II.1648 [без имени автора]) (далее ГМ).

Разработанная Е.А.Кузьминовой модель анализа направлений библейской справки, позволяющая реконструировать лингвистическую программу справщиков и выявить систему реализованных ими норм, применяется нами для исследования Псалтыри, занимающей в составе МБ особое место: это единственная книга, представленная в редакции самого Епифания Славинецкого, иными словами, принципы ее справки гипотетически могли не совпадать с теми принципами, которыми мос-



ковские редакторы руководствовались по отношению к остальным ветхо- и новозаветным книгам.

Анализ языковых параметров исходного текста Псалтыри в составе ОБ и анализ исправлений, внесенных в него при подготовке к изданию МБ, проводился на основе сплошной выборки материала из рассматриваемых текстов. Для выявления всего объема языковой правки были созданы полные электронные версии исследуемых текстов, предельно точно воспроизводящие все особенности их набора и шрифта, включая диакритику и пунктуацию. Компьютерная обработка лингвистического материала обеспечила получение надежных статистических данных.

В результате проведенного исследования было выявлено многочисленные регулярные исправления, внесенные на грамматическом уровне в двух основных направлениях. Во-первых, устраняются допущенные в исходном тексте ОБ аграмматизмы, т.е. восстанавливается нарушенная реализация грамматических категорий в формах простых претеритов (помани ѓи поношеніе ра<sup>Ѣ</sup> твои<sup>х</sup>, еже оудръжа ѵ надрѣ моёмъ многы ѓзыкы → оудръжахъ [Пс 88: 50]), двойственного числа (и покій скраниамъ моимъ → скраниама моима [Пс 131: 4], дркѣ твои<sup>х</sup> не презри → дркѣ твоєю [Пс 137: 8], оуши твои ѵнемлюще гла млтвы моеа → внемлющѣ [Пс 129: 2]), вокатива (Стоаще бѣхѣ нѡгы наша въ дворѣхѣ твоихѣ іерліимъ → іерліиме [Пс 121: 2], аще забѣдѣ тебе іерліимъ → іерліиме [Пс 136: 5], Похвали іерліимъ ѓа → іерліиме [Пс 147: 1]);

Во-вторых, справа подвергаются те формы текста-источника, которые не соответствуют нормативным предписаниям московского издания грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. как при тождественности нормы ГМ норме первого евьевского издания грамматики 1619 г. (далее ГС) ГМ=ГС, так и при их расхождении ГМ≠ГС. Во втором случае исправления ОБ → МБ аналогичны исправлениям ГС → ГМ, которые вносились на Московском Печатном дворе при подготовке второго издания грамматики. Большинство исправлений такого рода в тексте Псалтыри осуществляется в тех же грамматических позициях, которые были подвергнуты правке и в новозаветных книгах:

1. И.п. ед.ч. сущ. ж.р. с суффиксом -ын-: сего ради оудръжа ихъ грдыни до конца → гордына [Пс 72: 6], домѣ твоємѣ подобаетъ стѣини ѓи → стѣина [Пс 92: 6] (ср. ГС → ГМ: Стѣина, или стѣини → стѣина л. 41, 103 об., гордына/ или гордыни → гордына л. 41, 104 об.);

2. Р.п. ед.ч., В.п. мн.ч. сущ. ж.р. и В.п. мн.ч. сущ. м.р. с исходом основы на мягких согласный: Ѡ земля → Ѡ земли [Пс 9: 36, 21: 10, 33:

16], Положилъ ѣсть *пѣстына* → пѣстыни [Пс 106: 35], напааютъ всѣ звѣри → звѣри [Пс 103: 11], положи *кнѣза* → кнѣзи [Пс 82: 11] (ср. ГС → ГМ: *ѣстына* → *ѣстыни* л. 41, 103 об., *врача* → *врачи* л. 72 об., 131);

3. Р.п. ед.ч., И и В.п. мн.ч. сущ. ж.р., В.п. мн.ч. сущ. м.р. с исходом основы на -ц: *ѡ* плода *пшеница* → пшеницы [Пс 4: 7], даѡ ѣси насъ *ѡ*ко *ѡвца* снѣди → *ѡвцы* [Пс 43: 11], възложатъ на *ѡлтарь* твой *телца* → *телцы* [Пс 50: 20], Хранѡи *младенца* *гь* → *младенцы* [Пс 114: 5] (ср. ГС → ГМ: *ѡтцы*, *и ѡтца* → *ѡтцы* л. 48, 111 об., *пѡницы*, *пѡница* → *пѡницы* л. 37 об.–38, 99 об.–100);

4. М.п. ед.ч. сущ. с.р. с исходом основы на -ц: *въ* ср<sup>а</sup>ци → *въ* ср<sup>а</sup>цѣ [Пс 9: 26, 9: 31, 11: 2] (ср. ГС → ГМ: *ѡ* Лици → *ѡ* лицѣ л.120, 184);

5. М.п. мн.ч. сущ. м. и с.р.: *ѡ* точилехъ → *ѡ* точилѣх [Пс 8: 1], *въ* ѡзыцехъ → *въ* ѡзыцѣх [Пс 9: 11], *въ* гѡслехъ → *въ* гѡслѣхъ [Пс 32: 2] (ср. ГС → ГМ: *ѡ*рмехъ, *и ѡ*рмѣхъ → *ѡ*рмѣхъ, *воинехъ*, *и воинѣхъ* → *воинѣхъ* л. 44–44об., 106 об.–107);

6. Р.п. мн. сущ. м. и ж.р. *ѡ* кровѡи → *ѡ* кровѣй [Пс 15: 4], *ѡ* людѡи → *ѡ* людѣй [Пс 88: 20] (ГС → ГМ: *матерѡи* → *матерѣй*, *ѣй* л. 61, 121 об., ГС = ГМ *пастырѣй* л. 63 об., 123 об.);

7. И.п. мн.ч. прич.: *блжѡни* *въ*си *надѣющѣисѡ* на *нь* → *надѣющѣисѡ* [Пс 2: 12], *вси* ѡзыцы *завывѡющѣи* *бѡ* → *завывѡющѣи* [Пс 9: 17] (ср. ГС = ГМ *вѡющѣи* л. 183 об., 264 об.);

8. В.п. мн. прич.: порази *въ*сѡ *враждѡущѡ* → *враждѡущѡ* [Пс 3: 7], десница твѡ *ѡ*бръщѣтъ *въ*сѡ *ненавѡдѡщѡ* тебе → *ненавѡдѡщѡ* [Пс 20: 8] (ср. ГС = ГМ *вѡющѡ* л. 183 об., 264 об.);

9. Дателный приименной → родительный приименной: пою *имѡ*ни *гь* *зѡщѣитѣль* *живѡтѡ* *моѡ* → *живѡтѡ* *моѡ* [Пс 26: 1], *и* не *предѡ*стѣ *ѣ*го *в* рѡкы *врагомѡ* *ѣ*го → *врагѡ*въ [Пс 40: 2] (ср. ГС = ГМ *Двоѡ* *сѡществѣтелнѡ* *различныхъ* *вѣщѣй* *стѣкающѣсѡ*, *дрѡгѡѣ* *ихъ* *в* *родѣтелномъ* *полагѡ*емо *бывѡ*ти *ѡ*бѣче; *ѡ*кѡ, *ѡ*тѣцѣ *воудѡ*щѡгѡ *вѣ*ка л. 197 об., 283 об.).

Вместе с тем объем справки Псалтыри в составе МБ превышает объем справки Четвероевангелия. По сравнению с евангельскими текстами в Псалтыри систематические исправления грамматического характера, ориентированные на предписания ГМ, охватывают большой набор форм и синтаксических конструкций. Так, например, в Псалтыри последовательно устраняются формы В.п. мн.ч. м.р. указательного местоимения *ѣхъ*, омонимичные формам Р.п. мн.ч.: *смѣти ѣхъ* → *ѣ* [Пс 17: 14], *храниѣ ѣхъ* → *ѣ* [Пс 18: 11], тогда как в Евангелиях МБ они сохраняются без изменений, ср. *ѡвѣрѣте ѣхъ* [Мк 14: 40], *ѣзгѡнитѣ ѣхъ* [Ин 10: 03]. Именно форма *ѣ* была кодифицирована в качестве единственно нормативной в В.п. мн.ч. как в первом, так и во втором изданиях грамматики Мелетия Смотрицкого, а за *ѣхъ* было закреплено значение только Р.п. мн.ч. (л. 115–115 об., 178–179).

Правка затрагивает в Псалтыри и формы относительных местоимений, падеж которых изменяется в зависимости от модели управления сказуемого в придаточном предложении: *гдѣ сѣтъ мѣти твоѡ древнаѡ ѣи, ѡже клятѡ двѡ въ истинѣ твоѡи* → *ѣмиже* [Пс 88: 50], *да вѣдѣтѣ ѡко трава... ѡже не ѣсполни рѣкѣ своѡѡ жнѡи* → *ѣюже* [Пс 128: 06–07]. Данные исправления полностью согласуются с указаниями Мелетия Смотрицкого, который в разделе «*Ѡвоносительныѣ*» [т.е. об относительных местоимениях] особо оговаривал различие в этом отношении церковнославянского, в котором относительным местоимением управляет глагол придаточного предложения, и греческого языка, в котором относительное местоимение согласуется по падежу с анафорическим словом главного предложения (л. 204 об.–205 об.; 292 об.–293).

Воспроизводя греческую конструкцию «тоѡ + инфинитив», справщики заменяют одиночный инфинитив цели конструкцией «*ѣже + инфинитив*»: *Присѣдѣтѣ въ ловѣтелеѣ съ богатыми, в тайныѣ оубѣити неповѣннаго* → *ѣже оубѣити* [Пс 9: 28], *Внегда̀ приближатѡ на мѡ злобѣюще, снѣсти плотѣи моухъ* → *ѣже снѣсти* [Пс 26: 2]. Формальное тождество церковнославянской и греческой конструкций отмечается в ГС=ГМ в специальном *оубѣщѣнѣи*, предписывающем «сохранять» *ѣже* при выражении целевых отношений (л. 220 об.–221 об., 310 об.–311).

Таким образом, справа Псалтыри, как и справа новозаветных книг, имела грамматически мотивированный характер – ее основным регулятором служила грамматика 1648 г. Осуществляя справку, московские ре-

дакторы демонстрируют однозначную приверженность системе кодифицированных в ней норм. Факторы, определившие расхождения в объеме справки в разных книгах в составе МБ, требуют дальнейшего изучения.

### **Литература**

Астафьев Н. Опыт истории Библии в России / Н.Астафьев. – СПб., 1889.

Евсеев И.Е. Очерки по истории славянского перевода Библии / И.Е.Евсеев. – Пг., 1916.

Кузьминова Е.А. Грамматика 1648 г. как регулятор библейской книжной справки второй половины XVII века / Е.А.Кузьминова // Вестник Московского университета. – 2017. – Сер. 9: Филология. № 5. – С.21–46.

Кузьминова Е.А. Острожская Библия 1581 г. и Московская Библия 1663 г.: лингвистические аспекты книжной справки / Е.А.Кузьминова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4 (83). – С.411–417.

Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык / И.А.Чистович. – СПб., 1899.

# ТРАДИЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЕЕ ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Абдрашитова Людмила Маратовна  
Казанский (Приволжский) федеральный университет  
УДК 81

## Культурологическая и металингвистическая экспликация как способы решения проблемы расхождения фоновых знаний при переводе текста

*перевод, экспликация, прагматическая адаптация,  
межкультурная коммуникация, дискурс*

Каждый человек обладает определенным запасом фоновых знаний, однако часто сведения и представления историко-культурного, социокультурного, этнокультурного характера могут значительно отличаться. В частности, разница в фоновых знаниях автора и потенциального читателя способна осложнить понимание текста. В таком случае переводчик выступает посредником межкультурного взаимодействия.

В качестве приемов поиска и реализации переводческого решения рассмотрим такой прием перевода, как экспликацию, и, в частности, два ее типа – культурологическую и металингвистическую.

Обозначим **экспликацию** как процесс и результат преобразования в переводимом тексте информации, содержащейся в оригинальном тексте в имплицитной форме.

Расхождение фоновых знаний автора и потенциального читателя возможно нивелировать посредством приема **культурологической экспликации**. При данном типе экспликации от переводчика требуется наличие большого количества фоновых знаний, обращение к экстралингвистическому опыту, поиску творческого решения в процессе прагматической адаптации текста для читателя. Цель такой экспликации заключается в стремлении передать национальный колорит средствами языка, реализовать интенции автора текста.

Однако экспликация не всегда обязательна в таком случае, так как в отношении ряда языков сам процент расхождения может быть небольшим, возможно повышение уровня взаимопроникновения взаимодействующих лингвокультур. Например, не все национальные реалии близкородственного языка необходимо пояснять читателю, поскольку читатель, вероятно, знаком с ними.

Культурологическая экспликация реализуется как в тексте, так и за его пределами, сопровождается замещением или сохранением исходного элемента оригинального текста.

К культурологической экспликации относятся: парафраза, описательный перевод, интерполяция, внутритекстовый комментарий, затекстовый переводческий комментарий, примечания.

Примером применения культурологической экспликации может послужить перевод словосочетаний *piano playing, piano players* в новостных статьях о политической ситуации и выборах в определенной стране. Данные выражения для наилучшего восприятия читателем переводятся на русский язык при помощи культурологической экспликации (описательный перевод): 'голосование чужими карточками', 'кнопкодав', 'голосующий чужой карточкой'.

По мнению многих исследователей, наиболее удачно осуществляется перевод реалии посредством интерполяции, включающей добавление пояснительного комментария, при которой передается не только сама буква, но и дух, смысл, интенция автора.

Рассмотрим пример применения интерполяции при переводе предложения:

*He planned to open his shop in Wangfujing.*

*Он планировал открытие своего магазина на улице Ванфуцзин.*

В данном примере добавлено слово 'улица' к топониму. Однако, если того требует тип текста, интенция автор и то, кому адресован перевод, может быть применена еще одна культурологическая экспликация в виде внутритекстового или затекстового комментария.

Приведем пример внутритекстового комментария:

*Он планировал открытие своего магазина на улице Ванфуцзин (известной торговой улице Пекина).*

**Металингвистическая экспликация** подразумевает наличие имплицитной информации в оригинальном тексте, которую переводчику необходимо извлечь из узкого, а порой и из весьма широкого контекста.

При металингвистической экспликации предполагается перевод с пояснением, которое может выноситься в конец страницы в форме сноски или в конец всего произведения.

Переводчику в таком случае необходимо передать «внутрилингвистические значения единиц исходного языка» [Бархударов 1975: 133]. Сложность для переводчика состоит не только в недостаточности или отсутствии определенных фоновых знаний, но и в том, что сама языковая форма, нормативность выступают в качестве предмета перевода (перевод фразеологических единиц, иноязычных вкраплений, терминов, сокращений, игры слов, аллюзий, каламбура и различных отклонений от литературной нормы).

В качестве примера металингвистической экспликации можно рассмотреть перевод слова *phubbing*, в русском языке возможна его транслитерация 'фаббинг', и пояснение в примечании, что речь идет о ситуации, когда собеседник во время разговора не обращает внимание на говорящего и смотрит в свой мобильный телефон.

Культурологическая и металингвистическая экспликация служат инструментом восполнения у читателя фоновых знаний культурного, исторического, социального и бытового характера, наилучшей передачи внутриязыкового содержания и интенций автора исходного текста. Экспликация играет важную роль в процессе переводческой адаптации текста для читателя, являющегося представителем другой лингвокультуры.

### Литература

Алексейцева Т.А. Экспликация как способ преодоления межъязыковой и межкультурной асимметрии в переводе: дис. ... канд. филол. наук / Т.А.Алексейцева. – Санкт-Петербург, 2009. – 187 с.

Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С.Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С.Виноградов. – М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

Влахов С.И. Непереводимое в переводе / С.И.Влахов, С.П.Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 344 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник / Н.К.Гарбовский. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 544 с.

Коровкина М.Е. Концептуальная и языковая картины мира и трудности перевода: учебное пособие / М.Е.Коровкина. – М.: РГГУ, 2013. – 267 с.

Baccheretti P. Traduire ou interpréter? / P.Baccheretti // La Traduction. (Problèmes théoriques et pratiques), Cercle linguistique d'Aix en Provence, Travaux 10. Aix-en-Provence, 1993. – P. 210-229.

Pápai V. Explication: A Universal of translated text? // Translation universals: Do they exist? / ed. by A.Mauranen, P.Kujamäki. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2004. – P.143-169.

Pym A. Explaining Explication / A.Pym // New Trends in Translation Studies. In Honour of Kinga Klaudy / ed. by K.Karoly, Á.Fóris. – Budapest: Akademia Kiado, 2005. – P.29-45.

## Role of culturological explicitation in translation

*translation, explicitation, intercultural communication, translator, culturology*

There has always been a growing interest in searching best ways to make the target text translated more intelligible and clearer to its reader without losing its meaning content and the author's intention. Thus, text pragmatics, especially pragmatic approach to translation, is paid much attention nowadays. Pragmatic approach is aimed at providing "adequate perception of diverse information contained in the utterance by the translation receptor" [Korovkina 2012: 121]. For this purpose explicitation rightfully takes a significant place in the translation process.

We define **explicitation** as a process and result of transformation of implicit information contained in the source text in the text of translation, and adaptation of the translation text to the recipient of this information being a representative of culture and language apart from the author's ones.

To classify the types of explicitation there should be singled out such criteria as context, language and ethnic barrier, place (in the text/outside the text), obligatory/optional, reasons result in in explicitation in translation. One of explicitation types singled out this way is called **culturological explicitation**. Culturological explicitation is focused on leveling difference in background knowledge and cultural differences of the author and the reader of the text.

Culturological explicitation in its turn is represented by several methods of translation, these are: descriptive or explicatory/explanatory translation, periphrasis, translator's notes within the text, interpolation, footnote, endnote.

To bring further light on the role of culturological explicitation in translation and its significant help in dealing with country specific vocabulary of certain texts it is necessary to provide some examples of culturological explicitation usage.

When dealing with the text oriented on the description of some political situation and voting process the translator can face a term or a word or phrase of jargon used by the author of the source text that can be quite unclear to the reader. In this case the translator may need to give some explanation, thus he uses a way of explanatory translation. For example, *whistle-stop speech* can be translated into Russian as 'агитационное выступление кандидата во время остановки поезда', furthermore the original phrase is replaced by this explanatory translation.

Periphrasis using means a case, when some expression of the source text, unfamiliar to the reader of the translated text, is replaced by an expression used in the target language, and, accordingly, understandable to the reader. For



example, if, while reading the text about the customs of ancient Russia, we have “Она покрыла голову платком”, then into English or French we will not be able to translate it literally. This sentence has a meaning that the woman ‘got married’. Thus, the translation should be as follows: *She got married*.

As a way of culturological explicitation there can be used the translator’s notes within the text translated from English into Russian such as:

*Mecklenburg-Western Pomerania regions have a small population.*

*Мекленбург-Передняя Померания (историческая область вдоль побережья Балтийского моря между реками Одер и Висла) имеет небольшую плотность населения.*

*Mecklenburg-Western Pomerania regions* can be accompanied by some explanatory note making the text more understandable and vivid for the potential reader who presumably is unaware of these country specific details.

To demonstrate the usage on interpolation, i.e. adding an explanation to the source element that is not clear to the potential reader of the translation text. Interpolation can be carried out with just one word, but it can also be quite extensive. Example: *Last spring he went to Kent / Прошлой весной он побывал в графстве Кент.*

Some texts require usage of more extensive way of adding explanatory information – footnote and endnote. The choice of means of culturological explicitation depends on the type of the text and the recipient of the information provided by the text of translation. Culturological explicitation enables the translator to be a better and more efficient intermediary in the process on intercultural communication.

## Bibliography

Alekseitseva T.A. Eksplikatsiya kak sposob preodoleniya mezhyazykovoi asimetrii v perevode / T.A.Alekseitseva. – Sankt-Peterburg, 2009. – 187 p.

Baccheretti P. Traduire ou interpréter? / P.Baccheretti // La Traduction. (Problèmes théoriques et pratiques), Cercle linguistique d’Aix en Provence, Travaux 10. – Aix-en-Provence, 1993. – P.210-229.

Korovkina M.E. Kontseptualnaya I yazykovaya kartiny mira I trudnostiperevoda / M.E.Korovkina. – M.: RGGU, 2012. – 267 p.

Komissarov V.N. Language and Culture in Translation: Competitors or Collaborators? / V.N.Komissarov // TTR: traduction, terminologie, redaction. – 1991. – Vol. 4. – №1.

Pápai V. Explicitation: A Universal of translated text? / V.Papai // Mauranen A., Kujamäki P. (eds.) Translation universals: Do they exist? – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2004. – P.143-169.

Pym A. Explaining Explicitation / A.Pym // New Trends in Translation Studies. In Honour of Kinga Klauudy / ed. by K.Karoly, Á.Fóris. – Budapest: Akademia Kiado, 2005. – P.29-45.

Shveitser A.D. Perevod i lingvistika / A.D.Shveitser. – M.: Voen. Izd. Min. Oborony SSSR, 1973. – 280 p.

Shveitser A.D. Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty / A.D.Shveitser. – M.: Nauka, 1988. – 216 p.

## **Актуализация прагматического потенциала диминутивных образований в немецкой лингвокультуре**

*категория диминутивности, словообразовательная модель,  
прагматическая функция, прагматический потенциал,  
когнитивно-ментальная семантика, немецкая лингвокультура*

Лингвокультура каждого народа является уникальным накопителем и хранителем культурно-ценностных, духовно-нравственных, морально-этических ценностей, актуализация которых продиктована ментальными особенностями языковой культуры и языкового потенциала. В этой связи лингвистическая проблема определения прагматического потенциала диминутивных образований сквозь призму особенностей когнитивно-ментальной семантики являлась и является одной из комплексных и до настоящего времени остается предметом исследования как зарубежных, так и отечественных ученых. Заявленная лингвистическая проблема ярко репрезентирована при актуализации такой языковой категории как категория диминутивности.

На сегодня очевидно, что категория диминутивности актуализирует не только семантику «уменьшительности», но и обладает прагматическим потенциалом, включающим широкий спектр дополнительных значений; именно данным фактом и продиктованы выбор темы и актуальность исследования.

Выявление прагматического потенциала, а также специфики функционально-семантических характеристик диминутивных образований в немецкой лингвокультуре является целью настоящего исследования.

Эмпирической базой исследования послужили лексикографические источники немецкого языка, а именно Электронный корпус немецкого языка DWDS, Мангеймский корпус немецкого языка, Национальный корпус русского языка, микроконтексты печатных и онлайн-изданий различных видов дискурса, в которых употребляются диминутивные образования.

Актуализация категории диминутивности наблюдается на уровне существительного, прилагательного, глагола, наречия. Фокус нашего внимания занимают субстантивные дериваты, образованные посредством диминутивных суффиксов немецкого языка.

Традиционно под диминутивностью понимается «обобщенное значение малого объема, размера и т.п., обычно выражаемое посредством уменьшительных аффиксов и сопровождающееся различными эмоциональными окрасками — ласкательности, уничижительности и т.п. [Ахманова 2004]. Кроме того, “диминутивность” следует понимать как семантическое и формальное формирование основного слова с помощью

определенных словообразовательных и лексических средств. [Klimaszewska 1983: 9]. Исследования актуализации прагматической функции диминутивных образований в различных видах дискурса делают неоспоримым положение, согласно которому диминутивы (а также аугментативы) могут вносить помимо их прототипной функции количественной оценки также качественную оценку [Scherer 2019: 52-55], и этот факт является объяснением того, почему диминутивные образования или диминутивные производные находятся также в центре внимания исследователей экспрессивной морфологии. При описании аффиксов, способных выражать различные коннотации, используется такое определение, как „*suffixale Konnoteme, präfixale Konnoteme, halbpräfixale Konnoteme*“ [Gowerdowskij 2002: 126, 128, 141], что в переводе означает «суффиксальные коннотемы, префиксальные коннотемы, полупрефиксальные коннотемы». Коннотаты (Konnotate) представляют собой наполненные в самой различной мере индивидуальным и коллективным содержанием дополнительные значения, оттенки, окраску в языке. Коннотативным содержанием могут обладать не только корневые основы слова, но и аффиксы. [Там же: 13] например, диминутивный суффикс – *chen* актуализирует как положительные, так и отрицательные коннотации: *Städtchen* (уменьшительность, отрицательное значение), *Wetterchen* (положительное значение), *Freundchen* (отрицательное значение).

Диминутивные образования актуализируют семантические характеристики, при которых коннотативное и денотативное значение реализуется посредством одного и того же аффикса. Поскольку прагматика направлена на выяснение intersубъективных отношений, то центральное место в ней занимает категория субъекта, с личностной „пристрастностью“ которого связан целый ряд блоков субъективированной семантики, в том числе и блок эмоционально-экспрессивной семантики [Малинович 1989: 35]. При этом следует учитывать, что экспликация дополнительных смыслов в аффиксальных производных обусловлена коммуникативными стратегиями субъекта, реализуемыми в определенном виде дискурса, актуализации которых в свою очередь зависит от индивидуального фонда языковых знаний. Индивидуальный фонд языковых знаний способен отразить предшествующий социальный, когнитивный и коммуникативный опыт субъекта, кроме того он содержит усвоенные через этот опыт конвенциональные единицы языка [Галич 2002: 34].

Таким образом, актуализация прагматического потенциала диминутивных образований в немецкой лингвокультуре обусловлены когнитивно-ментальной, а также субъективированной семантикой, с одной стороны; с другой – лингвокультурной спецификой репрезентации определенного вида дискурса и непосредственно контекстуальным полем в условиях концептуализации определенного фрагмента действительности. Посредством инструментов словообразовательного уровня определяются степень актуализации эмоционально-воздействующей функ-

ции диминутивных образований. Ведь в семантике производных так или иначе находят отражение семантические свойства их компонентов, моделируемый семантический характер операций их соединения, а также контекстуально наслаиваемые смыслы, ведущие к становлению новых значений, возникающих как результат семантического развития производного слова [Харитончик 2001: 74].

### Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С.Ахманова. – 2-е изд. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – URL: [http://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/\\_51.htm](http://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_51.htm).

Галич Г.Г. Когнитивная категория количества и ее реализация в современном немецком языке: монография / Г.Г.Галич. – Омск: ОмГУ, 2002. – 208 с.

Малинович Ю.М. Экспрессия и смысл в предложении: Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса / Ю.М.Малинович. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. – 216 с.

Харитончик З.А. О рефлексии лексических значений компонентов в семантике аффиксальных производных / З.А.Харитончик // *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik: (Materialien der 5. Intern Konf. der Kommiss. für slavische Wortbildung beim Intern. Slavistenkom. Lutherstadt Wittenberg, 20.-25. Sept. 2001)* / S.Mengel (Hrsg.). – Münster [etc.] : Lit, [2002]. – 490 с.

Gowerdowskij W. Affixale Konnotation im Deutschen und im Russischen: Vergleichende Typologie / W.Gowerdowskij. – Aachen: Shaker, 2002. – S. 176.

Klimaszewska Z. Diminutive und augmentative Ausdrucksmöglichkeiten des Niederländischen, Deutschen und Polnischen – Eine konfrontative Darstellung / Z.Klimaszewska. – Wrocław [u. a.]: Ossolineum. 1983. – 116 с.

Scherer C. Expressivität in der Wortbildung / C.Scherer // *Expressivität im Deutschen* / C.Scherer; hrsg. F.dAvis, R.Finkbeiner. – De Gruyeter, 2019. – S.126.

**Абдуллаев Сайфулла Нурмухаммедович**  
Иссык-Кульский государственный университет  
**Апаева Софья Хусаиновна**  
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына  
**Эркебуланова Нургуль Шаршеевна**  
Международный университет Кыргызстана  
УДК 81'367.5

## **Отдельные аспекты модельного представления синтаксем**

*модель, простое предложение, полипредикативная конструкция,  
пропозиция, синтаксема*

Современное представление о модели элементарного простого предложения в разных лингвистических традициях и, в частности, в тюрко-монгольской синтаксической традиции сформировалось не в одночасье. Здесь резонно говорить о сложном процессе динамики выработки понятия. В этом процессе возможно выделение нескольких эволюционных этапов становления модельных взглядов на синтаксем. В контексте идей новосибирской синтаксической школы можно наметить взгляд «сверху» (с позиций полипредикативного синтаксиса) и «снизу» (на уровне монопредикативных предложений) [Черемисина 1989 : 36]. В точке соприкосновения данных подходов выкристаллизовывается модельное представление о синтаксеме (элементарном простом предложении, универсальной модели предложения) как единице синтаксического уровня системы языка, противопоставленной единицам речи – высказываниям. Такой подход детерминирован особенностью синтаксического строя тюркских языков, заключающейся в том, что компоненты моно- и полипредикативных построений соединяются аналогичными способами [Убрятова 1976 : 47].

В данном случае, обращаясь к процессам становления понятия модели синтаксем, мы будем говорить как о движении «снизу», так и о взгляде «сверху». Необходимо предварительно отметить, что изучение полипредикативных конструкций (подход «сверху») позволило наработать понятийно-терминологический аппарат для формульного описания структурных схем и синтаксических позиций вообще. Подход «снизу» в свою очередь предполагает несколько этапов, описанию которых мы посвятили отдельные исследования, в частности, на примере современного уйгурского языка как типичного представителя тюркских языков [Абдуллаев 2020: 11].

Важной предпосылкой для двунаправленного подхода к модельному представлению систем в тюркских и монгольских языках является положение об изоморфических и неизоморфических способах выражения синтаксических связей. Благодаря исследованиям видного тюрколога

Е.И.Убрятовой стала очевидна фундаментальная закономерность тюркских языков, а именно изоморфизм средств связи в области гипотаксиса. Обнаружилось, что в этих языках предикативные единицы соединяются теми же способами, что и словоформы в составе простого монопредикативного предложения [Убрятова 1976: 47]. Они заполняют одни и те же синтаксические позиции, которые важно указывать в качестве облигаторных в моделях синтаксических единиц языка. Такие способы синтаксического соединения компонентов простого и полипредикативного предложений мы называем изоморфическими. Если обратиться на материале уйгурского языка, например, к полипредикативным предложениям с подлежащей зависимой предикативной единицей (одному из функциональных типов полипредикативных сложных предложений языка), то можно видеть, что здесь отмечается та же языковая техника, что и на уровне монопредикативного предложения – используются морфологические показатели подчинительной связи, т.е. аффиксы, а не союзные средства [Строй 1989: 414]. Синтетизм всей полипредикативной конструкции обусловлен тем, что эти показатели синтаксической связи входят в форму зависимого инфинитного предиката. Например:

(12) уйг. *Иним Арсилан-тегинниң бизләр тәрәптә баш пана болғини хол.* (Ah, ОЧ, 299)

ини=м=∅	Арсилан-тегин=ниң	биз=ләр	тәрәп=тә
брат=POSS.1SG=NOM	Арсилан-тегин=GEN	мы=PL	сторона=LOC
баш	пана=∅	бол=гин=и=∅	хол
главный	оплот=NOM	быть=PP=POSS.3=NOM	хорошо

«Хорошо, что брат Арсилан-тегин является главным оплотом на нашей стороне».

Приведенный пример иллюстрирует так называемые сложные полипредикативные предложения синтетического типа (к ним со стороны языковой техники примыкают и сложные предложения аналитико-синтетического типа, в частности, причастно-последовательные конструкции, реализующие принципиально сходный механизм зависимой предикации), противопоставленные сложным предложениям аналитического типа. В нашем примере факт и характер синтаксической зависимости выражен при помощи цепочки аффиксов =ган=и. Высказывание реализует модель, имеющую структурную схему **{[N2 Tv=ган//] (ГПЕ)}**. В том случае, когда мы обращаемся к простому предложению и словосочетанию, то в том же уйгурском языке легко можем заметить, что аффиксальные средства используются при соединении слов друг с другом по способу управления.

В полипредикативных предложениях аналитического типа оба предиката, и зависимый, и главный, имеют финитную форму. Факт и характер синтаксического подчинения выражается аналитическими скрепами типа *-КИ*, которые традиция называет союзами. В уйгурском языке, в частности, скрепа «союз» *-КИ*, согласно действующим орфографическим правилам аналогично постпозитивным частицам, морфологически

входит в форму линейно конечного компонента ГПЕ [Абдуллаев 1992: 264]. Однако он вместе с анафорическими местоименными формами (*шу, шу нәрсә*) рассматривается нами как аналитическая скрепа. Перед ним находится финитная форма именного сказуемого, которая может стоять в конце простого монопредикативного предложения или в главной части полипредикативной конструкции синтетического типа. Подлежащее ЗПЕ принимает форму неопределенного падежа [Абдуллаев 1988 : 105; Строй 1989 : 404]. Обратимся к примеру последнего типа, в котором можно наблюдать не изоморфические способы синтаксической подчинительной связи между предикативными единицами.

(7) уйг. *Рошәнки, шеир бәдий шәклигә егә.* (УТБТ, 110)

рошән=ки шеир=Ø бәдий шәкил=гә егә  
ясно=CONJ стихотворение=NOM художественный форма=DAT  
владелец

‘Очевидно, что стихотворение имеет художественную форму’.

Такие примеры возводятся к одной и той же модели с союзом –*КИ*, для которой характерна структурная схема: **{[шу (нәрсә) Лоценка=КИ] (N1 – Vf)}**.

Можно заметить, что в полипредикативном предложении-высказывании используются способы связи, которые нельзя назвать изоморфическими. Они не демонстрируют параллелизма со способами связи компонентов синтаксических построений на уровне простого монопредикативного предложения.

Таким образом, перед нами в принципе аналогичные синтаксические позиции, при замещении которых реализуется разная языковая техника. Это открывает возможности для более углубленного осмысления понятия модели предложения, или синтаксемы [Черемисина 1989: 20]. По сути, мы должны вести речь об инвариантных моделях синтаксем, в которых фиксируются универсальные синтаксические позиции. Последние могут нормально замещаться и подлежат заполнению как на уровне монопредикативных, так и на уровне полипредикативных синтаксических конструкций. Такие модели мы вслед за представителями новосибирской синтаксической школы склонны называть моделями элементарных простых предложений (ЭПП).

*Работа выполнена при поддержке гранта КалмГУ им. Б.Б.Городовикова «Монгольское и тюркское языкознание: традиции и инновации».*

## Литература

Абдуллаев С.Н. Полипредикативные предложения с подлежащей зависимой частью в уйгурском языке / С.Н.Абдуллаев // Исследования по уйгурскому языку. – Алма-Ата: Наука, 1988. – С.103-113.

Абдуллаев С.Н. Вопросы систематики синтаксических единиц тюркомонгольских языков и их лингвистическая релевантность / С.Н.Абдуллаев, Г.С.Абдуллаева // Современные проблемы преподавания башкирского языка

в Республике Башкортостан и других регионах Российской Федерации: Материалы V Всероссийской науч.-метод. конф. (с международным участием), посвященной Году башкирского языка в Республике Башкортостан и 30-летию факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Башкирского государственного университета / отв. ред. Г.Р.Абдуллина. – 2020. – С.7-12.

Садвакасов Г.С. Употребление союза –ки в современном уйгурском языке / Г.С.Садвакасов, С.Н.Абдуллаев // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: труды Международной конференции в 3-х томах. – Т.1. – Казань, 1992. – С.263-265.

Строй уйгурского языка. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 472 с.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. 2. Сложное предложение. Книга вторая / Е.И.Убрятова. – Новосибирск: Наука, 1976. – 379 с.

Черемисина М.И. О теоретических вопросах модельного описания предложений / М.И.Черемисина // Предложение в языках Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989.– С.3-27.

### **Список условных сокращений и обозначений грамматических значений в глоссах**

1PI, 2PI, 3PI – личные аффиксы 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа; 1SG, 2SG, 3SG – личные аффиксы 1-го, 2-го и 3-го лица единственного числа; уйг. – уйгурский язык; ABL – аблатив; ACC – аккузатив; AUX – вспомогательный глагол; CONJ – союз; COP – связка; CV – деепричастие; DAT – датив; GEN – генитив; IMP – повелительное наклонение; LOC – локатив; NEG – отрицательная форма глагола, причастия, деепричастия; NOM – номинатив; NMLZ – номинализатор; PAST – форма на =ды; PART – причастие; PI – множественное число; POSS – аффикс принадлежности; POSSV – форма обладания; причастие прошедшего времени на =ган; PrP – причастие настоящего будущего времени на =ар; PRTCL – частица; PRTCL.MOD – модальная частица; RFCIP – взаимно-совместный залог; SG – единственное число; Tv – основа глагола; ГПЕ – главная предикативная единица; Ø – нулевая морфема; знак равенства – морфемный шов при словоизменительных и формообразовательных аффиксах; тире – морфемный шов при наложении морфов.

### **Источники примеров**

УТБТ – Уйғур тили бойичә тәкшүрүшләр. Алмута: Наука, 1988. – 160 б.

ҺА, ОЧ – Һезмәт Абдуллин. Отлук чәмбәр. Алмута: Жазушы, 1986. – 336 б.



**Бак Хади**  
Ататюркский университет  
**Шаповал Виктор Васильевич**  
Московский городской педагогический университет  
УДК 811.512.161:811:161.1

**Русско-турецкий разговорник О.И.Сенковского 1828 г.:  
названия видов пищи**

*разговорник, пища, повседневное меню, перевод*

Источник 1829 г. представляет собой пионерское издание в жанре военного разговорника, оно занимает первую часть «Карманной книги для русских воинов в турецких походах» и дополняется русско-турецким словарем, вторая часть – краткая грамматика турецкого языка [Сенковский 1829, 2], см. общую характеристику издания [Бак, Шаповал 2020: 26–35]. Задача настоящего анализа состоит в том, чтобы оценить этот источник с точки зрения возможностей реконструкции повседневного меню жителей двух стран в начале XIX в. (ср. [Шаповал 2007]), а затем провести сравнение лексических средств номинации продуктов питания, учитывая и описание их исторической динамики в перспективе.

Почти половина (10) готовых фраз содержит самое общее указание на продукты питания, необходимые для людей и тягловых животных. Речь шла в первую очередь о злаках, например:

А. Можно ли тамъ достать съѣстныхъ припасовъ, за деньги, как-то: пшеницы, ячменю? – А. Богдай, арпа-гиби захре нестелери, аһчей-лень, орда алына-билиръ ми ... ? [Сенковский 1829, 1: 3].

Далее этот лексический ряд расширяется за счет дополнительных названий злаков, особо – за счет кормов для тягловых животных (лошадей в первую очередь), а также за счет спиртного и табака для людей. Порядок следования компонентов в русской и турецкой версии готовых фраз обычно совпадает. Дополнительная разбивка на строки служит хорошим подспорьем для быстрого соотнесения отдельных единиц.

В качестве примера архаизма укажем название пива *арпа-сую* (*arpa-suyu*), буквально ‘ячменный сок / ячменная вода’ [Сенковский 1829, 1: 29], в. совр. тур. *bira*.

На фоне такого лексического аскетизма, не характерного, например, для купеческих разговорников, ср. [Шаповал 2012], выделяется заключительная часть, посвященная диалогам с хозяином на квартире. Здесь представлено значительное разнообразие названий блюд и напитков, в числе которых и экзотические для России [Сенковский 1829, 1: 45], например:

абрикос – «зердалы (*кайысы*)», ср. южнорусское жердела *'сорт абрикоса'*, совр. тур. *kayısı*.

апельсин – «портакаль», совр. тур. *portakal*,

арбуз – «карпызь», совр. тур. *karpuz*,

варенье – «мюребба (татлы)», совр. тур. *tatlı* 'десерт',

виноград – «ўзюмъ», совр. тур. *üzüm*,

гранат – здесь пропуск (ожидалось бы название фрукта *наръ*, как в словарики, приложенном к разговорнику: «*Граната. (sic!) Наръ*» [Сенковский 1829, 1: 59]), возможно, этот пропуск как-то связан с неудобным созвучием названия данного фрукта с названием минерала (турецкое *lal taşı*) и взрывного снаряда (турецкое *el bombası*),

груша – «армудъ» (совр. тур. *armut*), примечательно решение Сенковского передавать в своей записи турецких слов кириллицей конечные глухие как звонкие согласные, встречающееся регулярно и в других случаях, ср. также: «шарабъ» 'вино' [Сенковский 1829, 1: 4, 29, 45, 46] – совр. тур. *şarap*,

лимон – «лимонъ» (совр. тур. *limon*),

«мелонъ» 'дыня' – «кавунъ» – совр. тур. *kavun*; надо отметить, что названия бахчевых культур в соседствующих языках довольно часто переходят с одного растения на другое, но в данном случае порядок следования, установленный Сенковским, был повторен в переводе его разговорника на болгарский («дини, пāпишта» [Филаретов 1854: 46] – совр. болг. *дини, пълешу*); но изменен в переводе на греческий: «каву́ня, карпу́зья» 'дыни, арбузы' [Гумалик 1854: 49] – совр. греч. καρπούζια, πτεπόνια 'арбузы, дыни',

персик – «шефталы», совр. тур. *şeftali*, ср. русск. региональное *шептала́* 'сушеные персики', как и русск. *изюм, балык* – виды пищи длительного хранения, а не общее название винограда и рыбы,

«плоды» (общее название для 'ягод, фруктов и проч.') – «ѣмишь (*миве*)», совр. тур. *ümitiş* 'ягода', *meuve* 'фрукт'),

слива – «эрикъ», совр. тур. *erik*,

шербет = «шербетъ», совр. тур. *şerbet*, единственное в данном ряду прямое заимствование для начала XIX в.,

яблоко – «эльма», совр. тур. *elma* [Сенковский 1829, 1: 45].

Русско-турецкий словарь в первой части «Карманной книги» несколько дополняет материал готовых фраз, например: «*Жаркое. Кѣбабъ*», совр. тур. *kebab* (сегодня уже популярное в названиях мясных блюд в русском); «*Зелень (столовая). Зевзевать, себзевать*», совр. тур. *sebzevat* 'овощи' [Сенковский 1829, 1: 63, 65]. Это дополнительно расширяло коммуникативные возможности пользователя.

В целом можно констатировать, что разговорник достаточно информативен в рассмотренном аспекте. Как выбор наименований видов пищи, так и часто двойная их транслитерация у Сенковского заслуживают дальнейшего анализа.

## Литература

Бак Х. Русско-турецкий разговорник О.И.Сенковского 1828 и 1854 гг. как этнографический и культурологический источник / Х.Бак, В.В.Шаповал // *Revista de Etnologie și Culturologie*. – 2020. – Vol. XXVII. – Pp. 26–35.

Гумалик Д. [И.] Карманная книга для русских воинов в походах по турецко-греческим землям. Греческие разговоры. Словарь. Грамматика / Д.[И.]Гумалик // Санктпетербург: тип. Императорской Академии Наук, 1854. – 64. – 110 с.

Сенковский О.И. Карманная книга для русских воинов в турецких походах. Ч. 1. Разговоры российско-турецкие; Словарь российско-турецкий / О.И.Сенковский // Санктпетербург: тип. Департамента народного просвещения, 1828. – [4], II, [2]. – 107 с.

Сенковский, Осип Иванович. Карманная книга для русских воинов в турецких походах. Ч. 2: Основные правила турецкого разговорного языка. Санктпетербург: тип. Департамента народного просвещения, 1829. – [4]. – 76 с.

Филаретов С. [В.] Карманная книга для русских воинов, находящихся в походах против турок по болгарским землям / С.[В.]Филаретов. – Санктпетербург: тип. Императорской Академии Наук, 1854. – [6]. – 164 с.

Шаповал В.В. Материалы по русскому языку в изданиях 1705 и 1723 г. справочника «Московский купец» П.Я. Марпергера. Сравнительный анализ / В.В.Шаповал // *Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. – Cambridge, 2012. – XX. – №2. – P.148–188.

Шаповал В.В. Повседневное меню в исторических коллизиях XX века / В.В.Шаповал // *Преподавание истории в школе*. – 2007. – №2. – С.68–75.

## Лингвокреативный потенциал сетевого дискурса в пандемическом мире

*сетевой дискурс, словотворчество*

Важной характеристикой сетевого дискурса является «лингвосомиотическая креативность», под которой предлагается понимать творческий, культурно обусловленный процесс порождения вербальных новообразований и нетривиальных текстов, оказывающих воздействие на реципиента своей структурой, семантическим содержанием, своеобразием знакового кодирования смысла, образным или когнитивным потенциалом [Галичкина 2012: 62]. Коммуникативное пространство сети Интернет представляет широкие возможности для развития вербального творческого потенциала пользователей. Именно в нем создаются, функционируют и тиражируются вербальные новообразования и нетривиальные тексты. «Нетривиальное» можно противопоставить «тривиальному» по таким параметрам, как новизна, оригинальность vs обыденность, отсутствие новизны. «Нетривиального» в сети Интернет много, что в свою очередь позволило выделить несколько его разновидностей: новообразования, созданные ресурсами собственного языка или путем заимствования из другого языка; сетевой жаргон; прецедентные тексты (анекдоты, антипословицы); неофольклорные тексты (стишки-пирожки, сетевые шутки, анекдоты, частушки, пародии); поликодовые тексты (мемы, мотиваторы, коллажи, демотиваторы, инфограммы).

В сети Интернет приветствуется и тиражируется лингвокреативность или словесное творчество. Анализ коммуникативного взаимодействия пользователей русского сектора Вконтакте выявил ряд новообразований, которые можно классифицировать по тематике и по способу образования. Их можно объединить в следующие тематические группы: 1) взаимоотношения; 2) эмоциональное состояние; 3) описание действий. Толкование значений во всех нижеприведенных примерах осуществлялось с помощью опроса информантов.

К первой группе мы относим слова обозначающие отношения связанных друг с другом людей женского и мужского пола. «**Френдзона**» (от англ. *friend zone*) – отношения между парнем и девушкой; ситуация, когда парень любит девушку, а она воспринимает его только как друга; молодежное обозначение «зоны дружбы». Например: *Он у меня во френдзоне; Долго ты его будешь держать во френдзоне?; Мне очень больно быть во френдзоне с человеком, который мне нравится.* Следующий пример «**краш**» (от англ. *crush* – крошить, придавить, разда-

вить) – любимый человек; человек, который нравится. Например: *Джонни Депп – мой краш*. Освоение вышеприведенных существительных происходит путем их включения в словообразовательную систему русского языка. Так, существительное «**френдзона**» послужило основой для глагола «**френдзонить**» – действие, обозначающее ситуацию дружбы, когда партнер не обращает внимание на чувства своего друга. Сленгизм «**краш**» – человек, который нравится, послужил основой для глагола **вкрашиться** (испытывать сильное, чувственное влечение, любовь к кому-нибудь) и существительного **крашиха** (та, которая влюбилась в объект своего обожания, т.е. **вкрашилась**).

К тематической группе «эмоциональное состояние» относятся преимущественно аббревиатуры и существительные, от которых образуются экспрессивные глаголы. Так, аббревиатура «**лол**» в значении «смех, дико смеяться» послужила основой для образования глагола «**лоллить**» – искренне смеяться над чем-то». Английское lol / laughing out loud обозначает «очень громкий смех». Например: *Этот мем просто лол!* Аббревиатура «**рофл**» в значении «истерический смех, дико смеяться» послужила словообразовательной основой для глагола **рофлить**. Например, *Я рофлю с его нового видео*. Лексема **рофл** приобрела метонимическое значение, поскольку **рофлом** называю также и шутку. Например: *Отличный рофл!* У данной лексемы есть ряд производных: **рофлить**, **зарофлить**, которые, утвердились в сетевом общении с негативной коннотацией в значении «смеяться над кем-то, издеваться с применением иронии или сарказма». В этой же группе представлены глаголы с семантикой «испытывать негативные эмоции»: «**хейтить**» (от англ. hate) – ненавидеть, публично унижать. Например: *Я не понимаю почему меня хейтят*; «**агриться**» (от англ. angry - злой) – злиться. Например: *Ты долго еще будешь на него агриться?*

Тематическая группа «описание действий» представлена рядом лексем, среди которых: «**флексить**» (от англ. flex – сгибать, гнуть) – раскачиваться под танцевальный бит, танцевать. Например: *Отлично вчера пофлексили на вечеринке*. Глагол «**чиллить**» (от англ. chill out - развлекаться, расслабляться) первоначально обозначал расслабленное состояние после вечеринки, однако на современном этапе у него появилось другое значение «расслабленный отдых в любом месте». Например: *Самое время почиллить*.

Лингвокреативность пользователей настолько динамична, что одни лексеммы становятся «модными», активно тиражируются пользователями, в то время как другие стремительно устаревают. Прилагательное «**токсичный**» спец. мед. – способный отравить, вызвать отравление, проникло во многие дискурсы, в том числе и в сетевой, где чаще всего используется в виде производного «**токсик**» и обозначает «человека, который своими действиями или словами может вывести своего собеседника из равновесия, испортить настроение». Например: *Ты токсик*. С

другой стороны, постепенно выходят из моды такие лексемы, как «**форсить**» – продвигать какую-то идею, мысль, что-то навязывать.

Результатом креативной деятельности субъектов сетевого дискурса является создание разножанровых текстов, к числу которых, вслед за В.И.Карасиком, отнесем сетевые дневники (блоги), новые формы художественного творчества (стишки-пирожки или ироничные четверостишия, шутки) и демотиваторы (поликодовые тексты, включающие изображение и иронический комментарий к нему) [Карасик 2020: 232]. Данные тексты входят в центральное ядро интернет-фольклора, под которым мы понимаем «совокупность различных видов и форм анонимного и авторского массового игрового письменного и устного творчества субъектов компьютерной коммуникации в пространстве Интернета» [Галичкина 2017: 370]. Отличительными характеристиками интернет-фольклора являются: игровое и анонимное творчество, традиционная приемственность или тиражируемость, коллективное авторство, интертекстуальность, карнавальность, анонимное / виртуальное / реальное авторство [Галичкина 2017: 371].

В период пандемии отмечен всплеск языкового творчества, оформленного в следующих жанрах сетевого фольклора: стишки-пирожки, анекдоты, шутки, пословицы. Стишки-пирожки представляют собой четверостишия, написанные четырехстопным ямбом, строчными буквами, без знаков препинания. Стишки-пирожки существуют давно, но в условиях распространения коронавируса они приобретают новое звучание.

*- кругом царит коронавирус  
во всех аптеках пустота  
и я шагаю за лекарством  
в ликероводочный отдел*

*- вез коронавирус  
глеб из далека  
ну а что еще нам  
ждать от дурака*

Юмористический потенциал данных изречений достигается путем копирования стихотворной формы «пирожок» – четырехстопный ямб. В четырех строках представлена «философия жизни» современного человека. Читатель стишка понимает, что в аптеках пустота, а герой стишка пытается успокоить себя проверенным средством.

*Теща долго радовалась турпутевке в Китай. Таких внезапных подарков зять еще никогда не делал.*

Смеховой эффект в приведенном примере основан на противоречии между действительным и гипотетическим положением дел. Зять действительно подарил теще турпутевку, однако тот факт, что она едет в Китай, где «царит» коронавирус, усиливает комический эффект. В анекдоте осмысливается распространенный стереотип – желание зятя избавиться от тещи.

*Обидно, когда привозишь вирус из Италии, а он все равно сделан в Китае.*

Попытка вызвать у читателя сочувствие содержит ироническую интенцию и в пресуппозиции содержит идею, что герой шутки ездил в Италию в разгар коронавируса и привез домой «подарок» под названием коронавирус, который был обнаружен в г.Ухань, Китай.

Обратим особое внимание на иронические антипословицы: *Вирус не воробей, вылетит – не поймаешь; Где родился – там и сиди на карантине; Обещанной вакцины три года ждут; Уже коронавирус на пороге, а ВОЗ и ныне там; Коронавирусная жена и мужу не мила; Каше маска не помеха; Плох тот вирус, который не хочет выбиться в люди; На Бога надейся, а сам маску надень.*

Антипословицы являются зеркалом, в котором отражается современная пандемическая ситуация. В них сталкиваются жизненные наблюдения двух планов: сегодня предписано соблюдать масочный режим в общественных местах во время пандемии – и реальное положение дел, которое часто бывает недобросовестным. В вышеприведенных пословицах очевидна аллюзия на традиционные пословицы: *Слово не воробей, вылетит – не поймаешь; Где родился – там и пригодился* и др. В результате анализа практического материала мы пришли к следующим выводам: переложение известных пословиц происходит в соответствии с новыми жизненными ситуациями на основе языковой игры; современные трансформации в пословицах позволяют получить представление об актуальных событиях в мире и об ироничном отношении носителей языка к происходящему.

Таким образом, важной характеристикой сетевого дискурса является лингвосемиотическая креативность. Результатом креативной деятельности субъектов сетевого дискурса является создание разножанровых текстов, среди которых выделим следующие виды: по количеству строк (стишки-пирожки); по канону оформления (шутки, анекдоты); по ориентации на сложившиеся жанры (пародии на частушки, антипословицы). Лингвокреативность сетевого дискурса обусловлена ориентацией массовой культуры на молодежь, которой свойственна креативность, стремление к реализации творческого потенциала и желание украсить повседневную жизнь игровыми моментами.

## Литература

Галичкина Е.Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство: дис. ... д-ра филол. наук / Е.Н.Галичкина. – Астрахань, 2012. – 374 с.

Галичкина Е.Н. Неофольклорные тексты в Интернете: материалы XIX Международной научной конференции «Россия и Запад: диалог культур» / Е.Н.Галичкина. – М.: Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, 2017. – Ч.2. – С.363-375.

Карасик В.И. Языковые картины бытия: монография / В.И.Карасик. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина, 2020. – 468 с.

**Языковая компрессия текста при субтитровании видеоигр  
(на примере «FALLOUT 4»)**

*аудиовизуальный перевод, аудиовизуальное произведение, видеоигра,  
субтитрование, компрессия*

Развитие технологий в современном мире постоянно ставит перед лингвистикой и переводоведением новые вопросы. Например, сегодня одним из наиболее актуальных направлений переводческих исследований является аудиовизуальный перевод. На сегодняшний день существует много научных работ, посвященных проблемам перевода фильмов, мультфильмов, сериалов и других «традиционных» аудиовизуальных произведений. Однако во многом незамеченным (особенно в отечественной лингвистике и переводоведении) остается такой жанр, как видеоигры [Козуляев 2013: 7].

Недостаток лингвистических исследований в области видеоигр связан с относительно недавним появлением игровой индустрии, однако эта область предоставляет простор для самых различных направлений научной работы, поэтому необходимо привлекать внимание лингвистов к данной теме. Кроме того, эти исследования могут положительно повлиять на качество перевода под субтитры и дубляж в будущем [Mangiron 2013].

Характерная особенность аудиовизуальных произведений заключается в том, что они полисемантичны по своей природе, то есть реципиенты обрабатывают информацию сразу на нескольких уровнях декодирования, не только текст, но и визуальные, звуковые коды [Козуляев 2019: 35]. Такое «соперничество» и одновременно «сотрудничество» семиотических кодов необходимо учитывать при переводе аудиовизуальных произведений.

В этой статье рассматривается одна из основных проблем субтитрования видеоигр – недостаточная компрессия текста перевода. В исследовании выявляются причины этой проблемы и предлагаются пути ее решения.

С лингвистической точки зрения, в субтитрах видеоигр можно различить две проблемы: неправильная разбивка на строки, нарушающая семантические или грамматические связи в тексте, и недостаточное сжатие текста перевода относительно текста оригинала, что затрудняет восприятие произведения [Mangiron 2013]. В данной работе мы подроб-



но рассмотрим вторую трудность, потому что случаи неверного деления субтитров на строки требуют отдельного изучения.

При переводе под субтитры компрессия является его неотъемлемой частью [Горшкова 2006: 144]. Суть компрессии заключается в упразднении «малоинформативных или избыточных элементов реплик персонажей в тексте перевода» [Горшкова 2007: 140]. Преимущество перевода с субтитрами состоит в том, что компрессия текста не влечет за собой критической потери смысла, потому что аудиовизуальные произведения полимодальны и видеоряд дополняет содержательную сторону невербальными средствами [Арсентьева 2014: 98].

Выделяются три основных способа языковой компрессии: замещение, опущение, совмещение [Кобков 1974: 50]. Большую роль в компрессии играет контекст, который в случае с аудиовизуальными произведениями включает в себя еще и невербальный (визуальный, звуковой и др.), который тоже необходимо учитывать. При замещении «изначальный речевой отрезок выражается другим речевым отрезком», чтобы избежать повторений или заменить исходную реплику более ёмкой [Шишмарова 2019: 94]. Опущение подразумевает упразднение избыточной информации, совмещение – объединение двух и более элементарных предложений, которые содержат тождественные элементы [Шишмарова 2019: 95].

Для анализа языковой компрессии в игровых субтитрах была выбрана видеоигра *Fallout 4* жанра RPG (Role Playing Games), разработанная компанией Bethesda Game Studios и выпущенная в 2015 году. Игры этого жанра идеально подходят для переводческих исследований, потому что в силу своих жанровых особенностей они содержат большое количество самых разнообразных текстов [Mangiron 2006: 11]. Причиной выбора *Fallout 4* стало и то, что данная игра не имеет русского дубляжа, т. е. единственной возможностью для русскоязычных игроков ознакомиться с ней являются субтитры.

В ходе исследования были проанализированы 23 диалога, что составило 187 реплик персонажей. Из них 145 (77,5%) не были подвергнуты компрессии ни одним из вышеупомянутых способов, хотя это было возможно.

Прием опущения игнорировался при переводе чаще всего (117 реплик из 145, 81%). Многие избыточные элементы фразы, не несущие важной информации, были сохранены в переводе. Например:

(1a) *There's a crashed vertibird up on the roof. Old school. Pre-war. You might've seen it.*

(1b) *На крыше есть разбившийся винтокрыл. Старый. Довоенный. Его видно с улицы.*

В данном случае два прилагательных, определяющих существительное «винтокрыл», являются синонимами (последняя война в игровом мире *Fallout 4* была 200 лет назад, соответственно, все довоенное –

очень старое) и употребление двух слов подряд избыточно, достаточно оставить лишь одно из них.

(2a) *Valentine: I've been cooped up in here for weeks. Turns out the runaway daughter I came here to find wasn't kidnapped. She's Skinny Malone's new flame, and she's got a mean streak.*

(2b) *Валентайн: Я тут уже несколько недель торчу. Оказалось, что пропавшую девчонку, которую мне поручили найти, никто не похищал. Она новая пассия Доходяги Мэлоуна, и она зла как черт.*

Здесь придаточное определительное «*которую мне поручили найти*» не несет новой информации для игрока. По сюжету уже известно, кто такой детектив Валентайн и почему он оказался в плену у Доходяги Мэлоуна (некие родители просили найти их пропавшую дочь, и Валентайн вышел на след бандитов) из разговора с помощницей детектива Элли Перкинс, которая и дает игроку задание спасти его.

Прием замещения не был использован в 22 репликах (15%), где затрудняющие восприятие конструкции могли быть заменены на более лаконичные:

(a) *A bit over 210 actually, sir. Give or take a little for the Earth's rotation and some minor dings to the old chronometer.*

(b) *На самом деле чуть больше 210 (лет), сэр. Плюс-минус несколько месяцев – **нужно еще учитывать вращение Земли** и то, что мой старенький хронометр иногда барахлит.*

Подобные громоздкие сочетания следует заменять деепричастными оборотами для экономии места и улучшения восприятия текста, например: «*Плюс-минус несколько месяцев, учитывая вращение Земли...*»

Варианты для приема совмещения встречаются довольно редко (6 реплик, 4%), т. к. необходимы два и более предложений с тождественными элементами, которые можно соединить в сокращенную конструкцию, например:

(a) *The detective. He's gone missing.*

(b) *Детектива нет. Он пропал.*

Здесь два предложения можно объединить в одно: тождественными элементами является субъект «*детектив*», выраженный во втором предложении местоимением «*он*», а также его предикаты «*нет*» и «*пропал*», являющиеся синонимами. Таким образом, чтобы избежать повторения старой информации, можно преобразовать так: «*Детектив пропал*».

На проанализированных выше примерах видно, что при переводе видеоигр применяется недостаточно средств языковой компрессии, которая является неотъемлемой частью субтитрирования. 77,5% исследованных реплик в игре *Fallout 4* не были подвергнуты ни одному из возможных видов компрессии, что негативно сказывается на восприятии текста. Это связано, прежде всего, с относительно недавним появлени-

ем необходимости в переводе видеоигр и, следовательно, отсутствию общепринятых и четких норм для создания субтитров. Поэтому необходимо тщательно изучать эту проблему и выдвигать на научной основе лингвистические рекомендации по применению тех или иных способов компрессии, и в более широком смысле, приемов перевода, которые бы обеспечили сохранение смысла текста аудиовизуального произведения и его незатрудненное восприятие.

### Литература

Арсентьева М.В. К проблеме создания субтитров / М.В.Арсентьева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – №4-2 (23). – С.97-98.

Горшкова В.Е. Особенности перевода фильмов с субтитрами / В.Е.Горшкова // Сибирский журнал науки и технологий. – 2006. – №3 (10). – С.141-144.

Горшкова В.Е. Перевод в кино: дублирование vs. субтитры (на материале фильма люка Бессона «Ангел. А», Франция, 2005 г.) / В.Е.Горшкова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – Т. 5. – №1. – С. 135–140.

Кобков В.П. Замещение, опущение и совмещение как способы сжатия текста без утери информации / В.П.Кобков // В помощь преподавателям иностранных языков. – Новосибирск, 1974. – №5. – С. 49-73.

Козуляев А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода / А.В.Козуляев // XVII Царскосельские чтения: материалы. – СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С.Пушкина, 2013. – Т. I. – С.374–381.

Козуляев А.В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): дис. ... канд. пед. наук / А.В.Козуляев. – М., 2019. — 234 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gavrilenko-nn.ru/pdf> (дата обращения: 08.07.2020).

Шишмарова В.Г. Способы информационного сжатия текста без потери информации: замещение, опущение, совмещение / В.Г.Шишмарова // Исследователь года 2019: материалы междунар. науч. конф. – Петрозаводск: Изд-во «Новая Наука», 2019. – С.91-102.

Mangiron C. Subtitling in game localisation: a descriptive study [Электронный ресурс] / C.Mangiron // Perspectives: Studies on Translatology. – 2013. – Vol. 21. – Issue 1. – URL: [https://www.academia.edu/6914766/Subtitling\\_in\\_game\\_localisation\\_a\\_descriptive\\_study](https://www.academia.edu/6914766/Subtitling_in_game_localisation_a_descriptive_study) (дата обращения: 08.07.2020).

Mangiron C. Game Localisation: Unleashing Imagination with 'Restricted' Translation / C.Mangiron, M.O'Hagan // Journal of specialised translation. – 2006. – Vol. 6. – Pp.10-21.

**Типология заимствованной лексики в русском узусе:  
фонетический подход к анализу межъязыковых параллелей**

*акцентная структура, англо-русские параллели, вариантность, заимствование, звуковая база, прототип, слуховой образ, слуховое тождество, условно-иконический, ядерно-иконический*

Как известно, существуют определенные тенденции в технике установления англо-русских языковых параллелей. Тем не менее, фонетико-графическая презентация современных англицизмов (СА) в различных сферах русского узуса поражает своей вариантностью. Например, в 2001 г. лексема *newsmaker* в дискурсе русских СМИ была представлена четырьмя фоно-графическими вариантами, *paperback* – пятью [Кравченко 2001], а известный английский неологизм *Brexit* до сих пор эксплицируется в соцсетях, на российских федеральных теле- и радиоканалах в двух основных и пяти факультативных вариантах [Дубовский 2017]. Таким образом, в русском узусе стихийно создается (в основном, методом переводческой транскрипции) особый пласт вариантов языковых форм СА. Насколько полезен он для упрочения качественных позиций культуры русской речи, станет очевидным в ближайшем будущем. Но уже сегодня мы можем выявлять и регистрировать системное движение вариантов в этом процессе, экстралингвистическую, а возможно, и внутриязыковую обоснованность укрепления некоторых из них и перехода других в запас филологических артефактов.

Для целей данной работы нами был собран корпус СА из устных и печатных реализаций этих лексических единиц в сети, на радио и ТВ за последние 5 лет. Условием включения слухового или графического варианта СА в исследовательский инвентарь (свыше 4000 единиц; список открыт) было его контекстное употребление не менее пяти раз. Варианты были ранжированы по степени рекуррентности, что создало возможность проведения разнофакторного анализа.

Круг вопросов, связанных с проблемой установления межъязыковых корреляций в ходе заимствования, ограничен в нашем докладе 1) выяснением характера и степени сохранения слухового образа (на фонологическом уровне) английского прототипа в его новом качестве – СА в русском узусе, 2) выявлением наиболее рекуррентных типов англо-русских соответствий и несоответствий в сегментных структурах СА, 3) определением преференциальных фоновариантов СА из числа зарегистрированных нами разновидностей.

На основе результатов анализа звуковой базы и акцентной структуры СА в корпусе нашего материала можно утверждать, что, несмотря на определенный волюнтаризм некоторых инициаторов презентаций той или иной англоязычной лексической единицы в русском узусе, наиболее устойчивым ее компонентом в процессе заимствования являются качественные характеристики согласных. Это наблюдение, разумеется, не отрицает вероятность вариантности некоторых межъязыковых соответствий по линии фонологически релевантных признаков, напр., звонкости vs глухости как внутри одной и той же лексемы, типа: *брексит* / *брегзит* ← *brexit*, *нюзмейкер* / *нюсмейкер* ← *newsmaker*, так и в разных лексемах в однотипной фонетической позиции, напр., *праймериз* ← *primaries*, *сторис* ← *stories* (здесь и далее количество примеров сокращено по техническим причинам).

В сфере вариантности гласных, по сравнению с согласными, отмечается большее разнообразие. Это можно объяснить прежде всего их артикуляторной нестабильностью. Мимо этого обстоятельства не проходит ни один известный фонетист. Например, Т.И.Шевченко констатирует, что «в британском варианте английского языка... наметилась тенденция к сужению вокалического пространства, к «централизации» гласных, как если бы современный человек, ускоряя темп речи, невольно нейтрализовал контрасты гласных» [Шевченко 2011: 50-51].

Подобные процессы, естественно, находят отражение в структуре слухового образа иноязычного реципиента. Достаточно вспомнить сложную фонетическую трансформацию слухового образа *sowboy* при его заимствовании в русский узус XX в. – ядро дифтонга /au/ было аудитивно воспринято как безударный гласный /o/, а глайд – как согласный /v/, вероятно, не без влияния и транслитерации. При этом произошел сдвиг ударения вправо: англ. `cowboy → русск. ков`бой (ср. также `playboy → плей`бой и мн. др.). В этой связи, хотя и в несколько отдаленной, полезно также вспомнить тонкие наблюдения Л.В.Бондарко и Л.А.Вербицкой о фонетических характеристиках заударных флексий в русском языке начала 1970-х, в частности, их вывод о том, что «на характер восприятия флексии влияют как фонетические, так и нефонетические факторы» [Бондарко 1973: 47].

Возможно, именно вышеуказанным, а также другим фонорегиолектным и социолингвистическим модификациям в современном английском языке обязано появление в русском узусе наших дней СА в таких формах, как *батл* вместо ожидаемого *бэтл* (англ. *battle*), *тег* вместо *тэг* (англ. *tag*) и наоборот – *фрэш* вместо *фреш* (англ. *fresh*), *нюзмейкер* / *нюсмейкер* (англ. *newsmaker*), но *букмейкер* (англ. *bookmaker*), *бедж* / *бейдж* вместо ожидаемого *бэдж* (англ. *badge*), *флуд* вместо *флад* (англ. *flood*) и мн. др.

Несмотря на значительное количество частных случаев-вариантов, в целом основной поток СА фонетически оформляется, воспринимается

на слух и реализуется в речи русскоязычных коммуникантов по модели своего прототипа. Степень сходства слуховых образов СА и их английских прототипов, разумеется, неодинакова. Ее наибольшая интенсивность проявляется в случаях максимального слухового тождества английского прототипа и СА как на уровне их звуковой базы, так и акцентной структуры. Артикуляционные «тонкости» прототипа, такие, как апиальность или дорсальность переднеязычных согласных, аспирация глухих взрывных, историческая и позиционная длительность гласных, ассимилятивные модификации сегментов и другие нефонологические качества звуков прототипа в ситуации заимствования оказываются избыточными – для СА более существенны фонетические черты языка-реципиента.

Назовем степень максимального слухового тождества прототипа и СА ядерно-иконической. В контексте ослабления степени слухового тождества прототипа и СА можно говорить об условно-иконической природе последних с дифференциацией по нескольким признакам (сдвиг ударения, модификация звуковой базы плюс сдвиг ударения, нестабильная вариантность одного или нескольких составляющих фонетической структуры СА). Каждая из классификационных зон конституирует определенную качественную и количественную долю СА в общем корпусе англицизмов.

В фонетическом поле ядерно-иконических СА прослеживается фонологическое подобие звуковых структур СА и прототипа, позиции и степени слоговой проминантности в них – односложные СА (*лайк*), двухсложные с инициальной одновершинной слоговой проминантностью (*селфи*), двухсложные с финальной одновершинной слоговой проминантностью (*онлайн*), двухсложные с двухвершинной слоговой проминантностью разной степени (*хай-тек*), трех- и более сложные с инициальной одновершинной слоговой проминантностью (*менеджер*), трех- и более сложные с медиальной одновершинной слоговой проминантностью (*абьюзер*), «крылатые» фразы (*хайли лайкли*).

Тип I условно-иконических СА по сравнению с ядерно-иконическими СА маркируется тем, что он объединяет сложные лексические единицы (*локдаун, оверсайз, фейсбук, экзитпол* и мн.др.), акцентная структура которых трансформирована по модели языка-реципиента, а именно: в отличие от прототипа главноударная слоговая проминантность в СА линейно сдвинута вправо. Инициальный слог СА, опять-таки, в отличие от прототипа, реализуется с вторичной или нулевой проминантностью – двухсложные СА (*лайфхак*), трех- и более сложные СА (*бодибилдер*).

Вышеприведенные данные относительно места ударения в СА относятся к уровню изолированного употребления, точнее, к случаям отсутствия контекстного влияния. Объяснение этим различиям следует также – а может, прежде всего – искать в характере исторических межъ-

языковых несоответствий: в английском языке словесное ударение локализуется преимущественно в инициальном корневом слоге (так называемая рецессивная тенденция), а в русском – двух- и более сложная единица предпочитает ямбическую структуру, т.е. сдвинутую проминантность вправо. Не случайно англичане произносят фамилию М.С.Горбачева, имя Б.Н.Ельцина с ударением на первом слоге, а слово «перестройка» – с ударением даже на инициальном префиксе – *перестройка*. Ср. также названия городов *Moscow* – Мо`сква, *Washington* – Вашинг`тон. В ряде случаев можно искать объяснение через степень семантической важности компонентов слова, особенно композитных образований или свободных сочетаний. В английском языке этот критерий работает более продуктивно: ср. *call girl*, *school girl*, *cool girl*, *manicure girl*, *marriageable girl* и т.п. *Girl* выступает как своего рода «тема», а все, что предшествует – рема. Последняя, естественно, принимает на себя ударение. В русском – другая тенденция, напр., с компонентами *man*, *boy*, *friend*, *street* (*бизнес`мен*, *бой`френд*, *Оксфорд`стрит*).

Вторую подгруппу условно-иконических СА составляют единицы, в которых на высокую степень сходства их слуховых образов с английскими прототипами оказывают влияние как факторы чисто фонетического характера в звучащей речи, так и лингвокультурные традиции установления англо-русских параллелей. К последним, в частности, следует отнести сохранение английского заальвеолярного срединного сонанта [r] в СА (даже в случаях с «немой» реализацией звука в оригинале – в зависимости от фонорегиолекта языка-донора) с вибрирующей модификацией во всех внутрислоговых позициях (*герл*, *кар`шеринг*, *сноу`борд*, *файер-шоу*).

Широкое распространение получило в СА звукосочетание [нг] в качестве условного аналога английскому заднеязычному сонанту [ŋ] в безударной, как правило, финальной или предфинальной локализации в словах типа *брифинг*, *каминг-аут*, *тар`гетинг*. Такие, уже ставшие традиционными, англо-русские несоответствия в звуковых и акцентных структурах слов не вызывают вариантность в языке-реципиенте.

Специальный интерес, особенно для целей диагностики фонетической экспликации СА в русском узусе, представляют лексические единицы, которые образуют отдельную подгруппу условно-иконического сектора СА с нестабильно-вариантной зоной их как звуковой (*кешбэк* – *кэшбек* – *кэшбэк* – *кэшбек*), так и акцентных структур (*ковид* – *ко`вид*) в границах стихийно приемлемого узуса. Экспериментальные данные по этому вопросу являются предметом нашего внимания в ближайшей публикации.

### Литература

Бондарко Л.В. О фонетических заударных флексиях в современном русском языке / Л.В.Бондарко, Л.А.Вербицкая // Вопросы языкознания. – 1973. – №1. – С. 37-49.

Дубовский Ю.А. Ассимиляция заимствованных англицизмов-неологизмов с компонентом –exit в русском политическом дискурсе / Ю.А.Дубовский, Т.Б.Заграевская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2017. – Т. 19. – №8. – С. 54-61.

Кравченко С.Ю. Заимствованная лексика в русском языке наших дней. Учебное пособие по стилистике русского языка для студентов I курса факультета английского языка / С.Ю.Кравченко. – Пятигорск: ПГЛУ, 2001. – 186 с.

Шевченко Т.И. Фонетика английского языка. Курс теоретической фонетики для бакалавров / Т.И.Шевченко. – Дубна: Феникс, 2011. – 256 с.



## Содержание концепта «Родина» в речи жителей Среднего Приобья

*диалектный корпус, русские говоры Сибири, концепт*

Относительно новым подходом в изучении диалектов является когнитивно-дискурсивный, в рамках которого развивается новое направление: диалектная концептология, занимающаяся исследованием концептов народной речевой культуры. Среди основополагающих концептов, формирующих концептосферу диалектной культуры, исследователи выделяют концепты «Жизнь», «Смерть», «Работа», «Дом», «Картошка», «Истина», «Грех», «Тоска», «Болезнь». Данные концепты исследуются на материале русских говоров в целом, а также на материале алтайских и нижегородских говоров, говоров Среднего Приобья, Среднего Приуралья, Приамурья, Низовой Печоры.

В данном исследовании рассматривается концепт «Родина», который присутствует в любой этнической культуре и относится к общечеловеческим ценностям. Материалом послужили тексты, извлечённые из Томского диалектного корпуса – электронного ресурса, разработанного на основе записей устной речи жителей Среднего Приобья.

В Вершининском словаре приводится следующее толкование лексемы «Родина»: 'страна, в которой человек родился и гражданином которой является // место, где человек родился' [Вершининский словарь 2002, 6: 112]. В Томском диалектном корпусе зафиксировано 65 словоупотреблений данной единицы: *«Невестка на Родину ездила, у неё там у сестре' заказ есть. Сама обещалась приехать»*; *«Мы приехали с Могильного мыса, а до Могильного мыса, а до Могильного мыса мы жили по Кете'. Жили мы в Алтае, родина наша»*.

В выбранном материале прослеживается 3 уровня концепта «Родина»: «Родина – страна», «Родина – Сибирь», «Родина – деревня». Рассмотрим каждый из этих уровней.

Уровень «Родина – страна» проявляется сквозь призму исторических событий и индивидуального опыта информантов в текстах-воспоминаниях о Великой Отечественной войне. В этих текстах Родина воспринимается как место, которое нужно защищать, которому нужно отдать долг. Действия, совершенные вопреки интересам страны, расцениваются как измена и предательство: *«Приходит Пётр Иванович, говорит: «Гитлер на нас напал с войной. Ну что сделаешь, пойдём все на защиту Родины, а вы тут старайтесь»*; *«Я говорю: поверни'с и смотри на своих бойцов, я говорю, за измену Родины, бойцы чё делать? Расстрелять! Я пистолет выта'скую да всё. Изменник Родины»*;

*«Долг родины – отслужить надо. Ничё, поехали».* Подчёркивается могущество Родины и готовность её защищать: *«Щас хоть они и запугивают войной, ничё им не победить Советский Союз»;* *«Вот мне семьдесят лет, а мне скажут: «Давай, дед, поехали», – я сам поеду быть этого израильца. Один я их десятерых спрячу [уничтожу], загоню в землю за чужие беды».*

Уровень «Родина – страна» проявляется при сопоставлении с другими странами, основанном на оппозиции своё / чужое, которая подчёркивается использованием личных местоимений *мы / они*. Восприятие других стран может формироваться как на личном опыте, так и быть стереотипным: *«Сталинова сына уничтожили в Китае. За что, про что? Страна-то они бестолковая. Они же прие'ли все лягушки, у них лягушек нет»;* *«А сколько я там нерв перепортил, два года жил в Южной Корее. Грязный народ, ух, грязный, первобытный народ, безобразный. Вот у нас ещё в Советском Союзе калмыки' то в калмыцких степях тоже некультурный народ, грязный».* *«Вот и в Казахстане народ никуды'шный. Загнали бы этот народ пахать, а то соберёт себе <скоти'шка> и <во'дится/возится> с ним».*

Второй уровень «Родина – Сибирь» проявляется при противопоставлении Сибири и России, что связано с представлением о Сибири как месте ссылки или переселения: *«Отец из России, мать здешняя»;* *«Дядя был у меня, его сюды из России сослали».* Сибирь характеризуется как отличная от России по ряду признаков: язык, природа, ведение быта, еда: *«Не знаю я, речи же разные, в России совсем другая, а у нас, у сибиряков, совсем другая»;* *«Щи – одна капуста, в России»;* *В России так там русаки водятся, а у нас беляки»;* *«Горкой дрова в России складывают, стогом, вроде скирды кругом кладут».* Противопоставление России и Сибири отчётливо проявляется в следующем контексте: *«Кто знат, где счастье: один в Москве, другой в Сибире»*, а также подчёркивается притяжательным местоимением *наш*: *«Он на хи'му рабо'тат, и никуда их больше не посылат, а всё больше на рыбу, в тайгу, все в нашу Сибирь идут»;* *«Наша Сибирь, она непредсказуема».*

Третий уровень «Родина – деревня» актуализирует оппозицию *город / деревня*. Город соотносится с шумом, пылью, деревня – с тишиной, чистым воздухом, подчёркивается любовь к родным местам: *«Я город не люблю. Вот не люблю город. Задыхаюсь я как-то там. Не дыхнёшь воздухом чистым. Мы тут живём на краю, как в раю. Ля'гешь отдыхать, никто тебя не тревожит»;* *«Всё-таки воздух здесь свежей. А в городу люду столько»;* *«[Где понравилось больше всего? В родном селе, наверное.] Родина!.. лучше всех... Как мы там ни служили, тепло, хорошо всё, ну а родина лучше».*

При сопоставлении *Родины* с другими пространствами на разных уровнях в фокусе внимания чаще всего оказывается климат. Погодные условия пространства Родины при сравнении получают положительные

оценки: «Днём жарища, а ночью спать надо в спальниках. Не понравилось мне в Казахстане»; «Поехал ихний отец в Ростов на прожитительство, квартиры там добился. А сам теперь кается: «Там для меня совсем не климат». А там, в Ростове, время какое-то придёт, через [грязь] идёт, сырость какая-то, туман шибкий».

Родина связана с её жителями, которые маркируются прилагательными не такие, хорошие, добрые: «Вобшэ' у нас, у нас вообще в деревне лучше, чем ... ну, не знаю, может я здесь родилась и выросла, но Яр... не такой. Там мне кажется и люди... не такие»; «Ну и вот, и это, и вот сноха, и жена его, поехала, теперь уезжает в Волгоград. А я грю, чё толку-то, всё равно. Я вот тут читаю, во-первых, народ здесь хороший, народ у нас очень хороший, в Сибири народ хороший. Ну, за Уралом там такие люди, туда уезжают, остаются только вредные»; «В Томске – хороший. Томск, Новосибирск вот с этого, Сибирь, вот это, они все добрые люди».

Информанты часто именуют себя лексемой «сибиряк» и характеризуют такими качествами, как хозяйственность, суровость и особая закалка. По этим признакам диалектоносители противопоставляют себя другим группам. При этом не наблюдается отождествления сибиряк / русский: «Оча'ковский городишка, никуды'шный народ и на работе против сибиряков. Никуды'шный»; «Узбеки тучами помёрзли, а сибиряк – нет». Напротив, чаще русские получают негативные оценки по сравнению с другими национальными группами: «От эти от чечены-то, они лучше наших, русских. Русские – они только глядят, где бутылку ба. После'дни, я говорю, штанишки продас и пропьёт»; «Немцы, дак они трудолюби-ивые. Они у меня, доярки в самом центральном, в белых халатах доили. Коров. Они чистоплотные такие. Да уж не проспят».

Таким образом, концепт «Родина» в речи жителей Среднего Приобья имеет три уровня: «Родина – страна», «Родина – Сибирь», «Родина – деревня». При этом включения в концепт «Родина» микроконцепта «Дом» не выявлено. На каждом уровне Родина сопоставляется с другими пространствами по ряду признаков: природа, погодные условия, быт, население и наделяется положительными характеристиками.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00320 «Томский диалектный корпус как новый ресурс для изучения народно-речевой культуры».

## Литература

Беленкевич Е.В. Содержание концепта «Родина – Россия» на материале алтайских говоров / Е.А.Беленкевич // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы III Международной научной конференции, Москва, 19 апреля 2019 г. — М.: МХПИ, 2019. – С.59-63.

Вершининский словарь, Т. 6: Р-С / главный ред. О.И.Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 454 с.

Волошина С.В. Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян / С.В.Волошина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – №47. – С.28–38.

Демешкина Т.А. «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры / Т.А.Демешкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – №56. – С.34–46.

Земичева С.С. Проект создания Томского диалектного корпуса в свете тенденций развития корпусной лингвистики / С.С.Земичева, И.В.Иванцова // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 3. – С. 192–205.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И.Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Zhaxylikova Kulyay Baimendinovna  
Uderbaev Almas Zhaunbaiuly  
Uskenbaeva Rauza Mutalipovna  
Satbayev University  
УДК: 809.434.2:33 (038)

## Chremotonyms in kazakh mythologems

*mythology, mythical knowledge, mythologem, mythochremotonyms,  
language and culture*

The article reveals the lexical features of language units based on the analysis of the names of material culture objects that contribute to the emergence of mythical knowledge, the emergence of a mythical environment based on mythical thinking in the perception of the environment in the language of mythological works.

Defining the mythical concept that underlies the name of material culture, we are once again convinced of its relevance by examples obtained from literary works.

Chrematonyms in mythological works included lexical units of material culture related to the pragmatic sphere of human life (the name of jewelry, musical instruments, weapons, etc.), such as **kebin, zulpykar, dangyra, sandyk, kazan, kamschy, zhuzik, syrga**, etc.

In other words, they were widely used in the language of sources of mythological works: the language of fairy tales, in the work «Korkyt ata» composition, in legends, then in subsequent mythopoetic works we already find lexical names that represent the names of material cultures, which expanded their field, preserving the original semantic background.

In the nomadic culture of the Kazakh people, the **cauldron (kazan)** has a special meaning and has always been located in the middle of nomadic yurts. It is also known that **cauldron (kazan)** has several meanings in the written culture of our people. Often the word is used in the sense of family, home, family well-being, and warmth.

It is safe to say that the *cauldron* is one of the most important symbolic mythologies in the worldview of nomads. We say this because in any village of a nomadic people whose way of life is closely connected with animal husbandry, *taikazan* (a large pot) is considered a cultural value. *Taikazan* (a large pot) was used for large weddings and meals. Therefore, the symbolism of *Kazan* is a mirror of wealth, hospitality, unity and integrity of the people.

Besides that, in some proverbs and sayings, the meaning of the word *kazan* is also reflected in the meaning of the world, the universe. For example, there is a proverb that «*in fifty years the country is renewed, in hundred years it is over (kazan)*». That is, the meaning of this proverb is that «in fifty

years the country will change beyond recognition and in hundred years the whole world will change» [Encyclopedia 2013: 358].

The symbolic meaning of *kazan* is also reflected in the stories of Herodotus (VI-V centuries BC) about the Scythians (spread by the Turkic peoples): «One of the Scythian rulers named Ariant wanted to know the number of his subordinates. To find out this, he ordered all the Scythians to bring the tips of arrows at once. He said that those who do not obey the order will die. Then the Scythians brought their ruler a lot of arrows. Ariant ordered to melt the ends of the collected arrows and make a cauldron from them. The cauldron was so large that it was six inches thick and contained 600 amphorae. Thus, this «king-potter» became a symbol of the abundance of Scythian soldiers, the strength of the Scythian Kingdom, as well as the Kingdom of Ariant» [Rustemov 198: 124].

Such *cauldrons* (*kazans*) are a kind of center of nomadic peoples in the Eurasian space.

In addition, according to the Turkic-Mongolian, including Kazakh mythological representations, both the ground and underground surface is a domed shape or the shape of an inverted cauldron. Based on this, we see that the universe and its first new state were perceived by the people as a dome or cauldron in the depths of chaos. In Kazakh folklore, the motif of the «inverted cauldron» was preserved on the basis of the fact that the heroes of legends hid under the inverted cauldron as a shelter in case of danger.

This situation is also found in the work «Korkyt ata». To hide under a cauldron means to hide in some sacred cave, in a closed space. Hence the etymology of this protoform comes from «dig» – «to dig» – «kazan». The word cauldron conveys the following meaning: *kaz* – «ditch» – «hole», «light», «cave»; *ang* – formant - creator of the concept: a) «space», b) «living being», «human», c) closed cave space «and» a living being or person living in a cave, in a closed world. Often a hero appeared from this sacred space, creating a new tribe. Examples are the names of heroes that are found in the Kazakh, Oguz and Turkmen epics-Kazan, Kozhan, Kozhan, Kozhak, Kosay and Asan. In other words, the main source of these names is the word Kazan. Hence, we can say that the anthroponyms and toponyms related to the word Kazan were formed [Uskenbayeva 2016].

The mythical image of *Kazan* in Kazakh mythology is equated with the concept of «Zheruyyk» and other «cavernous». The location of *kazan* is considered in the geographical coordinate system as the center, a point of the world [Uskenbayeva 2016].

We see that the association of the word «*kazan*» with the «mythological sacred environment» has changed to a real material meaning – the meaning of the cauldron used in everyday life. According to mythological cosmography, the nomadic Yurt is recognized as a model of space, the universe, and the cauldron located in the center of this Yurt is recognized as the center of the world, the center of the universe. This symbolic meaning is typical not on-

ly for the Kazakhs, but also for the Turkic peoples, as well as the ancient Scythian tribes. Their sacred cosmography was the Ariant cauldron.

We see the same symbolism in the mausoleum of Khoja Ahmed Yassawi in Turkestan. Since Khoja Ahmed Yassawi was considered the main figure of all Central Asian Muslims, as well as all Muslim Turkic peoples, his grave and the city where they are located were considered the sacred center of the entire Turkic-speaking Muslim world.

Today *kazans* are kept in many museums around the world. This shows that since ancient times *kazan* has been a kind of community, a Central concept in the knowledge of the peoples of the world.

For example, in the Indo-European tradition, it is believed that the *kazan*, which is believed to be made of mystical power and miraculous magic, has the ability to transform or transform. There are three types of cauldron (*kazan*) in Celtic mythology. They are an eternal source of knowledge and food, an inexhaustible, the inconsumable Dagdy *kazan*, a *kazan* of sacrifice and a *kazan* of rebirth.

*Kazan* is an archetype in the symbolism of the peoples of the world, which symbolizes the miraculous mystery and rebirth. It is also a symbol of satiety, abundance and rebirth, rejuvenation. It should be noted that the *kazan* in the form of a bowl or a deep vessel is an alchemical symbol, a symbol of transformation, abundance, and immortality.

It is also worth noting that in ancient times, treasures were often buried underground in cauldrons (*kazans*). During the archeological excavations, there were many cases of finding treasures, coins and jewelry in copper cauldrons (*kazans*). From this we see that in the knowledge of ancient people there was an idea of the connection between treasures, wealth and the cauldron. It is worth noting that the ancient protoform of the Turkish «*kaz*» - «excavations» associated with the word «treasure». It is known that the ancients did not have special safes for storing treasures. That's why they kept all their wealth in the ground, sometimes using a cauldron (*kazan*) for this purpose.

It is believed that the treasure was placed in the cauldron (*kazan*) specifically in order to quickly find hidden treasures. Since the reverse digging, so that the tip of the shovel hit a solid object and so the treasure was placed in the cauldron. In accordance with this, the wealth extracted from it was a «treasure».

At the same time, the Turkic-Mongol khans associated *kazan* with the allegorical common cauldron, which meant not only the substance for cooking, but also the state property, in other words, the material wealth of the khans to meet state needs.

From these cauldrons (*kazans*), khans also gave not only prizes and gifts, but also food. An example of this is the memoirs of Marco Polo, who in his book «the Diversity of the world» talked about how the great Kublay Khan helped hungry people every year: «Every year the great Khan sent his followers (peon) to all parts of his Kingdom to find out if all was well with his citi-

zens, whether someone died from some disaster, rain or bad weather? He knew through his messengers about those who suffered and were left without bread. He ordered them not to take taxes from poor people for a year, feed them from their treasures, and give them seeds for the following year. This is a great action of the great Khan, of course! They do this in the summer and distribute cattle in the winter. If someone's cattle have been killed, he ordered his assistants to give them cattle instead of that one and not to receive a yearly tax» [Encyclopedia 1950: 558].

For this reason, there were allegorical connections between the state treasury and the cauldron (*kazan*) as a source of food for people in difficult years.

In General, the etymology of the word *kazyra* (treasure) in its ancient Turkic form means not only generosity and hospitality in the sense of *kazan* (cutlery, crockery, *taykazan*). Currently, this lexical unit has many additional meanings. Thus, we see that the sphere of consumption of the lexeme «*ka-zan*» has expanded based on its historical development.

This is another proof that the semantic field of mythologemes found in the language of fairy tales has expanded over time and indicates the creativity and viability of the myth.

Thus, in this article, an attempt was made to prove that lexemes that are widely used as national cultural and material names are also called as mythologemes based on mythical knowledge.

### **Bibliography**

Traditional system of ethnographic categories, concepts and names of Kazakhs: Encyclopedia. – Almaty, 2013. – T.1. – 736 p.

Rustemov L. Kazakh-Russian explanatory dictionary of Arabic-Iranian loan words / L.Rustemov. – Alma-Ata: Dchool, 1989. – 319 p.

Uskenbayeva R. Myth and Kazakh mythology: retrospective analysis and prospects of research / R.Uskenbayeva, E.Zhanysbekova, H.Orazbaeva, K.Saparbaeva // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Vol.9, Issue 22.

Great Soviet Encyclopedia. – M., 1950. – T.4. – 640 p.



**Жданова Екатерина Анатольевна**  
Ижевский государственный технический университет имени  
М.Т.Калашникова  
УДК 81'282.2:004(470.51)

### **Опыт многоаспектного изучения народных говоров с использованием информационных технологий**

*русские говоры Удмуртии, ЛГИС «Диалект», лингвистическая география,  
электронная лексикография, лингвистический корпус*

Одним из актуальных направлений современной русистики является изучение русских народных говоров. Несмотря на многолетнюю историю этой проблематики, ее нельзя считать закрытой: отсутствует полный атлас русского диалектного языка, не закончено лексикографическое описание русских говоров, существуют лакуны, которые еще ждут обращения к ним. В то же время современный уровень развития информационных технологий позволяет облегчить филологам работу над этими вопросами. Создаются лингвистические корпуса и электронные библиотеки (Говор бассейна Устья. Корпус севернорусской диалектной речи: <http://www.parasolcorpus.org/Pushkino>, Электронная библиотека русских народных говоров: <http://dialekt.rx5.ru>), лингвогеографические ресурсы (Лексический атлас Волгоградской области: <http://dialekt.vspu.ru>), посвященные отдельным говорам или их совокупности, в интернете публикуются изданные ранее, но недоступные широкой общественности диалектологические труды (Словарь русских народных говоров: <https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html>, Электронный атлас татарских народных говоров: <http://www.atlas.antat.ru>) и др. При этом стоит отметить, что подобные информационные системы оказываются зачастую узконаправленными, позволяют изучать говоры лишь в одном аспекте. Однако в науке давно сложилось понимание многоаспектности языка, в том числе диалектного, представление о том, что полноценное описание говоров возможно лишь с учетом разнообразных факторов и при условии привлечения разных методов исследования [Черенкова 2014: 12].

В качестве инструмента для многоаспектного описания одного из фрагментов диалектного языка можно рассмотреть использование лингвогеографической информационной системы (ЛГИС) «Диалект» (<http://dialekt.manuscripts.ru>). Сейчас эта система, созданная в Ижевске, содержит материал русских говоров Удмуртии, однако в перспективе в нее могут быть загружены и другие диалектные данные. Изначально ЛГИС «Диалект» разрабатывалась как инструмент лингвогеографического описания лексики русских говоров Удмуртии, однако со временем была дополнена лексикографическим модулем и корпусом диалектных текстов. ЛГИС «Диалект» дает возможность в удаленном режиме создавать лексические карты русских говоров Удмуртии, сохранять и дорабатывать

их; делать запрос относительно лексического диалектного материала и получать выборку в виде словарной статьи с указанием лингвистических и внелингвистических характеристик анализируемой лексемы; обращаться к отсканированным текстам и аудиозаписям диалектной речи, составляющим корпус русских говоров Удмуртии, и анализировать контексты, в которых встречается интересующее пользователя слово [Жданова 2018: 99-103]. Таким образом, сейчас ЛГИС «Диалект» позволяет изучать русские говоры Удмуртии лингвогеографическим, лексикографическим и корпусным методами.

В качестве примера представим проведенный при помощи ЛГИС «Диалект» анализ зафиксированных в русских говорах Удмуртии диалектных наречий, указывающих на большое количество чего-либо.

При помощи лингвогеографического модуля были выявлены все лексемы с соответствующей семантикой, содержащиеся в базе данных, и нанесены на карту (<http://manuscripts.ru/dialect-test/map/c1916ee3-207c-4479-b7ac-1f8bdc255e39>) разными значками. Как показала карта, в юго-восточной части Удмуртии большое количество чего-либо обозначается наречием *дивно*, на западе в том же значении распространено наречие *смейно*, а на северо-востоке используется слово *людно*. Таким образом, карта показывает территориальные различия в обозначениях большого количества, что может свидетельствовать о присутствии на территории современной Удмуртии различных говоров.

При обращении к лексикографическому модулю ЛГИС «Диалект» можно получить не только информацию о значениях анализируемых слов (что уже было установлено), но и данные о количестве и времени их фиксации в населенных пунктах Удмуртии. В результате количественного анализа можно сказать, что наиболее частотным оказывается наречие *людно* (55 фиксаций), лексемы *дивно* и *смейно* менее употребительны (15 и 9 фиксаций соответственно), случаи употребления остальных наречий, отмеченных на карте (*грудно*, *слепо*, *страшно*, *темнуще*, *толсто*, *туго*), единичны.

В лексикографическом модуле в качестве примеров употребления слов приведены гиперссылки на отрывки текстов из корпуса русских говоров Удмуртии, что позволяет обнаружить лексико-семантические и грамматические особенности анализируемых слов. Как показывает изучение контекстов, наиболее широкую сочетаемость имеет наречие *дивно*: оно может указывать на большое количество людей (*народу*, *докторов*), животных (*куриц*), неодушевленных предметов (*тракторов*, *грибов*, *годов*). Наречие *смейно* сочетается только с названиями людей, но это не всегда родственники: *народу в деревне*, *людей*, *вас* (о студентах-собирающих). Слово *людно*, как ни странно, в единичных случаях сочетается с названиями животных и неодушевленных предметов: *коней*, *машин*, *корзинок*. В корпусе зафиксирована форма сравнительной степени этого наречия: *людней*; а также производные: *людненько*, *люд-*

*нуще*, – указывающие на различную степень проявления количественного признака. Говоря о грамматических особенностях, стоит отметить, что анализируемые наречия обычно сочетаются с существительными (местоимениями) в форме родительного падежа, редко – именительного (*кони людно, семья семейно было*), иногда употребляются без указания на предмет: *людно рожали, дивно несла, дивно наваривали*.

Таким образом, ЛГИС «Диалект» оказывается удобным инструментом для комплексного анализа диалектной лексики, сочетает возможности электронного атласа, онлайн-словаря и лингвистического корпуса, что позволяет исследователю быстро, в удаленном режиме находить разнообразную информацию и расширять представление о словарном составе и территориальных особенностях русского диалектного языка.

### **Литература**

Жданова Е.А. Электронный корпус русских говоров Удмуртии: новые возможности / Е.А.Жданова // Вестник ИжГТУ имени М.Т.Калашникова. – Ижевск: Изд-во ИжГТУ имени М.Т.Калашникова, 2018. – Т.21. – №1. – С.99-103.

Черенкова А.Д. Русская диалектология: лекции и практические занятия: учебное пособие / А.Д.Черенкова. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2014. – 268 с.

## **Молодёжный сленг как языковое явление**

*сленговые выражения, диалект, молодежный сленг,  
стилистические особенности*

Данная статья посвящена анализу современного молодежного сленга в английском языке. Вклад сленга в обогащение представляет интерес для лингвистики: «a short of real representation of the dynamism of language and symbol of human freedom in creating language was an interesting phenomenon to be analyzed» [Hoey 2005: 155].

Стремительное развитие компьютерных технологий, возможности сети Интернет, безусловно, привлекательны для молодого поколения. Сегодня английский сленг играет важную роль в повседневном общении молодежи. Сленг был сформирован и изменен различными культурами и появлением технологий, которые стали феноменом развития языка.

Одним из главных увлечений нынешней молодежи является современная музыка, которая представляет собой смешение разнообразных музыкальных направлений, культур, экспериментов. Современная молодежь предпочитает западную музыку, английский в современном обществе является наиболее перспективным для изучения. Многие слова приходят в речь молодежи из компьютерных игр. Студенческий сленг можно квалифицировать как корпоративный молодежный сленг.

На сегодняшний день мы видим большое количество заимствованных из иностранных языков слов. Русификация таких слов происходит, как правило, посредством сокращений, склонений, прибавления суффиксов и т.д. Это помогает заимствованным словам с помощью средств грамматики гармонично «встроиться» в систему русской разговорной речи. Молодежный сленг характеризуется экспрессией, эмоциональностью, образностью, что влияет и на развитие русского языка. Еще одной особенностью сленга является постоянное появление и исчезновение единиц. Появляются неологизмы, а прежние слова выходят из сферы использования.

В нашем исследовании речь идет об использовании английского молодежного жаргона среди российской молодежи, об особенностях передачи английских сленгизмов в русском языке.

В большинстве случаев процесс адаптации сленговых слов и выражений является долгим и постепенным. Некоторые элементы сленга так и не адаптированы до сих пор. Необходимо учитывать и различия в произношении слов. В случае адаптации заимствованного слова в грамматиче-

ской языковой системе от него начинают образовываться, как правило, новые производные: *хит* – *хитовый* и т.д.

С помощью опроса среди молодых людей был сделан вывод о ежедневном использовании ими сленгизмов в коммуникации для обозначения субъектов, профессий, занятий, досуга, быта. «The slang has been shaped and reshaped by different culture and the emergence of technology which become a phenomenon of the language development» [Boase-Beier 2004: 276]. Сегодня уже невозможно представить себе разговорную речь молодежи без сленга. С помощью сленга представители молодого поколения не только общаются, но и облегчают себе процесс обучения иностранному языку, пополняют свой словарный запас.

### **Литература**

Hoey M. A New Theory of Words and Language / M.Hoey // Lexical Priming. – London: Routledg, 2005. – P.155.

Boase-Beier J. Saying what someone else meant: style, relevance and translation / J.Boase-Beier // International Journal of Applied Linguistics. – 2004. – Pp. 276-286.

## **Эволюция семитского корня – культурно-исторический аспект**

*трехсогласный семитский корень, прото-афразийский язык, семитские языки, натуфийская культура*

Семитская семья входит в виде отдельной ветви в афразийскую макросемью, наряду с берберскими, чадскими, кушитскими, омотскими языками, а также древнеегипетским языком.

Основной характеристикой семитского корня является триконсонантизм. На это явление в X веке обратил внимание еврейский филолог Хайудж из Феса; из арабских филологов – Байдави в XIII веке. Классические представления получили дальнейшее развитие [Greenberg 1950, Moscati et al. 1966, Ullendorf 1958].

Смысловую нагрузку в семитском корне несут согласные, в том числе и так называемые “слабые” согласные (W, Y, в определенных случаях N). Иными словами, согласные играют роль смыслового “костяка” слова. Так, корень √КТВ образует значимую группу слов с общей идеей “писать”: *КаТаВ* ‘он писал’, *КәTiBa* ‘писание’ (процесс), *miKTaB* ‘письмо’, *КәТаВ* ‘документ’, *КәTuBa* ‘брачный договор’. Смысловое наполнение лексем зависит от гласных внутренней флексии и/или аффикса, а костяк трех согласных передает общий смысл, формируя ядро семантического кластера.

Вторая черта семитского корня – наличие двухсогласного смыслового ядра, определяющего древо корней. Хрестоматийный пример: √PRD ‘отделение’, ‘разлука’, √PRT ‘детализация’, √PRK ‘раздробление’, √PRM ‘распарывание’, √PRS ‘разрезание на ломти’, √PRQ ‘разгрузка’, √PRŞ ‘разрыв’, ‘прореха’, √PRR ‘крошить’ и т.д. Все корни объединены идеей отделения части от целого, разборки и общего смыслового ядра √PR\*.

В арабском Байдави подмечал смысловое ядро в корнях √FLH, √FLG, √FLQ, √FLY - с семантикой ‘расщеплять’, ‘раскалывать’ [Майзель 1983].

Можно высказать предположение о том, что третья согласная несет конкретизирующее значение. Полагали, что в основе явления лежат фонетические процессы, обусловленные географическими различиями, в результате чего появляются новые диалекты [Ben-On 1967].

Третья особенность трехсогласного ивритского (и семитского) корня – его гомологичность; раскроем ее в дальнейших работах.

Приращение двухсогласного корня третьим согласным можно объяснить, обратившись к истории прото-АА языковой макросемьи.

Теории афразийской прародины можно свести к двум – африканской и азиатской. Африканские теории помещали прародину АА языков в районы Африканского Рога, Эфиопии, ЮВ Сахары [Bender 1975, Blench 2006, Ehret 1995]. Согласно азиатскому подходу, афразийский язык зародился на Ближнем Востоке [Diakonoff 1995, Militarev 2003]. По мнению автора, пре-прото-АА язык зародился в Восточной Африке, откуда часть носителей мигрировала через Баб эль-Мандебский перешеек в Аравию, и двинулась на северо-запад [Зельдин 2020]. Мигранты положили начало так называемой натуфийской культуре в районе Леванта (12500-9500 лет до н.э.).

Натуфийская культура ознаменовалась культивированием ржи, ячменя и пшеницы, сбором урожаев кремниевыми серпами, применением мотыг, ступок и пестов, одомашниванием мелкого рогатого скота и свиней, приручением кошек и собак и означала переход от охоты и собирательства к оседлому поселению и земледелию [Bar-Yossef 1995]. Впервые осуществляются выпечка хлеба и пивоварение, строительство кирпичных домов, основание древнейшего города – Иерихон.

Следствием сельскохозяйственной революции в период расцвета натуфийской культуры явилось создание излишков продовольствия и их запасание (раскопки в абу-Хурейра), что привело к демографическому взрыву на Ближнем Востоке.

Вследствие драматических изменений в образе жизни увеличилась плотность населения и произошел переход к оседлому образу жизни и урбанизация. Влияние среды на повседневную жизнь уменьшилось, и у натуфийцев появилось свободное время. Значительно увеличилась частота повседневных контактов, появился стимул к созданию устного творчества, что привело к сглаживанию диалектных различий (особенно в урбанизированной среде) и зачаткам устной литературы.

При рассмотрении эволюции трехсогласного семитского корня, следует иметь в виду его происхождение от прото-афразийского. Прото-АА корни были в массе своей двусогласными. В семитском лексиконе можно найти небольшое количество таких корней, восходящих к афразийскому прото-языку (pSem *\*ʔu/imm* < pAA *\*ʔVma*, *\*ma(y)* ‘mother’; pSem *\*dam-* ‘blood’ < PAA *\*dam-* id.; pSem *\*maʔ*, *\*may-* ‘water’ < pAA *\*maʔ-* id. [Starostin 1998-2013].

В развитии устной литературы требовалось больше понятий и синонимов, чем предлагал язык охотников и собирателей. Согласно гипотезе, наименования неолитических материалов в семитских языках являются двусогласными (*bn* ‘stone’, *ħṣ/ħṣ* ‘pebble’, *qn* ‘reed’), в натуфийскую эпоху морфология новых, неизвестных в раннем неолите, материалов усложняется и приобретает триконсонантную структуру (*\*labin-* ‘brick’, *\*tibn* ‘straw’, *\*zipt* ‘bitumen’) [Agmon 2010].

Вероятно, аналогичные тенденции проявлялись и в духовной сфере, когда лексических средств стало не хватать для самовыражения и они стали усложняться. Корни слов прирастали, и расширялся лексикон.

Вернемся к корням с радикалом PR-. В прото-АА языке отмечены корни: PAA \*pVr- 'to cut' > pSem \*pVrVy id., PBerber \*fVr 'to cut hair', pWest Chadic \*pVr 'to cut'; PAA \*par 'to break', 'to thresh' > pSem. pVr- 'to tear off', 'to break', 'to cut' [Starostin 1998-2013].

Приращение третьей согласной происходило согласно фонетическим правилам [Goldenberg 2005, Greenberg 1950].

Поскольку сельскохозяйственная революция на Ближнем Востоке породила избыток населения, вследствие недостатка пахотных земель и истощения почв начали происходить миграции натуфийцев. Основным направлением миграций стало юго-западное и значительно позже (800-1000 лет до н.э.) – юго-восточное, благодаря чему сформировались эфиопо-семитские языки.

Древнейшей языковой ветвью натуфийских переселенцев в Африку является чадская [Дьяконов 1965]. Дифференциация чадских диалектов происходит примерно за 5200 лет до н.э. [Militarev 2005; Starostin 2010].

Более позднее отделение протоегипетского языка (по сравнению с прото-чадскими) обусловлено климатологическими факторами. Археологическая культура Хелуина в Египте считается ветвью натуфийской, а Фаюмский оазис (4700-4000 гг. до н.э.) характеризует расселение египтян-носителей афразийского языка [Butzer 1976].

Потомки афразийцев в Леванте в раннем бронзовом веке формируют протосемитскую общность (4200 гг. до н.э. +/- 400 лет [Kitchen 2009, Militarev 2005, Starostin 2010]).

Парадигма триконсонантизма отсутствует в чадских языках, но есть в египетском и берберских, что позволяет оценить диахроническую глубину явления. Распад проточадского языка происходит в начале VI тысячелетия до н.э. Еще до наступления V тыс. до н.э. на территории Египта появляются принесшие навыки земледелия носители афразийского языка, из которого сформируется древнеегипетский язык. Именно на протяжении этого периода – VI тыс. до н.э. (вторая половина?) – начало пятого тысячелетия до н.э. – складывается трехсогласный корень. Маловероятно, что в египетском независимо сложилась эта парадигма, очень редкая в языках мира. Так, за пределами АА макросемьи трехсогласный корень отмечен только в языках йок-ути (Калифорния).

### Литература

Дьяконов И. Семито-хамитские языки. Опыт классификации / И.Дьяконов. – М.: Наука, 1965.

Зельдин А. К истокам афразийского единства / А. Зельдин // In press. – 2020.



Майзель С. Пути развития корневого фонда семитских языков / С.Майзель // М.: Наука.- 1983.

Agmon N. Materials and Language: Pre-Semitic Root Structure Change Concomitant with Transition to Agriculture / N.Agmon // Brill's Annual of Afroasiatic Languages and Linguistics. – 2010. – Vol.2. – Pp.23-79.

Bar-Yossef O. Earliest food producers: pre-pottery Neolithic / O.Bar-Yossef // The archaeology of society in the Holy land / [ed.] T.Levy. – Leicester University Press, 1995. – Pp.190-204.

Ben-On A. Lašon ve-signon / A.Ben-On. – Tel-Aviv: Yizre'el, 1967.

Bender L. Omotic: a New Afroasiatic Language Family / L.Bender. – Carbondale: Southern Illinois University, 1975.

Blench R. Archaeology, Language and African Past / R.Blench. – Lanham MD: Rowman Altamira, 2006.

Butzer K. Early Hydraulic Civilization in Egypt. A Study in Cultural Ecology / K.Butzer. – Chicago-L.: University of Chicago Press, 1976.

Diakonoff I. Long-Range Linguistic Relations: Cultural Transmission or Consanguinity? / I.Diakonoff // Mother Tongue. – 1995. – Vol.24. – Pp.34-40.

Ehret Ch. Reconstructing Proto-Afroasiatic / Ch.Ehret // Univ. of California Press, 1995.

Goldenberg G. Semitic Triradicalism and the Biradical Question / G.Goldenberg; G.Khan [ed.] // Semitic Studies in Honor of E. Ullendorf. – Leiden, Brill, 2005. – Pp.7-26.

Greenberg J. The Patterning of Root Morphemes in Semitic / J.Greenberg // Word. – 1950. – Vol. 6. Issue 2. – Pp.162-181.

Kitchen A. Bayesian phylogenetic analysis of Semitic languages identifies an Early Bronze Age origin of Semitic in the Near East / A.Kitchen, Ch.Ehret, Sh.Assefa, C.Mulligan // Proc. R. Soc. B. – 2009. – Vol.27. – Pp.2703-2710.

Militarev A. The prehistory of a dispersal: the Proto-Afrasian (Afroasiatic) farming lexicon / A.Militarev; P.Bellwood & C.Renfrew [eds.] // Examining the Farming/Language Dispersal Hypothesis: Oxford, McDonald Institute for Archaeological Research. – 2003. – Pp.311-318.

Militarev A. Once more about glottochronology and the comparative method: the Omotic-Afrasian case / A. Militarev; G. Starostin [ed.] // Aspects of comparative linguistics. – Moscow, Orientalia et Classica, 2005. – Vol.VI. – Pp.339-408.

Moscatti S. An Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic languages: phonology and morphology / S.Moscatti, A.Spitaler, E.Ullendorf, W. von Soden. – Wiesbaden, Otto Harrasowitz, 1966.

Starostin G. Glottochronological classification of Afroasiatic languages / G.Starostin. Unpublished Ms. – 2010.

Starostin G. The Tower of Babel. An Etymological Database project // G.Starostin, S.Starostin // starling.rinet.ru. – 1998-2013.

Ullendorf E. What is a Semitic Language? / E.Ullendorf // Orientalia. – 1958. – Vol.27. – Pp.66-75.

## **Английская лексикография в эпоху цифровизации**

*лексикография, общий, специальный, цифровой формат,  
онлайн-словарь*

Английская национальная лексикография обладает бесценным практическим опытом составления различных типов словарей для общих и специальных целей. Начиная с XVI в. наблюдается создание глоссариев и ранних толковых словарей английского языка, которые заложили основу для первого толкового словаря английского языка – Словаря С. Джонсона, и затем грандиозного труда – Большого Оксфордского словаря, построенного с учетом исторических принципов [Considine 2019: 12].

Интересно отметить, что одновременно с толковыми словарями английского языка в английской лексикографии сформировалось несколько самостоятельных направлений, которые регистрировали и обрабатывали отдельные слои лексики: сленг, диалектизмы, трудные слова из произведений известных писателей, синонимы, неологизмы, словосочетания, имена собственные и т.д.

Пройдя многовековой путь развития, общие и специальные словари сегодняшнего дня впитали лучшие исторические традиции и добавили новые элементы и направления, которые успешно применяются в современных лексикографических проектах. Это учебные словари английского языка, которые предназначены как для носителя языка, так и для иностранного пользователя, изучающего английский язык как иностранный. Среди них учебные словари для школьников, студентов, широкого круга пользователей с различным уровнем знания английского языка. Их объединяет тот факт, что все они имеют прерывный словник, включающий вставки по грамматическим трудностям, культурологические и кросскультурные комментарии, тематические подборки и тетради с упражнениями. Тем самым они повторяют изначально сложившуюся в английской лексикографии традицию, в которой словарь и грамматика определяли норму словоупотребления. Так было в начале, так происходит и в настоящее время развития и процветания цифровых технологий. Иными словами, учебную направленность сегодня имеет большинство типов словарей для общих и специальных целей.

Необходимо отметить, что в наше время в связи с интенсивной миграцией населения в развитые страны, в том числе и в Великобританию, существенно изменился и профиль пользователя: мигранты из стран третьего мира значительно пополнили население Англии. Возникла необходимость создания словарей учебного типа для иммигрантов с

усиленным культурологическим компонентом. Так, в печатные и онлайн-словари вошли сведения о культурном наследии Англии, ее традициях и культуре. Таким образом, в XXI в. в английской лексикографии развивается и совершенствуется учебная лексикография для иммигрантов. При этом в словари входит не только культурно-ориентированная английская лексика, но и слова, которые пришли в английский язык из стран иммигрантов. Особенно это касается имен собственных и лексики из сферы одежды, питания, страноведения и т.д.

Безусловно, в цифровую эпоху так называемые продвинутые пользователи предпочитают онлайн-справочники различных типов из-за быстрого получения справки и открытого доступа к словарям. Существуют и специальные программы, отслеживающие предпочтения пользователей при выборе словаря для конкретных целей (чтения, перевода, написания эссе и т.п.). Неоднозначное отношение среди специалистов получила программа *окулографии*, или *eye tracking*, которая широко применяется в интернете и собирает статистические сведения об обращении пользователей к конкретным словарям [Lew 2014: 341–359].

В этой связи с повышением интереса к интернет-справочникам лексикографы переводят в цифровую форму имеющиеся, главным образом, авторитетные толковые словари английского языка, которые имеют удобный интерфейс. Нередко под одним адресом объединяются возможности как алфавитного, так и тематического поиска сразу в нескольких изданиях и типах справочников, издающихся одним и тем же издательством. Таким образом, расширяются возможности получения любой справки о слове, его формах и сферах употребления. Подобная практика ведется всеми авторитетными издательствами Великобритании.

Эта тенденция касается и редких словарей, созданных на ранних этапах развития английской лексикографии. Так, например, к настоящему времени отцифрованы и стали доступными словари языка английских писателей: У.Шекспира, Дж.Чосера, Дж.Мильтона, Ч.Диккенса и других мастеров слова, изданных в XVII–XIX вв. Благодаря процессу цифровизации они широко используются современными филологами, студентами, культурологами и специалистами из смежных наук [Алхастова 2020]. Такая тенденция свидетельствует о постоянно возрастающей *междисциплинарной природе* современной английской лексикографии.

Необходимо отметить, что эпоха интернета оказала влияние и на формирование новых лексикографических проектов. Это, в первую очередь, партнёрская и *волонтерская* лексикография – проекты, в которых электронные и онлайн-словари создаются самими пользователями [Карпова 2019: 11-18]. Прежде всего, это цифровые терминологические словари новых предметных областей, которые не имеют предшественников, поскольку эти отрасли знания появились лишь в последнее время. Среди них особое внимание уделяется созданию тер-

минологических справочников логистики, страховой медицины, цифровой экономики и т.д.

Привлечение специалистов к созданию словарей терминов данных предметных областей необходимо и целесообразно, а также, безусловно, эффективно для всестороннего отражения терминов в корпусе и микроструктуре словарей. В этой сфере зародилось и другое новое направление в английском словарном деле – *коммерческая лексикография*: словари составляются специалистами-терминологами по коммерческому заказу кампаний.

В новом тысячелетии в английской лексикографии развивается *рецензирование* словарей, истоки которого восходят к лексикографическому анализу словарей и их сопоставлению. Лексикографы и издательства обращаются за рецензиями на свои печатные и электронные справочники к иностранным специалистам, чтобы сделать новые словари как можно более привлекательными для пользователя в условиях жесткой конкуренции на рынке лексикографических услуг. Рецензии сводятся к пользовательской оценке принципов построения справочников, маршрутов поиска необходимой информации и его оптимизации.

В новом тысячелетии английская лексикография предлагает пользователям инновационные справочные ресурсы. Это *Sketch Engine* (программное обеспечение для управления корпусом и текстовым анализом, позволяющее искать большие текстовые собрания в соответствии со сложными и лингвистически мотивированными запросами); информационные порталы *Google Ngram Viewer*, *WorldNet*, *the Pattern Dictionary of English Verbs*, *VerbNet*, *FrameNet*, *Google Image Search* и т.п. ресурсы, которые регулярно обновляются и совершенствуются. В цифровую эпоху возникают новые справочные порталы: словарные сети, словарные информационно-поисковые инструменты и словарные коллекции. Постоянно образуются новые цифровые профессиональные сообщества, в частности, *E-lexicography*, где регулярно обсуждаются исследования в области интернет-лексикографии. Следует отметить, что английская национальная лексикография имеет в сообществе по электронной лексикографии ведущие позиции.

Цифровые инновации и их понятийный аппарат нашли воплощение и в самом авторитетном словаре лексикографических терминов, третий том которого вышел в печатной форме в 2020 г. и в ближайшем будущем готовится к переводу в онлайн-версию с увеличением поисковых маршрутов [Wörterbuch zur Lexikographie und Wörterbuchforschung 2020].

## Литература

Алхастова З.Р. Лексикография культурного наследия (на материале словарей языка английских писателей, цитат и пословиц): монография / З.Р.Алхастова, О.М.Карпова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. – 172 с.

Карпова О.М. Волонтерская лексикография (на материале толково-энциклопедического словаря "Florence in the Works of World Famous people" /

О.М.Карпова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – №3. – С. 29-34.

The Cambridge World History of Lexicography / ed. J.Considine. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 954 p.

Karpova O.M. Modern English Dictionaries. A Foreign User's View / O.M.Karpova // Respectus Philologicus. – Vilnius: Vilnius University Press, 2019. – №36 (41). – P.11-18.

Lew R. Dictionary Users in the Digital Revolution / R.Lew, G. de Schryver // International Journal of Lexicography. – 2014. – Vol. 27. Issue 4. – Pp. 341–359.

Wörterbuch zur Lexikographie und Wörterbuchforschung (Dictionary of Lexicography and Dictionary Research) / ed. by H.E.Wiegand, M.Beißwenger, R.H.Gouws, M.Kammerer, A.Storrer, W.Wolski. Band 3. – Berlin: De Gruyter, 2020.

## Применение корпусных технологий при обучении русской этноспецифической лексике германских студентов

*корпусная лингвистика, лингводидактика, этноспецифическая лексика*

В настоящее время выдвигаются особые требования к подготовке нового поколения специалистов, владеющих не только иностранными языками, но и межкультурной коммуникацией. В этой связи большое внимание уделяется разработке эффективных методов обучения иностранным языкам, позволяющим не только формировать и развивать речевые навыки, но и создавать межкультурную компетенцию, способствующую обобщению языкового, речевого и культурного опыта конкретного народа с учетом исторических и национально-культурных особенностей его страны. При этом обучение языку осуществляется в условиях «культурно-центрированной парадигмы преподавания иностранного языка» (В.П.Фурманова), в которой язык изучается как феномен культуры.

В процессе знакомства обучающихся с особенностями иностранного языка важное значение имеет демонстрация сходств и различий между родным и изучаемым иностранным языком, детальное описание случаев совпадений и расхождений языковых явлений на фоне их национально-культурной специфики, связанной с образом жизни того или иного народа, его способом мировосприятия и миропонимания, историческим прошлым, национальными традициями и культурным наследием.

Имеющиеся несовпадения объясняют наличие культурно-маркированной и безэквивалентной лексики, играющей важную роль при формировании межкультурной компетенции. В данном исследовании мы объединяем эти две лексические группы под общим названием *этноспецифическая лексика* (далее – ЭСЛ). Знакомство иностранных учащихся с этноспецифической лексикой позволяет усвоить понятийную систему, лежащую в основе ЭСЛ, ассоциативные связи лексем данной группы, а также сопоставить ценные сведения культурно-исторического характера о стране изучаемого языка со знаниями о своей стране и культуре.

*Целью исследования* является разработка методики обучения германских студентов этноспецифической лексике, номинирующей русские национальные блюда и напитки, на основе межкультурного подхода с использованием корпусно-ориентированных технологий.

Среди отечественных ученых, занимавшихся изучением культурно-маркированной и фоновой лексики, следует отметить, в первую очередь,

представителей лингвострановедческого направления, зародившегося в 70-е годы, – Е.М.Верещагина, В.Г.Костомарова, В.В.Морковкина, Г.Д.Томашина, М.Л.Вайсбурд, Э.И.Тамм и др. Позднее сформировался межкультурный подход в обучении иностранных обучающихся, яркими представителями которого являются В.П.Фурманова, С.Г.Тер-Минасова, Г.В.Елизарова, Г.А.Масликова, Н.Г.Соловьева и др. Среди зарубежных ученых, занимавшихся изучением культурно-маркированной лексики, необходимо выделить М.Бенсона, А.Вежбицкую, А.Вирлахера, У.Лабова, Э.Патриджа, Л.Саудека и др.

Несмотря на имеющиеся труды отечественных и зарубежных лингвистов в области лингвострановедения и межкультурной коммуникации, отмечается недостаточное количество работ, посвященным таким важным аспектам изучения ЭСЛ, как содержание обучения ЭСЛ, разработка эффективной методики формирования и развития межкультурной компетенции с помощью современных технологий на основе обучения ЭСЛ иностранных учащихся, отсутствие достаточно обобщенного и полного описания системы обучения иностранному языку на основе межкультурного подхода

Одним из инновационных методов обучения иноязычной лексике является технология применения электронных корпусов. Как отмечает В.А.Плунгян, «корпус – это не только мощный инструмент исследования языка, но и новая идеология, ориентирующая исследователя на текст как главный объект теоретической рефлексии» [Плунгян 2008: 14].

Опираясь на ресурсы параллельного русско-немецкого подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ], представим ряд упражнений, направленных на развитие навыков самостоятельного определения значений ЭСЛ.

Упражнение 1. Используя материалы русско-немецкого подкорпуса НКРЯ, распределите следующие лексемы на подгруппы: а) закуски; б) основные блюда; в) выпечка; г) напитки: *борщ, взвар, калач, квас, кисель, кутья, кулебяка, пирог, солонина, сбитень, уха*.

При выполнении этого упражнения основная задача учащихся заключается в правильном определении подгруппы, к которой относится та или иная лексема, номинирующая закуски, основные блюда, выпечку и напитки. Для этого студентам рекомендуется с помощью программы поиска в НКРЯ проанализировать русскоязычный и немецкоязычный варианты употребления ключевой лексемы с учетом ее контекстуального окружения. Самые первые вхождения лексемы дают исчерпывающую информацию:

(1) «Они энергично ели *борщ*, солонину с перловой кашей, пили чай с сахаром». [В.Г.Сорокин. *Путь Бро* (2004)]

„Munter löffelten sie ihren *Borschtsch* in sich hinein, Gepökeltes mit Perlgrauen, tranken gezuckerten Tee dazu“. [Vladimir Sorokin. *Bro* (Andreas Tretner, 2007)]

(2) «Все миски, из которых диканьские козаки хлебали *борщ*, были размалеваны кузнецом». [Н.В.Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки (1831-1832)]

„Alle Schüsseln, aus denen die Kosaken von Dikanjka ihre *Rübensuppe* aßen, waren von diesem Schmied bemalt“. [Abende auf dem Vorwerke bei Dikanjka und andere Erzählungen. Nikolaj Gogol (Alexander Eliasberg, 1921)]

Упражнение 2. Используя материалы НКРЯ, представьте информацию о родовой принадлежности лексем, перечисленных в упражнении 1, сопроводив ее примерами из русских художественных произведений в виде таблицы.

В ходе заполнения таблицы обучающиеся многократно обращаются к данным электронного корпуса НКРЯ, анализируют примеры употребления соответствующей лексики в контексте и делают выводы о родовой принадлежности той или иной лексической единицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Наименование блюда / напитка	Родовая принадлежность	Примеры употребления в контексте
калач	муж.р.	"Да, эта смугленькая. Это вот свежо, и нетронуто, и пугливо, и молчаливо, и все что хочешь. Вот кем можно заняться. Из этой еще что вздумаешь, то и сделаешь; а та – <i>тертый калач</i> ". [И.С.Тургенев. Отцы и дети (1860-1861)]

Упражнение 3. Опираясь на синтагматические связи этноспецифической лексики в художественном тексте, представьте основные характеристики русских национальных блюд и напитков, перечисленных в упражнении 1 (консистенцию, цвет, вкус, состав и т.д.).

При выполнении данного упражнения обучающиеся анализируют отрывки из русских художественных произведений, выявляя характерные свойства, качества того или иного блюда либо напитка. Например:

(3) «Ведь и *квас* разный: просто *квас*, *баварский квас*, *можжевельновый*, *клюковный*...». [Максим Горький. Трое (1900-1901)]

(4) «Подумаешь, право: на что не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа, *грушевый квас* с терновыми ягодами или варенуху с изюмом и сливами?» [Н.В.Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки (1831-1832)]

Данные примеры позволяют сделать вывод о том, что квас имеет жидкую консистенцию, представляет собой русский напиток, который делали с добавлением хмеля, можжевельника, клюквы, груши, терновых ягод.



Упражнение 4. Основываясь на данных НКРЯ, заполните следующую таблицу, указав варианты перевода этноспецифических лексем (*блины, бублик, вареники, оладьи*) с русского на немецкий язык, контексты употребления и частотность данных лексических единиц в русско-немецком подкорпусе. Проанализируйте перевод номинаций русских национальных блюд на немецкий язык. Выявите наиболее / наименее удачные варианты перевода.

Таблица 2

№	Наименование русских национальных блюд	Варианты перевода на немецкий язык	Примеры употребления в контексте	Количество вхождений (частотность)

Представленное задание позволяет сопоставить русскую этноспецифическую лексику, номинирующую национальные блюда и напитки, с вариантами перевода данных лексем на немецкий язык. Работая с материалами корпуса, учащиеся получают представление о способах перевода анализируемых лексических единиц, вариантах использования в речи, а также о частотности употребления в русском художественном тексте.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что корпусные технологии при обучении русскому языку как иностранному позволяют продемонстрировать большой учебно-исследовательский потенциал электронных корпусов. В процессе знакомства германских учащихся с особенностями русской этноспецифической лексики применение корпусных технологий способствовало выявлению сходств и различий между номинациями блюд и напитков в русском и немецком языках, детальному анализу контекстуального окружения русских этноспецифических лексем с целью определения основных характеристик русских национальных блюд и напитков, выявлению специфики русских кулинарных традиций, связанной с образом жизни русского народа, его способом мировосприятия и миропонимания, историческим прошлым, национальными традициями и культурным наследием.

### Литература

Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В.А.Плунгян // Русский язык в научном освещении. – 2008. – №2. – С.7-20.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – Режим доступа (дата обращения: 25.03.2020): <http://www.ruscorpora.ru>

## **Synonymy as a Cross-Functional Language Phenomenon**

*synonymy, terminology of LSP in German and English, medical discourse, legal discourse, banking discourse, eponymous terms, borrowings*

The paper studies synonymy of German and English terms in medical, juridical, and banking spheres. Even though synonymy is not a new scientific topic, it is still a matter of debates among linguists. This is especially true of synonymy of terms. Terms comprise a significant part of the vocabulary which forms a strictly organized system. The system is flexible and changeable as with the development and progress of the spheres, new terms are either coined or borrowed.

Terminology as a part of new lexicon was studied by many linguists (G.O.Vinokur, D.S.Lotte, A.A.Reformatskij, V.M.Lejchik). There are different approaches to studying terminological synonyms. Obviously, the problem of modeling, understanding and generating texts / discourses has the pivotal “idea of synonymy in the broadest sense” [Apresyan 1974: 221]. Thus, linguistics should study and disclose mechanisms for generating information with due regard to synonymous relations of words in a text / discourse.

There are two opposite opinions on synonyms in the LSP literature. Some linguists state that there is a sort of synonymy ‘explosion’, which is the result of scientific development and extension of scientific knowledge, while others claim there is a lack of terminological synonyms.

Now let us consider synonymy of terms in different types of discourse. Medical discourse is one of the most important types whose purpose is to convey the meaning unequivocally and ensure the correct interpretation. This requires adequate and competent knowledge of medical terminology. Medical discourse is characterized by a large number of terminological units which take a particular position in terminological systems of numerous branches of medical science. An ‘ideal’ term complies with the following principle: one sound form – one meaning, different sound forms – different meanings. However, this requirement is not always met even within the same terminological system. The model of the ‘ideal term’ does not always work. Terminological systems develop and change as sciences develop, and cases of terminological synonymy are becoming increasingly common. As not all terms meet the criteria of ‘ideal’ ones, misunderstanding in professional communication may appear, especially in the era characterized by a greater openness to the world community where scientists and professionals interact internationally [Shvetsova 2012: 51].

There are several types of terms which can become synonyms: eponyms, toponyms, and borrowings. In the modern English ophthalmologic sys-

tem, there are 44 pairs of synonymous eponyms. An eponymous term is a term coined after someone's proper name: *Adson's syndrome* – *Naffziger syndrome*, *Apert-Gallais syndrome* – *Cushing's disease*, *Strumpell's disease* – *Bechterew's disease*. Another type is a toponymical terminology. Toponyms are connected with geographical names of the areas where diseases are discovered or spread, e.g.: *Egyptian ophthalmia*, *American leishmaniasis*.

Regarding synonymous relations of medical terms, it is necessary to consider the correlation between scientific and everyday notions, their coexistence and impact on each other. Ways of recording, storing and transferring specific knowledge about different phenomena in medicine go far beyond the boundaries of science. A synonymic row *Botkin's disease*, *infectious hepatitis* and *jaundice* is a vivid example of terminological synonymy. *Hepatitis* is a scientific term whose cognitive structure reflects a scientific interpretation [Khantakova 2019: 75]. The term *jaundice*, which is created on the basis of common units, represents the model where information received from everyday life is included in the content structure. This word is a mental formation which acts as a natural generalization: the term displays visible symptoms of this disease, i.e., viral hepatitis. In the process of blockage of biliary duct, bile gets in the blood, making skin and mucous membranes yellowish. *Botkin's disease* is named after an outstanding Russian scientist. This term reflects the symptoms of the disease or its localization. E.g.: *Hepatitis is considered endemic in some regions and represents a threat to the survival of people. Our other patient has jaundice, low albumin and no diagnosis. According to his medical history he had Botkin's disease in 1983 and was operated on in 1986.*

It is also interesting to analyze German legal language, which is notable for its accuracy, for instance *Täter, Verbrecher, Delinquent* – *criminal*; *Tateinheit, Einspruch, Protest* – *notice of opposition*; *Strafandrohung, Strafandrohung, Sanktion* – *sanction*; *Tatwiederholung, Ruckfallverbrechen* – *recidivism*; *Beschuldigter, Angeschuldigter* – *defendant*. Here are some examples of such synonyms in German legal discourse: *Delikt* – *illegal punishable act, crime*; *Rechtsbruch* – *departure from the law*; *Rechtsverletzung* – *sole violation of current legislation*. *Rechtsbeugung* – *bei der Entscheidung einer Rechtssache im Amt begangenes Delikt der vorsätzlich falschen Anwendung des Rechts* – *crime of professional misconduct by intentionally incorrect judgement of an official*.

Most linguists agree that legal terms should be unambiguous; thus, they may only have absolute synonyms or no synonyms at all. The German legal language borrowed a great number of terms from Latin, whereas English borrowings are not common.

The legal language is closely related to the language of banking, i.e. terms of economics and finance. Banks are special economic institutions which accumulate monetary resources and conduct activities connected with money loans, payments, and emission of different documents. Bankers use a

specific language of banking terminology, which is a part of economic terminology.

In Germany this language has its own history which has been connected with the English borrowings since the 19<sup>th</sup> century. There are two reasons for this: extralinguistic factors and the principle of linguistic economy. A big part of English borrowings in the modern German economic terminology is connected with the spread and dominance of the English language in the world. Borrowed words are a characteristic of developing modern terminology. The reasons for this are extralinguistic factors, such as strong dependency of Germany on the USA after World War II. One more reason for the internationalization of banking is globalization. Almost all names of bank products, departments, services are borrowed from English, even though there are original terms in the German language, e.g.: *bank account* – *Bankkonto*; *commercial banking* – *Einlagen und Kreditgeschäft*; *extension* – *Fristverlängerung*.

Some words are borrowed from English (*controlling, controller*) because there is a need to nominate new concepts. e.g. *From 1970<sup>th</sup> controllers working positions were entered in the German firms too. Controlling is a comprehensive system of corporate governance, directed to coordination of management systems and control their effectiveness.*

Alongside with the original meaning, there are also additional meanings that differ from the original one: e.g. *container* – *Behälter (container – box, carton for shipping)*; *Behälter* – *storage container for something*. Besides, some terms get a broader conceptual meaning: e.g. *management* – *control of major concern; executives of major concern; administration*.

The following examples clearly demonstrate that English borrowings convey the same meanings as German terms but more concisely, e.g.: engl. *bankteam* – dt. *Personal der Bank*; engl. *Banking* – dt. *Bankverkehr, Bankgeschäftsabwicklung*; Engl. *Bank Call Center* – dt. *Telefonkundendienstzentrale*; engl. *Online* – dt. *am Netz angeschlossen*; engl. *Online Money* – dt. *elektronisches Geld*. These examples follow the principle of linguistic economy, but sometimes Germans use original German variants which are longer: e.g. *Pflichtversicherung des Personals der Banken* – *compulsory social insurance of bank team. Ab April 2005 soll auch der Bankverkehr per Internet angeboten werden* – *From April 2005 banking must be offered over the Internet.*

The conducted analysis of the synonymy of terms enables us to make the following conclusions. First, knowledge of terminological systems and their formation history, correct usage of synonymous terms, and a proper choice of the right synonym for adequate and successful communication are a necessary requirement not only for linguists, teachers and translators, but also for doctors, lawyers, bankers, economists and representatives of other related professions. Second, the adequate usage of a term is crucial since complex decisions and actions in most cases depend on the reasonable

choice of synonymous terms. Finally, as the system of synonyms is closely related to the processes of language development, there is a growing risk of substituting German terms with English words.

### **Bibliography**

Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika [Tekst]: Sinonim. sredstva yazy`ka / Yu.D.Apresyan; AN SSSR. Nauch. sovet po kompleksnoj probleme "Kibernetika". – Moskva : Nauka, 1974. – 366 s.

Shvetsova S.V. K probleme uporyadocheniya medicinskix terminov (na materiale anglijskogo yazy`ka) / S.V.Shvetsova, V.M. Khantakova // Mir nauki, kul`tury`, obrazovaniya. – 2012. – №6. – Pp.49-52.

Khantakova V.M. O statuse e`ponimny`x edinicz v anglijskoj oftal`mologicheskoj terminology / V.M.Khantakova, S.V.Shvetsova // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.Gumanitarny`e issledovaniya. – 2019. – Vol. 1. – Pp.74-78.

**Актуальные направления исследования возможностей  
использования инфографики  
в области педагогики и лингводидактики**

*наглядность, инфографика, лингводидактика,  
методика преподавания РКИ*

Традиционно в методике наглядность понимается как использование на занятиях специальных средств обучения (аудиовизуальные средства, мультимедиа, технические средства обучения). Также наглядностью можно назвать применение в процессе обучения определенного дидактического принципа, согласно которому обучение строится на конкретных визуальных образах, воспринимающихся учащимися. Наглядность определяется как специально организованный показ языкового материала с целью понимания, усвоения и использования в речевой деятельности. Принято выделять наглядность языковую и неязыковую [Азимова 2009]. По характеру восприятия выделяют зрительную, слуховую, смешанную, вкусовую, осязательную, мышечно-двигательную. С точки зрения подачи материала наглядность подразделяется на статистическую и динамическую. Особым подвидом динамической является наглядность речевых поступков и ситуаций. Наглядность бывает внешняя, обусловленная процессами восприятия окружающего мира, и внутренняя, основывающаяся на восприятии зрительных и слуховых образов, которые откладываются в памяти. Инфографику относят к зрительной статистической или динамической наглядности. В методике часто используется принцип внутреннего восприятия наглядности.

В словаре Уэбстера представлено одно из самых распространенных определений инфографики: это диаграмма, иллюстрация или изображение, помогающее представить информацию более понятно.

На протяжении последних десятилетий инфографика стала предметом исследования ряда научных дисциплин, в числе которых методика и педагогика. Такой метод обучения помогает разнообразить процесс преподавания как со стороны учителя, так и со стороны ученика. Можно выделить особую тенденцию в создании работ по инфографике – эту тему стали затрагивать только в последние несколько лет. Так, в 2013 году вышла работа О.А.Кондратенко «Развивающий потенциал когнитивно-визуальных технологий в обучении студентов» [Кондратенко 2013]. Инфографика рассматривается как достаточно новый информационный жанр, получивший свою популярность благодаря частому использованию в СМИ. Основная ее особенность заключается в том, что

инфографика совмещает себе статистическую составляющую – данные, и визуальную составляющую – графический дизайн. Инфографика постепенно начинает использоваться в высшей школе и обретает популярность из-за возможности активации нескольких видов памяти одновременно. В период с 2018 по 2019 годы издательства публикуют большое количество статей. В этих работах инфографика описывается в качестве более популярного и доступного ресурса визуального представления информации. Рассмотрим несколько работ, опубликованных в 2019 году с целью анализа изменений в представлении функций инфографики. Например, в статье А.А.Идрисовой «Инфографика как инструмент обучения в работе учителя» [Идрисова 2019] кратко описаны виды новых графических редакторов и онлайн-сервисов для создания инфографики. Это основное новшество в индустрии графического дизайна и визуализации информации. Появляются отдельные работы – обзоры различных сайтов и приложений для создания инфографики.

Первый критерий – направленность работы с инфографикой на определенную аудиторию обучаемых.

Выделяют методики преподавания с использованием инфографики, которые подходят как для работы в школе, так и для работы в высших учебных заведениях или на курсах повышения квалификации. Например, в работе О.Б.Голубева и Ю.А.Гороховой «Дидактические особенности применения образовательной инфографики в учебном процессе» [Голубев 2018] инфографика описывается как актуальный способ разнообразить подачу информации, сделать урок более интересным и более современным. Авторы отмечают, что инфографика лучше запоминается студентами, так как это сочетание графических и текстовых элементов, определенный синтез. Также предлагается создание инфографики самими учащимися с целью систематизации получаемых знаний, то есть студенты создают инфографику в качестве домашних заданий или проектной деятельности.

Рассмотрим статьи, относящиеся к использованию инфографики в педагогике. В статье В.Ю.Грушевской «Методика обучения разработке инфографики в педагогическом вузе» [Грушевская 2016] описаны методика и этапы создания инфографики, также в работе указаны признаки удачной инфографики применительно к процессу преподавания в педагогическом вузе. В статье Т.В.Никулиной «Применение инфографики в учебном процессе подготовки магистров педагогики» [Никулина 2017] подробно рассматривается алгоритм мышления образами, описывается понятие «клиповое мышление». Инфографика представляется читателю как творческий процесс, активизирующий различные виды мыслительной деятельности (творческой, логической, познавательной, эмоционально-образной). Такой способ подачи графической информации как методический прием способствует профессиональному становлению, росту уровня подготовки будущих специалистов. В статье

С.А.Золотухина «Инфографика как информационный пакет. Инфографика в образовании» [Золотухин 2014] рассматриваются этапы создания инфографики как проектной деятельности и как средства визуализации, также упоминаются трудности в работе с ней. В работе представлен разбор сервисов для создания инфографики, ее плюсы и минусы.

Второй критерий классификации – описание инфографики в аспекте использования ее в лингводидактике. Эта тенденция прослеживается в работе Е.А.Павлушовой и Н.И.Шкабары «Применение новых форм обучения русскому языку как иностранному (элементарный уровень обучения). Инфографика» [Павлушова 2018]. В данной статье инфографика рассматривается не просто в качестве графика или диаграммы – это метафорическое представление визуальной информации. Преимущественно инфографику используют на уроках уровня В1, так как на этом этапе студенты уже могут самостоятельно обсуждать задания в мини-группах – именно такой формат является самой эффективной формой активизации речемыслительной деятельности. Однако можно включать инфографику в работу и на начальном этапе. В данной работе прилагаются отличные примеры инфографики для начального уровня, которые можно использовать в дальнейшем как образец. М.В.Юнаш в статье «Использование инфографики при обучении иностранных студентов видам русского глагола» [Юнаш 2019] описывает процесс приготовления определенной еды и прилагает иллюстрации, которые помогают студентам запомнить вид глагола. Использование новых технологий помогает разнообразить учебный процесс, сделать его более необычным. Интересна работа О.К.Толмачевой «Преимущества использования инфографики при обучении говорению на занятиях по русскому языку как иностранному» [Толмачева 2018]. В данной статье инфографика описана как область коммуникативного дизайна, в основе которой лежит графическое представление информации, связей, числовых данных. Одна из особенностей инфографики: она всегда имеет логический финал, именно поэтому ее всегда можно описать и придумать по ней множество заданий. Инфографика обладает композицией и логикой изложения. В статье представлены преимущества инфографики, перечислены все ее достоинства в качестве метода обучения. Приводятся примеры заданий с инфографикой в зависимости от уровня студентов.

М.Я.Креер и Е.Д.Пилипчук в статье «Применение инфографики в обучении иностранному языку студентов-экономистов и ее учебно-педагогический потенциал» [Креер 2018] рассматривают инфографику как сложный материал и предлагают методику для работы со студентами. Также в этой работе представлен один из новейших видов инфографики – интеллект-карта, в ней дано описание всех пунктов для создания такой карты, перечислены все преимущества и возможные области использования интеллект-карты. Статья «Лингводидактический потенциал информационно-коммуникативных технологий (на примере инфографи-



ки) в формировании иноязычной профессиональной компетентности студентов», написанная Н.С.Тырхеевой в 2018 году [Тырхеева 2018], также ориентирована на студенческую аудиторию. В этой работе дано одно из актуальных определений инфографики: это медиатекст особого рода, представляющий информацию в вербальной и невербальной форме, достигающей информационной емкости за счет применения принципов концентрации и активизации визуального восприятия. Также представлены следующие лингводидактические характеристики инфографики: репрезентативность и доступность; функциональность и целенаправленность; эффективность восприятия и эстетическая привлекательность. Работа В.Ю.Вершигорова и Е.А.Фёдоровой «Оптимальное усвоение информации в школе: реализация технологии «инфографика» в учебной деятельности» [Вершигоров 2019], напротив, направлена на реализацию данной методики в школе. В ней рассматриваются функции инфографики, ее преимущества как способа подачи информации. Например, инфографика исключает информационный шум, предполагает точный выбор графических решений. Также перечислен список задач, которые помогают решить проблему визуализации данных, и список различных заданий, которые можно выполнить с помощью инфографики.

Таким образом, можно говорить о плодотворной работе исследователей за последние несколько лет в области использования инфографики, визуализации данных в области педагогики и методики преподавания. Это помогает облегчить процесс обучения как ученикам, так и учителям, преподавателям. Результаты, полученные в ходе данного исследования, позволяют проследить тенденции в области использования инфографики в лингводидактике.

Наглядность и инфографика часто используются в методике преподавания языков, в особенности русского языка как иностранного. Инфографика синтезирует в себе множество функций разных методов преподавания, она воздействует на мышление, используя визуальные, слуховые и смешанные образы, развивает воображение и абстрактное мышление, адаптирует ученика к непредвиденным и незнакомым речевым ситуациям. Инфографика является одним из ценных дидактических материалов.

### **Литература**

Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г.Азимов, А.Н.Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.

Вершигоров В.Ю. Оптимальное усвоение информации в школе: реализация технологии «инфографика» в учебной деятельности / В.Ю.Вершигоров, Е.А.Фёдорова // Наука online. – 2019. – №2(7). – С.55-64.

Голубев О.Б. Дидактические особенности применения образовательной инфографики в учебном процессе / О.Б.Голубев, Ю.А.Горохова // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – №3. – С.134-139.

Грушевская В.Ю. Методика обучения разработке инфографики в педагогическом вузе / В.Ю.Грушевская // Педагогическое образование в России. – 2016. – №7. – С.58-63.

Золотухин С.А. Инфографика, как информационный пакет. Инфографика в образовании / С.А.Золотухин // Концепт. – 2014. – №11. – ART 14302.

Идрисова А. А Инфографика как инструмент обучения в работе учителя / А.А.Идрисова // Проблемы и тенденции научных исследований в системе образования. – 2019. – С.73-75.

Кондратенко О.А. Развивающий потенциал когнитивно-визуальных технологий в обучении студентов / О.А.Кондратенко // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – №4. – С.8.

Креер М.Я. Применение инфографики в обучении иностранному языку студентов-экономистов и его учебно-педагогический потенциал / М.Я.Креер, Е.Д.Пилипчук // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т.7. – №3(24). – С.131-135.

Никулина Т.В. Применение инфографики в учебном процессе подготовки магистров педагогики / Т.В.Никулина // Педагогическое образование в России. – 2017. – С.92-97.

Павлушова Е.А. Применение новых форм обучения русскому языку как иностранному (элементарный уровень обучения). Инфографика / Е.А.Павлушова, Н.И.Шкабара // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – №3 (126). – С.143-148.

Толмачева О.К. Преимущества использования инфографики при обучении говорению на занятиях по русскому языку как иностранному / О.К.Толмачева // Филологические науки. Вопросы и теории практики. – 2018. – №12(90). – Ч.3. – С.624-627.

Тырхеева Н.С. Лингводидактический потенциал информационно-коммуникативных технологий (на примере инфографики) в формировании иноязычной профессиональной компетентности студентов / Н.С.Тырхеева // Филологический аспект. – 2018. – №11(43). – С.163-169.

Юнаш М.В.Использование инфографики при обучении иностранных студентов видам русского глагола / М.В.Юнаш // Лингводидактика: Материалы VI Республиканского научно-практического семинара. – Минск: БГУ, 2019. – С.110-113.

## **Место и роль родного языка в обучении иностранному языку**

*родной язык, обучение иностранному языку, методы обучения*

Существуют разные мнения о том, следует ли использовать родной язык учащихся на уроках иностранного языка. Исследования по этому вопросу, особенно в последние годы, показывают, что сознательное и ограниченное использование родного языка играет необходимую и стимулирующую роль в обучении иностранному языку.

На уроках языкового обучения может быть использовано более одного языка в устных и письменных инструкциях преподавателя, в материалах курса, вопросах, адресованных учителю, или объяснениях преподавателя по темам, которые считаются непонятными. Эти языки можно разделить на несколько групп:

Целевой язык – это язык, который человек изучает и который использует наряду с родным языком [Richards ve Schmidt 2002: 539].

Инструментальный язык – это язык для общения между носителем целевого языка и учащимися (часто этот язык является одним из языков с высоким уровнем интернациональности).

В методах обучения иностранным языкам существуют разные принципы использования родного языка. Одни методологи решительно выступают против его использования, другие же рекомендуют ограниченное и рациональное его применение на уроках иностранного языка, третьи (метод грамматического перевода) предлагают интенсивно использовать родной язык (см. табл. 1).

Отправной точкой для методов, запрещающих использование родного языка, является так называемая философия монологичных подходов. Эта философия утверждает, что целевой язык должен быть языком общения в классе, и принимает идею о том, что запрет использования родного языка в классе максимизирует эффективность обучения на целевом языке. S.Krashen, один из сторонников монологичного подхода, утверждает, что изучающие иностранный язык проходят тот же процесс, что и процесс изучения родного языка, поэтому на этапе изучения иностранного языка уровень родного языка должен оставаться на самом низком уровне [Krashen 1981].

Auerbuch [1993], с другой стороны, утверждал, что использование родного языка на уроках иностранного языка дает учащимся уверенность и позволяет им выражать свои мысли. Учащиеся, обретающие

уверенность в себе, становятся более склонными к экспериментам с иностранным языком.

*Таблица 1. Методы обучения иностранному языку и принципы использования родного языка*

<b>Методы обучения иностранному языку</b>	<b>Степень использования родного языка</b>
The Grammar Translation Method	Интенсивное использование
The Direct Method	Никогда не следует использовать
The Oral Approach	Никогда не следует использовать
The Audiolingual Method	Никогда не следует использовать
Communicative Language Teaching	Ограниченное и рациональное использование
Total Physical Response	Никогда не следует использовать
Community Language Learning	Ограниченное и рациональное использование
The Natural Approach	Никогда не следует использовать

[Richards ve Rodgers, 1995; цитируется по Şevik, 2007]

S.Deller выразил необходимость и неизбежность использования родного языка при изучении иностранного языка следующим образом: «... ученики приносят с собой [родной язык] в наши классы, и поэтому [родной язык] нельзя игнорировать. [Родной язык] всегда будет в их головах; так зачем же отказываться от [родного языка], если это будет способствовать пониманию и обучению» [Deller 2002: 3].

Основываясь на данных, полученных в результате исследования, мы можем сделать следующие выводы и предложения по использованию родного языка при изучении иностранному языку:

- Родной язык можно использовать в постановке цели уроков, в объяснениях учителя перед выполнением упражнения для того, чтобы заинтересовать обучающихся в предстоящей работе.
- Родной язык используется, если лексика является культурной единицей, особенно если упоминаются идиомы и пословицы, чтобы понять сходства и различия.
- Может использоваться на этапе объяснения особенностей артикуляции некоторых звуков на начальном этапе формирования навыков звукопроизношения.
- Необходимо обращаться к родному языку обучающихся при представлении нового грамматического материала.
- Родной язык может использоваться преподавателем на этапе объяснения нового материала по лингвострановедению, для сравнения культурных ценностей разных стран.

- Родной язык может использоваться при объяснении правил новых игр на занятиях, что поможет точно понять инструкции всем обучающимся, тем самым освободится время на проведение игры.

- На этапах контроля и совершенствования лексико-грамматических навыков будет также эффективен метод «обратного перевода», где обучающимся предлагаются отдельные слова или словосочетания (возможно, идиомы), предложения (поговорки, пословицы) на родном языке

- Родной язык может быть помощником преподавателю для формулировки мотивов общения с целью заинтересовать обучающихся, разбудить у них желание общаться и взаимодействовать не только с новым учителем.

### **Литература**

Deller S. Personal prefaces. Using the mother tongue / ed. by S.Deller, M. ve Rinvoluceri. – London: English Teaching Professional Delta Publishing, 2002.

Deller S. Using the mother tongue; making the most of learner's language / S.Deller, M.Rinvoluceri. – Delta Publishing: English Teaching Professional, 2002.

İşeri K. Dilin Kazanımı ve Yabancı Dil Öğretimi Dil Dergisi / K.İşeri. – 1996. Vol. 43. – Pp.21-27.

Krashen S. Second language education and second language learning / S.Krashen. – Oxford: Pergamon, 1981.

Richards J.C. Approaches and methods in language teaching / J.C.Richards, T.S.Rodgers. – New York: Cambridge University Press, 2014. Richards J.C. Longman dictionary of language teaching & applied linguistics / J.C.Richards, R. ve Schmidt. – Longman, 2002.

Şavli F. Interférences lexicales entre deux langues étrangères: anglais et français / F.Şavli // Synergie Turquie. – 2009. – № 2. – Pp.179–184.

Thompson L. Mother tongue. Routledge encyclopedia of language teaching and learning / L.Thompson; ed. by M. Byram ve A. Hu. – Routledge Taylor – Francis Group, 2017. – Pp.474-476.

## Экспрессивно-эмоциональная лексика в художественном тексте (на материале произведений Л.Петрушевской)

*экспрессивно-эмоциональная лексика, художественный текст,  
Л.Петрушевская*

Людмила Петрушевская – одна из самых ярких писательниц конца XX века. Ее произведения играют важную роль в процессе развития современной русской литературы. Современная критика называет ее рассказы «прозой новой волны», так как в них есть композиционная и стилистическая необычность, переосмысление известных произведений классики. Благодаря ее индивидуальным авторским приемам, читатели не только глубоко осмысливают судьбы персонажей, но и думают о жизни, о смысле и о цели существования. В статье рассматривается употребление экспрессивно-эмоциональной лексики в художественном тексте на материале произведений Л.Петрушевской.

В частности, она очень часто используется, чтобы отображать душевные переживания и оттенять характерные черты персонажей. Для сравнения возьмем две близкие по значению лексемы *ребенок* и *дитя*. Первое слово *ребенок* – это стилистически нейтральное слово, просто описание возрастной характеристики и внешности. А лексема *дитя* относится к устаревающей лексике, не частотной в современном русском языке; кроме этого, включает характеристику человека, скорее всего, обладающего такими качествами, как наивность, открытость, чистота помыслов. Например: *...вел себя очень живо, буквально как дитя, вертелся, оглядывался, нервно смеялся...* [Петрушевская 2018: 220]. Таким образом, специфика употребления устаревших слов в художественном тексте может быть связана с тем, что они задают тексту высокий тон и писательница таким способом выражает положительное отношение к персонажу.

В художественном тексте Л.Петрушевской часто используются слова в переносном значении, изначально имеющие яркую эмоциональную оценку слова. Употребление этих лексем обрисовывает предмет, ситуацию, личность и т.д. в каком-либо однозначном свете, положительном или отрицательном. *И ни одного положительного героя в рассказе! Всё какая-то человеческая мелюзга* [Петрушевская 2018: 305]. *Мелюзга* здесь используется автором для выражения нелестного отношения к ничтожным людям, и это предложение обладает очень сильной экспрессией.

Благодаря использованию разнообразной глагольной лексики писательница нашла различные средства, помогающие усилить экспрес-

сию авторского приема. Так, она чаще всего обращается к использованию переносных значений слов для усиления впечатления. Нейтральным обычно бывает прямое значение слова, а экспрессивным – переносное. Например: *А начало бесперебойной череды событий, **отложившихся** в памяти, следует отнести к 1941 году, к началу войны* [Петрушевская 2018: 18]. Причастие *отложившихся* от глагола **отложиться**, который находим в толковом словаре С.И.Ожегова с конкретным значением 'осесть в виде слоя, пласта' [Ожегов 2015: 455]. Но здесь в словосочетании *отложиться в памяти* глагол используется в переносном значении, т.е. сохраниться.

Писательница использует и традиционные приемы создания выразительности, например, градацию, чтобы усилить экспрессию, показать силу передаваемой эмоции. *Девочка заверещала дурным голосом: «Ма-ма-а!», но надежды не было, где там – четыре этажа вверх, кто услышит? Заверещала, нет, скорее запищала, как схваченный заяц, пытаюсь вырваться* [Петрушевская 2018: 18]. Глаголы *заверещать* и *запищать* оба содержат значение 'крикнуть', но есть разница в степени интенсивности звука и его характеристике. **Заверещать**, -щу, -щишь, – начать издавать пискливые, скрипучие или визгливые звуки. **Запищать**, -щу, -щишь – начать издавать писк; говорить пискливо.

Еще стоит отметить, что в произведениях Л.Петрушевской нередко употребляются междометия в разговорной речи для создания диалогов и монологов персонажей. Это, пожалуй, самый эмоциональный пласт слов, поскольку эмоциональное выражение – это их основное назначение. Они не несут какой-то информационной нагрузки, только обозначают эмоционально сильное место в разговоре или тексте. Например: – **Ну и мы сделаем из артистов!** – **Да что вы!** [Петрушевская 2018: 223]; – **Ну вот! Да вы что! А переночуете у нас, жена вас накормит. Ну что вы все ну! Что это ну!** [Петрушевская 2018: 229]. Здесь междометия употребляются при выражении сомнения, негодования и несогласия персонажа. С помощью междометий писательница не только передает различные эмоции, свойственные персонажам, но и намеренно подчеркивает разговорность:

– радость: **О, ночи в казахстанской провинции!** – **О! Вы-то мне и нужны!** [Петрушевская 2018: 224];

– удивление: **Господи!** Я не могла себя заставить готовиться к этому экзамену [Петрушевская 2018: 235]

– досада: – **Ну вот,** – покачал головой дяденька. – **Да вот,** – ответил я. **Эх,** вот если бы вы были москвичкой, я бы вас взял на работу на радио! [Петрушевская 2018: 238]

– волнение: *Вам понравилась эта выставка? А? (...) – Вот! Вы видели?...* [Петрушевская 2018: 258].

Писательница часто употребляет междометия для того, чтобы передать чувства и эмоции рассказчика, его волеизъявления. Многие та-

кие слова происходят от звуков, которых являются реакцией на внешние раздражители. Иногда Л.Петрушевская добавляет их для намеренного создания эффекта живого разговора, для передачи звуков, сопровождающих диалоги: – *Не в тысяча семьсот же, ха!* [Петрушевская 2018: 196].

Таким образом, благодаря использованию разнообразной экспрессивно-эмоциональной лексики писательница нашла различные средства, помогающие усилить экспрессию (устаревшая лексика, слова в переносном значении, междометия). Ее проза представляет собой яркий, насыщенный экспрессивно-оценочной лексикой художественный текст и имеет большую силу воздействия на читателя.

### Литература

Артыкова Г.Ш. К вопросу об использовании глагольных форм в художественном тексте / Г.Ш.Артыкова, Н.Р.Атаева // Молодой ученый. – 2016. – №6. – С. 889-892. – URL <https://moluch.ru/archive/110/26675/> (дата обращения: 15.10.2020)

Никому не нужна. Свободна: сборник / Л.Петрушевская. – Москва: Издательство «Э», 2018. – 320 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И.Ожегов. – М.: АСТ, 2015. – 736 с.



**Фонические структуры в поэзии начала XXI века  
(на примере поэтических текстов В.Полозковой,  
А.Сапир, Л.Миллер)**

*фоника, синэстемия, антропофоника, фоносемантизм,  
звукоподражание, фонемография*

Исследование фонографии зародилось еще в древности, где ею занимались философы. Платон полагал, что идея связи между звуками и вещами является совершенным отражением эйдоса, то есть идеи [Платон 1971, 3: 150]. Позднее лингвофилософский круг и география исследователей значительно расширились.

Вопросами логической связи звука и значения занимались М.В.Ломоносов, О.Брик, В.Брюсов, А.Белый, Г.Эйхенбаум, В.Жирмунский и др. Теорией и практикой фонографии в русской поэзии занимались Н.Тимофеев, А.Григорьев, О.Невзглядова.

Изучение звуковой системы поэтического языка включает фоникку и звуковую рефлексию. Такое положение дел обусловлено тем, что исследование проблемы фоникки носит спорадический характер. Необходимо отметить, что достижением в области фонографии является проявление интереса к звукоизобразительным ресурсам языка. В рамках фонографических исследований подтверждена возможность звуков формировать у адресата некоторые ассоциации [Векшин 1989: 64].

Антропофоника – это исследование звуков человеческой речи. По мнению И.А.Бодуэна де Куртенэ, антропофоника является суммой фонетических свойств. Фонетические свойства выделяются с помощью морфологического анализа. И.А.Бодуэн де Куртенэ считал, что фонема – это "психический эквивалент звука речи", "звукопредставление". Определяя фонему как элемент лингвистического плана, И.А.Бодуэн де Куртенэ полагает, что не нужно искать "при фонемах большую антропофоническую точность". В работах И.А.Бодуэна де Куртенэ мы также находим понимание того, что фонетический аспект составляет большую лингвистическую значимость. Антропофоника, по мнению И.А.Бодуэна де Куртенэ, может придать особое смысловое наполнение высказыванию. А поэтическая речь способна семасиологизироваться за счёт языковой игры. Теоретические положения И.А.Бодуэна де Куртенэ имеют продолжение и в современных фонологических изысканиях.

Фонограмма, по мнению Г.В.Векшина, представляет собой вид письма, в котором передается звучание языковых единиц языка, обычно фонем или аллофонов. Фонография – это звуковое алфавитное письмо,

отражающее произношение слова. Звукоподражание – это свойство слова, которое заключается в наличии существенной, необходимой, повторяющейся и достаточно устойчивой непроизвольной (подобной копии) связи между фонемами слова и полагаемым в основу номинации признаком объекта-денотата [Воронин 2006: 66].

Фоносемантизм представляет собой «закономерную, непроизвольную, фонетически мотивированную связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации незвуковым признаком денотата» [ЛЭС 1990: 166]. Фоносемантические и звукоподражательные слова мотивированы, но имитация действительности лежит в основе звукоподражания, которое основано на внешнем сходстве свойств и звуков денотата. Это могут быть подражания звуками (имитация «звучащей» природы) или псевдослова («звучащая» действительность).

Наличие как первичной, так и вторичной мотивированности является характерной чертой фоносемантических слов, не просто имитирующих черты или предметы действительности, а являющиеся звукоописаниями неимитирующего типа. Благодаря тому, что человеческий мозг обладает способностью устанавливать ассоциативную связь между звучанием и значением, становится возможной вторичная мотивированность. Вторичная и первичная мотивированность имеют качественное отличие. Звукоподражание в иерархической представленности иконизма занимает низшую ступень ввиду прямой связи между смыслом и характером звука. Фоносемантизм отражает не свойства явлений и предметов, а передаёт ассоциативные впечатления, отношение к предметам и явлениям, которое основано на виртуальном сходстве звучания слова и его денотата.

Исследователи причин эффекта фоносемантизма предлагают две гипотезы механизмов его порождения: синестетическую и этническую. Сторонники этнической гипотезы считают, что фоносемантизм имеет в основе опыт, который был приобретён человеком в результате практической деятельности (Taylor, Brown). Большая часть исследователей склоняется к синестетической гипотезе и полагает основой фоносемантизма синестезию (Ю.Гирин [Гирин 2010: 600], В. Майрон [Mirón 2013: 352], С. Воронин [Воронин 2006]) и др. В психологии под синестезией понимается появление ощущения, которое связано с одним анализатором, при влиянии на другой анализатор, т.е. качества одной модальности переносятся на другую модальность [Лурия 1975: 112].

Некоторые учёные [Воронин 2006] считают, что было бы слишком просто искать истоки семантизации звука лишь в явлении синестезии или ассоциативных связях человеческого сознания. С.В.Воронин счёл необходимым уточнить термин «синестезия» и заменить его термином «синестэмия» («соощущения» + «созмоции»), где учитывается и роль эмоционального фактора. Синестэмия представляет собой психофизиологическую универсалию, которая лежит в основе фоносемантизма как

лингвистической универсалии. Область действия синестэмии – сенсорно-эмоциональная сфера; эта сфера в большей части является областью денотации фоносимволической лексики [Воронин 2006: 86]. На наш взгляд, термин «синестэмия» более подходящий, и в нашем исследовании во время проведённого анализа психолингвистического экспериментального материала учитываются эмотивно-оценочные свойства слов, которые возникают при их восприятии.

Наш материал исследования включал поэтические тексты современных авторов. Исключительно музыкальное ритмическое впечатление производят формулы денотации фоносимволической лексики в стихотворениях Веры Полозковой:

ну, как тебе естся? что тебе чувствуется? как проходит минута твоей свободы? как тебе прямое, без доли искусственности, высказывание природы? Вера Полозкова "Яблоко"	Е - ся -е Е - ся А - о - у - е -ды А - е - ое -ли У - ти А - ды
Держит в пластиковом стаканчике Кофе – приторна как всегда. – А в ночную? – Сегодня Танечке – Подежурить придется – да? Вера Полозкова "Любость"	Е - а - а -ке О -и - а - да А - у - о - ке О - е - да

Общая схема фонемографии нам известна: сопоставлены два мотива, один подсказывает другой, они выясняют друг друга, причём лидирует тот, который наполнен человеческим содержанием. Это переплетающиеся формы, суггестивные, которые относятся к одной и той же теме. Таковы параллели в лирике Аси Сапир:

Ах, без вкуса он и запаха - я завидую и ахаю - а чужая вкуснота проплывает мимо рта. ("Новшество в Интернете")	А-е-у-о-а Я - и - а/ ую - аю А - а - а/ая А - и - а/ ае
Но назад не воротиться, потому ему грустится, потому ему не спится, что саванна только снится. ("Жирафики")	О - а - е - я О - у - и У - у- е - и О - а - о - и
Неповторимы, иные над гроздьями грозы, а жизнь коротка. Видно, в соцветьях сиреневой россыпи было по три лепестка. ("Город омыло волною сиреневой")	И - ы - а - о О - а - и - а И - е - е - о Ы - о - и - а

Фоносимволизм гармонично связан с общим художественным смыслом стихотворений, благодаря которому расширяется смысловой диапазон текста, корректируются семасиологические представления у читателя, что было ценным для И.А.Бодуэна де Куртенэ, это своего рода ключи к пониманию. Повествование от первого лица облекается в разные формы, это предложения с местоимением «я» или без него. Осуществляется звуковая переключка, которая указывает на смысловой подтекст поэтических произведений.

Психологический параллелизм в поэзии Лады Миллер:

<p>Ручьи <b>вливаются</b> в сосуды,  Бледнеют утром фонари  <b>И</b> облаков тяжелых груды  Сжимают неба пузыри.  <i>("Забыв про ямбы и хорей")</i></p>	<p>И - аю - у  Ею - у - и  И - о - е - у  Аю - е - и</p>
<p>Весна... <b>А</b> большего не требуй.  <b>И</b> так чем дальше – тем светлей  Куски застиранного неба  В ажурной пене тополей.  <i>("А большего не требуй")</i></p>	<p>А - а - о - е - е  И - а - е - а - е - ей  И - и - е  У - е - ей</p>
<p>В твоём саду все скрипки, все свирели,  Все ангелы. Булавкой золотой  Пришпилен месяц к лацкану сирени.  Пьянит разгулье яблочной метели,  И кровь бурлит как сок под берестой.  <i>("В саду моём все скрипки, все свирели")</i></p>	<p>Е - у - е - и - е - е  Е - а - а - ой  И - е - а - е  И - у - я - е  О - и - а - о - о - ой</p>

Поэтические произведения начала XXI века дают представление о приёме фоносимволизма. Некоторые из них написаны в обычной, простой форме, другие – развились до психологической изобразительности и искусственности.

Анализ звуковой организации стихотворений В.Полозковой, А.Сапир, Л.Миллер показал, что в характере отбора вариантов, наблюдений над композиционно-звуковой организацией текста проявляются тенденции, характерные для семантической формализации текста уже на звуковом уровне. Для современной поэтической фонетики актуальным до сих пор можно считать разработку методики анализа звуковой организации текста, систематизацию звуковой инструментальности. Фонетический уровень поэтического текста многое может раскрыть в механизмах формирования поэтического дискурса, его интертекстуальной заданности, глубинной смысловой проекции. И.А.Бодуэн де Куртенэ считал такой подход весьма целесообразным.

В современных поэтических произведениях фонография не просто повышает эстетическую составляющую произведения, но в единстве с семантикой и с предметной изобразительностью сами приобретают дан-

ную функцию. Поэты для создания эффекта используют не только значение слов, но и звуки поэтической речи.

Таким образом, в результате проведённого исследования были выделены различные виды (и формы) фонетических структур, используемых В.Полозковой, А.Сапир, Л.Миллер, система которых может быть представлена следующим образом: фоносимволизм, ассонанс, рифма, композиционно-ритмические элементы стихотворения.

В ходе анализа выяснилось, что авторы активнее всего используют фонографические формулы, которые традиционны для русского лирического стиха. Художественный смысл текста успешно передается через моделирование общей фонемографии слова – отсюда тонкости художественной рефлексии, что представлялось многим учёным наиболее знакомым при освещении вопросов взаимодействия семасиологических и внеязыковых представлений.

### Литература

Векшин Г.В. К проблеме суперсегментной организации стиха: Лингвоэстетический аспект / Г.В.Векшин // Вопросы языкознания. – 1989. – 64 с.

Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании: Очерки и извлечения / С.В.Воронин. – СПб.: Изд-во СПб, 2006. – 66 с.

Гирин Ю.Н. Авангард в культуре XX века / Ю.Н.Гирин. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 600 с.

Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н.Ярцева. – Советская энциклопедия, 1990. – 166 с.

Лурия А.Р. Основы нейропсихологии / А.Р.Лурия. – М., 1973. – 350 с.

Майрон В. Д. Вики Дью / В.Майрон. – М.: Центрполиграф, 2013. – 352 с.

Миллер Л. Избранные стихотворения / Л.Миллер. – URL: <https://lib.rmvoz.ru/bigzal/miller/izbr> (дата обращения: 1.07.2020)

Платон. Сочинения. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. – Ч. 2. – 150 с.

Полозкова В. Непоземание / В.Полозкова // <http://modernpoetry.ru/contemporary/vera-polozkova-nerozemanie#nerozemanie1> (дата обращения: 16.07.2020).

Сапир А. Перезваниваются трамваи / А.Сапир. – URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/premii/Naumenko.html> (дата обращения: 19.06.2020).

## **Отбор языкового материала для успешного обучения студентов**

*учебный материал, сложность текста,  
читательская грамотность, критерии*

В последние годы вопросы формирования читательской грамотности стали неотъемлемой частью современной педагогики. Актуальным в настоящее время является высказывание известного русского педагога, писателя и основоположника научной педагогики К.Д.Ушинского. Особого внимания заслуживает его статья, в которой он пишет, что «читать – это ещё ничего не значит, что читать и как понимать прочитанное – вот в чём главное» [Ушинский 1954]. Как показывает практика, в настоящее время большой процент обучающихся испытывает сложности в понимании прочитанного. По мнению М.И.Солнышкиной, одной из причин низких показателей успеваемости является сложность учебных материалов, а также их несоответствие уровню языковой подготовки обучающихся [Солнышкина 2019]. Отсюда следует, что успешность обучения напрямую зависят от степени доступности учебно-методических пособий и других средств обучения, используемых в образовательном процессе.

Проблема качества учебных изданий занимает одно из центральных мест в современной педагогической науке и привлекает к себе внимание широкого круга учёных [Оборнева 2006]. Исследованиями последних лет установлено, что до недавнего времени в качестве основного инструмента при оценке соответствия текста читателю использовалась экспертная оценка квалифицированных специалистов, учителей, авторов учебников [Сидорова 2018].

Изучив теоретический материал, мы приходим к выводам, что при отборе текстового материала эксперт опирается на следующие критерии:

1. Лексико-грамматический и синтаксический минимум, предусмотренный федеральным государственным стандартом и являющийся обязательным для освоения обучающимися.
2. Целостность и доступность текстового материала.
3. Учёт индивидуальных особенностей и уровня подготовки целевой аудитории.
4. Структурная и содержательная завершенность текстового материала.
5. Функциональность и системность.

Рассмотрев данные критерии, квалифицированный специалист приходит к выводу, соответствует ли данный текстовый материал линг-

лингвистическим способностям той или иной целевой аудитории. На наш взгляд, данная система экспертизы является субъективной и не может учитывать весь спектр параметров соответствия языкового материала целевой аудитории. В связи с этим появляется необходимость автоматизированной обработки языкового материала. Следует отметить, что данная технология позволит более успешно перерабатывать весь объем полученной информации в соответствии с потребностями конкретной категории обучающихся и уровнем их языковой подготовки. В настоящее время автоматизированная экспертиза языкового материала является предметом исследования широкого круга учёных.

М.И.Солнышкина, эксперт в области текстовой аналитики, подчёркивает значимость автоматизированного анализа сложности текста, поскольку именно данная технология позволит обеспечить обучающихся объёмом понимаемого текста, а в дальнейшем – интересом к чтению [Солнышкина 2020].

Как показывает опыт, несмотря на проведённые исследования в области автоматизированной обработки текстов, проблема несоответствия сложности текста лингвистическим способностям той или иной целевой аудитории по-прежнему имеет особую значимость в системе образования. Следовательно, появляется необходимость проведения специального исследования, нацеленного на разработку информационной технологии и соответствующей методики её применения.

Таким образом, отбор языкового материала является основополагающим фактором успешного обучения студентов. Разработанная методика автоматизированной оценки сложности текста позволит пересмотреть и скорректировать ряд учебно-методических пособий высшего учебного заведения для дальнейшего применения в педагогической практике.

### Литература

Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения в 2 т. Т. 1 / К.Д.Ушинский. — М.: Госучпедиздат, 1954. — 734 с.

Солнышкина М.И. Автоматическая обработка текстов; Тематическая сегментация учебных текстов / М.И.Солнышкина, И.Э.Ярмакеев, Э.В.Гафиятова, Ф.Х.Исмаева // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2019. – №3 (43). – С.158-178.

Оборнева И.В. Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров: автореф. дис. ... канд. пед. наук / И.В.Оборнева. – М., 2006. – 19 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/avtomatizirovannayaotsenka-slozhnosti-uchebnykh-tekstov-na-osnove-statisticheskikh-parametr>

Сидорова М.Ю. Лингвистическая экспертиза школьных учебников / М.Ю.Сидорова // Метапредметный подход в образовании: русский язык в школьном и вузовском обучении разным предметам: сб. статей Межрегион.

научн.-прак. конф. (19 апреля 2018). – М.: Российский учебник , 2018. – С.49-64 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36672498>

Солнышкина М.И. Инструменты измерения сложности текстов на английском языке / М.И.Солнышкина, М.Б.Казачкова, Е.В.Харькова // Иностранные языки в школе. – 2020. – №3. – С.15-21.



### **Контекстные значения: явление языка или речи?**

*контекстное значение, контекстная трансформация значения,  
репродуктивный регистр речи, перцептивность*

Под контекстным значением понимается то реализованное в конкретном тексте значение, которое по причине кажущейся нечастотности, неважности или, напротив, очевидности не получило лексикографической фиксации в основных толковых словарях.

Несомненно, что задача лексикографа – отвлечься от конкретного контекста и сформулировать именно то значение, которое поможет понять и объяснить максимально большее количество текстовых фрагментов – другими словами, значение языковое.

Однако порой возникает лишь кажущееся (ошибочное) впечатление, будто сформулированное толковым словарем значение объясняет достаточно большое количество употреблений. Речь идет о регулярных и/или частотных трансформациях семантики определенных групп слов в определенных контекстах. В данном случае будут рассмотрены контексты репродуктивного регистра речи (передающие ситуацию непосредственного восприятия [Золотова 2004: 29 и далее], или перцептивного модуса [Балли 1944: 44, Арутюнова 1988: 109 и далее]).

Во-первых, в контекстах репродуктивного регистра речи предметная или, шире, конкретная лексика часто оказывается показателем не самого предмета/явления, а лишь одной из чувственно воспринимаемых его черт (остальные компоненты лексического значения как бы стираются, уходят на дальний план). Например, *Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние тени (Чехов): вечерний* – это не столько про вечер (уже было сказано, что солнце садится), сколько про характерную для вечера длину теней. Существительное *радуга* толкуется в словаре как *'разноцветная дугообразная полоса на небе, образующаяся вследствие преломления солнечных лучей в дождевых каплях'* [Словарь 1981–1985], однако в контексте *Было тихо, темно, и только высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой свет и переливал радугой в сетях паука (Чехов)*, остается лишь идея разноцветности/семицветности (и исчезают компоненты *'дуга'* и *'небо'*).

Во-вторых, для существительного *перебор* толковые словари иногда предлагают звуковое прочтение, цитата: «1. действие по глаголу *перебирать* (во 2 знач.), а также звуки этого действия» [Словарь 1981–1985]. Однако предложенное толкование представляется несколько

спорным: с одной стороны, дается не собственно толкование, а именно указание на возможность звукового значения. Т.е. несколько смущает то, что совсем никак не определяется тип звука, при том что у глагола *перебирать* указанное значение 2 толкуется как '*последовательно, поочередно касаться чего-л., расположенного в ряд (струн, клавишей, ладов и т.п.)*'. Указанные в скобках глагольной статьи существительные подтверждают, что речь идет не о любом звуке, однако никто не ставит задачи предложить полный список возможных источников. Кроме того, звуки, производимые касанием струн и касанием клавишей, представляются различными для восприятия: одни более протяжными, другие, возможно, более отрывистыми. Тем более будут отличаться звуки *перебора* (вполне возможно, что расположенных в ряд) листов бумаги или узелков на четках (расположение в ряд есть, но звука, скорее всего, не будет вовсе). Кроме того, поиск примеров на слово *перебор* в Национальном корпусе русского языка выявляет, помимо текстовых фрагментов с переносно-ментальными значениями, не только звуковые (в том числе не связанные с физическим *перебором* расположенного в ряд: *...Красный кузов исчез за поворотом, и уже из-за глок донесся на восходящем взвое резкий перебор скоростей... (Набоков)*), но и зрительные (*Ничего как будто и не было, липы, солнце, переборы быстрых теней (Макушинский)*). Относительная частотность подобных примеров у разных авторов наталкивает на мысль о том, что речь идет о регулярном контекстном значении, т.е. возможном лишь в определенных текстовых условиях. При этом условия такого контекста, конечно, не могут быть ограничены списком из трех существительных, а должны учитывать, в первую очередь, регистровую принадлежность текста. Видимо, рассмотрение такого значения в [Словарь 1981–1985] является несколько ошибочным.

В-третьих, анализ не только самих фрагментов с подобными лексическими единицами, но и переводов этих фрагментов на другие языки помогает увидеть разницу между близкими лексемами в составе разных языковых систем: набор контекстных значений может и совпадать, но далеко не всегда. В частности, переводы фрагмента из повести В.Г.Короленко «Слепой музыкант» на английский, немецкий и болгарский языки продемонстрировали специфику русского существительного *перебор*, для которого только в русском языке, в отличие от других перечисленных, характерно перцептивно-контекстное звуковое значение:

– *Под-дайте сли-пеньким... – К жужжанию колеса присоединился тихий перебор струн под пальцами юноши;*

– *По-да-ре-те на сле-пи-те... Към бръмченето на колелото се прибавиха тихите звуци на струните изпод пръстите на младежа*<sup>6</sup>;

---

<sup>6</sup> Короленко В. Слепаят музыкант (Етюд) / В.Короленко; пер. с рус. Асена Григорова. – София: Народна култура, 1974. – <https://chitanka.info/text/34139/7#textstart/>

– *Erbarmt euch der Blinden... Zum Surren des Rades gesellte sich ein leises **Klingen** der **Saiten** unter den Fingern des Jünglingst<sup>7</sup>;*

– *"A-alms for the bli-ind...." And as the chant continued, the youngest of the beggars joined the droning accompaniment with a soft **thrumming** of **strings**<sup>8</sup>.*

В немецком и болгарском языках в переводимый фрагмент добавляется существительное *звуки*, которое указывает на слуховой канал восприятия ситуации, а переводчик на английский язык использует слово *thrumming*, явно конкретизируя тип звуковой характеристики.

Таким образом, механизм возникновения контекстных значений у близких по диктумной семантике слов не всегда объясняется законами мышления или логики, а зависит от языка. А именно от предрасположенности (как постоянного свойства) лексической единицы (данного языка) передавать определенные контекстные смыслы в заданных условиях.

В-четвертых, и внутри одного языка у разных слов, сближающихся по своим наборам ассоциаций, система контекстных значений может не совпадать. *Радуга* связана и с рисунком (дуга), и, чаще, цветом (многоцветностью). *Зебра* – это тоже не только тип животного, но к нему «привязана» и устойчивая ассоциация – причем очень близкая – цвет-окраска (черно-белая) и также рисунок (последовательность цветов, полосатость). Однако у первого слова есть частотное контекстное значение (на первые 30 контекстов – 11 вхождений имеют значение '*многоцветность*'), а у второго нет (ни одного примера не найдено на контекстно-перцептивное значение среди 363, полученных при поиске в основном корпусе НКРЯ). Тем не менее существующий (вне данных Корпуса) единственный известный пример является свидетельством не просто нечастотности, а именно создания авторского образа: *Забор не тень свою отбрасывал, а зебру, что несколько уродовало двор (Бродский)*. Несомненная индивидуальность, авторский характер такого употребления объясняет именно то, что не каждое предметное слово, даже обладающее устойчивыми чувственно воспринимаемыми ассоциациями, обладает предрасположенностью к контекстным трансформациям.

Таким образом, контекстные значения есть трансформация семантики слова (описанной в словаре) в определенных текстовых условиях. Условиями оказываются как сочетаемость с определенными типами лексем (не всегда поддающимися точному исчислению), так и регистровая характеристика текстового фрагмента (интенция говорящего, уровень конкретности/ абстрактности информации). Однако и этих условий

---

<sup>7</sup> Korolenko W. G. Der blinde Musikant / W.G.Korolenko. – Kiew: Staatsverlag der nationalen Minderheiten, 1938.

<sup>8</sup> Korolenko V. The blind musician. An Etude. Translated from the Russian by Helen Altschuler / W.G.Korolenko. – Moscow, 1978. – <http://home.freeuk.com/russica2>.

недостаточно, если в самом слове не заложена способность трансформировать свое значение. Эта предрасположенность к контекстной трансформации – явление уровня языка. В случае ее отсутствия речь идет об индивидуально-авторских трансформациях, или образах.

### **Литература**

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш.Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д.Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А.Золотова, Н.К.Онипенко, М.Ю.Сидорова. – М.: Филол. фак. МГУ им. М.В.Ломоносова, 1998. – 524 с.

Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru/old/search-main.html>

Словарь русского языка: в 4-х т. / гл. ред. А.П.Евгеньева. – М.: Рус. яз., 1981-1984.

## Корпусный анализ синонимичных модальных глаголов *must, should, have to*

*корпусная лингвистика, модальный глагол,  
Британский национальный корпус*

С развитием новых информационных технологий у нас появилась возможность изучать язык не только по традиционным «хранилищам» языковых данных, таким как словари, художественные произведения, письменные тексты, но и по большому массиву текстов, получившим название корпусов.

Данное исследование направлено на рассмотрение значений и использования таких модальных глаголов, как: *must, should, have to*.

*Must, should* и *have to* во многих случаях различны по значению, но есть в английском языке контексты, в которых эти модальные глаголы являются синонимичными по значению. Целью работы является выявление этих модальных глаголов в Британском национальном корпусе, включая устные и письменные корпуса.

В английском языке есть много слов или конструкций, которые почти синонимичны по значению, например, *sick* и *ill*. Однако более пристальный взгляд на эти слова обычно показывает, что они различаются предпочтениями по контексту и грамматическим образцам, а также по их значениям. Например, *sick* и *ill* имеют одно и то же значение «плохо себя чувствовать» в определенном контексте. И именно в таких случаях использование корпуса, электронного ресурса с большим количеством аутентичных языковых данных, может помочь нам понять различия в контексте их употребления. Корпусная лингвистика поможет нам взглянуть на различия, используя аутентичные данные.

Глаголы *must, should, have to* имеют общее значение долженствования и обязанности и считаются синонимами.

Модальный глагол *must* имеет в основном два значения: logical/epistemic necessity (логическое/эпистемическое) и obligation (обязательство).

1) Logical/epistemic necessity: The Smiths must have a lot of money.

2) Obligation: You must be back by seven o'clock.

*Have to* имеет статус полумодального глагола и заменяет *must*, разделяя с ним значения:

1) Logical/epistemic necessity: There has to be some mistakes.

2) Obligation or compulsion: Productivity will have to be improved, if the nation is to be prosperous.

Однако с тем же значением *have to* имеет тонкие отличия от *must*. С точки зрения логической необходимости значение *have to* является более выразительным, чем *must*, и встречается в основном в американском английском. В обязательстве, вероятно, оно будет более безличным, чем *must*. Другими словами, *have to* не подразумевает полномочий, налагаемых говорящим. Кроме того, поскольку *must* не имеет формы прошедшего времени, *have to* происходит в различных контекстах, где *must* не может, например: *We will have to be patient. He had to submit his paper by Friday.* Модальный глагол *should*, в отличие от *must* и *have to*, должен иметь больше значений:

1) Epistemic/noncommitted necessity (tentative inference) (предварительный вывод): *The mountains should be visible from here.*

2) Obligation (weak obligation) (слабое обязательство): *We should do as she says.*

3) Putative meaning (quasi-subjunctive) (предполагаемое значение): *He insisted that they should stay.*

4) Hypothetical meaning (гипотетическое значение): *I should doubt if she has any enemies [Modals and Quasi-modals in English 2009].*

Необязательная необходимость или предварительный вывод указывают на то, что истинность высказанного предложения основана на знании говорящего, но не выражает его уверенности. Кроме того, *should* имеет тонкие отличия от *must* в том смысле, что оно часто относится к будущему времени.

Таблица 1. Текстовые категории письменных и устных текстов в Британском национальном корпусе

Mode	Text category and description)	Number of words
Written (87,284,364 work)	Informative writing (8 types) 1) Leisure 2) Arts 3) World affairs 4) Commerce and finance 5) Belief and thought 6) Social Studies 7) Applied science 8) Natural and pure science	70.9 million
	Imaginate writing (1 type) 9) Fiction	16.4 million
Spoken (10,341,792 words)	Spoken demographic	4.2 million
	Spoken context governed	6.1 million

Выбор данных корпуса и репрезентативность корпуса имеют решающее значение для исследования лексико-грамматических ассоциаций. Британский национальный корпус содержит около 100 миллионов слов, и 10% текста – это расшифровка устного материала. Британский

национальный корпус был первым крупным национальным корпусом текстов и послужил моделью для Американского национального корпуса. Он содержит более 4000 текстов на современном устном и письменном английском языке, а категории текстов и их описание показаны в таблице 1 [<https://www.english-corpora.org/bnc/>].

В Британском национальном корпусе *must* встречается 69754 раз, *have to* 57392 раз, *should* 108970 раз. Таблица 2 показывает, как использование этих трех элементов распределяется между разговорными и письменными жанрами в зависимости от частоты на миллион слов.

Таблица 2. Распределение *must*, *have to*, *should* по устным и письменным текстам

	must		have to		should	
	No. of hits	Frequency (pmw)	No. of hits	Frequency (pmw)	No. of hits	Frequency (pmw)
Spoken	6079	583.97	11903	1143.44	12088	1161.21
Written	63675	724.37	45489	517.49	96882	1102.14
Total	69754	709.51	57392	583.77	108970	1108.39

Согласно таблице 2, *should* имеет самые высокие частоты в устных и письменных текстах, а *must* находится посередине. Хотя полумодальный *have to* имеет самые низкие частоты относительно устных текстов, он имеет почти такую же частоту, как *should*, чем в письменных текстах. *Should* встречается как в устных, так и в письменных текстах, тогда как *must* встречается немного чаще в письменных текстах.

Таблица 3 показывает соотношение трех лексических единиц в устных и письменных текстах исходя из частоты на миллион слов. *Should* составляет почти половину в каждом тексте (47% в письменном и 40% в устном). *Have to* в разговорных категориях встречается примерно в 2 раза чаще, чем *must* (40% с *have to*, 20% с *must* в разговорном английском языке), и столько же раз, сколько *should* в тех же категориях (оба составляют 40% в разговорных текстах).

Таблица 3. Количественные показатели *must*, *have to*, *should* в устных и письменных текстах

	Written (pmw)	Spoken (pmw)
must	724	584
have to	517	1,143
should	1,102	1,161
% must	31	20
% have to	22	40
% should	47	40

Британский национальный корпус имеет восемь производных типов текста. В данной работе рассматривается только четыре типа тек-

ста: устная беседа, художественная литература и стихи, академическая проза и газета.

Таблица 4. Распределение *must*, *should have to* по четырем основным направлениям

	must		have to		should	
	No. of hits	Frequency (pmw)	No. of hits	Frequency (pmw)	No. of hits	Frequency (pmw)
Spoken	3014	711.86	5307	1245.44	4396	1038.27
Fiktion	15062	932.98	12938	801.42	13812	855.55
Academic	13521	856.95	4704	298.14	194.38	1231.97
Newspaper	4306	457.49	5575	592.32	8900	945.58
Total	35903	709.51	28524	583.77	46546	108.39

Таблица 4 показывает, что в разговорной речи самые высокие частоты у *have to* (1245), за ним следует *should* (1038), и самая низкая частота из них у *must* (712). В художественной литературе самые высокие частоты имеет *must* (933), за которым следуют *should* (855) и *have to* (801). В академической прозе чаще всего встречается *should* (1232), второе место по частоте занимает *must* (857), а *have to* (298) встречается реже. Что касается газеты, *should* (946) является наиболее часто используемым модальным глаголом из трех, *have to* (592) на втором месте, *must* (457) как наименее частотный.

Таблица 5. Количественное соотношение *must*, *should have to* по четырем основным направлениям

	Spoken	Fiction	Academic	Newspaper
must	712	933	857	457
have to	1253	801	298	592
should	1038	856	1232	946
% must	23.7	36	35.9	23
% have to	41.7	30.9	12.5	29.7
% should	34.6	33	51.6	47.4

Таблица 5 дает лучшее представление о соотношениях *must*, *should*, *have to* в основных направлениях. Среди трех лексических элементов в разговорных текстах наиболее часто встречается *have to* (41.7%), в то время как в академической прозе и в газетах *should* (51,6% и 47,4%) встречается чаще всего. В художественной литературе три элемента запроса распределены равномерно. Из этого можно сделать вывод, что даже если *must* и *have to* имеют небольшие различия в значении, в разговоре *have to* будет правильным выбором, в то время как академическая проза предпочитает *must* вместо *have to*. Однако все не так просто. В то время как *have to* используется для выражения обязательства и отсутствия обязательства в отрицании, *must* охватывает больше контекстов, таких как сильное эпистемическое значение. Что ка-



сается *should*, то это было бы более сложно и запутанно. Так как, как было показано ранее, *should* имеет четыре различных смысла, которые могут объяснить его использование в различных текстах.

Грамматические образцы лексических элементов идентифицируются путем просмотра строк соответствия и выполнения функций сопоставления. В таблице 6 указано расположение словосочетаний *must*, *should*, *have to* по вероятности и взаимной информационной ценности.

Глядя на таблицу 6, можно отметить, что *must* встречается с глаголами *be* и *have* чаще всего и являются сильными словосочетаниями, в то время как с *have to* они не выступают в качестве сильных словосочетаний. *Must*, встречающийся с *be* или *have*, связан с логической/эпистемической необходимостью, которая не очень часто встречается с этим значением. Эпистемическое значение вовлеченности может быть фактором, который может повлиять на более высокий сочетаемый рейтинг *be* и *have* в списке *should*. Среди этих трех глаголов *have to* имеет некоторую уникальную особенность, касающуюся его сочетаний. Во-первых, будущий модальный глагол *will* и его сокращенная форма *'ll* раскрывают комбинацию *have to* с другими модальными формами и его тенденцию встречаться в разговорных контекстах, таких как беседа. Во-вторых, отрицательная форма (*n't*) показывает, что, в отличие от *must* и *should*, *have to* используется, чтобы выразить отсутствие обязательств, например: *I left them to it but didn't have to wait long*.

Таблица 6. Количественное соотношение *must*, *have to*, *should* по четырем направлениям (по частоте на миллион слов)

Collocates (ranking by likelihood)				Collocates (ranking by mutual information value)			
	<i>must</i>	<i>have to</i>	<i>should</i>		<i>must</i>	<i>have to</i>	<i>should</i>
1	be	you	be	1	be	'll	be
2	you	i	that	2	you	just	we
3	have	'll	we	3	have	you	have
4	that	we	have	4	we	we	you
5	we	they	you	5	been	i	that
6	it	just	this	6	that	will	this
7	been	it	i	7	it	they	i
8	i	will	it	8	he	so	it
9	he	that	to	9	i	n't	'
10	'	n't	'	10	'	it	to
11	to	so	in	11	to	that	in
12	,	with	a	12	for	with	and
13	for	but	and	13	,	but	a
14	and	on	,	14	the	on	,
15	the	he	the	15	and	he	the
16	of	for	of	16	of	for	of
17	.	and	.	17	.	and	.

В заключение данной работы необходимо подчеркнуть, что *should* имеет самую высокую частотность в устных и письменных текстах в целом. *Have to* в разговорных категориях встречается примерно в 2 раза чаще, чем *must*. Что касается распределения частот по четырем основным направлениям, то есть разговорной речи, художественной литературы и стихов, академической прозы и газеты, то в разговорной речи самую высокую частотность имеет *have to*, а самую низкую *must*.

### **Литература**

Collins P. Modals and Quasi-modals in English / P.Collins. – Amsterdam: Rodopi, 2009.

## **Семантическая природа фразеологизмов каракалпакского языка**

*фразеологизм, номинативная функция, когнитивная функция, концепт, когнитивная фразеология, семантика*

В мировом языкознании на современном этапе на повестку дня ставятся проблемы изучения фразеологической системы в связи с речевой, номинативной, когнитивной функциями фразеологических единиц, со способами их применения в контексте. При этом, наряду с изучением внутреннего строения, усиливается внимание к коммуникативной стороне речевой деятельности, ибо, согласно общепринятому положению, любая наука может соответствовать современному прогрессу, интересам людей лишь в том случае, если она изучает свой объект в связи с человеческим фактором, потребностями людей.

Как известно, фразеологизмы, непосредственно связанные со стилистикой, в процессе употребления меняют свою стилевую окраску исходя из внутренней семантики. В творчестве писателей они развиваются, преобразуются семантически, что связано со словотворчеством, культурой речи и мастерством. В речи фразеологизмы вступают в качестве образного, экспрессивно-эмоционального средства выражения, и поэтому исследование их стилистических особенностей имеет большое значение для решения общих вопросов не только семантики и стилистики, но и фразеологии. Подобное исследование играет большую роль и для развития зарождающейся отрасли лингвистики – фразеологической стилистики.

Фразеологическая система тюркских языков, в том числе и каракалпакского языка, является одним из самых богатых и старых лексических пластов. Всестороннее и глубокое изучение фразеологического богатства каракалпакского языка важно для исследования слов, словосочетаний, этимологии, орфографии, стиля художественного слова, языка писателя, в решении других вопросов. В каракалпакском языкознании исследованы некоторые вопросы фразеологии [Наурузбаева 1967, Ешбаев 1985, Бердимуратов 1994, Айназарова 2000, Алламбергенова 2019, Пирниязова 2020].

Фразеологизмы выполняют коммуникативную, номинативную и когнитивную функции. В последнее время языковедами широко исследовался антропоцентрический характер фразеологии. Фразеологическая семантика связана с человеком и его миропониманием, эмоционально-экспрессивной оценкой действительности. Семантические параметры должны быть основным фактором при выделении специфических признаков фразеологизмов. Фразеологизмы выполняют функцию средства

образного выражения, и одной из отличительных свойств является семантическая экспрессивность.

Ученые, изучающие фразеологизмы в семантическом аспекте, выделяют три основные группы: **человек – природа – общество**. Основное значение фразеологизмов сопряжено с этими тремя темами. В результате взаимоотношения природы и общества образованы фразеологизмы различной семантики. Концепт «человек» как единица познания является универсальным явлением для представителей всех языков и культур. Изучавшая концепт «человек» каракалпакского языка в сравнении с английским языком Г.Кыдырбаева пишет, что понятие концепта «человек», отражение его своеобразных особенностей в языке и значение категоризации реальности в каждом национальном языке различается своей специфичностью [Кыдырбаева 2017:11].

На основе изучения семантики каракалпакских фразеологизмов, связанных с понятием «человек», в русле последних тенденций в лингвистике мы выделили следующие тематические группы: описывающие характер, поведение и умственные способности человека: *бүркиттей қырағы (прозорлив как сокол); кийиктей сетемшил (трепетный как лань)* и другие; описывающие состояние человека: *сең соққан балықтай (как рыба подо льдом), жаралы арысландай (как раненый лев)* и другие; описывающие внешность человека: *он төрт күнлик ай киби (лунолика), ғаз мойын (с гусиной шеей)* и другие; описывающие жизнь и состояние человека: *ийт пенен пышықтай өмир сүриў (жить как собака с кошкой); дүньяға бир келген (один раз рожден)* и другие; описывающие эмоциональное состояние человека: *найза үстинде отырғандай (как на иголке сидит), тышқан аңлыған пышықтай (как кот, который охотится за мышью)* и другие; описывающие отношение человека к человеку или предмету: *ийттиң етинен бетер жек көриў (ненавидеть как собачатину); жулдызы жарасыў (звезды сошлись)* и другие; описывающие процесс питания человека: *жылан жалағандай (как змея слизала); түйени түги менен, гүбини түби менен жутыў (проглотить верблюда вместе с шерстью, губи (сосуд для взбивания масла) вместе со дном)* и другие.

Среди таких семантических групп эмоционально-экспрессивное значение отчетливо прослеживается в фразеологизмах, которые описывают поведение, внутренний мир человека. Наиболее распространенными являются фразеологизмы, описывающие внутренний мир, эмоции человека. Их можно разделить на следующие группы: обозначающие радость, счастье: *басына бахыт қоныў (на голову села птица счастья), қуўанышы қойнына сыймаў (радость наполняет грудь)* и другие; обозначающие удивление, растерянность: *ақылдан сасыў (потерять рассудок), аң-таң болыў (оторопеть)* и другие; обозначающие страдание, переживание, обиду: *бөриге байлаған ылақтай болыў (как козленок, которого привязали около волка), жан саўдасына түсиў (не находить*

себе места) и другие; обозначающие страх: *жан ийманы қалмай (сердце ушло в пятки)*, *зәрреси ушыў (сильно испугаться)* и другие.

Фразеологизмы каракалпакского языка описывают реальную картину этнокультурной жизни народа. Поэтому при определении семантики фразеологизмов ведущими и основными являются лингвокультурологические критерии. Обычаи и традиции каракалпакского народа формировались на протяжении многих веков и отражают образ жизни, быт, культуру и национальную своеобразность народа. Традиционно каракалпаки занимались рыболовством, земледелием и животноводством, и в языке сформировались фразеологизмы, связанные с этими профессиями, являющимися источником жизнедеятельности. Выражение *“Жылымың майлансын”* подразумевает пожелание богатого улова. Смысл этой фразы – пожелать, чтобы много рыб попало в сети. Фразеологизм *«қырманьың қызыллансын»* употребляется в отношении дехкан осенью. Это значит собрать обильный урожай. Фразеологизм *«Төрт түлигиң сай болсын»* – применяется к человеку, занимающемуся животноводством. Здесь имеются в виду четыре вида домашних животных – крупный рогатый скот, верблюды, лошади, овцы и козы.

В результате когнитивного поворота изменились познавательные установки науки о языке: утвердилось «понимание и изучение языка как средства формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании и обмена знаниями» [Болдырев 2004: 19]. Это ознаменовало оформление когнитивного направления лингвистики.

Когнитивная фразеология способствует восприятию семантики фразеологизмов на основе лингвистических и экстралингвистических данных, глубокому и всестороннему изучению особенностей ментальной природы носителя языка, особенностей языковых средств выражения. В статье определены когнитивные параметры фразеологизмов каракалпакского языка, связанных с концептом “женщина”. Женская тема – одна из вечных тем. Показать место и роль женщины в этнокультуре каракалпакского народа на основе лингвистических материалов и их когнитивное изучение в контексте мировосприятия, этнических особенностей народа – актуальная задача. Фразеологическая картина мира формируется на основе многовекового опыта, образа мышления и понятий. Жизненная философия каракалпакского народа, связанная с его обычаями и этнокультурой, отражена в фольклоре.

В каракалпакской этнокультуре концепт «женщина» характеризуется своеобразными признаками: хранительница очага, хранительница семьи; создающая благополучие семьи, исполнительница хозяйственных работ; продолжательница жизни; мать детей. В семье детей, особенно девочек, воспитывали в национальных традициях и обычаях, чтобы они были умелыми, верными традициям, сумели управлять домашними делами; в каракалпакской культуре существует традиция под-

готовить енши (приданое) будущей невестке (дочери). Чтобы молодая семья не испытывала нужды ни в чем, в енши невесты включалось все необходимое для хозяйства.

Проявление концептных структур о женщинах во фразеологизмах каракалпакского языка – это национальный ментальный показатель. Кроме вышеуказанных характерных признаков концепта «женщина», в каракалпакской культуре женщины ценятся как советчицы и помощницы своих мужей. Народное предание гласит: народ окружили враги, они сказали, что не тронут женщин и детей, позволили женщинам оставить город, взяв с собой то, что они смогут унести на себе. Тогда женщины вынесли на спинах своих мужей. Интеллектуальные способности каракалпакской женщины, её сообразительность, проницательность, характер, трудолюбие, терпение, любовь, красота и другие проявления в языке, которые описываются фразеологизмами, составляют этноцентристические концепты народа. Предполагается, что в будущем есть необходимость изучения микроконцепта «женщина» в сопоставлении с социально-духовной традицией общества в качестве динамического явления, опирающегося на такие современные микроконцепты, как «*исбилермен хаял*» (деловая женщина), «*хурметли хаял*» (уважаемая женщина) и др., а также на имидж, профессию, интеллектуальный уровень. Взгляды на женщин и отношение каракалпакского народа к ним отражено во многих фразеологизмах: *ержеткен қыз* (зрелая девушка); *қызыл көйлекли* (в красном платье); *қыз тахты* (девичий трон) и др.

В названиях сказок, легенд и других образцов фольклора также можно встречать образ женщин: «*Ақыллы хаял* (умная женщина)», «*Жетим қыз* (сиротинушка)», «*Ханды жумсаған қатын* (женщина, которая поручила хану дело)» и другие.

В целом, в каракалпакском языкознании когнитивная фразеология все ещё находится на стадии формирования, и в этой сфере много проблем, которые ждут своего решения.

## Литература

Айназарова Г. Симметричные двухкомпонентные фразеологизмы в каракалпакском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Айназарова. – Нукус, 2000. – С.24.

Алламбергенова Г. И.Юсупов асарларида фразеологизмларнинг услубий қўлланилиши: филол. фан. фалс. докт. ... (PhD) дис. автореф. / Г.Алламбергенова. – Нукус, 2019-С.47.

Бердимуратов Е. Хәзирги заман қарақалпақ тили (Лексикология) / Е.Бердимуратов. – Нөкис: Билим,1994-С.188.

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н.Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С.18–36.

Ешбаев Ж. Қарақалпақ тилинің қысқаша фразеологиялық сөзлиги / Ж.Ешбаев. – Нөкис, 1985. – С.157.

Қдырбаева Г.К. «Man» – «адам» концептосфераси бирликларининг лингвомаданий ва лингвокогнитив хусусиятлари (инглиз ва қорақалпоқ тиллари мисолида): филол. фан. бўйича фалс. докт. ... (PhD) дис. автореф. / Г.К.Қдырбаева. – Тошкент, 2017. – С.57.

Наурузбаева С.Т. Типы именных фразеологических единиц каракалпакского языка и их отражения в каракалпакско-русском словаре: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.Т.Наурузбаева. – М., 1967. С.16.

Пирниязова А.К. Фразеологическая система каракалпакского языка и её стилистические возможности: автореф. дис... докт. филол. наук / А.К.Пирниязова. – Нукус, 2020. – С.74.

## **Измерение параметров текстов по уровню сложности при изучении иностранного языка**

*языковая компетенция, уровень сложности текстов,  
формулы читабельности текстов, коммуникативная структура текста,  
индекс читабельности, формулы удобочитаемости*

Систематическое обновление содержательной стороны любого УМК в соответствии с требованиями времени является важным для процесса обучения. В современном обучении иностранному языку одним из важных критериев является использование аутентичных или адаптированных текстов [ФГОС по предмету «Иностранный язык»]. Овладение иностранным языком будет эффективным в том случае, если тексты в учебно-методическом комплексе преподносятся по уровню сложности, размеренно, в порядке возрастания.

Целью данной работы является определение соответствия уровня сложности текстов по английскому языку когнитивным и лингвистическим способностям обучающихся.

Цель исследования определила решение задач:

1. Изучить теоретические основы понятий текста, сложности и трудности.

2. Осуществить выборку текстов из выбранных учебно-методических комплексов (T1PT (Pass Trinity), T2SF (Straightforward), T3GW (Gateway), T4KO (Knockout), T5SO (Speak Out), T6ST (Spotlight), T7EE (Enjoy English), T8SL (Starlight), T9SS (Solutions)).

3. Проанализировать выбранные тексты по различным параметрам, используя программу автоматического анализа (Text Inspector).

4. Установить соответствие лингвистических параметров с метриками применяемых формул и программ.

Параметры текстов можно оценить при помощи программ автоматической обработки текстов, среди которых мы выделили онлайн программу Text Inspector (<https://textinspector.com>).

Программа автоматической обработки текстов Text Inspector была использована для следующих целей:

- оценки сложности текстов, представленных в выбранных УМК.
- извлечения количественных и качественных параметров.

Существует более 200 формул для определения сложности текста, наиболее популярная формула является формула Флеша-Кинкейда.

$$0,39 * S + 11,8 * W - 15,59$$



где  $S$  – среднее число слов в предложении, а  $W$  – среднее число слогов в слове. Формула Флеша-Кинкейда определяет возрастную аудиторию и уровень владения английским языком.

Автоматическая программа Text Inspector определяет уровень читабельности текста на основе данной формулы.

Таблица 1. Соотношение показателей индекса Флеша с уровнем образования для восприятия текста

Индекс Флеша-Кинкейда				
Уровень сложности	Среднее кол-во слов в предложении	Среднее кол-во слогов в слове	Индекс	Предполагаемый уровень образования
Очень легкий	8 и меньше	1.23 и меньше	90-100	4-й класс
Легкий	11	1.31	80-90	5-й класс
Достаточно легкий	14	1.39	70-80	6-й класс
Стандартный	17	1.47	60-70	7-й-8-й классы
Довольно сложный	21	1.55	50-60	Незаконченная старшая школа
Сложный	25	1.67	30-50	Старшая школа или 1-й курс колледжа
Очень сложный	29 и больше	1.92 и больше	0-30	Колледж

Рудольф Флеш в своей работе дал наглядную таблицу по уровням образования американских школьников и студентов, необходимый для понимания текста [Flesch 1948: 230].

При рассмотрении среднего количества слов в предложении ни один из текстов не имеет очень легкий уровень сложности, значит, при учете количественных параметров отсутствуют тексты уровня 4-го класса, но присутствует текст очень сложного уровня сложности, то есть текст вне школьной программы T3GW; 5 текстов имеют стандартный уровень сложности (7-й и 8-й классы); 3 текста имеют довольно сложный уровень и соответствуют первым годам старшей школы (9-й и 10-й классы); всего лишь 1 текст имеет очень сложный уровень (колледж). Средний показатель индекса Флеша-Кинкейда для 9 текстов равен 10,72. Разница в 2-3 целых единиц выявлены у следующих текстов: тексты под номерами T1PT, T4KO, T5SO, T9SS, T6ST. Они имеют показатели индексов в пределах 10-12, что соответствуют возрасту 15-17 лет, то есть для 10 класса;

Тексты под номерами T3GW, T7EE показали индекс выше, чем для 10 класса. T7EE представляет собой научную статью о раскопках,

изобилующую сложносочиненными предложениями и научными терминами.

Наиболее сложным текстом среди всех является текст T3GW. Программа выявила наибольший показатель количества слов в предложении (29.73), поэтому индекс Флеша-Кинкейда (13.72) превзошел допустимые нормы школьной программы. В данном тексте показывается структура написания эссе. Длинные предложения, насыщенные речевыми оборотами, даются как пример для написания обучающимся. Возможно, из-за обилия речевых оборотов, которые требуются при написании эссе, текст T3GW распознан как очень сложный по уровню сложности индекса Флеша-Кинкейда.

Учебные тексты были отобраны на тему “Environmental Issues”. Практически все представленные тексты в УМК характеризуются жанром публицистического стиля (статьи, интервью и пр.), также присутствуют тексты научно-публицистического характера (например, тексты о разновидностях животных) и отрывок художественной литературы («The Lost World» Артура Конана Дойла.)

На первом этапе работы с текстами мы ввели код-аббревиатуру для каждого учебно-методического комплекса, установили количественные параметры учебных текстов. На втором этапе исследования мы выявили сложность текстов (чем выше индекс – тем сложнее текст). На третьем этапе мы учли ещё один фактор, влияющий на сложность текста – расположение в УМК. При измерении лингвистических параметров текста следует учитывать все погрешности; для этого мы решили выяснить зависимость сложности текста от периодизации учебного года и самой программы Text Inspector. Определение порядка периодизации учебных текстов см. в таблице 2.

Таблица 2. Периодизация четвертей

1 четверть	2 четверть	3 четверть	4 четверть
с 02.09 до 26.10	с 07.11 до 26.12	с 13.01 до 20.03	с 30.03 до 25.05
T2SF T1PT	T3GW T6ST T7EE	T5SO T8SL	T4KO T9SS

На четвёртом этапе мы осуществили анализ словарного запаса с использованием академического списка слов и фраз:

1) Academic Word List – это полезный английский ресурс для преподавателей и студентов, который используется программой Text Inspector.

2) Аверил Коксхед из Школы лингвистики и прикладных языковых исследований разработала и оценила Академический список слов (AWL) для своей магистерской диссертации. Этот список является очень полезным ресурсом для преподавателей и учащихся, изучающих английский язык (<https://www.wgtn.ac.nz/lals/resources/academicwordlist>).

На пятом этапе мы выявили слова, которые не были учтены Text Inspector и убрали те, которые не влияют на сложность текста, а именно грамматические формы высокочастотных глаголов и грамматические изменения, поддающиеся объяснению.

В процессе шестого этапа нами были подкорректированы списки слов, которые не были учтены автоматической программой Text Inspector.

Мы провели коррекцию списка незафиксированных слов.

Исходя из полученных данных, путем исправления списков незафиксированных слов мы сократили в среднем 7.59% погрешностей в используемых текстах. Наибольший процент сокращения незафиксированных слов выявлен в текстах T7EE – 12.78% и T9SS – 12.02%, что свидетельствует о большом количестве сокращений, временных форм и имен нарицательных. Также было выявлено содержание американских английских слов в учебниках американского издательства.

В большинстве случаев тексты были ориентированы на обучающихся 10-го класса, носителей уровня B2. Есть тексты с низкими (например, текст T6ST, соответствующий уровню 7-8 класса) и высокими показателями уровня сложности (например, текст T3GW, соответствующий уровню колледжа). Количественные и качественные параметры удовлетворяют предполагаемому для 10-го класса уровню сложности, а индекс Флеша-Кинкейда выявил, что большинство текстов соответствует высоким показателям сложности.

Полученные в результате исследования данные можно использовать как основу для создания УМК, полностью соответствующего требованиям читабельности. Учитель может выбирать соответствующие тексты повышенной сложности для способных обучающихся, проанализировав их в программе Text Inspector.

Российские обучающиеся одного возраста при изучении одной и той же темы по учебникам, изданным в Англии, России и США, сталкиваются с текстами разной сложности.

### **Литература**

Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования [Электронный ресурс]. – URL: <http://минобрнауки.рф/документы/54>, свободный. (Дата обращения: 15.04.2020).

Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Е.А.Реферовская; отв. ред. А.В.Бондаренко; АН СССР, Ин-т языкознания, Ленингр. отд-ние. – Л.: Наука: 1989.–165 с.

Flesch R. A new readability yardstick / R.Flesch // Journal of Applied Psychology. – 1948. – Vol. 32. – С. 221–233.

Индексы Флеша-Кинкейда [Электронный ресурс] – Режим доступа:<http://www.cpanel.stpaulsscience.org/gceict/skills/pi/pi01/accuracy/readability/fkg.htm>

**Сафина Римма Абельхаеровна**  
**Салиева Римма Наилевна**  
Казанский (Приволжский) федеральный университет  
УДК 81'373. 72

## **Современные тенденции развития фразеологии в зарубежной лингвистике**

*сопоставительная фразеология, фразеодидактика,  
фразеологическая компетенция, корпусная фразеография*

Фразеологические исследования являются одним из актуальных направлений зарубежной лингвистики. Начиная с 80-х годов особую актуальность приобретают сопоставительные исследования фразеологии различных европейских языков. Основу данных работ заложили такие ученые, как Х.Бургер, К.Пальм, Э.Пирирайнен, Х.Айсман, Д.Добровольский и др. Больших успехов ученым удалось достичь также в области корпусной фразеографии и фразеодидактики. Исследователи ряда европейских стран, таких как Германия, Австрия, Чехия, Словакия, Словения, Дания, Венгрия и др., создали совместные банки данных и учебные фразеологические платформы. Использование современных компьютерных технологий позволило ученым исследовать многообразные контекстные употребления устойчивых словосочетаний, их структурные и функциональные особенности, определить статистические данные о частотности употребления различных фразеологизмов и создать базу для определения фразеологического оптимума.

В 2006 году группа ученых из Словении начала разработку проекта Ephras, который дал мощный толчок для развития теоретической базы по фразеодидактике и сопоставительной фразеологии [Jesensek 2007]. Практическим результатом данного проекта стала учебная платформа, которая содержит банк данных фразеологизмов четырех европейских языков (словенский, словацкий, венгерский и немецкий) и комплекс интерактивных упражнений, дифференцированный по уровням сложности [Ephas]. В 2008 году началась работа над еще одним международным проектом по созданию базы данных пословиц немецкого, словенского, словацкого, чешского и венгерского языков, в результате которого была создана соответствующая паремиологическая платформа по изучению пословиц данных языков [Sprichwort-Plattform]. Одним из руководителей проекта стала Х.Бергерова, которая в дальнейшем разработала собственный электронный ресурс по изучению немецкой фразеологии, ориентированный на носителей чешского языка. Комплекс упражнений разделен на три уровня сложности: младший школьный возраст, средний школьный возраст и университетский уровень; кроме того, каждый раздел имеет вводную теоретическую часть и методические рекомендации

для самостоятельной работы над заданиями [Multimediales Unterrichtsmaterial für deutsche Phraseologie].

Хотелось бы подчеркнуть тот факт, что фразеодидактика имеет свои специфические цели, задачи и способы формирования языковых навыков. Главными принципами изучения фразеологического материала являются ориентация на аутентичный текст и стремление к достижению языковой компетенции в употреблении ФЕ. В основу большинства разработанных комплексов упражнений была положена дидактическая концепция трехэтапного изучения фразеологизмов, предложенная немецкими учеными Шт. Эттингером и П.Кюном, которая включает такие этапы изучения устойчивых сочетаний, как распознавание, понимание и использование фразеологизма в контексте [Ettinger 2007]. Особое место при разработке типологии упражнений на современном этапе занимает также принцип визуализации, который предполагает использование разнообразных наглядных средств, направленных на сенсбилизацию, понимание и запоминание фразеологизмов. Так, например, Н.Рентель предлагает свою собственную концепцию изучения фразеологизмов на основе использования рекламы. Разработанные ею этапы обучения выглядят следующим образом: 1) устное описание рекламного плаката, 2) распознавание фразеологизма на картинке (а не в контексте), 3) пояснение значения фразеологизма на основе отражения прямого значения, 4) сопоставление прямого и переносного значений фразеологизма, 5) расшифровка рекламного послания, 6) соотнесение значения ФЕ с родным языком, 7) формулировка собственного мнения по отношению к данной устойчивой единице [Rentel 2011]. Перспективным на сегодняшний день, с точки зрения ряда лингвистов, представляется также изучение фразеологизмов в контексте художественных произведений и текстов песен [Hallsteinsdottir 2011].

Важным принципом изучения фразеологизмов является комплексное системное изучение фразеологического значения изучаемых единиц: этой цели достаточно сложно достичь, и только тщательный анализ коммуникативного употребления и эмоционально-оценочного потенциала фразеологизмов может привести к положительным результатам. Большую помощь в изучении фразеологического значения предоставляют данные различных корпусов, благодаря которым можно выявить широкую палитру контекстуальных значений идиоматических выражений.

В 2012 г. выходит в свет монография М.Кроссоу, в которой автор дает детальное описание принципов современных фразеодидактических учений, обосновывает необходимость формирования фразеологической компетенции, демонстрирует на конкретных примерах взаимодействие фразеодидактики с данными корпусной лингвистики, однако ученый делает акцент на том, что работа с фразеологическим корпусом на занятиях по иностранному языку возможно только на продвинутом этапе обу-

чения [Chrissou 2012]. Хотелось бы отметить высокую теоретическую и практическую значимость данной работы в свете актуальности современных междисциплинарных учений и использования медийных средств массовой коммуникации в процессе обучения иностранному языку,

Таким образом, можно констатировать факт, что в ряде европейских стран на сегодняшний день сложились самостоятельные фразеологические школы, которые занимаются интенсивной разработкой проблем сопоставительной фразеологии, корпусной фразеографии и фразеодидактики. Стоит, однако, отметить, что предметом изучения в западных школах становятся все чаще не столько идиомы, сколько устойчивые словосочетания, так называемые, клише. До сих пор остается актуальной проблема определения фразеологической компетенции относительно родного и иностранного языков, выявления роли лингвистических и нелингвистических факторов формирования фразеологической компетенции, влияния родного языка как базиса для освоения фразеологии иностранного языка, а также вопрос о выработке фразеологического оптимума для активного и пассивного усвоения фразеологизмов. Кроме того, ведется активная разработка методики определения уровня фразеологической компетенции для различных этапов обучения иностранному языку. Перспективным представляется использование сопоставительных исследований фразеологии различных языков в методике преподавания иностранного языка, а также разработка комплексов упражнений для обучения фразеологии с использованием современных медийных средств.

### Литература

Chrissou, M. *Phraseologismen in Deutsch als Fremdsprache* / M.Chrissou, Verlag Dr.Covac. – 2012. – 167 s.

Ettinger S. *Phraseme im Fremdsprachenunterricht* / S.Ettinger // Burger H. *Phraseologie: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung* / H.Burger, D.Dobrovolskij, P.Kühn, N.Norricks. – Berlin, NewYork: Walter de Gruyter, 2007. – S.893-908.

Jesensek V. *Lehr- und Lerngegenstand Phraseologie* / V.Jesensek // *Phraseologie kontrastiv und didaktisch. Neue Ansätze in der Fremdsprachenvermittlung* / ed. by V.Jesensek, M.Fabcic. – Maribor, 2007. – S.17–26.

Hallsteinsdottir E. *Aktuelle Forschungsfragen der deutschsprachigen Phraseodidaktik* / E.Hallsteinsdottir // *Linguistik online* 47 – 2011. – №3. Электронный ресурс: [http://www.linguistik-online.de/47\\_11/hallsteinsdottir.html](http://www.linguistik-online.de/47_11/hallsteinsdottir.html) (дата обращения 1.11.2020)

Rentel N. *Die Didaktisierung von Phraseologismen im DaF-Unterricht anhand multimodaler Texte* / N.Rentel // *Linguistik online* 47. – 2011. – №3. – [Электронный ресурс]: [http://www.linguistik-online.de/47\\_11/rentel.html](http://www.linguistik-online.de/47_11/rentel.html) (дата обращения 1.11.2020)

Ephras [Электронный ресурс]: [www.ephras.org](http://www.ephras.org) (дата обращения 1.11.2020)

Plattform «Multimediales Unterrichtsmaterial für deutsche Phraseologie.  
[Электронный ресурс]: <http://www.frazeologie.ujepurkyne.com/index2.htm> (дата обращения 1.11.2020)

Sprichwort-Plattform [Электронный ресурс]: <http://www.sprichwort-plattform.org/sp/Sprichwort-Plattform> (дата обращения 1.11.2020)

## Multimodal discourse analysis: The visualization of communication

*multimodality, linguistics, cognitive linguistics, applied linguistics, discourse studies*

*Introduction.* In the communicative process, people use the mixture of modes to generate and express the message to the interlocutors or audience. The last few decades the interest in the interplay of different modes, for example, visual, spatial, linguistic, gestural, and aural, in various disciplines, including cognitive linguistics and psycholinguistic, has increased. For this reason, multimodality has become an important factor in linguistics. It is significant to study how these different modes are combined: whether one empowers the other, or whether they play complementary roles.

Television can be considered as one of the most salient multimodal source that shapes our everyday perceptions and expectations. It ensures its audience with culturally appropriate content through its various semiotic modes of communication situated within the visual, verbal, and sound tracks. The aim of the research is to investigate the relationship between verbal and non-verbal modes, which employed simultaneously in order to create meaning, with the help of multimodal analysis in the context of the television programme.

*Methods.* The current study is a qualitative research where the episode from the talk show “Last Week Tonight” is analyzed from a multimodal discourse analysis' point of view and from a cognitive perspective. The analysis is carried out taking into account the study of visual elements Kress and van Leeuwen (2001), Barthes (1964) and the relationship between images and texts Martinec and Salway (2005).

*Results and discussion.* In the programme which takes a satirical look at news and current events, one can find spoken language (interviews, on and off screen voices, reports), other oral material (music, sounds), written language (descriptions, title sequences, quotations, or electronic addresses), and other visual material (film cut images, other TV programs, advertising, cartoons, films, or logotypes). In the oral discourse TV host usually refers to images of people, objects and events largely taken from the media and life, for instance, television, the Internet, policy, fashion, journalism, football or music. In other words, with things, audience can emotionally identify with.

One of the most obvious characteristics of this program is the frequency with which the shot changes per minute. The duration of the episode is 19 minutes 22 seconds, and it should be noted that up to 10 images per minute at certain times appeared on the screen accompanied by the narrator speech.





Fig. 1. Episode from the talk show “Last Week Tonight”

There is a narrator responsible for presenting the program and the subsequent explanation of the main topics. The images, which accompany the narration, appear and disappear at breakneck speed and are fragmented and spaced on the right side from TV host but for the viewers images are located on the left side of the screen. According to Kress and van Leeuwen (2006), one of the principles of a layout is: “what is placed in the middle carries more weight than what is placed in the periphery” [Kress & Van Leeuwen 2006: 200]. As it can be seen from Figure 1, the difference of the location of the image and narrator on the screen is not significant. It means that both visual elements and narrator play the central role in the delivering of the information to the audience. It can be suggested that “through the conveyance of the two semiotics can overall meaning be reached, and the projected objectives of spreading knowledge and entertaining the spectator can be achieved” [Kress & Van Leeuwen 2001: 116].

Taking into account Kress and van Leeuwen's social semiotic framework of visual communication grammar, it can be seen that the compositional meaning of images is realized through interrelated systems. There is a quotation of narrator's speech: “Two years ago we ran a piece on state lotteries and a not insignificant portion of it was built on the work of Harry Esteve, a reporter at The Oregonian. Here is a clip we used of him talking about this series on camera. Here I am quoting one of his Oregonian stories directly. Here I am doing it again. You probably did not notice it at the time because you were too fixated on my choice of shiny gray tie that fits a dress shirt. The tie is mafia funeral, the shirt says high school debate tournament and the face says I am not confident enough to carry this show off”. In the Figure 1, we can admit that narrator reports on less important information. The yellow arrow that points to the TV host on the picture made in the past indicates that narrator uses humor that are a far from the formal, ordered and precise format that we would expect from. It is true that the audience is highly attracted to products packaged with humor and fear. In this case, “Last Week Tonight” plays significantly on humor, which is a leading element for ensuring audience enjoyment and increasing

empathy. Moreover, the image can be described as “real” since the shot was made in the past, and “given” because the viewers have already seen this scene, though it can also be “new” for those who have missed that episode. Salience can be achieved through size, color, tone, focus, perspective, overlap, repetition of the image as can be seen in the Figure 1. The compositional meaning can be expressed through framing as well. It means that all the elements in that space are treated as significant and they have to be described in their relationships or brought into relationship with all other elements in that space. This implies that the TV host and his audience produce and recognize a range of different signs in various modes, that is, certain facial expressions, posture head movement, gesture, posture and intonations.

According to Martinec & Salway, three types of relationships between images and texts can be established to analyze “Last Week Tonight”. They are elaboration, extension and enhancement. [Martinec & Salway 2005: 345]. In this case, the shot deals with the elaboration when the TV host (verbal mode) clarifies the image (visual mode).

*Conclusions.* To sum up, capturing audience is a big challenge for television. Bringing together of words and images fulfills the program’s objective: the words transmit knowledge and the images maintain the interest of the audience. The conclusion to be drawn is that the relationship between spoken words and visual elements is fundamental within a given social-cultural domain.

### **Bibliography**

Barthes R. Rhetoric of the image / R. Barthes // Image Music Text. – London: Fontana, 1977. – Pp. 32-51.

Halliday M.A.K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning / M.A.K.Halliday. – London: Edward Arnold, 1978. – 256 p.

Kress G. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication / G.Kress – London: Routledge, 2010. – 212 p.

Kress G. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication / G.Kress, T. van Leeuwen. – Oxford UK: Oxford University Press, 2001. – P.115-118.

Kress G. Reading Images / G.Kress, T. van Leeuwen. –London: Routledge, 2006. – 291 p.

Martinec R. Types of Processes in Action / R.Martinec // Semiotica. – 2000. – Vol. 130. Issue 3/4. – Pp. 243-268.

Martinec R. A system for image-text relations in new (and old) media / R.Martinec, A.Salway // Visual Communication. – 2005. – Vol.4. Issue 3. – Pp.337-371.

O’Halloran K. Multimodal Discourse Analysis: Systemic functional perspectives / K.O’Halloran. – London and New York: Continuum, 2004. – P.335-337.

Van Leeuwen T. Introducing social semiotics / T.Van Leeuwen. – London: Routledge, 2005. – 301 p.

Van Leeuwen T. Handbook of Visual Analysis / T.Van Leeuwen, C.Jewitt. – London: SAGE publications, 2001. – 224 p.

## **Expressive means in modern English economic discourse of electronic media**

*economic discourse, expressive means, metaphor, epithet, stylistic mark*

Economics has always been an integral part of people's lives, however, in recent years it has obtained extreme significance due to numerous factors and changes taken place in modern society. Globalization and digitalization processes contributed significantly to the deeper involvement of society in modern economic processes. Nowadays it seems to be practically impossible to imagine life without concepts of economic decisions and indicators, finance and financial policy, money and value – all of them are deeply rooted in our mind and consciousness. Hence, the perceived values, conceptual grounds and involved cognitive processes are manifested through the language and discourse, economic one in particular.

Being a multifaceted and ambiguous concept discourse is quite an issue to be defined precisely. Discourse may be presented as a coherent text with extralinguistic – pragmatic, socio-cultural, psychological and other factors, taken in the event aspect, as well as speech, considered as a purposeful social action, as a component involved in the interaction of people and the mechanisms of their consciousness (cognitive processes) [Yartseva 1990: 136].

As for the economic discourse the very phenomenon can be treated as a communicative event and should be considered as the unity of separate communicative acts, taken place in the sphere of economy and economic activity of the modern society [Evtushina 2014, 6: 44]. Economic texts emerged as the result of discourse activity possess several specific features due to their essence and communicative goal. The most prominent feature is that such texts tend to use the diversity of lexical and grammatical forms along with stylistic means aimed at make the text vivid and the message quite obvious and understandable to the recipient of the information. The prior meaning this trend obtains in modern digital media, covering economic issues and the provided texts tend to be filled with expressive means based on figurative comparison, hence creating strong visual images and individual associations or even implications. The formation of such specific discourse especially in digital media due to the overall digitalization of the society with the move to the online sphere is explained by its ultimate goal which is the interaction with the audience and shaping its opinion by the provision and spread of information and subsequent ideas, opinions and beliefs. To fulfill the initial goal

epithets and metaphors are used predominantly in economic texts, occurring in digital media.

As a stylistic mark epithet is based on a high degree of accentuation of any feature of the considered object or phenomenon. In its most general form, an epithet is expressed through attribution, starting from the determination of epithet's use in speech with deeply personal perception of the chosen object, which in turn determines the presence of a bright emotional context [Pishchina 2019, 6: 2] Especially it is true for economic texts of digital media which are saturated with epithets, such as "frosty reception", "puzzling trend" or "gloomy markets", all of which create a vivid image in reader's mind also quite a negative one. Apart from the words with already implied negative connotation (the same "frosty", "puzzling" and "gloomy") it should be noted that the majority of epithets even with initial positive or neutral connotation like "charitable" or "tasty" are used in modern English economic discourse in the opposite derogatory meaning.

Thus, the extract "These stocks are simply too tasty for American investors" conveys the idea of being excessively good and inappropriate for certain financial dealers and the sentence "But if China's outperformance endures without being reflected in the yuan, charitable feelings will quickly evaporate" clearly hints on the further deterioration of relations and obviously negative outcome. The same change of connotation can be observed in other examples like "The recent decline in American unemployment suggests that the worst of the crisis was mercifully brief" or "Can too many brainy people be a dangerous thing?", implying that even being smart cannot be regarded anymore as absolute undoubted advantage.

Another most extensively used stylistic mean is metaphor due to its great imaginary potential based on the figurative comparison. In economic discourse metaphor serves as a tool helping to regulate the process of perception of economic information and subsequent shaping of public mood and opinion in favor of a certain event or actor. As for the reader an economic metaphor allows formation of a clearer and more detailed picture of the ongoing process, especially in times of crisis. [Kalugina 2012, 66: 77]

The predominant position in digital media texts belongs to the verbal metaphors, which helps to create dynamic images and to show the relations between the considered concepts or objects. The following examples such as "Clouds darken over eurozone economy", "Investors are likely to remain on edge in the near term" or "They already are in tooth and claw to forgo" convey the idea of disappointment and hopelessness by emphasizing the feeling of danger and forecoming threat and complete failure.

Conceptual metaphor is also quite widespread in economic texts due to its manifestation through new perception of the common field or concept, thus attracting more attention and creating a certain and more powerful vision. Thus, in the sentence "Many Chinese firms that might once have flocked to New York" the metaphor is built on the comparison of firms with birds helping

to convey the image of massive migration emphasizing the importance of this event. In the other example “Unleash their creativity, and productivity will improve, job satisfaction will increase” the parallels are drawn between managing a workforce with riding a horse contributing to the image of workers free unlimited spirit and power that need to be taken under control and given further wise guidance.

The discussed example of “frosty reception” along with another one of “seismic knock-on effects” may be considered as cognitive metaphor being based on polysemy and comparing the economic reality with once again with something unpleasant (frosty look, frosty winter) and very unstable and even dangerous (seismic zone).

Thus, it can be observed that the considered expressive means are used in recent economic discourse to build up to the negative perception of current economic situation and conveying certain emotionally colored opinion aimed at raising awareness and concern of the recipients. Moreover a few provided examples prove deep interconnection of discourse and reality along with the role of cognitive mechanisms enabling the reflection and manifestation of economic activity in the language.

### **Bibliography**

Evtushina T.A. Economic discourse as an object of linguistic research / T.A.Evtushina, N.A.Kovalskaya // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – M.: Linguistics and Literary Studies, 2008. – Vol.88. – Pp.42-46.

Kalugina Yu.V. Cognitive orientation metaphors in economic texts (based on the material of the English-language press) / Yu.V.Kalugina // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – M.: Linguistics and Literary Studies, 2012. – Vol. 66. – Pp. 76-79

Linguistic Encyclopedic Dictionary / ed. V.N.Yartseva. – M.: Soviet Encyclopedia, 1990. – Pp. 136-137.

Pishchina M.O. Language means of representation of reality in English mediadiscourse / M.O.Pishchina // Ogarev-Online [Electronic resource]. – Online journal 2019. –Access mode: <http://journal.mrsu.ru/arts/yazykovye-sredstva-reprezentacii-dejstvitelnosti-v-angloyazychnom-mediadiskurse>

## **Коннотация императива в стихотворении В.В.Маяковского**

*императив, В.В.Маяковский, организация предложений*

Императив считается универсальным грамматическим средством организации предложений волюнтаривной семантики как одной из коммуникативно-прагматических категорий предложения. Как подчеркивает Ю.М.Малинович, «императив заранее программирует результативность предписания, он категоричен в аспекте результативности действия» [Малинович 2003: 96].

Поэмы В.В.Маяковского имеют широкий диапазон сюжета, насыщены уверенными и гордыми революционными эмоциями, общепонятны и любимы советским народом. Его ранние работы ясно показали, что он критиковал традиционную культуру и имел высокую склонность к футуризму.

Стихи В.В.Маяковского носят явно декларативный характер. Его настойчивое стремление к революционным идеалам – это своего рода сила и вера, которые были интегрированы в его жизнь. В описываемую эпоху В.В.Маяковский превратил свои идеалы и убеждения в настоящее будущее. “*Левой! Левой! Левой!*” – значение этих слов в «Левом марше» подразумевает призыв и приказ, атмосферу зарождения нового мира, создавшуюся после Октябрьской революции.

Как выдающийся поэт, но и как сложный человек, Маяковский многогранен: с одной стороны, он футурист, пропагандист и агитатор, с другой – любящий человек. Эти грани настолько противоречивы, а контраст такой большой, что эти две противостоящие силы становились все более и более напряженными и окончательно столкнулись 14 апреля 1930 года.

При чтении стихотворения «Послушайте!» можно предположить, что поэт не выражает не просьбу или предложение с помощью повелительного наклонения, а негодование, эмоции неудовлетворенности. Важная особенность императивного высказывания состоит в том, что оно является одновременно и сообщением, и действием: говорящий не только сообщает о своем желании, но и пытается заставить адресата его выполнить.

Общеизвестно, что В.В.Маяковский уделяет большое внимание декламации, поэтому императив занимает важное место в его поэтических текстах. Эта форма, с одной стороны, делает образ лирического героя в стихотворении более ярким и живым, передавая внутреннее негодование главного героя и истинные страдания, с другой стороны.

В.В.Маяковский обращался к императиву как форме самовыражения, он призывает к действию и требует действий, имеющих социальную значимость. Поэтому использование императива делает стихотворения возбуждающими и заставляет читателей чувствовать себя в сюжете текста.

В творчестве В.В.Маяковского особое место занимает антивоенная лирика, в которой также очень активен императив, например в произведении «Мама и убитый немцами вечер»:

*“Видите —  
весь воздух вымощен....”  
“Что вы,  
мама?  
Белая, белая, как на гробе газет.  
«Оставьте!  
О нем это,  
об убитом, телеграмма.  
Ах, закройте,  
закройте глаза газет!»”*

Как видно, в большинстве повелительных конструкций Маяковский не просит, не предлагает, а приказывает, требует что-либо сделать. Стремление к действиям и приказам оказалось очень к месту в советской культуре. Советская политическая риторика оказалась оформлена похожим образом. Одной из её характерных черт была вера в силу приказа руководителя.

### **Литература**

Малинович Ю.М. Антропологическая лингвистика как интегральная наука / Ю.М.Малинович, М.В.Малинович // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории / под ред. Ю.М.Малиновича. – М.; Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2003. – С.7-28.

**Методы исследования фреймирования военного конфликта  
в текстах аналитических репортажей**

*аналитический репортаж, освещение военного конфликта, фреймирование,  
пропаганда, целевая аудитория*

Исследование повествовательных структур и доминирующих фреймов в ходе освещения инцидентов в зонах военно-политической напряженности приобретают критическую роль для прогнозирования мировоззренческих установок целевой аудитории, ее интерпретационных стратегий, связанных с текущей событийностью, приобретающей особое международное значение [Кудряшов 2015]. Следствием драматических событий, происходящих в контексте военно-политических конфликтов, является, в том числе, и стремление альтернативных СМИ получить безоговорочный доступ к доминированию в непосредственном предопределении интерпретативных фреймов целевой и международной аудитории. Участники события, антагонисты по своей идеологической сущности, инициируют дискуссию о том, что «в действительности» произошло, дают однозначные и прозрачные дефиниции тем военно-политическим силам, которые непосредственно не участвуют в событии и, возможно, занимают наблюдательную и предписывающую позицию.

При изучении проблем массмедийного фреймирования актуальных ситуаций в текстах аналитических репортажей используется преимущественно метод квантитативного контент-анализа (более подробно см. [Азарова 2015]). Контент-анализ репортажных сообщений представляет собой метод эмпирического исследования, который используется для выявления неявного содержания репортажных текстов, своеобразную технику системной фиксации актуальных тенденций освещения события посредством группировки соответствующих текстов на категории, основанные на определенных правилах кодирования важной информации. Эти правила ассоциируются с устойчивыми схемами упаковки значений и смыслов в репортажных сообщениях, обеспечивают возможность исследования массивных объемов специализированных текстов. При этом материалом исследования выступают тексты СМИ на разных языках: выявляются совокупности активизируемых фреймов с целью определения того, прослеживаются ли в этих текстах элементы пропаганды тех или иных воззрений, реализуются ли в них идеологические установки, проецирующие направления интерпретации смыслового содержания текстов со стороны целевой аудитории. Как показали наши наблюдения, в ракурсе подобного исследования оптимальным оказывается подход,



разработанный Х.А.Семетко и Р.М.Валькенбургом [Semetko 2000]. В настоящее время этот подход широко используется в процессе изучения текстов самых разнообразных жанров и регистров. Мы предлагаем ввести в ход анализа дополнительную категорию, связанную с идентификацией потенциально проявляемого пропагандистского содержания.

При указанном подходе исследуемые тексты репортажей анализируются с опорой на выявление следующих четырех фреймов и связанных с этими фреймами проблемных узлов:

1. фрейм КОНФЛИКТ:

1.1. отражают ли тексты разногласия, расхождения в интересах между двумя и более сторонами конфликта, индивидами или странами?

1.2. выражает ли один из участников конфликта упреки в адрес оппонента?

1.3. участвуют ли в конфликте две или более заинтересованные стороны?

1.4. номинируются ли стороны, участвующие в конфликте, в терминах победителя и проигравшего?

2. Фрейм ИНТЕРЕСЫ УЧАСТНИКОВ КОНФЛИКТА:

2.1. воспроизводятся ли в текстах образы субъектов, занимающих альтернативные позиции?

2.2. выявляются ли в текстах языковые средства с эмотивной семантикой, отражающие ярость, симпатию, сострадание?

2.3. прослеживаются ли в текстах результаты воздействия конфликтной ситуации на участников?

2.4. освещается ли в текстах частная жизнь участников конфликта?

2.5. активируется ли текстами визуальная информация, порождающая у целевой аудитории чувство гнева?

3. Фрейм ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОНФЛИКТА:

3.1. обнародуется ли в текстах информация о текущих или будущих (финансовых) потерях или прибыли со стороны участников конфликта?

3.2. сообщается ли в текстах информация об издержках и затратах, претерпеваемых сторонами, участвующими в конфликте?

3.3. содержатся ли в текстах указания на следствия экономического характера, проистекающие из-за конфликта?

4. Фрейм ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАЗВЯЗЫВАНИЕ И ЛОКАЛИЗАЦИЮ КОНФЛИКТА:

4.1. указывается ли в текстах на возможности тех или иных правительственных кругов в разрешении конфликтной ситуации?

4.2. возлагается ли в текстах та или иная степень ответственности на правительство конкретной страны за развязывание конфликта?

4.3. приводятся ли в текстах рекомендации по выходу из сложившейся конфликтной ситуации?

4.4. возлагают ли авторы публикаций ответственность за конфликтную ситуацию на тех или иных представителей или групп общества?

4.5. предполагают ли авторы публикаций, что сложившаяся конфликтная ситуация настоятельно требует разрешения? [Semetko 2000: 98–99].

Указанные выше взаимосвязанные фреймы сосредоточивают внимание целевой аудитории на драматическом событии, произошедшем на определенной территории с учетом широкомасштабных боевых действий, столкновений существенных интересов двух сторон, придерживающихся альтернативных идеологических воззрений.

При проведении исследования, связанного с фреймированием актуальных конфликтных ситуаций, сложившихся в «горячих» регионах, мы предлагаем дополнить обозначенную выше классификацию фреймов еще одним типом – ВОЕННАЯ ПРОПАГАНДА, который можно трактовать в качестве действенного масс-медийного механизма освещения проблемы, связанной с распределением сил в зоне конфликта. Масс-медийный анализ конфликтных ситуаций неизбежно предполагает элементы пропаганды, нацеленной на массовую аудиторию. Фрейм ПРОПАГАНДА базируется на признании того, что между участниками конфликтной ситуации ведется информационная война. Обнаружение этого фрейма в текстах аналитических статей, посвященных военному конфликту, способствует более детальному исследованию тех фреймов, которые обозначены выше и составляют суть классификации Х.А.Семетко и Р.М.Валькенбурга.

В рамках теории фреймирования доказывается, что журналисты иницируют актуальную информацию адресату под определенным углом зрения, фокусируя его внимание на идеологически существенных аспектах освещаемой ситуации и одновременно замалчивая целый ряд иных аспектов, которые потенциально представляют антагонистическую сторону конфликта в выгодном свете. Само фреймирование определяется как своего рода журналистский выбор в пользу пропагандистского освещения тех или иных аспектов воспринимаемой реальности с тем, чтобы сконцентрировать интересы адресата на программируемой позиции нового события в контексте общей событийности [Гаврилова 2015: 103].

Фрейм ПРОПАГАНДА разрабатывается нами с опорой на модель указанных выше исследователей следующим образом.

#### 5. Фрейм ПРОПАГАНДА:

5.1. указывают ли авторы аналитических репортажей, что противоположная сторона конфликта является угрозой для безопасности в регионе?

5.2. освещается ли конфликтная ситуация исключительно с позиций одной стороны конфликта, приводятся (цитируются) ли заявления-угрозы, выдвигаемые альтернативной стороной?

5.3. базируются ли тексты аналитических репортажей исключительно на обнаружении позиции одной из сторон конфликтной ситуации, предпринимаемых этой стороной действий?

5.4. воспроизводятся ли в текстах деятельность участника конфликта, политического лагеря, к которому принадлежит СМИ?

5.4. оценивается ли деятельность этого лагеря в критическом свете?

5.5. используются ли в текстах номинации с отрицательной коннотацией для обозначения противоположной стороны конфликта?

5.6. возлагается ли ответственность в текстах исключительно на противоположную сторону конфликта?

Фреймы, составляющие концептуальную основу репортажного текста, носят неявно выраженный характер, оказывают воздействие на характер обсуждения актуального события в самых разнообразных общественно-политических инстанциях и сферах. Они определяются как имплицитные концептуальные принципы, лежащие в основе выбора значимых аспектов актуального драматического события, расстановки идеологических акцентов в этом событии (участники конфликта, причины их антагонизма и возможные следствия противоборства). Фреймы, активируемые в СМИ, представляют собой устойчивые модели когний и интерпретаций, посредством которых журналисты, воздействующие на символическую составляющую сознания целевой аудитории, организуют репортажный – вербальный и визуальный – пропагандистский дискурс. Фреймирование оказывается неизбежным процессом в освещении актуальных событий, поскольку с опорой на него журналисты перерабатывают и упаковывают существенные объемы информации, впоследствии потребляемой массовой аудиторией.

## Литература

Азарова О.А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания / О.А.Азарова, И.А.Кудряшов // Когнитивные исследования языка. – 2015. – №21. – С.30-33.

Гаврилова Г.Ф. Предложение и текст: системность и функциональность / Г.Ф.Гаврилова. – Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. – 412 с.

Кудряшов И.А. Концептуальные измерения когнитивного «движения» в современной лингвистике / И.А.Кудряшов, Е.Н.Клеменова // Язык. Текст. Дискурс. – 2015. – №13. – С.17-32.

Semetko H.A. Framing European Politics: A Content Analysis of Press and Television News / H.A.Semetko, P.M. Valkenburg // Journal of Communication. – 2000. – № 50 (2). – P.93–109.

**Вкусовые метафоры в наименованиях человека говорящего  
(на материале башкирского языка и его диалектов)**

*человек говорящий, ассоциация, вкусовые метафоры*

В формировании языковой картины мира одну из ведущих ролей играет мыслительная операция сравнения, на основе которой образуются впоследствии метафоры, выражающие подобие имплицитно. При подборе образов для сравнения часто используются традиционные, устоявшиеся образы и представления, которые вовлекаются в круг или описание нового денотативного ядра. К таким апробированным веками, с достаточно хорошо известной всем семантикой, относятся вкусовые обозначения, сопровождающие жизнь человека в повседневности, поэтому получившие развитие семантики и влияющие на духовные внутренние качества человека, в частности, на его речевые характеристики. К примеру, вкусовые свойства *вкусный, горький, сладкий, кислый, медовый, соленый* и их отрицательные формы относятся не только к собственно вкусовым качествам окружающих предметов, например растений, но и переходят в качестве метафорического признака и на описание человека говорящего. Слова и выражения, репрезентирующие представления о субъекте речи, занимают важное место в башкирском литературном языке и его говорах, относясь к лексико-семантической категории лица. В данной статье рассматриваются номинации, возникшие на базе вкусовых восприятий человека.

Как показало исследование, в наименованиях человека говорящего в башкирском языке используется следующий спектр вкусовых признаков: *татлы* 'сладкий', *тәмле* 'вкусный', *сәсә* 'приторный, елейный', *әсе* 'горький, острый', *тәмһез* 'невкусный', *баллы* 'медовый' – качества, являющиеся прилагательными вкуса; *әрем* 'полынный', *зәһәр, ағыу(лы)* 'ядовитый' – наименования предметов, которые обладают определенными вкусовыми качествами. Использование данных слов характеризует номинацию по внутренним свойствам денотата, такой принцип номинации, как признаковость [Ягафарова 2018: 80-96].

В устойчивых словосочетаниях *татлы тел, тәмле тел* 'сладкоречивый, угодливый' (букв. 'сладкий язык') запечатлен образ чрезмерно любезного, заискивающего человека. Голос, манера общения угодливых людей в народном сознании ассоциируются со вкусовыми ощущениями от сладких лакомств. Адъективы *татлы, тәмле* в речевой сфере могут

иметь и положительную коннотацию: *теле татлының дусы күп* ‘у сладкоречивого друзей много’, *татлы тел таш ярыр* ‘сладкоречивый разобьёт камень’, *һүзе татлының ашы татлы* ‘у кого доброе слово, у того и пища вкусна’.

Посредством вкусовых метафор выражается представление о лести и подхалимстве: *сәсә телле* (лит.) ‘елейный, приторный в обращении; подлиза’ букв. ‘приторный язык’, *сәсәкәй* (дём.) ‘краснобай, подхалим’ букв. ‘приторно-сладкий’, *сәсәләнеү*, *сәсә телләнеү* (лит.), *тәчәләнеү* (сев.-зап. говоры) ‘подхалимничать, заискивать перед кем’, букв. ‘становиться приторным’. В данных наименованиях излишне приторная еда как нарушение кулинарных норм переносится в сферу речевого поведения.

Речевой портрет говорящего, основанный на вкусовых ощущениях, фиксирует и такие параметры, как злоречивость, злословие: *әсе тел* ‘злой язык’, *әсе телле* ‘злой на язык, язвительный, зубастый’, букв. ‘горький, острый язык’. Анализируемые метафоры указывают на человека, который проявляет речевую агрессию в отношении своего адресата, оскорбляет, унижает его. В их семантике содержится негативная оценка, связанная с неприятными симптомами, возникающими при восприятии острого, горького продукта. Как видим, горечь, острота очень часто ассоциируются со злостью и враждебностью. Эту мысль подтверждает народная пословица *борос әсе, әсе телле унан да әсе* букв. ‘перец острый, человек, острый на язык, хуже острого перца’.

В башкирском языке широко распространены устойчивые словосочетания *әрем тел* ‘злой язык’, *әрем телле*, *теле әрем* ‘язвительный, злоречивый’, которые буквально можно перевести как ‘полынный язык’. Данная группа фразеологизмов имеет компонент-фитоним *әрем* ‘полынь’ – растение с очень горьким, жгучим вкусом. Следовательно, в сознании носителей языка речь злоречивого, язвительного человека соотносится со специфической полынной горечью.

Интерес вызывает наименование *зәһәр / ағыу телле* ‘язвительный, злоречивый, едкий’, букв. ‘с ядовитым языком’. Первичное значение слова *зәһәр*, *ағыу* ‘яд, отравка’ переосмысливается и образно проецируется на речевую сферу. Человек может быть настолько злоречивым, что его слова воспринимаются окружающими как яд, отравка, поэтому он кажется способным разбрасывать свой яд: *ағыу сәсеу* ‘говорить едкие слова со злым умыслом’ (букв. ‘яд сеять’).

Диалектные наименования *тәмһез* (ай.), *тәмһеһ* (салют.) ‘грубый’, букв. ‘невкусный, несладкий’ используются в отношении грубого, неуважительного человека. Неуважительная речь, хамское обращение уподобляются безвкусной, неаппетитной еде.

Собранный и проанализированный материал позволяет утверждать об ассоциативной связи между вкусовым восприятием и речевым поведением человека. В языковой картине мира номинации человека

говорящего играют важную роль, а подобные исследования помогают глубже раскрыть национальную специфику наименований, выявить особенности менталитета народа.

### **Литература**

Башкорт халык ижады. 10-сы том. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр / Тезәүсе, инеш мәкәлә һәм комментарийлар авторы Ф.А. Нәзершина. – Өфө: Китап, 2006. – 543 б.

Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: автореф. дис. ... к. филол. н. / Е.В.Капелюшник. – Томск, 2012. – 21 с.

Ураксин З.Г. Фразеология башкирского языка / З.Г.Ураксин. – М.: Наука, 1975. – 192 с.

Ягафарова Г.Н. Принципы номинации в башкирском языке / Г.Н.Ягафарова. – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. – 200 с.

<http://mfbl2.ru/> – Машинный фонд башкирского языка.

**Средства выражения эмоциональной интонации  
в русской речи китайцев**

*русская интонация, средства выражения, интонационная конструкция,  
эмоциональная функция*

Изучение природы эмоциональной интонации является одной из актуальных и малоразработанных проблем современной прикладной фонетики. Сущность звучащей речи в плане выявления эмоциональности способна раскрыть фонопрагматические отношения говорящего к содержанию речи и понимание речи в процессе интеракциональности. Интересные положения относительно параметризации эмоциональной интонации в свое время были обозначены Э.А.Нушикян [Нушикян 1986: 4-5].

Звучащая речь многое раскрывает в плане эмоциональности, даже если это не формализовано лексически. С современной точки зрения экспрессивная функция языка (речи) считается не менее важной по своей значимости по сравнению с коммуникативной [Абакумова 2009: 70].

По мнению И.Г.Торсуевой, описание интонационных конструкций (ИК) включает в себе отражение эмоционально окрашенной речи, т.е. эмоциональность является составной частью коммуникативного и экспрессивного содержания высказывания. Эмоциональные характеристики личности проявляются в интонации в большей степени, чем только коммуникативные, т.е. эмоциональная функция интонации чрезвычайно важна. Кроме того, она еще отмечала и то, что средствами выражения эмоциональных оттенков могут быть смена темпа речи и уровней тона в пределах заударной и предударной частей ИК; различная степень выраженности одного и того же типа ИК; переходные и сложные типы ИК; различная фонетическая самостоятельность отдельных слов и слогов [Торсуева 2009: 68].

Интонация передает отношение к вещам и оценку говорящего. С точки зрения формы, интонация – это смена уровней высоты и падения, силы и слабости, длины, быстроты изменения мелодики, паузы и тембра. Интонация является наиболее важным средством дифференциации голосовых / тембровых модуляций. Она выполняет смыслоразличительную и стилистическую функции в процессе выражения смысла, отражает соответствующие нюансы и различные тоны в значении предложения, но и участвует в оформлении различных стилистических и эмоциональных окрасок предложения. Интонация оказывает большое влияние на правильную и прагматически целесообразную передачу мыслей и чувств человека, это чрезвычайно значимо, когда общение осуществляется не на родном языке [Ван Сяньжун 1979: 44].

Э.А.Нушикян в своей книге «Типология интонации эмоциональной речи» обобщает классификации эмоциональных видов интонации, считая, что прежде всего их надо коррелировать в соответствии с типами эмоционального состояния человека, напр., разделять на положительные и отрицательные эмоции. Так, положительные — радость, восторг, счастье, нежность, одобрение, удивление; отрицательные — печаль, гнев, страх, обида, стыд, удивление и т.д.

Необходимо учесть и то, что в ряде случаев интонация является одним из основных средств передачи эмоционального состояния человека. Способность интонации выражать эмоции многое предопределяет в порождении речи. Можно путём изменения интонации получить разнообразные оттенки, например, удивления, восклицания, угрозы, сожаления и т.д. [Нушикян 1986: 55].

Некоторые авторы утверждают, что в качестве основного средства выступает тембр, другие — указывают на ведущую роль частоты основного тона. Любую эмоцию можно выразить, используя свойства человеческого голоса. Фонетически эмоциональность проявляется на сегментном и сверхсегментном уровнях. Удлинение ударных гласных, а также некоторых согласных, изменение качества звуков, перенос ударения, использование эмфатического ударения вместо логического и многие другие изменения сегментного состава высказывания происходят под влиянием эмоций [Нушикян 1986: 49-55].

ИК-1	Такие у них обычаи.
ИК-2	Какие у них обычаи?
ИК-3	Какие у них обычаи?
ИК-4	А у них? Какие у них обычаи?
ИК-5	Какие у них обычаи!
ИК-6	Какие у них обычаи!
ИК-7	Какие у них обычаи!

ИК-1: *Такие у них обычаи.* В этом предложении центральная точка интонации расположена на слоге с ударением в последнем слове, а часть перед слогом с ударением является передней частью центральной точки. Высота передней части центральной точки плоская, и когда она достигает центральной точки, она снижается, пока предложение не будет закончено. Тон за центральной точкой также находится в ровном состоянии, только тон за центральной точкой ниже, чем тон перед центральной точкой. ИК-1 обычно используется в повествовательных предложениях. Значение предложения, выражающего полноту и окончание.

ИК-2: *Какие у них обычаи?* В этом предложении центральная точка интонации находится на ударном слоге первого слова. Высота звука в центральной точке снижается, и необходимо усилить ударение. Тон за



центральной точкой также находится в ровном состоянии и ниже, чем тот тон перед центральной точкой. ИК-2 обычно используется в вопросительных предложениях с вопросительными местоименными наречиями, в побудительных конструкциях и предложениях с контрастами.

ИК-3: *Какие у них обычаи?* В этом предложении центральная точка интонации находится на слоге с ударением в последнем слове. Высота звука в центральной точке должна резко и быстро подниматься. Высота звука в передней части центральной точки должна быть плоской, а высота звука в задней части также должна быть плоской и ниже, чем высота звука в передней части центральной точки. ИК-3 обычно используется в ответе на риторический вопрос и в вопросительных предложениях без вопросительного слова.

ИК-4: *А у них? Какие у них обычаи?* В этом предложении центральная точка интонации находится над “у них?”. Тон – высота передней части центральной точки, высота звука падает от центральной точки, затем повышается, и высокий тон сохраняется до тех пор, пока предложение не будет завершено. ИК-4 обычно используется в сравнительных предложениях, риторических вопросах или в незаконченных повествовательных предложениях.

ИК-5: *Какие у них обычаи!* В отличие от других ИК, ИК-5 имеет две центральные точки. В первой центральной точке это также то место, где находится ударение первого слова, и высота тона увеличивается; а во второй центральной точке это положение ударения последнего слова, которое как раз противоположно, но высота звука уменьшается. ИК-5 обычно используется в предложениях оценки или в восклицательных предложениях.

ИК-6: *Какие у них обычаи!* В этом предложении центральная точка интонации расположена на ударном слоге последнего слова, а тон находится в приподнятом состоянии от центральной точки до конца предложения. ИК-6 часто используется в предложениях с оценками и эмоциональными окрасками.

ИК-7: *Какие у них обычаи!* В этом примере центральная точка интонации расположена на слоге с ударением первого слова, а тон звука должен резко повышаться от центральной точки до точки, где соединяется голосовая связка, и заканчивается при произношении гласной. Поле за центральной точкой ровное и сильно уменьшается. ИК-7 обычно используется в предложениях с отрицательной оценкой.

Изучая характер семи ИК, необходимо подчеркнуть, что диапазон применения различных интонаций очень широк и никоим образом не ограничивается вышеуказанными перечисленными предложениями. Именно поэтому два аспекта — тембр и частота основного тона — влияют на эмоциональную интонацию китайцев при их изучении русского языка.

Более того, Л.Р.Зиндер в своей работе «Общая фонетика» обозначает систему средств интонации. Интонация складывается из нескольких

компонентов: 1) частоты основного тона голоса (высотный или мелодический компонент); 2) интенсивности (динамический компонент); 3) длительности или темпа (временной, темпоральный компонент); 4) паузы; 5) тембра. Важнейшим компонентом интонации является мелодика, т.е. движение основного тона голоса (понижение и повышение). В потоке речи ударение слова включается в ткань интонации как ее существенный элемент, фразовое ударение образует ритм речи; тембр может выражать эмоциональный аспект интонации и играть очень важную роль при выражении эмоциональных оттенков высказываний [Зиндер 1979: 270-278].

В итоге мы пришли к следующим выводам. Средства выражения эмоциональной интонации в русской речи китайцев главным образом передаются с помощью таких компонентов интонации, как частота основного тона (мелодика) и тембр, их восприятие вполне ощутимо. Просодический тембр имеет преимущественно знаковый характер и используется в оформлении целых высказываний, особенно эмоционально-оценочного типа, но встречается и его локальное использование при эмфатическом ударении. И поэтому чтобы лучше овладеть эмоциональной интонацией и выразить её более корректно в соответствии с речевой ситуацией, китайцы должны овладеть системой базовых интонационных конструкций, компонентами их формализации, правилами ударения в русском языке.

### Литература

Нушикян Э.А. Типология интонации эмоциональной речи / Э.А.Нушикян. – Киев-Одесса: Вища школа, 1986. – 157 с.

Абакумова О.В. Коммуникативная и эмоциональная функции интонационных единиц (системное сопоставительное исследование на материале русского и испанского языков) / О.В.Абакумова, Л.В.Величкова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №1. – С.70–74.

Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания / И.Г.Торсуева. – Изд. 2-е, испр. – М., 2009. – 112 с.

Ван Сяньжун. Сравнительный анализ русско-китайской интонации и типология ошибок в русской интонации китайских студентов / Сяньжун Ван. – Харбин: Харбинское языковое изд-во, 1979. – С.44–49.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика / Л.Р.Зиндер. – Москва: Высшая школа, 1979. – 311 с.

**Corpus study of the «Declaration of love» discourse  
(a case study of works by A.P.Chekhov)**

*discursive analysis, corpus-based linguistics, declaration of love discourse,  
works by A.P.Chekhov*

The modern interpretation of the theory of discourse is extremely broad due to its multi-disciplinary nature, versatility, and the possibility of studying from different positions [Grigoreva 2007: 52]. This is largely due to the position of discourse and discourse analysis as a «cross-discipline» [Dijk van 1985: 3], which makes it possible to apply various methods of Humanities in research. One of the existing definitions of discourse interprets it through the concept of *formation*. Initially, this term was introduced by Karl Marx to describe the evolution of types of socio-economic relations [Novaya 2010]. Later certain propositions of marxism were extrapolated to Foucault's *theory of discourse* [Foucault 2004: 79-95]. With this formational approach, *discourse* can be considered as a dynamic, open sphere of some entities united by basic semiotic features. [Revzina 2005: 66-78; Tyupa 2010: 100-167; Makarov 2003: 89-90]. For discursive linguistics, this definition allows to use the term *discourse* as a generic category in relation to the concepts of speech, text, and dialogue [Makarov 2003: 89]. According to O.G.Revzina, this is how the *discourse* should become the subject of discourse linguistics, as opposed to text linguistics, and it is obvious that the ways of studying it have yet to be determined [Revzina 2005: 66-78]. However, in connection with the formational approach in discursive linguistics, there is a natural need to identify discursive phenomena in order to combine them into a formation based on a certain categorical feature. M.L.Makarov points out that a huge problem in the field of modern discursive research is the lack of serious empirical confirmation, they simply lack the corpus of texts. Many works are easily managed with «artificial» examples, invented by the authors themselves [Makarov 2003: 101]. In text linguistics, the solution of most of these questions involves the use of corpus linguistics methods. However, when trying to analyze the discourse using the tools of the linguistic corpus, there is a number of limitations. Most publicly available linguistic corpora offer annotations based on a structural approach to the language. Phonetic, morphological, syntactic, and even semantic markup does not take into account the possibility of updating values due to the situational pragmatics of communication. However several projects on corpus studies of discourse have already been implemented [Semino 2002; Garside 1997; Fox 1987; Kibrik 2009; Bogdanova 2012; Shilihina 2014]. In most of these developments, researchers had to independently annotate the linguistic

corpus according to various discursive parameters. However, even publicly available cases that do not have such an annotation can be used to solve a number of problems. It will be demonstrated in given paper below by examining some aspects of the discourse «Declaration of love» in the works of A.P.Chekhov through the Russian National Corpus (hereafter RNC) [Russian National Corpus].

So, first it is essential to make a selection of those text fragments that can be interpreted as the discourse of «Declaration of love». Each text fragment is a variable discursive unit that is a part of the general discourse formation. At the same time, we perceive the variable unit as consisting of elements of lower levels, and representing «abstract, formal constructions» [Arutyunova 1988: 137], implemented in the discourse. These include the *text, sentence, word combinations* and *lexical items*. M.L.Makarov points out that if the text is considered at the level of language, and the discourse at the level of language communication, then «such a distinction makes sense and is methodologically useful» [Makarov 2003: 89]. At the same time, A.A.Kibrik speaks of discourse as the same «object of linguistic research as a morpheme (for morphology), a phrase (for syntax), etc.» [Kibrik 1994: 127]. In this regard, it is appropriate to assume that the discourse has a nuclear and satellite zones, as indicated by the *theory of rhetorical structures* [Taboada 2006: 423-459; Kovalchuk 2016: 107-111]. Let's assume that the verb *любить* belongs to the nuclear zone at the lexical level. The choice is dictated by the procedural nature of the discourse and its denotative orientation in our particular case. Further, as discursive connections become better discernible at the sentence level, we turn to the verbocentric concept of L.Tesnière [Tesnière 1988]. The predicative component of love actants is added: *Я* and *Вас/тебя* as an agentive and an objective. As a result, 12 possible semantic configurations are obtained. A search query at the utterance level allows you to reduce the number of cases of possible homonymy of the nuclear verb *любить*. A search in the RNC among the subcorpus of Chekhov's works (280 texts) in all possible configurations revealed 43 texts containing the discourse of «Declaration of love». Further statistical analysis of the frequency lexical units contained in the «Declaration of love» discourse made it possible to establish new core (15) and satellite components (74), which can be combined into certain lexical and semantic groups. The core zone is represented by verbs (*любить, полюбить, влюбиться, влюбляться / объяснить, объясняться, признаться*), nouns (*любовь, влюбленность / объяснение, признание*), adjectives (*любимый, влюбленный*), modal-oriented construction (*Да или нет?*). The satellite zone is represented by nouns that occur in chronotopic characteristics that belong to various semantic classes: structures (*клумба, беседка, беседочка, аллея, палисадник, цветник* etc.), flowers (*ландыш, сирень, тюльпан, роза, гелиотроп, ирис* etc.), trees (*черемуха, акация*), birds (*голубь, бекас, дрохва, утка, гоголь, журавль, воробей, галка,*

*выпь, иволга, коршун* etc.). Frequency adjectives were also detected in the satellite zone (*лунный, ночной / ландышевый, сиреневый, черемуховый*) and the verb (*пахнуть*). Using these units as discursive markers, it appears to be possible to identify a total of 220 texts by the author, probably containing the discourse of «Declaration of love». This «probability» clause is important for corpus linguistics, since this discipline deals specifically with the probability of language phenomena, and not with their possibility. This theoretical premise allows to set a certain threshold value for variant discursive units in order to indicate their position in the general discourse formation of «Declaration of love». Additionally, it allows identifying prototypical units of the desired discourse. The threshold value is calculated by adding the core / satellite units contained in the text and the number of their occurrences in the text. For example, for a story «Moon eclipse» [Chekhov 1975, 3: 73-74] a total of 2 satellite lexical units were identified (*луна/лунный*). The total number of occurrences is 8 (7/1 relatively). At the same time, the story «Drama During a Hunt» [Chekhov 1975, 3: 241-416] in total, it already has 36 different lexical units, and the total number of occurrences is 153. Thus, the text of the second work is more likely to contain variable discursive units of «Declaration of love», which is easily confirmed empirically. At the same time, it should be noted that the units of the nuclear zone are of primary importance, since there are exceptions such as, for example, «The Complaints Book» [Chekhov 1975, 2: 358-359], in which only one occurrence is found, represented by the core verb *любить*.

Based on the obtained statistical data, it can be stated that the discourse of «Declaration of love» for Chekhov A. P. is one of the most frequent in his work. In total, the author created more than 550 works, of which 220 potentially contain this discourse. By presenting the general discourse formation as a field, we can indicate that the central works can be considered «Drama During a Hunt» [Chekhov 1975, 3: 241-416], «The Duel» [Chekhov 1977, 10: 353-455], «Three years» [Chekhov 1977, 9: 7-91], «The Seagull» I [Chekhov 1978, 13: 3-60]. In addition, statistics indicate a more frequent use of the discourse «Declaration of love» after 1887. Here can especially be highlighted 1891 («The Duel» [Chekhov 1977, 10: 353-455]), 1893 («The Black Monk» [Chekhov 1977, 8: 226-257], «Hot-tempered man's notes» [Chekhov 1976, 6: 293-302]) и 1895-96 года («Three years» [Chekhov 1977, 9: 7-91], «My life» [Chekhov 1977, 9: 192-280], «The Seagull» [Chekhov 1978, 13: 3-60]).

When referring to the «Declaration of love» discourse for Chekhov A. P., an important component is the accompanying description of nature. Special attention is paid to the presence of various flowers and birds. Analysis of the direct context of occurrences available in the RNC in the KWIC format, allowed us to identify some important exceptions. For example, it is safe to say that the satellite lexical item *Schur* (*Щур*) is used by the author only as a nickname for the main character of the story «Drama During a Hunt»:

А... а... а... здравствуйте, господин *щур* ! — зевнул я, увидев его,  
нагнувшегося

Весь уезд дразнит доктора «*щуром*» за его вечно прищуренные глаза  
И «*щур*», увлекшись, поднялся, зашагал около стен  
«*Щур*» — очень хороший малый... Я люблю [RNC].

The satellite lexical item *Galka* (*Галка*) has only negative connotations associated with desolation, scarcity, and lack of comfort, which gives additional negative connotations to all possible accompanying discourse «Declaration of love»:

голые деревья, серый снег, противные *галки*, свиньи, которых съест де-  
душка

окнами. Около трубы кружилась запоздавшая *галка*. Вся эта скучная,  
безжизненная картина

сорным травам, воровскому топору и *галкам*, бесцеремонно вившим  
свои уродливые гнезда [RNC].

One of the main achievements of this work is the possibility of extracting the discourse formation of «Declaration of love» from the author's works. Based on this wide range, it is possible to create specialized sub-corpus for further detailed and multidimensional study of Chekhov's work. At the same time, the priority annotation for it should be markup from communicative positions within the framework of the theory of speech acts, the theory of speech genres, and the interactive communication model.

### Bibliography

Arutyunova N.D. Tipy yazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt / N.D.Arutyunova. – M.: Nauka, 1988.

Bogdanova N.V. O proekte slovarya diskursivnyh edinic russkoj rechi (na korpusnom materiale) / N.V.Bogdanova // Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: po materialam ezhegodnoj mezhdunar. konf. «Dialog» / ed. by A.E.Kibrik. – 2012. – №. 11. – P. 71-83.

Grigoreva V.S. Diskurs kak element kommunikativnogo processa: pragmalingvisticheskiy i kognitivnyj aspekty: monografiya / V.S.Grigoreva. – Tambov: Izd-vo Tamb. gos. tekhn. un-ta, 2007. – 288 p.

Kibrik A.A. Kognitivnye issledovaniya po diskursu / A.A.Kibrik // Voprosy yazykoznanija. – 1994. – №5. – P.126-139.

Kovalchuk N.V. Teoriya ritoricheskikh struktur kak pragmaticheskaya koncepciya analiza teksta / N.V.Kovalchuk, M.S.Volodina // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i socialnye nauki. – 2016. – №3.

Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa / M.L.Makarov. – M.: ITDGK «Gnozis», 2003. – 280 p.

Russian National Corpus, RNC [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed date: 12.10.2020).

Novaya filosofskaya enciklopediya / ed. by V.S.Stepin. – M.: Mysl.. 2010 [Electronic resource] / URL: <https://iphlib.ru/library?el=&a=d&c=newphilenc&d=&rl=1&href=http:%2f%2f3259.html> (accessed date 20.10.2020).

Rasskazy o snovideniyah: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa / ed. by A.A.Kibrik, V.I.Podlesskaja. – M.: Yazyki slavyanskih kultur, 2009.

Revzina O. G. Diskurs i diskursivnye formacii / O.G. Revzina // Kritika i semiotika. – 2005. – Vyp. 8. – P. 66-78.

Tesnière L. Osnovy strukturnogo sintaksisa / L.Tesnière; per. s franc. vstup. st. i obshch. red. V.G.Gaka. – M.: Progress, 1988. – 656 p.

Tyupa V. I. Diskursnye formacii: ocherki po komparativnoj ritorike / V.I.Tyupa. – M.: Yazyki slavyanskoj kultury, 2010. – 320 p.

Foucault M. Arheologiya znaniya / M.Foucault; per. s fr. M.B.Rakovoj, A.Y.Serebryannikovoj. – SPb.: Universitetskaya kniga, 2004. – 416 p.

Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T. 2-13 / A.P.Chekhov. – M.: Nauka, 1975-1977.

Shilihina K.M. Diskursivnaya praktika ironii: kognitivnyj, semanticheskij i pragmaticheskij aspekty: dis. ... d-ra filol. nauk / K.M.Shilihina. – Voronezh. gos. un-t, 2014.

Dijk T. A. van Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline [Электронный ресурс] — 1985. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Discourse%20Analysis%20as%20a%20new%20Cross-Discipline.pdf> (дата обращения: 12.10.2020).

Fox B. Discourse structure and anaphora in written and conversational English / B.Fox. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Garside R. Discourse Annotation: Anaphoric Relations in Corpora / R.Garside, S.Fligelstone, S.Botley // Corpus Annotation / ed. by R.Garside, G.Leech& T. McEnery. – London; New York: Routledge, 1997.

Semino E. Corpus Stylistics: Speech, Writing and Thought Presentation in a Corpus of English Writing / E.Semino, M.Short. – London; New York: Routledge, 2002.

Taboada M. Rhetorical structure theory: Looking back and moving ahead / M.Taboada, W.C.Mann // Discourse studies. – 2006. – T.8. – №.3. – Pp.423-459.

## Корпусная проекция культуры во фразеологии

*идиомы, культурная специфика, корпусный анализ*

Корпусные исследования фразеологии обретают все большую актуальность в современной лингвистике, так как именно в контекстах выявляется и всесторонне познается весь диапазон значений идиом, отраженных или не зафиксированных в словарях. Данные корпусов оказывают глубокое влияние на теорию значения: чем шире контекст, тем шире семантическая энтропия [Hanks 2017: 55].

Культурная специфика внутренней формы является также одним из аспектов, который проявляется не только в лексическом компонентном составе идиомы, образе или значении, но и в ситуации употребления идиомы. Исследование отражения культурного наследия и опыта в семантике фразеологии раскрывает этапы формирования фразеологического фонда, исторические и социальные факторы, особенности формирования образов и когнитивные процедуры фиксации и обработки знаний.

Источниками образов могут быть любые социальные контексты из разных сфер: экономики, политики, спорта, игр, а культурный компонент может относиться к предметам, элементам, символам материальной или духовной культуры [Dobrovolskij 2005: 22].

Цель данной статьи – провести корпусный анализ английских, немецких и русских идиом со значением «надежда» в социокультурных контекстах их употребления.

Материалом исследования являются квазиэквивалентные английские, немецкие и русские идиомы семантической группы «надежда». Контексты употребления идиом были взяты из корпусов английского, немецкого и русского языков.

При идентичной образной составляющей идиомы в разных языках в контекстах обнаруживают различные дополнительные значения.

Английская (*see the*) *light at the end of the tunnel* – немецкая *Licht am Ende des Tunnels* (*sehen*) – русская *свет в конце тоннеля*.

Например, английская идиома (*see the*) *light at the end of the tunnel* – «видеть возможность успеха, счастья и т.д., в будущем, особенно после долгого периода трудностей». В контекстах устойчив только вариант идиомы *at the end of the tunnel*.

a) *Despite the struggle within and without and the madness in our world, I can say that I find more and more true love, fulfillment, happiness, joy, authentic friendships and a deeper connection to nature and the uni-*



verse. *It's an ongoing process. There is **light at the end of the tunnel** and the only way out is through it. Don't ever give up* [BNC, 2012].

b) *The **light** is shining bright **at the end of the tunnel**, and all she has to do is reach for it* [BNC, 2012]. В английском языке высвечивается эмоциональная, личностная коннотация и акцентируются такие ценности, как: радость, счастье, любовь, дружба, используется в значении «надежда на что-то хорошее». В данном контексте наблюдается нарушение целостности идиомы, языковая игра.

Немецкая идиома *Licht am Ende des Tunnels (sehen)* – «в самой сложной ситуации показывать возможность на улучшение».

a) *Wir sollten der Versuchung widerstehen, **das Licht am Ende des Tunnels** zu propagieren. Vielmehr haben sich die Märkte in ihren Strukturen dauerhaft verändert. Deshalb gilt es, die Hausaufgaben zu machen und auch unserem Unternehmen die notwendigen Strukturen zu geben* [Sonntags Zeitung, 27.12.2009].

b) *Andere Länder folgen. Mehr als 400 Rohstoffe weltweit listete die Europäische Kommission gerade auf und sieht unsere Industrieproduktion dramatisch gefährdet. **Das Licht am Ende des Tunnels** ist aber schon angezündet. Künftig soll es in Europa verboten werden, Elektroschrott zu deponieren oder gar ins Ausland zu verticken. Stattdessen werden innovative Verfahren zum Recycling gefördert* [Berliner Zeitung, 18.10.2013].

Русская идиома *свет в конце тоннеля* имеет схожее значение «выход из трудного положения».

a) *Правда, в завершении его рассказа, как **свет в конце тоннеля**, возникает надежда на лучшее будущее, которое нам принесут представители нового поколения: «Наступили новые времена, пришли новые киношные герои»* [С.И. Трунев. Конформизм и нонселекция// «Волга», 2015].

b) *Если бы я видел **свет в конце тоннеля**, я бы веселей писал свои юмористические рассказы* [Что сегодня больше всего осложняет вашу жизнь? // «Вечерняя Москва», 2002.02.07].

c) *Эта поляризация была бы еще оправдана, если бы люди разбогатевшие вкладывали деньги в развитие экономики страны: тогда у людей бедных появился бы **свет в конце тоннеля*** [Валентин Павлов. Мы пошли бы другим путем (2001)].

В немецком и русском языках сходное значение в социальном и экономическом контекстах – «надежда на хорошее будущее для следующих поколений». Также делается акцент на будущем времени. В английском и немецком языках глагольные компоненты «see, sehen» не устойчивы и влияют на нарушение целостности идиом и использование их в контекстах языковой игры.

Таким образом, корпусное исследование семантики идиом позволяет выявлять социокультурно обусловленные знания, закономерности

формирования образов в разных языках, семантические особенности идиом в современных контекстах употребления.

### **Литература**

Dobrovol'skij D. Cognitive theory of metaphor and idiom analysis / D.Dobrovol'skij, E.Piirainen // Jezikoslovlje. – 2005. – Vol 6. Issue 1. – Pp.7-35.

Duden 11. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – Mannheim: Dudenverlag, 2008. – 959 s.

Hanks P. Mechanisms of Meaning / P.Hanks // Mitkov R. Computational and Corpus-Based Phraseology / R.Mitkov. – London: Europhras, 2017. – Pp.54-68.

[http:// www.corpus.byu.edu/bnc/](http://www.corpus.byu.edu/bnc/)

<http://www.ids-mannheim.de/kl/.../korpora/>

<http://www.ruscorpora.ru/new/>

Oxford Idioms Dictionary for Learners of English. – Oxford University Press, 2006. – 470 p.

# МАТЕМАТИЧЕСКАЯ, КВАНТИТАТИВНАЯ И КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Ван Мо

Казанский (Приволжский) федеральный университет  
УДК 811.161.1

## Электронная коммуникация и ее разновидности

*электронный дискурс, Интернет, компьютерный дискурс,  
сетевой дискурс*

На современном этапе развития языкознания дискурс-анализ как новая отрасль лингвистики привлекает внимание все большего количества исследователей, так как с его помощью можно объяснить многие речевые явления и закономерности. Понятие дискурса стало и объектом нашего изучения. «Начав с определения самого понятия и выявления его признаков, разработки основных принципов дискурс-анализа и составления универсальных схем и моделей дискурсивных практик, исследователи перешли в сферу описания конкретных дискурсов» [Агеева 2014: 7].

В рамках данной работы мы присоединяемся к представителям Волгоградской лингвистической школы и за основу берём определение Н.Д.Арутюновой: дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий в взаимодействии людей, в механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136-137]. По критерию канала передачи информации традиционно выделяют устный, письменный и мысленный дискурсы. Электронный дискурс появился в связи с возникновением нового способа или канала передачи информации (радиопередача, телепрограмма, переписка по электронной почте, телефонный разговор, телеграмма и так далее). Его статус закреплён российским лингвистом А.А.Кибриком в научной сфере не так давно, но за короткое время термин получил широкое распространение.

Изучение научных работ современных учёных, посвящённых проблеме дискурса в сфере информационных технологий, позволяет утверждать, что термины «электронный дискурс» и «компьютерный дискурс» используются как синонимы, а что касается определения каждого из этих двух понятий, языковеды в данный момент не пришли к единому мнению. В лингвистической литературе также встречаются термины «интернет-дискурс» и «сетевой дискурс», которые используются учёны-

ми как взаимозаменяемые. На наш взгляд, необходимо выяснить содержание этих понятий и соотношение между ними, так как терминологическая неопределённость приводит к смешению. Именно в этом и заключается цель настоящей работы.

Изучив научные труды в данной области, можем сказать, что объяснение учёными понятия «электронный дискурс» в подавляющих случаях соотносится с такими понятиями, как «компьютер», «Интернет». Но оправданным является мнение Е.А.Подгорной: «термин “электронный дискурс” указывает на то, что речевое общение осуществляется посредством искусственного канала связи (электронного сигнала), а слово «электронный» не всегда используется только лишь в значении “посредством компьютера”» [Подгорная 2014]. Мы разделяем позицию Е.А.Подгорной и считаем, что речевое общение (в рамках электронного дискурса) осуществляется посредством электронных информационных устройств (информация передаётся через электронные информационные устройства всегда с помощью электронного сигнала). Здесь необходимо сделать акцент именно на термине «устройство», чтобы более чётко показать соотношение двух дискурсивных практик – осуществляемой посредством электронных информационных технологий в целом и осуществляемой посредством компьютера в частности, так как компьютерные технологии являются одним из видов электронных информационных технологий. Считаем, что нельзя ставить знак равенства между понятиями «электронный дискурс», «компьютерный дискурс», «интернет-дискурс».

Основываясь на понятии «дискурс» – «текст, взятый в событийном аспекте; речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова 1990: 136-137], мы понимаем электронный дискурс как речь, «погруженную в жизнь», реализующуюся посредством электронных информационных технологий; как общение, которое производится с использованием электронных каналов передачи сигналов информации. Предполагается разделить «электронный дискурс» на подгруппы по видам информационно-технологических устройств, с помощью которых совершается коммуникативная деятельность в рамках данного дискурса (телефон, телевидение, компьютерная техника (ПК, ноутбук, планшетный ПК), факс и т.д.). Коммуникативный акт посредством компьютерных информационных устройств может производиться с подключением к Интернету или без него (компьютерные игры без Интернета, например). А смартфон как самый популярный и удобный вид информационной техники имеет наиболее разнообразные функции, включая функции не-смартфона (звонки, сообщения) и функции компьютера (например, поисковая система), работают и по их принципам.

По данному критерию «компьютерный дискурс» является одной из разновидностей электронного вида дискурса, вследствие чего мы рассматриваем компьютерный дискурс как дискурсивную практику или ре-

чевое общение, которое осуществляется с помощью компьютерных информационных устройств (ПК, ноутбук, планшетный ПК, смартфон).

Основываясь на двойном значении понятия «Интернет», вербальное обозначение которого со строчной буквы имеет широкий смысл любой совокупности сетей, а с прописной – узкий смысл, всемирная паутина [Сидоров 2009: 15], А.В.Прокофьева предлагает понимать интернет-дискурс как «некий процесс непосредственного общения коммуникантов в глобальной сети», в то же время интернет-дискурс представляет собой «разновидность “сетевое дискурса”» [Прокофьева 2017, 5: 89], так как сетевой дискурс включает в себя не только коммуникацию в интернет-пространстве, но и общение в локальных, национальных и других сетях. Мы полностью согласны с данным мнением, в то же время уточняем, что понятия «сетевой дискурс» и «интернет-дискурс» выделяются в зависимости от пространства общения (Интернет или другие сети).

Безусловно, сетевое общение не может осуществляться без поддержки электронных устройств, а электронное общение может быть без подключения к сети. По критерию присутствия/отсутствия работы сети можно разделить «электронный дискурс» на две подгруппы: электронный сетевой дискурс и электронный несетевой дискурс.

Итак, обобщив научные работы по данной теме, мы постарались дифференцировать схожие понятия «электронный дискурс», «компьютерный дискурс», «интернет-дискурс», «сетевой дискурс», выяснили соотношения между ними: компьютерный и сетевой дискурс является разновидностями электронного дискурса, а интернет-дискурс – это один из видов сетевого дискурса.

### Литература

Агеева Ю.В. Внеязыковые особенности рекрутингового дискурса / Ю.В.Агеева // Филология и культура. 2014. – № 4 (38). – С. 7–10.

Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д.Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.

Подгорная Е.А. Современные подходы к интерпретации понятия «компьютерный дискурс» / Е.А.Подгорная // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т.26. – С.71–75. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/64315.htm>.

Прокофьева А.В. Развитие дискурса интернет-пространства на современном этапе и особенности его языковой организации / А.В.Прокофьева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – № 5. – С.85-96.

Сидоров Е.В. Онтология дискурса / Е.В.Сидоров. – М.: Либроком, 2009. – 232 с.

## **Интернационализация русской лексики: квантитивный аспект**

*заимствование, интернационализм, частотность, сочетаемость*

В статье описывается конкуренция заимствованной и исконной лексики в русском языке на протяжении XVIII–XX вв. При помощи лингвографических и корпусных методов проведено сравнение заимствований с их русскими эквивалентами с точки зрения семантики и лексической сочетаемости.

В этой работе при помощи современных лексикографических источников [Ляшевская 2009; Егорова 2014], созданных на основе корпусных данных, мы приведем наиболее распространённые заимствования и сравним их частотность с частотностью их исконных эквивалентов в диахронии. При этом нами будет проведён анализ различия их сочетаемости на основе Ngram-анализа сверхобъёмных корпуса текстов «Гугл Книги» [Lieberman 2007].

В результате лингвографической и корпусной работы выявлены языки-посредники для 120 наиболее частотных в русском языке заимствований-интернационализмов греческого и латинского происхождения. Частеречная разметка выявила следующий морфологический состав списка: существительные – 70 слов, глаголы – 28, прилагательные и наречия – 22.

Исследованные пары иноязычных когнат и их аналогов славянского происхождения в 37 случаях демонстрируют существенную разницу в объёме значений (рекомендация // совет) и различную сочетаемость (английская аббревиатура // резкое сокращение).

Проанализировав 120 пар слов с точки зрения частотности и сочетаемости, мы пришли к выводу о том, что лексемы славянского происхождения в разы превосходят по частотности своих конкурентов и имеют больше значений, более широкую сочетаемость.

В 13 случаях пары демонстрируют стилистические и прагматические (по сфере функционирования) различия. Заимствования чаще используют в научном и официально-деловом стилях речи, а в художественных и религиозных текстах – славянизмы (аналог теоремы // подобие Божие), но в целом исконная лексика более нейтрально по стилю: аналогичный результат (книжн.) // подобный случай (нейтр.).

Анализ сочетаемости лексем показал наличие следующих тенденций: сингармонизм в плане происхождения (например, заимствованное

существительное обычно сочетается с заимствованным же прилагательным, а глагол славянского происхождения требует аналогичного по происхождению наречия); славянизмы сочетаются с более экспрессивной лексикой и лексикой, характеризующейся аксиологией, заимствования же более нейтральны; тенденции в плане синтаксической сочетаемости с именами собственными (заимствованные глаголы часто управляют именами собственными, в то время как их исконные аналоги – нарицательными).

Расхожее мнение о мнимом засилии иностранных слов в русской лексике не подтверждается количественными характеристиками относительной частотности пар заимствование/славянизм (например, пара аргументы – 96239 / доводы – 5123712, где доля иноязычного заимствования в суммарной частоте двух лемм – всего лишь 1,84%).

При анализе влияния заимствованного слова на частотность его конкурента славянского происхождения было проанализировано соположение кривых на графиках частотности конкурирующих слов и выяснено, что в 67 случаях рост частотности интернационализма на частотность исконной леммы не влияет, а в 58 случаях можно говорить о конкуренции лексем: в 19 случаях частотность славянизма снизилась одновременно с ростом частотности заимствованного слова, ещё в 19 случаях заимствование сравнялось по частоте со славянизмом (преимущественно среди существительных), и в 20 случаях частотность заимствования превысила слово славянского происхождения (высока доля прилагательных, глаголов). Последние 2 явления (выравнивание частотности; количественное доминирование заимствований) произошли опять же на фоне снижения частотности исконной леммы.

Частотность заимствованной леммы на исход её конкуренции со словом славянского происхождения влияет следующим образом: чем выше частотность (от 10 млн словоупотреблений леммы за 200 лет), тем меньше его доля – не более 10% от суммарной частоты вариантов пары; чем реже слово встречается в русском языке (до 50 тыс. словоупотреблений леммы за 200 лет), тем выше доля заимствований в паре – 60-90% в паре.

Для каждого рассмотренного заимствования также определялось характерное время роста частоты встречаемости слова в корпусе. Данная величина показывает, как быстро заимствование вытесняет слова-аналоги. Наиболее типичное значение – медианное – составило 42 года. Для половины рассмотренных примеров характерное время роста лежит в интервале 26-98 лет. Именно столько лет нужно иностранному слову, чтобы превзойти по частотности аналог славянского происхождения в книжной речи.

*Благодарности. Работа поддержана РФФИ, грант № 17-29-09163.*

## Литература

Ляшевская О.Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О.Н.Ляшевская, С.А.Шаров. – М.: Азбуковник, 2009.

Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т.В.Егорова. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.

Lieberman E. Quantifying the evolutionary dynamics of language / E.Lieberman, J.-B.Michel, J.Jackson, T.Tang, M.A.Nowak // Nature. – 2007. – Vol. 449. – Pp. 723–716. <http://www.nature.com/nature/journal/v449/n7163/abs/nature06137.html> [Электронный ресурс. Дата обращения: 15.10.2020].



## **Тематическое моделирование данных из учебного корпуса REALEC**

*учебный корпус, кластерный анализ текстов, векторизация текстов,  
извлечение ключевых фраз*

В данной работе рассматривается задача кластеризации с последующим выделением ключевых фраз на материале текстов из учебного корпуса REALEC. Тексты представляют собой эссе, которые были написаны студентами московского университета (НИУ ВШЭ), изучающими английский язык в качестве иностранного. Проанализированы возможные подходы к кластеризации текстов, экспериментально оценены различные методы получения эмбедингов, автоматизированно определены темы для эссе из каждого кластера путем выделения ключевых фраз несколькими способами. Исследуемый корпус содержит письменные ответы учащихся на два типа заданий: описание графических представлений данных и сочинение с рассуждением на заданную тему при том, что каждый год даются новые темы.

В данной работе процесс кластеризации документов можно разделить на несколько этапов: препроцессинг текстовых данных (токенизация, лемматизация, приведение токенов к нижнему регистру, удаление цифр, стоп-слов, пунктуации), получение эмбедингов текстов и применение алгоритмов кластерного анализа, основанных на полученных векторах эссе.

Чтобы получить векторные представления, были использованы методы TF-IDF, BM25, PV-DM, PV-DBOW. С целью получения кластеров, связанных одной темой, были применены различные методы кластерного анализа на векторизованных эссе (иерархическая кластеризация; основанная на плотности пространственная кластеризация для приложений с шумами; спектральная кластеризация и использование инструмента k-means).

Количество кластеров в рамках одного года определялось путем оптимизации внутренних мер оценки качества кластеризации (NMI; AMI) на неразмеченных данных.

Для выделения ключевых фраз и последующем предположении о темах сочинений были рассмотрены следующие алгоритмы: RAKE (Rapid Automatic Keyword Extraction), самые весомые слова в векторах TF-IDF и TextRank (аналогия PageRank для слов в тексте).

Результатом данной работы является практически автоматизированный пайплайн для векторизации, кластеризации и выделения ключе-

вых фраз для рассматриваемых данных из корпуса REALEC. Прикладным продуктом исследования является расширение метаразметки в корпусе REALEC (занесение темы для каждого сочинения в метаданные). Важным результатом является также то, что по результатам работы появилась возможность реализовать поиск необходимых эссе по ключевым фразам или, в перспективе, более качественный анализ различных параметров. В качестве продолжения исследования планируется акцентировать внимание на исследовательской задаче, собрать более полную статистику по сочинениям (частотные лексические ошибки и недостаточность лексического разнообразия, эффективность различных показателей лексического разнообразия, определение структуры лучших сочинений и многие другие), что может помочь преподавателям в подготовке студентов к написанию подобного рода текстов.

### **Литература**

Пархоменко П.А. Обзор и экспериментальное сравнение методов кластеризации текстов / П.А.Пархоменко, А.А.Григорьев, Н.А.Астраханцев // Труды ИСП РАН. – 2017. – 29 (2). – С.161-200.

Vinogradova, O. I. The Role and Applications of Expert Error Annotation in a Corpus of English Learner Texts / O.I.Vinogradova // Proceedings of the Annual International Conference “Dialogue” (15). – Moscow, Russia, July 1-4, 2016. – P.830-840.

**Особенности абстрактной и конкретной лексики:  
экспериментальный подход**

*абстрактная лексика, конкретная лексика,  
семантический критерий, словарь*

В настоящее время расширяется круг проблем, связанный с пониманием и разграничением лексико-грамматических разрядов (ЛГР) конкретности и абстрактности. Данная проблематика в современных исследованиях в некоторой степени выходит за рамки языкознания. Абстрактную и конкретную лексику изучают для осуществления оценки сложности восприятия текстов [Солнышкина 2015] в рамках психолингвистических исследований и в связи с нейролингвистическими исследованиями головного мозга и речи [Loiselle 2012].

Однако при этом в различных лингвистических подходах наблюдается ряд несоответствий, во-первых, в определении абстрактных и конкретных слов, во-вторых, в выявлении критериев разграничения данной лексики. В первую очередь, мы полагаем, что подобная ситуация обусловлена именно сложностью понятия «абстрактность».

В рамках изучения семантического критерия разграничения абстрактной и конкретной лексики была выявлена «семантическая неопределённость» абстрактных существительных, что указывает на важность когнитивного подхода в аспекте изучения рассматриваемых ЛГР, и, что более важно, это позволяет говорить нам о том, что в словах может содержаться как компонент абстрактности, так и компонент конкретности в зависимости от контекста или восприятия. Таким образом, целесообразно создание словаря абстрактной лексики, в котором к каждому слову необходимо указать числовой показатель степени абстрактности или конкретности. Отметим, что такой подход уже был реализован, например, при создании подобного словаря для английского языка [Brysbaert 2014].

В данной работе описывается эксперимент, в основе которого лежит один из возможных способов создания семантического словаря. Указанный метод уже был описан и экспериментально применен [Solovyev 2019, Zhuravkina 2020]. С опорой на полученные результаты в рамках настоящего исследования мы провели аналогичный опрос, но было принято решение расширить выборку информантов, принимая во внимание их возраст и уровень образования.

Итак, указанный выше метод основан на семантическом критерии разграничения ЛГР абстрактности и конкретности, а также на идеях когнитивного подхода к изучению языка. Словник семантического словаря

предполагалось сформировать по результатам психосемантического опроса среди носителей языка. В свою очередь, лексические единицы для опроса были отобраны из словника Частотного словаря современного русского языка О.Н.Ляшевской, С.А.Шарова [Ляшевская 2015].

Респондентам необходимо оценить слово по 5-балльной шкале на степень абстрактности/конкретности. Крайние значения шкалы, 1 и 5, указывают на конкретность и абстрактность, соответственно. Показатель 3 на шкале указывает на то, что в предлагаемом слове респондент наблюдает как признаки абстрактности, так и конкретности в равной степени.

На данный момент мы провели два опроса, которые состояли из 50 самых частотных слов и 50 менее частотных слов, среди 60 носителей русского языка. В опросах участвовало две возрастные группы: 18–35 и 36–55 лет. В результате были выявлены средние значения абстрактности для каждой лексической единицы.

Итак, по результатам первого опроса было выявлено 13 лексических единиц со степенью абстрактности от 4 до 3,5; 16 лексических единиц со степенью абстрактности от 3,4 до 2,5; 21 лексическая единица со степенью от 2,4 до 1. В результате второго опроса выявлено 7 лексических единиц со степенью абстрактности от 4 до 3,5; 13 – со степенью абстрактности от 3,4 до 2,5; 30 – единиц со степенью от 2,4 до 1.

По результатам проведённых опросов можно выявить слова с «колебанием» уровня абстрактности/конкретности. Такие слова респонденты в равной степени определяли либо как конкретные, либо как абстрактные, либо выбирали срединное значение («место», «вопрос», «быт», «вселенная», «любитель», «призыв», «доступ», «укрепление», «космос»).

Полученный результат отражает идеи концепции «mode of acquisition» (MoA) [Della Rosa 2010: 1045]. Указанная концепция основана на предположении, что значение слова может быть приобретено перцептивно, то есть исходя из субъективного опыта (сенсорно-моторный опыт), или же лингвистически, то есть слово будет восприниматься как часть языка с определенным фиксированным значением, либо комбинацией этих двух способов. Например, лингвистический способ восприятия слова «любовь» может быть выражен в следующей семантике: «Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л.» [Кузнецов 2000: 509]. Перцептивный способ: любовь – это мать, обнимающая ребенка; счастливые муж и жена и т.д. Указанный способ вызывает образные ассоциации физического мира. Таким образом, слово «любовь» могут понимать как чувство, в данном случае преобладает степень абстрактности, либо значение слово любовь может приравниваться к объекту любви, к образу.

Перейдем к анализу лексических единиц с высокой степенью абстрактности (показатель 5 до 3,5). В первом опросе это следующие лек-

сические единицы: *отношение, сила, вид, образ, время, право, возможность, конец, мир, система, сторона, случай, решение*. Во втором: *воображение, слабость, преобразование, фантазия, возникновение, регулирование, толк*.

При анализе указанных единиц было обнаружено, что в семантической структуре таких существительных наблюдаются элементы конкретности или собирательности, в некоторых значениях данные единицы могут употребляться только в форме множественного числа.

Например, среднее значение степени абстрактности л.е. «*отношение*» – 3,9. В ходе опроса показатель 5 (т.е. «точно абстрактное») выбрали – 25 человек из 60; показатель 4 – 17 человек из 60; показатель 3 – 12 человек из 60; показатель 2 – 3 человека из 60; показатель 1 – 3 человека из 60. Степень абстрактности л.е. «*решение*» – 3,5. Показатель 5 выбрали 18 человек из 60, показатель 4 – 11 человек, показатель 3 – 17 человек, показатель 2 – 8 человек, показатель 1 – 6 человек.

Словообразовательный показатель абстрактности единиц «отношение» и «решение» – суффикс -ени(е). В словаре к единице «отношение» указано 7 значений [Кузнецов 2000: 753]. В третьем значении («Связи между кем-, чем-л., образующиеся в процессе общения, какой-л. деятельности») слово может употребляться только в форме множественного числа, что указывает на неточность морфологического критерия по отношению к данной единице. В шестом значении («Деловая бумага с запросом или уведомлением о чём-л.») и в седьмом («Частное, получаемое от деления одного числа на другое; запись соответствующего действия») наблюдаются признаки конкретности, так как в семантике выявлен денотат, который может соотноситься с видимым физическим миром. Подобная ситуация наблюдается и с единицей «*решение*»: может употребляться в форме множественного числа, в семантике есть признаки конкретности (оригинальное инженерное решение, алгебраическое решение задачи и т.д.).

Итак, для респондентов, как правило, решающим критерием определения степени абстрактности слова являлся именно семантический критерий. Не во всех случаях явные словообразовательные показатели ЛГР указывали на высокую степень абстрактности слова. Например, среднее значение абстрактности единицы «*укрепление*» – 2,8, хотя по словообразовательному критерию существительное относится к ЛГР абстрактности.

В результате опросов не были выявлены единицы со степенью абстрактности от 4 до 5, это указывает на то, что абстрактная лексика имеет сложную семантическую структуру, в которой можно наблюдать как компоненты конкретности, так и компоненты собирательности. В свою очередь, конкретные существительные определяются более однозначно. В результате первого опроса обнаружено 7 единиц со степенью абстрактности от 1,5 до 1, в результате второго опроса – 13 единиц.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90041.*

### **Литература**

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка: справочное изд. / С.А.Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

Ляшевская О.Н. Частотный словарь современного русского языка: на материалах Национального корпуса русского языка / О.Н.Ляшевская, С.А.Шаров. – М.: Словари.ру, 2015.

Солнышкина М.И. Сложность текста: этапы изучения в отечественном прикладном языкознании / М.И.Солнышкина, А.С.Кисельников // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – Т. 38. – №6. – С.86–99.

Brysbaert M. Concreteness ratings for 40 thousand generally known English word lemmas / M.Brysbaert, A.B.Warriner, V.Kuperman // Behavior Research Methods. – 2014. – № 46. – P.904–911.

Della Rosa Pasquale A. Behavior Research Methods Beyond the abstract–concrete dichotomy: Mode of acquisition, concreteness, imageability, familiarity, age of acquisition, context availability, and abstractness norms for a set of 417 Italian words / Pasquale A. Della Rosa, E.Catricalà, G.Vigliocco, S.F.Cappa // Behavior Research Methods. – 2010. – Vol. 42. – №4. – P.1042-1048.

Loiselle M. Comprehension of concrete and abstract words in patients with selective anterior temporal lobe resection and in patients with selective amygdalo-hippocampectomy / M.Loiselle, I.Rouleau, D.K.Nguyen, F.Dubeau, J.Macoir, C.Whatmough // Neuropsychologia. – 2012. – №50. – P. 630- 639.

Solovyev V.D. Dictionary of Abstract and Concrete Words of the Russian Language: A Methodology for Creation and Application / V.D.Solovyev, V.V.Ivanov, R.B.Akhtiamov // Journal of research in applied linguistics. – 2019. – Vol.10. – P.215-227.

Zhuravkina I. Comparative Analysis of Concreteness / Abstractness of Russian Words / I.Zhuravkina, V.Soloviev, A.Lobanov, A.Danilov // 26th Conference of Open Innovations Association (FRUCT). – Yaroslavl, Russia, 2020. – P.464-470.

**Маркирование начала и конца слова в татарском языке:  
опыт квантитативного исследования**

*квантитативная лингвистика, татарский язык, границы слова,  
вокалическая структура словоформы, тест хи квадрат*

В естественных языках сегментация речевого потока является важнейшим аспектом декодирования речи: значение лингвистического целого можно понять, разложив его на более мелкие сегменты и комбинируя эти сегменты в соответствии с грамматическими правилами языка. Следовательно, маркирование таких сегментов должно определяться внутренним устройством языка и должны быть когнитивные механизмы распознавания границ сегментов. Имеются различные теоретические подходы к объяснению того, как обрабатываются морфологически сложные слова. Сторонники обращения к целому слову (whole word access) утверждают, что мультиморфные слова представлены в лексиконе целиком и дискретно; сторонники моделей, основанных на декомпозиции, утверждают, что сложные слова распознаются и интерпретируются путем их декомпозиции (разбора на значимые составляющие - морфемы). Третий подход является гибридным и предполагает, что имеются механизмы как обращения к целому слову, так и его декомпозиции, но первый тип является преобладающим (по крайней мере, для знакомых слов) [Badecker 2002].

В данной работе исследуется вопрос о том, насколько в татарском языке на уровне гласных фонем маркировано начало и конец слова. Маркирование границ словоформы в языке должно быть значимо с позиций когниции, а именно для восприятия и различения языковых единиц в потоке речи. В плане просодики для определения границ словоформ важна акцентуация, тем не менее на ударение в случае татарского языка нельзя полагаться по целому ряду причин. Природа ударения в тюркских языках является вопросом дискуссионным [Татарская грамматика 1993: 96-102, Сравнительно-историческая 1984 и др.], и в явном виде ударение определяется только для отдельно произносимых татарских слов, но не в потоке речи. Границы словоформ в определенной мере маркируются также гармонией гласных, но это работает только при сочетании словоформ, относящихся к разным сингармонистическим типам, например, когда словоформа с гласными переднего ряда является смежной со словоформой с гласными заднего ряда, однако это требование потоке речи не выполняется и делимитативная функция сингармонизма является существенно ограниченной [Касевич 1986: 129 - 130].

С учетом сказанного представляют большой научный интерес статистические исследования фонологической структуры тюркской словоформы с точки зрения потенциальных способов маркирования границ словоформы. Разработанная нами методология направлена на изучение вокалической структуры словоформы татарского языка с выделением гласных фонем в начальных и финальных слогах. В качестве эмпирических данных послужили художественные тексты, приведенные к фонологически релевантной форме: 1 буква — 1 фонема. В таблице 1 представлено распределение гласных фонем в первых и последних слогах многосложных слов (содержащих два и более слога), извлечённых из фрагмента повести классика татарской литературы А.Еники «Әйтелмәгән васыять» («Невысказанное завещание»). Как показывает таблица, в начальных слогах представлен весь набор гласных фонем, в том числе лабиализованных.

Для определения статистической значимости различий в распределении гласных фонем в зависимости от позиции в слове был проведен тест хи квадрат. Критерий  $\chi^2$  Пирсона – это непараметрический метод, позволяющий оценить значимость различий между наблюдаемым количеством исходов или качественных характеристик выборки, попадающих в каждую категорию, и теоретическим количеством, которое можно ожидать в изучаемых группах при справедливости нулевой гипотезы. Нулевая гипотеза теста хи-квадрат заключается в том, что в таблице сопряженности нет зависимости между столбцами и строками: событие «наблюдение в строке  $i$ » не зависит от события, когда то же самое наблюдение оказывается в столбце  $j$  [Conover 1999: 204-205].

*Таблица 1. Количество гласных фонем в начальных и финальных словах и результаты теста хи квадрат*

Фонема	Реальные значения		Ожидаемые значения	
	Начальные слоги	Финальные слоги	Начальные слоги	Финальные слоги
а	520	490	505	505
ы	120	460	290	290
у	204	11	108	107
о	124	8	66	66
ә	148	338	243	243
е	164	432	298	298
ү	97	1	49	49
ө	116	0	58	58
и	300	52	176	176

Результаты теста  $\chi^2$   $\chi^2 = 1054.9, df = 8, p\text{-value} < 2.2e\text{-}16$



Как показывает таблица 1, количество гласных фонем в начальных и финальных слогах статистически значительно отличается, о чем свидетельствует очень маленькое значение *p-value*. Обратим внимание на то, что достаточно близки значения только для фонемы <a> (встречается 520 раз в начальных слогах и 490 раз в финальных слогах).

Для визуализации категориальных данных удобно использовать мозаичные графики. На диаграмме (см. рисунок 1) представлено распределение гласных фонем в зависимости от их позиции в словоформе, цветом и линией обозначены стандартизованные (пирсоновские) остатки: ячейки, представляющие отрицательные остатки, окрашены в красный цвет и имеют прерывистые границы; положительные остатки нарисованы сплошной линией и окрашены синим цветом. Из рисунка видно, что для фонемы <a> позиционные различия статистически не значимы, остальные гласные фонемы недостаточно представлены в одной позиции и избыточно — в другой.

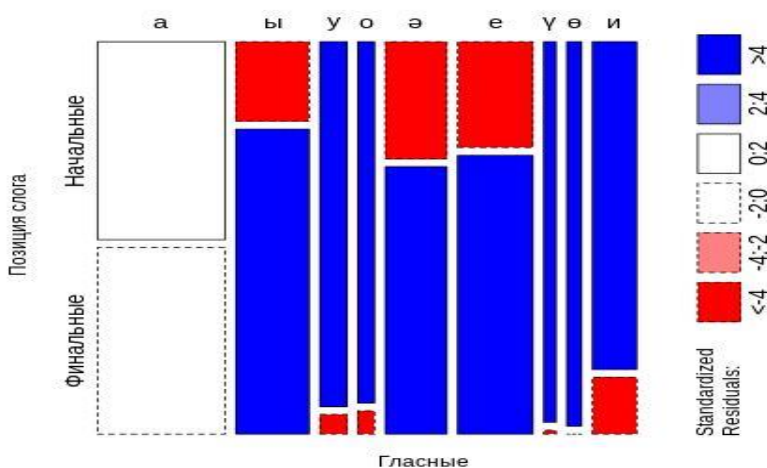


Рис. 1. Гласные фонемы в первых и последних слогах словоформы: мозаичный график

Теперь вспомним о том, что именно фонема <a> в татарском языке имеет два отличающихся (позиционно маркированных варианта): а огубленное (<a<sup>o</sup>>) в первом слоге и обычное а во всех прочих [Татарская грамматика 1993: 90-91]:

*балалар* 'дети' <ба<sup>o</sup>лалар>,  
*авылда* 'в деревне' <a<sup>o</sup> вылда>.

Таким образом, статистический анализ свидетельствует о том, что распределения гласных фонем в татарском языке в начальных и финальных слогах статистически значительно отличаются; для единственной фонемы <a>, количество которой в начальных и финальных слогах примерно одинаково, в татарском языке имеются позиционные варианты этой фонемы (для других гласных фонем таких вариантов не существу-

ет). Такие различия имеют важное когнитивное значение, так как позволяют маркировать начало и конец лексических единиц в потоке речи.

*Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.*

### **Литература**

Касевич В.Б. Морфонология / В.Б.Касевич. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1986. – 170 с.

Татарская грамматика / гл. ред. М.З.Закиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – Т.1. – 584 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / отв. ред. Э.Р.Тенишев. – М.: Наука, 1984. – 488 с.

Conover W.J. Practical Nonparametric Statistics / W.J.Conover. – New York: Wiley, 1999. – 584 p.

Badecker W. Morphological Parsing and the Perception of Lexical Identity: A Masked Priming Study of Stem Homographs / W.Badecker, M.Allen // Journal of Memory and Language. – 2002. – №47. – Pp.125–144.

## **Определение сложности учебного текста при помощи онлайн-сервисов Coh-Metrix и TextInspector**

*учебный текст, анализ сложности текста, абстрактность,  
когезия, индекс читабельности*

*Введение.* В данной статье рассматривается проблема сложности учебных текстов для подготовки к ОГЭ. Были исследованы 60 учебных текстов, источниками которых послужили два пособия и один электронный ресурс для подготовки к ОГЭ. Анализ текстов осуществлялся на основе восьми параметров: длина предложений, длина слов, абстрактность, референциальная когезия, лексическое многообразие, читабельность, рассчитываемых при помощи онлайн-сервисов TextInspector и Coh-Metrix.

Иноязычный текст как образец релевантного использования языковых единиц является одним из ключевых аспектов в обучении иностранным языкам [Солнышкина 2015: 87]. В связи с постоянным изменением образовательного пространства возникает необходимость комплексного анализа учебных текстов, продиктованная стремлением обеспечить качественный образовательный процесс, основанный на принципах систематичности и последовательности. Авторам учебников, в свою очередь, следует располагать тексты в порядке «от простого к сложному», избегая резких изменений в сложности текста [Гизатулина 2020: 25].

Сложность текста, в свою очередь, представляет собой особую категорию и зависит от различных параметров. Отечественные и зарубежные исследования рассматривают следующие лексические параметры при оценке сложности текстов: количество слов в тексте, среднее количество слов в предложении, средняя длина слова, частотность словарного состава текста, когезия, абстрактность текста и его лексическое многообразие [Солнышкина 2020: 103-119].

*Материал и методы.* Корпус исследования представлен 60 текстами для подготовки к ОГЭ, 35 из которых взяты из открытого банка заданий для подготовки к ОГЭ сайта ФИПИ [ФИПИ 2020], 23 текста из сборника «ОГЭ-2020. Английский язык. 30 тренировочных вариантов экзаменационных работ для подготовки к ОГЭ» [Гудкова 2020], 2 текста из пособия «Английский язык. Готовимся к ОГЭ и ЕГЭ» [Нежерицкая 2019]. Все тексты, выбранные нами, являются текстами второго раздела «Задания по чтению» в ОГЭ (задания 10-17). Согласно ФИПИ для проведения ОГЭ в 2020 году, в данном разделе используются прагматические, научно-популярные, публицистические и художественные тексты. Ос-

новная задача учащихся – уметь читать текст с пониманием основного содержания, осуществляя просмотровое чтение, и уметь понимать в прочитанном тексте запрашиваемую информацию – поисковое чтение [ФИПИ 2020].

Многофакторный анализ параметров сложности текстов корпуса проводился при помощи онлайн-сервисов TextInspector [Вах 2019] и Coh-Metrix [Graesser 2004].

При помощи TextInspector были исследованы 5 параметров: 1 абсолютная метрика (количество слов в тексте), 2 средние величины (средняя длина предложения, средняя длина слова), также лексическое многообразие MTLД, уровень читабельности по формуле Флеша-Кинкейда. С помощью сервиса Coh-Metrix, помимо последних характеристик, были вычислены: индекс Coh-Metrix L2 Readability, уровень референциальной когезии и степень абстрактности (конкретности) текста.

При расчете данных параметров анализу подвергалось не менее 50% исходного текста, содержащего 70% лексического смысла [Солнышкина 2020: 16]. Таким образом, объем каждого из проанализированных текстов составил от 270 до 410 слов.

Охарактеризуем некоторые параметры, использованные нами в исследовании.

Читабельность текстов (индекс FKGL) рассчитывается по формуле Флеша-Кинкейда (Флеш, 1949; Кинкейд, 1975), состоящей из двух переменных (ASL – средняя длина предложения; ASW – среднее число слогов в слове) и двух констант (0,39 для ASL и 11,8 для ASW) [McNamara 2010: 78].

$$FKGL = (0,39 * ASL) + (11,8 * ASW) - 15,59 \quad (1)$$

Показатель в данной формуле соответствует образовательному индексу, принятому в США. Значения от 1 до 10 соответствуют классу средней школы, от 11 до 15 – высшего учебного заведения; а индексы от 16 до 20 имеют сложные научные тексты [McNamara 2010: 78].

Показателем, определяющим уровень читабельности текста для неносителей языка, является Coh-Metrix L2 Reading Index (CML2).

$$CML2 = - 45.032 + (52.230 \times CWO) + (61.306 \times SSS) + (22.205 \times CELEX), \quad (2)$$

где CWO обозначает уровень референциальной когезии, SSS – сходство синтаксической структуры предложений, CELEX Frequency Value – среднюю частоту встречаемости всех слов.

Формула Флеша-Кинкейда является показателем читабельности, который коррелирует с конкретным возрастом читателя. Формула CML2 отражает когнитивные и психолингвистические процессы чтения, учитывая не формальные, а содержательные аспекты текста.

Референциальная когезия (Content Word Overlap) учитывает долю слов, которые пересекаются между парами предложений.

Абстрактность (конкретность) текста получила большое внимание в психолингвистических исследованиях. Тексты, содержащие конкретные, значимые и вызывающие мысленные образы содержательные слова, легче обрабатывать и понимать. Абстрактные слова представляют собой понятия, которые сложно представить визуально. Тексты, содержащие более абстрактные слова, труднее понять. В сервисе Coh-Metrix степень абстрактности (конкретности) текста определяется путем подсчета абстрактных и конкретных слов.

Мера текстового лексического разнообразия (MTLD).

$$MTLD = L/n,$$

(3)

где L – количество словоформ, n – общее количество строк.

*Анализ.* Рассмотрим динамику приведенных выше параметров.

*Таблица 1. Динамика параметров сложности текста В1-В23*

Text Inspector				Coh-Metrix				
Text	Длина предложения	MTLD	FKGL	Длина предложений	MTLD	FKGL	Coh-Metrix L2 Readability	Референциальная когезия
B1	11,70	97,14	5,22	11,3	82,84	4,20	22,70	0,07
B2	14,04	82,92	7,41	11,1	91,25	5,46	19,97	0,08
B3	16,60	72,21	7,18	15,8	74,98	6,21	15,96	0,09
B4	18,85	80,62	8,13	17,0	77,06	7,04	15,86	0,06
B5	15,44	89,64	7,67	14,2	93,79	7,38	16,50	0,05
B6	11,21	79,70	4,38	10,0	82,21	7,16	17,13	0,07
B7	15,33	76,99	8,12	13,5	80,12	3,74	24,38	0,06
B8	18,36	129,88	8,51	17,2	138,34	7,47	11,67	0,07
B9	14,04	99,03	7,66	13,4	101,29	8,35	15,39	0,05
B10	15,08	68,01	6,00	14,0	64,39	7,34	13,41	0,05
B11	27,20	55,81	14,63	20	56,96	5,54	22,80	0,10
B12	14,47	89,64	8,16	11,8	104,44	7,61	19,23	0,08
B13	22,06	86,69	9,17	10,7	83,28	7,32	15,74	0,05
B14	23,53	60,42	9,98	22,9	66,30	3,93	15,05	0,05
B15	14,68	97,03	7,30	13,0	98,54	9,9	27,69	0,13
B16	17,76	93,10	7,44	17,4	96,00	6,73	18,74	0,06
B17	19,28	127,68	10,29	19,2	121,98	7,04	23,46	0,10
B18	17,39	118,03	9,72	17,3	115,88	10,15	15,53	0,04
B19	17,09	78,55	7,92	17,0	88,57	9,77	17,71	0,08
B20	16,75	91,82	8,41	15,8	88,24	7,78	16,24	0,10
B21	14,24	72,17	6,50	13,7	71,20	8,13	19,08	0,06
B22	15,09	78,14	7,89	14,7	80,16	6,22	21,97	0,06
B23	14,81	80,64	6,88	14,3	80,86	7,57	11,27	0,06

В таблице 1 представлен анализ 23 идущих последовательно текстов (имеющих коды В1-В24) из сборника «ОГЭ-2020. Английский язык. 30 тренировочных вариантов экзаменационных работ для подготовки к

ОГЭ» под редакцией Л.М.Гудковой и О.В.Терентьевой с помощью сервисов TextInspector и Coh-Metrix.

Данные анализа одних и тех же параметров посредством сервисов TextInspector и Coh-Metrix различны, отклонение в средней длине предложений варьируется от 0,11 до 8,52; в лексическом разнообразии текста MTLD от 0,22 до 14,8; в индексе читабельности по FK от 0,05 до 7,02. Кроме того, средняя длина предложений для каждого текста, посчитанная в TextInspector, выше, чем в Coh-Metrix. Такая степень девиации при исследовании одних и тех же метрик разными инструментами может говорить об отсутствии единого истинного подхода к исследованию сложности текста.

Кроме того, параметры длины предложения, индексов читабельности FKGL и CML2, индекса лексического многообразия и уровня референциальной когезии флуктуируют в текстах B1-B23, исключая какую-либо последовательность. Согласно представленным данным индексы читабельности FK и CML2 изменяются в обоих пособиях, систематизация по принципу «от простого к сложному» отсутствует. Также встречаются параметры читабельности, не соответствующие лингвистическому и когнитивному возрасту класса (например, FKGL=14,63 или FKGL=3,74). В целом, индекс читабельности FKGL проанализированных текстов варьируется от 4,31 (5 класс американской школы) до 14,63 (колледж) в сервисе TextInspector; от 3,74 (4 класс американской школы) до 11,24 (11 класс американской школы) в Coh-Metrix.

Индекс читабельности Coh-Metrix L2 Readability составляет от 6,29 до 27,69.

Для того чтобы определить, какие параметры в наибольшей степени влияют на читабельность текста, рассмотрим коэффициент корреляции. Коэффициент корреляции рассчитывается по следующей формуле.

$$\text{Correl}(X, Y) = \frac{\sum (x - \bar{x})(y - \bar{y})}{\sqrt{\sum (x - \bar{x})^2 \sum (y - \bar{y})^2}}, \quad (4)$$

где  $x$  и  $y$  – исследуемые параметры.

Корреляция средней длины предложения и индекса читабельности FKGL составляет 0,84 в анализе по TextInspector и 0,69 в Coh-Metrix. Это говорит о положительной корреляции и взаимосвязанности этих двух параметров (что является следствием из формулы Флеша-Кинкейда).

Также наблюдается достаточно высокая связь CML2 и референциальной когезии при коэффициенте корреляции 0,58.

Корреляция абстрактности (конкретности) текста составляет 0,16 и -0,19 с индексом читабельности FKGL и индексом CML2, соответственно. Это свидетельствует о низкой связанности этих параметров. Корреляция индекса FKGL составляет 0,18 с индексом лексического многообразия MTLD и -0,13 со степенью референциальной когезии, что указы-

вает на отсутствие влияния этих параметров на читабельность текста по FKGL.

Таким образом, сравнительное исследование лексических параметров учебных текстов для подготовки к ОГЭ в онлайн-сервисах TextInspector и Coh-Metrix продемонстрировало отклонения при подсчете одних и тех же метрик с помощью этих двух сервисов, что указывает на отсутствие единственно верного способа выявления индексов читабельности. Кроме того, было доказано присутствие флуктуации индексов читабельности FK и CML2.

Перспектива дальнейшего исследования определяется необходимостью проведения эксперимента по созданию корпуса текстов по принципу «от простого к сложному» и заданий по ним для выявления влияния упорядоченности текстов в учебном пособии по их сложности на прогресс учащихся.

### Литература

Гудкова Л.М. ОГЭ-2020: Английский язык: 30 тренировочных вариантов экзаменационных работ для подготовки к общему государственному экзамену: учебное пособие / Л.М.Гудкова, О.В.Терентьева. – М., 2019. – 106 с.

Нежерицкая В.В. Английский язык. Готовимся к ОГЭ и ЕГЭ: учебное пособие / В.В.Нежерицкая. – М.: Эксмо, 2019. – 320 с.

Солнышкина М.И. Инструменты измерения сложности текстов на английском языке / М.И.Солнышкина, М.Б.Казачкова, Е.В.Харькова // Иностранные языки в школе. – 2020. – №3. – С.15-21.

Солнышкина С.И. Сложность текста: этапы изучения в отечественном прикладном языкознании / С.И.Солнышкина, А.С.Кисельников // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2015. – №6 (38). – С.86-99.

ФГБНУ «ФИПИ» [Электронный ресурс] //открытый банк заданий: сайт. М., [2004-2020]. URL: <http://www.fipi.ru/>(дата обращения: 15.04.2020).

McNamara D.S. Automated evaluation of Text and Discourse with Coh-Metrix / D.S.McNamara, A.C.Graesser, P.M.McCarthy, Zh.Cai. – New York, Cambridge University Press, 2014. – 285 p.

TextInspector: The professional web tool for analyzing texts. URL: <https://textinspector.com/workflow> (accessed: 20.04.2020).

## **Использование квантованного учебного пособия в образовательном процессе**

*сетевое общество, квантование, квантованный учебный текст*

Современное сетевое или дигитальное общество предъявляет новые требования к личности, способной осваивать и преобразовывать постоянно растущие потоки информации. Одновременно с сетевым обществом формируется новое поколение: цифровое, поколение Net, киберграждане (Кларин 1994), homo digitals, хай-тек поколение (Shurbe 2013), netizens (от citizens и network), поколение Z (Howe 1991) или поколение селфи (Twenge 2019).

В докладе Global Education Futures и WorldSkills Russia указывается, что будущий мир можно описать термином VUCA: volatility (изменчивый), uncertainty (неопределенный), complexity (сложный), ambiguity (неоднозначный) (Лошкарева 39). Переходу общества в постиндустриальную фазу призвано способствовать образование, ориентированное на развитие способности работать в новом сложном мире, подстраиваться под его требования [Лобанов 2018].

Социальные изменения, новые реалии постиндустриального общества, как отмечает Ю.Н.Караулов [Караулов 2010], тесно связаны с внутриязыковыми процессами, в том числе в сетевом пространстве виртуальной мультимедиакоммуникации. Коммуникация, которая часто допускает не соблюдение языковых норм, проявление вульгаризации языка, языковую агрессию, обесценивание слова и манипулятивных техник, сокращение слов родного языка и нерегулируемое заимствование иностранной лексики [Денисенко 2008].

Увеличение потоков информации приводит к информационным перегрузкам обучающихся, порождая сложность систематизации. Одной из проблем современного образования является разработка качественных учебных текстов (учебников, учебных пособий), развитие читательских умений, способности понимать и усваивать прочитанный материал. Причиной сложности чтения учебной информации, по мнению ряда авторов (Е.Ф.Карпиевич, Т.И.Краснова), является недостаточная сформированность у обучающихся умения работать с учебными текстами [Карпиевич 2007].

Теоретико-методологическим основанием выхода из создавшейся ситуации является внедрение в систему образования символического,



модульного и нейросетевого подходов, представляющих в когнитивной психологии. Символьный подход (А.Ньюэлл и Г.Саймон) основывается на компьютерной метафоре и теории переработки информации. Представители модульного подхода (Дж.Фодор и Д.Марр) предлагают структурировать создание учебных дисциплин в модульные системы, построение структуры подмодулей (подсистем или блоков информации), разработку учебных элементов в соответствии с их инвариантным и вариативным составом. Нейросетевой подход основан на аналогии с переработкой информации сетью нейронов (Д.О.Хебб, У.Маккаллох, У.Питтс) [Лобанов 2016].

Как подчеркивают В.С.Аванесов и А.А.Рыбанов, на смену традиционным технологиям приходят новые технологии работы с текстом, включая теорию и практику квантования. Квантование (дискретизация) – это деление учебного текста на кванты (порции) в соответствии с определённым законом [Аванесов 2014; Рыбанов 2014].

Г.В.Лаврентьев, Н.Б.Лаврентьева, Н.А.Неудахина отмечают важность системного квантования, которое вытекает из специфики функционирования мыслительной деятельности человека и выражается посредством различных знаковых систем: языковых, символических, графических. При квантовании учебный текст представляется небольшими частями, компактно, системно, что способствует лучшему восприятию; предполагает наличие опорных пунктов, способствует эффективности его запоминания. Характеристиками квантованного текста является краткость, понимаемость, доступность, интересность, развивающий потенциал [Лаврентьев 2009].

Основываясь на теории модульного и фрактально-резонансного подходов, на теории и практике квантования учебных текстов, используя положения теории двойного кодирования (А.Пайвио), законы визуализации и закономерности локализации информации в рекламной продукции с учётом специфики сенсорно-перцептивных и когнитивных процессов, профессорско-преподавательским составом кафедры возрастной и педагогической психологии было подготовлено учебно-методическое пособие «Когнитивная психология: (квантованное пособие с диагностико-квалиметрическим сопровождением и визуализацией учебного текста)» [Лобанов 2018].

Затем авторами издания был проведен обучающий эксперимент в рамках изучения дисциплин: «Психология (Общая психология)» и «Психология (Когнитивная психология)» [Лобанов 2018]. В ходе эксперимента, часть студентов проходила обучение с использованием квантованного учебного текста (экспериментальная группа – ЭГ), а другая часть респондентов изучала учебную дисциплину без использования указанного пособия (контрольная группа – КГ). В эксперименте приняли участие студенты 1 курса, обучающиеся по специальности «Социальная педагогика» (n=19) и по специальности «Социальная работа» (n=20). Контрольная группа включала студентов 2 курса, обучающихся по спе-

циальности «Социальная и психолого-педагогическая помощь» (n=22). Эффективность усвоения материала определялась по результатам тест-контроля знаний по таким темам, как сенсорно-перцептивные процессы, внимание и память. Тест проверка знаний обучающихся включала 11 заданий по каждой теме: 6 заданий предполагали выбор одного правильного варианта ответа из четырех предложенных, 2 варианта были связаны с соотношением информации с определением понятий, 2 задания - на дополнение предложения, 1 задание - на установление правильной последовательности. Для сравнения эмпирических данных был использован t-критерия Стьюдента для независимых выборок (таблица).

*Таблица 1. Результаты сравнения выборок с / без использования пособия*

	<b>ЭГ</b>	<b>КГ</b>	<b>t-критерий</b>	<b>Число степеней свободы</b>	<b>p-level</b>
Сенсорно-перцептивные процессы	7,66	6,29	2,94	57	0,004
Внимание	11,67	4,02	2,05	59	0,044
Память	9,20	8,42	2,75	58	0,007

В результате установлено, что использование пособия значительно повысило результаты выполнения студентами итоговых тестов. Так, по теме «Сенсорно-перцептивные процессы» средний результат по выборке с использованием пособия равен 7,66; без использования - 6,29; по теме «Память» (9,20 и 8,42, соответственно). Значительная разбежка получена по результатам изучения темы «Внимание»: с использованием пособия – 11,67; без использования – 4,02.

Таким образом, можно констатировать, что использование на занятиях квантованного издания с квалиметрическим сопровождением ее средствами визуализации с диагностическим инструментарием и тестами контроля знаний способствует эффективному усвоению учебной информации и активизирует познавательную деятельность студентов, что также оказывает влияние на академические достижения современных студентов.

### **Литература**

Аванесов В.С. Новые образовательные технологии в вузе / В.С.Аванесов // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2014. – №4. – С.138-144.

Денисенко В.Н. Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации: учеб. пособие / В.Н.Денисенко, Е.Ю.Чеботарева. – М.: РУДН, 2008. – 258 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н.Караулов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

Карпиевич Е.Ф. Задачи и способы организации работы с текстом (на основе таксономии Б.Блума) / Е.Ф.Карпиевич // Стратегии академического чтения и письма. – Ред. коллегия: М.А. Гусаковский [и др.]. – Минск: Пропилеи, 2007. – Вып. 5. – 140 с.

Лаврентьев Г.В. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов / Г.В.Лаврентьев, Н.Б.Лаврентьева, Н.А.Неудахина. – М., 2009. – 203 с.

Лобанов А.П. Когнитивная психология: учебно-методическое пособие / А.П.Лобанов, И.С.Журавкина. – Минск: Белорус. гос. пед. ун-т, 2018. – 84 с.

Лобанов А.П. XXI век: когнитивный агент в открытом инновационном образовательном пространстве / А.П.Лобанов, Н.В.Дроздова // Вышэйшая школа. – 2017. – №1. – С.28–31.

Лобанов А.П. Образовательные инновации в 4D-формате: учеб.- метод. пособие / А.П.Лобанов, Н.В.Дроздова. – Минск: РИВШ, 2016. – 110 с.

Рыбанов А. Анализ качества квантования учебного текста / А.Рыбанов // Педагогические измерения. – 2014. – № 1. – С. 3–16.

Инь Минян  
Галеев Тимур Ильдарович  
Бочкарев Владимир Владимирович  
Казанский федеральный университет  
УДК 81'33

## Количественный анализ предложно-падежной вариативности в русском языке

*падежная вариативность, фразеология, корпус, частотность*

На основе статистической обработки количественных данных корпуса Google Books Ngram мы выявили факторы, влияющие на выбор флексии в вариативных формах генетива (*шага/у; чая/ю*) и локатива (*ручье/ю; тазе/у*): сочетаемость, синтаксическое расстояние, частотность, степень фразеологизированности.

В данной работе произведено описание синтаксической вариативности устойчивых выражений с грамматической вариативностью локатива (*на стоге/у*) с предлогами *в/на*, генетива при отрицании (*чая/чаю*) и устойчивых выражений с падежной вариативностью В.п./Р.п. при отрицании (*старый конь борозды/у не испортит*) на материале книжных русскоязычных текстов корпуса «Гугл Книги» [Lieberman 2007]. В процессе исследования нами было выделено значительно больше конкурирующих форм, чем представлено в словарях и монографиях [Граудина 2004; Горбачевич 1979].

Вариативные сочетания форм локатива демонстрируют примерно равное распределение доминирующих вариантов. Абсолютная частотность словосочетания на исход конкуренции не влияет, однако чем более частотно слово, тем убедительнее доминирование одного варианта над другим, а чем реже существительное употребляется, тем «равнее» варианты по количеству.

В случае с вариативностью *в+...е/у* нет также её зависимости от распространённости словосочетания в языке: в самых высокочастотных и самых низкочастотных словосочетаниях встречается количественное преобладание разного порядка (и 50%, и 60%, и 95% независимо от места в рейтинге частотности).

Выявлена высокая степень определенности большинства носителей языка относительно выбора флексии в каждом конкретном случае при отсутствии общего правила, обусловленного внутрилингвистическими факторами. В каждом из случаев определённость имеется, в то время как явление в целом неоднородно. Во фразеологизированных сочетаниях доминирующим вариантом является более архаичный (*в долгу, в гробу, на ходу, на дому* и т.д.).

Вариативных форм родительного падежа в виде би- и триграмм в корпусе обнаружено сравнительно мало: 28 пар, из которых 10 случаев можно условно обозначить фразеологизмами. Немногочисленные случаи преобладания окончания *-у(-ю)* осложнены тем, что варианты приобретают разные лексические значения. Так, примерно в 10% случаев встречено *из/до дома* (=строение или место жительства) и в 90% *из/до дому* (только место проживания). Окончание *-у(-ю)* наблюдается у слов, входящих в некоторые устойчивые словосочетания (фразеологизмы), например, бежать что есть духу («бежать очень быстро, изо всех сил»); прибавить шагу («пойти быстрее»); добиться толку («получить положительный результат»). Таким образом, большого количества примеров вариативности среди устойчивых словосочетаний найти не удалось.

Наличие в слове уменьшительного суффикса предполагает окончание *-у(-ю)*: (*попить чайку/а*) подтверждается корпусными данными: при наличии суффикса у вещественных существительных наподобие *чай, сахар* не обнаруживается вариативность, встречается только вариант с *-у(-ю)*. Исключение составляет лишь фразеологизированное выражение *огоньку/а не найдётся*, частотность которого демонстрирует увеличение варианта с *-а (-я)* в современных текстах.

В ходе анализа полученных биграмм можно сделать вывод о влиянии некоторых предлогов на выбор варианта *-у(-ю)* (из), и *-а(-я)* (от). Любопытна сочетаемость предлога *с*, который (предшествует только существительным на *-у(-ю)*).

Подтверждается корпусными данными гипотеза, высказанная Л.К.Граудиной [Граудина 2004: 123] и сформулированная следующим образом: чем больше слов между упомянутыми в выше словами и исследуемой вариативной формой, тем выше вероятность вытеснения формы на *-у(-ю)* формой на *-а(-я)*.

В подборке устойчивых выражений с падежной вариативностью В.п./Р.п. при отрицании обнаружено преобладание словосочетаний форм на *-а(-я)* над формами на *-у(-ю)* (65%/30%). С точки зрения синтаксиса была обнаружена следующая зависимость: если в сочетании фигурируют предлоги *без, на, ни*, то доминирующими становятся формы на *-у(-ю)* (*без умолку, с глазу на глаз, ни разу*). Варианты распределились сочетаниях существительных с предлогами *с, до, из, не, нет* и переходными глаголами.

В данной работе мы смогли эмпирически доказать интуитивно понятное предположение о том, что предложно-падежные сочетания лучше сохраняются в языке, если они входят в состав фразеологизма, однако и фразеологизмы подвергаются унификации и утрачивают черты древней флективной системы вследствие демократизации языка, а также ослабления редактур. То есть употребление нестандартных форм можно и нужно рассматривать как особую форму грамотности и образованности.

Мы выяснили, что подавляющее большинство авторов склоняется в каждом из случаев к выбору определённой флексии, хотя единого правила для всех моделей не существует. Корпусная разметка позволила нам судить о влиянии предлога на выбор флексии. Также удалось доказать, что на предпочтение той или иной флексии влияет 1) наличие между предлогом и существительным прилагательных, 2) отрицательных частиц *нет* и *ни*, а также 3) расстояние между предлогом и существительным в предложении.

*Благодарности. Работа поддержана РФФИ, грант № 17-29-09163.*

### **Литература**

Lieberman E. Quantifying the evolutionary dynamics of language / E.Lieberman, J.-B.Michel, J.Jackson, T.Tang, M.A.Nowak // Nature. – 2007. – Vol.449. – Pp.723–716. <http://www.nature.com/nature/journal/v449/n7163/abs/nature06137.html> [Электронный ресурс. Дата обращения: 15.10.2020].

Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи / Л.К.Граудина, В.А.Ицкович, Л.П.Катлинская. – М.: Астрель, 2004.

Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка / К.С.Горбачевич. — Л.: Наука (Ленингр. отделение), 1979. — 238 с.

**Ляшевская Ольга Николаевна**  
Национальный исследовательский университет  
«Высшая Школа Экономики»,  
Институт русского языка им. В.В.Виноградова  
Российской академии наук  
УДК 81

**Образцовые наборы данных как ориентир  
для совершенствования моделей  
автоматической обработки текстов**

*оценка методов автоматической обработки текста, наборы данных,  
морфологический анализ, лемматизация,  
парсинг синтаксических зависимостей*

Несмотря на впечатляющие успехи нейросетевых моделей в области автоматической обработки текста, на нынешнем этапе развития их способность к обобщению, схватыванию основных закономерностей структуры языка остается под вопросом. В частности, актуальна задача стабильной работы таких моделей на языковом материале разных жанров, сферы использования, устойчивости к орфографической вариативности и т.п. При стандартном подходе к оценке качества моделей и обучающие, и тестовые данные являются случайной выборкой из единой генеральной совокупности. Внешняя оценка (*extrinsic evaluation*) предполагает измерение качества работы моделей, обучаемых для других задач, но использующих результаты работы данных моделей. И при стандартной, и при внешней оценке предполагается, что жанрово-языковые особенности текстов в тесте такие же, как и у текстов в обучении. Мы предлагаем метод смещенной оценки, при котором обучающие и тестовые данные являются выборками из разных генеральных совокупностей. Это позволяет оценить стабильность качества работы системы на новых данных, а также усовершенствовать методику подбора данных для обучения модели.

В работе проводится оценка качества автоматических систем лексико-грамматического и синтаксического анализа с помощью наборов данных, подготовленных в рамках форума “GramEval-2020” [Lyashevskaya 2020]. Золотой стандарт — наборы корпусных данных, размеченных вручную — включает образцы текстов пяти видов (регистров): новостей, энциклопедических статей (Википедии), электронной коммуникации в социальных сетях, художественной прозы, поэзии.

В первой части исследования мы показываем, что доля ошибок напрямую связана с представленностью того или иного текстового регистра в обучающей выборке.

Во второй части мы иллюстрируем наиболее типичные ошибки систем в лемматизации, определении части речи и грамматических при-

знаков, построении дерева синтаксических зависимостей и определении синтаксических отношений, для каждого регистра.

В третьей части исследования мы анализируем частотные распределения на уровне символов, символьных сочетаний, токенов, тегов разметки и сочетаний тегов для каждого регистра. Нашей задачей является проследить связь между вероятностью ошибки в разборе и частотой встречаемости того или иного явления в текстовом регистре. Мы приходим к выводу, что следует различать ошибки, связанные с недопредставленностью определенных языковых структур в обучении в целом, и ошибки дисбаланса данных в обучении и тесте.

### **Литература**

Lyashevskaya O. GRAMEVAL 2020 Shared Task: Russian Full Morphology and Universal Dependencies Parsing / O.Lyashevskaya, T.Shavrina, I.Trofimov, N.A.Vlasova // Proceedings of the Annual International Conference “Dialogue” (19), June 17-20. – Moscow, 2020. – P.553-569.



**Компьютерная база Сводного этимологического словаря:  
автоматизация совмещения словариков**

*словарь, словник, обработка текстов естественного языка*

В статье представлены результаты работы над электронной базой Сводного этимологического словаря.

На данный момент компьютерная база включает пять словарей (далее приведены краткие наименования, полные указаны в списке литературы): 1. ШЭСРЯ [Шанский 2002], 2. Словарь А.К.Шапошникова [Шапошников 2010], 3. Словарь М.Н.Свиридовой [Свиридова 2014], 4. Словарь Л.А.Глинкиной [Глинкина 2006], 5. ТЭСРЯ [Толковый 2011] (только статьи с зоной этимологии).

Общий словник содержит 19443 словарные единицы. Это число будет изменяться, так как в данный момент продолжается ручная проверка словника, а также планируется привлечение материалов других словарей.

Процесс создания общего словника Сводного словаря состояла из нескольких этапов:

- получение электронных текстов изучаемых словарей;
- извлечение словника каждого словаря, соединение в одну базу данных формата таблицы Excel;
- сравнение словников словарей, объединение строк с одинаковыми единицами;
- проверка слов на наличие в "Большом толковом словаре русского языка" под ред. С.А.Кузнецова [<http://gramota.ru/slovari/dic/>];
- ручная проверка слов, отсутствующих в БТС при точном поиске на портале "Грамота.ру".

Стоит отметить, что заголовочными единицами в некоторых словарях могут являться сверхсловные единицы. Например, *выходной день, вот как, как поживаете, это уже по другой епархии* и др. Данные слова стоят в качестве заголовочных преимущественно в словаре А.К.Шапошникова, в других мы можем найти данные единицы внутри статьи опорного компонента в качестве примера употребления, внутрискладовой единицы или словарной единицы зоны фразеологии.

С рассмотренной проблемой также связана более глобальная – наличие внутрискладовых слов, которые в некоторых словарях являются отдельными заголовочными единицами, а по версии других могут находиться внутри своего производящего слова. Из-за этой проблемы некоторые слова могут быть отмечены как отсутствующие в каком-либо из

словарей, хотя они там содержатся – внутри статьи своего производного слова. Для того чтобы отследить бóльшую часть таких слов, можно отдельно проверить основные группы производных слов, которые обычно являются внутрисклассовыми в толковых словарях. В БТС [Большой 2000: 12-13, 18] выделено 7 таких групп, слова каждой из которых были найдены в нашем словнике.

1) производные существительные со значением отвлечённого признака:

а. мотивированные глаголами и образованные при помощи суффиксов *-ние (-нье), -ение (-енье), -ание (-анье), -тие (-тье), -ие(-ье), -ация (-изация)*: *идентификация, индустриализация, отсутствие* и др. Также к этой группе были отнесены слова с суффиксами *-ка (дрессировка, подсочка), -ство (потворство, сотрудничество)* и слова с нулевым суффиксом (*провал*), которые в словаре не упоминаются.

б. мотивированные прилагательными и образованные при помощи суффиксов *-ость, -есть, -ность, -та*: *аккуратность, вменяемость*, и др. К данной группе также примыкает слово *гостеприимство* с суффиксом *-ство*, который не указан в БТС.

2) существительные со значением женскости: *волейболистка, отроковица, хозяйка* и др.

3) существительные с суффиксами субъективной оценки: *братец, конфетка, окошко* и др.

4) относительные прилагательные: *антисептический, дисперсный, лазерный* и др.

5) наречия, образованные от прилагательных: *выразительно, келейно, тщательно* и др.

6) наречия, образованные от существительных: *вечером, осенью, тычком* и др.

7) видовые пары глаголов:

а. бесприставочный глагол несовершенного вида в статье соответствующего приставочного глагола совершенного вида: *арестовывать, гаркать, пырять* и др.

б. приставочный глагол несовершенного вида в статье соответствующего глагола совершенного вида: *выкапывать, настилать, угадывать* и др.

Дополнительно обнаружены примеры однократных глаголов (*бабахнуть, крикнуть, мигнуть, прыгнуть*), которые находятся внутри статей соответствующих им глаголов несовершенного вида.

Выделенные группы слов могут ускорить процесс ручной проверки словника.

Также в рассматриваемых словарях встречаются различные виды вариантных слов, отличающихся по написанию:

- фонетические – *волапюк и воляпюк, кирка и кирха*;
- морфологические – *арабеска и арабеск, георжин и георгина*;

- орфографические – *диджей* и *ди-джей*, *карате* и *каратэ*.

Подобные слова лучше вручную объединять в одну единицу Сводного словаря. В толковых словарях чаще всего все варианты содержатся в заголовке одной статьи, поэтому такие случаи можно отслеживать по ним и затем уже проводить поиск конкретных единиц по словарям других словарей.

В существующих электронных словарях поиск не учитывает морфологию слова, в отличие от общих поисковых систем. Проблемы могут возникнуть, например, при употреблении слова в разных морфологических формах – единственном числе или множественном. Так, слово *галушка* в словаре Свиридовой и ШЭСРЯ представлено в начальной форме единственного числа, однако в БТС и словаре Глинкиной заголовочной является форма множественного числа – *галушки*. Также необходимо отдельно рассматривать пары слов типа *лес – леса*, *пика – пики* и др. Одно из них является словом *pluralia tantum*, а другое имеет парадигму и единственного, и множественного числа.

В результате исследования на материале создаваемой электронной базы Сводного этимологического словаря были выявлены основные проблемы, стоящие перед автоматическим совмещением словарей нескольких словарей:

- выделение сверхсловных единиц в качестве заголовочных;
- присутствие слова в словаре в качестве внутрисклассового;
- различия в формах заголовочных единиц (единственное или множественное число и т.п.);
- вариативность словарных единиц, выбираемых в качестве заголовочных.

В перспективе планируется использовать данные результаты для разработки поисковой системы, учитывающей особенности словарей, а также добавление новых источников в компьютерную базу Сводного этимологического словаря.

## Литература

Большой толковый словарь русского языка / РАН; Институт лингвистических исследований; сост., гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.

Глинкина Л.А. Этимологические тайны русской орфографии: словарь-справочник / Л.А.Глинкина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ, 2006. – 381 с.

Свиридова М.Н. Этимологический словарь современного русского языка / М.Н.Свиридова. М.: Аделант, 2014. 511 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова; отв. ред. Н.Ю.Шведова. – М.: Издательский центр "Азбуковник". – 1175 с.

Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов / Н.М.Шанский, Т.А.Боброва. – 5-е изд., стер. – М.: Дрофа, 2002. – 398 с.

Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / А.К.Шапошников. – М.: Флинта: Наука, 2010. – Т.1. 584 с. Т.2. 576 с.

Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/> (дата обращения: 30.10.2020).

## **Параллельный корпус общественно-политических текстов: подходы к выравниванию и поиску данных**

*параллельный корпус, общественно-политический текст,  
выравнивание, стратегии поиска*

Компилирование и использование параллельных корпусов находит широкое применение в современных контрастивных исследованиях, в теории переводоведения, а также в обучении языкам. Большой объем данных, включающий различные жанры, стилистические и лексико-грамматические особенности двух или нескольких языков, представленные в диахроническом срезе, при помощи специального программного обеспечения может быть количественно и качественно проанализирован за относительно короткое время. Корпусные менеджеры, так называемые конкордансеры (concordance), дают возможность работать с леммами, словами, словосочетаниями, а результаты поиска упорядочены таким образом, что запрашиваемое слово представлено в некотором контекстном окружении.

К настоящему моменту известно несколько онлайн параллельных корпусов на платформе OPUS [<http://opus.nlpl.eu/>], на которой собраны коллекции переведенных в интернете текстов. Данный проект ставит своей задачей сделать параллельные корпуса доступными всем желающим. В основном материалом служат документы международных организаций, на заседании которых осуществляются официальные переводы на разные языки. Разработчики при помощи компьютерных программ конвертируют и выравнивают доступные онлайн данные, а также добавляют лингвистическую аннотацию к словам. Например: European Parliament Proceedings Parallel Corpus [<https://pub.cl.uzh.ch/wiki/public/costep/start>]; United Nations Parallel Corpus [<https://conferences.unite.un.org/uncorpus>]; European Corpus Initiative Multilingual Corpus I (ECI/MCI) [<http://www.elsnet.org/eci.html>] и т.п. Также важно подчеркнуть, что параллельные корпуса есть на платформе Sketch Engine (всего более 140), в том числе русско-английский. Однако доступ к ним ограничен платной подпиской.

Таким образом, на данный момент не существует доступного (бесплатного) параллельного (англо-русского или русско-английского) корпуса общественно-политических текстов (ОПТ) несмотря на значительную популярность работ по анализу взаимодействия языка и политики. Ученые, занимающиеся вопросами перевода на основе корпусных технологий, как правило, компилируют небольшие корпуса для собственного пользования. Лингвисты изучают вопросы адекватности

перевода, эквивалентности между лексическими единицами исходного и переведенного текста. Они анализируют лексику и коллокационные возможности, грамматику, синтаксические особенности текста перевода, сопоставляя их с оригиналом. На основе более широкого и полного (=репрезентативного), обновляемого корпуса целесообразно глубже изучить, описать и проиллюстрировать проблемы перевода общественно-политического текста. У исследователя появляется возможность идентифицировать трансформации, используемые переводчиками, оценить их эффективность, степень употребительности некоторых конструкций и лексических единиц, уровень эквивалентности и ее обусловленность контекстом. Также подобный корпус дополнит базу переводных текстов при осуществлении автоматизированного перевода.

Настоящая работа представляет некоторые этапы исследования по выравниванию медиатекстов и подходы к изучению результатов внутреннего гранта Ивановского государственного университета по созданию параллельного онлайн корпуса переводов текстов общественно-политической тематики (русско-английского).

Материалами являются не только официальные правительственные сайты, на которых есть переводы на иностранные языки (например, kremlin.ru), но также медиатексты новостных агентств Медуза, РИА новости, ТАСС, информационные ресурсы крупнейших международных организаций и т.п. Для удобства каждый отдельный текст сохраняется и загружается отдельным файлом и составляет подкорпус с определенным названием, зашифрованным автором. Важно ввести систему кодирования названий медиатекстов, поскольку конкорданс будет ссылаться на данные загруженного подкорпуса. Это позволит в дальнейшем понимать первоисточник материала.

Отобранные методом сплошной выборки тексты выровнены, как правило, по предложениям и в некоторых случаях по абзацам (для сохранения смыслового целого) на русском и английском языках в формате Excel. Удобной представляется программа NOVA Text Aligner [<https://nova-text-aligner.soft112.com/>], которая позволяет автоматически выполнить выравнивание текстов по абзацам, с дальнейшей ручной проверкой и разбивкой по предложениям. Основная проблема заключается в несоответствии деления на предложения при переводе, поскольку переводчик стремится передать смысл удобными и понятными конструкциями (Рис.1).

<code>&lt;s&gt; During the height of the <b>lockdown</b> – in April and May – we hired more than 20,000 people – 8,000 of them on a temporary basis and the others, on a permanent basis. &lt;/s&gt;</code>	<code>&lt;s&gt; За время карантина — апрель и май — мы наняли более 20 тысяч человек. &lt;/s&gt;&lt;s&gt; Из них восемь тысяч — временно, остальных — на постоянную работу. &lt;/s&gt;</code>
<code>&lt;s&gt; And not just for our delivery service and distribution centers. &lt;/s&gt;&lt;s&gt; The IT staff has grown in strength, too. &lt;/s&gt;</code>	<code>&lt;/s&gt;&lt;s&gt; И это не только курьерская служба и распределительные центры. &lt;/s&gt; &lt;s&gt; Скажем, айтишники заметно укрепились. &lt;/s&gt;</code>

Рис.1. Фрагмент параллельного корпуса ОПТ

Как мы видим, на английском языке абзац состоит из трех предложений, в то время как в русском переводе первое предложение разбито на два, что позволяет сделать акценты на статистические данные. К сожалению, программа при выравнивании допускает неточности, поэтому необходимо вручную проверять таблицы, чтобы добиться максимально достоверного результата.

При работе с параллельным корпусом на платформе Sketch Engine важно понимать, что программа генерирует два отдельных корпуса: на русском и английском языках, а также параллельный конкорданс. На наш взгляд, это дает дополнительные инструменты для поисковой работы. Так, например, функция Wordlist позволяет получить полный список слов в корпусе, ограничив/конкретизировав запрос по части речи, по лемме, по орфографическим особенностям и т.п. Вместе с тем, инструмент Keywords (Terminology extraction) представляет собой опцию для автоматического извлечения терминов (single-words) и терминологических словосочетаний (multi-words) данной предметной области (рис.2).

Word	Word	Word	Word	Word
1 Wildberries	11 аэрофлот	21 Еремин	31 лоббистский	41 Аeon
2 пандемия	12 удаленке	22 Милашину	32 внебольничной	42 Фургалом
3 коронавирус	13 самоизоляция	23 коронавирусная	33 фбк	43 санитайзеры
4 коронавирусом	14 Сбере	24 Демоз	34 цифровизации	44 RASK
5 коронавирусной	15 Zoom	25 Бесогона	35 Сбер	45 YIELD
6 коронавируса	16 карантин	26 Милашина	36 Кадыров	46 Титиева
7 Lufthansa	17 Хорошколе	27 Росхимзащита	37 пассажиропоток	47 Коронавирусная
8 пески	18 коронавирусе	28 hai	38 троечник	48 гейтвей
9 Оскарович	19 Forbes	29 Киберпреступность	39 госгарантий	49 подотчётной
10 пневмония	20 кибербезопасности	30 Шмарова	40 Carbanak	50 физматнаук

Рис.2. Фрагмент поиска по Keywords

Подобные списки, построенные по частотному принципу, помогают в работе с параллельным конкордансом, отражают проблематику текстов. Вместе с тем такая презентация ключевых единиц корпуса позволяет исследователю сегментировать отдельные интересные случаи переводческих решений, поскольку параллельный корпус представляет собой своего рода коллекцию стратегий и эквивалентов перевода в различных ситуациях. Возможно осуществлять дальнейший поиск в одноязычном корпусе для выделения статистических данных, лексико-грамматических характеристик эквивалентов, проводить сопоставление всех вариантов перевода. В отличие от двуязычного словаря в параллельном корпусе в распоряжении ученого эквиваленты не только на уровне сло-

ва, но также на уровне словосочетаний или даже лексико-грамматических конструкций.

Традиционным инструментом работы в параллельном корпусе, как было отмечено ранее, является параллельный конкорданс. Программа выделяет запрашиваемое слово красным цветом в тексте оригинала, а в переводе близкое по значению/эквивалентное слово выделено желтым цветом (Рис.3).

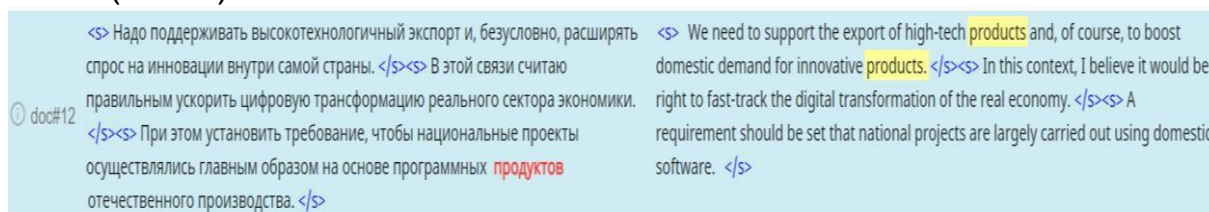


Рис. 3. Фрагмент параллельного конкорданса

Интересно подчеркнуть, что в контекстах не всегда зафиксированы непосредственные переводные соответствия, как видно из примера ‘продукты’ – ‘products’: ‘высокотехнологичный экспорт’ – ‘high-tech products’, ‘инновации’ – ‘innovative products’, ‘программные продукты’ – ‘software. Подобные переводческие решения интенционально трансформируют семантику текста оригинала, меняют акценты и приоритеты, что свойственно общественно-политическому переводу. Это представляет особый интерес для исследователя.

Таким образом, параллельный корпус является отличным инструментом для изучения вопросов перевода, все трансформации представлены в контексте, что дает возможность выделять и генерализировать наиболее популярные и (не)эффективные варианты перевода.

### Литература

European Corpus Initiative Multilingual Corpus I (ECI/MCI) [Электронный ресурс]: онлайн-корпус. – Режим доступа: <http://www.elsnet.org/eci.html>, свободный.

European Parliament Proceedings Parallel Corpus [Электронный ресурс]: онлайн корпус. – Режим доступа: <https://pub.cl.uzh.ch/wiki/public/costep/start>, свободный.

Open Parallel Corpus (OPUS) [Электронный ресурс]: онлайн-корпус. – Режим доступа: <http://opus.nlpl.eu/>, свободный

Sketch Engine [Электронный ресурс]: онлайн корпус. – Режим доступа: <https://www.sketchengine.eu/>, платный.

United Nations Parallel Corpus [Электронный ресурс]: онлайн-корпус. – Режим доступа: <https://conferences.unite.un.org/uncorpus>, свободный.



## **Слова с буквой Ё в интернет-словарях и корпусах русского языка**

*интернет-словарь, корпусная лингвистика, лингвистический словарь*

Полный академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» в §5 говорит о том, что «употребление буквы Ё может быть последовательным и выборочным». Последовательное употребление обязательно в «текстах с последовательно поставленными знаками ударения» (к их числу относятся лингвистические словари), в «книгах, адресованных детям младшего возраста» и в «учебных текстах для школьников младших классов и иностранцев, изучающих русский язык» [Правила 2006]. В обычных печатных текстах рекомендуется использовать букву Ё для предупреждения неправильного опознания слова, для указания правильного произношения слова, а также в собственных именах.

В традиционных («бумажных») словарях буква Ё, как правило, используется последовательно в заголовочных единицах. При этом слова с буквой Ё размещаются обычно в общем алфавите слов с буквой Е. Одним из немногих исключений из этого является «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой (далее – ТЭСРЯ). В этом словаре, например, слово *жёванный* располагается после слова *жечься*, а не между словами *же* и *жевать*. Пользователям бумажной версии данного словаря такое расположение заголовочных единиц доставляет определённые неудобства. В интернет-версии, размещённой на портале «Словари.ру», данная особенность не так важна, поскольку отсутствует возможность побуквенного просмотра текста словаря – только через запрос в поисковую систему.

Поисковые системы интернет-словарей русского языка, размещённых на различных порталах, в настоящее время используют несколько вариантов поиска слов с буквой Ё:

1) Буквы Е и Ё не различаются (аналогично принципам работы общих поисковых систем – Яндекс или Google), вследствие чего по запросам «небо» и «нёбо» будут выданы одинаковые результаты – и статья «небо», и статья «нёбо». Такой вариант поиска реализован на портале «Грамота.ру».

2) Буквы Е и Ё различаются, вследствие чего по запросу «небо» будет выдана статья «небо», а по запросу «нёбо» будет выдана статья «нёбо». Такой вариант поиска реализован на портале «Словари.ру».

3) Буквы Е и Ё не различаются по умолчанию, но поисковая система предоставляет возможность выбрать вариант с различением Е и Ё. Так реализован поиск на портале «Академос».

На наш взгляд, самым неудобным для пользователя является второй вариант, так как посетитель сайта может не знать о такой особенности поисковой системы. В результате по запросу «елка» или «желтый» ему будут выданы не все словари, в которых есть слова ёлка или жёлтый.

Третий вариант позволяет, например, получить список отглагольных прилагательных на *-ёный* из «Русского орфографического словаря» на портале «Академос»: *белёный, бережёный, варёный, волочёный, воронёный, ворошёный* и т.д. При таком варианте поиска в выборку не попадают слова на *-еный*: *багрёный, бешёный, верчёный, ветрёный, вялёный, глажёный* и т.д.

В некоторых случаях слова в лингвистических словарях имеют два варианта: один из них с буквой Е, второй – с буквой Ё. Составители словарей могут расположить эти варианты в разном порядке относительно друг друга. А поисковые системы зачастую в настоящее время ищут только по первому слову в заголовке словарной статьи. Варианты при этом могут быть как равноправными, так и неравноправными – тогда один из них будет являться разговорным или устаревшим.

В результате анализа ТЭСРЯ был получен список заголовочных единиц с такой вариативностью: *берёста* и *береста*, *блёлкый* и *блеклый*, *блёлкнуть* и *блекнуть*, *дрёма* и *дрема*, *жёлчный* и *желчный*, *жёлчь* и *желчь*, *заторможённый* и *заторможенный*, *колотьё* и *колотье*, *манёвр* и *маневр*, *манёвранный* и *маневренный*, *планёр* и *планер*, *поблёлкый* и *поблеклый*, *поблёлкнуть* и *поблекнуть*, *утончённый* и *утонченный*. Во всех этих случаях вариант с Ё стоит в словарной статье в первой позиции.

В других случаях в ТЭСРЯ вариант с Ё стоит во второй позиции: *акушер* и *акушёр*, *бельевщица* и *бельёвщица*, *весельный* и *вёсельный*, *далеко* и *далёко*, *загруженность* и *загружённость*, *задешево* и *задёшево*, *заснеженный* и *заснежённый*, *издалека* и *издалёка*, *исчеркать* и *исчёркать*, *комбайнер* и *комбайнёр*, *настороженный* и *насторожённый*, *начеркать* и *начёркать*, *недалеко* и *недалёко*, *недоуменный* и *недоумённый*, *околесица* и *околёсица*, *перегруженность* и *перегружённость*, *перечеркать* и *перечёркать*, *раздробленный* и *раздроблённый*, *стартер* и *стартёр*, *холёный* и *холёный*, *черкать* и *чёркать*.

Таким образом, учитывая особенности поисковой системы портала «Словари.ру», для слов первой группы результат не будет выдан при запросе с буквой Е, для слов второй группы – при запросе с буквой Ё.

Большой интерес представляют случаи, когда форма с Е и форма с Ё – это не варианты одного и того же слова, а разные слова.

В русском языке не так много примеров, когда слова отличаются буквами Е и Ё в начальных формах, чаще это встречается среди омоформ. Например, *нем* (форма прилагательного *немой*) и *нём* (форма местоимения *он*), *признает* (форма будущего времени) и *признаёт* (форма настоящего времени). Строго говоря, вопрос о том, считать ли такие случаи совпадения графического облика словоформ из-за неупотребления буквы Ё омоформами или нет, на данный момент остаётся открытым.

Анализ «Большого толкового словаря русского языка», размещенного на портале «Грамота.ру», позволил выделить следующие пары (список является предварительным): *ведро* и *вёдро*, *все* и *всё*, *железка* и *жёлёзка*, *заметка* и *замётка*, *крестный* и *крёстный*, *лен* и *лён*, *маркер* и *маркёр*, *медистый* и *мёдистый*, *начеркать* и *начёркать*, *небо* и *нёбо*, *нетопленный* и *нетоплёный*, *отщелкать* и *отщёлкать*, *падеж* и *падёж*, *падежный* и *падёжный*, *перед* и *перёд*, *сметанный* и *смётанный*, *соли-тер* и *солитёр*, *твёрдо* и *твёрдо*, *фен* и *фён*.

Значительную трудность составляет поиск слов с буквой Ё в лингвистических корпусах русского языка. Например, поисковая система Национального корпуса русского языка не различает Е и Ё. Запросы в лексико-грамматический поиск «небо» и «нёбо» выдают абсолютно одинаковый результат – 12 841 документ.

Видимо, такой подход можно считать целесообразным, поскольку далеко не во всех текстах, включённых в НКРЯ, последовательно представляется буква Ё в тех случаях, где это необходимо для разграничения омонимии.

В основной корпус НКРЯ включена книга С.В. Рязанцева «В мире запахов и звуков» (1997), в которой представлено 25 вхождений по запросам «небо» и «нёбо». Изучение контекстов позволяет установить, что во всех случаях речь идёт о мягком нёбе, при этом буква Ё использована только в 19 примерах, в 6 случаях – буква Е. Например: *Звук, издаваемый голосовым протезом, преобразуется в речь с помощью языка, мягкого неба, точно так же, как обычный голос или пищеводный голос.* [С.В. Рязанцев. В мире запахов и звуков (1997)]

Источником появления в корпусе этого и подобных примеров могут быть как непоследовательность использования буквы Ё в печатном или электронном издании – источнике текста для корпуса, так и ошибка при оцифровке, конвертации или другой обработке текста для размещения в системе.

Просмотр примеров употребления слова «нёбо» в подкорпусе со снятой омонимией показал, что даже при наличии буквы Ё в тексте во многих случаях в качестве леммы указана форма «небо», а не «нёбо».

На наш взгляд, наличие в поисковой системе возможности находить случаи с Ё отдельно от слов с Е повысило бы информационный по-

тенциал НКРЯ и позволило бы пользователю достаточно легко получить подборку контекстов (пусть и неполную) на то или иное слово с буквой Ё.

Найти примеры с Ё отдельно от примеров с Е в НКРЯ всё-таки возможно. Для этого в поиске точных форм необходимо ввести запрос «нЁбо» (с заглавной буквой Ё) – система выдаёт результат: 96 документов, 124 вхождения. Для поиска слова «нёбо» во всех формах можно использовать запрос с усечением окончания «нЁб\*» – система выдаёт результат: 186 документов, 268 вхождений (часть контекстов при этом могут представлять собой употребления других слов, например, *нёбный*).

Таким образом, пользователю интернет-словарей и лингвистических корпусов нужно быть очень внимательным при поиске слов с буквой Ё, чтобы получить релевантные результаты.

Полученные в ходе нашего исследования данные могут быть использованы при создании сводных словарей русского языка различного типа, а также при разработке и усовершенствовании программ автоматической обработки текста (для лемматизации или разметки).

### Литература

Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/index.html>

Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС». Режим доступа: <http://orfo.ruslang.ru/>

Портал «Словари.ру». Режим доступа: <http://www.slovari.ru/>

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В.Лопатина. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.

Справочно-информационный портал «Грамота.ру». Режим доступа: <http://gramota.ru/>

## **Использование языковых моделей в задаче связывания именованных сущностей**

*обработка естественного языка, связывание именованных сущностей,  
информационный поиск*

Введение. В представленной работе рассматриваются методы глубокого обучения в задаче связывания именованных сущностей. В частности, рассмотрена языковая модель BioBERT на основе архитектуры Transformer. Предложенный подход базируется на создании единого векторного пространства для сущностей и концептов. Данный подход позволяет сопоставлять концепт, соответствующий сущности на основе мер сходства, и рассматривать задачу связывания именованных сущностей как задачу ранжирования. Преимуществом такого подхода, в отличие от классификационного, является отсутствие жестко зафиксированного словаря. Оценка качества была проведена на корпусе пользовательских текстов CADEC. В качестве метрики качества использовались точность первого концепта (acc@1) и точность первых пяти концептов (acc@5) в ранжированном списке. Также было проведено сравнение предложенного подхода с классификационным и словарным подходом подходами

Связывание именованных сущностей является одной из ключевых задач в области обработки естественного языка. При этом техники связывания именованных сущностей все чаще находят применение в различных областях [Gupta 2017, 1: 2681; Hasibi 2016, 1: 209], в том числе в медицинском домене [Tutubalina 2018, 84: 93]. Следует отметить, что лекарства, болезни и гены играют центральную роль во многих областях биомедицинских исследований и здравоохранения. Следовательно, инструментарий для автоматической обработки биомедицинских текстов должен включать в себя эффективные подходы связывания перечисленных типов сущностей. Большинство работ, посвященных данной теме, рассматривают задачу связывания медицинских сущностей как задачу классификации. Данный подход является весьма эффективным при условии полноты текстовой коллекции, на которой происходит обучение классификационных моделей [Tutubalina 2018, 84: 93; Karimi 2015, 55: 73]. Однако, как было показано в работе [Tutubalina 2018, 84: 93], в текстовых коллекциях, содержащих разметку для задачи связывания именованных сущностей, находится лишь малая часть возможных концептов (до 10%). В данной работе предложен и проанализирован подход, позволяющий обойти данное ограничение классификационного подхода.

Проводимые в последние 3 года исследования, посвященные нормализации медицинских концептов, в большей степени рассматривают изучаемую задачу с точки зрения классификации и используют современные алгоритмы глубокого обучения. К примеру, в работе [Limsopatham 2016, 1: 1014] применены сверточные нейронные сети. В данной статье авторы показали, что применение моделей глубокого обучения дает значительный прирост по F-мере в сравнении с классическими подходами. Обученная ими модель достигла 81.4% F-меры на корпусе CADEC [Karimi 2015, 55: 73]. В работе [Miftahutdinov 2017] авторами предложен новый метод установления соответствия между текстами из медицинских документов и формальными медицинскими понятиями, основанный на глубоких нейронных сетях архитектуры “кодировщик–декодировщик” (encoder-decoder). В реализованный метод интегрированы словарные признаки, основанные на знаниях о медицинских терминах и соответствующих кодах в международной классификации болезней (МКБ-10, ICD-10). В работе [Tutubalina 2018, 84: 93] исследованы рекуррентные нейронные сети, в частности LSTM и GRU. Авторами работы показано, что рекуррентные нейронные сети превосходят сверточные нейронные сети, достигая при этом 85.01% по показателю F-меры на корпусе CADEC.

Одной из серьезнейших проблем классификационного подхода является отсутствие обучающих выборок, покрывающих все возможные медицинские концепты. Как показано в работе [Tutubalina 2018, 84: 93], корпус CADEC содержит менее 5% концептов медицинской номенклатуры SNOMED-CT. Подобные утверждения верны и для большинства других корпусов. К примеру, корпус PsyTag содержит менее 1% от исходной системы кодирования, корпус SMM4H – менее 0.5%, корпус TwiMed – менее 0.5%, корпус NCBI – менее 0.01%, корпус TwADR-L – менее 0.01%. В связи с указанным ограничением корпусов классификационные подходы не способны распознать концепты, отсутствующие в обучающей выборке. Как следствие, наблюдается необходимость в разработке новых методов решения задачи нормализации медицинских сущностей, основанных на современных методах обработки естественного языка и не требующих наличия всех медицинских концептов в обучающей выборке.

*Метод.* Предложенный в работе метод основан на языковой модели BioBERT [Lee 2020, 36: 1234]. Модель BioBERT построена на архитектуре Transformer и обучена на корпусе аннотаций биомедицинских статей Pubmed. Данная модель ставит в соответствие тексту векторное представление. При этом векторное представление строится таким образом, что схожие тексты в векторном пространстве располагаются ближе, чем различные тексты. В соответствии с этой особенностью предложен подход к решению задачи нормализации. А именно, сущностям и наименованиям концептов из базы знаний ставятся в соответ-

ствии векторные представления, полученные из языковой модели BioBERT. Далее список концептов ранжируется на основе расстояния между векторным представлением концепта и векторным представлением сущности. Ранжирование осуществляется в порядке увеличения расстояния, и в качестве кандидатов используются ближайшие к сущности концепты. Для реализации использована библиотека faiss, позволяющая быстро осуществлять поиск ближайших соседей в векторном пространстве по широкому спектру функций расстояния, в том числе по Евклидову расстоянию и косинусному расстоянию. Стоит отметить, что в ходе экспериментов не обнаружено существенной разницы по метрикам качества между Евклидовым расстоянием и косинусным, вследствие чего в данной статье приведены результаты для Евклидова расстояния.

*Результаты.* Оценка качества проведена на корпусе пользовательских текстов CADEC. В качестве метрики качества использовались точность первого концепта (acc@1) и точность первых пяти концептов (acc@5) в ранжированном списке.

*Таблица 1. Метрики качества на тестовом наборе данных*

Method	acc@1	acc@5
BioBERT ranking	44.52%	51.9%
Tutubalina and Miftahutdinov, 2018	85.01%	–

Оценка данного способа ранжирования выполнена при помощи метрики точности на корпусе CADEC. При использовании векторов на основе языковой модели BioBERT на наборе данных CADEC acc@1 достигло 44.52%, acc@5 достигло 51.90%. При использовании аналогичного подхода выбора кандидатов, но на основе векторных представлений слов PubmedVec качество незначительно снизилось. На наборе данных CADEC acc@1 достигло 41.52%, acc@5 достигло 51.77%.

*Таблица 2. Метрики качества на фильтрованном тестовом наборе данных*

Method	acc@1	acc@5
BioBERT ranking	28.32%	39.57%
Tutubalina and Miftahutdinov, 2018	0%	0%

Если отфильтровать тестовую выборку и оставить в ней концепты, не присутствующие в обучающей выборке, то результаты будут следующие: на наборе данных CADEC показатель acc@1 достиг 28.32%, показатель acc@5 достиг 39.57%.

Проведенный в данной работе анализ показал, что модели, основанные на классификационном подходе, показывают высокие метрики качества. При этом стоит отметить, что классифицирующий подход не может правильно определить концепт, к которому принадлежит сущность, если данного концепта не было в обучающей выборке. Подход, основанный на мерах сходства, такими ограничениями не обладает. В качестве развития представленной идеи можно рассмотреть комбинированный подход, а также тонкую настройку языковой модели под задачу поиска ближайшего концепта.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-37-90074.*

### **Литература**

Gupta N. Entity linking via joint encoding of types, descriptions, and context / N.Gupta, S.Singh, D.Roth // Proceedings of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. – 2017. – С.2681-2690.

Hasibi F. Exploiting entity linking in queries for entity retrieval / F.Hasibi, K.Balog, S.E.Bratsberg // Proceedings of the 2016 ACM International Conference on the Theory of Information Retrieval. – 2016. – С.209-218.

Karimi S. et al. Cadec: A corpus of adverse drug event annotations / S.Karimi et al. // Journal of biomedical informatics. – 2015. – Т.55. – С.73-81.

Lee J. et al. BioBERT: a pre-trained biomedical language representation model for biomedical text mining / J.Lee et al. // Bioinformatics. – 2020. – Т.36. – №4. – С.1234-1240.

Limsopatham N. Normalising Medical Concepts in Social Media Texts by Learning Semantic Representation / N.Limsopatham, N.Collier // Proceedings of the 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers). – 2016. – С.1014-1023.

Miftahutdinov Z. KFU at CLEF eHealth 2017 Task 1: ICD-10 Coding of English Death Certificates with Recurrent Neural Networks / Z.Miftahutdinov, E.Tutubalina // CLEF (Working Notes). – 2017.

Tutubalina E. et al. Medical concept normalization in social media posts with recurrent neural networks / E.Tutubalina et al. // Journal of biomedical informatics. – 2018. – Т.84. – С.93-102.



## Некоторые особенности графического изображения эмоций в синтаксических конструкциях в интернет-коммуникации

*интернет-коммуникация, синтаксис, смайлы, эмотиконы, эмодзи,  
компьютерная лингвистика*

Известный лингвист И.А.Бодуэн де Куртенэ писал, что «язык в самом обширном смысле является универсальным рефлексом духа на раздражения со стороны мира» [Бодуэн де Куртенэ 1963, 2: 71–72]. В жизни современного человека одним из сильнейших «раздражителей» является Интернет, который оказывает существенное влияние на все сферы деятельности, в том числе на развитие и функционирование языка. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают тенденции, которые можно наблюдать в интернет-коммуникации.

В письменной интернет-коммуникации дополнительные средства выражения эмоций (помимо вербальных) отсутствуют, что не позволяет использовать паралингвистические средства, свойственные устной речи. Использование письменной речи в интернет-коммуникации в качестве эквивалента устного общения приводит к необходимости передачи эмоционального состояния и отношения коммуникантов к высказанным им мыслям с помощью особых знаковых систем. По этой причине авторы постов и комментариев активно используют различные графические средства для передачи дополнительной эмоциональности и экспрессивности. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые особенности графического отображения эмоций в интернет-текстах.

Одним из первых специфических средств графического обозначения эмоции на письме стали смайлы (от англ. smile – улыбка). Их изобретение приписывается Скотту Фалману. В 1982 году он предложил использовать последовательность трех знаков препинания подряд для обозначения улыбки. Затем смайлами (или эмотиконами) стали называть все графические изображения, состоящие из комбинаций знаков препинания и прочих символов, использующихся на письме.

В Кембриджском словаре английского языка эмотикон определяется как «изображение, состоящее из символов, таких как знаки препинания, используемые в текстовых сообщениях, электронных письмах и т.д., чтобы выразить определенную эмоцию» [Электронный ресурс] (URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/emoticon>) (дата обращения 28.08.2020). Классический смайл, обозначающий радость, первоначально состоял из трех последовательных знаков – дефис, двоеточие, закрывающая скобка – :-).

Анализ языкового материала, выделенного из интернет-текстов социальных сетей и тематических форумов региональных и федеральных ресурсов, показал, что современная тенденция к экономии языковых средств характерна и в ситуации с эмодзи. В подавляющем большинстве примеров смайлы представлены в усеченном виде – закрывающая или открывающая скобка, что соответствует положительной и отрицательной эмоциям. Ср.: – Чето здесь с завтрева дождливую погоду обещают синоптики<sup>1</sup> (Forums.drom.ru) (дата обращения 19.08.2020). VeZZa, Отличный балл по химии! Мы отстрелялись) (Там же) (дата обращения 19.08.2020).

В ряде случаев авторы текста используют сразу несколько скобок-эмодзи. Такой прием необходим продуценту текста для придания особой важности передаваемой им эмоции, подчеркиванию высшей степени радости, печали и т.д. Ср.: Наша няня – наша волшебница)) Дочка любит её, с удовольствием ходит в свой "садик") (Supermamki.ru) (дата обращения 20.08.2020). Ну как сказать... Далеко не все бабушки жаждут нянчиться с внуками ((( во всяком случае, в том объеме, насколько это необходимо работающей маме...((( (Там же) (дата обращения 20.08.2020).

С развитием технологий появились новые способы графического оформления эмоций. Пользователи сети Интернет стали активно использовать пиктограммы – эмодзи (эмоджи). Их изобретение относят к концу 90-х годов XX века. Автором первых наборов эмодзи считается Сигэтака Курита [Пигина 2013: 145]. С помощью пиктограмм можно выражать большой спектр эмоций. Со временем технологии позволили анимировать картинки, и теперь они могут демонстрировать законченное действие.

Эмодзи стали неотъемлемой частью интернет-текстов всех выявленных на сегодняшний момент жанров. Применение при общении пиктограммы, которая позволяет одним значком выразить нужную эмоцию, украсить текст картинкой, создать благоприятное впечатление на собеседника, стало удобным инструментом интернет-коммуникации. Одним из самых главных плюсов является экономия времени.

На основе анализа языкового материала, извлеченного из сетевых ресурсов социальных сетей и тематических форумов, можно предложить определенную классификацию использования эмодзи в интернет-коммуникации.

*Эмодзи в качестве вставной или присоединительной конструкции.* Часто пиктограммы в словосочетаниях и предложениях не выполняют роль какого-либо члена предложения, а всего лишь усиливают эмоциональность какого-то конкретного слова или предложения. Анализ языкового материала показывает, что такие примеры имеют высокую

---

<sup>1</sup> Авторская орфография и пунктуация сохранена во всех примерах, приведенных в данной статье.

частотность применения в текстах интернет-коммуникации. Ср.: 🤪

🤪 Что-то я немного запуталась уже... (supermamki.ru) (дата обращения 10.08.2020). Обязательно для тебя баночку сделаю)))) 🌸 (Vk.com) (дата обращения 10.08.2020).

Следует отметить, что нередко пользователи социальных сетей и форумов используют необоснованно большое количество эмодзи в предложениях, в результате чего может произойти недопонимание со стороны других участников процесса коммуникации сути передаваемого сообще-

ния. Ср.: Горюсик, если ты жив, дай мне знать 🤪 🏠 🌸 🍷 🌸 (e1.ru/talk/forum) (дата обращения 20.08.2020).

*Эмодзи в качестве замены знаков препинания.* Авторы текстов в интернет-коммуникации в целях экономии времени регулярно используют эмодзи в качестве знаков препинания. В этих же случаях удается дополнительно передавать собеседнику и эмоцию, уместную для предлагаемого словосочетания или предложения. Ср.: даже бежать с доками куда не надо 🤪 сиди смотри на списки в компе (vladmama.ru) (дата обращения 12.08.2020).







*Эмодзи в качестве вводных конструкций.* В ряде примеров, которые были выделены нами из текстов интернет-ресурсов, просматривается попытка использования пиктограмм в качестве вводных конструкций. При этом значение конкретного эмодзи можно определить строго в контексте, а само оно имеет чисто субъективный характер, в зависимости от степени понимания читателем сути сообщения, которое в него заложил сам автор. Ср.: Нужно стричь малого, а то скоро отдыхать поедем и сгорит голова на солнышке 🤪, если отрасти не успеет (Vladmama.ru/forum) (дата обращения 18.08.2020). В приведенном примере эмодзи может быть рассмотрено в качестве вводной конструкции со значением «сто процентов» или «конечно» и т.д. В другом примере «ну 🤪» пиктограмма может восприниматься как вводное слово «конечно».

*Эмодзи в качестве словосочетаний, означающих законченное действие.* Анализ языкового материала позволил выявить случаи употребления в текстах интернет-ресурсов особенных анимированных пиктограмм, которые отображают определенное развернутое и законченное во времени действие. Популярность данного приема нам видится в экономии времени и желании автора привлечь внимание к своему тексту доступным способом. Причем среди проанализированных примеров можно выделить такие, которые относятся к определенным темам,

например, празднованию событий и др. Ср.: Всех с Наступающим! 🎄

🎅 🎅 🎅 (Cosmo.ru) (дата обращения 15.08.2020).

*Эмодзи в качестве самостоятельных специфических словосочетаний или предложений.* Анализ интернет-текстов позволил выделить особые примеры, в которых авторы вообще не используют слова, словосочетания или предложения для ответов или коммуникации с другими участниками процесса общения, передачи им информации. Вероятно, в этих случаях играют роль несколько факторов: стремление к экономии, нежелание выразить ответ в письменной форме и потребность самовыразиться оригинальным, отличным от других способом. Ср.:

  (E1.ru/talk) (дата обращения 16.08.2020).    (Там же) (дата обращения 16.08.2020).  (Vk.com) (дата обращения 15.08.2020).

Таким образом, в современной интернет-коммуникации наблюдаются активные процессы, связанные с замещением письменной речи графическими средствами, включающими в себя смайлы, эмодзи и анимированные пиктограммы. Эти приемы позволяют авторам передавать своим собеседникам гораздо больший спектр эмоций, чем в обычной переписке с помощью традиционных средств. Нам видится, что такая тенденция может получать свое развитие в будущем, а следовательно, представляет особый интерес для ее изучения в рамках таких наук, как например, компьютерная лингвистика.

### Литература

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И.А.Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963. – Т.1–2.

Гох О.В. Выражение эмоций посредством пиктографических знаков в интернет-языке / О.В.Гох // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2012. – № 5 (25). – С.280–282.

Крылова М.Н. Личные статусы в социальной сети «Одноклассники»: содержание и язык / М.Н.Крылова // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2016/01/1841> (дата обращения: 18.08.2020).

Крылова М.Н. Способы выражения эмоций в социальных сетях / М.Н.Крылова // Филология и литературоведение. – 2016. – № 1 (52) [Электронный ресурс]. – URL: <http://philology.snauka.ru/2016/01/1841> (дата обращения: 20.07.2020).

Пигина Е.С. Смайллик как элемент эмоционального воздействия в организации общения в сети Интернет / Е.С.Пигина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – №11. Ч.2. – С.144–146.

Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение / М.Ю.Сидорова. – М.: 1989.ру, 2006. – 192 с.

## **Задача автоматического распознавания сарказма и иронии: сбор и анализ наборов данных для русского языка**

*обработка естественного языка, распознавание сарказма,  
распознавание иронии, анализ тональности*

В статье описывается процесс сбора и подготовки наборов данных на русском языке с целью их дальнейшего использования в задаче автоматического распознавания сарказма и иронии. Наборы данных получены с порталов [cityinfo.ru](http://cityinfo.ru) и [bbf.ru](http://bbf.ru) и содержат соответственно 390 тысяч и 270 тысяч текстовых сообщений. Наборы размечены и выложены в публичный доступ; проведено их сравнение с существующими аналогами на английском языке.

*Введение.* Автоматическое распознавание таких языковых явлений, как сарказм и ирония, является важным при анализе тональности текстовых сообщений, поскольку эти явления способны изменить смысл сообщения на противоположный и запутать как человека, так и интеллектуальную систему. Например, саркастический комментарий “я так рад, что мне дали столько работы, что теперь я могу ночевать здесь” может быть расценен как позитивный, однако он вовсе таковым не является.

Распознавание сарказма и иронии достаточно хорошо изучено для текстов на английском языке и, в основном, сводится к задаче бинарной классификации с использованием методов машинного обучения и глубоких нейронных сетей [Riloff 2013; Khodak 2018]; в качестве источников обучающих данных при этом выступают порталы [twitter.com](http://twitter.com) и [reddit.com](http://reddit.com).

Что касается русского языка, то в ходе нашего исследования не было выявлено ни одного доступного набора данных, ориентированного на решение указанной задачи. Поэтому целью данной работы стал поиск русскоязычных источников данных, их сбор и разметка. В результате были получены два набора данных, на которых в последующем можно сравнивать результаты работы различных методов решения задачи автоматического распознавания сарказма и иронии.

*Полученные наборы данных.* В качестве источников данных были выбраны порталы [cityinfo.ru](http://cityinfo.ru) и [bbf.ru](http://bbf.ru), содержащие цитаты из художественных произведений и массмедиа. Эти порталы имеют преимущество, выраженное в наличии привязанного к цитате набора тегов, в которых может содержаться информация о тональности цитаты, в частности о том, является ли она ироничной или саркастичной. Портал

cityaty.info также предоставляет информацию о дате публикации, ее рейтинге, количестве позитивных и негативных оценок.

Исходные наборы данных представляют собой текстовые файлы, содержащие json-объекты (цитата, автор, источник и т.п.), собранные с каждого из ресурсов за период от его создания до 16.10.2020. К исходным данным были применены фильтры, а именно были удалены:

- лишние символы ('©', '»', '☀' и др.);
- слишком длинные и слишком короткие цитаты (менее 10 и более 350 символов);
- фрагменты цитат на других языках и т.д.

Также из сообщений при помощи меры сходства Джаро-Винклера [Winkler 1999] были удалены дубликаты. Пример записи из итогового набора данных с портала cityaty.info представлен на Рисунке 1. Полученные наборы данных доступны по адресу: <https://goo.su/2Ovm>.

quote	Разумеется, человека можно любить, – если знаешь его не слишком близко.	
tags	[человеколюбие, человек, люди, саркастичные ]	
rating		57
rating_positive		65
rating_negative		8
submitted_by		Runa
submitted_date		2009-08-11 23:07:00
comments_count		1
author	[Чарльз Буковски]	
character		[]
is_dialog		0
target		1
source		None

Рис.1. Пример записи из набора данных с портала cityaty.info

Следует отметить, что в полученных наборах распределения длин саркастических и не саркастических сообщений близки (см. Рисунок 2). Это гарантирует, что выбранные для решения задачи методы не будут переобучаться на длину строки.

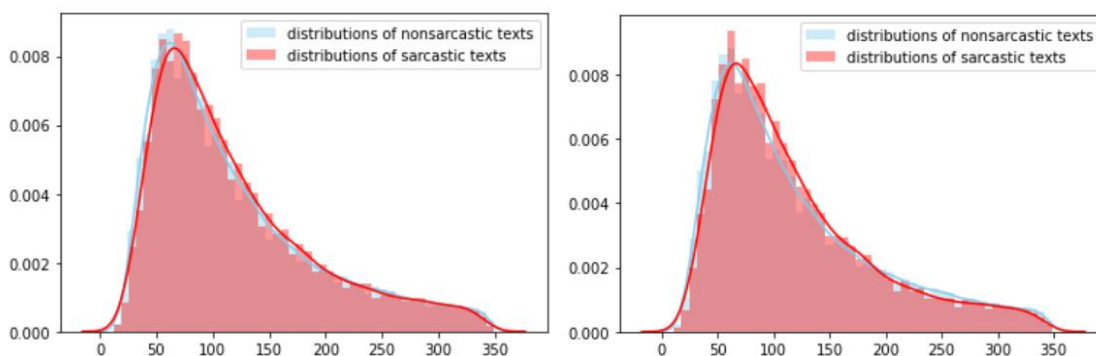


Рис.2. Распределение длины текстовых сообщений по классам: не саркастические – синий, саркастические – красный (портал bbf.ru – слева, портал cityaty.info – справа)

Информация о сравнении количества записей в полученных наборах данных с известными наборами на английском языке, а также отно-

шение саркастичных и ироничных записей ко всем записям в наборе представлены в Таблице 1. Важно отметить, что сарказм и ирония встречаются в текстовых сообщениях нечасто, поэтому выборки, как правило, являются несбалансированными. Также можно видеть, что объем полученных нами наборов данных на русском языке сравним со средним объемом других общеизвестных англоязычных наборов.

Таблица 1. Сравнение числа записей в известных и полученных наборах данных

источник данных	авторы	год	общее число записей	число саркастических записей
Twitter	Joshi и другие	2016	5.2 тыс.	4.2 тыс.
	Bamman и Smith	2015	19.5 тыс.	9.7 тыс.
	Reyes и другие	2013	40 тыс.	10 тыс.
	Riloff и другие	2013	175 тыс.	35 тыс.
	Pta'cek и другие	2013	780 тыс.	130 тыс.
Reddit	Wallace и другие	2015	14124	753
	Khodak и другие	2018	533 миллиона	1.34 миллиона
cityat.info bbf.ru	текущее исследование	2020	390 тыс.	26.9 тыс.
		2020	270 тыс.	19.6 тыс.

*Эксперименты.* На полученных наборах данных был проведен ряд экспериментов. После предобработки текстов (удаления пунктуации, применения морфоанализатора *mystem* [Segalovich 2003], удаления стоп-слов) для них были опробованы 2 алгоритма:

1. “мешок слов” и логистическая регрессия;
2. “мешок биграмм” и логистическая регрессия.

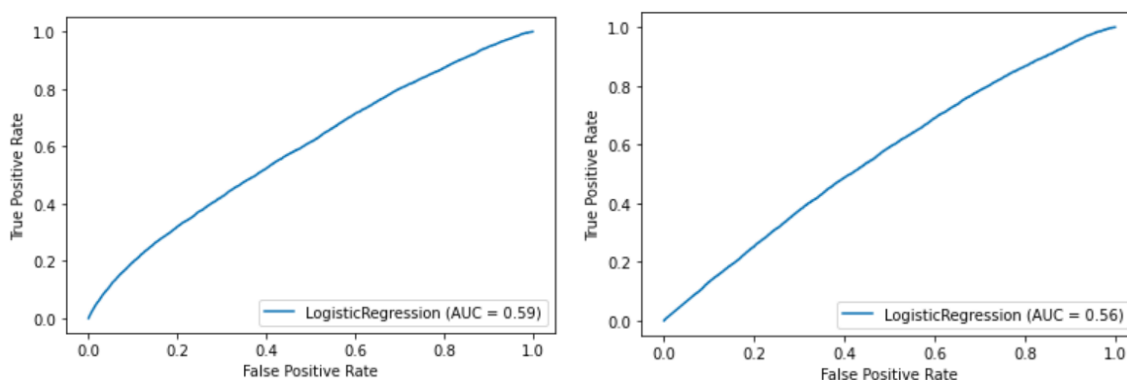


Рис.3. ROC-кривые для первого (слева) и второго (справа) методов для набора данных *cityat.info*

Данные были разбиты на обучающую и тестовую выборки в соотношении 70% на 30% соответственно. На рисунке 3 представлены ROC-



кривые для методов, полученные на наборе данных с портала citaty.info. Как видно, подходы показывают результаты лучше, чем случайные.

Код, воспроизводящий результаты экспериментов, доступен по адресу: <https://github.com/castargo/SarcQuoteDetectionRus>.

*Заключение.* Многие интеллектуальные системы, решающие задачи извлечения мнений и анализа тональности, требуют объемных наборов данных. Заранее собранные и размеченные наборы позволяют исследователям решать задачу автоматического распознавания сарказма и иронии на русском языке. Для проверки результатов исследования в статье представлены эксперименты и указаны базовые результаты.

Авторы статьи выражают свою благодарность порталам citaty.info и bbf.ru за предоставление данных для исследования.

### Литература

Bamman D. Contextualized sarcasm detection on twitter / D.Bamman, N.A.Smith // Proceedings of the Ninth International AAAI Conference on Web and Social Media. – 2015. – P.574-576.

Joshi A. Automatic sarcasm detection: A survey / A.Joshi, P.Bhattacharyya, M.J.Carman // ACM Computing Surveys. – 2016. – Vol. V. – 17 p.

Khodak M. A Large Self-Annotated Corpus for Sarcasm / M.Khodak, N.Saunshi, K.Vodrahalli // European Language Resources Association (ELRA). – 2018. – Corpus ID: 4311707.

Pta'cek T. Sarcasm detection on czech and english twitter / T.Pta'cek, I.Habernal, J.Hong // 25th International Conference on Computational Linguistics: Technical Papers. – 2014. – Pp.213–223.

Reyes A. A multidimensional approach for detecting irony in twitter / A.Reyes, P.Rosso, T.Veale // Data Knowledge Engineering. – 2013. – 47(1). DOI:10.1007/s10579-012-9196-x

Riloff E. Sarcasm as contrast between a positive sentiment and negative situation / E.Riloff, A.Qadir, P.Surve, L.D.Silva et al. // Proceedings of the 2013 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. – 2013. – Pp.704–741.

Segalovich I. A fast morphological algorithm with unknown word guessing induced by a dictionary for a web search engine / I.Segalovich // Proceedings of the International Conference on Machine Learning; Models, Technologies and Applications. – 2003. – Pp.273-280.

Wallace B.C. Humans require context to infer ironic intent (so computers probably do, too) / B.C.Wallace, D.K.Choe, L.Kertz, E.Charniak // Proceedings of the 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2014. — 512–516.

Winkler W.E. The State of Record Linkage and Current Research Problems / W.E.Winkler // Statistical Research Division, US Census Bureau, 1999.



**Эволюция лексической семантики:  
основные направления квантитативных исследований**

*векторная семантика, эволюция, лексика, квантитативная лингвистика,  
корпусы*

Важность для лингвистики и культурологии изучения общих законов, определяющих эволюцию семантики слов, отмечалась во многих работах. В настоящее время актуальность задачи определяется появлением компьютерных технологий и ресурсов, позволяющих получать строгие квантитативные характеристики эволюционных процессов, что ранее было невозможно. Умение автоматически выявлять изменение значений конкретных слов приобретает все большее практическое значение в связи с многочисленными важными прикладными системами обработки текстов: поиск, машинный перевод, вопросно-ответные системы и т.д. Решение этой задачи может иметь серьезное влияние на лексикографию. Выявляемые новые значения слов являются кандидатами на включение в словари и тезаурусы.

Автоматическое обнаружение семантических изменений основано на дистрибутивной гипотезе. В рамках этого подхода семантика слова репрезентируется вектором частот слов, совместно встречающихся в корпусе с рассматриваемым. Существует много реализаций этой идеи, наиболее продвинутой из них является метод word embedding, уменьшающий размерность векторов.

Далее требуется определить, что же такое изменение семантики и как ее обнаружить автоматическим образом. Выделяют временное изменение семантики как реакцию на какие-то события в обществе и установившееся изменение, когда новый смысл слова включается в язык на постоянной основе и становится общепринятым.

Оба типа изменений охватывает определение (Cambridge change), предложенное в кембриджской философской школе [Mortensen 2016], в то время как определение по McTaggart [Broad 1938] охватывает только второй тип. Большинство работ по компьютерной лингвистике нацелено на поиск изменений обоих типов. Вопрос, считать ли временное изменение контекстов употребления слова изменением семантики, является дискуссионным [Del Tredici 2019]. Обычно Cambridge change ищется между двумя фиксированными датами или временными интервалами. При этом обнаружение Cambridge change не гарантирует ее стабильность. Для обнаружения изменений по McTaggart строят временные ряды семантик слова, т.е. последовательность репрезентаций семантики слова в каждый момент времени.

Классификация изменений семантики восходит к работе [Bloomfield 1933] и включает следующие виды: сдвиг (смена значения), сужение значения, расширение значения, метафорический перенос, метонимический перенос. Для эмоционально окрашенных слов также отмечаются сдвиги в сторону негативного либо позитивного восприятия. На текущий момент в большинстве работ фиксируется лишь сам факт изменения значения, но не определяются его характер. Исключением является работа [Mitra 2014].

Для сопоставления векторов и иных репрезентаций семантики слов, построенных для разных моментов времени, рассчитывается расстояние между ними по тем или иным метрикам. В разных исследованиях тестировались разные метрики – косинусное расстояние, дивергенция Дженсена – Шеннона и др.

Большинство исследований в этой области проводится на небольшом числе примеров. Для английского языка в разных работах количественными методами анализировалось изменение семантики таких слов, как: *browse, surf, messenger, bug, gay, awful, fatal* и некоторых других. Для русского языка в работе [Vochkarev 2020] предложен новый метод детектирования семантических изменений, возможности которого продемонстрированы на примере слов *спутник, спутница, apple, click*.

Существуют различные модификации векторной семантики. В [Wojanowski 2017] дополнительно к словам вносится информация, связанная с частями слов. Наиболее значительным вкладом в данную область является применение технологии word embedding [Hamilton 2016].

Слабым местом этой области исследований является отсутствие золотого стандарта слов, меняющих семантику [Kutuzov 2018], что не позволяет сравнивать различные методы между собой. Недавно в рамках выполняемого в Казани проекта РФ “Дистрибутивно-квантитативный анализ семантических изменений на основе больших диахронических корпусов” создан такой корпус для русского языка [Rodina 2020].

Небольшое число исследований посвящено общим законам эволюции семантики, причем получаемые на этом пути результаты достаточно неожиданные и заслуживают самого пристального внимания. В [Xu 2015] на базе данных корпуса Google Books Ngram (<https://books.google.com/ngrams>) показано, что в XX веке синонимы становились ближе друг к другу, что противоречит распространенной точке зрения о расхождении синонимов. В работе [Solovyev 2019] показано, что доминанта синонимических рядов имеет тенденцию к уменьшению частоты употребления и переходу на периферию.

В работе [Hamilton 2016] предложены два закона: “the law of conformity” – частотные слова изменяются медленнее, и “закон инновации” – полисемичные слова меняются быстрее моносемичных той же частоты. В работе [Eger 2016] – “закон дифференциации”, согласно ко-

тому семантика слов меняется линейно, т.е. степень похожести слова на самого себя с течением времени уменьшается по линейному закону. В [Dubossarsky 2016] показано, что глаголы меняются быстрее, чем существительные. Все вышеперечисленные результаты нуждаются в независимой верификации.

Для дальнейших компьютерных исследований в этой области важным представляется интеграция с лингвистическими теориями изменения семантики, такими как Diachronic Prototype Semantics [Geeraerts 1999] и Invited Inference Theory of Semantic Change [Traugott 2002].

Подробный обзор исследований по эволюции семантики можно найти в работах [Kutuzov 2018, Tang 2018].

*Благодарность. Работа выполнена при поддержке РФФ, грант № 20-18-00206.*

### Литература

Mortensen C. Change and Inconsistency. The Stanford Encyclopedia of Philosophy [Winter 2016 Edition] / C.Mortensen. – 2016. – <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/change/>.

Broad C.D. Examination of McTaggart's philosophy / C.D.Broad. – Cambridge Univ. Press. – 1938.

Del Tredici M. Short-Term Meaning Shift: A Distributional Exploration / M. del Tredici, R.Fernandez, G.Boleda // arXiv:1809.03169v3 [cs.CL] 30 Apr 2019.

Bloomfield L. Language / L.Bloomfield. – New York: H. Holt and company, 1933.

Mitra S. et al. That's sick dude!: Automatic identification of word sense change across different time scales / S.Mitra et al. // Proceedings of the 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2014. – Pp. 1020-1029.

Bochkarev V. A method of semantic change detection using diachronic corpora data / V. Bochkarev, A. Shevlyakova, V. Solovyev // Communications in Computer and Information Science. – 2020. – Vol.1086. – P.94-106.

Bojanowski P. Enriching word vectors with subword information / P.Bojanowski, E.Grave, A.Joulin, and T.Mikolov // TACL. – 2017. – Vol.5. – Pp.135-146.

Hamilton W.L. Diachronic Word Embeddings Reveal Statistical Laws of Semantic Change / W.L.Hamilton, J.Leskovec, J.Dan // Proceedings of the Meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2016. – Pp. 1489-1501. doi: 10.18653/v1/P16-1141.

Kutuzov A. Diachronic word embeddings and semantic shifts: a survey / A.Kutuzov, L.Øvrelid, T.Szymanski, E.Velldal // Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics. – 2018. – Pp.1384-1397.

Rodina Ju. ELMo and BERT in semantic change detection for Russian / Ju.Rodina, Yu.Trofimova, A.Kutuzov, E.Artemova // arXiv:2010.03481v1. – 2020.

Xu Y. A computational evaluation of two laws of semantic change / Y.Xu, C.Kemp // Proceedings of the 37th Annual Meeting of the Cognitive Science Society. – 2015.

Solovyev V. Quantitative Analysis of Frequency Dynamics of Synonymic Dominants / V.Solovyev, V.Bochkarev, A.Shevlyakova // Communications in Computer and Information Science. – 2019. – Vol. 1038. – Pp. 696-707.

Eger S. On the linearity of semantic change: Investigating meaning variation via dynamic graph models / S.Eger, A.Mehler // Proceedings of the 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2016. – Pp. 52-58.

Dubossarsky H. Verbs change more than nouns: a bottom-up computational approach to semantic change / H.Dubossarsky, D.Weinshall, E.Grossman // *Lingue e linguaggio*. – 2016. – Vol. 15, №1. – Pp.7-28.

Geeraerts D. Diachronic prototype semantics: A digest / D.Geeraerts // *Historical Semantics and Cognition*; ed. by A.Blank & P.Koch. – Walter de Gruyter, 1999. – Pp.91-108.

Traugott E.C. Regularity in semantic change / E.C.Traugott, R.B.Dasher // Cambridge: Cambridge University Press, 2002. DOI:10.1017/S0022226706284585

Tang X. A State-of-the-Art of Semantic Change Computation // arXiv preprint. arXiv:1801.09872 [CI]. – 2018. – Pp.2-37.

### **К вопросу о разработке тезаурусов индивидуально-авторских дискурсов**

*тезаурус, Бажов, минералы, индивидуально-авторский дискурс.*

В последние годы в связи с развитием количественной и компьютерной лингвистики в отдельное направление исследований выделяется авторская лексикография, создание словарей языка писателя. Создание индивидуально-авторских тезаурусов способствует лучшему пониманию языковой личности писателя, его мировосприятия, миропонимания, отраженного в единицах языковой системы, позволяет осуществлять диахроническое изучение языка, проводить сопоставительный анализ различных писательских идиолектов и т.д. Иными словами, создание тезаурусов индивидуально-авторских дискурсов позволяет успешно решать ряд важных задач, которые стоят перед современным языкознанием. В то же время, несмотря на очевидную актуальность развития указанного направления лексикографии, принимая во внимание относительно недолгую в историческом плане историю его развития, по сегодняшний день единая процедура, закономерности разработки электронных ресурсов, посвященных идиолекту отдельных писателей, критерии, определяющие необходимость включения тех или иных единиц в тезаурус, остаются изученными фрагментарно. Формируется противоречие, обусловленное очевидной необходимостью разработки тезаурусов, которые позволяют оптимизировать процессы исследования творчества отдельных писателей, и недостаточной разработанностью заявленной проблематики в современной теории и практике создания электронных ресурсов. Разрешение указанного противоречия обуславливает *актуальность исследования.*

Применительно к данному исследованию следует отдельно отметить, что конечным результатом разработки тезауруса выступает создание электронного ресурса, посвященного отражению лексико-семантического поля минералов в творчестве П.П.Бажова — уральского писателя, произведения которого в последние годы остаются незаслуженно забытыми в научной литературе.

*Целью исследования* выступает выявление особенностей процедуры разработки тезаурусов индивидуально-авторских словарей.

Прежде всего, следует отметить, что под тезаурусом в современной научной литературе понимается «словарь для поиска какого-либо слова по его смысловой связи с другими словами» [Кондаков 1975: 586];

контролируемый, «семантический словарь, т.е. словарь, в котором представлены смысловые связи слов – синонимические, отношения род-вид (иногда называемые отношением выше-ниже), часть-целое, ассоциации» [Автоматическая 2011: 98]; «особая разновидность словарей общей или специальной лексики, в которых указаны семантические отношения (синонимические, антонимические, паронимические и т.п.) между лексическими единицами» [Кузнецова 2011: 71]; «разновидность словарей общей или специальной лексики, в которых указаны семантические отношения между терминами» [Батура 2016: 91]. Иными словами, тезаурус представляет собой особый словарь, в процессе создания которого учитывается не только семантическое, денотативное и коннотативное значение, но и отношения синонимии, антонимии, гипонимии и т.д., в которые вступает лексическая единица.

В рамках данного исследования особое значение приобретает тот факт, что тезаурусы представляют собой разновидность словарей специальной лексики, что позволяет рассматривать их в качестве оптимального ресурса для сбора лексических единиц, входящих в лексико-семантическое поле концепта «минералы», выявления взаимосвязей между ними.

На сегодняшний день в научной литературе выделяют следующие виды тезаурусов [Кондаков 1975: 586]:

1) лингвистические тезаурусы, представляющие собой дефиниции слов, лексических единиц, которые были отобраны в результате анализа содержания дискурса и систематизированы в соответствии с определенной классификационной системой;

2) статистический тезаурус – информационно-поисковый словарь, содержащий перечень слов, отобранных в результате статистического анализа дискурса и сгруппированных на основании частоты встречаемости в словарные статьи.

Принимая во внимание нацеленность разрабатываемого тезауруса на охват лексических единиц, которые входят в структуру лексико-семантического поля «минералы», можно сделать вывод, что указанный ресурс сочетает в себе характеристики лингвистического и статистического тезаурусов. В качестве материала исследования используются сказы Бажова, отобранные лексические единицы располагаются по алфавиту, содержат толкование, указание на синонимические, антонимические, гипонимо-гиперонимические взаимосвязи, что сближает ресурс с лингвистическими тезаурусами. В то же время в процессе разработки представляется актуальным выявить численность употребления словоформ отобранных единиц, что позволит разработать полевою структуру лексико-семантического поля «минералы» в индивидуально-авторском дискурсе Бажова. Следующий этап работы заключается в отборе материала с опорой на предложенную И.А.Стерниным методику: расположить отобранные единицы от ядра к периферии, выявить наиболее зна-

чимые для писателя номинации минералов, природных ресурсов, отобразить реальное место лексемы, занимаемое в языковом сознании носителя языка, степень ее актуальности для языкового сознания [Стернин 2011: 9; Стернин 2018: 9].

Н.И.Гендина на основании учета широты тематического охвата выделяет следующие виды тезаурусов [Гендина]:

1) политематические, многоотраслевые. Подобные словари могут содержать понятия экономической, военной, политической, социальной, законодательной, социальной и т.д. жизнедеятельности общества;

2) отраслевые – указанная группа является наиболее многочисленной;

3) узкоотраслевые, проблемные тезаурусы для спецификации отдельного внутриотраслевого направления.

Принимая во внимание нацеленность разрабатываемого словаря на отражение лексических единиц, входящих в лексико-семантическое поле «минералы», можно сделать вывод, что ресурс относится к узкоотраслевым, проблемным, предназначенным для выявления особенностей представленности природных ресурсов в произведениях отдельного писателя.

Сам процесс разработки тезауруса представляет собой поэтапный алгоритм, который включает следующие этапы [ГОСТ 7.25-2001; Кузнецова 2011: 72]:

1. Определение тематического охвата тезауруса осуществляется на основании Государственного рубрикатора НТИ по ГОСТ 7.49 [ГОСТ Р 7.0.49-2007] или Межгосударственного рубрикатора НТИ по ГОСТ 7.77 [ГОСТ 7.77-98 СИБИД] путем анализа информационной потребности потребителей.

2. Сбор массива тезауруса.

3. Формирование словника тезауруса.

4. Построение словарных статей и указателей.

5. Оформление тезауруса.

6. Экспертиза и регистрация тезауруса.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что тезаурус представляет собой особый вид словаря, отличительной характеристикой которой выступает наличие не только толкования отобранных лексических единиц, но и выявление антонимических, синонимических, гипонимо-гиперонимических взаимоотношений между представленными единицами. Тезаурусы могут включать специальную лексику, что делает их эффективным ресурсом для создания узкоспециализированных словарей, в том числе и тезауруса, направленного на репрезентацию авторского восприятия лексико-семантического поля «минералы» в сознании самобытного уральского писателя П.П.Бажова.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-31-70001.*

### **Литература**

Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика: учеб. пособие / Е.И.Большакова, Э.С.Клышинский, Д.В.Ландэ, А.А.Носков, О.В.Пескова, Е.В. Ягунова. – М.: МИЭМ, 2011. – 272 с.

Батура Т.В. Математическая лингвистика и автоматическая обработка текстов: учеб. пособие / Т.В.Батура; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. – 166 с.

Гендина Н.И. Информационно-поисковые тезаурусы: основные виды и области применения / Н.И.Гендина // Электронный ресурс. Адрес доступа: <http://masters.donntu.org/2013/fknt/bilykn/library/8.htm>

ГОСТ 7.25-2001 Информационно-поисковый тезаурус. Одноязычный. Электронный ресурс. Адрес доступа: <http://elib.nsc.ru:8080/jspui/bitstream/SBRAS/9108/1/gost7.25-2001.pdf>

ГОСТ 7.77-98 СИБИД. Межгосударственный рубрикатор научно-технической информации. Структура, правила использования и ведения. Электронный ресурс. Адрес доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200004286>

ГОСТ Р 7.0.49-2007 СИБИД. Государственный рубрикатор научно-технической информации. Структура, правила использования и ведения. Электронный ресурс. Адрес доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200049981>

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник /Н.И.Кондаков; отв. ред. Д.П.Горский. – М.: Наука, 1975. – 721 с.

Кузнецова И.В. Разработка и описание гипертекстового информационно-поискового тезауруса по алгебре / И.В.Кузнецова, С.В.Лесников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2011. – № 3. – С.70-76.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова / И.А.Стернин // Русистика. – 2011. – №1. – С.5-13.

Стернин И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания / И.А.Стернин. – Алматы: КазУМОиМЯ имени Абылай хана, издательство «Полилингва», 2018. – 200 с.



**Шаймухаметов Рамиль Рашитович**  
**Тагиров Равиль Равгатович**  
**Михайлов Валерий Юрьевич**  
**Пшеничный Павел Витальевич**  
Казанский (Приволжский) федеральный университет  
УДК 81'33

**Статистический анализ алфавита татарского языка  
по произведениям Г.Тукая, Ф.Амирхана, М.Джалиля,  
А.Кутуя, Х.Такташа**

*частотный анализ, татарский алфавит, программа*

Одна из задач статистического анализа текста – выявление частоты использования знаков алфавита [Аверьянов 2008]. В открытом доступе можно найти многочисленные работы по частотному анализу текста [Гордукалова 2009; Паршин]. Для большинства языков мира [Letter frequencies] приведены частоты вхождения букв в тексты.

В данной работе приводятся результаты анализа произведений татарских поэтов и писателей по использованию татарского алфавита, основанного на кириллице, с добавлением дополнительных букв для татарского языка. Поиск в Интернете частотного распределения букв татарского алфавита не дает результатов, поэтому и была проведена эта работа.

Вычисления проводились с помощью приложения, разработанного на кафедре системного анализа и информационных технологий Института вычислительной математики и информационных технологий КФУ. Среда разработки – MS Visual Studio, язык программирования – C#. Интерфейс анализатора организован на Windows-форме и состоит из текстовых окон, командных кнопок, диаграмм и таблиц. Входные данные (тексты стихотворений и прозы) считывались из отдельных текстовых файлов доступных на открытых площадках Интернета. Результаты работы использовались в качестве учебного материала для студентов.

Для вычислений частоты распределения букв были выбраны пять авторов – Г.Тукай, Ф.Амирхан, Х.Такташ, М.Джалиль и А.Кутуй. Выбор авторов в большей степени случаен и при необходимости может быть значительно дополнен.

На рисунке 1 приведена диаграмма частотности букв в словах, используемых Г.Тукаем.

По вертикальной оси приведено количество вхождений букв в слова. В использованных стихотворениях и прозе у Г.Тукая выбраны – 20060 слов, Ф. Амирхана – 14662 слова, Х.Такташа – 1987 слов, М.Джалиля – 7356 слов, А.Кутуя – 15752 слова.

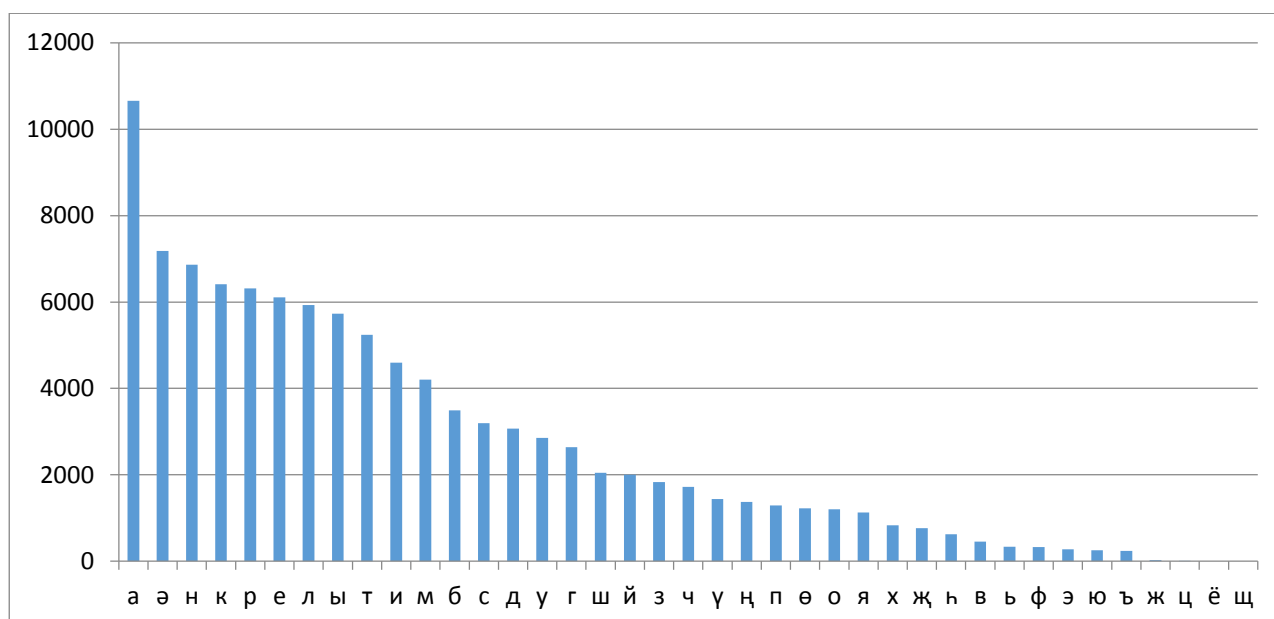


Рис.1. Частотное распределение букв Г. Тукая

Аналогичные диаграммы были рассчитаны для остальных авторов, полученная частотность букв сведена в таблицу 1.

Таблица 1. Частота вхождения букв в слова

Автор	Буквы																																						
Г.Тукай	а	э	н	к	р	е	л	ы	т	и	м	б	с	д	у	г	ш	й	з	ч	ү	ң	п	ө	о	я	х	ж	һ	в	ь	ф	э	ю	ъ	ж	ц	ё	щ
Ф.Амирхан	а	н	е	э	ы	л	р	к	т	и	д	г	б	у	м	г	с	з	ш	п	ч	й	я	ң	ө	һ	х	в	ж	ф	э	ь	ъ	щ	ц	ё	щ		
Х.Такташ	а	л	е	н	р	ы	э	к	т	и	м	с	д	б	у	г	з	й	ң	ч	ү	ң	п	у	ш	ч	ө	о	я	х	в	ф	һ	ю	ъ	ж	ц	ё	щ
М.Джалиль	а	н	е	ы	к	л	р	э	т	и	м	с	д	г	б	у	ш	з	ң	й	ү	ч	п	ө	о	я	ж	х	ю	һ	в	ь	э	ф	ь	ц	ж	ё	щ
А.Кутуй	а	н	е	р	ы	э	л	к	и	т	м	д	г	б	у	с	ш	з	о	ч	п	й	ң	у	я	ө	х	в	ж	ь	ф	э	һ	ф	ь	ц	ш	ё	ж

Как видно из таблицы 1, у всех авторов наиболее часто используемая буква «а», она входит в большинство слов, а в некоторые неоднократно. Далее у трех авторов буква – «н», следующая буква – «е» использована у четырех авторов. Ни одна из букв (кроме «а») не расположена у всех на одной и той же позиции.

По этим данным нельзя однозначно построить частотное распределение букв татарского алфавита для всего языка. Такое распределение используется в криптографии при работе с зашифрованными текстами.

Облака частотности слов Г.Тукая и М.Джалиля представлены на рисунке 2 и показывают частоту использованных слов в произведениях. У М.Джалиля и наиболее часто используется слово «Мин», видимо, для большего выделения собственного отношения к чему-то. Г.Тукай больше использовали «Ул», «Узе», показывая кого-то или чью-то сторону. Конечно, подробный анализ текстов – дело специалистов-лингвистов, и мы готовы предоставить подробные материалы заинтересованным сто-

ронам для дальнейшего частотного анализа элементов татарского языка, в том числе с арабской графикой.



Рис.2. Частотность слов Г.Тукая и М.Джалилия

### Литература

Аверьянов Л.Я. Статистический анализ текста / Л.Я.Аверьянов // Безопасность Евразии. – 2008. – №3. – С.299-327.

Гордукалова Г.Ф. Анализ информации: технологии, методы, организация: учеб.-практ. пособие / Г.Ф.Гордукалова. – СПб.: Профессия, 2009. – 512 с.

Паршин П. Контент-анализ [Электронный ресурс] / П.Паршин. – Режим доступа: [http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye\\_nauki/lingvistika/KONTENT-ANALIZ.html](http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/KONTENT-ANALIZ.html)

Letter frequencies (rankings for various languages) <http://www.bckelk.ukfsn.org/words/etaoin.html>

**Специализированные корпуса «The Movie Corpus»  
и «The TV Corpus» как источник материала  
для изучения кинодискурса**

*корпусная лингвистика, специализированный корпус, компьютерный анализ,  
корпусные инструменты, кинодискурс, контекст*

В настоящее время разрабатываются и активно функционируют разнообразные специализированные корпуса, задача которых обрабатывать и систематизировать материал по конкретной тематике. Такая техническая возможность доступна в том числе за счёт применения метода компьютерного анализа, благодаря которому можно эффективно работать с неограниченным количеством данных.

Использование современных лингвистических узких корпусов позволяет исследователям получать информацию об особенностях языка в определённой коммуникативной ситуации. Становится возможным анализировать общение участников во время игровой деятельности, высказывания на тему образования, переговоры в авиации и т.д. Так, корпус «*Rapid Dialogue Games*» (RDGs) содержит аудио- и видеозаписи диалогов во время игр [Paetzel 2014: 4189], «*Air Traffic Control*» (ATC) состоит из записей разговоров между диспетчерами и пилотами нескольких аэропортов США [Baker 2006: 8]. Корпус мнений студентов был составлен с целью оценки программы обучения за рубежом [Kotani 2018: 6].

Изучение кинодискурса также сопровождается обращением к корпусным технологиям. Двухязычный корпус «*CORSUBIL*» (*Corpus de Subtítulos Bilingües ingles-español*) включает субтитры на испанском и английском языках, на основе которых анализируются языковые особенности киноиндустрии, а именно переводческие трансформации при аудиовизуальном переводе [Peromingo 2014, 19]. При помощи корпуса «*cinema*», составленного из 34 выпусков журнала «*American Cinematographer*», проводится изучение особенностей словообразования в терминологии английского кинодискурса [Шамова 2019: 5]. «*The House M.D. Corpus*» (HMDC) содержит материал медицинской телевизионной драматической комедии, в языке которой выявляются неологизмы, сленговые слова и т.д. [Law 2019: 14].

В представленной работе объектом исследования является «*The Movie Corpus*» [Davies], включающий 200 млн. слов из более чем 25000 фильмов с 1930-х годов до 2018 года, а также «*The TV Corpus*» [Davies], состоящий из 325 млн. слов из 75000 телевизионных эпизодов с 1950-х годов до 2018 года. Данные корпуса находятся в свободном доступе и представлены на специализированном сайте, посвященном кор-

пусам [English]. В 2020 году некоторая часть материала обоих корпусов была добавлена в «*Corpus of Contemporary American English*» (COCA) [Davies]. Объём выбранных корпусов и их временной диапазон указывают на репрезентативность источников. Важно подчеркнуть, что под кинодискурсом в данном исследовании понимаются фильмы и телевизионные эпизоды, а предметом анализа являются контексты. Для работы активно используется опция корпусов «*List*», позволяющая работать с контекстом, опция «*Chart*», показывающая частотность употребления лексической единицы в диахроническом аспекте в виде таблицы, а также опция «*Collocates*», находящая устойчивые выражения.

При анализе «*The TV Corpus*» удалось выделить некоторые особенности языка кинодискурса. При использовании опции «*List*» было выявлено, что название «*Tinseltown*» встречается в примерах: «*—had just arrived in Hollywood, ready to take Tinseltown by storm*», «*So this Chicago native has earned a one-way ticket to tinseltown*», «*Let's go! We'll, uh, send you a postcard from Tinseltown*» [Davies]. В словаре «*Collins*» указано, что слово «*Tinseltown*» иногда используется вместо названия «*Hollywood*» и отражает пренебрежительное отношение к Голливуду [Collins]. При рассмотрении материала корпуса нами не было зафиксировано случаев, когда отрицательная коннотация передавалась бы, например, с помощью соседних слов. Напротив, отрицательная коннотация слова «*Tinseltown*» уже заложена в одном из его компонентов, а именно в корне «*tinsel*», который несёт значение «мишура». Согласно «*The TV Corpus*» (данным опции «*Chart*») из 54 зафиксированных слов к 2010-м годам относится 23 слова (42,6%), к 2000-м – 19 слов (35,1%), к 1990-м – 6 слов (11,1%), к 1980-м – 5 слов (9,3%), к 1970-м – 1 слово (1,9%), в 1960-х и 1950-х годах не было зафиксировано ни одного случая словоупотребления [Davies]. Представленная статистика показывает тенденцию увеличения случаев употребления лексической единицы в период с 1950-х до 2010-х годов.

При работе с опцией «*Collocates*» в «*The Movie Corpus*» было установлено выражение «*Hollywood mogul*» в таких примерах как: «*—one of the original Hollywood moguls*», «*—the old hollywood moguls can still show us—*» [Davies]. В Кембриджском словаре слово «*mogul*» определяется как существительное, обозначающее человека, наделённого богатством и властью [Cambridge]. Таким образом, на основе дефиниции и примеров делаем вывод, что словосочетание «*Hollywood mogul*» подразумевает влиятельного человека именно в киноиндустрии, поскольку Голливуд ассоциируется с кинематографом.

Поскольку опция «*List*» в корпусе «*The TV Corpus*» даёт возможность увидеть источник примера, было выявлено, что выражение «*in the can*» активно используется в телесериалах. Описание кинематографического продукта становится доступным при нажатии на его название (переход по гиперссылке). Словосочетание «*in the can*» встречается в

следующих предложениях: «*Two years in the making, 50,000 feet of film already shot and in the can*», «*I'm not going to relax until the last shot is in the can*», «*That way we get the two sequels in the can while we're shooting the first one*» [Davies]. По данным Кембриджского словаря выражение «*in the can*» обозначает завершение работы над кинематографическим продуктом и относится к неофициальному стилю [Cambridge].

Интересными представляются особенности употребления слова «*auteur*». При обращении к опции «*List*» в «*The TV Corpus*» было выявлено, что анализируемое слово является существительным в следующих примерах: «*—as the great auteur and master of American cinema*», «*The auteur behind this masterpiece*» [Davies]. Действительно, в Кембриджском словаре оно определяется как существительное, обозначающее режиссёра фильма, внёсшего значительный вклад в работу над кинопроизведением [Cambridge]. Вместе с тем, при конкретизации запроса в «*The Movie Corpus*», а именно при выборе в поисковом окне части речи «прилагательное» (функция «*POS*» или «*part of speech*») были обнаружены случаи, когда слово «*auteur*» предстаёт в качестве прилагательного. Например, «*—but I think if I ever did it I would probably do the auteur thing*», «*—I belong, sort of, to the auteur school of filmmaking*» [Davies]. Полученные результаты свидетельствуют о расширении частеречного словоупотребления кинотерминов.

В свою очередь при работе с опцией «*List*» в «*The Movie Corpus*» было установлено, что выражение «*the silver screen*» можно услышать в речах героев разнообразных фильмов. Например, в репликах: «*I'm gonna be a star on the silver screen*», «*—the beginning of my career with all the silver screen movie stars*», «*It was my last appearance on the silver screen*» [Davies]. Данное выражение рассматривается в качестве синонима к слову «киноиндустрия». В Кембриджском словаре словосочетание «*the silver screen*» сопровождается пометой «книжное» [Cambridge]. Однако на основании примеров из корпуса делаем вывод, что оно может присутствовать в том числе и в разговорной речи, а значит иметь помету «разговорная лексика».

«*The Movie Corpus*» и «*The TV Corpus*» обладают одинаковым набором опций и являются отличным средством для выявления специфики языка кинематографа. Таким образом, возможность работы со специализированными репрезентативными корпусами способствует проведению более качественных исследований кинодискурса.

### Литература

Шамова Н.А. Особенности словообразования в сфере терминологии современного английского кинодискурса / Н.А.Шамова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Вып. 5. – №4. – С.152-162.

Baker P. A Glossary of Corpus Linguistics / P.Baker, A.Hardie, T.McEneaney. – Edinburgh University Press, 2006. – 192 p.

Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] // URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 17.09.2020).

Collins [Электронный ресурс] // URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 17.09.2020).

Davies M. The Corpus of Contemporary American English (COCA): One billion words, 1990-2019. [Электронный ресурс] / M.Davies // URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 15.10.2020).

Davies M. The TV Corpus: 325 million words, 1950-2018 [Электронный ресурс] / M.Davies // URL: <https://www.english-corpora.org/tv/> (дата обращения: 14.09.2020).

Davies M. The Movie Corpus: 200 million words, 1930-2018. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.english-corpora.org/movies/> (дата обращения: 14.09.2020).

English-Corpora.org [Электронный ресурс] // URL: <https://www.english-corpora.org> (дата обращения: 14.09.2020).

Kotani K. Opinion Corpus for the Assessment of a Study-abroad Program / K.Kotani, T.Yoshimi, M.Uchida // Research in Corpus Linguistics. – 2018. – Vol. 6. – P.9-13. [Электронный ресурс] – URL: <https://ricl.aelinco.es/index.php/ricl/article/view/73> (дата обращения: 15.09.2020).

Law L. Creativity and Television Drama: A Corpus-based Multimodal Analysis of Pattern-reforming Creativity in House M.D / L.Law // Corpora. – Edinburgh University Press, 2019. Vol. 14, No. 2. – P. 135-171. [Электронный ресурс] – URL: <https://hub.hku.hk/bitstream/10722/278851/1/Content.pdf?accept=1> (дата обращения: 15.09.2020).

Paetzel M. A Multimodal Corpus of Rapid Dialogue Games / M.Paetzel, D.N.Racca, D.De-Vault // Ninth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC). – European Language Resources Association (ELRA), 2014. – P.4189-4195. [Электронный ресурс] – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/4b39/5cf7f900358b7bb9868901ea162294f2cf44.pdf> (дата обращения: 14.09.2020).

Peromingo J.P.R. New Approaches to Audiovisual Translation: The Usefulness of Corpus-based Studies for the Teaching of Dubbing and Subtitling / J.P.R.Peromingo, R.A.Martín, B.G.Riaza // Languages for Specific Purposes in the Digital Era / ed. by E.Bárcena, T.Read, J.Arús. – Springer, 2014. – Vol.19. – P.303-322.

### **Getting more out of limited input: strategic mastery of foreign languages (a plenary talk)**

In the learning of foreign languages (L2), a major challenge is presented by languages that have rich inflectional morphology. In this article I describe a resource that exploits corpus data to provide maximally strategic input for L2 learners of Russian, and a project to extend this resource to a myriad of other languages and uses.

By “rich inflectional morphology”, I mean large nominal and verbal paradigms that use morphophonemic alternations and affixes to mark grammatical categories such as case, number, definiteness, gender, person, tense, aspect. By “large”, I mean more than five word forms in a paradigm, since five is approximately the number that can be easily subitized by human beings [Kaufman 1949]. In Eurasia, for example, the following groups of languages have a strong tendency toward rich inflectional morphology: languages from the Baltic, Celtic, and Slavic subfamilies of Indo-European, from the Uralic, Turkic, and Semitic families, as well as isolates such as Basque.

Because Zipf’s law [Zipf 1949] applies also to the distribution of word forms, most of the word forms that constitute the large paradigms of languages with rich inflectional morphology are infrequent, and many are vanishingly rare. The facility with which native (L1) speakers of such languages navigate their large paradigms is a bit of a mystery, termed the “Paradigm Cell Filling Problem” [Ackerman 2009], since native speakers routinely both comprehend and produce forms that are rare or even unattested. For example, a native speaker of Russian will have no difficulty understanding or, given the appropriate context, producing the gerund недокармливая ‘while underfeeding’ and present passive participle недокармливаемый ‘being underfed’ forms of the verb недокармливать ‘underfeed’. However, neither of these forms appear in the 360-million-word Russian National Corpus (RNC, <http://ruscorpora.ru/>), a language sample roughly equivalent in quantity to the lifetime exposure of a person between 40 and 70 years of age to their native language. Given this fact, it is rather unlikely that most Russians have ever encountered these forms, but lack of input does not hinder their proficiency.

Acquisition of rich inflectional morphology is essential to achieve L2 linguistic proficiency, but also a “bottleneck”, since morphology is acknowledged to be more difficult to master than both syntax and semantics [Slabakova 2009, 2014; Jensen 2019]. There is reason to believe that strategically focusing L2 input on just the most frequent forms is actually more effective in promoting native-like proficiency than expecting L2 learners to master entire paradigms. A computational learning experiment [Janda 2018] pitted two models



against each other in a word form production task in Russian. In the first model, the computer learned the entire paradigm of each word (noun, adjective, or verb) it encountered. The second model, called the “single form model”, was provided only with the single most frequent form for each word. Both models were given the same production task: to predict one word form, specified by a combination of values of grammatical categories, like for example “Genitive Plural” or “Third Person Singular Present Tense”, for each of 100 previously unseen (new) words. After learning 1100 words, the single form model consistently outperformed the model that learned entire paradigms, both in terms of the percentage of correct forms (only the single form model achieved better than 85% correct), and in terms of the egregiousness of errors (the errors that the single form model made required less repair to arrive at the correct answer when measured in Levenshtein distance). It seems that it is more strategic to triangulate to a new word form from a number of overlapping partially filled paradigms than from an equally large number of complete paradigms.

Thanks to the existence of language corpora such as the RNC, we now have an empirical basis to determine which word forms are most common in language. Until now, L2 learners have, with notable exceptions (Sinclair 2004), received little benefit from corpus linguistics. The task of extracting and presenting the most strategic word forms to L2 learners is more complicated than simply harvesting high-frequency word forms from a corpus. The distribution of highest-frequency word forms is different for every lexeme, and the high frequency of every single form is uniquely motivated by the collocations and grammatical constructions it is associated with. For example, the highest frequency form of балерина ‘ballerina’ is the Instrumental Singular that appears in the construction стать балериной ‘become a ballerina’. By contrast, the highest frequency form of бизнесмен ‘businessman’ is the Genitive Plural бизнесменов because we often speak of the interests of businessmen or count them in large numbers. The highest frequency form of опаздывать ‘be late’ is the Gerund used in the common phrase опаздывая на ‘when running late for’. And by contrast, the highest frequency form of ждать ‘wait’ is the Third Person Singular Present Tense ждёт ‘s/he waits’.

A proof-of-concept resource already exists for Russian, the SMARTool (Strategic Mastery of Russian Tool), freely available at <https://smartool.github.io/smartool-rus-eng/>. This resource is housed in GitHub, which means that the source files are likewise freely available. The SMARTool presents the three most frequent word forms (or only two or one form if those constitute over 90% of the frequency distribution for a word) for over three thousand lexemes stratified according to CEFR (Common European Framework of Reference for Languages) Levels A1, A2, B1, and B2. Users can filter words for Level and Topics (such as “food” or “transport”), and can also access words from a Dictionary. In addition, users can filter words according to the “Analysis” (grammatical parse) of their most frequent forms, searching for ex-

ample for words that appear often in Dative Plural or Imperative or any other combination of grammatical category values. The SMARTool displays all words in the context of a corpus-inspired sentence that illustrates a typical collocation and/or grammatical construction for that word, and users can click to listen to audio of the Russian pronunciation of the sentence and to get an English translation.

The programming of the SMARTool has been specifically designed to make it maximally generic so that it will be possible to reuse the architecture to create more SMARTools, both for other L2s (Croatian, Czech, Finnish, North Saami, Polish etc.) and for user languages other than English. There is already a consortium of over sixty university researchers who are planning the development of SMARTools and the group is open to additional members, especially if we receive funding for the project.

The project will both create a pipeline for SMARTool development and address a wide variety of issues pertaining to Users, Linguistic facts, Technology, and Theory. I will briefly describe each set of issues.

*Users.* From the perspective of Europe, we plan to develop an optimal set of combinations of L2 and user languages for the development of SMARTools. We also want to find ways to adapt the SMARTool for both traditional (classroom) and non-traditional learning environments, as well as for heritage, distant/digital, and special-needs learners. Collection of backend click-stream data will make it possible to empirically evaluate the efficacy of SMARTools.

*Linguistic facts.* We will need to design adaptations of the SMARTool in order to accommodate various typological differences across languages, for example, in order to account for differences between agglutinative vs. fusional morphology. Selection of the lexicon is also an issue since a corpus does not necessarily reflect the language that an L2 learner needs most. Most corpora are deficient in their representation of spoken language, and there are a host of other challenges that present themselves such as how to deal with homonymy, polysemy, taboo language, diglossia, and dialects. In languages that mark gender on nouns, directly harvesting the highest frequency lexemes and word forms from a corpus will result in a gender bias [Kuznetsova 2015; Elmerot 2017], with many of the words for females under- or unrepresented. For example, in Russian, студент, the word for a male (or generic) student is over fourteen times more frequent in the RNC than the female equivalent студентка. Once the lexemes and words forms have been selected based on corpus and other considerations, it is necessary to determine what grammatical constructions and collocations are associated with each word form. This requires further corpus analysis and can also be aided by resources such as the Collocations Colligations Corpora for Russian (<http://cosyco.ru/cococo/>).

*Technology.* We will need to devise workarounds for languages that do not have large corpora, as well as adjustments for the overrepresentation of

written genres in existing corpora. We hope to implement both crowdsourcing and gamification in the development of SMARTools.

*Theory.* We hope to learn enough to suggest a realistic cognitive model of inflectional morphology, as well as of how morphology is acquired in both L1 and L2. There are scholars (e.g., [Albright 2002]) who claim that there is one word form that is the most informative for predicting other forms in a paradigm, and some have attempted to measure informativity (a.k.a. “conditional entropy” [Ackerman 2016]). Other scholars (e.g., [Bochner 1994]) disagree, suggesting that no word form has privileged status. We hope to test these hypotheses.

If funded, our consortium will tackle all of these issues, present our findings on a website, and in webinars, podcasts, and workshops, and we will produce a series of SMARTools that will enable L2 learners to reap the full benefits of scientific insights from corpora and e-learning.

*Acknowledgement.*

The SMARTool has been supported by the author’s employer, UiT The Arctic University of Norway, and by grant number CPRU-2017/10027 from DIKU, the Norwegian Agency for International Cooperation and Quality Enhancement in Higher Education (<https://diku.no/en/about-diku>).

### **Bibliography**

Ackerman F. Parts and wholes: Patterns of relatedness in complex morphological systems and why they matter / F.Ackerman, J.P.Blevins, R.Malouf // *Analogy in Grammar: Form and Acquisition* / ed by J.P.Blevins and J.Blevins. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – Pp.54–82.

Ackerman F. Implicative relations in word-based morphological systems / F.Ackerman, R.Malouf // *Cambridge Handbook of Morphology* / ed. by A.Hippisley, G.Stump. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – Pp.272– 296.

Albright A. Identification of Bases in Morphological Paradigms: PhD thesis / A.Albright. 2002. – 169 p.

Bochner, Harry. *Simplicity in Generative Morphology*. Mouton de Gruyter. 1994.

Elmerot, Irene. 2017. *These women’s verbs. A combined corpus and discourse analysis on reporting verbs about women and men in Czech media 1989–2015*. MA thesis, Stockholm University. <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1161582/FULLTEXT01.pdf>.

Janda L.A. Less is more: why all paradigms are defective, and why that is a good thing / L.A.Janda, F.M.Tyers // *Corpus linguistics and linguistic theory*. – 2018. – Vol.14. Issue 2. <https://doi.org/10.1515/cllt-2018-0031>.

Jensen I.N. The Bottleneck Hypothesis in L2 acquisition: L1 Norwegian learners’ knowledge of syntax and morphology in L2 English / I.N.Jensen, R.Slabakova, M.Westergaard, B.Lundquist // *Second Language Research*. – 2019. Pp. 1-27

Kaufman E.L. The discrimination of visual number / E.L.Kaufman, M.W.Lord, T.W.Reese, J.Volkman, // *The American Journal of Psychology*. – 1949. – Vol.62. Issue 4. – Pp.498–525.

Kuznetsova J. Linguistic Profiles: Going from Form to Meaning via Statistics / J.Kuznetsova. – Berlin: De Gruyter. 2015. – 240 p.

Sinclair, John McH. (ed.) 2004. How to use corpora in language teaching (= Studies in Corpus Linguistics, 12).

Slabakova R. How is inflectional morphology learned? / R.Slabakova // Eurosla Yearbook. – 2009. – Vol. 9. – Pp.56–75. DOI: 10.1075/eurosla.9.05sla

Slabakova R. The bottleneck of second language acquisition / R.Slabakova // Foreign Language Teaching and Research. – 2014. – Vol. 46. Issue 4. – Pp.543–559.

Zipf G.K. Human Behavior and the Principle of Least Effort / G.K.Zipf. – Cambridge: Addison-Wesley, 1949. – 573 p.

# РУССКИЙ И ТАТАРСКИЙ ЯЗЫКИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

**Абызова Резеда Равиловна**  
Институт истории им. Ш.Марджани  
Академии наук Республики Татарстан  
УДК 37; 372.881.1

## **Преподавание русского и татарского языков в учебных заведениях Крыма в XIX веке (по материалам Журнала министерства народного просвещения)**

*русский язык, татарский язык, крымские татары, учебное заведение,  
Журнал Министерства народного просвещения, Крым*

Журнал Министерства народного просвещения – старейший российский журнал, официальное издание Министерства народного просвещения, которое выходило в 1834–1917 гг. ежемесячно. Редакторами журнала были К.С.Сербинович (1834–1856), А.В.Никитенко (1856–1860), К.Д.Ушинский (1860–1861), Ю.С.Рехневский (1862–1867), И.Д.Галанин (1867), А.И.Георгиевский (1868–1870), Е.М.Феоктистов (1871–1882), Л.Н.Майков (1883–1890), В.Г.Васильевский (1891–1899), Э.Л.Радлов (1899–1917), П.И.Лебедев-Полянский (1917). Журнал публиковал указы, постановления и распоряжения Министерства народного просвещения, известия о ученых и учебных заведениях России, очерки по истории образования в России и других странах, биографии знаменитых деятелей просвещения, оригинальные и переводные статьи по педагогике, философии, истории, филологии. В журнале печатались библиографические разделы по учебной литературе, критика на научные труды и художественные произведения.

В журнале освещались различные аспекты образования народов, проживающих в различных регионах Российской империи. Ряд статей в журнале был посвящен вопросам преподавания русского и татарского языков крымским татарам.

Мысль о распространении русского языка между крымскими татарами относится еще к концу царствования императора Александра I. Как известно, татары, воспользовавшись путешествием императора в Крым, сами просили его о наделении им способов научиться русскому языку, в первую очередь, «чтобы знать законы» [По вопросу 1867: 148]. Со своей стороны, Министерство народного просвещения также признавало, что вопрос распространения русского языка, а вместе с ним и русского просвещения, имеет великую государственную важность как сам по себе – по отношению к самим татарам, так и потому, что удовлетворительное решение этого вопроса в Крыму «подготовило бы относительно много-

численнейших магометанских подданных России» [По вопросу 1867: 147].

Тем не менее, несмотря на стремление самих крымских татар к изучению русского языка и позицию самого правительства, которое рассматривало «знание русского языка важным делом на государственном уровне», в первое время распространение русской грамотности и русского просвещения в среде татар Крымского полуострова шло не так быстро. Министерство народного просвещения на пути решения поставленных перед собой задач сталкивалось с заметными трудностями, и в то же время, не отходя от своих намерений, предпринимало новые последовательные и обдуманые шаги в достижении своих целей.

Так, с самого начала в деле распространения русского просвещения была признана важная роль татарского языка, который должен был сыграть значимую роль в распространении русского языка среди татар Крымского полуострова. Поскольку, по замыслу властей, именно наличие в учебной программе родного языка крымских татар должно было способствовать поступлению учащихся-татар в общие учебные заведения.

Материалы Журнала министерства народного просвещения свидетельствуют, что для привлечения татар в общие училища было введено преподавание татарского языка сначала в Феодосийском и Перекопском, а позднее и в Симферопольском уездных училищах. Однако число татар, поступивших в эти уездные училища, оставалось недостаточным. Известно, что попечитель Одесского учебного округа Д.М.Княжевич обращался за содействием к Симферопольскому муфтию, главе мусульманского духовенства в Крыму, и просил его в июле 1839 года внушить татарам, что собственная их польза требует от них изучения русского языка и посещения с этой целью общих училищ [По вопросу 1867: 155-156].

Кроме этого, в 1837 году в Бахчисарае и Карасубазаре были учреждены татарские классы, отдельно от приходских училищ, и в этих классах преподавалась татарская и русская грамматика. А в Бахчисарайском классе, кроме этого, и религиозные предметы мусульманского вероучения для увеличения числа учеников из татар. Однако от введения этих предметов число учащихся-татар заметно не увеличивалось. Основная причина состояла, как признавало само Министерство народного просвещения, в недоверии родителей учеников к учебным заведениям, учрежденным не их духовенством, а христианским правительством [По вопросу 1867: 156].

В 1839 году с целью лучшего усвоения татарскими детьми русского языка власти пожелали соединения татарских классов с общими приходскими училищами, и оно действительно состоялось в Бахчисарае. Однако и это существенно не улучшило положение, поскольку татары Крыма предпочитали по-прежнему обучаться в своих мусульманских учебных заведениях – мектебе и медресе [По вопросу 1867: 156].

В дальнейшем правительство вознамерилось ввести преподавание русского языка в медресе, не подвергая их каким-либо другим коренным преобразованиям. Правительство назначило туда учителей русского языка, первоначально в главные медресе в Бахчисарае и Карасубазаре, но, как писал Журнал Министерства народного просвещения, «так как не было поставлено в неперемнную обязанность всем посетителям медресе слушать курс русского языка, то учителя проповедовали в пустыне» [По вопросу 1867: 157].

Таким образом, в первой половине XIX века были испробованы разные системы по образованию татар в Крыму: власти пытались привлечь татар в общие училища введением в них преподавания татарского языка; учреждали особые татарские классы отдельно и в связи с приходскими училищами; наконец, пробовали ввести преподавание русского языка в медресе. Однако данные меры не приводили к желаемым результатам. Главное препятствие в реализации планов властей заключалось в нежелании родителей отдавать своих детей в светские учебные заведения, для которых «посещение своих школ – мектебе и медресе – считалось священной обязанностью» [По вопросу 1867: 159].

Однако во второй половине XIX века, как мы можем видеть из сообщений Журнала Министерства народного просвещения, ситуация по распространению среди татар Крыма русского языка и русского просвещения начинает значительно меняться. Так, сам журнал писал, что если в самом начале «татары с недоверчивостью относились к нововведениям и оберегали мусульманскую народность, то сейчас дело обучения русскому языку крымских татар идет успешно. 17 июня [1871 года] в присутствии почетных граждан города Бахчисарая было произведено публичное испытание в недавно открытых татарских народных школах. Успехи учеников, против всякого ожидания татар, не предполагавших ничего доброго от русских школ, оказались до того поразительными, что те самые старики, которые всеми силами при открытии школ противились их осуществлению, теперь невольно умилились духом, взирая на юных своих внучат, бойко пишущих под диктовку и переводящих статьи «Родного Слова» на татарский язык. Сделанное публичное испытание знаний учеников в этом году вполне примирило с русскими школами фанатическое татарское духовенство, смотревшее на них до сих пор не совсем дружелюбно» [Известия 1871: 89].

Как видим, распространение русского языка в среде крымских татар в XIX веке, включение его в учебные программы встретило на первых порах определенные трудности. Однако благодаря последовательным решениям властей, которые стремились реализовать свои цели главным образом посредством «мягких мер», учитывая просветительские традиции и интересы самих татар, в деле преподавания русского языка крымским татарам были достигнуты значительные успехи.

## **Литература**

Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения. – 1871. – Ч.СLVI. – С.58-102.

По вопросу о способах образования крымских татар // Журнал Министерства народного просвещения. – 1867. – Ч.СXXXVI. – С.147-162.



## **Обучение татарскому языку на курсах «Без татарлар»**

*обучение, курсы, население, татарский язык, коммуникация*

В Российском исламском институте в рамках проекта «Без татарлар» («Мы татары») больше десяти лет проходят курсы для населения. Курсы посещают люди, желающие пройти интенсив по татарскому языку, ознакомиться с историей татар, а также приобрести знания об Исламе. По окончании курса многие овладевают разговорным татарским языком, умеют читать священный Коран на арабском языке, а также имеют представление об исламской религии и истории происхождения татар. Такие шестимесячные курсы проводятся на бесплатной основе три раза в неделю по вечерам, по три урока в день. За это время слушатели изучают такие предметы, как «Татарский язык», «Основы Ислама», «Тажвид», «История татар».

Что касается обучения татарскому языку, на базе Российского исламского института организованы две подгруппы по уровню владения языком: начинающая и продолжающая. Обучающиеся занимаются по учебникам для начинающих и продолжающих, авторами которых являются преподаватели Российского исламского института, которые сами и ведут занятия на курсах [Гарипова-Хасаншина 2020]. Количество обучаемых в группах – приблизительно 20-30 человек. Надо отметить, что есть незначительная группа слушателей, которые посещают только уроки татарского языка. Нам как преподавателям было интересно узнать, кто же посещает наши занятия: образование, возраст, профессия, цель изучения языка и т.д. С этой целью на начальном этапе обучения было проведено анонимное анкетирование, где слушатели курсов должны были ответить на ряд вопросов. Они включали в себя такие вопросы, как национальность, пол, возраст, отношение к занятиям татарским языком, желаемые умения и навыки, уровень владения татарским языком, образование, наличие опыта изучения языка, пожелания.

Результаты анкетирования таковы:

95% обучаемых татарской национальности; посещают курсы 75% женщин и 25% мужчин;

возраст обучаемых: от 16 до 20 лет – 5 %, от 20 до 30 лет – 24%, от 30 до 40 лет – 24%, от 40 до 50 лет – 5%, от 50 до 60 лет – 5%, от 60 до 70 лет – 36%.

Уроки татарского нравятся всем; слушатели хотят научиться красиво, правильно и грамотно говорить, писать на татарском; освоить раз-

говорную речь; читать и понимать татарскую литературу; усовершенствовать свои знания по татарскому языку. Целью изучения татарского языка для всех является владение литературным татарским языком. Уровень владения языком разный (у 60% начинающий уровень, 40% владеют разговорной речью). Пожелание обучающихся – получить знания также по истории татарской литературы и фольклору.

Образование обучаемых (кандидат наук – 5,9%, высшее – 64,7%, среднеспециальное – 23,5%, среднее – 5,9%). Изучали татарский язык в школе 6% обучаемых, 64,7% не изучали.

Таким образом, курсы посещают в основном люди татарской национальности, преимущественно женщины, молодые люди от 20 до 40 лет и люди пенсионного возраста с высшим и среднеспециальным образованием, которые не изучали родной язык в школе. Их цель – владение татарским литературным языком, более подробное знакомство с национальными традициями, культурой и литературой своего народа.

Программы и учебники, по которым ведутся занятия по татарскому языку, соответствуют требованиям и желаниям обучающихся. Вместе с фонетическим, лексическим, грамматическим материалом, текстами и упражнениями в содержательном плане учебники включают и социокультурный материал, который дает сведения о Республике Татарстан, национальных особенностях татарской культуры, о религии Ислам, мусульманах, достопримечательностях, музеях, праздниках, природе, деятелях литературы и искусства, этикете и др.

Надо отметить, что ознакомление с речевыми образцами, нормами татарского речевого этикета начинается на первом же занятии, где предлагаются выражения приветствия, знакомства, прощания, формы комплиментов. Речевой этикет можно рассматривать и как элемент культуры, и как речевое поведение. Речевое поведение говорящих на татарском языке зависит от возраста. Отдельные явления в речевом поведении татар объясняются и влиянием ислама. Выражения речевого этикета на этом же этапе включаются в диалоги. На следующих уроках предлагаются выражения просьбы, извинения, благодарности и т.д. [Айдарова 2016]. В целом, в процессе работы над диалогической речью преподавателями активно используется технология обучения татарскому языку на основе моделей речи [Максимов 2015]. Это особенно практикуется с начинающей группой.

Необходимо заметить, что на занятиях очень часто требуется индивидуальный подход в обучении языку, поскольку возрастной диапазон у обучающихся, как правило, очень большой. Это, в свою очередь, влияет на уровень восприятия информации, на время усвоения новых знаний и превращение их в навыки. Определенный объем информации слушателям дается в готовом виде.

В связи с этим в процессе обучения татарскому языку преподавателями в целях развития памяти, восприятия информации используются

объяснительно-иллюстративный метод, бинарный метод, проблемное обучение, которое считается одним из основных элементов современной системы развивающего обучения. У продолжающей группы преподаватель стремится развить самостоятельную поисковую деятельность. Здесь также активно используются конструирование различных моделей диалогов, работа над небольшими текстами [Фатхуллова 2002]. В основе обучения как основной инструмент лежит коммуникативный метод.

Поучительные рассказы, шутки с элементами народной педагогики, детского фольклора, знакомство с краткой биографией и творчеством татарских писателей, поэтов, композиторов и художников, знакомство с татарской национальной кухней, одеждой, страноведческие тексты отвечают требованиям лингвокультурологии.

### **Литература**

Айдарова С.Х. Татар теле: башлап өйрәнүчеләр өче / С.Х.Айдарова, В.М.Гарипова-Хасаншина. – Яр Чаллы: “Ислам нуры” нәшрияты, 2016. – 151 б.

Гарипова-Хәсәншина В.М. Татар теле: башлап өйрәнүчеләр өчен / В.М.Гарипова-Хәсәншина, Р.А.Гимазова. – Казан: «Хозур» – «Тынычлык» нәшрият йорты, 2020. – 224 б.

Фатхуллова К.С. Система обучения татарской диалогической и монологической речи / К.С.Фатхуллова. – Казан: РИЦ «Школа», 2002. – 187 с.

## **Татар эргонимнарында интерференция күренеше**

*интерференция, икетеллек, тел гыйлеми, эргонимия*

Бүгенге көндә тел белемдә интерференция күренеше күп төрле яссылыкта тикшерелә. Интерференция белән бәйлә мәсьәләләр педагогика, психология, психоллингвистика, лингводидактика, лингвистика кысаларында өйрәнелә һәм бу күренешкә галимнәр тарафыннан төрлечә бәя бирелә: “Аралашу вакытында ике телнең бер-берсенә тәсире” [Дешериев 1972: 28]. Татар тел белемдә интерференция күренешен, нигездә, сөйләм белән бәйләп тикшерәләр: “Ике телдә аралашучылар сөйләмдә ике телнең бер-берсенә тәэсир итү күренеше интерференция дип атала” [Сагдеева 2003: 43]. Икетеллек шартларында татар теле үсешен өйрәнү юнәлешендә эшләүче З.А. Исхакова интерференция күренешен телләрнең сөйләм вакытында бер-берсенә тәсире дип карый [Исхакова 2001: 93]. Шулай итеп, интерференциянең ике төрен аерып күрсәтергә мөмкин: тел һәм сөйләм интерференцияләре.

Әмма тел гыйлемендә күпчелек галимнәрнең бу күренешне икенче бер телнең туган телгә тискәре йогынтысы, яисә нормадан тайпылыш буларак кабул итүләрен дә искәртәргә кирәк [Розенцвейг 1972: 4; Дарбеева 1984: 22; Сагдеева 2003: 43]. Туган телнең үсешенә икенче бер телнең тискәре тәэсир итү күренешен галим трансференция термины белән атый. Ә.М.Ахунжанов фикеренчә, әлеге терминны куллану фәндә интерференция белән бәйлә булган аңлашылмаучанлыкларга, фикер төрлеләгенә чик куячак [Ахунзянов 1978: 88]. Әмма тел белемдә бу термин кулланылышка кереп китә алмый, галимнәр икенче бер телнең туган телгә булган уңай тәэсирен дә, тискәре йогынтысын да интерференция термины белән атауны кулайрак күрәләр.

Эргонимнарда, кагыйдә буларак, тел интерференциясе урын ала. Татар телендә эргонимнар ясалышында рус теленең тәэсире күзәтелә һәм күпчелек очракта нормадан тайпылыш булуын искәртәргә кирәк. Ю.А.Жлутенко хезмәтенә (1974) нигезләнеп, татар эргонимнарында интерференция күренешенең түбәндәге төрләрен күрсәтергә була:

1. Эргонимнар составында чит тел сүзләренең кулланылуы. Гомумән, кайбер очракта телчеләр интерференция күренешен телдә нәкъ менә алынма сүзләрнең күп кулланылуына кайтарып калдыра [Сагдеева 2003: 50]. Эргонимнар составында, татар теленең үз

сүзләре була торып та, рус теленнән кергән алынмалар байтак чагылыш таба. Югарыда искәртелгәнчә, бу бюджет оешмаларының атамаларында да, коммерция оешмаларының исемнәрендә дә күзәтелә. Шулай ук эргонимнарда башка алынма сүзләргә дә байтак очратырга мөмкин. Мәсәлән:

*36 нчы номерлы профессиональ училище. Дәрәс варианты – 36 нчы номерлы һөнәр училищесы.*

Мисаллардан күренгәнчә, бюджет оешмаларының атамаларында кулланыла торган алынма сүзләргә, нигездә, стилистик яктан – битараф, семантик яктан конкрет лексемалар тәшкит итә, чөнки эргонимнар, аеруча бюджет оешмаларының атамалары, объектка аерым бер бәя бирмичә, аны атау функциясен башкара.

2. Интерференция күренешенә фонетик һәм грамматик үзенчәлекләр белән бәйләп төрә дә эргонимнарда еш күзәтелә. Татар хәрәфләре урынына рус хәрәфләренә кулланылышы, аерым бер килеш кушымчаларының рус теле тәэсирендә бер-бер артлы кабатланып килүе галимнәр тарафыннан интерференция күренешенә буларак таныла [Сагдеева 2003: 50]. Татар эргонимнарында, кагыйдә буларак, сузык авазлар интерференциягә киң чагылыш таба. Икетеллек шартларында Иэргонимик системада фонетик интерференция шактый актив чагылыш таба. Аеруча татар хәрәфләренә тиешенчә кулланылмаган очраklары еш күзәтелә. Мәсәлән, *Казан шәһәре физик культура һәм спорт комитеты Балаларга өстәмә беләм бирү муниципаль учреждениесе 5 нче номерлы балалар һәм яшүсмерләр йөзү спорт мәктәбе. Дәрәс варианты – Казан шәһәре физик культура һәм спорт комитеты Балаларга өстәмә беләм бирү муниципаль учреждениесе 5 нче номерлы балалар һәм яшүсмерләр йөзү спорт мәктәбе.б.*

3. Предлогларның тәржемә ителешенә рус теленә тәэсире. Эргонимнарда аеруча *по* предлогының тәржемә ителешендә зур хаталар, төгәлсезлекләр килеп чыга. Галимнәр бу төр хаталарны интерференция күренешенә бәйләп аңалаталар. Тәржемәчеләр әлеге предлогны еш кына, татар теле закончалыкларына нигезләнеп түгел, ә сүзгә-сүз, ягъни бу предлогның рус телендәгә мәгънәсенә нигезләнеп кенә тәржемә итәләр [Юсупов 2008: 127]. Мәсәлән, *Казан шәһәренә гражданлык оборонасы һәм гадәттән тыш хәлләр буенча ударәсе. Дәрәс варианты – Казан шәһәренә гражданлык оборонасы һәм гадәттән тыш хәлләр ударәсе.*

4. Кушма сүзләргә һәм жөмлә калыпларының рус теле тәэсирендә оешуы, формалашуы. Мәсәлән, *Балалар сөт кухнясы № 4. Дәрәс варианты – 4 нче номерлы балалар сөт кухнясы.*

Мисаллардан күренгәнчә, бюджет оешмаларының атамаларында да, коммерция эргонимнарында да хәрәфтән алып синтаксик конструкцияләр төзелешенә кадәр хаталар күзәтелә. Безнең фикере-

безчә, оешма атамаларын, элмә такталардагы мәгълүматны тәржемә итү белән шөгыльләнүче белгечләр, беренче чиратта, эргонимнарга куела торган таләпләрне яхшы белергә тиешләр, чөнки оешма атамалары, татар теленең төзеклеген, татар халыкының йөзен билгели торган тел чаралары буларак, зур кыйммәткә ия. Оешма атамаларының тиешле таләпләргә туры китерелеп, хатасыз язылуы халыкның эчке культурасы, аң-белем дәржәсе турында гына түгел, ә дөүләтнең үсеш дәрәжәсе, илдәге эчке тәртипнең югары булуы, тел турындагы Законның төгәл үтәлеше, дөүләт тарафыннан татар теленә ихтирамлы мөнәсәбәт булуы турында да сөйли. Шуңа күрә дә элмә такталарга языла торган мәгълүматның орфографик яктан дөрес, төгәл, стилистик яктан халыкка аңлаешлы булуын дөүләт үзе контрольдә тотарга тиеш. Шулай ук белгечләрнең оешмага исем биргәндә амага куела торган таләпләрне белеп эш итүе зарур. Алар түбәндәгеләр:

1. Тулылык принцибы, ягъни оешманың атамасы элмә тактада мәгънәгә зыян китерә торган һәм аңлашылмаган кыскартылмалар белән түгел, ә тулысынча бирелергә тиеш. Мәсәлән, *Россия Федерациясе "ТИСБИ" ударә академиясе, Татарстан Республикасы Министрлар кабинеты ГХАТ ударәсе, Россия Федерациясе Юстиция министрлыгы Татарстан Республикасы суд приставларының федераль хезмәте ударәсе ОУПДС буенча суд приставларының махсуслаштырылган Казан бүлгәгә* һ.б. кебек эргонимнарындагы кыскартылмаларны барлык кешеләр дә аңламаска мөмкин.

2. Тәңгәллек принцибы. Бу принцип барыннан да бигрәк тәржемә ителгән эргонимнарга кагыла. Татарчага тәржемә ителгән эргоним үзенең мәгънәсе һәм эчтәлегә ягыннан оригиналына тәңгәл булырга тиеш. Биредә сүз тәртибе, сүзләрнең дөрес сайлануы һәм грамматик хаталарның булмавына өстенлек бирелә. Мәсәлән, *"Фрукты"* сөүдә ноктасы *"Жиләк"* дип кенә түгел, ә *"Жиләк-жимеш"* дип тәржемә итү зарури.

3. Системалылык яисә бердәмлек принцибы. Бу принцип бюджет оешмаларының атамаларына тулысынча кагыла. Биредә эргонимнарның бирелеше, аерым бер сүзләрнең бер генә вариантта кулланылуы һ.б. кебек үзенчәлекләр күз алдында тотыла. Бигрәк тө дөүләт структурасы белән бәйле атамаларда терминнарны кулланганда игътибарлы булырга кирәк, чөнки ХХ гасыр ахырында икетеллек шартларында татар эргонимиясендә аңлашылмаучанлыklar килеп туа. Ягъни оешмаларга исем биргәндә язма әдәби телнең бары тик халык тарафыннан үзләштерелгән, киң жәмәгатьчелеккә аңлашылган, яисә дөүләт тарафыннан махсус тәкъдим ителгән сүз-берәмлекләрне генә файдалану зарури. Мәсәлән, гимназия, мәктәп, балалар бакчасы, хастаханә атамалары бирелешендә системасызлык аеруча күзгә ташлана. Мәсәлән, *Татарстан Республикасы Мәгариф һәм фән министрлыгы Казан шәһәре Яңа Савин районы*

*Аерым фәннәрне тирәнтен өйрәтүче 113 нче татар-рус гомуми белем урта мәктәбе" муниципаль гомуми белем учреждениесе кебек шактый озын һәм буталчык язылган эргонимнар да, Казан шәһәре Авиатөзелеш районының 36 нчы номерлы немец телен тирәнтен өйрәнү урта мәктәбе кебек чагыштырмача аңлаешлы эргонимнар да очрый. Мондый төр эргонимнарның дәүләт тарафыннан контрольгә алынып, системага салынуы зарури.*

4. Кыскалык принцибы. Эргонимик системаны тәртипкә салганда, әлеге принципның әһәмияте әйтеп бетергесез зур. Артык озынга киткән, жәелгән эргонимнар кабатлауларга, мәгънә мөнәсәбәтенең һәм жөмлә тәртибенең бозылуына, аңлашылмаучанлыкка китерә. Мәсәлән, *Казан шәһәре муниципаль берәмлегенең башкарма комитеты Казан шәһәренең балаларга өстәмә белем бирү "Ракета" комплекслы балалар-яшүсмерләр спорт мәктәбе муниципаль учреждениесе* һ.б.

Алда күрсәтелгән принциплардан тыш, эргонимнар ясаганда өстәмә рәвештә түбәндәге таләпләр дә үтәлергә тиеш:

1. Татар әдәби теленең эчке ресурсларын мөмкин кадәр тулырак файдаланырга.

2. Татар язма әдәби телендә кулланылышта йөргән сүзләрне генә кулланырга.

Шулай итеп, икетеллелек шартларында жәмгыятьтә барган үзгәрешләре белән бергә татар эргонимнары да үсеш-үзгәреш кичерә. Эргонимнарда чагылыш тапкан интерференция шуның бер мисалы булып тора.

### **Әдәбият**

Ахунзянов Э.М. Двухязычие и лексико-семантическая интерференция / Э.М.Ахунзянов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 179 с.

Дешериев Ю.Д. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху / Ю.Д.Дешериев, И.Ф.Протченко. – М. : Просвещение, 1972. – 312 с.

Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов / В.Ю.Розенцвейг // Новое в лингвистике. – М. : Наука, 1971. – С.3-22.

Сагдеева Ф.К. Проблемы культуры татарской речи / Ф.К.Сагдеева. – Казань: "Фикер", 2003. – 160 с.

Юсупов Р.А. Тәржемә һәм сөйләм культурасы / Р.А.Юсупов. – Казан: Тат. кит. нәшр, 2008. – 238 б.

## **О методах сопоставления разносистемных языков при обучении русскому языку как иностранному**

*обучение языку, агглютинативные языки, сопоставительный метод,  
лексические эквиваленты, грамматические особенности,  
речевые конструкции*

Обучение русскому языку в Центральной Азии имеет более чем вековую историю. Начиная с русско-туземных школ, созданных в конце 80-х годов XIX века, методика преподавания русского языка практически как второго родного развивалась в Туркестанском крае, а затем в среднеазиатских республиках до начала 90-х годов XX века. С обретением независимости странами этого региона в каждой из них была существенно пересмотрена языковая политика. Как следствие, значительно сократился объем учебных часов по русскому языку, что впоследствии привело к сокращению в вузах квот для специалистов по русскому языку и литературе.

В настоящее время русский язык в Центральной Азии является языком межнационального общения. Но потребность в нем в течение последнего десятилетия растет. Процесс обучения русскому языку усложняется, так как с оттоком русскоязычного населения постепенно исчезает языковая среда.

Таким образом, сегодняшнему поколению обучающихся русский язык целесообразно преподавать как иностранный. Это требует нового подхода в подготовке учебно-методического обеспечения. Однако при всем разнообразии современных методов существует ряд проблем, препятствующих успешному решению педагогических задач. В частности, коммуникативный метод, внедренный из опыта преподавания европейских языков, не показал эффективность в обучении русскому языку – особенности русской грамматики не дают возможность превалировать этому методу. Наиболее актуальна данная проблема в обучении детей и взрослых, не имеющих возможности общаться в языковой среде.

Опираясь на родной язык обучающихся и исследуя грамматические особенности разносистемных (родного и русского) языков, мы выявили методы, способствующие быстрому и эффективному усвоению русского языка как иностранного.

В процессе обучения носителей узбекского, казахского и киргизского языков обнаруживается ряд особенностей, связанных с морфологическим строением русского языка, являющихся сложными для усвоения.



Учитывая, что родной язык обучающихся – агглютинативный, целесообразно тщательно проработать следующие разделы грамматики:

- род существительных;
- формы множественного числа существительных;
- склонение существительных, прилагательных, числительных и местоимений;
- виды глаголов;
- глагольное управление;
- образование причастий и деепричастий;
- предложно-падежные сочетания.

Это требует от преподавателя русского языка хорошего знания грамматических особенностей родного языка учащихся и работы, основанной на сопоставлении языков.

С помощью умело подобранного методического материала и правильной организации занятий обучающиеся наглядно познают структурные особенности русского языка в сопоставлении с родным языком, анализируют и обобщают языковые факты. Чтобы повысить эффективность обучения посредством этой методики, преподаватель должен хорошо знать сравнительные аспекты разных языков, уметь анализировать моменты соприкосновения между двумя, а порой и тремя языками – родным, русским и английским.

К примеру, слово «ножницы» относится к названиям предметов, используемых только во множественном числе. Оно в узбекском языке употребляется и во множественном, и в единственном числе: *qaychi* – *qaychilar*. В турецком: *makas*. А в английском, как и в русском языке – только во множественном числе (*scissors*).

Русские названия парных предметов, используемые только во множественном числе, дают обучающимся новую информацию, тогда как в узбекском языке они имеют формы и единственного, и множественного числа (*shim, tarozi, darvoza, arg'imchoq, ombir, ko'zoynak, chana, soat*). Такой же интерес вызывают названия промежутков времени, игр (каникулы, сутки, будни, шахматы, прятки), не имеющие в русском языке форму единственного числа.

В узбекском языке нет притяжательных прилагательных, отвечающих на вопрос *чей?* Их функцию в предложении выполняют определения. На это необходимо обратить внимание при формировании навыков составления предложений.

Отдельного внимания требуют конструкции с причастиями, широко используемые для лаконичности речи. И узбекское, и русское причастие выполняют единую функцию, но русское причастие не имеет форму будущего времени, а в узбекском оно есть (*keladigan, aytmaydigan*). Подобные аналогии можно проводить, развивая навыки составления простых и сложных предложений.

При сопоставлении фразеологических оборотов рекомендуется пользоваться историческими и культуроведческими материалами, поскольку взаимосвязь языка и культуры, истории народов способствует успешному усвоению языка. Нами были разработаны задания, направленные на понимание смысла фразеологических оборотов на русском языке. Они были разделены на три группы:

- 1) полные эквиваленты (*склонять голову – boshegmoq*);
- 2) частично совпадающие эквиваленты (*как белка в колесе – bo‘zchiningmokisiday*);
- 3) не имеющие эквивалентов (*искать вчерашний день – yo‘qnarsaniizlamoq*).

Эффективность в плане повышения мотивации показали задания, направленные на воплощение различных фразеологизмов на рисунках.

Применение методов сопоставления родного и иностранных языков показал, что обучающиеся, компетентные в грамматике родного языка, легче запоминают и успешно усваивают аналогичные конструкции на русском языке, поскольку владеют навыками обработки лингвистической информации. Данные методы необходимы для осознанного изучения нового языка. Они рекомендуются для преподавателей русского языка как иностранного, а также для тех, кто обучает мигрантов из других стран.

## **Вербализация концепта «сон» в лингвопоэтике Д.Хармса**

*Хармс, авторский концепт, алогизм, сон*

Понятие сна в жизни человека – не до конца изученное явление. Логично, что все непонятное наделяется ореолом мистического, сверхъестественного. В литературе сон нередко связывают со смертью, с прерыванием жизни. Образы сна, смерти взаимодействуют с категорией времени, явлением столь же неподвластным человеческому сознанию и бытию. Понятию «сон» в разные эпохи уделяется пристальное внимание в совершенно различных областях знания: в философии, культурологии, психологии, медицине, конечно же, в литературе и лингвистике, в частности, в когнитивной лингвистике.

Художественное пространство Даниила Хармса является прекрасной иллюстрацией того, как посредством вербализации, в частности, образа сна во взаимодействии с другими образами, мотивами раскрываются лексико-семантические, стилистические особенности идиостиля автора «гротескно-бессмысленных» текстов.

Необходимо дифференцировать понятия «концепт» и «образ». Мы опираемся на определение В.В.Колесова: «Концепт — синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде – своего рода «гипероним» последних» [Колесов 2012: 122]. Концепт, в котором сосредоточены эмоциональные, оценочные компоненты, языковой опыт, индивидуально-авторская картина мира, помогает раскрыть образ.

Семиотическая система произведений Хармса основана на категории абсурда как единственно возможного способа путем разрушения коммуникации персонажей, мира вокруг показать другую реальность, чистую, свободную от навязанных правил и стереотипов.

Образ сна – один из основных образов поэтики Хармса. Порой сон наделяется способностью совершать определенные действия, например, играть с персонажем, что происходит в рассказе «Сон дразнит человека», в котором Марков пытался заснуть, но «*как только он закрыл глаза, желание спать моментально проходило*», «*сон налетал*», «*улетал опять*». Сон наделяется антропоморфными способностями – думать, играть, дразнить. Порой персонаж не может выйти из состояния сна, сон держит в плену персонажа, властвует над его сознанием, что происходит в рассказе «Сон», где «*Калугин закричал и заметался в*

кровати, но проснуться уже не мог». Далее наблюдаем, чем завершается история с Калугиным:

*Калугин спал четыре дня и четыре ночи подряд и на пятый день проснулся таким тощим, что сапоги пришлось подвязывать к ногам веревочкой, чтобы они не сваливались. В булочной, где Калугин всегда покупал пшеничный хлеб, его не узнали и подсунули ему полуржаной. А санитарная комиссия, ходя по квартирам и увидя Калугина, нашла его антисанитарным и никуда не годным и приказала жакту выкинуть Калугина вместе с сором.*

*Калугина сложили пополам и выкинули его как сор [Хармс 2000, 2: 315].*

Физическая потребность человека в сне закономерна. Это, как правило, время покоя и отдыха, при котором происходит восстановление психического состояния. Здесь же мы наблюдаем ситуацию наоборот, когда сон разрушает человека. Примечательно, что разрушению подвергается сама ситуация, в которой человека «сложили пополам и выкинули как сор». В произведениях писателя (имея в виду взрослое творчество) нет возможности вербализовать персонажа, увидеть в нем полноценного человека со своим характером и мыслями. Внимание автора скорее сосредоточено не на персонаже, а на алогичности ситуации. Именно ситуационная алогичность, бессвязность привлекала писателя Хармса, который стремился к художественной революции, высвобождению слова от определенной нормы.

Зачастую грань между сном и реальностью неразличима, как, к примеру, происходит в рассказе «Утро»:

*Я не могу заснуть. Я стараюсь ни о чем не думать. Я вспоминаю, что это невозможно, и стараюсь не напрягать мысли. Пусть думается, о чем угодно. Вот я думаю об огромной ложке и вспоминаю басню о татарине, который видел во сне кисель, но забыл взять в сон ложку. А потом увидел ложку, но забыл... забыл... забыл... Это я забыл, о чем я думал. Уж не сплю ли я? Я открыл для проверки глаза.*

*Теперь я проснулся. Как жаль, ведь я уже засыпал и забыл, что это мне так нужно. Я должен снова стараться заснуть. Сколько усилий пропало зря. Я зевнул.*

*Мне стало лень засыпать.*

*Я вижу перед собой печку. В темноте она выглядит темно-зеленой. Я закрываю глаза. Но печку видеть продолжаю. Она совершенно темно-зеленая. И все предметы в комнате темно-зеленые. Глаза у меня закрыты, но я моргаю, не открывая глаз.*

*«Человек продолжает моргать с закрытыми глазами, – думаю я.– Только спящий не моргает».*

*Я вижу свою комнату и вижу себя, лежащего на кровати. Я покрыт одеялом почти с головой. Едва только торчит лицо. В комнате всё серого тона. Это не цвет, это только схема цвета. Вещи за-*

*грунтованы для красок. Но краски сняты. Но эта скатерть на столе хоть и серая, а видно, что она на самом деле голубая. И этот карандаш хоть и серый, а на самом деле он желтый.*

– Заснул, – слышу я голос [Хармс 2000, 2: 47].

Концептуально-смысловое моделирование в творчестве Хармса осуществляется посредством самых разных языковых средств (фонетических, морфолого-синтаксических, словообразовательных и т.п.), и экспликация хармсовской идеи проявляется, в частности, в многочисленных лексических и семантических повторах, контаминированных оборотах, неологической лексике, фрагментарности, алогичности построения фраз. Концепт «сон» вербализуется в тексте «Сон» посредством семантического повтора, характеризующегося повторяемостью действий и ситуаций, лексико-грамматического повтора, выраженного в повторяемости местоимения я, синтаксического параллелизма (параллельных конструкций): «я вижу...я вижу...», согласования грамматической семантики глаголов настоящего времени несовершенного вида «я не могу заснуть, я стараюсь, я вспоминаю, я думаю, я вижу, я закрываю...».

Авторский концепт «сон» (наряду с другими) выводит хармсовского читателя на уровень постижения нового смысла, более глубокого, латентного, что связано, в первую очередь, с философскими воззрениями писателя. Так, наложение на читательское сознание авторских мыслей, целеполагания расширяет поле ассоциаций, приводя к восприятию материальной и идеальной реальностей.

### **Литература**

Колесов В.В. Концептология: конспект лекций, читанных в сентябре-декабре 2010 года / В.В.Колесов. – СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2012. – 168 с.

Хармс Д. Собрание сочинений: в 3 т. / Д.Хармс. – Т.2. Новая анатомия. – СПб.: Азбука, 2000. – 416 с.

## **Параметры сложности текста в татарском языке**

*сложность текста, татарский язык, учебные тексты,  
параметры сложности*

Проблема сложности текста, его читабельности является актуальной во многих сферах деятельности: при создании учебных материалов, рассчитанных на различные аудитории, рекламных текстов, при разработке тестов по иностранным языкам, а с недавнего времени еще и при разработке компьютерных программ.

Известно, что неоправданно длинные предложения или сложные лексические конструкции затрудняют восприятие текста. В настоящей статье описаны существующие подходы к оценке сложности текста, рассмотрены методы оценки сложности текста для английского и русского языков, а также предложены методы оценки сложности для татарского языка.

Под сложностью в общем случае понимают составленность объекта из нескольких частей; многообразность по составу входящих элементов и связей между ними. Синонимами данного понятия являются трудность, запутанность. Примечательно, что само слово «текст» (от лат. – *textus*) означает ткань, сплетение, соединение. Соответственно, описывать текст, состоящий из множества элементов, объединенных различного рода связями, такой характеристикой, как сложность, уместно.

В XX веке при рассмотрении понятия сложности текста обнаруживаются такие синонимичные понятия, как удобочитаемость, читабельность [Микк 1970: 22], трудность текста и благозвучие [Иванов 2013: 253-254]. Они отражают, насколько удобным для зрительного либо слухового восприятия является текст, а факторами выступают размер букв, цвет шрифта и фона, наличие жаргонизмов и неологизмов и т.п. Однако такой подход к сложности текста не позволяет оценить содержание текста, его структуру и характеристики.

С началом XXI века при описании сложности текста стал превалировать подход, оперирующий общей идеей понимания сложности как количества затрачиваемых ресурсов для описания какого-либо объекта. Так выделяют два фактора сложности текста: 1) объективный (абсолютный); 2) субъективный (относительный) [Miestamo 2008: 23]. Впрочем, выделение субъективных и объективных факторов сложности текста довольно условно, так как, например, информативность и абстрактность текста могут быть оценены как относительно, так и безотносительно к субъекту.

Тем не менее, объективно текст можно рассматривать, по меньшей мере, на трех уровнях, для каждого из которых задаются различные

числовые показатели, являющиеся основой практической оценки сложности (табл. 1).

Таблица 1. Статистические параметры текста

Уровень рассмотрения текста	Параметры сложности
Макроуровень (уровень текста, абзаца)	Длина текста в абзацах
	Длина текста в словах
	Длина текста в буквах
	Средняя длина абзаца (в словах, буквах)
Синтаксический	Средняя длина предложения во фразах
	Средняя длина предложения в словах (сло-)
	Средняя длина предложения в буквах
Лексический	Средняя длина слова в буквах
	Процент односложных слов
	Процент сложных слов
	Процент неповторяющихся слов
	Средняя частота повторения слова
	Процент частей речи (существительных, гла- голов, прилагательных)

Это полный список параметров. Для каждого языка выделяют свои параметры. Мы предлагаем параметры для определения сложности текста, учитывая стилистические, синтаксические особенности татарского языка [Хисамова 2015: 3-13] (табл. 2).

Таблица 2. Параметры определения сложности текста

Параметры определения сложности учебных текстов татарского языка			
субъективный фактор		объективный фактор	
Индивидуальный	уровень знания татарского языка	синтаксический	средняя длина предложения (в словах)
			простое/сложное предложение
			синтетическое/аналитическое предло-
Возраст	знакомость слов	лексический	средняя длина слова (в словах)
	возраст обучения		процент простых (конкретных) слов
			процент сложных (абстрактных) слов
Информативность	базовые знания на определенную тему	морфологический	число морфем
			тип морфем

Для определения сложности учебного текста на татарском языке необходимо выделить субъективные и объективные факторы. В субъек-

тивных выделяем: индивидуальные (уровень знания татарского языка), возраст (не физический возраст, а возраст обучения и в соответствии с возрастном знакомость слов), информированность (читатель должен обладать какими-то базовыми знаниями на определенную тему, чтобы понимать содержание текста) параметры. К объективным факторам отнесем синтаксические, лексические и морфологические параметры. Так как татарский язык является агглютинативным языком, морфемы имеют важное значение. Также в синтаксическом параметре выделяем такие критерии, как тип предложения (аналитический, синтаксический), и предлагаем выделять простые и сложные предложения.

Эти параметры необходимо либо подтвердить, либо опровергнуть при помощи экспериментов. И, конечно, в дальнейшем уместно автоматизировать отобранные параметры.

С 20-х годов XX века предпринимались многочисленные попытки численной оценки сложности текста индексами удобочитаемости сначала для английского языка, а затем для европейских языков. Первый индекс удобочитаемости был предложен в 1923 году американскими учеными-лингвистами Б.Лайвли и С.Пресен [Оборнева 2006: 165]. Дальнейшие исследования в этом направлении были предприняты в 1947–1958 гг., 1967–1976 гг., а также с начала 2000-х годов наблюдается всплеск интереса к данному вопросу.

В современной литературе сложность восприятия текста определяется на основе условно принятой меры – индекса читабельности текста, величина которого есть производная от ряда параметров текста. К этим параметрам исследователи относят количество слов в тексте, среднее количество слогов в слове, среднее количество слов в предложении, тип предложения, наличие метафор, сравнений и национально маркированных единиц, объем эксплицитной и имплицитной информации, антропонимов, число аффиксов на сто слов и некоторые другие [Солнышкина 2015: 99].

Разработке, уточнению и применению математических формул для расчета индексов читабельности посвящены работы многих ученых. В настоящее время существует более двухсот формул читабельности для текстов на многих языках мира: английском, испанском, французском, немецком, голландском, шведском, русском и другие [Кисельников 2013: 247]. Для татарского же языка такой формулы не существует.

Формула удобочитаемости по Флешу содержит две переменные (длина слова, определяемая количеством слогов, и длина предложения, определяемая количеством слов) и вычисляется следующим образом:

$$УФ = 206,835 - (1,015 \times \text{средняя длина предложения в словах}) - (84,6 \times \text{среднее число слогов в слове}).$$

И.В.Оборнева предлагает формулу удобочитаемости для русского языка. С учетом разницы констант для русского и английского языков (средняя длина слова и предложения).



УФ = 206,836 – (1,52 X средняя длина предложения) – (65,14 X среднее число слогов). Индекс удобочитаемости по Флешу варьируется в диапазоне от нуля до ста.

Для татарского языка сложность текста – неизученная сфера. Поэтому для дальнейшего анализа необходимо работать с большими объемами текстов. Мы начали работать с учебными текстами на татарском языке. Некоторые данные: 1) средняя длина предложения в татарском языке – 12 слов; 2) средняя длина слова – 2,6. Эти данные получены с помощью Национального корпуса татарского языка.

На современном этапе изучения сложности текста предпринимаются попытки автоматизации процесса ее расчета, исследования проводятся преимущественно среди студентов вузов. В глобальной сети Интернет появились онлайн-сервисы (<http://readability.io/>, <http://www.hemingwayapp.com/>, <https://istio.com/>), позволяющие оценить сложность вводимого пользователем текста, однако в них реализованы лишь отдельные формулы, зачастую не соответствующие уровню анализируемого текста. В дальнейшем такие программы необходимо реализовать и для татарского языка.

### Литература

Иванов К.В. Автоматизация благозвучия текстов / К.В.Иванов // Материалы шестнадцатого научно-практического семинара «Новые информационные технологии в автоматизированных системах» / под ред. С.Р.Тумковского. – М.: МИЭМ НИУ ВШЭ, 2013. – С. 253-254.

Кисельников А.С. Формулы читабельности как инструмент анализа текста / А.С.Кисельников // Язык. Общество. Сознание. – Казань: Отечество, 2013. – С.247–253.

Микк Я.А. О факторах понятности учебного текста: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Я.А.Микк. – Тарту, 1970. – 22 с.

Оборнева И. В. Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров: дис. ... канд. пед. наук / И.В.Оборнева. – М., 2006. – С.165.

Солнышкина М.И. Параметры сложности экзаменационных текстов / М.И.Солнышкина, А.С.Кисельников // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2015. – №1 (25). – С.99–107.

Хисамова Ф.М. Морфология татарского языка: учебник для высших учебных заведений / Ф.М.Хисамова. – 2-е издание. – Казань, 2015. – С.335.

Miestamo M. Grammatical complexity in a cross-linguistic perspective / M.Miestamo, K.Sinnemaki, F.Karlsson // Language complexity: Typology, Contact, Change. – Amsterdam: John Benjamins, 2008. – Pp. 23-42.

Национальный корпус татарского языка. – URL: <http://tugantel.tatar/> (дата обращения 12.09.2020)

**Окказиональные имена собственные  
в текстовом пространстве эпистолярия А.П.Чехова**

*субстантив, имя существительное, имя собственное, окказиональный,  
письмо, А.П.Чехов*

А.П.Чехов является признанным мастером окказионального словообразования [Валова 2018; Горовая 2004]. Создание новых слов было для писателя своеобразной игрой, и проявлялась она в первую очередь в эпистолярии автора – письмах, которые он писал различным адресатам на протяжении всей жизни. А.П.Чеховым конструировались слова различных частей речи – имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия и др., но наибольшее внимание уделял он созданию субстантивов – имён существительных, в первую очередь имён собственных.

А.Д.Юдина отмечает, что языковые игры и образование новых слов на базе имён собственных характерны для словотворчества в русском языке [Юдина 2000: 133]. По мнению А.Н.Степановой, окказионализмы, создаваемые на основе имён собственных, позволяют говорящему «выйти за рамки кодифицированного, нормированного языка и обратиться к лингвокреативной деятельности» [Степанова 2019: 153]. Исследователями отмечается фантазия А.П.Чехова в ходе конструирования имён собственных героев его литературных произведений [Белоглазов 2016]. В то же время назвать хорошо разработанным вопрос об окказиональных именах собственных в письмах А.П.Чехова в настоящий момент нельзя.

Цель статьи – рассмотреть окказиональные имена собственные в письмах А.П.Чехова с точки зрения их роли в тексте.

Обращают на себя внимание в первую очередь окказионализмы, сконструированные А.П.Чеховым на основе фамилий. При этом при образовании насмешливых окказиональных наименований от женских фамилий фантазия А.П.Чехова становится практически безграничной. Можно назвать такие субстантивы, как *Алферачиха*, *Кувшинчиха*, *Гундасиха*, *Гамбурчиха*, *Сувориха*, *Сысоиха*, *Пупопупырушкина* и др. В ходе их конструирования писатель чаще всего использует суффикс *-их(а)*, причём образование окказионализма может сопровождаться изменениями производящей основы и фонетическими трансформациями. Сравним: *Алферачиха* ← *Алфераки*, *Кувшинчиха* ← *Кувшинникова*, *Гундасиха* ← *Кундасова*, *Гамбурчиха* ← *Гамбурцева*, *Сувориха* ← *Суворина*, *Сысоиха* ← *Сысоева*, *Пупопупырушкина* ← *Попырникова*. Целью автора при создании таких наименований обычно становится ирония,

внесение в письма юмористического звучания, а также придание общению более интимного характера: «**Сувориха** ежечасно одевается в новые платья, поет с чувством романсы, бранится и бесконечно болтает. Баба неугомонная, вертлявая, фантазерка и оригиналка до мозга костей. С ней нескучно» (М.П.Чеховой, 14 июля 1888 г.). Данные окказионализмы могут также передавать неодобрительное отношение автора к именуемому с их помощью человеку: «С Вашей землячкой **Гамбургчхой** на ножах... **Надоела баба!**» (П.Г.Розанову, 2 апреля 1885 г.). В тексте они сочетают информативную и модальную (эмоциональную) функции, с их помощью создаётся целостное коммуникативное пространство, члены которого – адресант и адресат письма – получают возможность более близкого, интимного общения, более эмоционального обсуждения происходящего, различных вопросов и общих проблем.

Словообразовательная трансформация фамилий, в том числе людей, которые ему близки и симпатичны, становится для А.П.Чехова излюбленной игрой. Помимо суффикса *-их(а)*, писатель использует суффикс *-иц*: «Твой влюбленный в **Книпшиц** дуралей» (О.Л.Книппер, 17 апреля 1901 г.), усечение фамилии и наращение конечного *-й*: «**Был у меня Гиляй** и жаловался, что Вы его не печатаете» (Н.А.Лейкину, 24 или 25 сентября 1885 г.) и др. Исходными фамилиями здесь стали *Книппер*, *Гиляровский*.

Оригинальные имена собственные в качестве шуточных псевдонимов конструирует А.П.Чехов для наименования в письмах самого себя: *А.Достойнов-Благороднов*, *Повсекакий Бумажкер* и др. Некоторые их данных имён использовались им как литературные псевдонимы: *А.Чехонте*. В таких субстантивах нередко звучит самоирония писателя. Подпись «*Ваш Повсекакий Бумажкер*» (Л.С.Мизиновой, 5 июля 1897 г.) указывает на иронию по поводу того, что автор много времени проводит за письменным столом.

В письмах А.П.Чехова встречаются также эмоционально-оценочные окказиональные имена собственные, сконструированные писателем для наименования лиц. Это диминутивы (*Лукуся*, *Ликиша*, *Самоварочка*, *Семашечка*, *Пашуточка* и др.) и слова с уничижительно-пренебрежительными суффиксами (*Дришка* и др.), которые образуются прежде всего от имён, в первую очередь женских.

Диминутивы *Лукуся* и *Ликиша* используются писателем в обращениях к Л.С.Мизиновой соответственно 15 и 6 раз. Они образованы по продуктивной словообразовательной модели от имени, уже являющегося ласкательной формой (*Лику* + суффикс *-ус(я)* → *Лукуся*; *Лику* + суффикс *-иш(а)* → *Ликиша*). С помощью данных диминутивов А.П.Чехов создаёт дружескую атмосферу в непростом общении с симпатичной ему женщиной: «*Милая Лукуся*, вместо того чтоб ныть и тоном гувернантки отчитывать себя и меня за дурное (?) поведение, Вы бы луч-

ше написали мне, как Вы живете, что делаете и вообще как Ваши дела» (Л.С. Мизиновой, 23 июня 1892 г.).

Встречаются в письмах А.П.Чехова и необычные субстантивы-диминутивы, образованные оригинальным способом от имён собственных: *Кокоша, Тотоша, Кикиша* и др. Например: «*Кокоше и Тотоше* мое благословение; пусть работают» (Ал.П. Чехову, 17 января 1887 г.). Автор словно занимается активным поиском самого оригинального и необычного имени собственного. *Кокоша* образовано от имени *Николай*, *Тотоша* – от имени *Антон*, происхождение имени *Кикиша* неясно: «*Прощай! Своим Кикишам и Кокошам передай мое благословение*» (Ал.П.Чехову, 16 июня 1887 г.). Возможно, оно имеет собирательное значение, обозначая домашних адресата – родных и близких людей. Чаще всего окказиональному преобразованию у А.П. Чехова подвергается конец слова, но встречаются изменения и в его начале, например, наращения. Так, словом *Самоварочка* писатель называет Арочку, воспитанницу Голохвастовых: «*Муж Самоварочки Голохвастовой менее отзвучив*» (М.В.Киселевой, 11 марта 1891 г.).

Итак, в тексте писем А.П.Чехова окказиональные имена собственные очень разнообразны. Они выполняют информативную функцию – служат для указания на определённого человека, но основными их функциями являются модальная – передача отношения автора к именуемому с помощью окказионального слова человеку и эмоциональная – выражение чувств, испытываемых писателем и транслируемых им посредством окказионализма адресату письма. Окказиональные собственные субстантивы, в том числе эмоционально-оценочные образования, становятся элементами общего коммуникативного пространства текста письма, в котором общаются адресат и адресант. Чаще всего их назначение – придание этому пространству юмористического характера, выражение иронии, создание хорошего настроения. Интересно, что большая часть окказиональных имён собственных в письмах А.П.Чехова именуют женщин – знакомых писателя.

### Литература

Белоглазов В.С. Имена собственные в рассказах А.П.Чехова 1883-1884 годов / В.С.Белоглазов, С.Н.Белоглазова // Научный альманах. – 2016. – № 4-4 (18). – С.253-255.

Валова А.О. Функции окказиональных слов в эпистолярном жанре А.П.Чехова / А.О.Валова, Е.В.Юматова // Проблемы теоретической и прикладной подготовки студентов к преподаванию русского языка в условиях модернизации педагогического образования: сб. научн. тр. по мат. Междунар. науч.-практ. конф. – Саранск: МГПИ, 2018. – С. 4-10.

Горовая И.Г. К вопросу о языковом новаторстве А.П.Чехова / И.Г.Горовая // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – №11(36). – С.10-13.

Степанова А.Н. Имена собственные как основа производства окказионализмов в современной поэзии: семантика и функционал / А.Н.Степанова // Множественность интерпретаций: верификация гуманитарного знания: мат. VII молод. науч.-практ. конф.; научн. ред. Е.В.Михалькова. – Тюмень: ТюмГУ, 2019. – С. 147-153.

Юдина А.Д. Окказионализмы, мотивированные именами собственными / А.Д.Юдина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. – 2020. – № 195. – С.126-134.

## **Целенаправленность восприятия в семантике аудиальных глаголов**

*восприятие, глагол, лексика, слуховая перцепция, семантика*

Проблема восприятия занимает одно из центральных мест в философском осмыслении познания, содержания и положительной динамики его результатов познаваемой действительности. «Восприятие является основой всего познания, единственным способом непосредственного получения знания и генетической исходной ступенью процесса познания, если иметь в виду собственно его реализацию» [Лурия 1975: 65].

Предметом нашего исследования стала семантическая структура глагола *слушать*, обозначающего целенаправленный процесс аудиальной перцепции, в русском, английском и татарском языках.

Под целенаправленностью обычно понимается стремление к определенной цели, подчиненность ей, что релевантно для перцептивных глаголов.

Рассматривая глаголы, включенные в состав предикатов слухового восприятия, Л.М.Васильев выделил два подкласса «противопоставленных друг другу по семам целенаправленности/нецеленаправленности и активности/пассивности». Глагол *слушать* означают направленное действие слухового восприятия, а глагол *слышать* – нецеленаправленное [Васильев 1992: 16]. В татарском и английском языках данное противопоставление сохраняется. В этих языках выделяются два базовых идентификатора исследуемой лексики: 1) глаголы, обозначающие произвольное (нецеленаправленное) восприятие: тат. *ишетү*, англ. *to hear*; они указывают на общую способность слухового восприятия; 2) глаголы, обозначающие произвольное (целенаправленное) восприятие: тат. *тыңлау*, англ. *to listen*; они называют действия и процессы, связанные со слуховым восприятием. Последние могут быть нейтральными, указывать на объект или обстоятельство характерную характеристику воспринимаемого.

В татарском языке *тыңлау* (слушать) и *ишетү* (слышать) обладают сложной семантической структурой: *жил тавышын ишетеп алдым* (услышал шум ветра), *жыр тыңлыйм* (слушаю песню). Примером семантической модификации может послужить словосочетание *слышать запаха*. В татарском языке ему соответствует глагол *сизү* (чувствовать): *слышать, слышать, услышать запах – ис сизү* (чувствовать запах): *бу хушбуй исен ерактан сизеп алдым* (этот запах духов я услышал издалека).

Интерпретация основных значений глаголов восприятия лежит в основе оппозиции активность – пассивность слухового восприятия. В английском языке целенаправленность и нецеленаправленность слухового восприятия выражены глаголами *to hear* (слышать) и *to listen* (слушать). В данном случае слуховое восприятие имеет двустороннюю направленность: субъектно-ориентированную и объектно-ориентированную. Член оппозиции «субъектно-объектная ориентация восприятия» отражает полный процесс слухового восприятия, когда слуховое восприятие исходит от субъекта и направлено на объект: *The girl heard a familiar voice and turned around* (Девочка услышала знакомый голос и обернулась). *Everyone listens to the report with attention* (Все слушают доклад с вниманием).

По данным «Словаря русского языка» под ред. А.П.Евгеньевой [1988] у глагола *слушать*, обозначающего направленный процесс слухового восприятия, выделяется 8 значений и ряд устойчивых сочетаний.

1) Обращать, направлять слух на какие-л. звуки, чтобы услышать. *Зеленский любил **слушать** английский рок и играть на гитаре* [Предательство Владимира Зеленского]; в англ. *Zelensky liked to listen to English rock, and to play the guitar*; в тат. *Зеленский инглизчэ рок тыңларга һәм гитарада уйнарга бик ярата иде*.

2) Сов. *выслушать*. Исследовать путем выслушивания состояние и работу какого-л. внутреннего органа. *Врач **слушает** грудь*; в англ. *the doctor listens to the chest*; в тат. *табип күкрәкне тыңлый*. ***Слушает** биение сердца*; в англ. *Listens to the heart beat*; в тат. *Йөрәк тибешен тыңлый*.

3) Публично разбирать (какое-л. судебное дело). *И я не хочу **слушать** доводы в его защиту* [Миранда Ли. В любви все средства хороши]; в англ. *And I don't want to listen to arguments in his defense*; в тат. *Минем аның яклы дәлилләр ишетәсем килми*.

4) Изучать что-л., посещая лекции. *Сразу после того, как я **послушал** лекцию, я отправился в гостиницу* [Дэн Браун. Код Да Винчи]; в англ. *I went directly back to my hotel after listened to the lecture*; в тат. *Лекцияне тыңлап бетергәч тә, мин кунакханәгә юнәлдем*.

5) Сов. *послушать*. Принимать во внимание чьи-л. слова, просьбы, советы и т.п. *Вместо этого **послушайте** слова молодого россиянина Егора Жукова, который предстал перед судом за публикацию видео с критикой режима* [Ложная романтика России]; в англ. *Listen, instead, to the words of a young Russian, Yegor Zhukov, who was put on trial for publishing videos critical of the regime*; в тат. *Аның урынына суд алдында критик режимдагы видео басылуы белән чыгыш ясаган яшь россияле Егор Жуковның сүләрен тыңлагыз*.

6) Сов. *послушать*. Разг. Подчиняться чьим-л. распоряжениям, следовать чьим-л. советам, слушаться. *Да, именно это самое НЕТ, иногда и заставляло меня одуматься... и **послушать** родителей*. [Наши

дети: Подростки]; в англ. *Yes, it was this very NO that sometimes made me come to my senses... and listen to my parents*; в тат. *Әйе, нәкъ менә бу ЮК мине кайчак уйларга мәжбүр итте... һәм әти-әнине тыңларга*.

7) В словаре также определяется форма повелительного наклонения «слушай (те)», означающее 'обращение к кому-л в начале разговора для привлечения внимания': «**Послушайте сейчас!**» (*Эту реплику аудитория встретила, аплодируя стоя*) [Путину нужно современное оружие, а не современная Россия]; на англ. «*Listen to us now!*» (*This line was greeted with a standing ovation*); на тат. «*Хәзер үк тыңлагыз!*» (*Бу репликаны аудитория басып торып каршы алды*).

Также имеют место устойчивые выражения.

«Слушай!» 'крик, означающий приказ выслушать следующую затем команду': «**Слушайте**», — *сказала Вайолет, и все трое услышали тихий гул мотора*. [Лемони Сникет. Кровожадный карнавал]; в англ. «*Listen*», *Violet said, and the children could hear a low, buzzing hum coming from the machine*; в тат. «*Тыңлагыз*», — *диде Вайолет һәм өчесе дә тыныч мотор тавышын ишеттеләр*. Также обозначает 'восклицание, которым перекликались ночью часовые': *Часовые с двух сторон коридора кричали каждые четверть часа протяжно и громко «Слу-у-ушай»* [Герцен, Былое и думы]; в англ. *Sentries from both sides of the corridor were shouting every quarter of an hour slowly and loudly «Li-i-sten»*; в тат. *Һәр чирек саен, сакчылар коридорның ике яғыннан «Тыы-ң-лагыз» дип озын итеп каты кычкырдылар*.

Таким образом, одна из важнейших структурообразующих оппозиций по семантическому компоненту целенаправленность / нецеленаправленность имеет место во всех трёх языках. Однако при этом семантическая структура глагола *слушать* и его лексическая сочетаемость имеют специфические особенности в каждом из языков.

### Литература

Васильев Л.М. О принципах описания предикатной лексики / Л.М. Васильев // Исследования по семантике. Вып. 17. – Уфа, 1992. – С. 16-22.

Лурия А.Р. Ощущения и восприятие: материалы в курсе лекций по общей психологии. Выпуск 2 / А.Р.Лурия. – М.: Изд. МГУ, 1975. – 112 с.

Национальный корпус русского языка. – URL: [ruscorpora.ru](http://ruscorpora.ru); дата обращения 29.10.20.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1988.



**Образный потенциал лексических единиц,  
обозначающих времена года**

*поэтический текст, названия времен года, предмет сравнения,  
образный потенциал темпоральных лексем, образные парадигмы*

Исследование образности языковых единиц составляет актуальную проблему лингвистики, семиотики и поэтики. В лингвистике эта проблема рассматривалась в работах таких ученых, как Н.Д.Арутюнова, Н.В.Павлович, М.М.Маковский, П.Г.Пустовойт, Е.А.Юрина и др. Следует отметить, что к трактовке понятия образа ученые подходят с разных позиций. Так, по мнению Н.Д.Арутюновой, образ – это категория сознания. В семантической структуре имени образ является переломным моментом между тем, что принадлежит воспринимаемому миру, и тем, что принадлежит воспринимающему сознанию [Арутюнова 1999: 317]. С точки зрения М.М.Маковского, образ интерпретируется как форма мифотворческого представления. Он является биологическим и социальным продуктом, возникающим при взаимодействии высшей нервной деятельности и объективных социальных условий [Маковский 1996: 20]. В.П.Москвин определяет образ как художественное изображение объекта эмоционального переживания [Москвин 2006: 195]. В нашей работе мы будем следовать точке зрения В.П.Москвина.

Дальнейшее развитие концепция образа и образности слова получила в работах Н.В.Павлович. Она полагает, что поэтический образ не существует без взаимосвязей с другими образами и реализует определенный инвариант – сложный смысл, общий для всех мыслительных конструкторов. Такой инвариант, называемый парадигмой образов, состоит из двух смыслов, участвующих в процедуре сравнения: левого элемента X (того, что сравнивается с чем-то) и правого элемента Y (того, с чем происходит сравнение) [Павлович 2004: 7, 17]. Образные возможности лексических единиц уже исследовались в ряде работ (см., например: [Хайрутдинова 2015; Rakhimova 2016]). Однако темпоральные лексем, которые обозначают времена года, еще не подвергались комплексному анализу с опорой на концепцию инвариантности образа.

Объектом данной работы являются названия времен года. Основная цель исследования – выявление образных парадигм (или моделей), в которых рассматриваемые лексические единицы использованы как предмет сравнения. Материалом для исследования послужили поэтические фрагменты из Национального корпуса русского языка.

Проведенное нами исследование показало, что образный потенциал лексем, обозначающих времена года, не одинаков. Наибольшее чис-

ло парадигм характерно для темпоральной лексемы *весна* (9 образных моделей). Изучение функционирования слов *лето* и *осень* в качестве предмета сравнения позволило выявить 8 парадигм. Для лексемы *зима* отмечены 7 моделей. Интерес представляет выявление совпадающих для всех лексем образных парадигм. Как свидетельствует анализ языкового материала, в качестве общих (или совпадающих) моделей могут быть названы следующие.

1. Наиболее объемной является та парадигма, в которой отношения между инвариантами лексических рядов определяются как «время года → живой предмет». Образ сравнения в этой модели репрезентируется с помощью существительных, относящихся к понятию «человек» (а) и «животное» (б). Например: а) *Бежит весна девчонкой неумной / И трепетно, и мило, и смешно, / Весне-девчонке не сидится дома, / Стучится в двери, в каждое окно.* (Е. Абрамова. «Сугробы, как коралловые рифы...»); *Окна – сплошь кружевные узоры. / Ветви – снежных одежд бахрома. / Белизной ослепляют подзоры, / Что связала хозяйка зима.* (М. Одинокова. «Зима»); б) *И осень, как овчарка, / Бежит за колесом.* (И. Елагин. «Каштановым конвоем...»); *Тех же четырех наседок – / просинь, лето, осень, снег – / водит год, но напоследок / позабыл их человек.* (А. Присманова. «По веленью Водолея...»).

Образное осмысление таких времен года, как весна, осень и зима, наиболее часто формируется благодаря употреблению слов, имеющих значение лица женского пола: *мать, сестра, хозяйка, девушка, вдова, царевна, кудесница, старуха, красавица* и др. Это обусловлено тем, что на характер образных ассоциаций носителей русского языка во многих случаях накладывает свой отпечаток специфика грамматического строя, а именно наличие категории рода. Например, тот факт, что неодушевленное существительное *весна* принадлежит к женскому роду, мотивирует его сближение с личными субстантивами, принадлежащими к той же родовой группе. Среди указанных личных существительных обращают на себя внимание три подгруппы: а) субстантивы, характеризующие лица женского пола определенного возраста (*девочка, девчонка, дева, женщина, старуха*), б) слова, называющие родственные и семейные отношения (*мать, мама, сестра, невеста, вдова*), в) лексемы, указывающие на профессию, род занятий (*сиделка, рыбачка, гитаристка*).

От функционирования названных трех лексем отличается характер употребления слова *лето*: случаи его сближения с существительными мужского и женского рода в количественном отношении примерно одинаковы, что, очевидно, объясняется принадлежностью этой темпоральной лексемы к среднему роду.

2. В другом типе парадигмы соотношенность между двумя ее членами следует обозначить как «время года → ментальное». В позиции образа сравнения выступают следующие лексические единицы: *радость, отрада, любовь, упоенье, счастье, печаль, горе, скука, кошмар*

и др. Приведем фрагменты поэтических текстов: **Лето, ты для нас отрада.** / *Любим мы тебя за это.* (М. Одинокова. «Лето (песня)»); **Что такое – весна?** / *О, весна, О, весна! ... / Это юной души молодая печаль.* (М. Лохвицкая. «Что такое весна?»); **Золотая приморская осень – / Неподкупное счастье мое.** (И. Уткин. «Осень»); **Во мне еще, как песня или горе, / Последняя зима перед войной.** (А. Ахматова. «Тот голос, с тишиной великой споря...»).

3. Взаимоотношения между элементами X и Y следующей образной модели могут быть отражены как «время года → растение». Образ сравнения репрезентируется за счет использования лексических единиц *сосна, побег, кувшинка, подснежник, лист, трава* и т. д. Например: **Неувядающим побегом / В синь неба ринулась весна!** (А. Перекрестова. «Неувядающим побегом...»); **Как медаль на шее у поэта / Как миндаль на дереве во рту / Белое растерзанное лето / Подымалось на гору в поту...** (Б. Поплавский. «Как медаль на шее у поэта...»); **Ленинградская зима, / Розовата и бесснежна, / И свежа, как ты сама / Или утренний подснежник.** (Г. Шпаликов. «Яблоки»); **Лиза, косы, Лиза, утром встретит / Осень также мягче незабудок, / Осень также топнет в бересклете / Как огонь на бочках и посудах.** (Б. Лапин. «Пальмира»).

4. В четвертом типе модели взаимоотношения между ее элементами имеют следующий характер: «время года → экзистенциальное». Образ сравнения репрезентируется за счет употребления слов *юность, год, день, ночь, жизнь, смерть* и др. Подтвердим сказанное примерами: **Но осень не обманет бабье лето. / Как женщину – прошедшие года.** (В.Смирнов «Рябина»); **Весна украдкой родилась, / как сизый день / в казенном доме.** (Н. Ушаков. «Ранняя весна»); **Глубока, как ночь, зима, / Снег висит как бахрома.** (О. Мандельштам. «Музыка твоих шагов...»); **Я – скорбное вместилище теней, / во мне едва течет медлительная Лета, / и бледное, как смерть, березовое лето / мне примелькалось.** (С.Петров. «Я – скорбное вместилище теней...»).

5. В последней модели соотнесенность между элементами X и Y можно отразить как «время года → ткань». Понятие «ткань» включает в себя «разные виды ткани и изделия из них», в том числе одежду, пряжу, кудель и пр. [Павлович 2004: 296]. Приведем фрагменты поэтических текстов: **А весна идет ветровая, / Сыроватая, как белье, / Под стеклянный бубен трамвая / Продувающая жильё.** (Д.Самойлов. «На окраине»); **И вот начинается шумная лавка, / где лето полощется, как кисея.** (С.Петров. «Лавка»); **Идут солдаты страной непогожею. / И лежит вокруг осень / мокрой рогожею.** (Д. Самойлов. «Слово о богородице и русских солдатах»); **Навалилась на плечи зима, / Словно шуба столетнего деда.** (А.Радченко. «Потери»).

Таким образом, изучение функционирования темпоральных лексем, называющих времена года, в поэтических произведениях XX – XXI веков позволяет сказать, что их образные ассоциации обнаруживают

как совпадения, так и различия. Наибольшее число образных моделей отмечено при анализе употребления слова *весна*. В качестве общих (совпадающих) парадигм выявлены следующие: «время года → живой предмет», «время года → ментальное», «время года → растение», «время года → экзистенциальное», «время года → ткань».

### Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д.Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Блинова О.И. Словарь образных единиц сибирского говора / О.И.Блинова, М.А.Толстова, Е.А.Юрина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – 220 с.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М.М.Маковский. – М.: Гуманит. изд. центр. ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь / В.П.Москвин. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 376 с.

Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н.В.Павлович. – М.: Азбуковник, 2004. – 527 с.

Хайрутдинова Г.А. К проблеме образного потенциала языковых единиц (на материале анализа функционирования лексемы *мечта*) / Г.А.Хайрутдинова // Филология и культура. – 2015. – №3 (41). – С.152-155.

Rakhimova D. Semantics and functioning of the lexeme *igra* (game) (based on the material of literary works of Russian poetry of XIX–XX centuries) / D.Rakhimova, G.Hayrutdinova // Journal of Language and Literature. – 2016. – Vol.7. Issue 1. – Pp.186-189.

## **Об одном источнике исследования лексики**

*лексическое значение, заимствования, прототип*

С расширением корпуса памятников и введением их в научный оборот исследователю открываются новые возможности для изучения языка. Общеизвестны уточнения так называемых первых фиксаций слова, связанные именно с этим обстоятельством: так, существенные уточнения к общепринятой хронологии вхождения многих слов внесены составителями Словаря русского языка XVIII века.

Недооцененными, на наш взгляд, сегодня являются исторические названия произведений искусства, которые содержат любопытные сведения для изучения русской лексики. Примером является название картины итальянского художника Пьетро Фалька «Шарлатан». В 2018 году в Государственном музее им. А.С.Пушкина проходила выставка «От Тьеполо до Каналетто и Гварди», где были представлены работы выдающихся венецианских мастеров XVIII века из Городского музея Палаццо Кьерикати в Виченце. Картина, о которой идет речь, датирована серединой XVIII века (около 1757 года) и рассказывает о традиционных уличных развлечениях в Венеции, проходивших неподалеку от Дворца Дожей. В проспекте выставки дается следующее пояснение к сюжету: «Взобравшись на подмостки театра марионеток, уличный торговец демонстрирует публике чудодейственные свойства своих талисманов и эликсиров; одна из марионеток, кажется, насмешливо аплодирует за спиной незадачливого торговца. Похоже, единственные слушатели – трое подростков и три девушки, ожидающие спектакля кукольного театра».

Перевод названия этой картины восполняет недостающие звенья в картине функционирования слова «шарлатан» в русском языке. Значение этого слова в современном русском языке 'обманщик, оболъститель'. Очевидно, что герой картины не имеет к современному шарлатану никакого отношения и что слово, заимствованное из французского языка в XVIII веке, претерпело семантические изменения. Так этимологические словари (П.Я.Черных, Н.М.Шанский, М.Фасмер) возводят его к итальянскому *ciarlare* 'болтать вздор, кричать'. Слово попало во французский язык и из него – в русский. В словаре П.Я.Черных отмечается "старое" значение 'артист развлекательного жанра' [Черных 1999, 2: 403]. Между тем наша картина дает основания предположить, что существовало еще одно, не зафиксированное русскими этимологическими словарями значение 'площадный продавец разных лекарств'. Подтверждение этому

находим в переводах соответствующего периода. В романе Мерсье “Картины Парижа” (перевод 1786 года) можно убедиться в том, что данный вид увеселений был характерен не только для Италии, но и весьма распространён в Париже: “Великорослый Томас, глава шарлатанов, или площадных врачей, преж сего присутствовал на новом мосту” [Мерсье 1786: 142].

Следует отметить, что рассматриваемое значение зафиксировано в Академическом французском словаре: “ Operateur, -trice se prend plus particulièrement pour charlatan qui débite ses remèdes, et qui vend ses drogues en place publique” [DAF, 2: 165].

Таким образом, название картины Пьетро Фалька середины XVIII века в русском переводе “Шарлатан” содержит слово в прототипическом значении, в котором и было заимствовано наряду с семой/значением ‘артист’. В дальнейшем лексическое значение слова «шарлатан» претерпело семантическую метаморфозу в русском языке: оно стало обозначать невежду, который выдает себя за знатока в какой-либо области.

### **Литература**

Мерсье Л.С. Картины Парижа / Л.С.Мерсье; пер. А.А.Натова. – СПб.,1786. – Т.1. – 294 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я.Черных. – 3-е изд.– М.: Русский язык,1999.

<https://ar.culture.ru/ru/subject/sharlatan> (дата обращения 27.10.2020)

DAF Dictionnaire de l’Academiefrancoise/ Nouvelle edition. – Lion, 1777. – Т.1–2.

## **Әдәби әсәрнең теле мәсьәләсенә Ә.Еники карашлары**

*әсәрнең теле, персонаж теле, Г.Ибраһимов, Ә.Еники*

Татар әдәбияты классигы Ә.Еники теле гажәеп бай, гади булуы һәм сыгылмалылыгы белән аерылып тора.

Әдипнең әсәр теле мәсьәләсенә үтә дә жаваплы якин килгәнлеге дә мәгълүм. Соңгы нәшер ителгән мөкаләләр җыентыгына кертелгән әңгәмәдә мондый юллар бар: “Мин язган чакта иң элек сүзгә, телгә бик таләпчән якин киләм. Көчөмнән килгән хәтле тырышып язам. Яхшы булсын дип. Кеше укый алырлык булсын дип. “Язучы язганда аның үз тәнкыйте йокламаска тиеш”, – дип Толстой әйткән бугай” [Еники 2019: 465].

Ижатының башыннан ахырынача Ә.Еники әдәби әсәрнең теле турында фикер-карашларын язмалары аша җиткерә килә. Әле 1967 елда ук “Вопросы литературы” журналында басылган “Әсәрнең теле турында” исемле язмасында әдип болай билгеләп үтелә: “Язган чакта әсәрнең теле ниндидер бер кодрәт белән үзеннән-үзе җиңел генә агып бара дип уйлау һич кенә дә дәрәс булмас. Тел ярдәмендә ни әйтергә, нәрсә күрсәтергә телисең – хикмәт шунда бит. Хәтта әсәрне редактор өстәленә илтәп салганнан соң да баш ватудан туктамыйсың – күңелгә ошамаган берәр сүз сине, җаныңа кадалган шырпы шикелле, гел борчый тора. Әсәр ижат итүнең бөтен авырлыгы да, минемчә, нәрсә хакында язудан бигрәк, ничек итәп язуга кайтып кала” [Еники 2019: 474].

Әсәрнең теле мәсьәләсендә ул үзенең остазы дип Г.Ибраһимовны атый, аны әдәбиятыбызда хикәяләнең үрнәк булырлык гүзәл бер стиль тудыручы аерым мәктәп булдырган әдип дип олылай: “Галимҗан теле – үзенә бер тел ул. Иркән, җиңел, бай, матур тел. Асылда ул безгә проза теленең иң үтемле, саф татарча үрнәген эшләп калдырды. Аның бу үрнәгендә без телебезнең гажәп бай эчке мөмкинчелеген, фикерне әйтәп бирә алуда һәм сурәтләп күрсәтүдә зур сәләткә ия булуын күрдәк. Галимҗан аркасында безнең телебез, үзенең саф татарча булуын саклаган хәлдә, русның әдәби теленнән үрнәк алып, ничектер мәдәниләште, камилләште, бай телләр рәтенә керерлек хәлгә килде. Тел иркән һәм тигез ага башлады, аның шигърияте һәм аһәңе көчәйде” [Еники 2019: 465].

Г.Ибраһимовка иярү күренешләрен дә билгеләп үткәннән соң, Ә.Еники “иярү, күчерү, охшату” кебек күренешләренә “кәсепчелек белән шөгыйльләну” кебек бәяли. Һәрбер язучының теле аның үзенә генә хас табиғый тел булырга тиеш.

Язучы әдәби әсәрдә автор теле һәм персонаж теленә кагылышлы төрле фикерләр житкерә. Аның карашынча, әсәрдәге персонажларның телен яшенә, кем булуына, профессиясенә карап индивидуальләштерүне, һичшиксез, кирәк, дип саныйм. Ләкин бер шарты бар: индивидуальләштерү белән кирәгеннән артык мавыгып китмәскә, ягъни персонаж телен махсус терминнар яки жаргон сүзләр белән күп итеп чүпләмәскә кирәк. Билгеле, авторның үз теле персонаж теленнән күпмедер дәрәжәдә аерылырга тиеш. Бу һәр язучының талантына һәм остагына бәйле.

Билгеле, язучының туган телне өйрәнү, туган телгә ихтирамлы мөнәсәбәт темасын яктырткан фикер-карашларын да аерып билгеләп үтеп булыр иде. Аның карашынча, туган телне өйрәтүгә мөнәсәбәтне үзгәртү вакыты житкән. Бу карашларны ул 1990 ллар вәзгәтенә бәйле төстә бик күп тапкыр кабатлый.

Т.Миңнуллин әдипнең теле турында гажәеп төгәл әйтеп калдыра: “Әмирхан аганы укыгач, “һи, болай гына мин дә яза алам” дип ялгышуың да ихтимал. Наданнарны алдый торган гадилек. Ләкин бөөк гадилек” [Еники 2009: 3]. Мәкаләләреннән Әмирхан Еники әсәр теленең гадилегенә еллар дәвамында каләменә үтә дә жаваплылык белән якын килеп ирешкәнлегенә аңлашыла.

### **Әдәбият**

Еники Ә.Н. Сайланма әсәрләр. 3 томда, III том / Ә.Н.Еники. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. – 838 б.

Еники Ә. Биектән карап торасым килә...: заманым һәм замандашларым турында / Ә.Еники; кереш сүз язучы Т.Миңнуллин. – Казан: Мөгәриф, 2009. – 215 б.



**Галимуллина Альфия Фоатовна**  
Казанский (Приволжский) федеральный университет  
УДК 821.161.1+821.512.145

**Художественный перевод как средство актуализации роли  
татарского языка в межлитературных связях на рубеже  
XX–XXI веков**

*художественный перевод, межкультурный диалог, татарский язык,  
литературные взаимосвязи, Ренат Харис, русская литература,  
чувашская литература*

Вопрос сохранения и развития языков народов России представляется одной из актуальнейших проблем современности – об этом свидетельствует и создание различных структур и проектов как на федеральном уровне (21 февраля 2019 года указом Президента был учрежден Фонд сохранения и изучения языков народов Российской Федерации, в 2016 году была принята «Программа поддержки национальных литератур народов Российской Федерации»), так и на уровне Республики Татарстан: на протяжении последних десятилетий реализуется государственная программа по сохранению, изучению и развитию государственных и иных языков Республики Татарстан, поддерживаются творческие объединения, в том числе и Союз писателей нашей республики.

Проблема перевода представляет собой одну из самых трудных и по сути неразрешимых проблем литературоведения потому, что в принципе невозможно дать окончательный ответ на вопрос, что лучше: как можно более точная, адекватная передача семантической и лексико-семантической стороны оригинала или же такой же перевод, который как бы утрачивает признаки «иностранности» и начинает восприниматься как часть национальной культуры языка-реципиента. Конечно, в идеале должно быть и то, и другое...

Для Республики Татарстан, где русский и татарский языки законодательно объявлены государственными, перевод имеет особую значимость. Здесь, поскольку соответственно этому положению общественно-политическая, культурная, административно-хозяйственная жизнь и отчасти наука и образование осуществляются в основном на обоих языках, переводческая деятельность широко внедряется во все сферы общественной жизни республики.

В то же время отметим, что проблема перевода с использованием языков народов России выходит далеко за рамки художественного перевода, а значит, литературоведения и лингвистики, она связана с востребованностью и активным применением этих языков, обусловленных различными формами социальной коммуникации, официально-деловой, международной деятельностью и даже бизнесом, поэтому вопрос о подготовке профессиональных переводчиков национальных языков России в

области художественного и социально-значимого перевода является актуальным и востребованным современным обществом, следовательно, необходимы программы подготовки, переподготовки и повышения квалификации профессиональных переводчиков.

В Институте филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета осуществляется подготовка студентов по специальности 45.03.01 «Филология. Профиль подготовки (ПФ): татарский язык и литература, переводоведение с углубленным изучением иностранного (английского) языка»; надеемся, что и в дальнейшем будет совершенствоваться система подготовки профессиональных переводчиков. В свете проблем глобализации общества необходимо также решить и вопрос о подготовке в нашей республике профессиональных переводчиков с татарского языка на языки народов мира (английский, французский, испанский, турецкий и т.д.).

В мире ни одна литература не существует без взаимного обогащения и участия в творческом процессе переводной литературы. В качестве перспектив совершенствования художественного перевода с использованием татарского языка и дальнейшего исследования истории и поэтики переводов следует отметить, что назрела необходимость создания библиографического указателя по художественному переводу, который продолжил бы работу Абрара Каримуллина и Энгеля Нигматуллина [Каримуллин 1962; Нигматуллин 2002].

В современной татарской литературе перевод занимает значительное место, однако в большей мере носит частный, индивидуальный характер. В 1980-е – 2020-е годы в русско-татарских литературных взаимосвязях появляется больше переводов творческого характера, выявляются талантливые переводчики: Киям Миннибаев, Т.Нурмухамедов, Нури Арслан, Ренат Харис, Зульфат, Лерон Хамидуллин, Гариф Ахунов, Рашид Ахунов, Алена Каримова, Наиль Ишмухаметов, Вера Хамидуллина, Ахат Мушинский, Гаухар Хасанова, Борис Вайнер, Рифа Рахман, Рамис Аймет, Альфия Ситдикова и др.

Сейчас наблюдается численное и качественное уменьшение профессионалов, что сказывается на качестве переводов. Но определенные изменения за последние 6–7 лет наблюдаются: благодаря специальной программе Министерства культуры РФ ежегодно 8 наименований книг переводится с языков народов России на татарский язык. Это произведения чувашских, казахских, удмуртских, азербайджанских, турецких авторов. В переводе нуждаются не только современные авторы, но и произведения классиков (Тукай, Джалиль и др.) в контексте современности.

Татарские писатели, объединенные в ПЭН-клуб, издают сборники стихов и прозы современных татарских писателей на трех языках: татарском, русском и английском. Так, были изданы стихотворения поэтов-фронтовиков. Активными переводами на английский язык занимался Равиль Бухараев, например, он перевел на русский язык произведения

поэтов Золотой Орды, издал в Лондоне поэму Кул Гали «Кысса-и-Йусуф», перевел на английский язык миниатюры «Пером, пишушим стихи» Рената Хариса. Заметим, что в 2020 году поэма Рената Хариса «Татар аты» («Татарские кони», переводчики Н. Ишмухаметова на русский язык, А. Ишмухаметовой – на английский) вышла на трех языках. Издание таких полилингвальных изданий татарских авторов представляются перспективными, их необходимо продолжать на плановой основе.

В 2010 году в Москве, в серии «Из века в век. Поэзия народов кириллической азбуки: татарская поэзия» был издан сборник стихов современных татарских поэтов (редактор Сергей Гловюк), в «Татарском книжном издательстве» систематически издаются коллективные сборники стихов «Современная татарская поэзия» (2008) и прозы «Современная татарская проза» (2007), сборники рассказов, повестей и эссе Р.Р. Зайдуллы «Меч Тенгри» (2016), в переводе А.Мушинского, переводы стихов Абдуллы Алиша были опубликованы в сборнике «Стихи из неволи».

Одним из последних достижений в области переводов русской литературы на татарский язык можно назвать книги переводов выдающихся русских поэтов: поэта XVIII века Гавриила Державина «Кизләү» (2016) – переводчик Ренат Харис, и поэта XX века – А.Ахматовой, выполненный коллективом переводчиков, в который вошли известные татарские поэты: Радиф Гаташ, Рифа Рахман, Рамис Аймет, Луиза Янсур [Державин 2016; Ахматова 2013].

Ренат Харис активно переводит на татарский язык и стихотворения поэтов Чувашии: Педера Хузангая, Якова Ухсая, Порфирия Афанасьева, Юрия Семендера, Валерия Тургая, Раису Сарби, Марину Карягину. В дни празднования столетнего юбилея со дня создания классиком чувашской поэзии К. Ивановым поэмы «Нарспи», в Казани в Доме дружбы народов состоялся праздничный вечер с участием чувашских и татарских поэтов и литературоведов, на котором Р.Харис презентовал свою поэму «По следам Нарспи», поэтому обращение Рената Хариса к переводу стихотворений Геннадия Айги является закономерным.

Р.Харис в многогранном творчестве Г.Айги выбирает для перевода два стихотворения, относящиеся к начальному периоду творчества поэта: «Отмеченная зима» (1959) и «Путь» (1959). Поэт-философ Р.Харис, обращаясь к творчеству поэта-современника, нашел созвучные своему мировосприятию произведения. Названные стихотворения раскрывают глубокие философские мотивы «пути», «бытия», которые, в сущности, приводят к пониманию Человека в его многообразных связях, в сложности постижения мира. Стихи Г.Айги привлекают особой музыкальностью, полифоничностью звучания, их нельзя трактовать однозначно, их затаенный глубинный смысл раскрывается постепенно. Самостоятельные, обладающие композиционной законченностью, они предстают как звенья одной неразрывной цепи поэтических ассоциаций художественного мира

Г.Айги. Мотивы «тишины», «света», «тьмы», «снега» развиваясь из стихотворения в стихотворение поэта, позволяют раскрыть вселенскую тайну бытия.

Ренат Харис, переводя стихотворение Г.Айги, не отступает от своего принципа – максимального сохранения звучания и идейного содержания оригинала. Эта задача осложняется специфической формой стихотворений Г.Айги, находившего оригинальную форму для каждого своего стихотворения: напомним, что стихи Г.Айги написаны без пунктуационных знаков.

Р.Харис сохраняет также и свойственную оригиналу специфику «белого стиха». В целом следуя за автором, стремясь сохранять идейное содержание и звучание оригинала, Р.Харис все же отступает от него, поскольку фонетическое, орфоэпическое звучание татарских слов существенно отличается от русской лексики. Уже звучание первой строфы перевода Р. Хариса отлично от оригинала: «*ак һәм якты икенче белән / ял итә ил*». Татарский поэт нашел смысловые эквиваленты текста оригинала, в которых одновременно появляется своеобразное ритмическое звучание, неприсущее тексту Г.Айги. Стремясь к естественному звучанию русского текста в переводе на татарский язык, Р.Харис использует присущие татарскому языку обороты. Так, строчку «*и ради себя тишину создавая*» Р.Харис переводит при помощи традиционного для татарского языка оборота: «*һәм узе очен тынлык тудыра-тудыра*», – что придает оттенок повторяемости, бесконечности процесса: тишина непрерывно возрождается.

Каждый поэт-переводчик сталкивается с проблемой «непереводимости», которая наиболее ярко проявляется при работе с поэтическим текстом, в котором особую роль играет строфика, ритм, рифма, звуковое оформление стихотворения. Переводы стихотворений Г.Айги, сделанные Р.М.Харисом позволяют еще раз убедиться в том, что перевод – это интерпретация, своеобразный диалог культур, который ведут поэты двух народов.

### Литература

Ахматова А.А. Избранные произведения / А.А.Ахматова. – Казань: Магариф–Вакыт, 2013. – 168 с.

Державин Г.Р. Кизляу: Одалар, шигырьләр: перевод Рената Хариса / Г.Р.Державин. – Казан: Мәгариф–Вакыт, 2016. – 139 с.

Каримуллин А.Г. Татарская литература в переводах на русский язык (библиографический указатель: 1917–1960) / А.Г.Каримуллин. – Казань: Казан. ун-т, 1962. – 88 с.

Нигматуллин Э.Г. Диалог литератур: Указатель переводов произведений русской литературы на татарский язык / Э.Г.Нигматуллин. – Казань: «Унипресс», 2002. – 176 с.

## Гади сөйләм лексикасының хәзерге татар телендә кулланылышы

*татарский язык, разговорная речь, лексика, просторечие*

Гади сөйләм лексикасы, әдәби тел, территориаль һәм ижтимагый диалектлар белән бергә, милли телнең бер өлеше санала һәм кодификацияләнмәгән милли сөйләм телен хасил итә; сөйләш һәм жаргоннардан аермалы буларак, милли телдә сөйләшүчеләргә аңлаешлы булып тора [Языкознание. Большой энциклопедический словарь 2000: 402]. Ул бары тик сөйләмә формада гына яшәеш таба, аерым очракларда, персонаж үзенчәлеген бирү яки тасвирлана торган вакыйгаларның эмоциональ фонун күрсәтү максатыннан, матур әдәбиятта да кулланылырга мөмкин. Әйтергә кирәк, телнең хәзерге кулланылышында бу төр лексика активлашты, аны зыялы кешеләр сөйләмендә дә, аерым берәмлекләренә исә киң катламга йөз тоткан чыгышларда да очратырга мөмкин. Гади сөйләм лексикасы кулланылуының тагын бер киң даирәсе – яшьләр сөйләме. Хәзерге яшьләр сөйләмендә әлеге төр лексиканың төрле формаларын еш очратырга мөмкин. Шулай итеп, гади сөйләм лексикасы тар диарәдә генә кулланыла, дигән тезис соңгы елларда актуальлеген югалта бара.

«Татар лексикологиясе» хезмәтендә гади сөйләм лексикасын ике төргә бүлүгә мөмкин икәнлеген күрсәтелә: а) әдәби тел нормалары чигендә булган гади сөйләм сүзләре; ә) кулланылышы ягыннан катгый чикле булган, әдәби телгә бөтенләй кертелмәгән вульгар сүзләр [Татар лексикологиясе, 2017: 292]. Әлбәттә, гади сөйләм лексикасының составы бертөрле түгел. Шунлыктан төрле ижтимагый һәм яшь үзенчәлекләренә бәйле төркемнәрдә әлеге лексика кулланылышында төрлелек күзәтелә. Әлеге мәкаләдә без гади сөйләм лексикасының сөйләм телендә кулланылышын анализлауны максат итеп куйдык. Сөйләм телендә кулланыла торган бу төр лексика кайбер үзенчәлекләргә ия. Беренчедән, сөйләмдә кайбер лексемалар әдәби телдә очрамый торган үзенчәлекле фонетик-морфологик форма алырга мөмкин, мәсәлән, *тузылып* – әдәби телдә *таралып*, *кандыңмы* – әдәби телдә *канәгатләндем*, *сырыгучан* – әдәби телдә *сырышучан*, *көленеч* – әдәби телдә *көлке*. Икенчедән, рус һәм Европа телләреннән кергән сүзләренә татар сөйләм теленә яраклаштыру күзәтелә, мәсәлән *кантур* – *контора*, *бүлнис* – *больница*, *симәнә* – *семена*, *кәнсәләр* – *канцелярия*, *әптик* – *аптека*, *фәйләсүф* – *философ*, *әтрәт* – *отряд*. Гади сөйләм сүзләренә контекстта гына ачыла торган күпмәгънәлелеге дә үзенчәлекләренә берсе булып тора. Мисал өчен, *үгез*, *бозау*, *ишәк*, *бәрән* һәм *башка* хай-

ван, кош-корт атамаларының контекстта тискәре коннотация алып, кешегә карата кулланылуы киң күзәтелә. Шулай ук аерым гомумкулланылыш сүзләренең гади сөйләмдә субъектка тискәре бәя бирү өчен кулланылуы да очрый: *кешнәү* – әдәби телдә *кәлү*; *чәнчелү* – әдәби телдә – *үлү* һәм башкалар. Дүртенчедән, гади сөйләмдә *име*, *ниме*, *ниткән*, *мәйтәм*, *булмагае тагын*; *әйтмә инде*; *үлә-бетә эшләү*; *эшли тек эшли / сөйли тек сөйли / укый тек укый*; *капкалап алу* кебек сүз һәм сүзтезмәләр шактый иркен кулланыла.

Татар кешеләренең сөйләменнән тупланган материалларны өйрәнәп, без татар сөйләм телендә көнкүреш өлкәсенә караган гади сөйләм лексикасының актив кулланылышын ачыкладык. Көнкүреш гади сөйләм лексикасына семантик һәм экспрессив-стилистик яктан түбәнәйтелгән бәя бирү берәмлекләре керә. Кайбер мисалларга тукталып үтик. *Нинди мороженное ашыйсың? / Пломбир. / Пломбир. Шоколадный кирәк бит инде сиңа, теге кисәкләрен қимерерсең инде шатыр-шотыр* (26 яшьлек егет һәм 25 яшьлек кыз сөйләменнән). Икенче мисалда гади сөйләм лексикасының берничә төре урын алганлыгы күренә: *Шуннан былтыр менә монда ни, йулны йасыйлар иде. Шунда объездной йул йасағаннар. Йулы бик йахшы түгел, аламарақ, но утыз километрны кисә* (63 яшьлек ир-ат). Әлеге мисалда көнкүреш сөйләмдә мәгънәсе жуелган халәттә актив кулланыла торган *ни* сүзе; тискәре мәгънәле гади сөйләм сүзе *алама* – әдәби телдә *начар*, гомумкулланылыш сүзе булган *кисә* берәмлегенә сөйләм телендә генә очрый торган ‘юлны кыскарта’ мәгънәсе кулланыла [Галиуллина 2020: 72].

Гади сөйләм лексикасы составында нейтраль семантикалы сүзләр дә еш кулланыла, мисал өчен, *Кичәгенәк кенә асылға барып қайттық бит әле, имә* (әйеме); *Сез бүген бақчада ниләр майтардығыз* (әдәби телдә – эшләдегез)?

Кулланылышлары чикле сүзләргә дә сөйләм телендә еш очратырга мөмкин. Алар әдәби тел кысаларына керми, шулай ук сөйләм теле лексикасы арасында да эмоциональ-экспрессив бизәкләргә ягыннан да шактый түбәнәйтелгән дәрәжәдә саналалар. Аларны, тупас экспрессиягә һәм тискәре бәйләү үзенчәлегенә ия булуларына бәйле, вульгаризмнар составына кертәләр: *башсыз, дуңгыз, дөмегү, тинтәк, кадалгыры, хәчтерүш, чукынган, шылу, бүсү, шопыру* һ.б. Бу төр лексик катламда тупас экспрессив бизәкле сүзләрдән алып, кешене кимсетү өчен кулланыла торган сүзләргә кадәр урын ала: *Қайан белгән бу бирән? Безнең белән йулға чығам, ди; Кичә күргән идем үзен, күзен ақайтып қарап тора.*

Тискәре семантикалы контекстта гади сөйләм сүзләренең төрле экспрессияле берничә төрән очратырга мөмкин. Мисал өчен, 60 һәм 41 яшьләрдәге ике хатын-кыз сөйләменнән өзекне карап үтик: *Сөңлем, тегеләр... сыпырта. / Кем ул, апай? / Анавы. Мәрийәм дисәң... / Мәрийәм бит / Мәрийәммә? Очтыра, анаңны, аяқлары да ашыртмый.* Биредә

семантик гади сөйләм төрләрәннән *сыпырта, очтыра* сүзләре ‘тиз йөриләр’ мәгънәсендә, *анавы (анавы)* – сөйләм телендә генә кулланыла торган күрсәтү алмашлыгы, вульгаризм буларак *анаңны* сүзе кулланылган.

Татар сөйләм телендә сүз һәм сүз формалары төрле үзгәртүләргә дә дучар булалар. Мисал өчен авыл жирлегендә яшәүче 45 яшьлек хатын-кыз сөйләменнән өзеккә тукталыйк: *Әййе, расадалары менә дигән. Шундый, апкитмәде бит помидорларны. Шундый, мин аны, ул вақытта апкитмим димәгән, апкитмим дигән булса, тотып ата идем, хә жалкы тотып атарға.* Биредә аналитик формалы *алып кит* фигыле кыскартылган вариантта – *апкитмәде* формасында кулланыла; *хәзер* рәвешә шулай ук *хә* формасында кыскартылган; *тотып ат* фигыленең семантикасында тискәре коннотация сизелә; рус теле берәмлеге *жалко* фонетик үзгәртеләп, *жалкы* формасында урын ала.

Шулай итеп, гади сөйләм лексикасы – сөйләм теленең аерылгысыз өлеше. Ул, объект яки субъектка бәя бирү функциясе белән бергә, сүзләргә бәйләү функциясен дә башкара.

### Әдәбият

Галиуллина Г.Р. Современная татарская разговорная речь: идентификационные признаки и социальная дифференциация: монография / Г.Р.Галиуллина, Э.Х.Кадирова, Г.К.Хадиева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. – 222 с.

Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М.З.Зәкиев; ред. Г.Р.Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2016. – Т. II. – 392 б.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н.Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.

**Типология заимствованной лексики в русском узусе:  
фонетический подход к анализу межъязыковых параллелей**

*акцентная структура, англо-русские параллели, вариантность, заимствование, звуковая база, прототип, слуховой образ, слуховое тождество, условно-иконический, ядерно-иконический*

Как известно, существуют определенные тенденции в технике установления англо-русских языковых параллелей. Тем не менее, фонетико-графическая презентация современных англицизмов (СА) в различных сферах русского узуса поражает своей вариантностью. Например, в 2001 г. лексема *newsmaker* в дискурсе русских СМИ была представлена четырьмя фоно-графическими вариантами, *paperback* – пятью [Кравченко 2001], а известный английский неологизм *Brexit* до сих пор эксплицируется в соцсетях, на российских федеральных теле- и радиоканалах в двух основных и пяти факультативных вариантах [Дубовский 2017]. Таким образом, в русском узусе стихийно создается (в основном, методом переводческой транскрипции) особый пласт вариантов языковых форм СА. Насколько полезен он для упрочения качественных позиций культуры русской речи, станет очевидным в ближайшем будущем. Но уже сегодня мы можем выявлять и регистрировать системное движение вариантов в этом процессе, экстралингвистическую, а возможно, и внутриязыковую обоснованность укрепления некоторых из них и перехода других в запас филологических артефактов.

Для целей данной работы нами был собран корпус СА из устных и печатных реализаций этих лексических единиц в сети, на радио и ТВ за последние 5 лет. Условием включения слухового или графического варианта СА в исследовательский инвентарь (свыше 4000 единиц; список открыт) было его контекстное употребление не менее пяти раз. Варианты были ранжированы по степени рекуррентности, что создало возможность проведения разнофакторного анализа.

Круг вопросов, связанных с проблемой установления межъязыковых корреляций в ходе заимствования, ограничен в нашем докладе 1) выяснением характера и степени сохранения слухового образа (на фонологическом уровне) английского прототипа в его новом качестве – СА в русском узусе, 2) выявлением наиболее рекуррентных типов англо-русских соответствий и несоответствий в сегментных структурах СА, 3) определением преференциальных фоновариантов СА из числа зарегистрированных нами разновидностей.



На основе результатов анализа звуковой базы и акцентной структуры СА в корпусе нашего материала можно утверждать, что, несмотря на определенный волюнтаризм некоторых инициаторов презентаций той или иной англоязычной лексической единицы в русском узусе, наиболее устойчивым ее компонентом в процессе заимствования являются качественные характеристики согласных. Это наблюдение, разумеется, не отрицает вероятность вариантности некоторых межъязыковых соответствий по линии фонологически релевантных признаков, напр., звонкости vs глухости как внутри одной и той же лексемы, типа: *брексит* / *брегзит* ← *brexit*, *ньюзмейкер* / *ньосмейкер* ← *newsmaker*, так и в разных лексемах в однотипной фонетической позиции, напр., *праймериз* ← *primaries*, *сторис* ← *stories* (здесь и далее количество примеров сокращено по техническим причинам).

В сфере вариантности гласных, по сравнению с согласными, отмечается большее разнообразие. Это можно объяснить прежде всего их артикуляторной нестабильностью. Мимо этого обстоятельства не проходит ни один известный фонетист. Например, Т.И.Шевченко констатирует, что «в британском варианте английского языка... наметилась тенденция к сужению вокалического пространства, к «централизации» гласных, как если бы современный человек, ускоряя темп речи, невольно нейтрализовал контрасты гласных» [Шевченко 2011: 50-51].

Возможно, благодаря именно вышеуказанным, а также другим фонорегиолектным и социолингвистическим модификациям в современном английском языке обязано появление в русском узусе наших дней СА в таких формах, как *батл* вместо ожидаемого *бэтл* (англ. *battle*), *тег* вместо *тэг* (англ. *tag*) и наоборот – *фрэш* вместо *фреш* (англ. *fresh*), *ньюзмейкер* / *ньосмейкер* (англ. *newsmaker*), но *букмейкер* (англ. *bookmaker*), *бедж* / *бейдж* вместо ожидаемого *бэдж* (англ. *badge*), *флуд* вместо *флад* (англ. *flood*) и мн. др.

Несмотря на значительное количество частных случаев-вариантов, в целом основной поток СА фонетически оформляется, воспринимается на слух и реализуется в речи русскоязычных коммуникантов по модели своего прототипа. Степень сходства слуховых образов СА и их английских прототипов, разумеется, неодинакова. Ее наибольшая интенсивность проявляется в случаях максимального слухового тождества английского прототипа и СА как на уровне их звуковой базы, так и акцентной структуры. Артикуляционные «тонкости» прототипа, такие, как апиальность или дорсальность переднеязычных согласных, аспирация глухих взрывных, историческая и позиционная длительность гласных, ассимилятивные модификации сегментов и другие нефонологические качества звуков прототипа, в ситуации заимствования оказываются избыточными – для СА более существенны фонетические черты языка реципиента.

Назовем степень максимального слухового тождества прототипа и СА ядерно-иконической. В контексте ослабления степени слухового тождества прототипа и СА можно говорить об условно-иконической природе последних с дифференциацией по нескольким признакам (сдвиг ударения, модификация звуковой базы плюс сдвиг ударения, нестабильная вариантность одного или нескольких составляющих фонетической структуры СА). Каждая из классификационных зон конституирует определенную качественную и количественную долю СА в общем корпусе англицизмов.

В фонетическом поле ядерно-иконических СА прослеживается фонологическое подобие звуковых структур СА и прототипа, позиции и степени слоговой проминантности в них – односложные СА (*лайк*), двухсложные с инициальной одновершинной слоговой проминантностью (*селфи*), двухсложные с финальной одновершинной слоговой проминантностью (*онлайн*), двухсложные с двухвершинной слоговой проминантностью разной степени (*хай-тек*), трех- и более сложные с инициальной одновершинной слоговой проминантностью (*менеджер*), трех- и более сложные с медиальной одновершинной слоговой проминантностью (*абьюзер*), «крылатые» фразы (*хайли лайкли*).

Тип I условно-иконических СА по сравнению с ядерно-иконическими СА маркируется тем, что он объединяет сложные лексические единицы (*локдаун, оверсайз, фейсбук, экзитпол и мн.др.*), акцентная структура которых трансформирована по модели языка реципиента, а именно: в отличие от прототипа главноударная слоговая проминантность в СА линейно сдвинута вправо. Инициальный слог СА, опять-таки, в отличие от прототипа, реализуется с вторичной или нулевой проминантностью – двухсложные СА (*лайфхак*), трех- и более сложные СА (*бодибилдер*).

Вышеприведенные данные относительно места ударения в СА относятся к уровню изолированного употребления, точнее, к случаям отсутствия контекстного влияния. Объяснение этим различиям следует также искать, а может, следует прежде всего искать в характере исторических межязыковых несоответствий: в английском языке словесное ударение локализуется преимущественно в инициальном корневом слоге (так называемая рецессивная тенденция), а в русском двух- и более сложная единица предпочитает ямбическую структуру, т.е. сдвинутую проминантность вправо. Не случайно англичане произносят фамилию М.С.Горбачева, имя Б.Н.Ельцина с ударением на первом слоге, а слово «перестройка» – с ударением даже на инициальном префиксе – *перестройка*. Ср. также названия городов *Moscow* – *Москва*, *Washington* – *Вашингтон*. В ряде случаев можно искать объяснение через степень семантической важности компонентов слова, особенно композитных образований или свободных сочетаний. В английском языке этот критерий работает более продуктивно: ср. *callgirl*, *schoolgirl*, *coolgirl*,

*`manicuregirl, `marriageablegirl* и т.п. *Girl* выступает как своего рода «тема», а все, что предшествует – рема. Последняя, естественно, принимает на себя ударение. В русском – другая тенденция, напр., с компонентами *man, boy, friend, street* (*бизнес`мен, бой`френд, Оксфорд `стрит*).

Вторую подгруппу условно-иконических СА составляют единицы, в которых на высокую степень сходства их слуховых образов с английскими прототипами оказывают влияние как факторы чисто фонетического характера в звучащей речи, так и лингвокультурные традиции установления англо-русских параллелей. К последним, в частности, следует отнести сохранение английского заальвеолярного срединного сонанта [r] в СА (даже в случаях с «немой» реализацией звука в оригинале – в зависимости от фонорегиолекта языка-донора) с вибрирующей модификацией во всех внутрислоговых позициях, (*герл, кар`шеринг, сноу`борд, файер-`шоу*).

Широкое распространение получило в СА звуко сочетание [нг] в качестве условного аналога английскому заднеязычному сонанту [ŋ] в безударной, как правило, финальной или предфинальной локализации в словах типа *`брифинг, `каминг-`аут, тар`гетинг*. Такие, уже ставшие традиционными, англо-русские несоответствия в звуковых и акцентных структурах слов не вызывают вариантность в языке-реципиенте.

Специальный интерес, особенно для целей диагностики фонетической экспликации СА в русском узусе, представляют лексические единицы, которые образуют отдельную подгруппу условно-иконического сектора СА с нестабильно-вариантной зоной их как звуковой (*кешбэк – кешбек – кэшбэк – кэшбек*), так и акцентных структур (*`ковид – ко`вид*) в границах стихийно приемлемого узуса. Экспериментальные данные по этому вопросу являются предметом нашего внимания в ближайшей публикации.

### Литература

Дубовский Ю.А. Ассимиляция заимствованных англицизмов-неологизмов с компонентом –exit в русском политическом дискурсе / Ю.А.Дубовский, Т.Б.Заграевская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2017. – Т.19. – №8. – С.54-61.

Кравченко С.Ю. Заимствованная лексика в русском языке наших дней. Учебное пособие по стилистике русского языка для студентов I курса факультета английского языка / С.Ю.Кравченко. – Пятигорск: ПГЛУ, 2001. – 186 с.

Шевченко Т.И. Фонетика английского языка. Курс теоретической фонетики для бакалавров / Т.И.Шевченко. – Дубна: Феникс, 2011. – 256 с.

## **Иерархические связи в синонимической системе русского языка**

*иерархическая система, гиперо-гипонимические отношения, партитивные отношения, древесная структура, тезаурус RuWordNet*

Представление о мире как едином целом, где отдельные явления и объекты представляются как части общего, с онтологических позиций подразумевает идею взаимосвязанных, взаимозависимых частей в структуре целого. По замечанию М.В.Никитина, «отношения «часть – целое» пронизывают весь мир снизу доверху, от микро- до макрокосмоса, от элементарных частиц до галактик. Они охватывают вещи всех уровней сложности, организуя их в многообразные многоступенчатые иерархии вещей, образуемые общностью присущих ей признаков и закономерностей» [Никитин 2007: 387].

Современная лингвистика, ориентированная на изучение языка и человеческой ментальности, языкового сознания и мышления, ставит во главу угла проблемы категоризации и концептуализации знаний в единицах языка, способы репрезентации знаний и их объективации и т.п. В связи с этим проблема иерархических отношений в лексической системе языка получает новое осмысление, поскольку данные отношения начинают рассматриваться с точки зрения глубинного познания объективной реальности и целостного видения человека и его мира.

Исследователями выделяется два глобальных измерения семантической структуры словаря – гипонимическое и партитивное (партонимическое), дающие представление о единстве и целостности мира в его разнообразии, где всё основано на сходствах/различиях (гипонимия) и взаимодействиях вещей (партонимия). Если родо-видовые отношения отражают иерархию общего – частного, то партитивные – иерархию вещей и их связей.

Сегодня в эпоху глобальных сетей и стремительно увеличивающихся потоков информации особенно актуальной является проблема разработки информационно-поисковых и информационно-аналитических систем, тезаурусов, корпусов, предназначенных для автоматической обработки текстов, описания отношений между терминами предметной области или между лексическими значениями естественного языка в виде логико-семантической субординации элементов.

На иерархических понятийных связях лексики специализируются, как известно, идеографические словари и словари-тезаурусы. Активные словари такого типа особенно востребованы в современных условиях, поскольку, помимо семантической информации, сосредоточивают в себе

и прагматические данные о слове, т.е. учитывают аспект «действия» слова в разных контекстах.

Для сопоставления нами были отобраны четыре ресурса: тезаурус RuWordNet, Национальный корпус русского языка, «Русский семантический словарь» под общей редакцией Н.Ю.Шведовой и Идеографический словарь русского языка О.С.Баранова.

В цифровом тезаурусе RuWordNet, известном как лексический ресурс в области автоматической обработки текстов на русском языке, наряду с синонимическими отношениями в синсетах (наборах синонимов), представлены гиперогипонимические связи, а также причинно-следственные отношения, отношения к предметной области (Домен), словообразовательные отношения и связи между компонентами словосочетания [Лукашевич 2011: 328].

Семантическая сеть тезауруса являет собой модель ориентированного графа, где вершины-понятия, соответствующие объектам предметной области, соотносятся между собой посредством дуг (или ребер), отражая семантику той или иной предметной области. Такой иерархический принцип организации тезауруса дает представление о вертикальной систематизации лексических участков, где все строится по законам логического и семантического подчинения, когда конкретная категория попадает в общую категорию или, наоборот, общая включает в себя определенную категорию.

«Идеографический словарь русского языка» О.С.Баранова отличается принципом логической классификации лексики в виде множественности семантических отношений по принципу сети рубрик, образующих единую древесную структуру и связанных между собой отсылками.

В «Русском семантическом словаре» строение лексической системы также представлено в виде лексического древа с ветвями (множествами и подмножествами), расходящимися от вершины к основанию, с многоступенчатым членением макрокласов на понятийные сферы, имеющие в свою очередь деление на лексические классы. Картина мира, представленная в данном словаре, открывает перед читателями мир реальных, всего познанного и осмысленного носителями языка, как сеть связей, отношений и зависимостей между всем существующим с опорой на саму природу языковых множеств.

В информационно-справочной системе «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ) нас интересовала семантическая разметка слов, представленная в виде метаязыка лексико-семантических помет (имена предметные / непредметные; обозначающие движение, существование и т.п.).

В ходе рассмотрения 35 существительных, относящихся к сферам «Чувства», «Умственная деятельность», «Взаимоотношения», было отмечено следующее.

Синоптические схемы тезауруса в соответствии с родо-видовым принципом организации системы предполагают несколько уровней обобщения, число рубрик классификации возрастает при переходе от высшего уровня к низшему. Наблюдения показали, что верхний ярус классификации в сравниваемых нами источниках обнаруживает существенные совпадения. Так, в высшем уровне у имен, обозначающих чувства (например, *страх, восторг, скука*), наблюдается их отнесенность к уровню *Абстрактная сущность* в тезаурусе RuWordNet (еще выше – уровень *Постоянная сущность*); в «Русском семантическом словаре» данные имена восходят к разделу «Имена существительные с абстрактным значением: Бытие, Духовный мир. Общество»; в НКРЯ эти существительные имеют помету «непредметные имена», «абстрактное».

В нижележащих ярусах отмечаются некоторые различия в степени абстракции понятий. В тезаурусе RuWordNet вертикаль слова *страх* представляет собой цепочку гиперонимов с детализацией. При этом уровень гиперонимии представлен равнозначными вариантами, являющимися синонимами между собой:

**Страх:**

– *Беспокойность. Беспокойство. Встрепанность. Обеспокоенность. Тревога. Тревожность. Треволнение*↓

– *Ажитация. Взволнованность. Волнение. Стеснение в сердце. Треволнение. Чувство волнения*↓

– *Внутреннее ощущение. Движение души. Душевное переживание. Ощущение. Переживание. Чувство. Эмоция*↓

– *Ментальный объект*↓

- *Абстрактная сущность*↓

- *Постоянная сущность.*

У слов *восторг, скука* цепочка гиперонимов короче:

**Восторг:**

– *Внутреннее ощущение. Движение души. Душевное переживание. Ощущение. Переживание. Чувство. Эмоция*↓

– *Ментальный объект*↓

- *Абстрактная сущность*↓

- *Постоянная сущность.*

Анализ расположения рассматриваемых слов в «Русском семантическом словаре» показал их включенность в подкласс «Чувства, эмоциональные состояния, их проявления. Свойства и склад личности», который на следующей ступени членения предполагает лексическое множество «Сами чувства, эмоциональные состояния», завершающееся делением на конечные лексико-семантические ряды «Страх, тревога, нетерпение»; «Восторг, радость, веселье, довольство, умиротворение»; «Отчаяние, печаль, уныние».

В НКРЯ данные слова маркированы пометой «Психическая сфера», «Эмоция». В «Идеографическом словаре русского языка» слово

*страх* относится к категории «Опасность», восходящей к уровню «Чувство», слово *скука* соотносится с понятием «Недостаточность впечатлений», включенным в более высокий уровень – «Чувствовать неудовлетворенность».

Как видим, все четыре источника отмечают принадлежность данных слов к эмоциональной лексике с разной степенью «проявленности» семантики эмотивности в названиях обобщающих заголовков. Расхождения в способах организации лексики в анализируемых источниках обусловлены различиями в подходах и методах, используемых разработчиками в процессе систематизации элементов. Так, наблюдаемые слова в тезаурусе RuWordNet восходят к ментальной сфере, в «Русском семантическом словаре» они отнесены к классу слов с общим названием «Чувства, эмоциональные состояния...».

Систематизация лексики русского языка, представленная в анализируемых источниках, является отражением разных способов категоризации действительности в языковом сознании носителей языка.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-00-01238.*

### **Литература**

Идеографический словарь русского языка / сост. О.С.Баранов. – 1995. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/ideographic-dictionary/index-215.htm#215>. (дата обращения 26.10.2020).

Лукашевич Н.В. Тезаурусы в задачах информационного поиска / Н.В.Лукашевич. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – 510 с.

Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/new/corpora-sem.html>. (дата обращения 26.10.2020).

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие / М.В.Никитин. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 819 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т. / РАН. Ин-т рус.яз.; под общей ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: Азбуковник, 2003. – Т.3. – 720 с.

Тезаурус русского языка RuWordNet. <https://ruwordnet.ru/ru> (дата обращения 26.10.2020).

## **Диалог культур в организации проектной деятельности учащихся в условиях поликультурного образовательного пространства**

*проектная деятельность, межкультурный диалог,  
направления организации проектной деятельности учащихся,  
поликультурное образовательное пространство,  
материалы культуроведческой направленности*

Культура межнационального общения, межкультурный диалог – это факторы развития единого гуманитарного пространства. Формирование у учащихся чувства уважения к ценностным ориентациям разных народов – решающее условие для сохранения крепких общественных связей. Но это не только социальная потребность, но и лично значимая, так как, знакомясь с национально-культурными особенностями другого народа, ученик глубже начинает осознавать свою культуру, свой язык, понимать его своеобразие.

Каковы же основные направления организации проектной деятельности учащихся в поликультурном образовательном пространстве?

Во-первых, это **язык и личность**: изучая речевой портрет земляка, мы находим отражение национальных особенностей в речи, сопоставляем речевые характеристики жителей разных мест.

Во-вторых, это **язык и время**: это так увлекательно – проследить развитие и изменение языка в разные эпохи. В этом направлении школьникам интересно будет рассмотреть, какие изменения произошли в языке: как изменилась форма обращений, приветствий, грамматических и стилистических норм, оказало ли влияние двуязычие на речь молодого поколения.

В-третьих, это **языковая картина мира**: интересно сопоставление аналогичных или контрастных явлений в русском и татарском языках, выражение одних и тех же понятий в речевом этикете этих языков.

В-четвертых, это **язык и семья**: детям интересно изучить термины родства; «семейную» лексику, фразеологию; язык поколений в семье.

Исходя из этих тематических групп, можно продумывать формы работы. Во-первых, это исследовательские задания на уроках, когда учащиеся работают с материалом культуроведческой направленности, к примеру, проводят сопоставительный анализ русских пословиц и пословиц других народов, фразеологизмов, крылатых выражений, исследуют особенности народного календаря, народных игрушек, национального костюма, делают сопоставительный анализ формул речевого этикета у разных народов.



Во-вторых, это работа на уроке с текстами культуроведческой направленности, отражающими ценностную картину мира, – язык, отечество, дом, семья, малая родина и т.д., в которых, кроме обучающего, важен и воспитательный потенциал. Исследование проводится по текстам русских и национальных авторов, связанных с Поволжьем. Сопоставление языковых особенностей, художественной палитры, выявление национально-регионального компонента – все это дает возможность проникнуть в творческую лабораторию, постигнуть авторский замысел на уровне идеи.

Практика показывает, что сопоставительная работа помогает учащимся выйти на «свою» тему проекта. Анализируя тематику проектных работ, подготовленных в рамках научного общества, можно сделать вывод, что основой исследования зачастую был поликультурный материал.

Учащимися проведено сопоставление русских и татарских фразеологизмов (основных тематических групп, цветовой и числовой символики, случаев взаимопроникновения и т.д.) в работе «Фразеологизмы в речи казанцев». Большой интерес вызвала у учащегося работа по сопоставлению речевых формул русского и татарского этикета в работе «Современные речевые формулы этикета в Татарстане». В ней ученик отметил богатство этикетных формул в татарском и русском языках по составленному им словарю.

Работы «Обращение как отражение национальной культуры» и «Комплимент как жанр этикета в русском и татарском языках» интересны как своим историческим экскурсом, так и современными примерами, многие из которых авторы отследили по «Бегущей строке» и по материалам опросов.

Очень интересна работа «Семья и семейные ценности в зеркале лингвистики» (сопоставление слов со значением родства, устойчивых словосочетаний на тему «семья» в русском и татарском языке). Выводы автора работы таковы: во-первых, семейный словарь татарского языка насчитывает больше наименований родственников, чем в русском, во-вторых, происходит его сокращение в обоих языках – так как родственные связи ослабевают, в-третьих, анализ старых и современных фольклорных источников позволил сделать вывод об утрачивании таких семейных ценностей, как уважение к старшим, взаимопомощь, многодетность и др.

На основе богатого этнографического материала, связанного с верованиями народов Поволжья, подготовлена работа «Отражение старинных верований и традиций в русских и татарских играх». Гипотеза, выдвинутая ученицей, состоит в том, что игры первоначально родились во «взрослом» мире и были связаны с хозяйством, охотой, свадебными, поминальными обрядами, и только спустя время перенеслись в «дет-

ский» мир, потеряв первоначальное ритуальное значение, которое и попыталась восстановить автор исследования.

Значимость такой работы несомненна: изучая с детьми материалы культуроведческой направленности, знакомя их с такими понятиями, как культурные концепты, диалог культур, мы обогащаем духовно-нравственный мир школьников.

### **Литература**

Еремина Т.Я. Педагогические мастерские: инновационные технологии на уроках / Т.Я.Еремина. – М., 2013. – 156 с.

## **Реализация валентности конструктивных глаголов в татарском языке**

*татарский язык, грамматика, валентность, глагол, связь слов*

Всестороннее изучение слова как основной единицы языковой системы является важной задачей современной лингвистики. Большую роль в решении этой задачи играет теория валентности, которая продолжает оставаться одним из актуальных направлений современной лингвистики. За период своего существования теория валентности оформилась в одно из важнейших направлений современного синтаксиса, которое вносит вклад в исследование плана содержания и плана выражения в языке, в изучение сочетаемости слов и структуры предложения, прежде всего применительно к глагольной лексике. [Разова 2003: 3].

Валентность понимается С.Д.Кацнельсоном как сочетаемостная способность слов. Валентностные свойства предиката предложения характеризуются в качестве «мест» или «пробелов», подлежащих заполнению. Каждый конкретный предикат открывает своего рода вакансии [Кацнельсон 1986: 126]. Ю.С.Маслов характеризует глагольную валентность как способность указанной части речи сочетаться с актантами, то есть «открывать» для них места. По количеству подобных мест разграничивают одновалентные и двухвалентные глаголы [Маслов 1987: 21].

Валентность квалифицируется А.Л.Зеленецким как один из видов взаимодействия разноуровневых единиц. При этом дифференцируются обязательная и факультативная разновидности связей слов [Зеленецкий 1983: 112]. В.В.Морковкин, исходя из функционирования слова в речи, квалифицирует валентность как свойство содержательной стороны слова, позволяющее ему обладать определенным набором синтаксических позиций [Морковкин 1979: 130].

Б.М.Лейкина под валентностью подразумевает способность одного языкового элемента сочетаться с другими языковыми элементами. Указанный автор относит валентность к фактам языка. На уровне речи реализуются не возможности связей, а сами связи в виде валентности [Лейкина 1961: 10].

В.В.Бурлакова характеризует валентность как сочетательную способность слова, его способность встречаться вместе с другими элементами того же класса. Такая способность зависит от смысловых, грамматических, экспрессивных и стилистических факторов [Теоретическая 1983: 128].

По мнению А.Д.Шмелёва, в отечественной лингвистической литературе широко употребляются термины «валентность» и «сочетаемость». При этом автор приводит достаточно широкую трактовку и определяет сочетаемость как способность элементов соединяться друг с другом в речи. В то время как сочетаемость в качестве определенной «способности элементов» скорее относится к валентности, чем к сочетаемости [Шмелёв 1998: 56].

Следует отметить, что проблема сочетаемости пока еще не получила однозначного толкования в отечественной лингвистике. Различные авторы употребляют разные термины для ее характеристики, ср. «сочетаемость», «валентность», «синтагматика», «дистрибуция», «окружение», «синтаксический контекст», «синтагматическая потенция».

Также до сих пор спорными остаются такие вопросы теории валентности, как разграничение обязательных и факультативных актантов, соотношение категорий теории валентности с категориями традиционной грамматики. Недостаточно изучены проблемы соотношения валентности и словообразовательных средств, особенности реализации валентности в разных типах предложений и др. Для решения этих вопросов необходимы дальнейшие исследования конкретного языкового материала. Рассмотрим реализацию валентности на примере конструктивных глаголов в татарском языке.

Валентностный потенциал предполагает учет специфики семантического и синтаксического потенциалов. Семантическая валентность глагола обуславливает его синтаксическую валентность.

Валентностная структура конструктивных глаголов обусловлена их семантическими особенностями. Семантическую валентность этих глаголов можно представить через реализацию с обязательными семантическими актантами. Например, анализ словарных дефиниций глаголов данной группы показал, что они предполагают наличие объектных семантических актантов. Например, глаголы *эшләү, ясау, тәзү, салу, туку, төпләү, тегү, үрү, бәйләү, басу* требуют обязательных актантов без послелогов в винительном или основном падежах. Например:

**БӘЙЛӘҮ ф. – нәрсә? / нәрсәне? – баш / төшем килеше белән берле бәйлексез бәйләнеш (Ф – И<sub>1</sub> / И<sub>4</sub>): себерке, көлтә, сал...~ (оештырып төреп һәм бәйләп ясау мәгънәсендә); шәл, челтәр, ятьмә, оекбаш, бияләй...~ (махсус инә һ.б.ш. нәрсә белән үрү, үреп эшләү мәгънәсендә) [Зарипова 2012: 64].**

**ТӨЗҮ ф. – нәрсә? / нәрсәне? – баш/төшем килеше белән берле бәйлексез бәйләнеш (Ф – И<sub>1</sub> / И<sub>4</sub>): йорт, бина, күпер, завод, оборона ныгытмасы, юл...~ (кору, салу, ясау мәгънәсендә) [Зарипова 2013: 107].**

**ТУКУ ф. – нәрсә? / нәрсәне? – баш/төшем килеше белән берле бәйлексез бәйләнеш (Ф – И<sub>1</sub> / И<sub>4</sub>): киндер, келәмне...~ (аркылы һәм буй җепләрне бик тыгызлап, әвернә сыман сугып тукуыма ясау мәгънәсендә);**

*чабата, башмак...*~ (буй-буй озынча юкәләрне, каешларны һ.б. үрәп, берәр нәрсә ясау мәгънәсендә) [Зарипова 2013: 90].

**ТЕГҮ ф. – нәрсә? / нәрсәне? – баш/төшем килеше белән берле бәйләксез бәйләнеш (Ф – И<sub>1</sub>/И<sub>4</sub>):** *бүрек, читек, тун, күлмәк...*~ (махсус өлгедә киселгән күн, тукума яки башка материянең кырыйларын, шулай ук аерым кисәкләрен үзара беркетеп, киём-салым һәм һәртөрле тышлыклар, япмалар ясау мәгънәсендә) [Зарипова 2013: 65].

Кроме беспослеложногоуправления основным и винительным падежами, конструктивные глаголы могут продемонстрировать сильное управление и с послеложными формами. Например, глагол *эшләү* управляет именем в основном падеже с послелогом *өстендә*:

**ЭШЛӘҮ ф. – нәрсә өстендә? – баш килеш + өстендә әбәйләк сүзе белән берле бәйләкле бәйләнеш (Ф – И<sub>1</sub> + өстендә):** *картина, әсәрләр, яңа проблема, тел өстендә...*~ (берәр нәрсәне барлыкка китерү, иҗат итү, камилләштерү яки өйрәнү, тикшеренү мәгънәсендә) [Зарипова 2013: 191].

Конструктивные глаголы *басу, ясау, эшләү* по своей семантике могут быть и двухвалентными: они сочетаются с двумя актантами с объектными и обстоятельственными значениями:

**БАСУ ф. –нәрсәне? – нәрсәгә? кая? – төшем һәм юнәлеш килеше белән икеле бәйләксез бәйләнеш (Ф – И<sub>4</sub> – И<sub>3</sub>):** *рәсемнә... газетага...*~ (язуны яки рәсемне кәгазьгә, материягә һәм башка өсйөзләргә махсус җайланмалар ярдәмендә тиз генә төшерү мәгънәсендә) [Зарипова 2012: 45].

**ЯСАУ ф. – кемгә? нәрсәгә? кая? – нәрсә? – юнәлешкилешетөшемкилешеләбәйләксезбәйләнеш (Ф – И<sub>3</sub> – И<sub>4</sub>):** *жөмлөгә... анализ, шәһәргә... экскурсия, кешегә... кисәтү, сөйгәнәнә... ишарә...*~ (исем яки исем фигыль белдергән эшне үткәрү мәгънәсендә); **3) кемне? нәрсәне? – кем? нәрсә? – төшем килеше һәм баш килеш белән икеле бәйләксез бәйләнеш (Ф – И<sub>4</sub> – И<sub>1</sub>):** *кызны... ярдәмчә, кешенә... шаһит, мулла, кибетчә...*~ (берәр затны яки берәр нәрсәне нинди дә булса башка бер хәлгә китерү, әйләндерү, берәр төрле итеп тәрбияләп чыгару мәгънәсендә) [Зарипова 2013: 211].

В речи мы наблюдаем взаимодействие семантической и синтаксической валентности и особенности реализации актантажного наполнения ситуации, формируемой глаголом. Так в предложении *Булганкадәр жирен, чит кеше ярдәменнән башка, семьясы белән үзе эшләп бетерә (М.Гали)*, помимо обязательного семантического актанта-прямого объекта, валентностная структура конструктивного глагола наполняется актантажом-субъектомдействия –үзе, актантажом-косвенным объектом – *семьясы белән* и факультативным обстоятельственным актантажом – сирконстантом образа действия *чит кеше ярдәменнән башка*.

Таким образом, в валентностной структуре глагола *эшләү* в данном предложении актуализируются четыре актанта – субъект, объекты и сирконстант.

В предложении *Кеше кулыдалалардакалалар сала (А.Алиш)* из трёх актантов один обязательный семантический актант-прямой объект – *калалар*, два – факультативные актанты: актант-субъектдействия – *кешекулы* обстоятельственный актант места действия *далаларда*.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что полное представление о валентности глагола можно получить лишь при ее комплексном изучении как на уровне семантики, так и на уровне синтаксиса. Кроме того, полагаем, что валентность следует рассматривать как семантико-грамматическую категорию, поскольку это позволит преодолеть «непроницаемость» (термин С.Д.Кацнельсона) подсистем языкового строя.

### Литература

Зарипова И.Ф. Словарь сочетаемости слов в татарском языке. Часть I / И.Ф.Зарипова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – 222 с. (на тат.яз.)

Зарипова И.Ф. Словарь сочетаемости слов в татарском языке. Часть II / И.Ф.Зарипова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – 279 с.

Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология немецкого и русского языков: учеб. пособие для вузов / А.Л.Зеленецкий. – Москва: Просвещение, 1983. – 240 с.

Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание / С.Д.Кацнельсон. – Л.: Наука, 1986. – 299 с.

Лейкина Б.М. Некоторые аспекты характеристики валентностей / Б.М.Лейкина // Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста, вып. 5. – М.: Институт научной информации АН СССР, 1961.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание: учеб. для филол. спец. вузов / Ю.С.Маслов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.

Морковкин В. В. Сочетаемостные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации / В.В.Морковкин // Проблемы сочетаемости слов: сб: научн. тр. / отв. ред. Г.Ю.Князева. – М., 1979. – Вып. 145. – С.129–140.

Разова Е.В. Семантика и валентность глаголов разрушения в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук / Е.В.Разова. – Вологда, 2003. – 178 с.

Теоретическая грамматика английского языка: учеб. пособие / [С.П.Балашова, О.И.Бродович, В.В.Бурлакова и др.; отв. ред. В.В.Бурлакова]. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 253 с.

Шмелёв А.Д. Типы «невывраженных валентностей» / А.Д.Шмелёв // Семиотика и информатика: сборник научных статей. Вып. 36. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С.167-176.

## **Трансформация устойчивых выражений в заголовках современных русскоязычных СМИ**

*крылатые слова, фразеологизмы, язык СМИ, заголовки*

XXI век – век массового преобразования норм в современном русском литературном языке. Наиболее заметно изменения затронули нормы словоупотребления и сочетания слов. Фразеологический состав современного русского литературного языка непрерывно изменяется вследствие появления новых оборотов, постепенного отмирания устаревших единиц, а также в результате творческого употребления фразеологизмов в различных жанрах речи.

Фразеология – одно из самых ярких и действенных средств языка. Фразеологизмы обладают рядом отличий от простых лексических единиц: во-первых, фразеологизм можно заменить одним словом, например: *спустя рукава – небрежно*; во-вторых, состав фразеологизма постоянен, например, фразеологизм *потупить взор* нельзя изменить на *низко потупить печальный взор*; в-третьих, во фразеологизме обычно постоянна грамматическая форма. Например, фразеологизм *греть руки* невозможно заменить на *греть руку*.

Но везде бывают исключения, и есть фразеологические обороты, которые допускают включение единичных уточняющих слов, например: *«намылить голову – хорошенько намылить голову»*. Кроме допущения наличия вставки, во фразеологическом обороте возможен пропуск компонентов, например: фразеологизм *«выпить горькую чашу до дна»* допускает опущение прилагательного *«горькую»* – *«выпить чашу до дна»*. Фразеологические сочетания нередко подвергаются изменению: *«насулить брови»* – *«нахмурить брови»*; *«одержать победу»* – *«одержать верх»*; *«страх берет»* – *«злость берет»* и другие.

Во второй половине XX века фразеология стала настолько мощной системой знаний, что многие фразеологи потеряли интерес к крылатым единицам. Учение о крылатых единицах стало развиваться своим путем. Крылатые выражения как *«фразеологические сочетания»* входят в состав фразеологии и изучаются ею. Крылатое выражение – устойчивый фразеологизм афористического характера, который пришел в лексику русского языка из истории или литературы и получил широкое распространение и употребление, благодаря своей выразительности.

Крылатым единицам свойственна двуплановость, то есть наличие одновременно прямого и переносного значения, но нельзя сказать, что они многозначны. Тот факт, что крылатые единицы широко употребля-

ются, носит обобщающий характер, и чаще всего они употребляются в определенных однотипных ситуациях.

Фразеологизм не всегда имеет литературный источник, но является отдельной, неделимой лексической единицей, в отличие от крылатого выражения.

В СМИ, а в большинстве случаев в газетах, фразеологизмы и крылатые выражения в текстах живут особой жизнью. СМИ оказывают огромное влияние на развитие и функционирование языка. Газета всегда была и сейчас остается одним из главных средств массовой информации. Газета – летопись современности. Современная газета стремится к экспрессивности своих текстов, разрушает некую книжность изложения и использует для этого в заголовках изобразительно-выразительные элементы, включая разговорные. На первый план выходит эмоциональная включенность и речевая многоплановость. Читатели и слушатели вынуждены сталкиваться с огромным объемом информации, вследствие этого ее отбор происходит уже на стадии заголовка, в котором изложена вся суть какой-либо статьи. Заголовок – это способ дать читателю возможность с первого взгляда понять, нужно ли читать остальной текст. К примеру, из данных заголовков мы понимаем, о чем пойдет речь в статье и об отношении автора к этому:

*Не существует медицинского термина «задыхаюсь». В Челябинской области скорая помощь больше не ездит на вызовы к пациентам с кашлем, отравлениями и ковидом;*

*Подиум для народа. Чем мэр города отличается от мисс города?;*

*«Поведение водорослей». Власти ищут самые экзотические версии катастрофы на Камчатке, чтобы исключить техногенную [Новая газета].*

Фразеологические единицы представлены в газетных текстах в самых различных жанрах и являются одним из образных средств в современной газетно-публицистической речи. Использование фразеологических единиц в заголовке подчеркивает его экспрессию, действует на эмоциональный фон и тем самым оказывает влияние на воображение самого читателя. Также фразеологические единицы могут подвергаться каламбурному использованию с целью усиления смысла или же изменению их лексического состава для конкретизации определенной единичной ситуации:

*Крайние. Седьмой год боевых действий на юге Донецкой области – репортаж о людях, живущих на краю войны;*

*Люди дают взятки, чтобы попасть на фронт. Бакинский конфликтолог о настроениях в азербайджанском обществе во время войны;*

*Свято место – пусто. Отставка Егоровой – не конец, а начало передела сфер влияния в столичных судах [Новая газета].*



В заголовках авторы чаще всего прибегают к семантической трансформации фразеологизмов. Состав фразеологизма остается неизменным, у него либо появляются новые оттенки смысла, либо совмещаются прямые и переносные значения, в результате чего возникает каламбур и достигается определенный экспрессивный эффект.

В качестве примера обратимся к заголовку из Новой газеты «Хворь на выдумки хитра. Начальство уверено, что наш народ найдет 12 тысяч рублей на дженерик от ковида» [Новая газета: электронный ресурс] отчетливо видна допустимая замена компонента фразеологизма **голь на выдумки хитра**. Данное выражение применяется к ситуациям, когда простые небогатые люди нашли какое-то хитрое, нетрадиционное решение задачи, проявили чудеса изобретательности. Данный фразеологизм употребляли многие писатели в своих произведениях, например, «А надо нам с тобой чего-нибудь такое оригинальное придумать. Дай срок – я подумаю, голь на выдумки хитра» – Зощенко в рассказе «Какие у меня были профессии»; «Я, Геннадий Демьяныч, обдержался-с. В дальнюю дорогу точно трудно-с; так ведь кто на что, а голь на выдумки» – Островский в пьесе «Лес». В статье автор проводит параллель между достижениями российской фармацевтики и вечной российской бедностью. Он не случайно выбрал такой заголовок. В статье говорится о том, что в связи с обостренной эпидемиологической ситуацией в стране производители медицинских препаратов решили нажиться на бедных людях, выпуская чудо-средство за 12 320 рублей за упаковку, что превышает прожиточный минимум граждан. Автор статьи изменил **голь на хворь**, чтобы акцентировать внимание читателя на определенной однотипной ситуации, с целью ее конкретизации.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что чаще всего фразеологические единицы подвергаются трансформации, преследуя цель пародирования и острой сатиры. В заглавиях статей они служат для привлечения внимания читателей. Читатель в первую очередь обращает внимание на заглавие статьи, так как оно несет в себе минимум формы и максимум содержания. Заголовок выполняет информационную, эмотивную, когнитивную и экспрессивную функции, вследствие этого читателю легче выбрать наиболее интересную для него статью.

### Литература

Беглова Е.И. Фразеологические единицы как смысловое и эмоциональное ядро современного журнального текста [Электронный ресурс] / Е.И.Беглова // Cyberleninka: [сайт] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskieedinitsykaksmyslovoeiemotsionalnoeyadro-sovremennogozhurnalnogo-teksta> (дата обращения: 20.09.2020).

Журавлева Е.А. Прецедентные тексты начала XXI века / Е.А.Журавлева. – М.: Флинта, 2007. – 255 с.

Зеленов А. Н. Фразеологизм в роли газетного заголовка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Н.Зеленов. – Великий Новгород, 2009. – 20 с.

Новая газета – [Электронный ресурс] // URL: <https://www.novayagazeta.ru/>  
(дата обращения: 19.09.2020).

Петросян И.В. История изучения фразеологизмов и идиом / И.В.Петросян // Сборник научных и учебно-методических трудов. – М.: КДУ, 2017. – С.59-75.

Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С.Г.Шулежкова. – М.: Азбуковник, 2002. – 288 с.

## **Молодежный сленг в современном русском и английском языках**

*диалект, молодежный сленг, сленговые выражения,  
стилистические особенности*

Данная статья посвящена анализу современного молодежного сленга в английском языке. На протяжении последних двадцати лет русский язык пополняется заимствованиями из английского языка, особенно широкое распространение в настоящее время англицизмы получают в молодежной среде, наиболее активной в интернет-пространстве. Однако процесс заимствования идет настолько быстро, что слово получает широкое распространение, между тем в словарях его значение еще не закреплено.

Сленг является одной из наиболее проблематичных и основных аспектов лексикологии, так как отражает лингвокультурные особенности социума, который его употребляет. В настоящей статье рассматриваются проблемы его использования в речи современной молодежи, также причины проникновения лексики в язык. В ходе исследования были использованы метод анализа и анкетирование. Были изучены пути заимствования из других языков, основные способы образования сленговых выражений, также рассматривается вопрос о том, как часто используются те или иные слова в речи молодежи.

Сленг порождается неофициальным стилем речи, это может быть одно слово, словосочетание или фраза. Регион проживания, возраст, пол, социальные условия человека являются определяющими в стиле его разговорной речи. Оценочный компонент, в отличие от эмоционального, не способствует ослаблению синтаксических связей или факультативности [Арнольд 2010: 300].

В течение нескольких последних десятилетий темпы развития отдельных сфер общественной жизни неоднократно ускорялись по сравнению с предыдущими периодами. Эти процессы вызвали определенные изменения в лексиконе некоторых стран, так как язык неотделим от культуры. События, происходящие в современном социуме, непосредственно влияют на разговорную речь, дополняют новыми словами и фразами современную лексику. Сленг представляет собой речевое разнообразие, может употребляться одним говорящим человеком или группой людей. Сленговая речь затрагивает фонологический, лексический, синтаксический, морфологический языковые уровни [Dai 2010: 111].

Л.А.Кудрявцева полагает, что сленгом нужно считать профессионализмы и профессиональный жаргон [Кудрявцева 2006: 198].

Новые слова-заимствования появились благодаря развитию мировой торговли, международного туризма, культурных связей. Неотъемлемой частью социума, независимо от присущих ему особенностей, является молодежь. Она представляет собой социально-демографическую группу, объединённую по определённым признакам: к особенно сложным явлениям относится возраст, социальный статус и социально-психологические свойства, молодежная культура. Молодежная культура является одним из последствий процесса социализации в целом и культуры в частности. Её социально-психологические источники находятся в стремлении молодежи в целом и ее определенных представителей к самореализации и самоутверждению, что зачастую не поддерживается. Главное стремление молодежной субкультуры практически всегда – фиксация наиболее важных для них мировоззренческих понятий яркой экспрессивной формы, пожалуй, непонятной для большинства людей в обществе. Использование сленга, особенно англоязычного, в речи подростков придает ему красоту и эмоциональность, по мнению молодежи.

### **Литература**

Арнольд И. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования): учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» / И.Арнольд. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 2010. – 300 с.

Кудрявцева Л. Словарь молодежного сленга города Киева, 2300 слов и выражений / Л.Кудрявцева; Киевский нац. ун-т им. Т. Шевченко, 2006.– 198 с.

Dai W. A New Concise Course in Linguistics for Students of English / W.Dai. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2010. – 111 p.

## Лингвокультурный сценарий восприятия мигрантов в России

*медиадискурс, культурный сценарий, автоматический анализ текста*

В настоящее время вопросу миграции уделяется большое внимание во всем мире, и в России в том числе. Проблемы миграции тесно связаны с проблемами культуры. К.Малофеев, заместитель председателя Всемирного русского народного собора, отмечает, что защита прав русских сейчас является приоритетом, так как «русские в России обладают сегодня наименьшей защищенностью», а разработка проекта приоритетов культурного кода России (Русская мечта – 2050) – «главный политический проект страны во время, в котором мы живем»<sup>1</sup>.

Основные установки государственной политики в отношении мигрантов в России транслируются федеральными СМИ и влияют на общепринятые культурные нормы. В каждом обществе имеется определенный набор таких норм, которые отображаются в языке данного общества и конституируются в культурном сценарии, характерном для этого социума [Wierzbicka 2002, 30(4): 401].

Предлагаемое исследование посвящено анализу понятия «мигрант» в русском медиадискурсе с целью выявления языковой специфики, обусловленной лингвокультурными особенностями.

В ходе работы были применены следующие методы:

1. Сентимент-анализ [Liu 2012: 10; Solovyev 2012: 616];
2. Анализ лексических ассоциаций [Neuroinformatics 2020: 199; Nelson 2004, 36: 403].

А также следующий инструментарий:

1. RusVectōrēs – сервис для вычисления семантических отношений между словами;
2. GoogleBooksNgramViewer – онлайн-сервис, позволяющий проследить частотность использования изучаемых понятий за исследуемый нами период времени;
3. IQBuzz – сервис мониторинга социальных медиа для сбора данных;
4. BrandAnalytics – система мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ;
5. TextAnalyst 2.01 – программа интеллектуального анализа текста.

---

<sup>1</sup> См. Культура, «Константин Малофеев: «Без Русской мечты у нас нет будущего», 17/10/2019. <https://portal-kultura.ru/articles/country/292587-/>

В качестве материала исследования были использованы данные русскоязычных социальных медиа (количество вхождений 16 738) и база данных НКРЯ (количество вхождений 3 394).

В русском медиапространстве самые распространенные понятия, денотирующие категорию мигранта, следующие: гастарбайтеры, мигранты, трудовые мигранты, беженцы, приезжие.

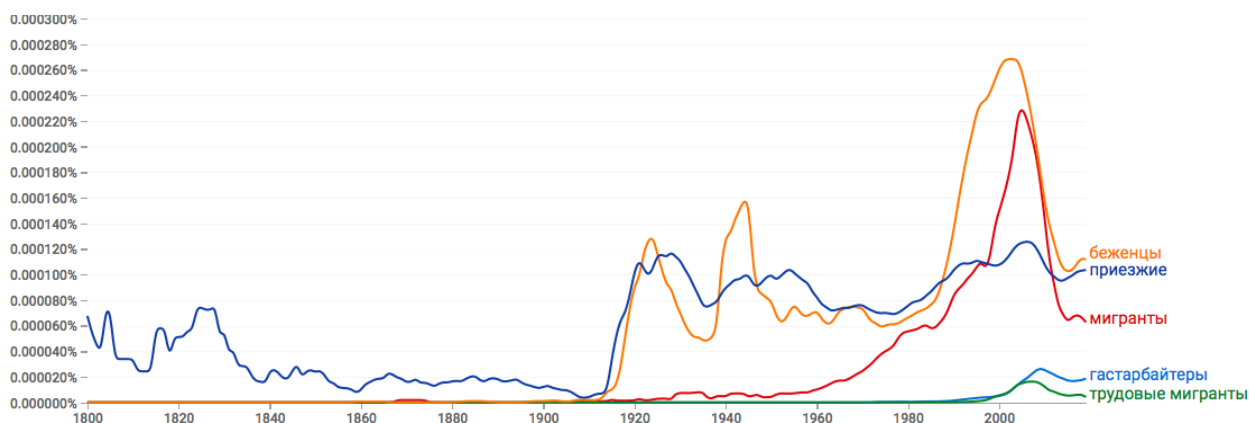


Рис. 1. Частотность использования N-грамм гастарбайтеры, мигранты, трудовые мигранты, беженцы, приезжие за период 2000–2019 годы

Как видно на графике, приведенном выше, в печатных русскоязычных источниках в настоящее время превалирует слово «беженцы», следующим по степени частотности употребления является слово «приезжие», затем «мигранты», «гастарбайтеры» и, наконец, «трудо-вые мигранты».

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что в официальном дискурсе журналисты акцентируют правовой статус мигрантов. Выделяют «незаконных мигрантов», «нелегальных мигрантов», «легальных мигрантов», «мигрантов-нелегалов», «гастарбайтеров-нелегалов», «беженцев».

При репрезентации мигрантов в социальных медиа превалирующим является признак этничности. Мигрантов разделяют на следующие группы: «выходцы из Кавказа и Азии», «мигранты из Средней Азии», «армянские мигранты», «таджики», «китайцы», «узбеки», «вьетнамцы», «турки», «украинцы». Другой важной особенностью является территориальный признак. В лексико-семантическое поле «мигрант» входят следующие лексемы: «южные» (мигранты из южных регионов России), «жители других регионов» (России), «приезжие из стран». Отмечается, что мигранты исповедуют другую религию, другой образ жизни и другую культуру, таким образом, подчеркиваются различия между «их» ценностями и «нашими» и усиливаются практики дистанцирования мигрантов. Такое противопоставление характерно для социоцентрической культуры, которая свойственна российской культуре отношений [Дзялошинский 2019: 29].

## Литература

Дзялошинский И.М. Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет: Монография / И.М.Дзялошинский, М.И.Дзялошинская. – Чебоксары, ИД: Сред, 2019. – 324 с.

Bing Liu. Sentiment Analysis and Opinion Mining / Liu Bing. – Morgan and Claypool Publishers, 2012. – 168 p.

Neuroinformatics and semantic representations. Theory and Applications / ed. by A.A.Kharlamov, M.A. Pilgun. – Cambridge Scholars Publishing, 2020. – 310 p.

Nelson D.L. The University of South Florida free association, rhyme, and word fragment norms / D.L.Nelson, C.L.McEvoy, T.A.Schreiber // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers 36. – 2004. – Pp.402-407. URL: <https://doi.org/10.3758/BF03195588>

Solovyev A.N. Using Sentiment-Analysis for Text Information Extraction / A.N.Solovyev, A.Ju.Antonova, A.Pazelskaya // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2012”. – 2012. – Pp.616–627.

Wierzbicka A. Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications / A.Wierzbicka // Ethos. – 2002 – 30(4). – Pp.401–432.

## Двойственность интерпретации фразеомобразующих логоэпистем

*логоэпистема, фразема, фразеологическая единица, внутренняя форма, первичная транспозиция, семантическая двуплановость*

Одним из релевантных признаков логоэпистемы как языковой единицы является ее способность к манифестации знака культурного характера. Необходимо заметить, что устойчивые выражения – фраземы, а также и поговорки – в этом отношении тесно сближаются с логоэпистемами. Более того, логоэпистемы представляют собой сокровищницу для порождения фразем и поговорок.

Рассмотрим, каковы особенности создания фразеологических единиц (далее ФЕ), актуализирующих в структуре значения национально ориентированный компонент (национально-культурную коннотацию).

Например, рассмотрим ФЕ ***попал как кур во щи (в ощип)***. Этот фразеологизм употребляется, когда говорят о ком-то, кто попал в неожиданную беду, неприятность; относится к так называемой «обыденной культуре», входит в лингвокультурологический концепт «Беда». Первоначально оборот звучал как «попал как кур (петух) в ощип». Некоторые исследователи считают, что *кур попал в ощип*, то есть *петуха ощипали* – выдернули у убитого петуха перья. По мнению В.М.Мокиенко, «более вероятно, что исходная, первоначальная форма этой фраземы – ***попал как кур во щип*** (обл.) – *щип* ‘ловушка для птиц, и петух попал в нее случайно’» [Алефиренко 2008: 192]. Таким образом, видим, что в исходном выражении, со свободными связями компонентов, денотат не теряет конкретного значения. Во фраземе же компоненты бывшего свободного сочетания слов теряют самостоятельное значение и в составе “переосмысленной” языковой единицы приобретают определенную степень абстракции. Денотативно-сигнификативное значение при этом ослабевает, доминирующую функцию приобретает коннотация. Заметим, что в современном русском языке первоначальная “внутренняя форма” оборота ***попал как кур во щи*** является стертой, т.к. ассоциации возникают не со словом *ощип* или *щип*, а со словом *щи* (так более понятно носителю современного русского языка). Кстати, со словами *курица* или *кур* (то есть петух) в русском языке есть достаточное количество фразем, где внутренняя форма остается живой, не стертой, например: ***раскудахтаться как курица, бродить как вареная курица, почерк как у курицы, писать как курица лапой, денег куры не клюют*** и подобные. Вполне очевидно, что прототипами подобных фразем являются обороты со свободными связями слов, которые употреблялись в живой речи. Здесь уместно говорить о так называемой первичной транспози-



ции, причем с использованием речевого прототипа – одного из самых распространенных путей возникновения фразем в русском языке.

Приведем пример трансформации нефразеологизированного оборота **в дудку (дудки) дудеть** во фразему в **одну дудку <дуду> дудеть**. Ср., во-первых, нефразеологизированный оборот со свободными, несвязанными значениями компонентов, то есть свободное сочетание слов: *Звал он <царь Федул> песни играть, в дудки дудеть, а всеми делами завладели и ворочали мудрецы-думщики* (А.Веселый. Гуляй Волга); во-вторых, фразеологизированные обороты (фраземы): *У всех у них <пореформенных помещиков> свои обширные интересы, свои общие сплетни – все они в одну дудку дудят, все одну мысль в голове держат* (М.Е.Салтыков-Щедрин. Письма к тетеньке); *Чтобы не было ни красных, ни коричневых. Объедините нас, чтобы мы все вместе в одну дуду дудели* (ТВ. Передача «Народ хочет знать»). Итак, как видим, став компонентом фразеологизма, компоненты свободного сочетания (слова) лишаются своего самостоятельного значения; оборот приобретает определенную степень абстракции. Значение нефразеологизированного оборота ('играть на дудке') трансформируется; оборот приобретает переносные со значения: '1. Поступать одинаково, действовать в одном направлении. 2. Говорить, повторять одно и то же, обычно настойчиво, часто' [Фразеологический 2006: 146]. Так, фразеологизм **в одну дудку дудеть** раскрывает некоторые "секреты", "путь" возникновения ФЕ: вполне очевидно, первоначально этот оборот употреблялся в речи отдельных носителей языка, то есть функционировал на уровне речи, а затем – при многообразном употреблении (тиражировании) – стал фактом языка. Таким образом, приобретая релевантный признак устойчивости, то есть повторенная многократно и ставшая достоянием языковой системы, актуализирующая национально ориентированную сему, данная единица (то есть логоэпистема) стала узуальной ФЕ

Итак, ответим на вопрос о том, как понимать двойственность интерпретации фраземообразующих логоэпистем: причиной возникновения ассоциаций, способствующих мотивации семантики фразеологизмов, является семантическая двуплановость. При этом двойственность интерпретации фраземообразующих логоэпистем, как отмечает Н.Ф.Алефиренко, «зиждется на онтологическом взаимодействии языкового сознания и бытия человека <...> Алгоритм когнитивно-фразеологического анализа должен содержать культурно-прагматическую интерпретацию логоэпистемы как продукта деятельности сознания, наделяющего культурно-когнитивным смыслом познаваемого объекта» [Алефиренко 2014: 8].

### Литература

Алефиренко Н.Ф. Фразеологические логоэпистемы: архетипы и символы / Н.Ф.Алефиренко // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (184). Выпуск 22. – С.7–13.

Алефиренко Н.Ф. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н.Ф.Алефиренко, Л.Г.Золотых. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 472 с.

Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова и др.; под ред. и с послесл. А.И.Молоткова. – 7-е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 524 с.

## Кол Галинең «Кыйссаи Йосыф» поэмасында феминитив лексика

*история татарского языка, «Кысса-и Йусуф», тюркская лексика,  
термины родства, болгарский период*

Туганлык терминологиясе лексиканың иң борынгы катламнарына карый [Покровская 1961: 11]. Туганлык, гаилә һәм женесмөнәсәбәтләрен белдерә торган атамалар хәзерге төрки телләренң төп сүзлек байлыгы фондына керә, аларның күбесе төрки һәм монгол телләрендә уртак. «Кыйссаи Йосыф» поэмасында әлеге төркемгә караган түбәндәге сүзләр очрый: *ата, ана, умму, баба, әбәт, уғыл, үгәй кыз, қәрдәш, қәрендәш, уйа, ихван, тоғма, сүддәш, дәдә, бала, тыйфлун, хатун, қәдбану, урағут, қарый, ғәурәт, кәмпир*. Болар арасыннан безнең өчен хатын-кыз женесен белдергән сүзләр – феминитив лексика кызыклы.

*Ана* сүзе поэмада 11 тапкыр кулланыла: Бәшир әйдүр: “Әйа *ана*, ағламағыл [Кол Гали 1983: 948]; Зари қыйлыб әйдер: “Анам, өмме-Рахиль [Кол Гали 1983: 248]; Анасының сәниндән бир үн кәлди [Кол Гали 1983: 253]; аналардан сәнең кеби дуғмаз имди! [Кол Гали 1983: 521] һ.б.

Соңгы мисалда *ана* сүзенең гомумиләштерелеп бирелүе күзәтелә. Термин буларак, әлеге сүз борынгы төрки язма истәлекләренң күбесендә теркәлгән, хәзерге төрки телләрдә лексеманың фонетик вариантлары күзәтелә (тат. *әни, әнкәй, диал. инәй*; чув. *анне*; алт., казах., к.-калп. *эне* һ.б.), бу аның соңрак фонетик һәм семантик дифференциацияләшүе турында фаразларга мөмкинлек бирә. Кол Гали поэмасында *ана* сүзе беренче һәм өченче зат берлек сандагы тартым кушымчасы ала. Поэмада шулай ук әлеге сүзнең гарәп синонимы кулланыла (*өмме* ‘ана’).

*Хатун* сүзе поэмада 17 тапкыр очрый һәм ике мәгънәдә – 1) затлы нәселдән булган хатын-кыз, патшабикә, ханым; 2) хатын-кыз мәгънәсендә кулланыла: Мисыр эчрә улу хатун олур идүм [Кол Гали 1983: 723]; “Зөләйхәйә гәқд-ү никях қыйлсун, диди, / сән – падишаһ, ол – хатун олсун имди” [Кол Гали 1983: 741]; көркиңни бу хатунлар көрсүн имди!” [Кол Гали 1983: 564]; ол хатунлар Зөләйхәдән күлүшдиләр [Кол Гали 1983: 562] һ.б. Мисаллардан күренгәнчә, *сән – падишаһ, ол – хатун улсун, Мәлик хатуны* һ.б. тезмәләрдә лексеманың ‘затлы нәселдән булган хатын-кыз’ мәгънәсе ачык билгеләнә, ә соңгы ике мисал исә хатын-кызларны гомумиләштереп атый.

«Кыйссаи Йосыф» поэмасында хатын-кызны атау өчен тагы берничә сүз кулланыла. Алар арасында иң еш очраганы – *ғәурәт* лексемасы. Әсәрдә ул 13 тапкыр кулланыла: улу-кичи, эр вә ғәурәт йиғлышдылар [Кол Гали 1983: 335]; жүмлә анда дүрт йүз ғәурәт хазир кәлди [Кол Гали 1983: 564]; билүмәди, бир ғәурәт хазир кәлди [Кол Гали 1983: 997].

*Хатун* сүзеннән аермалы буларак, *ғәурәт* сүзе дини лексикага карый һәм татар әдәби әсәрләрендә 3 мәгънәдә кулланыла: 1) гаурәт (тәннең кешегә күрсәтергә ярамаган җире); 2) хатын; 3) хатын-кыз [Гарәпчә..., 1993, I т., 88]. Хәзерге татар телендә соңгы ике мәгънәсе кулланылмый диярлек.

*Кәмпир* сүзе хәзерге татар әдәби телендә сакланмаган, әмма ул төрки халыкларның (мәс., казахларның) мифологиясендә '*күк карчыгы*' (көктен кемпир), убырлы карчык, хатын-кыз образындагы явыз көч образы буларак (тажик халкында) гәүдәләнгән. «Кыйссаи Йосыф» әсәренә тәнкыйди текстында әлегә сүз бары бер тапкыр кулланылган: Бир кәмпир бир киләб йеб алуб кәлди [Кол Гали 1983: 351].

Күрәсең, Идел буенда таралыш алмаганга, аның мәгънәсе татарларга аңлашылмаган һәм тәнкыйди текстны төзүче Г.Утыз-Имәни тарафыннан глоссада *қарый хатун* (карт хатын-кыз) дигән аңлатма урнаштырылган.

Кайбер очракта хатын-кыз мәгънәсендә *кәдбану* лексемасы кулланыла: *Йа кәдбану*, нә сәбәбдән хәтериң тар [Кол Гали 1983: 475]; *Йа кәдбану*, ғыйшыклык кәңес олмаз [Кол Гали 1983: 479]. Сүзлектә әлегә лексема фарсы сүзе буларак теркәлгән [Гарәпчә... I т. 221]. XVI гасыр поэмасы «Төхфәи мәрдән»дә *кәдхода* лексемасын *хужа* мәгънәсендә кулланышы кызыклы, әмма *кәдхода* сүзе сүзлектә теркәлмәгән. *Кәдбану* һәм *кәдхода* сүзләре бер үк төрле сүзъясалыш моделен буенча оешканлыгы күренә. Л.А. Покровская фикеренчә, «төнъяк-көнчыгыш төрки телләрдә семантик яктан калган төрки телләрдәге *хатын / катын* сүзләренә тәңгәл булган *кат / хат* сүзенәң булуы тарихи яктан кадын/хатун сүзенәң бербөтен булмыйча, таркала торган қат/хат+ын форматыннан торган тамырга ия булуы турында сөйлә» [Покровская 1961: 59]. Ф. Фәсиев фикеренчә, *кәдбану* лексемасы шагыйрь кулланган чыганакның башта фарсы телендә булуын күрсәтә [Кол Гали 1983: 524].

Түбәндәге өзектә кулланылган *урағут* сүзе шулай ук жыелма күплектәге 'хатын-кыз' мәгънәсен белдерә: Мисыр эчрә бир нәчә урағутлар [Кол Гали 1983: 562]; бәғзи дәлү олды ол урағутлар [Кол Гали 1983: 563-2]. Әлегә сүзнәң этимологиясе билгеләнмәгән, әмма иске төрки язма истәлекләрдә очраганга күрә, киләчәктә *урағут* лексемасы аерым игътибар сорый.

*Қыз* лексемасы әсәрдә 15 тапкыр кулланыла: Андан Йусыф сурар, әйдүр: "Үйләндүңмү, / йа қәрдәшим, оғлың-қызың олдуму [Кол Гали 1983: 855]; азад қыйлам, қызым аңа бирәм имди... [Кол Гали 1983: 191]; Ривайәт. Бир қыз анда олур имеш, / қызга бинте Табиун дирләр имеш [Кол Гали 1983: 352]; бишинчи йыл оғул-қызын вирир имди [Кол Гали 1983: 691] һ.б.

Мисаллардан күренгәнчә, *қыз* лексемасы үзенәң туры мәгънәсендә кулланыла, шулай ук аның гарәп телендәге синонимы – *бинте* сүзе

белән дә бирелергә мөмкин: кызга бинти Табиун дирләр имиш [Кол Гали 1983: 352].

*Өгәй кыз*. Вар иди Йағқубның бир өгәй қызы [Кол Гали 1983: 32]. Әлеге сүз кыпчак төркеме телләренә хас лексема дип билгеләнә, Мәхмүд Кашгарый, Ибне Мөханна сүзлекләрендә теркәлеп калган, хәзерге татар телендә *үгәй* формасында сакланган. Көнъяк-көнчыгыш төрки телләрендә *өгәй* сүзгә [үвей] яки [йүвә] фонетик шәкелендә кулланыла. Стилистик яктан *өгәй кыз* лексемасы нейтраль мәгънәдә бирелә, әмма тискәре персонаж (әләкче) буларак тасвирлана: Вар иди Йағқубның бир өгәй қызы, / ол ишитмиш бу икидин ошбу сөзи, / Қучылардан бикләсен халиқ сизи, / варыб ол қәрдәшләринә әйтүр имди [Кол Гали 1983: 32]. Татар халык ижатында үги балага мөнәсәбәт шулай ук беръяклы гына түгел: Үкһез бозау асрасаң, авызың-борының май итәр; үкһез бала асрасаң, авызың-борының кан итәр; үги үз булмый, колак күз булмый; үкһезгә үгет бирүче күп, урын бирүче юк һ.б. [Татар халык..., б. 401].

Шул рәвешле, автор гомумтөрки катламга караган сүз берәмлекләреннән оста файдалана, аларның лексик-семантик хасиятләреннән чыгып, образ барлыкка китерүдәге үзенчәлекләрен ачып сала. Сүзләренң телдә коммуникатив функциядә кулланыла торган парадигматик мәгънәләреннән тыш, әдәби текст эчендә контекстуаль-синтагматик һәм структур-субстанциональ мөнәсәбәттә яңа мәгънәләр барлыкка килә.

### Әдәбият

Кол Гали. Кыйссаи Йосыф / Төп текстны (транскрипцияне) әзерләүче, кереш мәкаләне, искәртмә һәм аңлатмаларны, кулъязмаларның тасвирлаамасын ясаучы филология фәннәре кандидаты Ф.С.Фәсиев. – Казан: тат.кит.нәшр., 1983. – 542 б.

Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках / Л.А.Покровская // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.11-81.

Поэт-гуманист Кул Гали: сб.ст. – Казань: Татар.кн. изд-во, 1987. – 264 с.

Татар халык ижаты: Мәкальләр һәм әйтемнәр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. – 456 б.

Хисамов Н.Ш. Поэма “Кысса-и Йусуф” Кул‘Али. Анализ источников сюжета и авторского творчества / Н.Ш.Хисамов. – Москва: Наука, 1979. – 251 с.

**Использование игрового аспекта при изучении темы  
«Собеседование» для отработки навыков говорения  
в курсе обучения иностранных учащихся русскому языку  
как средству делового международного общения**

*русский язык как иностранный, игровые формы обучения,  
русский язык как средство делового общения, обучение говорению,  
лингводидактика*

В настоящее время в методике преподавания русского языка как иностранного актуальной остается задача обучения профессиональному общению иностранных студентов. В данной области уже разработаны учебные комплексы и пособия, позволяющие учащимся осваивать русский язык в качестве средства делового общения. В данной статье нам хотелось бы обратить внимание на игровой аспект обучения как несущий коммуникативную направленность и вносящий вклад в мотивационную составляющую обучения. Основной акцент будет сделан на использовании игровых форм обучения в развитии навыков говорения на русском языке у иностранных студентов.

Вне зависимости от выбранного курса или учебного комплекса, в соответствии с которым ведется преподавание русского языка как средства делового общения, если позволяет время, в обучающий процесс возможно вводить игровые формы обучения для активизации навыков говорения, а также для создания неформальной, мотивирующей студентов к коммуникации между собой атмосферы во время занятий.

Для создания игровых моментов в обучении русскому языку как средству делового общения целесообразно использовать следующие ситуативно-тематические блоки: собеседование при приеме на работу, реклама товаров и услуг, презентация компании. Данный материал способствует формированию коммуникативной компетенции учащихся, развивает навыки говорения и обеспечивает создание необходимой для этого языковой базы. Остановимся на ситуации проведения собеседования кандидатов при приеме на работу.

Для введения игрового момента в ситуативно-тематический блок «Собеседование при приеме на работу» используются материалы недавно вошедших в рекрутерский обиход «экстремальных интервью». Необычность самих вопросов задает некий игровой момент как для реальных испытуемых, проходящих собеседование на родном языке, так и для студентов, изучающих русский как иностранный. «Экстремальные интервью» при приеме на работу – это традиция, зародившаяся в США, они представляют собой список «несерьезных вопросов», на которые

нужно отвечать быстро, и которые редко ассоциируются с общепринятым официальным стандартом проведения профессиональных собеседований при отборе кандидатов. Однако ответы на подобные вопросы могут многое сказать как рекрутеру в реальной ситуации, так и всем участникам обучающего процесса во время занятий, на которых имитируется подобная форма отбора кандидатов на работу.

Вопросы для «экстремальных собеседований» можно подразделить на два типа: фантастические и реальные. В качестве примеров фантастических вопросов, использующих в основе нереальные ситуации, можно привести следующие: «Какого исторического персонажа вы бы пригласили на ужин, если бы имели такую возможность?», «Если бы вы были животным, каким бы животным вы были?», «Если бы вам пришлось провести всю оставшуюся жизнь на необитаемом острове (не имея ограничений в еде и воде), то какие бы три вещи вы взяли с собой?», «Если бы вы были супергероем, то какой бы суперспособностью хотели обладать?» и т.д. Реальные вопросы, задаваемые на подобных собеседованиях попеременно с нереальными, тоже побуждают студентов к последующему осмыслению и обсуждению упомянутых ситуаций. Вот несколько примеров таких вопросов: «Какие три прилагательных описывают вас лучше всего?», «Кем вы восхищаетесь больше всего и почему?», «Расскажите о том, чем вы гордитесь в жизни больше всего», «Что бы в себе вы хотели изменить?», «Приведите пример вашего лучшего и худшего решения в жизни». Следует отметить, что реальные вопросы не всегда вносят игровой момент в обучение, на них сложно ответить с юмором, и многие учащиеся считают их чрезмерно личными, поэтому вопросы, задаваемые о гипотетически-нереальной ситуации, более перспективны с точки зрения их использования в образовательном процессе, т.к. студенты отвечают на них и обсуждают их с большей охотой.

Тематическая игра на тему «Экстремальное собеседование» не требует специального оборудования или других учебных ресурсов. Студенты делятся на две группы: одна представляет собой рекрутеров, другая – кандидатов, претендующих на работу. После проведения «собеседования» группа рекрутеров обсуждает данные кандидатами ответы. Студентам интересно рассуждать и делиться своими выводами о том, что говорит о кандидате данный им ответ. Например, при ответе на вопрос «Как вы относитесь к домашним животным?» прозвучал следующий ответ: «Забочусь, выгуливаю, кормлю». Часть студентов решила, что подобный ответ свидетельствует о том, что кандидат – ответственный человек и подойдет для предлагаемой работы. Некоторые учащиеся с ними не согласились, утверждая, что кандидат не сможет должным образом выполнять возложенные на него обязанности, поскольку будет спешить к своим домашним питомцам, а работа в скором времени отойдет для него на второй план. На вопрос о том, какой суперспособностью вы бы хотели обладать, тоже возможен самый широкий спектр ответов:

от невидимости до возможности все успевать, что также вызывает активные споры среди студентов-«рекрутеров» о важности желаемых качеств для работы и построения успешной карьеры. Обсуждение ответов и сами ответы на вопросы стимулирует учащихся к говорению на изучаемом языке, в ходе урока студенты должны сформулировать свое мнение и привести его обоснование, убедить окружающих в своей правоте. Данный вариант ситуативного подхода к обучению, моделирования реальной ситуации (отвечающей последним тенденциям современного делового общения) представляется нам очень перспективным для обучения конструктивному диалогу, аргументированию, выражению учащимися собственного мнения на иностранном языке.

Разные ответы кандидатов на одни и те же «экстремальные» вопросы делают их пригодными для разных видов должностей и сфер деятельности. Обсуждая данный аспект, студенты, изучающие русский язык как иностранный, имеют возможность повторить лексические группы, связанные с отраслями и видами экономической деятельности (реклама, продажи, инженерное дело, компьютерные разработки и пр.), должностями на предприятиях и в компаниях (директор, секретарь, продавец, консультант и пр.).

Языковой материал, который отрабатывается на занятиях, тоже довольно разнообразен: преимущественно это различные вопросительные конструкции, синтаксические средства, позволяющие выразить причинно-следственные связи. Учащиеся должны эффективно обосновать свое мнение, опровергнуть точку зрения оппонента, выразить уверенность в своей правоте, подвергнуть сомнению противоположную точку зрения, отстаивая право выбранного ими кандидата на работу. Следует отметить, что подобный урок возможен в группах учащихся продвинутого уровня, для начинающих изучать русский язык студентов возможность спонтанного говорения и реагирования на поставленные задачи будет довольно трудна и не принесет необходимых пользы и результата.

Говорение – один из наиболее трудных для иностранных учащихся видов речевой деятельности. «Экстремальные интервью» способствуют активизации спонтанности этого процесса. Подобный вид уроков не является системным, он включается в учебный процесс для разрядки обстановки, поэтому не всегда требует разработки предваряющих занятия заданий. Ответы на личные вопросы (которые задаются во время «экстремальных» интервью) обычно глубоко затрагивают студентов и побуждают их к общению и высказыванию своей точки зрения. Благодаря тематической привязке к сфере делового общения, подобное занятие оптимально вписывается в курс делового русского языка для иностранных учащихся.

### **Литература**

Акишина А.А. Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного / А.А.Акишина, О.Е.Каган. – Москва: Русский язык Курсы, 2002. – 255 с.



Чагина О.В. Поговорим о себе: пособие по развитию речи для иностранных учащихся / О.В.Чагина. – Москва : Издательство Московского университета, 2000. – 117 с.

Шамов А.Н. Методика обучения иностранным языкам: практикум / А.Н.Шамов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. – 269 с.

## Русское имя в поликультурном интертексте

*культурный антропоним, интертекст, полиреферентная ситуация, идеологическая метафора, Распутин*

Взаимодействие языков и культур невозможно без взаимного проникновения знаний о представителях той или иной этнокультуры, ее общественных и духовных лидерах, сумевших повлиять на выбор нацией и ее правящей элитой своего дальнейшего пути и обнаживших глубинные конфликты в ее политической самоидентификации. Оставив след в исторической памяти народа, в развитии социальных отношений в своей стране и, более того, в ее национальном культурном коде, такие личности становятся символами определенных эпохи ситуаций, далеких или близких другим культурным ареалам и мирам. Что же касается имен таких субъектов, то они закрепляются в виде знаков национальной семиосферы, которые при попадании в иноязычную коммуникативную среду устанавливаются знаками специфического поликультурного интертекста [Литвиненко 2012].

При этом при переходе в другую семиотику и культуру каждое подобное имя переосмысливается, утрачивая часть своих изначальных признаков и неизбежно приобретая новые. Говоря в иных терминах, имя, заимствованное из национального претекста, становится аллюзией (неполной цитатой) в интертексте, обращенной сразу к двум этноспецифическим референтным ситуациям.

В качестве объекта интертекстуального анализа мы рассмотрим полиреферентное имя *Распутин*, функционирующее не только в русской, но и во многих других лингвокультурах.

Как известно, в российском историческом и политическом дискурсах, тексты которых стали источниками для последующих цитат и интерпретаций, имя Григория Распутина кодирует следующие референтные признаки и смыслы [Боханов 2000]:

неблагородное крестьянское происхождение; необразованность;  
связь с царской семьей, близкое общение с членами правящей элиты;

непосредственное влияние на принятие государственных решений;  
религиозная святость, статус чудотворца и пророка;  
демонические сила и внешность, сектантство, одержимость, безнравственное поведение и пр.

При актуализации в иноязычном интертексте в качестве имени идеологемы *теневой лидер* данный культурный антропоним утрачивает

часть первичных компонентов семантики, непосредственно обусловленных биографией Распутина. Однако его деонимизация позволяет профилировать неперсонализированные аксиологические значения: могущество, хитрость, двуличность, манипулятивный характер поведения, умение добиваться своих целей (неприемлемыми средствами) и т.п.

Важно отметить, что само наименование в этом случае приобретает черты интертекстуальной метафоры [Литвиненко 2008], восходящей к двум референтным ситуациям и, соответственно, к двум интегрированным культурным пространствам, как это отражено, например, в следующих заголовках британских СМИ:

*Cummings the new Rasputin is outshining Johnson as antihero-in-chief* [theguardian.com].

*Saving his Rasputin has cost Tsar Boris the public trust* [news.sky.com].

Показательно, что в обеих фразах интертекстуальная семантика рассматриваемого антропонима поддерживается не только отсылкой к деятельности самого Доминика Каммингса, старшего специального советника премьер-министра Великобритании эпохи «брексита», но и аллюзией на роль его руководителя, названного по аналогии с русским претекстом «царем Борисом» и «главой (антигероем), которого затмил Распутин».

К сказанному следует добавить, что процитированные и подобные им номинации, атрибутированные Доминику Каммингсу:

*this Rasputin-like figure* [news.sky.com],

*Boris Johnson's Rasputin* [nytimes.com],

*a shadowy figure, depicted as the Rasputin* [ibid.],

*a sinister hybrid of Rasputin and a 'career psychopath* [dailymail.co.uk],

*visionary, Britain's Rasputin, or a political vandal* [reuters.com],

*the Rasputin of Downing Street* [socialist.net], и т.п.

приводятся в публикациях без каких-то комментариев, разъясняющих читателю особенности российской истории вековой давности.

Примечательно, что знание национальных реалий, а точнее, варианта мифа о России и об одном из его ярких персонажей представителями других лингвокультур дает возможность транспонировать такого рода интертексты в иные коммуникативные пространства без потери референции и смысла. Так, испанские интернет-издания воспроизводят английские идеологические метафоры в той же номинативной форме, что и источник. Калькируемый антропоним, в других контекстах применимый к собственно испанским политикам, опознается носителями языка без усилий и не предполагает специальных толкований:

*La turbulenta caída de Cummings: lo que esconde el chándal del Rasputín de Boris* [elconfidencial.com],

*Así es Dominic Cummings, el «Rasputín» de Johnson que puede dimitir por saltarse el confinamiento* [abc.es].

Очевидно, однако, что «обратный перевод» приведенных интер-

текстуальных высказываний на русский не позволяет сохранить в них ключевой антропоним. Это обусловлено, прежде всего, национальной картиной мира и теми фрагментами, с которыми связано это имя, включая представления об устройстве государственной власти, о роли личности в политической системе и о самом Григории Распутине как об участнике исторических событий.

### **Литература**

Боханов А.Н. Распутин. Анатомия мифа / А.Н.Боханов. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2000. – 416 с.

Литвиненко Т.Е. Метафоры интертекста / Т.Е.Литвиненко // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – №20. – С.175-181.

Литвиненко Т.Е. Интертекст как поликультурное образование / Т.Е.Литвиненко // В мире научных открытий. – 2012. – №4. – С.167-183.

### Прилагательные с суффиксами *-ейш-/-айш-*: проблема категориального статуса

*словообразовательная категория, интенсивность признака,  
превосходная степень сравнения, словообразующий суффикс,  
имя прилагательное*

Изучение производных прилагательных русского языка на *-ейший/-айший* выявляет ряд концептуальных сложностей, связанных, прежде всего, с установлением их морфологического статуса. В современной русистике не существует однозначного ответа на вопрос о том, формами превосходной степени соответствующих качественных прилагательных или словообразовательными дериватами последних являются единицы типа *высочайший (высокий)*, *позднейший (поздний)*, *светлейший (светлый)*, *старейший (старый)*.

Т.Ф.Ефремова рассматривает суффикс *-ейш-* односторонне, в качестве «формообразовательной единицы, образующей формы превосходной степени имен прилагательных, например: *белейший, богачейший, вернейший, грубейший*» [Ефремова 2005: 125]. В известной работе В.В.Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» семантике форм превосходной степени русских прилагательных на *-ейший, -айший* посвящён целый параграф. Ученым сделан глубокий вывод о том, что «семантико-синтаксическая структура превосходной степени переживает сложный процесс. Происходит отчасти семантическое сближение форм на *-ейш-*, *-айш-* с категорией субъективной оценки (элятив)» [Виноградов 2001: 215]. Абсолютизируя данный подход, авторы академической «Русской грамматики» рассматривают имена прилагательные с суффиксами *-ейш-/-айш-* в разделе «Словообразование прилагательных», поскольку всем этим лексемам приписывается не грамматическое, а словообразовательное значение «высокой (усилительное), высшей или чрезмерной степени проявления признака» модификационного типа [Русская 1980: 331].

Наиболее взвешенной и убедительной представляется точка зрения тех учёных, которые, вслед за В.В.Виноградовым, признают двойкий (грамматический и словообразовательный) системный статус русских имён прилагательных на *-ейший, -айший*, подчёркивая, что формы элятива, обозначающие высокую степень без указания на сравнение (милейший человек), «близки превосходной степени только в семантическом плане» [Балалыкина 2003: 116]. Обособление этих единиц произошло по мере широкого употребления форм превосходной степени прилагательных при выражении чрезмерной степени проявления признака,

ср.: «Изменение по степеням сравнения и в современном состоянии языка носит более лексический характер, чем синтаксический, и образует новую лексическую единицу, содержащую количественное изменение качественного признака, ср.: *умный* и *умнейший*» [Мещанинов 1945: 216-217].

Разграничение производных слов с омонимичными им формами суперлатива достигается с помощью средств контекста. Проанализируем следующие микротексты:

а) «Преодоление безработицы имеет несколько критериев, **важнейший** из которых – восстановление занятости» [НКРЯ]; «В Москве это **красивейший** из всех сезонов: бабье лето составляет для столицы лучший фон» [НКРЯ]; «Российский рынок мяса птицы в настоящее время является одним из **крупнейших** среди рынков продовольственных товаров» [НКРЯ].

б) «Каждый налог выполняет свою **важнейшую** функцию и имеет свою расчётную базу» [НКРЯ]; «Ещё одна достопримечательность этой местности — многочисленные **красивейшие** озёра» [НКРЯ].

Очевидно, что в первой группе примеров прилагательные *важнейший*, *красивейший*, *крупнейший* выражают «качественное превосходство лица и предмета» [Виноградов 2001: 214], эксплицируемое с помощью предлогов *из*, *среди* и имен существительных (объект сравнения) в родительном падеже. В текстах второй группы прилагательные *важнейший*, *красивейший* выражают «не значение сравнения, а значение интенсивности проявления признака предмета» [Иванов 2013: 29]. В подобных контекстах, таким образом, суффиксы *-айш-/-ейш-* следует признать не словоизменительными, а словообразующими, входящими в число средств реализации в русском языке категории интенсивности признака.

В ОСРЯ (1974) зарегистрировано 59 прилагательных на *-ейший / -айший*, в том числе 41 производное слово с приставками *наи-*, *само-*: *наитруднейший*, *наистрожайший*, *самомалейший*, *самоважнейший* и т.п. Между тем, по данным ОСРЯ (2007), к этому типу относится 153 деривата, и только 22 производных зафиксированы в обоих словарях: *ближайший*, *высочайший*, *дальнейший*, *добрейший*, *дражайший*, *малейший* и др. Следовательно, в XXI веке большее количество форм превосходной степени качественных прилагательных на *-ейший/-айший* стали интерпретироваться носителями языка как самостоятельные лексические единицы.

Можно предположить, что увеличение количества производных прилагательных на *-ейший/-айший* связано с высокой частотностью в современном русском языке их производящих слов (*красивый*, *полезный*, *сильный*, *удобный* и т.п.).

Анализ функционирования дериватов этих словообразовательных типов в языке и в речи составляет перспективу развития интересующей нас проблемы.

## Литература

Балалыкина Э.А. Современный русский язык. Морфология. Часть 1: Имена. Наречия. Категория состояния / Э.А.Балалыкина. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. – 172 с.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В.Виноградов; под. ред. Г.А.Золотовой. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц / Т.Ф.Ефремова. – 2-е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 636 с.

Иванов С.В. Изучение степеней сравнения качественных имен прилагательных в школе и в вузе / С.В.Иванов // Русский язык в школе. – 2013. – №7. – С.26–31.

Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / И.И.Мещанинов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – 321 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-spoken.html>

Обратный словарь русского языка (Около 100 000 слов) / сост. И.М.Карпешин, Т.Н.Совчина. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 768 с.

Обратный словарь русского языка: около 125000 слов / гл. ред. М.В.Лазова; АН СССР. – М.: Сов. энциклопедия, 1974. – 944 с.

Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с.

### **Прилагательные с суффиксами субъективной оценки: аспекты семантики и функционирования**

*имя прилагательное, адъектив, формы субъективной оценки, дериват*

Интерпретативная деятельность человеческого сознания является движущей силой развития семантической структуры слова, необходимым компонентом самого бытования слова в языке и живой речи [Болдырев 2016]. Целые пласты лексики, разнообразные типы грамматических конструкций оказываются предназначенными именно для объективирования и вербализации этой деятельности. Одно из таких средств реализации интерпретативной деятельности – так называемые формы субъективной оценки имен прилагательных [Шейдаева 1998].

Производные имена прилагательные, имеющие в своем составе суффиксы субъективной оценки, представляют особую группу слов со специфическими семантическими и функциональными свойствами.

Способность образовать так называемые формы субъективной оценки считается наряду с другими свойствами одной из отличительных особенностей качественных прилагательных – тех особенностей, по которым данный лексико-грамматический разряд адъективов противопоставлен относительным прилагательным. Вместе с тем сами эти «формы» заслуживают внимания как разряд слов, функционально-семантический статус которых обусловлен специфичностью их семантики и условиями употребления.

Толкование словообразовательной семантики адъективных дериватов с суффиксами *-оват-* / *-еват-*, *-оньк-* / *-еньк-*, *-енек-* / *-онек-*, *-охоньк-* / *-ошеньк-*, *-усеньк-* (*-юсеньк-*), *-уц-*, *-енн-* опирается на ключевое понятие «степень качества» [Русская 2005 : 296-299]. Характерным их свойством является их стилистическая маркированность и подчеркнутая экспрессивность. В исследованиях, посвященных анализу семантических особенностей и условий функционирования подобных адъективов, отмечается семантическая несамостоятельность рассматриваемых слов, что позволяет трактовать эти образования именно как «формы» тех прилагательных, которые являются для них исходными, мотивирующими (см. в частности [Скворецкая 2016]): *здоровый* ('большой') – *здоровенный* – *здоровенький* – *здоровущий*; *большой* – *большенький* – *большущий* – *большеватый*; *тонкий* – *тонковатый* – *тоненький* – *тонехонький* – *тонюсенький* и т.п.



Не ставя целью теоретическое обоснование *pro et contra* существующей закреплённой терминологии, рассмотрим некоторые аспекты семантики и функционирования адъективов, обобщенно обозначающих степень проявления качества на примере деривационного ряда *большой – большущий – большенный – большеватый – большенький*.

Исходная лексема в силу своего лексического значения соотносится с семантической группой параметрических прилагательных и лежит в основе толкования тех из них, которые репрезентируют представление о размерах, превышающих некоторую норму (ср., например, толкования слов *толстый, широкий, глубокий, высокий* и т.п. в словарях) [Михеева 2019]). В ряду дериватов со значением степени качества это же слово занимает положение исходной точки отсчета, по отношению к которой организуется шкала нормативности: *большеватый, большенький – большой – большущий, большенный*, то есть *большущий* – это больше, чем просто *большой*; *большеватый* – это меньше, чем просто *большой*. Эти схематичные и несколько упрощённые пояснения позволяют эксплицировать семантические соотношения в рассматриваемом деривационном ряду. Семантика адъектива *большой* становится фоном для понимания смысла других членов данного ряда.

Рассмотрим далее примеры, взятые методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Наибольшим количеством представлены фрагменты со словом *большущий*, далее по убывающей – *большенький, большенный*. Корпус не даёт иллюстраций с прилагательным *большеватый* – видимо, по той причине, что данный дериват встречается прежде всего в разговорной речи и по смыслу расценивается как синоним *великоватый* в значении ‘больше, чем нужно для какого-либо применения’, обычно в сочетании с названиями предметов одежды: *костюм великоват / большеват; брюки великоваты / большеваты* и т.п.

Ещё одна предсказуемая сочетаемость данного слова обнаруживается в тех фрагментах, которые находим на базе интернет-ресурса «КАРТАСЛОВ.РУ – Карта слов и выражений русского языка» (<https://kartaslov.ru/>). Не представляя толкования значения, ресурс приводит фрагменты из художественных текстов: *Даже **немного большеватый** нос с лёгкой горбинкой вовсе её не портил* (Екатерина Неволина, Владыка времени, 2012); *У сына мои **распахнутые зелёные глаза, мой чуть большеватый рот, аккуратный нос мужа**, <...>* (Лариса Теплякова, Комедия положений, или Просто наша жизнь (сборник), 2014). Как видно из приведенных примеров, *большеватыми* оказываются части лица: рот, нос, губы, лоб и т.п. По всей вероятности, использование названного прилагательного в данном случае направлено на смягчение обрисовки черт лица человека, тем более что их оценка представляет собой точку зрения некоего наблюдателя, в роли которого выступает повествователь, рассказчик, персонаж и т.д. и которому опи-

сываемый человек симпатичен, чему подтверждение находим в контексте. Отметим также избирательную сочетаемость адъектива с наречиями меры и степени со значением уменьшительности: *чуть, немного, слегка большеватый*. Такая сочетаемость свойственна адъективам на *-оват-* / *-еват-* – таким образом подчеркивается собственная обобщенная семантика данной группы: «обладающий в смягченной, уменьшенной степени качеством, названным мотивирующим словом» [Русская 2005: 296].

Достаточно большим количеством фрагментов представлено в НКРЯ прилагательное *большенький*. В абсолютном большинстве случаев сочетаемость оказывается закрепленной: этим словом определяется *дитя, ребенок, детеныш животного: Ребятишки продолжали насто- роженно стоять: меньшенький– с коробком спичек в руке, большенький– с пучком изломанных былинки* [Евгений Носов. Темная вода // «Новый мир», 1993].

Такая фиксированная сочетаемость делает возможным следующий шаг в развитии морфолого-синтаксического статуса рассматриваемого прилагательного – его субстантивацию: *Подойдя к дяде, он покраснел до ушей. – Это наш большенький, – молвила Пелагея, – Иванушкой звать.* [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875-1881)]. Происходит лексикализация значения грамматической формы (*большенький* – ‘старший из нескольких детей’) на фоне достаточно размытого определения для адъективов с суффиксами *-оньк-* / *-еньк-*: «имеет ласкательное значение» [Русская 2005 : 296, 297].

Наиболее многочисленны фрагменты, в которых использовано слово *большущий*: *С горы было хорошо видно, как большущий отряд рыжеголовых стал заходить в тыл чёрным муравьям* [Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)]. Частотной является его сочетаемость с существительными, обозначающими объекты, к которым применимы те или иные параметры измерения: *большущий – порт, отряд, магазин, узел, кот, нож, сарай, базар* и т.п. Прилагательное в этих случаях – выразитель общего представления о размерности, превышающей некий стандарт, эталон, усредненный образец.

Этот семантический компонент может быть применим с некоторыми уточнениями к истолкованию значения адъективных дериватов с суффиксом *-ущ-* (*-ющ-*). Например, лексемы типа *хитрый, злой, вредный, жадный, важный, голодный* и т.п. характеризуют, как правило, живое существо – человека или животное – по типичному способу поведения. Следовательно, производные от них слова *хитрющий* и подобные предполагают высокую частотность повторения тех или иных способов поведения, которые могут быть обобщены прилагательным: *Судя по визгу одной из собак, он таки тяпнул её за нос. Ох, и злющий, оказывается, зверёк горностаи. Нам подумалось, что будь он величиной*

*хотя бы с кошку, то собакам пришлось бы несладко.* [Д.И.Саврасов. Таежные были и небылицы (2003-2008)].

Если говорить об образованиях из ряда *чернющий, краснющий* и подобных, возникает парадоксальное семантическое соотношение: *чернющий* – «усиленная степень качества», в данном случае качества – цвета *черный*, то есть что-то может быть чернее черного, краснее красного и т.д. Возникает вопрос о функционально-семантическом статусе этих образований: каково их назначение, в чем кроется смысл их использования в речи. Помимо подчеркнутой экспрессивности, здесь можно усмотреть реализацию прагматической оценочности: обозначается не собственно цвет, а оценочное отношение субъекта речи к описываемому явлению, которое выходит далеко за рамки представления о нормальном положении дел (ср. с более нейтральным *чернейший, краснейший* и т.п.): *С замиранием пялился егинский люд из окон, из-за плетней на гарцующую по сельской площади разномастную толпу вооруженных всадников, перетолковывался меж собой: – Чернющий, чисто ворон... Скинжалищем на боку... Кто такой?* [Николай Берсенев. Про Федоркина-меньшого // «Уральский следопыт», 1982].

Прилагательные с суффиксами субъективной оценки не только средство выражения повышенной экспрессии. Это слова с особой прагматической нагрузкой и богатейшим интерпретативным потенциалом.

### Литература

Болдырев Н.Н. Языковая интерпретация и структура сознания / Н.Н.Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. XXVII. – С.25–35.–<http://dx.doi.org/10.20916/2071-9639-2016-27-25-35>.

Михеева С.Л. Параметрические прилагательные русского языка: антропоцентричность семантики и каузативный потенциал / С.Л.Михеева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я.Яковлева. – 2019. – №3 (103). – С.135–140. DOI: 10.26293/chgpu.2019.103.3.018.

Русская грамматика: научные труды: в 2 т. Т.1. – М.: Институт русского языка им.В.В. Виноградова РАН, 2005. – 784 с.

Скворецкая Е.В. О статусе так называемых форм субъективной эмоциональной оценки в русском языке / Е.В.Скворецкая // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – №2 (30). – С.86-93. – DOI: 10.15293/2226-3365.1602.07.

Шейдаева С.Г. Категория субъективной оценки в русском языке: автореферат дис. ... доктора филологических наук / С.Г.Шейдаева; Удмуртский гос. ун-т. – Нижний Новгород, 1998. – 42 с.

## **Газета язмаларының баш исемнәрендә экспрессия белдерү чаралары**

*татарский язык, газетный заголовок, экспрессивность, пословица*

Кеше газетаны башыннан алып ахырына кадәр укып чыкмый, укыса да, моны бик сирәге генә башкара. Еш кына укучы үзе өчен кызыклы, кирәкле мәгълүматны гына сайлап ала. Күп кенә очракларда әлеге сайлауда язмаларның баш исемнәре зур роль уйный. Димәк, язманың атамасы материалга игътибар жәлеп итү, аның төп эчтәлеген аңлату, автор позициясен билгеләү өчен кирәк. Әгәр бу рольдә трансформацияләнган мөкаль, ягъни үзгәртелгән, ситуациягә бәйле рәвештә конкретлаштырылган халык гыйбарәсе дә килсә, укучыга тәэсир итү, экспрессивлык функциясе тагын да арта. Шунлыктан күп кенә матбугат чаралары мөкальләренә трансформацияләү алымына мөрәжәгать итә. И.Лисичкина фикерләренә таянып, мөкальләренә үзгәртүнең ике төре куллануын билгеләргә була: аналитик һәм аналитик булмаган [Лисичкина 2004: 70].

Аналитик булмаган трансформацияләрдә мөкальләр үзгәрешсез калалар, туры мәгънәдә кулланылалар: *“Ирне ир иткән дә хатын, хур иткән дә...”* (М. Мөхәммәтшин, “Безнең гәжит”, №39, 2018) баш исемле язмада сүз хатын-кыз турында бара. *“Кыскасы, мине милләттәш иреге тәрәбиябезнең язмышы бик нык борчый. Хәзерге заманда бик күп ир-атларыбыз да хатын-кыз тәрбиясенә дучар бит. Гаилә башлыгы булырга тиешлеләр үз урыннарын тыныч кына хатыннарына тапшыра, аннары ир балаларның дәрәс тәрбияләnmәвенә зарланалар. Кызга-ныч ки, мондый күренешләрнең иге-чиге юк”,* – дип борчыла автор. Яки башка бер мисал: *“Эшләп кеше үлми”* (С.Мифтахова, “Ватаным Татарстан”, №71, 2019). Биредә Татарстанда жәй көннәрендә 18 меңнән артык укучының ял итәргә жыенмыйча, эшкә керергә омтылулары турында язылган. Ләкин автор, яшүсмерләренә эшкә алган вакытта аларның яшенә һәм эш сәгәтләренә күплегенә бәйле закон нигезләрен онытмаса чакыра: *“Балаларны артыгын көч түктерергә ярамый, шуңа күрә чамасын белеп кенә эшләтәбез”,* – дип яза ул. Аналитик булмаган трансформацияләрдә мөкальгә яңа мәгънә төсмерләре өстәлә ала. Шулай итеп, сүз уйнату ярдәмендә билгеле бер экспрессивлы эффект тормышка аша: *“Сулагайларны көзен санылар”* (“Ватаным Татарстан”, №6, 2018) язмасында беренче сентябрьдә укырга килүче балалар турында сүз бара.

Аналитик трансформация – матбугатта иңеш кулланыла торган алым. Аның нигезендә мөкальнең лексик составында үзгәреш яисә грам-

матик форма үзгәреше ята. Синтаксик трансформация вакытында мөкальдә расланган фикер сорауга әйләнә: *“Мөктәпкә тылмач кирәкме?”* (“Ватаным Татарстан”, №19, 2018); юклык формасы барлык формасына әверелә: *“Исеме түгел, жисеме”* (“Ватаным Татарстан”, №21, 2018).

Үзгәртелгән вариантларның матбугатта кулланылышын өйрәнгән Е.И. Селиверстова фикеренчә, мөкальләрнеүзгәртеп куллану журналистларның әйләнә-тирәдәге вакыйгаларга карата төрле эмоциональ мөнәсәбәтен белдерү өчен кирәк. Е.И. Селиверстова үзенең күзәтүләренә таянып, трансформацияләүнең берничә ысулын тәкъдим итә. Андый ысуллар татар матбугаты язмаларында да күзәтелә. Алга таба шуларга киңрәк тукталырбыз. Мөкальне кыскарту: *“Картлар сүзен капчыкка...”* (“Татарстан яшьләре”, №3, 2017); *“Эзләгән — табар...”* (Р. Шаяхмәтов, “Заман сулышы”, 14 февраль, 2012); *“Тырышкан табар”* (“Ватаным Татарстан”, №20, 2018), *“Халык әйтсә...”* (Г. Туктаров, “Татарстан яшьләре”, 16 август, 2018), *“Картлар сүзен капчыкка...”* (Г. Мөхәммәтгәрәева, “Татарстан яшьләре”, 26 гыйнвар, 2017) һ.б.

Компонентларны алыштыру да очрый: *“Акчаны көзен санылар”* (Ә. Вәлиева, “Ватаным Татарстан”, № 153, 2016); *“Бер коену — үзе бер гомер”* (“Ватаным Татарстан”, № 108, 2016); *“Һәр ялтыраган жимеш түгел”* (“Ватаным Татарстан”, №7, 2018), *“Бер атуда өч куян”* (А. Тәкыева, “Татарстан яшьләре”, 9 август, 2018), *“Остазларның кадерен бел”* (Р. Минһаж, “Ватаным Татарстан”, №67, 2019); *“Төзүчегә тылмач кирәкми”* (“Ватаным Татарстан”, 23 февраль, 2018) һ.б.

Журналистлар кайвакыт мөкальнең эмотив семантика тудыра торган өлешенгәнә файдаланалар: *“Эш терәлсә акчага, ялың үтәр бакчада”* (“Ватаным Татарстан”, № 76, 2016); *“Миллиардер күңеле – галәмдә”* (В. Семенова, “Ватаным Татарстан”, 29 май, 2018), *“Ашау – байдан, жиңү – Ходайдан”* (Р. Фәтрахманов, “Ватаным Татарстан”, 25 май, 2018), *“Имам кешегә житмеш төрле һөнәр дә аз”* (Р. Минһаж, “Ватаным Татарстан”, 2 март, 2018), *“Чебешләргә карап гыйбрәт ал...”* (Ә. Шәвәлиева, “Татарстан яшьләре”, 19 июль, 2018) һ.б.

Мөкальләрне эзер типик эмоциональ берәмлекләргә үзгәртү дә очрый: *“Искегә ти әле, исең китәр!”* (“Татарстан яшьләре”, № 2, 2017), *“Ир – баш, хатын муен түгелме?!”* (“Ватаным Татарстан”, №11, 2018), *“Өлешнең көмеше кемдә?”* (К. Сәгъдәтшин, “Ватаным Татарстан”, 21 март, 2018) һ.б.

Раслау конструкцияләрен юклык формасына күчереп оештырылган мөкальләр дә бар. *“Белмәгәннең беләге авыртмый”* урынына *“Белмәгәннең башы авырта”* (Д. Шәкүрова, “Ватаным Татарстан”, №8, 2017) мөкален кулланып, автор бүгенге заманның катлаулы тормышында шикле оешмаларның торган саен күбрәк барлыкка килүе һәм халыкның, алда ни буласын уйламыйча, алар белән бәйләнешкә керергә теләве турында яза. *“Ачның хәлен тук белер чак”* (Н. Сафиуллина, “Татарстан яшьләре”, 14 апрель, 2016) язмасының баш исеме *“Ачның хәлен*

*тук белми*”мәкаләннән үзгәртелгән. Биредә автор жан ачысы белән хәерчелек чигендә яшәүче кешеләр, гаиләләр турында сөйли. Әлеге язманың баш исеме мохтаҗларга мөкин кадәр ярдәм кулы сузарга кирәклеген искәртә. “*Татарга тылмач бик кирәк*”(Ә. Шәвәлиева, “Татарстан яшьләре”, 29 декабрь, 2016) баш исеме исә “*Татарга тылмач кирәкми*” мәкаләннән үзгәртелгән.

Китерелгән фактны актуальләштерү максатыннан мәкаль составына бәйсез компонент өстәлүне дә очратырга була. “*Кемгә нәрсә, Алабугага – мәктәп*”(“Ватаным Татарстан”, №124, 2016) язмасында Алабуга шәһәрәндә яңа мәктәп ачылу һәм андагы шартларның заман таләпләренә туры китерелеп эшләнелүе, аерым алганда, заманча спорт залы, футбол кыры, чаңгы шуу өчен юллар булуы турында сүз бара. Шулу мәкальнең башка вариацияләре дә газета битләрендә еш очрый: “*Кемгә – кишер, кемгә – кәбестә*” (К. Сәгъдатшин, “Ватаным Татарстан”, №46, 2019) исемле язмада үзгәрешкә дучар ителгән компонентлар туры мәгънәсендә кулланылганнар. Сүз язгы кыр эшләренә иң кызган чагы – “яшелчәле кызларның кассеталарга кәбестә утыртулары” турында бара. “*Кемдә – нәрсә, туйда – карета*” (Ә. Вәлиева, “Ватаным Татарстан”, №76, 2019) язмасында, туй модасы юнәлешен аңлату өчен, мәкаль компонентлары шул өлкәгә кагылышлы берәмлекләр белән алыштырылган. “*Белеме бар меңне егар, медале бар кемне узар?*” (С. Мифтахова, “Ватаным Татарстан”, 8 март, 2018) мәкаләсендә бүген БДИда иң чик баллыны да җыя алмаган, әмма шул ук вакытта медальгә лаек булган укучылар турында сүз бара.

Матбугатта мәкальнең бер яки берничә структур компонентын алыштырып ясалган баш исемнәре дә очрый: “*Хәерчегә җил каршы*” мәкален “*Эшсезгә җил каршы*” кебек куллану (Д. Шәкүрова, “Ватаным Татарстан”, №139-140, 2016). Яки менә “Ватаным Татарстан” газетасының 2019елгы 71нче санында басылган “*Ашыккан... кыярсыз калган*” язмасының атамасы “*Ашыккан ашка пешкән*” мәкаленең үзгәртелгән варианты булып яңгырый. Биредә атаманың структур компонентлары туры мәгънәсендә кулланыла алырлык итеп алыштырылган. Бу язмада һава торышына ышанып, 25 майга кадәр үсентеләрне ачык һавага чыгарган кешеләрнең хаталанулары хакында сөйләнелә.

Йомгаклап, шуны ассызыклайбыз: нәкъ менә мәкальләрматбугат язмаларында экспрессия һәм тәэсирлелек чыганагы булып торалар.

### Әдәбият

Кубанова А.З. Газетный заголовок современной газетной прессы / А.З.Кубанова. – М.: Русский язык и литература. – 2004. – №4. – С.20-23.

Лисичкина И. Знакомые незнакомцы / И.Лисичкина // Журналистика и культура русской речи. – М., 2004. – №2. – С.69-75.

Селиверстова Е.И. Пословицы как средство эмоционального речевого воздействия / Е.И.Селиверстова // Слово во времени и в пространстве. – Санкт-Петербург, 2000.

**Особенности перевода эмоциональной лексики с английского  
на русский язык (на материале произведения Д.У.Джонс  
«Ходячий замок»)**

*эмотивная лексика, эмотивность, перевод, художественный текст,  
языковая личность переводчика, переводческие трансформации*

В центре художественного произведения описывается внутренний мир лирического героя, выражается его эмоциональное состояние. Проблема эмотивности является одним из сложных направлений в современном языкознании, особенно много дискуссий вызывает изучение его аспектов с точки зрения контрастивной или сравнительной лингвистики. Его сложность заключается в отсутствии способа адекватного перевода эмотивного содержания высказывания и текста на иностранный язык. Художественный перевод является одним из самых сложных видов переводческой деятельности, который чаще подвергается потерям.

В рамках данного исследования проводится анализ эмотивной лексики на материале романа Дианы Уинн Джонс «Ходячий замок» [Джонс 1986] и выявляются особенности их перевода с английского на русский язык. В ходе исследования делается попытка квалификации эмотивной лексики в художественном произведении, а также анализируется их перевод А.Бродоцкой на русский язык [Джонс 2013]. Анализ эмотивной лексики проводится на основе квалификации эмоций предложенной ученым К.Изардом [Изард 2000: 68]. В произведении в большинстве случаев встречаются следующие эмоции: «удивление» (124 лексических единиц), «страх» (78 лексических единиц), «гнев» (53 лексических единиц), «радость» (47 лексических единиц), «интерес» (19 лексических единиц), «горе/страдание» (17 лексических единиц). А В.И.Шаховский [Шаховский 2008: 178] выделяет следующие эмоции: называющие, обозначающие. Среди называющих эмоций у Д.У.Джонс преобладает эмоция «удивление», что объясняется внутренним состоянием главной героини и жанром произведения. Автор также часто описывает чувства страха и радости: «looking small and upright and nervous» (она съежилась от страха), «Cesari's seemed great fun» («Казалось, Цезари было очень весело»), «I was so angry» («Я так разозлилась»). Среди лексики, описывающей эмоции доминируют лексемы, описывающие внутреннее состояние маленькой Софи. Прежде всего, это страх, горе/страдание. «The customer glared» («покупательница насторожилась»), «Pale and obviously upset» («побледневшая от печали»), «He stared at Sophie with a kind of beseeching horror» («Он посмотрел на Софи с боязнью»), «Her voice

seemed to have gone strange with fear and astonishment» («От страха и удивления ее голос, казалось, совсем изменился»). Лексика, выражающая эмоции, у Дианы Уинн Джонс представляется через восклицания главных героинь. Здесь также на первом плане отражается удивление и преобладает страх: «I'd be far too scared!» («Я бы так испугалась!»), «Like an old maid!» («Как старая домработница!»), «I-I'm on my way to see my sister» («Я-я-я иду к сестру поведать»), «No. No. Thank you, sir! – she gasped and fled away past him» («Нет, нет, что вы, сэръ! – пробормотала она и исчезла»), «What a fate! – Martha exclaimed» («Что же это! – воскликнула Марта»).

В произведении Дианы Уинн Джонс «Ходячий замок» описывается жизнь юных девочек. Сюжет романа довольно сложен. Это история одной из трех сестер – Софи. Она оказывается во власти заклятия, которую наложила Болотная ведьма из-за ревности. Превратившись в старуху, Софи отправляется в замок к эксцентричному чародею Хоулу, который имеет далеко не самую лучшую репутацию в округе. Надолго задержавшись там, она сможет помочь чародею, распутать целую сеть интриг, избавиться от своего собственного заклятья и даже найти любовь. События переплетаются между собой так, что сюжет остается напряженным практически до самого финала. «Ходячий замок» — по жанру это скорее не сказка, а роман в жанре фэнтези, сюжет книги является довольно сложным. Тем не менее, здесь столько именно сказочных элементов, волшебства, чудес, что книга на первый взгляд кажется предназначенной именно для детей. К тому же, в основе ее лежит всего одна простая мысль об обязательной победе добра над злом, что также в большей степени характерно для сказок. События в произведении происходят в сказочной стране. Здесь ведьмы и русалки, семимильные сапоги и говорящие собаки – обычные явления. В центре произведения описывается внутреннее состояние девочки, которое полно наряду с переживаниями, эмоциональными срывами, страхами и радостным мгновениям, удивления, которые вполне характерны для девочки ее возраста.

После исследования эмоционального строя романа мы сопоставили текст оригинала с переводом на русский язык. Для этой цели был выбран перевод А.Бродоцкой. В результате исследования было выявлено, что в тексте перевода из лексических трансформаций более чаще используется конкретизация (26,8%), несколько реже встречаются такие лексические трансформации, как генерализация (2,5%) и антонимический перевод (2,1%), из грамматических трансформаций более часто используются замена (28%) и перестановка (32%).

Результаты анализа романа Дианы У.Джонс показали, что текст художественного произведения насыщен эмотивной лексикой. Наличие большого количества эмотивной лексики в романе создает эмотивное пространство текста, который буквально пронизывают эмоции. Основ-



ные эмоции – это эмоции удивления, страха, радости, печали и т.д. А.Бродоцкая пытается передать эмоциональный строй оригинала. Она умело пользуется переводческими трансформациями. Но в силу разноструктурных языков местами искажается или теряется мысль автора.

### **Литература**

Джонс Д.У. Ходячий замок / Д.У.Джонс. – М.: Азбука, 2013. – 448 с.

Изард К.Э. Психология эмоций / К.Э.Изард. – СПб, 2000. – 464 с.

Комиссаров В.Н. Теория перевода / В.Н.Комиссаров. – Москва: Высшая школа, 1990. – 252 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И.Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2008. – 208 с.

Jones D.W. Howl's Moving Castle / D.W.Jones. – New York: Greenwillow Books, 1986. – 212 p.

## **Лингвистические особенности названий одежды в татарском языке**

*татарский язык, лексика, материальная культура, названия одежды, этнокультурный словарь*

В культурном наследии татарского народа особое место принадлежит национальной одежде, традиционные черты которой формировались в течение многих столетий. Исследование названий одежды татарского языка дает возможность для полнейшего представления жизненного уклада народа, его социального и эстетического вкуса. Соответственно, как один из важных элементов материальной культуры народа, одежда отражает ее этническую принадлежность и географическую среду. В одежде содержится также информация о принадлежности к данному этносу, о культуре ношения одежды, о жизни, возрасте и семейном положении. Как в самой изменчивой части единой языковой системы, в лексике, в частности в тематической группе «одежда», прежде всего, отражаются те изменения, которые происходят в жизни общества. Это связано с улучшением материального благосостояния народа и общества в целом; постепенным стиранием этнических различий, самобытных черт народов; стремлением народа к мировой культуре; развитием моды и распространением модных стандартов и тенденций и т.п. В силу вышесказанного в лексике одежды появляются новые слова, чаще всего заимствования.

Лексический состав татарского языка, в частности и названия одежды в татарском языке, были изучены многими исследователями и нашли отражение в достаточно большом количестве научных трудов. Первые наблюдения по национальной одежде татар делали известные этнографы К.Фукс [Фукс 1991] и К.Насыри [Насыри 2006]. Лексика одежды и украшений татарского языка были исследованы Д.Б.Рамазановой [Рамазанова 2002], С.В.Сусловой [Суслова 2004], Л.Ф.Тухбиевой [Тухбиева 2006] и др. В книге Д.М.Исхакова достаточно детально прослеживается формирование основных этнокультурных компонентов, в том числе и одежды татар XIII–XVI вв. [Исхаков 2005]. В монографии А.Ш.Юсуповой исследуются тематическая группа «Наряды» по материалам словарей XIX вв. [Юсупова 2008]. Р.Р.Замалетдинов в своем труде особое внимание уделяет сегменту «Национальная одежда» татарского народа [Замалетдинов 2009]. И.Ю.Павловой раскрыты этнические особенности тюркских (в том числе татар) и финно-угорских народов, населяющих Республику Татарстан [Павлова 2012].

Однако область исследования выбранной нами тематической группы была больше этнографического, описательного характера, а полный же лингвистический анализ названий одежды еще пока не проведен. Таким образом, систематизация названий одежды татарского языка с попыткой произвести лингвистический анализ этих единиц определяют актуальность нашего исследования.

В настоящем исследовании семантическое поле «одежда» представлена на материале более 200 лексических единиц татарского языка. Большинство их находится в активном применении и в наше время, однако среди них наблюдаются и устаревшие слова. Генетические слои данных лексем разнообразны: среди них большое количество собственно татарских слов, однако встречаются и заимствования из других языков.

Для удобства восприятия фактического материала данные единицы целесообразно разделить на четыре микрополя: названия головных уборов, названия одежды, названия обуви и одежды для рук.

В микрополе «Названия головных уборов» входит около 50 лексем: *башлык* (вязаная шапка), *бөркәнчек* (покрывало, фата), *бүрек* (шапка), *калпак* (шапочка; поварский колпак), *калфак* (национальный женский головной убор, расшитый бисером или жемчугом), *кәләпүш* (ермолка, тюбетейка), *кыекча* (косынка), *малахай* (шапка), *өрпәк* (прозрачная косынка), *түбәтәй* (тюбетейка, ермолка) и т.п. головные уборы. Естественно, некоторые названия перешли в устаревший пласт лексики (*тастар*, *такыя*, *кушъяулык*, *картуз*, *капор*, *шишак* и т.п.).

Микрополе «Названия верхней одежды и их отдельных частей» состоит из 110 лексем. Данное микрополе условно можно разделить на несколько подгрупп.

Названия легкой (летней) верхней одежды: *кулмәк* (платье или рубашка), *камзул* (камзол), *казаки* (казакин, поддёвка), *жилән* (джилян, азиям – летнее пальто без подкладки), *чапан* (верхняя одежда в виде халата), *жөббә* (халат из шелковой ткани), *жакет*, *свитер*, *трико*, *чалбар* (брюки), *галифе*; *итәк* (юбка), *фижма* и т.п.

Названия зимней и демисезонной одежды: *бишмәт* (бешмет, пальто), *чикмән* (чекмень, армяк, зипун), *өрмәк* (армяк), *күшөгә* (халат, верхняя легкая одежда), *тун* (шуба), *толып* (тулуп), *куртка*, *тужурка*, *кожанка*, *вельветка*, *телогрейка* и т.п.

Также отдельной группой можно выделить названия белья и отдельных частей верхней одежды: *бандаж*, *корсет*, *майка*, *күкрәкчә* (нагрудник), *кальсон* и т.п.; *изү* (нагрудник; вырез рубашки), *алтакта* (передняя часть одежды), *яка* (воротник), *эзәр* (пояс), *арка* (спинка), *балитәк-бала итәк* (оборки платья), *билбау* (пояс), *кәмәр* (пояс), *каеш* (ремень), *пута* (пояс), *кесә* (карман), *балак* (штанина), *жиң* (рукав) и т.п.

В микрополе «Названия обуви и их отдельных частей» входит около 50 лексем: *башмак* (тапочки), *галош / калош* (галоша), *итек* (сапоги),

*ката* (короткие валенки, коты), *киез итек* (валенки), *краги, кэвеш* (обувь из мягкой кожи, надеваемая, как правило, поверх ичигов; ботинки без шнурков), *оек* (чулки), *оекбаш* (носки), *пима* (валенки, пимы), *читек-кэвеш* (собир. всякая обувь, ичиги-галоши), *чабата* (лапти), *читек* (ичиги), *тапочка* (тапочки) и т.п. Названия отдельных частей обуви: *алкын* (подъем сапога), *набойка*, *олтан* (подошва), *табанча* (заплата на подошву), *куныч* (голенище), *үкчә* (каблук), *табан* (подошва) и т.п.

Микрополе «Названия одежды для рук и их отдельных частей» – самое малочисленное, в него входит около 10 единиц: *бияләй* (варежки), *перчатка* (перчатки), *бишбармак* (перчатки), *жиңсә* (нарукавник), *беләксә* (нарукавник-опястье, надеваемое на пясть во время жатвы), *манжет*, *бармакча* (палец у перчатки) т.п.

С этимологической точки зрения, в лексике одежды выделяется три пласта: тюрко-татарские слова: *башмак, итек, читек, башлык, бөркәнчек, бүрек, яулык, күлмәк, итәк, түбәтәй, башмак, балак* и др.; арабо-персидские слова: *кәләпүш, чалбар, кесә, жәббә, ихрам, пәрәнжә* и др.; русские и заимствованные через него европейские слова: *шарф, берет, кепка, фуражка, бандаж, жилет, манто, мундир, пальто, трико* и т.п.

Описание лексики одежды в виде лексико-семантических полей позволяет расширить представления об объеме семантики слов данной тематической группы, а этимологические наблюдения дают возможность проследить происходящие в ней изменения и языковые контакты народов.

По собранному материалу нами определены способы и модели образования названий одежды.

Морфологический способ наиболее продуктивен при образовании новых слов в татарском языке. Однако в системе словообразования названий одежды данный способ не столь популярен. Проанализировав собранный материал, мы выделили следующие модели образования лексики одежды: основа+ча/-чә (*бармак+ча, кыек+ча*), основа+-чык/-чек (*бөркән+чек*), основа+-ым/-ем-м (*ки+ем*), основа+-чын/-чен (*колак+чын*), основа+-са/-сә (*жиңсә, беләк+сә*) и т.п.

Довольно часто встречаются названия одежды, образованные синтаксическим способом. Выделено три группы сложных терминов в составе лексики одежды татарского языка: 1) парные слова, к примеру, *итек-читек, оек-чабата, киём-салым, күлмәк-ыштан* – все они обозначают всякую обувь или одежду в совокупности; 2) сложные слова: *оекбаш* (носки), *шәляулык* (большой платок), *бишбармак* (перчатки); 3) составные: *оеклы ыштан* (колготки), *баш киеме* (головной убор), *киез итек* (валенки), *күкрәк жылысы* (душагрейка) и т.п.

Названия одежды, образованные морфолого-синтаксическим способом не так много: *чолгау* «портянка, онуча; обмотка» от глагола *чолгау* «мотать, наматывать, обмотать».

Названия одежды, образованные лексико-семантическим способом: *арка* «спина, спинка (рубашки, шубы, плаща и т.п.)» – *арка* «спина (у человека, животных; спинка (стула, дивана и т.п.)»); *үкчә* «пятки» – *үкчә* «каблук»; *табан* «ступня» – *табан* «подошва» и т.п.

Изучение номенклатуры одежды в татарском языке выявило определенные черты и закономерности в системе лексических единиц. Анализ исследуемых наименований пополняет сведения о лексике, а также обогащает знания об устройстве и функционировании языка, о материальной культуре татарского народа.

Проведенное исследование наименований одежды не является окончательным, оно требует продолжения исследовательской и словарной работы с привлечением исторических источников и этнокультурных данных.

### Литература

Замалетдинов Р.Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии / Р.Р.Замалетдинов. – Казань: Магариф, 2009. – 351 с.

Исхаков Д.М. Татары: популярная этнография (этническая история татарского народа / Д.М.Исхаков. – Казань: Татар. книж. изд-во, 2005. – 159 с.

Насыри К. Избранное: В 4-х т. Т.3 / К.Насыри. – Казань: Татар. книж. изд-во, 2006. – 384 с.

Павлова И.Ю. Этнокультура тюркских и финно-угорских народов Татарстана / И.Ю.Павлова. – Казань: Татар. книж. изд-во, 2012. – 111 с.

Рамазанова Д.Б. Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте / Д.Б.Раманазова. – Казань: Мастер\_Лайн, 2002. – 354 с.

Суслова С.В. История костюма тюркских народов (этнографическое исследование татарской народной одежды) / С.В.Суслова. – Астана: Изд-во «Сарыарка», 2004. – 286 с.

Тухбиева Л.Ф. Лексика одежды и головных уборов в татарском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук / Л.Ф.Тухбиева. – Казань, 2006. – 218 с.

Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844; Краткая история города Казани. Казань, 1905 / Репринтное воспроизведение с приложением Предисловия Н.Ф.Катанова к изданию 1914 г. – Казань, 1991. – 210 с.

Юсупова А.Ш. Двухязычная лексикография татарского языка XIX века. – Казань: Изд-во Казанск.гос. ун-та, 2008. – 410 с.

## **Проект электронной версии учебного словаря русских терминов физики для иностранных студентов**

*учебный словарь, термин, компьютерная лексикография,  
лингводидактика, русский язык как иностранный*

Сложившаяся по понятным причинам обстановка в мире не могла не повлиять на учебный процесс на всех уровнях, в особенности в высшей школе, с одной стороны, сделав доступ к обучению максимально доступным, но с другой, обнажив ряд проблем в организации электронной образовательной среды вузов. Особенно текущая ситуация сказалась на иностранных студентах, в том числе на подготовительных отделениях, слушатели которых только начинают изучать русский язык как иностранный – они столкнулись с нехваткой необходимых пособий и справочных материалов в свободном доступе, что особенно актуально в контексте изучения языка специальности (научного стиля речи).

Для студентов технических специальностей одной из профилирующих дисциплин является физика; практически в каждом университете с иностранным контингентом на подготовительном отделении созданы и создаются соответствующие учебные пособия, максимально адаптированные под лингвокультурный уровень обучающихся, а также содержание обучения на основных курсах (ТвГТУ, ТГПУ, МАДИ, МГТУ им. Баумана, военные вузы как подвид технических и др.). Основной целью данных пособий является формирование высокой лингвистической компетенции будущего специалиста, навыка владения языком профессиональной сферы.

Наряду с пособиями, подготовленными внутри университетов, широко используются «Мозаика», «Вектор» О. Соляник, «Спектр» Е.Соловьевой, «Читаем тексты по специальности» Т.Аросевой, «Русский язык в техническом вузе» Т.Петровой и др. При всех бесспорных достоинствах вышеуказанных работ они не в полной мере снабжены словарями-гlossариями, что значительно осложняет как усвоение узкоспециальной лексики иностранными обучающимися, так и ее семантизацию преподавателем. Практически отсутствуют словари-гlossарии в учебниках и для основного курса, что лишь подчеркивает очевидность дополнения УМК дисциплины дополнительной справочной литературой – учебным терминологическим словарём, в настоящее время – в виде элемента электронной образовательной среды вуза, базы данных или приложения. Суммируя все вышесказанное, можно смело утверждать, что прогноз В.Г.Гака о начале XXI века как о периоде компьютерной лек-

сикографии в информационных сетях полностью сбылся [Андрющенко 1986: 42].

О компьютерной лексикографии как о перспективном направлении ещё в 1986 г. говорил В.М.Андрющенко, но на тот момент «информатизация русистики оказалась нежизнеспособной»; было им отдельно упомянуто и то, что лексикографическое описание терминологии изначально носило сугубо отраслевой характер, что как никогда роднит его с учебной лексикографией, которую П.Н.Денисов называл «лексикографией меньших форм и большой обучающей направленности» [Денисов 1977: 4], т.е. при составлении учебного словаря первостепенными задачами являются формулирование максимально емких, доступных для восприятия дефиниций и всесторонний охват лексического минимума изучаемого аспекта. В этой связи перевод учебного, академического словаря в компактную, наиболее привычную и удобную современному студенту цифровую форму совершенно оправдан как с позиций лингводидактики (как донести материал лучше?), так и с учетом веяний времени. Иными словами, это не словарь в традиционном понимании, но один из способов его существования. В нашем случае это словарь-тезаурус.

Основой для словаря будет являться терминологический банк данных с указанием для каждой единицы ее орфоэпических, грамматических и морфологических характеристик, примеров использования лексемы в контексте, а также, при наличии, переносного значения. При отборе терминов для их включения в банк данных, а после в словарь, следует руководствоваться критериями репрезентативности и компетентности, и принимая во внимание адресата словаря – иностранных студентов, сделать дефиниции максимально доступными.

Также необходима дифференциация материала по тематическим группам – разделам физики в порядке их изучения: «Механика», «Термодинамика», «Электродинамика», «Колебания и волны», «Оптика», «Квантовая физика», «Физика атомного ядра и элементарных частиц». Впоследствии полученная база данных должна быть адаптирована к требованиям платформы, на которой лексикографический ресурс будет действовать (язык web-программирования или СУБД) [Саженин 2013: 16]. Распределение лексем в словаре по тематическим блокам сыграет роль и в выборе поисковой системы: при изучении определенного аспекта физики студент обратится к соответствующему параметру поиска в системе. Несмотря на свою автоматизированную форму, словарь останется академическим, поэтому существующие в классических словарях пометы, в частности «род», «вид», «значение» (включая переносное), «синоним-антоним», «часть-целое», «предмет-явление» и т.д. [Чайникова 2015:95] сохраняются в виде поисковых параметров, тем самым выполняя и дидактическую функцию.

Дополнительной пометой можно отразить связь явления или предмета и исследователя или исследователей, имя которого они носят

(термины-эпонимы), задав в качестве приложения дополнительные статьи, дающие краткую информацию об ученом, имя которого присвоено термину, и в то же время – контекст его употребления.

Таким образом, электронный учебный словарь может стать хорошим подспорьем как для студентов, так и для преподавателей, не просто являясь еще одним средством формирования иноязычной компетенции, но и прекрасно дополняя существующую электронную образовательную среду вуза, тем самым делая процесс обучения для иностранных студентов еще доступнее и комфортнее.

### **Литература**

Андрющенко В.М. Вычислительная лексикография, ее возможности и перспективы / В.М.Андрющенко // Вопросы языкознания. – 1986. – №3. – С.42-53.

Денисов П.Н. Учебная лексикография: итоги и перспективы / П.Н.Денисов // Проблемы учебной лексикографии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – С. 4-20.

Саженин И.И. Корпусные методы в лексикографии: опыт создания Словарного корпуса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / И.И.Саженин. – Новосибирск, 2013.

Чайникова Г.Р. Структура учебного терминологического словаря как средства формирования иноязычной лексической компетенции / Г.Р.Чайникова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы образования и педагогики. – 2015. – №12. – С.93-97.



## **Категория противоположности во фразеологии (на материале английского и русского языков)**

*категоризация, противоположность, антонимия, антонимичность,  
фразеологическая антонимия, фразеологические антонимы*

Исследования, посвященные изучению категоризации как одного из основных видов когнитивной деятельности человека, не теряют своей актуальности. Действительно, сопоставляя явления, предметы окружающей действительности, человек классифицирует, упорядочивает и оценивает их, «сортирует», классифицирует на схожие и различные. Это позволяет ему организовать свою собственную мыслительную деятельность.

Противопоставляя предметы и явления при помощи фразеологических антонимов, человек демонстрирует свою мыслительную деятельность. Так, индивидуальное когнитивное пространство человека формируется им в соответствии с его жизненным опытом, мышлением, психическим, физическим, эмоциональным состоянием на момент восприятия новых явлений и формированием представления о них в соответствующей последовательности.

Изучение категории противоположности во фразеологии по-прежнему остается актуальным и не утрачивает свою новизну. В большинстве исследований интерес ученых прикован к изучению структурно-семантических типов фразеологических антонимов и их характеристик. В настоящем докладе предпринимается попытка рассмотрения категории противоположности во фразеологии при помощи использования современных научных методов, а именно описательного метода, сопоставительного метода, а также метода трансформационного и дистрибутивного анализа.

Общее понимание противоположности, составляющей семантическую основу антонимии, не всегда носит однозначный характер. Так, например, некоторые авторы не проводят различия между противопоставленностью и противоположностью. Однако противопоставленность не означает, что фразеологические единицы могут считаться антонимичными.

На наш взгляд, антонимию следует рассматривать как универсальное явление, свойственное различным языкам, наблюдаемое на различных уровнях языковой системы, характеризующееся как противопоставление противоположных понятий, отражающее реальность на уровне осмысления и оценки предметов, их качеств, свойств или действий. Анализ теоретической литературы позволяет сделать вывод о

том, что «фразеологическая антонимия есть семантическая противоположность фразеологических единиц (ФЕ), характеризующихся наличием контрарных сем, взаимоисключающих друг друга при общем семантическом содержании противопоставляемых фразеологических единиц, а также принадлежностью фразеологических единиц к одному семантико-грамматическому классу, наличием схожих функциональных характеристик» [Пестова 2012: 282]. Например, отношения антонимии могут устанавливаться между фразеологическими единицами, обладающими одинаковой категориально-грамматической характеристикой, общим семантическим содержанием:

- в английском языке *to lose one's self-control – to carry (hold, bear) oneself*, в русском языке *терять / потерять власть над собой – держать себя*;
- в английском языке *to do slap-dash (shoddy) work – to roll one's sleeve's up*, в русском языке *спустя рукава – засучив рукава*;
- в английском языке *to keep one's mouth shut – to have a loose tongue*, в русском языке *воды в рот набрал (как будто / словно / точно воды в рот набрал) – язык без костей* и пр.

Предлагаемое определение фразеологической антонимии нашло свое подтверждение в ходе работы с весьма репрезентативной выборкой эмпирического материала. Общее количество проанализированных антонимичных фразеологических пар составило 240 в английском (120) и русском (120) языках. Отобранный материал подвергся описанию, сопоставлению, изучался в контексте с позиций прямого использования и окказиональных трансформаций. Более того, исследование позволило пересмотреть и проанализировать основные критерии антонимичности фразеологических единиц, вступающих в антонимичные отношения, что будет выступать объектом исследований в дальнейшем.

В заключение стоит еще раз отметить, что фразеологические антонимы заслуживают внимания исследователей, так как позволяют не только сопоставлять самые различные явления, признаки, состояния, качества, но и отслеживать их в развитии и противоречии. Это объясняется тем, что глубокое понимание значения фразеологической единицы, вступающей в парадигматические отношения (в частности в отношения противоположности / противопоставления), способствует наиболее корректному восприятию действительности на вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом уровнях.

### Литература

Пестова М.С. Антонимия фразеологических единиц / М.С.Пестова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VI Междунар. науч. конф., Челябинск, 23-24 апр. 2012 г.: в 2 т. – Т.1 / отв.ред. Л.А.Нефедова. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос.ун-та, 2012. – С.282-285.

Проконова Майя Владимировна  
Файзуллина Гузель Чахваровна  
Ермакова Елена Николаевна  
Тюменский государственный университет  
УДК 811.512.145

## Образ дерева как основа формирования образа лесного великана в фольклоре сибирских татар

*фольклор, сибирские татары, великаны, образ лиственницы*

В отличие от европейских геокультурных пространств, характеристики территорий проживания коренных сибирских народов в наши дни не претерпели принципиальных изменений, сохранив пространственную удалённость от современной цивилизации, тесную связь человека и природы, особенности климата, условий и способов выживания.

Территория проживания сибирских татар охватывает большое пространство заболоченных земель. Изолированность территории и ограниченность контактов с внешним миром определили самобытность и уникальность культуры сибирских татар, одновременно сохранив в их фольклоре черты архаической картины мира.

В тяжелых условиях ценятся выносливость и навыки выживания, поэтому закономерно, что образ великана / богатыря – один из самых популярных в фольклоре сибирских татар.

Местные жители рассказывают легенду о Зэңгер-Мэңгер [ПМА 1: Хабибуллин]. Зэңгер-Мэңгер – это братья-великаны, рост которых, по преданиям, составлял около шести метров. Они участвуют в устройстве местного рельефа: *«Суккәсе тә пар ит, сайғау ағацлары пирле пар ит. Алар аллайтан ахотатан килеф утырышларынта цай эцгеләре килеф тухтағаннар. Қуахлы поунта анта туры йере пар. Ул пулмаған элег. Алар ул тура йерне пер чайниг қайнағанцы қасыф цыққаннар аны»* (Они откуда-то с охоты возвращались, остановились чай попить. Там одно прямое место есть. Раньше его не было. Они это прямое место раскопали за то время, пока вода в чайнике вскипела).

Еще один персонаж, распространённый в культуре сибирских татар, – это великан-богатырь Алыф / Алып. *«Порын саман пер қаты көцлекешепулған, аның исеме Алыф пулған. Ул қарағай қатәр осын пулған. Аны ицгем еңә алмаған, ул пер оллы войскалар пелән суғышып цыққан. Пер саман Север йақтан йау килгәц, ул пер усе алар пелән суғышып цыққан, пашларын кисеп алып қасыққа тесеп утырған пулған»* [ПМА2: Кальметова]. (Давным-давно жил очень сильный человек, его звали Алып. Он был высокий, как сосна. Его никто одолеть не мог, он один с большими войсками сражался. Однажды, когда со стороны севера пришло наступление, он один их победил, рубил вражеские

головой и в яму складывал). Большая физическая сила и гигантский рост позволяют причислить Алып к великанам.

Обращает на себя внимание отчётливая связь великанов с образом дерева. В отличие от великанов греческой, германо-скандинавской традиций, чьи образы создавались как отклик на очертания скал и горных вершин, великаны сибирских народов сопоставляются по своим размерам и облику не с горами, а с высокими деревьями. Так, например, абасы в якутской мифологии – это великаны ростом с лиственницу.

Лиственница соединяет человеческий и иной миры. Весьма интересен тот факт, что лиственница фигурирует в качестве обиталища душ предков и в преданиях сибирских татар: *«Пы ғәл Ләцек асылынта пулған. Йақ йағы күлләр пелән уралған асылта өц тет ағацы пар ите. Икесе асылтан циттәрәк қырата, өцөнцөсе астанатан алыс түгел асылның оцынтағы өй йанынта үсгән ите. Ул ағацның йуванлығына ис китәрлек пулған. Ике таса ир қоцақланса, қуллары пер-перенә йетмәгән. Кацан, қайтан күцерелгәннәрен тәрәс пелүце йуқ ите. Асылға йувық йерләртә пер тет ағац та үсмәгән. Оллылар ул ағацлар исгеләр, тип әйткәннәр. Аларның пер ылысына та тейгәле, йаннарынта тәрәт алгалы та қушмағаннар. Ницек астананы оллыласалар, шалай уқ тет ағацларны та қәтерләгәннәр. Пер йәйтә тың күгерт-йәшен пулып, өй йанынтағы қарт ағацның төб<sup>ә</sup>еннән уқ йәшен суғып йығаты. Асыл ғалықның қоты йарылаты. Шалай та, тувалар уғып, асылның парлық өйләренә тигес итеп утынға кисгәннәр. Өй ийәсе үсе генә йәшәгән, әшгәрә поқта тол қатын пулған. Йәшеннән соң игенце тақта тол қатынның өйөнә, қурықмасға қушып, аппақ оссын киемнәргә кейенкән, әйткесес әтәпле, парысы та сылу гәйлә кергән: оллата-онналары, килен-уллары, кецгенә онықлары пергә сықташып торып қушлашғалы кергәннәр. Син, тигәннәр, Латиб<sup>ә</sup>, песгә шантай йақшы пултың, пер тамцы та пыцық сыулар, цүп-царыңны та песгә түкмәтең, тәртипсес начар сүсләр әйтмәтең, шаңа рәқмәтеб<sup>ә</sup>есне әйтеп, қушлашғалы кертек, тиеп, Урыс йулға китүләрен пелтергәннәр. Йөргән кешеләр ул йулта тет ағацлары үсүвен әйткәннәр, ө оллылар ул тет ағацының қуцаларын пәреләр тигәннәр. Шал оцрақтан суң, пәреләртән тартыныпма, тет ағацына тейүтән қурыққаннар»*[ПМА 3: Алеева]. (Этот случай произошёл в деревне Тахтагул. В деревне, окруженной со всех сторон озерами, росли три лиственницы. Две лиственницы росли подальше от деревни на поле, третья – недалеко от астаны (святое место сибирских татар, мавзолей шейха) возле одного дома на краю села. Толщине этого дерева диву давались. Если двое здоровых мужчин обнимали дерево, то их руки не дотягивались. Когда, откуда их пересадили, точно никто не знал. Близ деревни не росло ни одной лиственницы. Старейшины говорили, что эти деревья святые. Не разрешали трогать даже одну иголку и справлять возле них естественные надобности. Как почитали астану, так и относились к

лиственницам. Одним летом случилась сильная гроза, во время которой молния ударила в самый корень дерева, повалив его на землю. Местные жители были сильно напуганы. Тем не менее, помолившись, напили дров поровну каждому дому в деревне. Хозяйка дома жила одна, она была очень чистоплотной разведенной женщиной. На следующее утро после грозы в дом разведенной женщины, велев не пугаться, одетые в белые длинные одежды, несказанно культурные, все очень красивые – семья зашла: бабушки-дедушки, невестки-сыновья вместе с маленькими внуками плача пришли прощаться. «Ты, – они сказали, – Латифа, к нам так хорошо относилась, ни одной капли грязной воды, ни одной соринки на нас не бросила, некультурных плохих слов не сказала, потому пришли к тебе проститься и поблагодарить за это». Так сказав, они дали знать, что уходят в сторону Русской дороги. Ходившие люди говорили, что на этой дороге растут лиственницы, а старейшины хозяев лиственницы называли пери. После этого случая, то ли стыдясь пери, боялись трогать лиственницу). В этом предании души святых благодарят человека за правильное поведение, призывая тем самым всех людей следовать заветам предков. Лиственница выступает и как прибежище сверхъестественных существ, и как магическое дерево, святое место, по сути – живой храм, центр этого мира.

Выбор лиственницы на роль перекрёстка миров, а также «модели» и материала для создания лесного великана не случаен: лиственница – самое высокое дерево сибирских лесов, в подходящих условиях достигающее высоты 80 метров. Лиственница сибирская, один из видов этого растения, распространённый в Западной и Восточной Сибири, имеет конусовидную, пирамидальную крону, что, вероятно, отразилось в одной из деталей облика менквов: во многих этнографических источниках сообщается об остроконечной форме головы менква, например, В.И.Сподина отмечает, что «остроголовость менкв'ов была самой узнаваемой чертой их скульптурных изображений» [Сподина 2001]. Л.Н.Панченко упоминает, что, по фольклорным данным, мансийские великаны менквы живут триста лет [Панченко 2018: 659], что также согласуется с утверждениями ботаников о продолжительности жизни лиственницы, которая составляет в среднем 300-400 лет.

Таким образом, для сибирских татар лиственница является в большей степени природным храмом, мировым деревом, средоточием святости. Сопоставление традиций в изображении антропоморфных исполинов, присущих культурам соседствующих сибирских народов и сохраняющихся в современный период, позволяет глубже изучить эволюцию этнокультурного пространства Сибири.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00398 А.*

## **Литература**

Панченко Л.Н. Лесной великан Менкв – персонаж мансийского фольклора / Л.Н.Панченко // Вестник угроведения. – 2018. – Т.8. – №4. – С.658–671.

Сподина В.И. Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района / В.И.Сподина. – Новосибирск: Агро, Солярис, ЦЭРИС, 2001. – 124 с.

## **Полевые материалы авторов**

ПМА 1 – Экспедиция в д. Иземень Тобольского района Тюменской области. Июль 2020 (информант: М.А.Хабибуллин, 1969 г.р.)

ПМА 2 – Экспедиция в д. Лайтамак Тобольского района Тюменской области. Июль 2020 (информант: С.Б.Кальметова, 1942 г.р.)

ПМА 3 – Экспедиция в д. Тахтагул Тобольского района Тюменской области. Июль 2020 (информант: У.Х.Алеева, 1926 г.р.)

## **Лингвистический анализ художественного текста и методика его проведения**

*лингвистический анализ, художественный текст, методика,  
русский язык как иностранный*

Впервые о лингвистическом анализе художественных произведений начали говорить в 1920-е годы, когда возрос интерес к исследованию структуры языка. В это же время учёные-методисты поднимали вопросы, связанные с методикой преподавания литературы, где вопрос изучения языка стоял очень остро. Исследователи отмечали, что преподавание русской литературы в большинстве своём базируется на историко-литературных и культурных основаниях, при этом игнорируется непосредственный анализ текста.

Учёные отмечали важность изучения языка художественных произведений, А.А.Потебня подчёркивал, что уловить структуру слова и поэтического образа можно, только зная его историю. Исследователь выделял в поэтическом слове, как и в художественном в целом, три главных элемента: внешнюю форму (звучание), семантику (значение) и внутреннюю форму(образ) [Потебня 1976: 57].

Особое внимание лингвистическому исследованию художественного текста уделял Л.В.Щерба: он указывал, что принципиально важно провести анализ лингвистических средств, с помощью которых автор выражает идею и эмоциональное содержание произведения. Так, Л.В.Щербой было дано следующее определение лингвистического анализа: это «путь разыскания значений: слов, оборотов, ударений, ритмов и тому подобных языковых элементов, путь создания словаря, или, точнее, инвентаря выразительных средств русского литературного языка» [Щерба 1974: 97].

В 1923 году Л.В.Щерба опубликовал первый опыт лингвистического анализа художественного текста, это был анализ стихотворения А.С.Пушкина «Воспоминание», который впоследствии стал образцом лингвистического анализа художественных произведений. После выхода данной работы многие преподаватели-словесники, студенты филологических факультетов начали применять описанные методы, а художественный текст стал рассматриваться в комплексном подходе.

В 1940-е годы работу по развитию теории и практики лингвистического анализа текста продолжил В.В.Виноградов; академик рассматривал лингвистический анализ художественного текста прежде всего с точки зрения стилистики. Язык и стиль писателя и поэта стали объектом его внимания. Говоря о задачах и принципах интерпретации текста,

В.В.Виноградов отмечал, что художественный текст следует изучать как некий процесс, в котором воплотился идейно-творческий замысел автора и конкретно-исторический факт в аспекте развития словесно-художественного искусства [Виноградов 1972: 171].

Учёный считал, что художественные произведения должны быть рассмотрены в совокупности с изучением культуры, искусства, общественной жизни периода, в котором создавалось произведение, с анализом литературного языка и его стилей этой эпохи, а также через пристальное внимание к индивидуальным особенностям языка и творческого метода писателя.

Но изучение художественного текста волнует учёных-методистов и сейчас, в современной педагогике и филологии также поднимается вопрос, с чего следует начинать изучение художественного текста.

Некоторые исследователи предлагают выдвинуть на первый план художественный образ как язык искусства. В данной системе слово понимается как вспомогательное средство создания образа.

Другие выдвигают изобразительно-выразительные средства языка, игнорируя рассмотрение художественного образа. Изучение художественного произведения в таком случае сводится к статистическому анализу, поиску экспрессивно-выразительных средств языка.

В.В.Виноградов отметил ограниченность таких подходов и призвал рассматривать художественное произведение «в системе целого эстетического объекта» [Виноградов 1972: 13].

Мы же считаем, что правильное понимание замысла автора представляется возможным только через исследование языковой структуры художественного текста. Но необходимо отметить, что данная работа должна быть выполнена в синтезе, с использованием знаний о составе художественного образа. Без учёта всех аспектов будет неправомерно делать вывод по произведению.

Немаловажен вопрос методологии изучения художественного произведения: от идеи и содержания к языковым единицам, от языковой структуры к идее, от первого восприятия через языковую структуру к идее и содержанию произведения.

Психологи и педагоги, говоря об особенности восприятия, отмечают, что самый верный подход в изучении текста – переходить от восприятия к изучению языковой структуры, а затем к идее и содержанию.

Рассмотрение структуры языка художественного текста базируется на выявлении языковой доминанты. Языковая доминанта даёт возможность представить в системном единстве художественную структуру текста.

Для того чтобы правильно интерпретировать произведение и воспринять идейно-эстетический замысел автора, необходимо осмыслить эмоционально-смысловую структуру художественного образа, которая, безусловно, рассматривается в языковой структуре текста.



Ю.М.Лотман говорит о том, что лингвистический анализ должен выявлять скрытые смыслы и объяснять неясные слова и выражения. Исследователь указывает, что пристальное внимание нужно уделять словам, которые кажутся понятными, но имеют другое значение. «Кажущееся, мнимое понимание ещё более опасное, чем явное непонимание» [Лотман 2001: 146].

Учёный замечает, что пояснению подлежат все языковые особенности и факты действительности, которые на данный момент являются забытыми для читателей [Лотман 2001: 346].

Методика лингвистического анализа текста достаточно полно исследована в лингвистике. Исследователи описывают различные методы, способы и приёмы лингвистического анализа.

Говоря о языке художественных произведений, нужно заметить, что на занятиях по лингвистическому анализу текст, как правило, рассматривается с точки зрения стиля речи, а целенаправленные комплексные лингвистические работы с художественным текстом проводятся достаточно редко. Но стоит отметить, что такую работу по лингвистическому анализу текста в рамках изучения функциональных стилей можно отнести к неполному лингвистическому анализу, который, несмотря на свою незаконченность, является ключом к пониманию индивидуально-авторского видения мира., так как стилевая доминанта реализует главную авторскую идею.

Таким образом, можно отметить, что в современной методике выделяют два способа лингвистического анализа художественного текста: частичный и полный.

В практике преподавания русского языка как иностранного преподаватели обращаются к лингвистическому анализу текста для усвоения студентами определенного лексико-грамматического материала, а также в качестве материала по истории русской культуры. Текст нередко выступает в качестве лингводидактической единицы развития речи обучающихся. На таких занятиях студенты продвинутого уровня обучения осваивают модели текстов разных стилей, формируют типы речевого поведения, постигают механизмы работы с текстом. Также происходит усвоение знаний о структурно-семантических и функциональных характеристиках языковых средств.

На некоторых занятиях лингвистический анализ текста применяется для изучения макроструктуры текста, здесь же обучающиеся при помощи преподавателя выявляют как композиционно-тематические, так и стилистические особенности текста.

При выполнении частичного или полного анализа художественного текста, рассматривая языковые факты, необходимо сохранять целостность текста.

Предметом лингвистического анализа текста в процессе изучения русского языка как иностранного должны быть небольшие по объему ху-

дожественные произведения, а целью – изучение и закрепление лексико-грамматического материала, анализ языковой структуры текста и углубление знаний о культуре, истории и русской действительности. После проведенных занятий студенты должны научиться видеть в словах образность, чувствовать скрытые смыслы.

Задача занятий по лингвистическому анализу текста – научить осмысленной работе с текстом, показать, что такая работа помогает выстроить гипотезу, а в дальнейшем и интерпретировать художественный текст.

### **Литература**

Виноградов В.В. Поэтика русской литературы / В.В.Виноградов. – М.: Наука, 1972. – 516 с.

Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста / Ю.М.Лотман. – СПб: Искусство-СПб, 2001. – 846с.

Потебня А.А. Эстетика и поэтика / А.А.Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В.Щерба. – Л., 1974. – 427 с.

**Сыйфат һәм рәвеш белән фигыль арасындагы  
төгәлләүле мөнәсәбәтне оештыра торган бәйлек, бәйлек сүзләр**

*бәйлек, сыйфат, рәвеш, фигыль, төгәлләүле мөнәсәбәт*

Ярдәмче сүз төркемнәренең зур өлешен алып торган бәйлек һәм бәйлек сүзләр татар теле грамматикаларында мөһим урынны алып тора. Алар XIX гасыр башыннан ук тикшерү объектына әверелгән булсалар да, әлеге теманы ныклап, җентекләп өйрәнү XX гасырның урталарында башлана. Бигрәк тә Д.Г. Тумашева дәрәсләкләрендә аларга морфологик һәм синтаксик билгеләре буенча тулы классификация бирелгән [Тумашева 1964]. Кайбер телчеләрнең аерым хезмәтләре дә әлеге мәсьәләгә багышланган. Мәсәлән, М.Г. Мөхәммәдиев [Мөхәммәдиев 1972], С.Ф. Гарифуллин [Гарифуллин 1986] мәкаләләрендә бәйлекләрнең өйрәнелеш тарихына тирәнтен анализ бирелә. Р.Г. Әхмәтҗанов бәйлекләрнең килеп чыгышына туктала, гарәп-фарсы алынма бәйлекләренә күзәтү ясыя [Ахметьянов 1986].

Сүзләр арасындагы төгәлләүле мөнәсәбәтне белдерүдә бәйлек һәм бәйлек сүзләр мөһим роль уйныйлар. Аларның әлеге үзенчәлеген М.З. Зәкиев үз хезмәтләрендә дәлилли. Моннан тыш, ул бәйлек һәм бәйлек сүзләргә синтаксист буларак кына түгел, ә тарихчы күзлегеннән чыгып та күзәтә бара. М.З. Зәкиев монографияләрендә бәйлек һәм бәйлек сүзләргә төгәлләүле мөнәсәбәтне белдерә торган мөстәкыйль кушымчалардан барлыкка килгәнлекләре хақында да кызыклы мәгълүматлар алырга мөмкин [Зәкиев 1963; 1995].

Бәйлек һәм бәйлек сүзләр күп кенә сүз төркемнәре – исем белән фигыль, сыйфат белән исем, сан белән исем һ.б. арасындагы төгәлләүле мөнәсәбәтне белдерә торган чара булып санала.

Сыйфат һәм рәвеш белән фигыль арасындагы төгәлләүле мөнәсәбәтне **итеп** бәйлек сүзгә белдерә ала. Бу очракта иярүче компонент процесс объектының билгесен, сыйфатын төгәлләндерә: *Әллә шуңа күрә инде таңы-сагышы, шиге-өмете, кайгысы-шатлыгы – барысы бергә татлы итеп сызландыра (Г.Әпсәләмов). Идәннәр әйбәт итеп юылган, палаталар чиста итеп җыештырылган, салфеткалар – бар да ак кар кебек, авыруларның күлмәкләрен дә алмаштырдылар (Г.Әпсәләмов). Мәдинә сезгә күп итеп сәлам әйтте (Г.Әпсәләмов).*

Иярүче компонент **булып** бәйлек сүзгә ярдәмендә процесс башкаручысының билгесен, сыйфатын белдерә: *Еллар буге бөртекләп җыйган-туплаган, ә бер заманны караса – фикерләре борынгы кәгазь ак-*

чадай бәясез булып калган, кулланылыштан чыккан... (Ш.Галиев). Төсләре дә үзгәрә, алар инде сары булып түгел, карасу-кызгылт булып күренәләр, гүя кайгылары йөзләренә чыга... (Г. Әпсәләмов). Ялкынланып уйнап янган ут яктысында агымда чайкалып торган үсемлекләре дә, тырпаеп торган агач ботаклары да бик сәер булып күренәләр (М. Хәсәнов).

Сыйфат яисә рәвеш бары тик сөйләм яки фикерләү фигураларына **дип** бәйләк сүзгә ярдәмдә иярәп кенә төгәлләүле мөнәсәбәт хасил итә ала. Алар процессны үтәлү ысулы ягыннан конкретлаштыралар: *Шуннан без ни өчен Рәсәйдә кешенең гомере кыска дип лаф орабыз* (Т. Галиуллин). *Укучылар бер атнадан синнән баш тартырлар, надан дип, я инспектор куып чыгарыр, беләмсез дип* (Т. Галиуллин).

Сыйфат яисә рәвеш белән фигура арасындагы төгәлләүле мөнәсәбәтне **кебек**, **шикелле**, **сыман**, **төсле**, **күрә**, **киләш**, **көе**, **рәвештә** бәйләкләре белдерсә, иярүче сүз ияртүче фигура белән белдерелгән процессның үтәлү ысулын ачыклап килә. Шулай ук вакытта иярүче компонент процесс объектының яисә башкаручысының сыйфатын да белдерергә мөмкин: *Ике елдан бирле хәбәрә булмаган ире Фатих исән-саудыр төсле булып тоелды* (Ә. Еники). *Гасыым Сәләхович та шәрә килеш диярлек киң караватының читенә таянып, күзләрен дә ачарга иренеп, тик кенә утыра* (Ә. Еники). *Жыйнак гәүдәсе без белмәгән сөенчтән калтырый, тере килеш кайнар табага эләккән чабак төсле сикеренә, үрсәленә* (Т. Галиуллин). *Динчә һәм имтомчыларның мәкерлеге тагын шунда: алар өйдән өйгә кереп йөреләр, (...) барысын да астыртын рәвештә, битлек киеп эшлиләр* (Г. Әпсәләмов). *Тирә-якта бөтен нәрсә шыксыз (...), йомры жылкәләренә мәрмәр кебек ап-ак булуы белән мактангандай, ярым шәрә көе басып торган өй хужасын да Мәдинә бөтенләй башка күз белән күргән шикелле булды* (М. Хәсәнов). *Өстәвенә, аның бу йөзгә беренче карашка шактый кырыс кебек күренә* (М. Хәсәнов).

**Дәрәжәдә** бәйләк сүзгә кайбер сыйфат һәм рәвеш белән фигура арасындагы төгәлләүле мөнәсәбәтне белдерә торган чара булып тора. Бу очракта иярүче сүз процесс үтәлүенең күләм-дәрәжәсен ачыклай: *Ә ничек шундый югары дәрәжәгә иреште икән соң ул?* (Т. Галиуллин).

Урын рәвешләре белән фигура арасындагы төгәлләүле мөнәсәбәтне **таба** бәйләк сүзгә дә белдерә ала, һәм иярүче компонент процессны үтәлү юнәлеше ягыннан төгәлләндерә: *Бу баскычлардан ул чакта мин югарыга таба менгән идем* (Н. Дәүли). *Милиционерлар һаман бирегә таба килеп торалар* (Н. Дәүли).

Димәк, сыйфат яисә рәвеш белән фигура арасындагы төгәлләүле мөнәсәбәтне **итеп**, **булып**, **дип**, **кебек**, **шикелле**, **сыман**, **төсле**, **күрә**, **киләш**, **көе**, **рәвештә**, **дәрәжәдә**, **таба** бәйләк һәм бәйләк сүзләре тормышка ашыра. Бу вакытта иярүче фигура белән белдерелгән процессның үтәлү ысулы, рәвеше, юнәлеше, күләм-дәрәжәсе белдерелә. Шулай

ук, мисаллардан күренгәнчә, процесс объектының яисә башкаручысының билгесе, сыйфаты да ачыкланырга мөмкин.

### **Әдәбият**

Ахметьянов Р.Г. Служебные слова арабско-персидского происхождения в татарском языке / Р.Г.Ахметьянов // Исследования по лексике и грамматике татарского языка. – Казань, 1986. – С. 47-54.

Гарифуллин С.Ф. Из истории изучения послелогов (дооктябрьский период) / С.Ф.Гарифуллин // Исследования по лексике и грамматике татарского языка. – Казань, 1986. – С. 38-46.

Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка / М.З.Закиев. – Казань: Изд-во КГУ, 1963. – 464 с.

Мухаммадиев М.Г. Послелогии и служебные имена в татарском языке / М.Г.Мухаммадиев // Конференция по татарскому языкознанию, посвященная 50 летию СССР. – Казань: КГПИ, 1972. – С. 47-50.

Татарская грамматика: в 3 т. – Казань: Татар.кн.изд-во, 1995. – Т. III. – 576 с.

Тумашева Д.Г. Хәзерге татар әдәби теле: Морфология / Д.Г.Тумашева. – Казан: ҚДУ нәшр., 1964. – 300 б.

## **От интерпретации заголовочного концепта к концептуальному содержанию повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...»**

*концептуальный анализ художественного текста, тишина,  
Борис Васильев*

Повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» (1969) – уникальное прозаическое произведение, в художественной форме воссоздающее и ретранслирующее экзистенциальный опыт столкновения двух миров – женщин и войны. Крайне важно, что повесть была написана и опубликована почти через четверть века после окончания ВОВ, что неизбежно повлияло и на манеру повествования, и на глубокий символизм и метафоричность внутритекстовой реальности.

Традиционный сюжетный анализ в данном случае не раскрывает полноты эстетического содержания повести, в структуре которого концептуальное художественное осмысление тишины имеет важное значение: в рамках художественного дискурса в слове, функционирующем как элемент текста, актуализируются особые смысловые связи с системой индивидуально-авторских представлений и культурных ценностей (концептосфера языка).

Говоря о концептуальном наполнении слова, А.Вежбицкая использует термины концепт-минимум (предполагающий неполное владение смыслом слова) и концепт-максимум (полное владение, свойственное рядовому носителю языка) [Wierbicka 1985]. В данном случае под полнотой овладения смыслом слова понимается сложившийся, сущностно завершенный образ во всей полноте когнитивных и коммуникативных внутриязыковых и внутрикультурных валентностей, формирующийся в результате разнородных и разнообразных употреблений. Если перенести это на анализ концептуального содержания художественного текста, то концепт-минимум – это содержание и объем представления о концепте на входе (до чтения: на уровне чтения заголовка и/или на уровне сюжетного знакомства с текстом), а концепт-максимум – на выходе (после чтения и углубленной работы над пониманием художественного целого).

Заголовок, будучи сильной текстовой позицией [Арнольд 2004] и занимая отправной участок линейного пространства в тексте, обладает свойством обязательности, которое обуславливает его эффективность при привлечении читательского внимания и определении вектора последующих приращений смысла. Специальная работа с концептуальным содержанием заголовка при этом становится импульсом для перехода от минимальных до максимальных представлений и чаще всего

поддерживается структурой текста: так, вынесенный в название повести Б.Васильева ключевой образ становится отправной точкой в процессе понимания текста и эффективно направляет стратегию интерпретатора, наряду с хронотопом (обращенный к частному и негероическому опыту войны сюжет повести «А зори здесь тихие...» словно вынесен за скобки значимых исторических баталий, в некое вневоенное пространство).

Ключевой образ тишины заявлен в названии повести на лексическом уровне с помощью прилагательного «тихие», согласованного с существительным «зори», и таким образом не привлекает к себе особенного внимания, поскольку писатель использует устоявшийся в языке эпитет 'тихие', характеризуя зори карельской глуши, избегая словотворчества, а также на синтаксическом – название начинается с противительного союза «а», формируя оппозиционное художественное пространство, 'тихие' является в данном случае предикатом, занимая рематическое положение в высказывании и усиливая оппозицию («[там не тихие], а ... *здесь тихие*» – курсив и выделение наши – А.С., К.Л.). Кроме того, тишина присутствует и на фонетическом уровне в заглавии повести Б.Васильева, что подкрепляется и пунктуационным знаком: многоточие усиливает недосказанность, становится знаком умолчания, исходя из его лексикографического описания. Таким образом, в заглавии повести с помощью средств разных уровней языка объективизированы ключевые значение концепта: «беззвучие» / «бессобытийность», «покой», «умолчание» / «предчувствие (иного)».

В Словаре русской ментальности установочное определение 'тишины' как полного отсутствия звуков уточняется за счет указания на «неопределенное беспокойство, чреватое новыми осложнениями, если человек настороже и ощущает опасность («в тихом омуте черти водятся»)» [Колесов 2014], а также расширяется в герменевтическом толковании, возводящем тишину до уровня атрибута, который психологически и метафизически характеризует и «противопоставляет Россию западным народностям» [там же]. В качестве признаков концептума в словаре представлены определения, которые также отражают два противоположных оттенка значения: первый из которых связан с экзистенциальным пониманием тишины как знака покоя и мира, и противоположный ему смысл – знак смерти.

Проведенный анализ концептуального содержания образа «тишины» в повести был направлен на рассмотрение спектра вербальной объективации концепта, вынесенного в заглавие, и над-сюжетное понимание текста. Работа с текстом повести Б.Васильева обнаруживает вербальную реализацию всех установленных выше признаков концепта «тишина» (56 предъяснений, включая повторы). Тишина становится атрибутом речемыслительной, эмоциональной и физической деятельности персонажей повести: исходя из общего количества предъяснений чаще всего лишается или теряет звуковое выражение именно речевая дея-

тельность (17), которая в обыденном проявлении обличена в звуковую форму, так же, как и физическая активность субъекта (14). В тексте актуализированы не только физико-акустическое свойство феномена тишины, но ее экзистенциальная и символическая наполненность: при описании природы карельской глуши, с одной стороны, поглощающей трагизм происходящего (11), с другой – неизменно его сопровождающей (7).

В отдельных случаях в повести «А зори здесь тихие...» тишина выступает синонимом тайны (3), что восходит к содержанию этого слова в латинском языке, где смыслы тишина и тайна имели общую форму [Большой], тишина же становится знаком приобщения к сакральному в сценах вымышленного лесоповала и разведки (4), что, в свою очередь, также апеллирует к семантике латинского (обет молчание пифагорейцев [там же]).

Пронизывающая повесть экзистенциальная тишина (как особенность поведения персонажей по обе стороны фронта, как характеристика хронотопа и попытка мифологизировать сюжет) любопытным образом «перебивается» языковыми средствами объективации концепта 'молчание', имеющего в тексте экспрессивное и эмоциональное значение; кроме того, семантика тишины усложняется за счет включения концепта высшей формы тишины и молчания – 'безмолвия'. С опорой на тезис С.Сонтаг о том, что безмолвие отсылает к своей противоположности и зависит от нее [Сонтаг 2018], можно сказать, что безмолвие становится еще одним пронзительным образом, дополняющим смыслы тишины в повести.

На примере расширительного анализа заголовка и повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...» мы стремились показать возможности и стратегии работы с концептуальным содержанием заголовка. По нашему глубокому убеждению, работа со смыслами, заключенными в тексте и нашедшими конкретное языковое и/или образное выражение, направлена на декодирование не только авторского замысла, но и нематериального содержания культуры, заключенного в концептах.

## Литература

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В.Арнольд. – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С.69-70.

Большой латинско-русский словарь / по материалам словаря И.Х.Дворецкого // URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/index.php> (дата обращения: 12.01.2020).

Васильев Б. А зори здесь тихие... / Б.Васильев // Militera.lib.ru: Проект «Военная литература». URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/vasilyev1/index.html> (дата обращения: 12.10.2019).

Колесов В.В. Словарь русской ментальности: в 2 т. / В.В.Колесов, Д.В.Колесова, А.А.Харитонов. – СПб.: Златоуст, 2014.



Сонтаг С. Эстетика безмолвия / С.Сонтаг // Сонтаг С. Образцы безоглядной воли / С.Сонтаг. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. – С.7-44.

Wierzbicka A. Different cultures, different languages, different speech acts: Polish vs. English / A.Wierzbicka // Journal of Pragmatics. – 1985. – Vol. 9. Iss. 2-3, – Pp. 145-178.

## **Специфика использования онтологических метафор в исторической нон-фикшн литературе**

*концептуальная метафора, онтологическая метафора, английский язык,  
научно-популярная литература, нон-фикшн*

Настоящая статья представляет собой комплексный анализ англоязычных текстов в жанре «исторический нон-фикшн», содержащих онтологическую метафору. Целью данного исследования является выявления особенностей реализации концептуальной метафоры в контексте исторической нон-фикшн литературы и оценки степени метафоризации данных текстов, сопоставление полученных данных с результатами проведенных исследований на материале текстов другой жанровой принадлежности.

Актуальность данного исследования обусловлена возросшим интересом современного общества к научно-популярной литературе, в том числе в жанре «исторический нон-фикшн». В настоящее время исследователи и популяризаторы науки имеют свою целевую аудиторию и используют различные форматы передачи информации, однако их объединяет язык метафоры, который проникает в терминологическую систему и является неотъемлемым для построения научной картины мира.

Метафора основана на взаимодействии «когнитивной структуры «источника» (sourcedomain) и когнитивной структуры «цели» (targetdomain)» [Лакофф 2004: 9]. Метафора в научно-популярном тексте помогает читателю структурировать полученные знания. Отсюда особое положение в текстах литературы нон-фикшн занимают онтологические метафоры, которые являют своего рода проекцию свойств реальных предметов на абстрактные сущности и «необходимы для попыток рационального осмысления нашего опыта» [Лакофф 2004: 50], в том числе «различных аспектов ментального опыта» [Лакофф 2004: 53].

Обращение к текстам жанра «исторический нон-фикшн» в качестве практического материала для исследования мотивировано значимостью метафоры и изучения ее функционирования в рамках исторического текста, поскольку метафора представляется в качестве связующего звена для создания некоего целостного исторического образа и нарратива. В рамках данного исследования мы обратились к анализу текстов работ историка-медиевиста Юваля Ноа Харари и американского эволюционного биолога и физиолога Джарета Мейсона Даймонда, написанных в жанре «исторический нон-фикшн»: “Sapiens: A Brief History of Humankind” [Harari 2014] (рус. «Sapiens: Краткая история человечества») и “Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies” [Diamond 1999] (рус.

«Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ»). Выбор данных книг в качестве текстов для анализа предоставляет богатый материал для исследования. Объем анализируемых отрывков не превышал 700 слов, количество отрывков составило 5 единиц на каждое произведение. Общий объем составил 3500 слов.

Для отбора практического материала мы использовали процедуру идентификации метафоры (“metaphor identification procedure” – MIP) [Pragglejaz Group 2007], которая была позже развернута в монографии “A method for linguistic metaphor identification: from MIP to MIPVU” [Steen 2010]. Данная процедура позволяет установить возможность описания языковых единиц в рамках дискурса как метафорических, фигурирующих в конкретном контексте. К достоинствам MIP относятся понятные критерии отбора образных единиц языка, которые представлены в виде пошаговой инструкции распознавания метафор в тексте: на первом этапе необходимо прочитать и осмыслить анализируемый текст; на втором – выявить лексические единицы в тексте; на третьем – установить контекстуальное значение языковых единиц с учетом их лексического окружения, а также определить современное базовое значение каждой единицы. В рамках данного этапа следует выяснить, насколько контекстуальное значение лексической единицы контрастирует с её так называемым «базовым значением» (“basicmeaning”); на заключительном этапе языковая единица считается метафорической в том случае, если её базовое значение диссонирует со значением контекстуальным [Pragglejaz Group 2007: 3].

Опираясь на процедуру идентификации метафоры, коллектив ученых провел исследование на материале родственных языков (английского и нидерландского), которое охватило тексты, относящиеся к четырем различным стилям: художественному, академическому, разговорному и публицистическому. Выборка составила 50 тыс. слов для каждого стиля, источником для выборки на английском языке послужил Британский национальный корпус [Steen 2010: 22]. В результате проведенного анализа процентное соотношение метафоризированного текста к неметафоризированному составило около 18% процентов для академического, 7% – для разговорного, 11% – для художественного и 15% – для публицистического стилей [Steen 2010: 195]. Мы использовали данные представленного выше анализа для сопоставления с результатами, полученными в рамках нашего исследования на материале текстов жанра «исторический нон-фикшн».

Кроме того, теоретико-методологической базой данного исследования является теория концептуальной метафоры (СМТ) Дж. Лакоффа и М.Джонсона, в рамках которой различаются метафоры структурные («когда один концепт метафорически структурирован в терминах другого» [Лакофф 2004: 35]), ориентационные или пространственные («придают концепту пространственную ориентацию» [ibid]) и онтологи-

ческие («способы восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т.п., как материальных сущностей и веществ» [Лакофф 2004: 49]). Последние являются объектом нашего исследования: с помощью онтологической метафоры мы рассуждаем об абстрактных вещах как об автономных сущностях, что позволяет рационально осмыслить полученный нами опыт. В связи с этим мы можем говорить о персонификации как об одном из самых очевидных случаев реализации онтологической метафоры.

Рассмотрим наиболее яркие примеры функционирования онтологической метафоры в тексте:

Персонификация: Hence **this chapter will offer** a whirlwind tour of human history on all the continents, for millions of years, from our origins as a species until 13,000 years ago (глава «предложит» отправиться в головокружительное путешествие); One would certainly assume that **the colonization of Asia also permitted** the simultaneous colonization of Europe, since Eurasia is a single landmass not bisected by major barriers (колонизация «позволила») [Diamond 1999: 35-37]; **The most commonly believed theory argues** that accidental genetic mutations changed the inner wiring of the brains of Sapiens, enabling them to think in unprecedented ways and to communicate using an altogether new type of language (теория «утверждает»); **The period** from about 70,000 years ago to about 30,000 years ago **witnessed** the invention of boats, oil lamps, bows and arrows and needles (essential for sewing warm clothing) (период «засвидетельствовал») [Harari 2014: 27-28].

Онтологическая метафора сущности и субстанции: **a whirlwind tour of human history** (рассмотрение истории как стихии или силы природы), **the earliest stages of human evolution were also played out** in Africa (эволюция как пьеса или театрализованное представление) [Diamond 1999: 35-37]; **the Sapiens eventually retreated, leaving the Neanderthals as masters** of the Middle East (миграция как военная операция); Most researchers believe that **these unprecedented accomplishments were the product of a revolution in Sapiens' cognitive abilities** (достижения как результат революционных (кардинальных) изменений) [Harari 2014: 27-28].

Результаты исследования показали, что преобладающими являются персонификация (55%), а также метафоры сущности и субстанции (41%). Это может объясняться особенностью подачи информации в текстах жанра исторический нон-фикшн, где важными представляются рационализация и осмысление событий и опыта прошлого через призму их автономии. Особенностью проанализированных отрывков стало то, что степень их метафоризации варьировалась от 10 до 15%. Полученные показатели близки к показателям художественного и публицистического стилей [Steen 2010: 195], особенности которых объединяет в себе жанр нон-фикшн.

## Литература

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Дж.Лакофф, М.Джонсон; под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Diamond J. Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies / J.Diamond. – London: W.W. Norton & Company, 1999. – 496 p.

Harari Y.N. Sapiens: A Brief History of Humankind / Y.N.Harari. – McClellanStewart, 2014. – 427 p.

Pragglejaz Group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // Metaphor and Symbol. – 2007. – 22 (1). – Pp.1–39.

Steen G.J. et al. Method for Linguistic Metaphor Identification: from MIP to MIPVU / G.J.Steen [et al.]. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. – 253 p.

**Тимерханов Айнур Ахатович**  
Болгарская исламская академия  
Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова  
Академии наук Республики Татарстан  
УДК 811.512.145

## **Современный лексикографический ландшафт Татарстана (на примере новых словарей татарского языка)**

*татарский язык, английский язык, национальная лексикография, толковый словарь, орфоэпический словарь, татарско-английский словарь*

Татарская национальная лексикография обладает многовековыми традициями, богатым теоретическим и практическим опытом, которые обеспечивают надежный фундамент для успешной реализации ряда новых, в том числе масштабных, проектов в области традиционной и электронной лексикографии на современном этапе. Эти труды в значительной мере формируют современный лексикографический ландшафт Татарстана, который представлен прежде всего словарями татарского языка для общих и специальных целей, разрабатываемыми на базе отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Татарстана, в том числе ряд из них при непосредственном участии автора статьи [Татар теленең 2005: 848; Татар теленең 2013:510; Русско-татарский 2014: 551; Татарча-русча-инглизчә 2014: 512; Англо-русско-татарский 2015: 239; Сафина 2018: 184; Галимова 2019: 204 и др.].

В данной статье предлагается краткий обзор некоторых новейших лексикографических разработок. В линейке нормативных словарей – кодификаторов норм современного словоупотребления – следует выделить 6-томный *Толковый словарь татарского языка*, пять томов которого уже изданы в 2015–2019 гг. [Татар теленең 2019: 908], а электронная версия, наряду с более чем тридцатью словарями татарского языка, размещена в открытом доступе на платформе Tazetсайта Академии наук Татарстана. Данный словарь впитал в себя лучшие традиции тюрко-татарской и общей лексикографии, восходя в своих основополагающих принципах составления к трехтомному *Толковому словарю татарского языка* 1977–1981 годов издания – наиболее успешному в своем роде лексикографическому опыту советского и постсоветского периода в масштабах как национальной, так и всей тюркской лексикографии, давшему в свое время толчок к аналогичным разработкам по другим тюркским языкам.

Вместе с тем он представляет новое поколение нормативного словаря толкового типа, включающего в полной версии около 80 тысяч слов и фразеологических единиц и отражающего наиболее полную палитру основного словарного фонда, лексико-фразеологического и паремиоло-

гического богатства татарского языка. Словарь отличается наиболее полной фиксацией и лексикографическая интерпретация большого лексического пласта сложных составных единиц именной и глагольной природы с высоким функциональным маркером, которые, ввиду слабой теоретической разработанности их статуса, до недавнего времени выпадали из орбиты лексикографической паспортизации. Между тем, как показывает исследовательский опыт, количество, например, только составных глаголов может достигать нескольких сотен тысяч единиц.

В числе лингвистических словарей нормативно-предписывающего типа особое место занимают орфографический и орфоэпический [Татар теленең 2019: 156] словари. Вопросы татарской орфографии периодически находят освещение в отдельных публикациях [Абдуллина 2009: 239; Тимерханов 2015: 9] и в словарях [Сәлимов 1995: 124; 2004: 194; Татар теленең 2017: 423]. Тем не менее, современный уровень и динамика развития татарского языка, реалии его применения указывают на важность последовательного и системного решения проблем орфографии, на что и нацелен готовящийся к изданию совместный лексикографический труд академических и вузовских специалистов.

Важный шаг в направлении обобщения большого теоретического и практического материала в области татарской орфоэпии и акцентологии, также в известной степени и орфографии сделан в рамках разработки нового орфоэпического словаря татарского языка [Сәфәров 2019: 156], который включает около 4600 слов, описанных с учетом всех имеющихся и возможных трудностей в их произношении и постановке ударения, в том числе с фиксацией таких трудностей на уровне полных грамматических форм вокабулы.

Положительные характеристики словаря связаны с применением более совершенной и адаптированной к особенностям татарской фонетики системы символов фонетической транскрипции; избирательным применением транскрипции в отношении проблемных зон лексемы при полной подаче грамматических форм; последовательной фиксацией орфоэпических вариантов, в том числе при описании заимствованной лексики (арабизмов, персизмов, русизмов и европеизмов) как наиболее проблемной части татарского словаря с точки зрения правописания и произношения, как и постановки ударения вследствие его подвижности.

Впервые в национальной лексикографии в 2019 г. увидел свет *Словарь трудностей татарского языка* [Сабитова 2019: 184], включающий около 1400 вокабул. В словаре на конкретных примерах из художественной литературы, публицистики, интернет-источников системно описаны многочисленные случаи нарушения норм татарского литературного языка, связанные с правописанием, употреблением лексики, раскрыты их причины, приведены правильные варианты, сопровождаемые полной парадигмой грамматических форм. Примечательно, что в качестве вокабул, наряду с лексикой, вызывающей трудности употреб-

ления, целенаправленно отобранные, описаны и ошибочные формы с последующим обоснованием и указанием на корректные варианты их употребления. Словарь представляет несомненную практическую ценность.

Серьезным достижением в направлении развития национально-иностранной учебной лексикографии стало появление *Татарско-английского, англо-татарского словаря* [Тимерханов 2018: 544], который продолжает и существенно развивает предыдущий опыт в данном направлении [Тимерханов 2014: 512; Сафиуллина 2014: 504]. С расчетом охватить иноязычную аудиторию пользователей, не владеющих кириллицей, включая представителей татарской диаспоры за рубежом, словарь издан также в полной версии на латинице [Тимерханов 2018: 528], снабженной подробно разработанной таблицей звуко-буквенных соответствий татарского алфавита на кириллице и латинице.

Каждый из двуязычных словарей насчитывает около 25 тысяч слов и выражений, включая 2 тысячи фразеологических единиц, которые отобраны с целью охватить все актуальные тематические поля современной повседневной коммуникации, при этом сделан большой акцент на описание культурно-исторических реалий, наиболее ярко раскрывающих жизнь представителей татарской и английской лингвокультур. Словарь, несомненно, предлагает объемный добротный языковой материал, который представляет практическую ценность, будет полезен также в контексте расширения и совершенствования электронных программ и баз данных, связанных с развитием информационных технологий, в том числе машинного перевода.

В целом лексикография, в том числе татарская лексикография, как и все сферы научного познания и человеческой жизнедеятельности, развивается в направлении значительного расширения своих рамок, круга описываемых объектов за счет обращения к потенциалу междисциплинарных связей, все более интенсивного освоения возможностей инфокоммуникационных технологий и нацеленности на максимальное удовлетворение запросов пользователей, что в совокупности ведет к стремительному развитию электронной лексикографии в самых разных ее формах и масштабах, открывая в то же самое время огромное пространство и для компиляций в разных целях. Между тем, компьютерные технологии могут дополнять, но никак не ставить под сомнение авторитетность, существование и потенциал развития классических печатных словарных изданий, отражающих и преумножающих многовековые лексикографические традиции.

### Литература

Абдуллина Р.С. Хэзерге татар теленең орфографиясе һәм орфоэпиясе / Р.С.Абдуллина. Казан: Мәгариф, 2009. – 239 б.

Англо-русско-татарский словарь компьютерных терминов / [сост. А.А.Тимерханов, Ф.И.Тагирова, Р.Т.Сафаров; научн. ред.: Д.Ш.Сулейманов, А.А.Тимерханов]. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. – 239 с.



Галимова О.Н. Балык атамаларының татарча-русча-латинча аңлатмалы сүзлеге [= Татарско-русско-латинский толковый словарь ихтионимов] / О.Н.Галимова. – Казан: ТӘҺСИ, 2019. – 204 б.

Русско-татарский словарь актуальной лексики [= Русча-татарча актуаль лексика сүзлеге]: ок. 5500 слов / [авт.-сост. Р.Р.Абдуллина и др.]. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014.– 551 с.

Сабитова И.И. Татар теленең кыенлыклар сүзлеге / И.И.Сабитова, Э.И.Сафина, Ф.И.Таһирова. – Казан: ТӘҺСИ, 2019. – 184 б.

Сафина Э.И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеге [= Татарско-русско-латинский словарь орнитонимов] / Э.И.Сафина. – Казан: ТӘҺСИ, 2018. – 184 б.

Сафиуллина Г.Р. Инглизчә-татарча сүзлек / Г.Р.Сафиуллина. – Казань: Изд-во Казан. унта, 2014.– 504 с.

Сәлимов Х. Татар теленең орфоэпик сүзлеге [= Орфоэпический словарь татарского языка] / Х.Сәлимов.- Чаллы: КАМАЗ, 1995. – 124 б.

Сәлимов Х.Х. Татар теленең орфографик-орфоэпик сүзлеге [= Орфографическо-орфоэпический словарь татарского языка] / Х.Х.Сәлимов. – Казан: Яңалиф, 2004. – 192 б.

Сәфәров Р.Т. Татар теленең орфоэпик сүзлеге / Р.Т.Сәфәров, А.Ә.Тимерханов, О.Н.Галимова; фәнни ред. Р.Т.Сәфәров. – Казан: ТӘҺСИ, 2019. – 156 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / Баш ред. проф. Ф.Ә.Ганиев. – Казан: «Матбугат йорты» нәшрияты, 2005. – 848 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. V том: С–Т (= Толковый словарь татарского языка). – Казан: ТӘҺСИ, 2019, 908 б.

Татар теленең мәктәпләр өчен аңлатмалы сүзлеге [= Школьный толковый словарь татарского языка]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. – 510 б.

Татар теленең орфографик сүзлеге: Сүзлек. Морфологик-орфографик белешмәлек: якынча 46 000 сүз / төз.: К.Р.Галиуллин, Р.И.Раскулова; фәннимөх Г.Р.Галиуллина. – Тулыл. 2 нче басма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2017. – 423 б.

Татарча-русча-инглизчә мәктәп сүзлеге [=Татарско-русско-английский школьный словарь] / төз.: А.Ә.Тимерханов, С.Ф.Гарифуллин; фәнни ред., кереш мәкалә, кушымта авторы А.Ә.Тимерханов. – Казан: Мәгариф – Вакыт, 2014. – 512 б.

Тимерханов А.Ә. Татарча-инглизчә, инглизчә-татарча сүзлек (Татарско-английский, англо-татарский словарь) / төз.: А.Ә.Тимерханов, Г.Р.Сафиуллина; фәнни ред, кереш мәкалә авторы А.Ә.Тимерханов. – Казан: ТӘҺСИ, 2018. – 544 б.

Тимерханов А. Язылышта сүзнең язмышы ... / А.Тимерханов, Р.Сәфәров // Мәдәни жомга. – 2015. – № 38. – 9 б.

Timerханov A.Ä. Tatarça-İnglizçä, İnglizçä-tatarça süzlek (=Татарско-английский, англо-татарский словарь на латинице) / töz.: A.Ä. Timerханov, G.R. Safiullina; fänni red., kereş mäqalä avtorı A.Ä. Timerханov. – Qazan: TÄhSİ, 2018. – 528 b.

## **Предметно-характеризующие значения в отглагольных субстантивах русского и татарского языков**

*словообразование, дериват, семантика, субстантив, глагол*

Возможности глагола как мотивирующей основы заложены в синтагматическом характере проявления его семантики, детализирующей отношения субъекта и объекта действия. Наиболее показательными в этом случае являются отглагольные субстантивы, наличествующие в русском и татарском языках. Реализуя какой-либо компонент глагольной семантики, представленный в ней обобщенно, а именно в виде направленности (на субъект, объект, место, орудие действия и т.п.), субстантивы сохраняют с глаголом тот тип отношений, который предопределяется данной направленностью.

По мнению З.И.Резановой, это только подтверждает правомерность прямого соотношения отглагольных существительных предметного значения с семантическими компонентами базовых глаголов: «Возможность установления мотивационных словообразовательных отношений в этих случаях основывается на частичном пересечении существующего и создаваемых значений» [Резанова 1991: 55].

В русском и татарском языках глагол может выступать в качестве производящей базы для имен существительных, прилагательных, глаголов и наречий. Однако в татарском языке словообразовательных значений, реализуемых в сфере отглагольной деривации, гораздо меньше, чем в русском. Соответствующие словообразовательные типы характеризуются меньшей продуктивностью и регулярностью.

Если при мотивации имен существительных прилагательными, существительными и числительными общее предметно-характеризующее значение конкретизируется в словообразовательных типах только как принадлежность к определенному предметно-тематическому классу (например, значения «лицо», «неодушевленный предмет», «место, пространство», «вместилище», «совокупность предметов»), то для мотивации глаголами, то есть для общего значения «носитель процессуального признака», характерна двойная конкретизация. Наряду с предметно-тематической конкретизацией (ряд значений «лицо», «конкретный неодушевленный предмет», «животное», «место, помещение», «вещество или совокупность предметов») здесь имеет место конкретизация отношения предмета, называемого отглагольным существительным, к процессу (действию или состоянию), названному мотивирующим глаголом (ряд значений «производитель действия», «орудие, средство со-

вершения действия», «объект или результат действия»). Оба ряда конкретизаций пересекаются.

Учитывая вышеперечисленные классификации производных существительных с мутационным типом словообразовательного значения, нами была предпринята попытка выявить и систематизировать русско-татарские соответствия в сфере отглагольной деривации.

В русском и татарском языках от глагольных основ образуются существительные с разными значениями. Универсальными для обоих языков являются субстантивы со значением лица (по характерным процессуальным признакам) и предмета со значением «носитель процессуального признака, названного производящей основой».

В центре нашего исследования находятся отглагольные существительные с общим значением «наименования предметов». В русском языке их семантическая структура характеризуется бóльшим разнообразием. Рассмотрим более детально русско-татарские корреляции.

1) Названия предметов (орудий, приспособлений, машин) по функции, предназначению, по способности к чему-либо: *рыхлить* – *рыхлитель* (*кәпшәкләндәргеч*), *проявить* – *проявитель* (*ачыгайткыч*), *распылять* – *распылитель* (*бәркегеч*), *глушить* – *глушитель* (*тавышйоткыч*), *подогревать* – *подогреватель* (*жылыткыч*), *указать* – *указатель* (*күрсәткеч*), *усилить* – *усилитель* (*көчәйткеч*), *очистить* – *очиститель* (*чистарткыч*), *кипятить* – *кипятильник* (*кайнаткыч*), *холодить* – *холодильник* (*суыткыч*), *морозить* – *морозильник* (*суыткыч*), *резать* – *резец* (*кикеч*), *резать* – *резак* (*чалгыч*), *черпать* – *черпак* (*чүмеч*), *тесать* – *тесак* (*юңгыч балка*), *стоять* – *стояк* (*терәк*), *колоть* – *колун* (*калынбалта*), *ползти* – *ползун* (*шудырма*), *шатать* – *шатун* (*шатун*), *скрести* – *скребок* (*кыргыч*), *прясть* – *прялка* (*жәпәрләгеч*), *сушить* – *сушилка* (*киптергеч*), *зажигать* – *зажигалка* (*уткабызгыч*), *точить* – *точилка* (*кайдак*, *янавыч*).

Словообразовательная структура татарских существительных с данным значением в своем большинстве аналогична структуре русских эквивалентов, например: *кыру* (*тереть*) – *кыргыч* (*терка*), *күрсәтү* (*указать*) – *күрсәткеч* (*указатель*), *кисү* (*резать*) – *кискеч* (*резец*). При выражении данного словообразовательного значения в татарском языке используется аффикс *-кыч(-кеч)* / *-гыч(-геч)*, реже *-ма* / *(-мә)*. Они соответствуют разнообразным словообразовательным формантам в русском языке: *нагреватель* (*жылыткыч*), *холодильник* (*суыткыч*), *мешалка* (*болгаткыч*).

2) Словообразовательное значение «неодушевленный предмет – субъект действия» не находит выражения в татарском языке, и производные имена существительные с данным типом значения представляют собой непродеривированные лексические единицы или же передаются описательными конструкциями: *мыть* – *мыло* (*сабын*), *покрывать* – *покрывало* (*юрган*, *япкыч*), *поить* – *пойло* (*ашлы су*).

3) В обоих языках от глагольных основ образуются существительные со значением «предмет, являющийся результатом или объектом действия»: *подарить – подарок (бүләк), обрубить – обрубок (кискә, бүкән), обрезать – обрезок (кисенте, кыйпык), отпечатать – отпечаток (эз)*. В русском языке данное значение чаще всего передается при помощи суффикса *–ок (слепок)*, в то время как существительные в татарском языке являются либо непроизводными (*эз*) либо передаются описательными конструкциями (*слиток – коелмакисәк, кипяток – кайнар (кайнаган) су*). Среди татарских слов с этим значением встречаются эквивалентные русским конструкции: *кисү (обрубить) – кискә (обрубок); бүлү(делить) – бүлек (раздел)*.

При эквивалентности словообразовательных структур татарские производные могут иметь специфическую внутреннюю форму, а именно другую, отличную от русской мотивирующую базу: *бүләк (подарок) от бүлү (делить), имезлек(соска) от имезү (кормить грудью)*.

4) Для выражения значения «помещение, место совершения действия» в русском языке используются суффиксы *-лк(а), -ловк(а), -льн(я), -ищ(е)/-лищ(е), -ок, -л(о), -ниц(а), -тель*: *париться – парилка (чабынубүлмәсе), хранить – хранилище (саклауурыны), зимовать – зимовник (кышлак), катать – каток (шугалак), раздевать – раздевалка (чишенүбүлмәсе), гостить – гостиница (кунакханә), караулить – караульня, жить – жилище (торақ), вместить – вместилище (сыем), молотить – мельница (тегермән), класть – кладовка (саклауурыны), беседовать – беседка (беседка)*.

В татарском языке данное значение не находит столь последовательного выражения, и чаще всего здесь используется описательный способ с опорным компонентом *бүлмә (комната), урын (место)*: *спальня – йокыбүлмәсе, хранилище – саклауурыны, курилка – тәмәкетартубүлмәсе*. При более широком обозначении места возможны и структурные соответствия: *стоять (тору) – стойбище (торақ), зимовать (кышлау) – зимовище (кышлак)*.

5) Слова со значением «названия веществ, материалов, напитков, блюд по действию» передаются на татарский язык при помощи аффиксальных средств: *настоять – настойка (тәнәтмә), заквасить – закваска (оеткы, ачиткы), пить – напиток (эчемлек), лепить – лепешка (жәймә, кәлчә, юка), наливать – наливка (тәнәтмә)*. При этом может использоваться иная словообразовательная база: *жәймә(лепешка) от жәю(раскатывать, стелить)*.

Ряд татарских эквивалентов является непроизводными лексическими единицами: *варево – өйрә, шулпа; курево – тәмәке*, а некоторые, не находя соответствий в лексической системе татарского языка, заимствуются: *запекать – запеканка (запеканка)*.

Лингвометодический потенциал отглагольных дериватов русского языка обусловлен экстралингвистическим компонентом их семантики,

которая, как правило, является идиоматичной. «Семантика мутационных производных отражает связь со значением производящего слова, а в основе такой номинации лежит суждение об окружающем мире, т.е. определенная когнитивно-пропозициональная (когнитивно-семантическая) структура [Красильникова 2011: 150].

Итак, сопоставительный анализ русских отглагольных субстантивов с мутационным типом словообразовательной семантики и их татарских соответствий показал, что в обоих языках для выражения определенной группы значений используются деривационные средства. Однако большая часть русских производных слов передается на татарский язык описательными конструкциями (перифрастическими оборотами) или непроизводными лексическими единицами. Они призваны компенсировать отсутствие в татарском языке аналогичных дериватов и представляют собой словесную характеристику предмета по исходным его признакам.

### **Литература**

Красильникова Л.В. Словообразовательный компонент коммуникативной компетенции иностранных учащихся-филологов: на материале суффиксальных существительных: монография / Л.В.Красильникова. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 360 с.

Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования. Русское производное имя / З.И.Резанова. – Томск, 1996. – 218 с.

**Татаризмы в чувашском языке:  
новоустановленные лексические единицы**

*чувашский язык, татарский язык, языковые контакты*

Сложилось мнение, что в чувашском языке татарских заимствований не так уж и много: «Как бы тщательно ни анализировали мы словарный состав чувашского языка, все же не найдем в нем более 120–150 татарских слов, включая сюда и арабские, и персидские слова...» [Егоров 1971: 18]. Последующие исследования позволили установить еще 328 татарских заимствований [Егоров 1986: 4–84].

Обращение внимания на периферийные лексические явления – абсолютные агнонимы – увеличило число татаризмов в чувашском языке более чем на двести единиц. См. примеры новоустановленных татаризмов в чувашской агнонимичной лексике:

*асăк* [áзък] из тат. *азык* ‘корм, фураж, прикорм, корма’. *Сыснана асăк та килёшмест* [Ваттисен сăмахёсем. Шупашкар, 2007. С. 76] ‘Свинье и асăк не нравится’;

*ашшавлик* [аш:авл’йк] из тат. *ашаулык* ‘кушанье, еда’, фольк. ‘скатерть-самобранка’, в чув. заимствовано в последнем значении. *Ванькка курак йысшăншĕ панă ашшавликке сарса прахатъ те – музыка хускалса каять. Ашшавлик çинче мён çиес тенĕ, çав пур* [Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Шупашкар, 1973. Т. 1. С. 436] ‘Как только Ванька разворачивает *ашшавлик*, подаренный ему дядей грачом, – начинает играть музыка. На *ашшавлик* еда, которую только пожелаешь’;

*ваен* [вајэн] в описании похоронных обрядов из тат. *ваем* ‘печаль, скорбь, горе’. *Ана хывма пĕр чĕрес, пĕр чашкă, пĕр сăра курки тата тепĕр кашăк, васана (вăсана, т. е. вёсене?) вайен савăт-сапи теççĕ; ун çинче хываççĕ* [Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1930. Т. 5. С. 155] ‘Чтобы приготовить это, нужны чиряс, чашка, пивная кружка и еще одна ложка, их называют посудой *ваен*; в ней и готовят’;

*пакан* [пагáн] в загадке о трещине на бревне из тат. *багана* ‘стойка у печи’. *Алăкран кĕрĕп, пакан курăп* [Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1935. Т. 9. С. 75] ‘В дверь войду, *пакан* увижу’;

*сăрав* [сърáв] ‘показ, обозрение, опрос’? из тат. *сорау* ‘вопрос’. *Сăрава кăларнă лашине. Çухалнă лашана паллатарма пасара кăларасçĕ, çавна сăрава кăларни теççĕ* [Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1936. Т. 11. С. 273] ‘Лошадь вывели на *сăрав*. Найденную лошадь выводят на базар, это называется выводом на *сăрав*’;

*хамси* [хамží] ‘сам’, ‘кнут’? [Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1941. Т. 16. С. 47] из тат. *камчы* ‘плеть, плетка, хлыст, нагайка’;

*шэвёри* [ш’эв’ёр’и] из тат. *шүрәле* ‘леший, черт’. *Ларат мулла пек, кайшкәрат шэвёри пек...* [Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1950. Т. 17. С. 370] ‘Сидит, как мулла, кричит, как *шэвёри...*’.

Таким образом, общее количество татарских заимствований, переваливший за полтысячи, уже нельзя признать незначительным. Объем татаризмов в чувашском языке превышает объем заимствований из арабского, персидского, монгольского, марийского и иных языков и уступает лишь русскому.

Другим лексическим пластом чувашского языка, изобилующим татаризмами, является традиционная антропонимия (см. словарь дохристианских чувашских антропонимов, включающий более десяти тысяч лемм: Иванова, Фомин 2020). Объем татаризмов в нем достигает 30 процентов, а доля исламских конфессионимов, включая арабизмы и фарсизмы, составляет более половины национального антропонимического словаря [Фомин 2020: 64]. При этом имена арабского и персидского происхождения практически полностью занесены в чувашскую традицию имянаречения через татарское посредство [Фомин 2020: 68]:

чув. м. *Васик* [ваз’ик’], *Ваҫик* [ваҫик’] ← тат. *Васик* ← араб. واثق ‘уверенный’;

чув. ж. *Ене* [јэн’э] ← тат. *Жәнанә, Жәннә* ← перс. جان ‘возлюбленная, милая’;

чув. м. *Имәрса* [имързá] ← тат. *Әмир задә* ← перс. امير زاده ‘сын эмира’;

чув. ж. *Шерехве* [ш’эр’эх’в’э] ← тат. *Шәрифә* ← араб. شريف ‘благородная, знатная, честная’;

чув. м. *Яхвар* [јахвáр] ← тат. *Жәгъфәр* ← араб. جعفر ‘речка, ручеек’.

В самом татарском антропонимиконе к концу XIX в. преобладали арабизмы, покрывавшие 98 процентов именослова [Хазиева-Демирбаш 2017: 246].

Чувашский антропонимический словарь дохристианской эпохи – важный источник личных имен собственно татарского происхождения: наблюдения показывают, что значительная часть имен, отсутствующая в современных татарских антропонимических словарях, сохранилась именно в чувашской среде, ср.:

\**Айиш* [ајиш] м. в рус. орфогр. *Аиш* [Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905. С. 24] < тат. ай ‘луна’ + иш ‘пара; друг; сверстник’;

\**Айкилтё* [ајг’ил’д’ь] м. в рус. орфогр. *Айгилда, Айгильда, Айгилда* [Ушаков Э.С. Чувашские дохристианские имена. Чебоксары, 2018. С. 86] < тат. ай ‘луна’ + килде ‘пришел’;

*Емантай* [jэмандáj] м. [Ушаков Э.С. Чувашские дохристианские имена. Чебоксары, 2018. С. 93], также в рус. орфогр. *Емандай* [Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905. С. 37] < тат. *яман* 'дрянной, недобрый' + *-тай*;

\**Ёрёлек* [ьр'ьб'эк'] м. в рус. орфогр. *Ирыпьяк* [Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905. С. 46] < тат. *эре* 'крупный' + *бэк* 'господин';

\**Икенпай* [иг'эн'ба́j] м. в рус. орфогр. *Игенбай* [Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905. С. 40] < тат. *иген* 'хлеб' + *бай* 'господин';

\**Пиртё* [п'ёр'д'ь] м. в рус. орфогр. *Пирда* [Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905. С. 67] < тат. *бирде* '(бог) дал';

\**Таттарпей* [тат:арба́j] м. в рус. орфогр. *Татарбей* [Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905. С. 81] < тат. *татар* 'татарин' + *бэй* 'господин'.

Безусловно, важным источником татарских имен наряду с чувашским могут стать марийский и удмуртский языческий именословы.

### Сокращения

Араб. – арабский язык; ж. – женское имя; м. – мужское имя; орфогр. – орфография; перс. – персидский язык; рус. – русский язык; тат. – татарский язык; фольк. – фольклор; чув. – чувашский язык.

### Литература

Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении / В.Г.Егоров. – 2-е изд., испр. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1971. – 202 с.

Егоров Н.И. Материалы к вопросу о татарских лексических заимствованиях в чувашском языке / Н.И.Егоров, Ю.Ф.Ефимов // Чувашский язык: проблемы исторической лексикологии. – Чебоксары, 1986. – С.5–84.

Иванова А.М. Словарь чувашских антропонимов дохристианской эпохи / А.М.Иванова, Э.В.Фомин. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – 407 с.

Фомин Э.В. Чувашский антропонимикон XVIII века: иная культурная реальность / Э.В.Фомин, А.М.Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – 139 с.

Хазиева-Демибраш Г.С. Татарские личные имена в этнокультурном пространстве языка / Г.С.Хазиева-Демибраш. – Казань: Вакут, 2017. – 443 с.



## **Гармония гласных в татарской разговорной речи**

*разговорная речь, сингармонизм, гласные звуки*

Основной орфоэпической нормой при произношении татарских гласных звуков является соблюдение закона сингармонизма (гармония гласных). Гармонией гласных, или сингармонизмом, называется фонетическое явление, состоящее в том, что качеством гласного первого слога в слове определяется характер гласных последующих слогов этого слова. Гармония гласных «является одной из наиболее характерных особенностей тюркских языков», как отметил В.А.Богородицкий [Богородицкий 1927: 3]; эта особенность проявляется в двух видах: небная гармония и губная гармония.

Небный сингармонизм, как один из основных законов, регулирующих фонетическую сторону изменения слов, существует во всех тюркских языках, за исключением узбекского [Исхаков 1955: 122]. Сущность небного сингармонизма заключается в гармонии гласных, входящих в состав слова, по «твердости» и «мягкости». «Твердыми» гласными, как известно, условно называют гласные заднего ряда, а «мягкими» – гласные переднего ряда. Например: *бәйрәмнәр, әбиләребезне, эшләгәннәрен; балаларыбыз, шатлыкларыбыздан, кайгыртучылар*. Исключение составляют заимствования и сложные слова (*китап, телефон, көнчыгыш, беркатлы* и др.).

Закон сингармонизма определяет всю специфику татарской фонетической системы, и она изначально заложена в речевое сознание носителей татарского языка, что имеет неоспоримое влияние на формирование артикуляционных навыков татар [Галиуллина 2020: 92]. В результате у говорящего на татарском языке на подсознательном уровне возникает потребность подчинять этому закону все лексеммы, которые он реализует в речи.

Как показывают материалы, собранные нами среди информантов, большое количество лексем, заимствованных из арабо-персидского, русского и европейских языков, в литературном языке не подчиненных небной гармонии, в устной речи подвергаются небной гармонии. В отдельных случаях информанты, овладевшие орфоэпическими нормами татарского языка либо артикуляционными навыками языка-оригинала, произносят те же лексеммы, не подвергая их сингармонизму, сохраняя произносительную норму языка-донора, например: *Питрав бәйрәме керәшен һәм христиан диненә қараган бәтен милләтләренә бәйрәме инде ул. Питрав ул [тәбиғәтнә] (норма [табиғәтнә]) олылау. Аңа та-*

быну. Биргәннәренә шөкер итү. Матурлыққа, **[тәбиғәтнән]** (норма [табиғәтнән]) иркәленгәнә мәдхийә жырлау (жен., Кукморский р-н, 79 лет); Әтийең **[идәрәгә]** (норма [идарәгә]) менеп китте, кызым. Шулай иртә. Чақыртқаннар, жыйылыш буласы икән (женщины, 19 лет и 50 лет).

Һәр йыл фасылын йаратам. Һәр фасыл үзенә матур. Һәр фасылның **[та°биғәтә]** үзенә матур. Шулай да минем иң йараткан вақытым ул – қыш. Қышның салкыннарын йаратам (жен., 45 лет, преподаватель). Бүгенгә кәндә **[уда°рә]** итү бик жиңел түгел. Моңың өчен бик белемле булу һәм тырышлық кирәк (жен., 42 года, научный сотрудник). Как видно из приведенных фрагментов, в речи женщины-информанта 45 лет, работающей преподавателем, заметно употребление неадаптированных форм слов: *табигать, ударә.*

В разговорной речи большое количество слов произносится согласно гармонии гласных. Сложные и составные слова, которые в литературной речи не подчиняются закону сингармонизма, в разговорной речи произносятся согласно небной гармонии мягкости, например: *Тарақны [әпкитмә]* (алып китмә), *чәчемне тарыйсым бар. Мынчадан чығуға жүвеш чәчне тарап булмый* (жен., 39 лет); *Эшчеләр эшләрәгә килделәр. Бөтен инструментларын [әпкилдәләр]* (алып килделәр). *Пәхтә эшлиләр, үз эшләренәң осталары булып чықтылар. Кирпечне тигез салалар* (жен., 71 год).

Это видно и во фрагменте диалога мужчины (Л, 28 лет) и женщины (С, 22 года), жителей Кукморского района: (Л) *Нәрсә, нишләдегез инде кичә? Әйдә сөйлә.* (С) *Төнгә [үникәдә]* (уникедә) *қайтып кердек инде.* (Л) *Юк, қайларға бардыгыз дим?* (С) *Бөтен жирдә булдық инде.* (Л) *Ничек инде бөтен жирдә?* (Л) *Бөтен жирдә инде. Менә безгә қайда кирәк, шунда бардық инде. Районны [үмбишйәгәрмә]* (унбиш-егерме) *әйләнгәнбездер.*

В собранных нами записях наблюдается нарушение небной гармонии. Из разговора двух девушек видно, что при произнесении слова **[жыйып]** не соблюдается небная гармония, оно произносится **[жиийып]**: (А) *Нишләп тырасың.* (К) *Менә иләр [жиийып] алдым әле. Үзең ни хәлдә, нишлисең?* (А) *Йақшы, Қазаннан қайтым күптән түгәл генә. Қазанда йереп қайтық.*

Второй закон сингармонизма – губная гармония – заключается в том, что губные гласные [о], [ә], которые произносятся на первом слоге слова, способны уподоблять себе идущих за ними краткие звуки [ы], [э]: *колын [колон], төлкесе [төлкөсә], болыты [болото].* Итак, в татарском языке «корень... всегда возглавляет слово... все гласные корня выступают каждый в своей индивидуальности» [Богородицкий 1933: 58].

Нарушение губной гармонии может быть признано идентификационным признаком говорящего, указывающим, во-первых, на его территориальную принадлежность; во-вторых, на активного билингва, выросше-

го в городской или русскоязычной среде. По нашим наблюдениям, в современной татарской разговорной речи активно проявляется тенденция к делабиализованному произношению, в том числе и слов, первые слоги которых содержат огубленные гласные. Это наблюдается в разговорной речи жителей Заказанья, представителей мишарского диалекта и у активных билингов, например: *Берентче [кэннэ] фермага [тэштэлэр] уктутчылар, вообщем, анда [бызавлар] итч инде, илле [бызав], уктутчы [тэшә], и ике бала [тэшә]. Анда илле[бызавга] [сэт] апкиләсең икән инде. Бер ояда биш [бызав], ди. Шул бишесенә бер жулы [сэт] бирергә кирәк икән. / Әә, ул балалар үзләре эшлимени әле анда. / Ийе, экскурсия гына түгел.* (девушки, Высокогорский р-н., 20 лет и 27 лет).

Фрагмент из устной речи жителя Арского района, 48 лет: *[кэннәр] жылынғач, май айында, бәрәңгә утыртабыз. Бәрәңгә утыртыр [эчэн] башта симәнәне әзерлисең. Симәнәне жылы жиргә таратып куйып, аның [ырлықлары] чыққанын [кэтәсэн] инде. [ырлықлары] чыққанын [кэткәч], аннары сун инде, аны әзерләп қуясың, аңа көлләр сибәсен инде. Шулай итеп, аннары бақчаны эшкәртәсен. Бақчаны эшкәрткәч, трактыр белән, аннары сун инде, аны қул белән утыртабыз инде, безнең бақча зур түгел, шуңа күрә без аны қул белән утыртабыз. [чықыр] қазыйбыз. [чықыр] қазығач, аңа тағын әзрәк [кэл] салабыз һәм бәрәңгә, әзер [ырлығыбызны] салып барабыз.*

Еще один пример – отрывок из диалога девушек-студенток, жительниц г. Казани: *Сәлам! / Сәлам! / Хәлләр ничек? / Яхшы. / Сездә экзаменнар башландымы? / Әйе. / Хәзер сессия инде. [бэтәнәсә] экзамен бирә.*

Фрагмент из речи студента, жителя Чистопольского района, 19 лет: *[ышый] [былай], ләкин күңел барыбер нитчектер инде, асылга тарта. Қайтасы килә.*

## Литература

Богородицкий В.А. Законы сингармонизма в тюркских языках / В.А.Богородицкий. – Казань: Красный печатник, 1927. – 18 с.

Исхаков Ф.Г. Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков / Ф.Г.Исхаков // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. Фонетика. – М., 1955. – С.60-144.

Галиуллина Г.Р. Современная татарская речь: идентификационные признаки и социальная дифференциация: монография / Г.Р.Галиуллина, Э.Х.Кадирова, Г.К.Хадиева. – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. – 222 с.

Богородицкий В.А. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию / В.А.Богородицкий. – Казань: Татиздат, 1933. – 156 с.

**К проблеме образной интерпретации действительности  
(на материале персонификации неодушевленных субстантивов)**

*образная интерпретация действительности, категория рода  
существительных, персонификация неодушевленных субстантивов,  
квазиденотативный элемент значения рода, средства маскулинизации /  
феминизации неодушевленных существительных*

В поэтических текстах ярко проявляется интерпретирующее свойство человеческого сознания. При этом стоит отметить, что способы концептуализации действительности нередко взаимодействуют с вторичными (образными) моделями передачи содержания. Как известно, в реализации намерений говорящего (автора текста) непосредственное участие принимают не только лексические единицы, которые несут наибольшую смысловую нагрузку, но и средства морфологии. В аспекте исследования интенциональности в грамматике интерес представляют грамматические модели образной интерпретации окружающего мира с использованием морфологических единиц. С этой точки зрения немалую роль в художественных произведениях русских авторов играет морфологическая категория рода. Проблема персонификации неодушевленных существительных уже рассматривались в ряде исследований (см., например, [Ковалев 1985; Гин 1996]). Проанализированы случаи персонификации неодушевленных субстантивов в связи с описанием эстетических ресурсов грамматического рода. Сделан вывод о том, что в процессе персонификации происходит трансформация семантики неодушевленного существительного: слово приобретает квазиденотативный элемент грамматического значения рода. Подобная трансформация в большинстве случаев детерминирована сближением неодушевленного слова с одушевленным субстантивом, однозначно указывающим на существо мужского или женского пола (*сын, старик, франт, матушка, красавица* и т. п.). Возникновению квазиденотативного компонента значения рода способствуют и другие элементы контекста [Хайрутдинова 2015: 152-153].

Однако появление квазиденотативного элемента значения рода у неодушевленного существительного не всегда обусловлено фактом его сближения в контексте с одушевленным субстантивом *nomina sexus* (термин Г.И.Пановой). Концептуальное осмысление процессов образного моделирования действительности было бы неполным без описания круга тех лексических единиц, которые, помимо одушевленных существительных типа *сын, красавица*, способствовали бы трансформации

грамматического значения рода неодушевленных субстантивов. Поэтому рассмотрение этого вопроса представляется значимым, актуальным.

Объект нашего внимания в данной статье представляют те случаи функционирования неодушевленных существительных, которые относятся к сфере персонификации, однако обнаруживают слабое проявление образности ввиду отсутствия вспомогательного субъекта образного сравнения. Подобные случаи использования предметных лексем еще не были предметом специального изучения, поэтому их исследование обладает научной новизной.

Материалом для анализа послужили стихотворные тексты XIX – XXI веков, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Проведенное исследование показало, что, несмотря на отсутствие одушевленного субстантива *nomina sexus*, выступающего в качестве вспомогательного субъекта образного сравнения, неодушевленные существительные приобретают квазиденотативный элемент значения рода. При этом маскулинизации или феминизации неодушевленного существительного способствуют следующие элементы художественного текста.

1. Весьма часто используются соматизмы, указывающие на внешний облик мужчины или женщины, например: *И сразу в размеренный скрип колес / Врывается хриплым шумом овес, / Он солнце себе намотал на ус, / Земля хороша и крепка на вкус!* (М. Светлов. «Гудками ревут...»); *Моет косу в речке ива, / Моет, умывается.* (А. Аверкин. «Моет косу в речке ива...»). В первом контексте средством маскулинизации неодушевленного субстантива мужского рода *овес* выступает слово *ус*, имеющее словарное значение ‘волосы над верхней губой у мужчин’ [Ожегов 1985: 731]. Во втором примере феминизация существительного *ива* обеспечивается благодаря использованию соматизма *коса* – ‘сплетенные вместе пряди волос’ [Ожегов 1985: 257].

2. Следующую объемную группу лексических единиц, детерминирующих возникновение у неодушевленного существительного квазиденотативного элемента значения рода, составляют названия видов (элементов) мужской или женской одежды, а также соответствующих аксессуаров: *Океан ворчит сердито: / «Где утесные граниты – / Обсушить седой кафтан?»* (Н. Клюев. «В калигах и посконной рясе...»); *Нарядилась гречиха в цветной сарафан / И белеет над горными скатами...* (А. Коринфский. «Чутко дремлет в полях недожатая рожь...»). Анализ приведенных примеров свидетельствует о том, что, например, в первом контексте трансформация грамматического значения неодушевленного субстантива *океан* обусловлена употреблением лексики *кафтан*, которая реализует значение ‘русская старинная мужская верхняя одежда’ [Ожегов 1985: 233].

3. Реже смысловые приращения обеспечиваются за счет обозначений орудий труда, связанных с традиционными «мужскими» или «женскими» видами деятельности, орудий: *Заспорили горы, Олимп и Киссав,*

/ И первый за сабли, за ружья другой. (Н. Гнедич. «Олимп»); В избе, под распятым окном / За прялкой Предвечность сидела... (Н. Клюев. «Белая повесть»). Как видим, если в первом примере используются названия холодного и стрелкового оружия, которые связаны с военной службой некоторых лиц мужского пола, то во втором отрывке текста с целью формирования образности употреблено слово *прялка* ('приспособление для ручного прядения' [Ожегов 1985: 546]), указывающее на орудие традиционного «женского» вида деятельности.

4. Иногда возникновение в семантике неодушевленного существительного квазиденотативного элемента значения рода обусловлено использованием пространственных обозначений, названий помещений, которые ассоциируются с лицами определенного пола, например: *Вечер отправлен на гауптвахту...* (А. Прокофьев. «Мы»); Очевидно, что образное восприятие неодушевленного существительного *вечер* в аспекте креативного осмысления корреляции по роду и полу обеспечивается благодаря употреблению слова *гауптвахта*, реализующего значение 'помещение для содержания военных под арестом' [Ожегов 1985: 110].

5. Персонификация неодушевленного существительного может быть связана с употреблением названий каких-либо объединений, организационных структур, традиционно включающих лиц определенного пола, например: *...выстроилось белое войско цветов, / кротко обороняет ночной газон.* (Н. Байтов. «Я надуваю щеки, как паруса...»). В сознании носителей русского языка лексема *войско*, значение которой в словаре представлено как 'вооруженные силы государства или часть их' [Ожегов 1985: 80], относится к семантической зоне «военная служба», вызывающей обычно ассоциации с лицами мужского пола.

6. В более редких случаях трансформация грамматического значения рода обусловлена использованием субстантивов с событийной семантикой. В предлагаемом далее примере в качестве такого существительного выступает слово *девичник* ('вечеринка с подругами в доме невесты накануне венчания, а также вообще вечеринка, на которую собираются девушки, женщины' [Ожегов 1985: 134]): *...и был у берез девичник, / как тысячу лет назад.* (С. Петров. «Кукушка куковала...»). Именно благодаря употреблению лексемы с событийной семантикой обеспечивается феминизация неодушевленного существительного *береза*.

7. Среди слов других частей речи функционируют прилагательные, способные указывать на особенности внешнего облика мужчины или женщины: *...и озарен Ай-Петри лысый / магометанскою луной.* (В. Набоков. «Сторожевые кипарисы...»). Как видим, в приведенном стихотворном фрагменте в качестве определения к орониму *Ай-Петри* использован адъектив *лысый*, реализующий переносное значение 'лишенный растительности'. Данный лексико-семантический вариант тесно связан с прямым значением прилагательного 'имеющий лысину' [Ожегов

1985: 285], которое содержит указание на своеобразие внешнего вида некоторых лиц мужского пола.

8. Изредка используются глагольные предикаты, характеризующие лицо мужского или женского пола с точки зрения традиционного семейного уклада жизни. Так, в следующем фрагменте текста феминизации неодушевленного существительного *фиалка* способствует глагол *заневестилась*, имеющий тот же корень, что и термин семейно-родственных отношений *невеста* ('девушка, вступающая в брак, а также девушка, достигшая возраста, при котором можно вступать в брак' [Ожегов 1985: 343]): *О ту пору о весеннюю, / Как фиалка заневестилась, / Как нагорьями зелеными / Гор окружность закурчавилась; / Снег в ложбинах стаял пятнами...* (О. Мандельштам. «Гоготур и апшина»).

Таким образом, круг языковых единиц, способствующих маскулинизации или феминизации персонифицируемого существительного, довольно широк. Возникает вопрос: каков статус этих единиц с точки зрения актуализации квазиденотативного элемента грамматического значения рода? Ответ на данный вопрос может быть представлен в рамках применения полевого подхода. Его использование при анализе всей совокупности лексических единиц, обеспечивающих возникновение квазиденотативного элемента значения рода неодушевленного существительного, дает основания для следующего вывода. К ядру приема персонификации относятся одушевленные существительные, указывающие на пол живого предмета; к периферийной зоне принадлежат рассмотренные нами неодушевленные существительные (соматизмы, названия видов одежды, обозначения орудий труда и т.п.), а также признаковые слова, обеспечивающие формирование мужского или женского образа в условиях отсутствия вспомогательного субъекта образного сравнения.

### Литература

Гин Я.И. О корреляции рода и пола при олицетворении / Я.И.Гин // Проблемы поэтики грамматических категорий: Избранные работы. – СПб.: Академ. проект, 1996. – С.55-64.

Ковалев В.П. Выразительные средства художественной речи / В.П.Ковалев. – Киев: Рад. шк., 1985. – 136 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / С.И.Ожегов. – М.: Рус. яз., 1985. – 797 с.

Хайрутдинова Г.А. К проблеме образного потенциала языковых единиц (на материале анализа функционирования лексемы мечта) / Г.А.Хайрутдинова // Филология и культура. – 2015. – №3. – С.152-155.

## К вопросу о заимствовании в русский язык английских глаголов на рубеже XX–XXI вв.

*русский язык, английские глаголы, заимствования*

Данная работа посвящена изучению специфики заимствования английских глаголов в русский язык, основное внимание уделено классификации заимствованных английских глаголов. Актуальность связана с большим процентом заимствований в современный русский язык, их быстрой адаптацией в языке и речи носителей языка. Как известно, заимствование иноязычных единиц в разные эпохи связано с историей народа. Контакты с другими странами в разных сферах жизнедеятельности (экономика, политика, культура), а также военные конфликты влияют на формирование и развитие языка. Россия, как и другие страны, на протяжении веков обменивается информацией со многими странами. Английский язык как официальный язык международного общения играет в мире важную роль, обмена с англоязычными странами тоже нельзя игнорировать.

В конце XX – начале XXI веков появление большого количества англоязычной лексики в русском языке привлекло пристальное внимание специалистов-филологов к англицизмам. Распад Советского Союза, установление большого количества не только культурных, научных, но и политических, экономических связей между Россией и англоговорящими странами, расцвет зарубежного туризма – все это привело к расширению контактов, а соответственно, к взаимовлиянию русского и английского языков друг на друга. На наш взгляд, важно детально изучить и описать заимствования из английского языка, которые появились на рубеже веков, а также установить новые связи слов внутри тематических групп.

На рубеже XX–XXI вв. расширились экономические, торговые и культурные обмены между Россией и англоязычными странами, что привнесло в русский язык много наименований новых вещей и новых понятий. Из английского языка было заимствовано много глаголов, которые обозначали не только новые вещи, явления, но и помогали в определенной степени различить многие вещи, например: **импортировать, пиарить, сканировать, юзать, апгрейдить, фиксировать, гуглить, кликать** (от англ. to click), **байтить, флексить**.

По свидетельству словарей, некоторые глаголы стали использоваться в молодежном сленге, например:



**Хейтить** (от английского *hate* – ненавидеть) – ненавидеть, публично унижать, оскорблять, дискредитировать. *Пример: В нашем классе есть девочки, которые меня хейтят.*

**Флексить** (от англ. *flex*), сгибать, гнуть, раскачиваться, танцевать под качающий бит, а также ярко проявлять себя, свои физические возможности. *Пример: Отлично пофлексили на концерте Ливана* [Подростковый словарь URL].

Многие разговорные выражения и сленг из английского языка вошли в русский язык, например: **лукать, чатиться, аскать, спикать, микшировать, релаксировать, пролонгировать.**

Нельзя не отметить, что слова в английском языке имеют множество значений, но при заимствовании используется только часть смысла, например *shopping* имеет значение существительного 'покупка' и значение глагола 'купить что-нибудь', однако в русском языке по форме это существительное **шопинг** со значением конкретного существительного 'покупка'. После процесса адаптации слово **шопинг** в современном русском языке имеет семантическое отличие от выражения 'сходить за покупками'. Данное понятие прочно вписано в языковое сознание современных россиян и ассоциируется с большими торговыми центрами. Используя словосочетание 'сделать шопинг', как отмечают исследователи, "...мы не только не знаем, что мы купим, мы не знаем, что существует некая вещь, которая окажется нам нужной" [Грамота. ру: URL]. Сейчас многие люди идут по магазинам просто так, чтобы снять стресс в плохом настроении, то есть в настоящее время слово **шопинг** описывает новую реальность. Подобного типа лексема **вендинг**, которая после заимствования сохранила все свои первоначальные значения, например, **вендинг** (англ. *vending*, от англ. *vend* – продавать, торговать), продажа товаров и услуг с помощью автоматизированных систем (торговых автоматов).

На современном этапе развития языка происходят изменения в процессе заимствования словарных единиц. Словарный состав русского языка, как и любого языка мира, постоянно расширяется за счёт заимствований. На протяжении XX – начала XXI века русский язык щедро заимствовал из английского языка слова и понятия. Это связано с множеством факторов: постоянное развитие способствует производству новых вещей, поэтому увеличивает спрос на их наименования. Очевидно, что контакты между странами в значительной степени способствовали общению между народами.

## Литература

Зубанова И.В. Английский с «русским акцентом», или Несколько слов о коллективном бессознательном и русских медведях [Электронный ресурс] / И.В.Зубанова // О переводе и для переводчиков «Думать вслух» [сайт] // URL: <http://www.thinkaloud.ru/featureak.html> (дата обращения 15.10.2020).

Справочный портал: Грамота.ру [Электронный ресурс] // URL: <http://newforum.gramota.ru/viewtopic.php?f=3&t=346> (дата обращения 23.10.2020).

Словарь новых слов [Электронный ресурс] // URL: <https://wordsonline.ru/dicts/neologisms/> (дата обращения 20.10.2020).

Подростковый словарь 2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://snob.ru/entry/156179/> (дата обращения 23.10.2020).

## Особенности оценочной лексики в туристических рекламных текстах

*рекламные тексты, туризм, лексика, оценочные слова*

За последние десятилетия реклама стала неотъемлемой частью массовой культуры и рыночной экономики России. Занимающая важное место в информационной и социальной областях, она не только активизирует спрос покупателей, но и организует их сферу досуга, основываясь на стереотипах поведения потребителей. В туризме задачей рекламы является управление покупательским поведением потенциальных туристов, в связи с чем специалисты туристической индустрии для наиболее эффективного результата должны создавать привлекательную качественную рекламу.

В центре нашего внимания находится один из главных компонентов рекламы – рекламный текст. Рекламный текст представляется собой особый вид текста, цели которого достигаются с помощью употребления языковых единиц всех уровней; среди них наиболее активную и важную роль играет лексика. Исследуя лексические особенности рекламных текстов, можно понять, каковы ценностные ориентиры современного общества, поэтому в ходе анализа туристических рекламных материалов акцент был сделан на лексическом уровне, в частности на использовании оценочных слов.

Понятие эмоционально-оценочного слова в работе Т.В.Жеребило определяется как «лексическая единица, которая включает в себя элемент оценки» [Жеребило 2016: 576]. Автор также считает, что оценочная лексика может быть положительной или отрицательной. По мнению Г.С.Акантяна, функционирующие в рекламных текстах оценочные слова – «это прежде всего слова, вызывающие приятные эмоции, положительные ассоциации: рай, весна, радость, любовь, счастье, успех и др.» [Аканьян 2010: 44].

В процессе создания рекламных текстов необходимо учесть лингвокультурологический аспект, в результате чего при составлении ориентированной на российский рынок рекламы важно изучать, какие лексические единицы вызывают у российских граждан (потенциальных туристов) наиболее позитивные чувства. Например, при исследовании языкового материала (реклама путешествий), содержащего оценочные слова, была отмечена высокая частотность лексики, связанной с положительной оценкой погодных условий, такой, как **солнце, море, пряж и** т.д.

*Путешествуй вместе с **солнцем!***

*На море вместо дачи? Возможно!*  
*Загар на Кубе: или так, или с нами.*  
*Закопай тещу в песок за \$ 399!*  
*Зимние каникулы в Таиланде.*

Как показано в примерах, на российском туристическом рынке в связи со спецификой погоды в России отмечается традиционная склонность к положительной ассоциации «морского пляжа под солнцем». Можно сказать, что подобные слова предполагают способность к пробуждению у потенциальных туристов позитивных эмоций или созданию ассоциаций с приятными путешествиями.

### **Литература**

Атакьян Г.С. Прагматика языка туристической рекламы: диссертация кандидата филологических наук / Г.С.Атакьян. – Адыг. гос. ун-т, 2010. – 170 с.  
Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий / Т.В.Жеребило. Изд. 6-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2016. – 610 с.

## **Туган тел дәресләрендә креатив методлар куллану (creative writing мисалында)**

*родной язык, письменная речь, креативное письмо*

Бүген лингвометодика укучыларның сүзлек байлыгын арттыруга, бәйләнешле сөйләм телен үстерүгә, сөйләм эшчәнлеген активлаштыруга һәм телне өйрәнү процессын стимуллаштыруга йөз тотучу уку-укыту методларын, алымнарын, алдынгы педагогик технологияләрне куллануның өһәмиятен ассызыкый һәм ФДББС шартларында шәхес үсешенә, регулятив осталыкка, танып-белүгә, телдән һәм язма сөйләм күнекмәләрен камилләштерүгә кагылышлы эш-гамәлләр уздыру нәтижәләгән күрсәтә.

Әлеге мәкалә кысаларында туган тел дәресләрендә укучыларның язма сөйләм күнекмәләрен үстерүмәсьәләсә яктыртыла. Язу, сөйләм эшчәнлегенә дүртенче төре буларак, эзлекле рәвештә башка төрләр белән дә тыгыз бәйләнгән. Язма сөйләм үзенә тулылыгы, аныклыгы, жәенкелеге белән аерылып тора.

Татар теле дәресләрендә укучыларның язма сөйләм күнекмәләрен камилләштерү максатыннан creative writing (креатив язу) элементларын куллану укучыларның креативлыгын, ижади мөмкинлекләрен ача, тәнкыйди фикер йөртә алу сәләтен үстерә, танып-белү эшчәнлеген активлаштыра, телне өйрәнүне мотивлаштыра. Практикада күренгәнчә, укучылар язма эшләргә башкарырга яратмыйлар. Аларны язма эшкә тарту, кызыксындыру максатыннан дәрестә креатив язу элементларына мөрәжәгать итәргә мөмкин [Макарова 2016: 29].

Креатив язунуң асылында ятучы креативлык төшенчәсә «яңа идеяләр булдыруга сәләтле, традицион фикерләү схемаларына буйсынмаган» дигәнне аңлата [Левинзон 2014: 26]. Креатив фикер йөртү нәтижәсендә гадәти булмаган фикерләр туа, проблемаларның яңача чишелешләре ачыла. Дәрестә креатив язу алымы язма сөйләмнең стандарт булмавын, төрле ситуацияләрдә көтелмәгән чишелешләргә, бай күзаллауларны, юмор хисен таләп итә. Креатив биремле язма эшләр (язма жавапка этәрүче, стимуллаштыручы әдәби әсәрләрдән өзекләр, әдәби персонажларның репликаларын тәкъдим итү) укучыларны кызыксындыру, мотивлаштыру, аларның ижади сәләтләрен ачуга ярдәм итүне максат итеп куя.

Туган тел дәресләрендә креатив язуну оештыру буенча берничә эш төрен күрсәтеп китик.

1. «Кем? Кайда? Нәрсә?»

Һәр укучыга төрле төстәге карточкалар өлөшөнә. Һәр төснең үз сорауы була: Кем? / Кайда? / Нәрсә? (Ни өчен? Кайчан?). Укучылар төсләргә туры килүче сорауга җаваплар язалар. Мәсәлән: кеше исеме (Кем?), эш-хәлнең урыны (Кайда?), детектив, әкият, шигырь, реклама (Нәрсә?) һ.б. Алга таба барлык карточкалар бергә җыела һәм укучылар һәр төстән берәр карточка тартып алып үзенә элөккән сүзләрдән хикәя төзи, язма эш башкара.

## 2. «Эмпатия»

Укучыга әйләнә-тирә табигать күренешләре ролен уйнап карарга, песи, яңгыр, салават күпере, торнадо һ.б. булып үзе турында беренче заттан хикәя төзәргә, үзенә хас сыйфатларны, фигыльләренә санар-гатәкдим ителә.

## 3. «Прогнозлаштыру»

Укучыларга сюжетлы рәсем һәм түбәндәге сораулар бирелә: 1). Рәсемдә сез нәрсә күрәсез? 2). Бу рәсем сездә нинди хисләр уята? 3). Рәсемгә карагач, сезнең нәрсә турында беләсегез килә? Кыска вакыт эчендә укучылар җавапларын язалар. Яки рәсемдә сурәтләнгән образларның кәефен, әлеге кәефнең сәбәпләрен ачыклайлар.

Креатив язу кысаларында хикәянең башын яки ахырын уйлап язу, теге яки бу ситуацияне төрле герой күзлегеннән чыгып сурәтләү, герой булып фикер йөртү, бирелгән репликалардан диалог төзү кебек эш төрләре дә башкарылырга мөмкин.

Креатив язу барышында язуның өч нигезе дә (фонетик, морфологик, график) тормышка ашырыла, укучылар хәл-вакыйгаларны хикәяләргә, аларны тәнкыйди күзлектән бәяләргә, үз фикерләрен төгәл, образлы итеп язма рәвештә әйтеп бирергә, сүз һәм фразаларны урынсызга кабатламаска, төрле төзелешле җөмлөләр кулланырга, чагыштыру, сынландыру кебек сурәтләү чараларын урынлы файдаланырга өйрәнәләр.

## Әдәбият

Левинзон А.И. Креативное письмо: модель англоязычных стран в российской школе / А.И.Левинзон // Вопросы образования. – 2014. – №1. – С.25-45.

Макарова Ю.А. Методика креативного письма для создания поэтических произведений на иностранном языке / Ю.А.Макарова // Сибирский педагогический журнал. – 2016. – №1. – С.25-30.

**XX гасырның беренче яртысы татар поэзиясендә синонимнар:  
кулланылыш үзенчәлеге һәм функцияләре**

*татарская поэзия, синоним, язык поэзии, функция*

Татар әдәби теле тарихында XX йөзнең беренче яртысы күптөрле стилистик эзләнүләр алып барылган, гасырлар дәвамында үстерелеп килгән югары стильнең сөйләм стиле белән кушылу чоры буларак билгеләнә. Әлеге эзләнүләр шигъри әсәрләр телендә аеруча көчле яңгыраш алып, барлык шагыйрьләр ижатын колачлый, чөнки нәкъ менә шигърият теле сыгылмалы, образлы, бай сурәтлелеккә ия булуы белән аерылып тора. Бер яктан, шәркый юнәлештәге югары стиль, аңа хас стилистик берәмлекләр кулланылышын дәвам итә. Икенче яктан XX гасыр башында халыкның сөйләм теленә нигезлэнгән татар әдәби теле формалашып житәһәм «матур әдәбиятның жанр һәм стиль ягыннан баюына, функциональ стильләрнең формалашып житүенә китерә» [Хаков 2003: 196]. Алга таба поэзия телендә стилистик «экспериментлар» ясала, күптөрле лексик-грамматик чараларның, берәмлекләрнең стилистик мөмкинлекләре файдаланыла. Татар шагыйрьләре лексик берәмлекләргә яңа стилистик вариантларда, номинатив мәгънә бөтенлекләрендә кулланып, экспериментлар ясап карый, шуңа бәйле поэзия телен баета, катлауландыра, соклангыч поэтик күренешләр пәйда була [Юсупов 2020: 6]. Бу жәһәттән шигъри әсәрләр структурасында синонимнарның кулланылыш үзенчәлекләрен, башкарган функцияләрен тикшерү кызыклы.

Синонимнар төшенчәсе белән сөйләмдә (ягъни контекстта) сүзләрнең, грамматик формаларның һәм төрле әйтелмәләр, тезмәләрнең бер-берсен алыштыра алу мөмкинлекләре күздә тотыла [Хаков 1999: 107-108]. Мондый лексик берәмлекләрфикерне төгәл, анык, жыйнак итеп формалаштырырга этәргеч ясый, сөйләмне матур яңгырашлы, аһәңле итәләр, күренеш һәм төшенчәләргә, аларның билгеләрен төрле-төрле мәгънә төсмерләре һәм стилистик бизәкләр белән аңлатырга, тасвирларга мөмкинлек бирәләр, әдәби әсәрнең стилистик образлы фикерләү өслүбен формалаштыруда зур роль уйнайлар. Алар әдәби әсәрнең эчтәлеген ачу, автор әйтәргә теләгән уй-фикерләргә, образларны төгәлләштерү, мәгънә төсмерен үстереп, тирәнәйтеп жибәрү юлында әһәмиятле мөһим санала. Шуңа сәбәпле эчтәлектә сөйләнгән вакыйга да үсеп, зураеп китә, тәэсирлелек арта [Бәширова 1974: 43]. Синоним сүзләрнең кулланылыш даирәләре дә төрле булырга мөмкин: аларның берсе һәр төр сүз белән дә грамматик бәйләнешкә керсә, икен-

челәре кайсы да булса билгеле бер сүзне генә таләп итә [Курбатов 2002: 83].

Лирикада бу аеруча әһәмияткә ия, чөнки шигъри сөйләм кабатлаулардан, озынлыктан качарга, мөмкин кадәр кыскалыкка омтыла, шуңа да шагыйрьләргә сүзләрнең мәгънә ягыннан охшашларын еш кулланырга туры килә:

*Каләм! Кальбеңдә ни сер бар, гаян ит,  
Килеп кичмешләр әхвален бәян ит.*

*Түгеп күз яшьләреңне бу көгазьгә,  
Ни моңлы уйларың бар – сөйлә безгә!* [Дәрдемәнд 1980: 19]

*Гаян ит – мәгълүм ит, ачып сал. Әхвален бәян ит – хәлләрен сөйләп, хикәя итеп бир.* Шагыйрь башта *гаян ит* фиғылен куллана, аннары гына, экспрессияне арттыру максатыннан, *бәян ит* сүзен бирә, ягъни процессның кискенлеген күрсәтә, соңыннан *сөйлә* сүзен китерә. Шулай итеп, синонимнарның эмоциональ-экспрессив төсмерләре үзенчәлекле төс ала.

Еш кына синонимнар төрле стилистик төркемдәгә сүзләрне сайлау ихтыяжын канәгатьләндерә. Әйттик, М.Жәлилнең «Катыйльгә» шигырендә нейтраль *палач* сүзенең искергән берәмлек белән алмашынуы күзәтелә. «Бер үгет» шигырендә исә искергән *бәдән* берәмлегенең кулланылуын күзәтәбез.

*Батыр үлә, үлмәс ат алып,  
Батырлыклар белән макталып,  
Исең калсын, үзең үлсәң дә,  
Тарихларда укып ятларлык* [Жәлил 1976: 246]

Әлеге өзек алынган «Батырлык турында» шигырендә *ат* һәм *исем* сүзләре лексик синоним булып торалар һәм аларның мәгънәләре абсолют тәңгәл килә. Теркәлгән мисаллардан күренгәнчә, шагыйрь аларга, нигездә, шигырьнең эчке рифмасы, аһәңе, ритмикасына ирешү максатыннан мөрәжәгать итә.

Сүз осталары еш кына үзләре дә синонимнар уйлап табарга мөмкиннәр. Моның өчен парлы синонимнардан файдалану активлаша:

*Оча дилдән бөтен шик-шөбһәләр, һәм мин жылый башлыйм:  
Яңакларны мөкаддәс күз яшемдә энжели башлыйм* [Тукай 2006: 90]

Парлы синонимнарны куллану юлында татар шагыйрьләренә хас тагын бер үзенчәлекне билгеләп үтәргә кирәк: шагыйрьләр үзләре тудырган парлы сүзләр арасында бер компоненты пассив кулланылышта булып, контекстта гына синоним булып килгәннәренә дә актив мөрәжәгать итә. Мисал өчен:

*Безнең уй-гамь кузгатамы дәръяларның сил-жырын?!*

*...Дулкын чәйнәп өзәр кебек кыегымның чылбырын...* [Дәрдемәнд 1980: 96]

*Сил* – ташу (поток). Бу очракта *сил-жыр* дип әйтү мәгънәне югары дәрәжәгә күтәрә, нәтижәдә, укучы күңелендә тәэсирле, ачык сурәт туа.



Сәнгатьле сөйләмдә һәм шулай ук сөйләшү телендә синонимнарны бер-бер артлы тезеп китү, үстерү алымы еш очрый. Бу алым уй-фикерне, тойгы-кичерешләрне тагын да тулырак, үтемлерәк, калкурак итеп бирергә ярдәм итә. Мәсәлән:

*Күрмимен алны вә артны, и чабам мин, и чабам,  
Ашыгам, тирлим, пешәм һәм кып-кызу уттай янам* [Тукай 2006: 134]

Әсәр текстында *чабам һәмашыгам, тирлим, пешәм һәм янам* фигыльләре үзара синонимик рәтләр тудырып, лирик геройның халәтен киңрәк ачуга, аның ашыгу процессын укучыга үтемлерәк итеп житкерүгә йөз тотта.

Мондый синонимнар билгеле бер процессның интенсивлыгын житкерү юлында да тормышка ашырыла ала яисә образларны төрле яклап ачыклау, укучының игътибарын теге яки бу сыйфатка юнәлдерә. Бу очракта, табигый, фигыль сүз төркеменә караган берәмлекләр үзара синоним булып килә:

*Дошманы сүгенә, жикренә,  
Кулларын каерып бәйләде* [Жәлил 1976: 117]

Моннан тыш синонимнар вакыйга-күренешләрне төгәлрәк тасвирлап бирү, аның теге яки бу сыйфатына басым ясау, игътибарны юнәлтү функциясен үти. Бу очракта сайлап алынган синонимнар шигырьләрнең идея-эстетик эшләнешенә, проблематикасына да ишарә итә ала:

*Ни мәгънә бар эзсез яшәүдә,  
Түбәнлектә, тарлык, кимлектә?* [Жәлил 1976: 246]

Мондый синонимик берәмлекләр шигъри текстларның әдәби-сәнгати эшләнешен дә баета, сөйләм агышына образлылык, өслүбкә бизәкләлек өсти.

Болардан тыш, поэтик әсәрләр структурасында охшаш мәгънәле сүзләр психологик вазифа үтәп, лирик геройның эчке халәтен тирәнәйтү юнәлешендә файдаланыла ала:

*Үпкә дә юк,  
Артык ачу да юк...* [Такташ 1980: 297]

Китерелгән мисалда *үпкә, ачу* синонимнары лирик геройның эчке халәтендәге битарафлыкны төгәлләштереп куя.

Шулай итеп, шигъри әсәрләр теленең лексик катламында синонимнар кулланылыш активлыгы һәм номинатив төрлелеге белән билгеләнә. Аларның поэзия телендә кулланылышы автор позициясен, лирик геройның хис-кичерешенә бәйле булып, шигырь ритмикасы таләпләренә дә буйсындырыла. Әлеге күренешне әсәрләрнең тематик һәм идеологик яктан үзгәрүе белән бәйләп карарга да мөмкин.

### Әдәбият

Бәширова И.Б. Сүз белән сурәт ясау: татар поэзиясендә сүз-сурәт / И.Б.Бәширова. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1974. – 175 б.

Дәрдемәнд. Исә җилләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – 256 б.

Жәлил М. Әсәрләр: 4 томда. Т. 2. / М.Жәлил. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. – 591 б.

Курбатов Х.Р. Сүз сәнгате: татар теленең лингвистик стилистикасы һәм поэтикасы / Х.Р.Курбатов. – Казан: Мәгариф, 2002. – 199 б.

Такташ һ. Әсәрләр: 3 томда. Т. 1 / һ.Такташ. – Казан: Татар.кит. нәшр., 1980. – 325 б.

Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 томда. Т.1 / Г.Тукай. – Казан: Татар.кит. нәшр., 2006. – 271 б.

Хаков В.Х. Татар әдәби теле: Стилистика / В.Х.Хаков. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. – 302 б.

Хаков В.Х. Тел–тарих көзгесе / В.Х.Хаков. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 296 б.

Юсупов А.Ф. XX гасырның беренче яртысы татар поэзиясе: стиль һәм образлы сурәт тудыру үзенчәлеге: монография / А.Ф.Юсупов, Н.М.Юсупова. – Казан: «Школа» редакция-нәшрият үзәге, 2020. – 172 б.

## **XIX гасырда Россиядә татар теленең торышы**

*XIX гасыр, татар теле, тарих, университет, укыту*

XIX гасырда ил тормышында әһәмиятле вакыйгалар күп була. Шулардан иң мөһиме итеп феодал-крепостной тәртипләрнең таркалуын, яңа капиталистик мөнәсәбәтләр формалаша башлауны күрсәтергә кирәк. Бу үзгәрешләр Казан губернасы тормышына да тәэсир итми калмый. Беренче чиратта, губернада халык саны үзгәрә: 1,8 мәртәбә артып, 1,5 миллионга җитә. Бигрәк тә авыл халкы – крестьяннар сан ягыннан күпчелекне тәшкил итәләр. Ә шәһәр халкы исә бик әкрән үсә. Гасыр башында шәһәрләрдә губерна халкының 4,5% яшәсә, 50 нче еллар ахырында бу сан бары тик бик азга гына арта һәм 6,1 % ка җитә. Казан губернасы күпмилләтле төбәк булып кала бирә. Биредә татарлар, руслар, чувашлар, марилар, мордвалар бергә яшиләр. Татарлар барлык халыкның 29,6 % тәшкил итәләр. Халык арасында иң таралган диннәр булып ислам һәм православие диннәре санала. Татарлар, нигездә, ислам динен тоталар. XIX гасырда Казан губернасында сәнәгать зур үзгәрешләр кичерә. Ул үзгәрешләр XIX гасырның беренче яртысында ил икътисадында яңа, капиталистик мөнәсәбәтләр формалашуға бәйле була. Бу чорда яңа предприятиеләр төзелә, элекке эшләр килгәннәре эреләнә, беренче фабрика һәм заводлар эшли башлау бик мөһим нәтиҗәләр бирә. Казанның Татар бистәсендәге сәнәгать оешмалары 1800–1810 елларда икътисад үсешенең иң югары үрәндә булалар. Бу чорда салым салына торган капиталның күләме 910.526 сумга җитә. 50 нче еллар ахырына 263 предприятие чама белән 5 миллион сумлык продукция эшләп чыгара. 50 нче еллар ахырына төбәк сәнәгатенең 90%ка якыны татар эшмәкәрләре кулында була. Сәнәгать, су, тимер юл транспорты үсеше сәүдә эшенең җанлануына китерә. XIX гасыр башынан сәүдә әйләнеше ике мәртәбә арта һәм 1837 елга 25 миллион сум тәшкил итә.

XIX гасырның беренче яртысында мәдәният үсеше сизелерлек алга китә. 1804 елда Идел буенда беренче һәм Россиядә икенче булган Казан университеты ачыла. Иделдән алып Ерак Көнчыгышка кадәр сузылган уку-укыту округына җитәкчелек итү яшь университетка йөкләнә. Университет Казан губернасы һәм, гомумән, Казан уку-укыту округында училищелар, гимназияләр ачуга, мәктәпләр төзетүгә, аларның матди базасын ныгытуга, методик әдәбият булдыруга, укытучылар әзерләүгә зур көч куя. Казан университетының рус булмаган халыкларны белемгә тартырга омтылышы аеруча игътибарга лаек. 1818 елда университет про-

фессоры П.С.Кондыров һәм көнчыгыш телләр бүлгеге адъюнкты И.И.Хэлфин “фэкатъ салым түлэргә тиешле сословие” балалары өчен Казанда Үзек татар училищесы оештырырга тәкъдим итәләр. Университет профессорлары Ф.Эрдман, К.Фойгт Көнчыгыш институтын ачу идеясен күтәрәп чыгалар. Татар мәгърифәтчелегенә, алдынгы ижтимагый фикернең формалашуы, үсеше Казан университеты эшчәнлегенә белән тыгыз бәйләнгән була. Татар мәктәпләренә саны арта.

XIX гасырның беренче яртысында төбәктә якинча 500 авыл мәктәбе һәм мәдрәсә эшли. Төбәк мәдәнияте үсешендә нәшерлек эше һәм вакытлы матбугат зур роль уйный. 1801 елда Азия типографиясе ачыла һәм бу типографиядә гарәп шрифты белән басылган беренче китаплар дөнья күрә. 1802 елдан Казанда мөселман әдәбияты даими рәвештә басыла башлый. А.Г.Кәримуллин әйтүенчә, 1801-1829 еллар аралыгында 93 китап дөнья күрә. Бу китаплар арасында мәдрәсә дәреслекләре, төрки әдәбиятның классик үрнәкләре Кол Галиның “Кыйссаи Йосыф”, Тажетдин Ялчыголның “Рисаләи-Газизә”, “Бәдәвам китабы” һ.б. була. XIX гасырның беренче яртысында жәмгысә 401 китап нәшер ителә. Беренче китаплар дини, динидидактик һәм башлангыч мәктәп дәреслекләре булса, соңрак хокук, фәлсәфә, иҗат эшенә багышланган фәнни хезмәтләр басылып чыга. 1829 елга кадәр Азия типографиясе татар китаплары бастыруны дәвам итә. Ул нәшер иткән китаплар татар халкы арасында мәдәният һәм дөньяви мәгариф эшен киңәйтүгә катнашалар. Биредә 150 басма сүзлек, әлифбалар, татар халкы тарихы, лингвистик хезмәтләр, әдәби әсәрләр нәшер ителә. XIX гасырның икенче яртысында 1415 данә татарча китап басыла һәм бер китапның уртача тиражы 8000 экземплярга житә. Казан университеты типографиясе ачылгач, 1829 елдан Азия типографиясе аның составына керә. Бу чорда нәшер ителгән китапларның гомуми саны буенча Казан Россиядә өченче урында тора. Басма китаплар арасында русларга татар телен һәм татарларга рус телен өйрәтүне күздә тотып төзелгән татарча-русча сүзлекләр дә шактый күп була. Татар әдәбияты да үсеш ала.

XIX гасырда татар язучылары һәм шагыйрьләре киң халык массаларына аңлаешлы телдә яңа әсәрләр язалар. Татар милли әдәби теленә беренче үрнәкләре Г.Кандалый, К.Насыри, Я.Емельянов, Г.Ильясин, Ф.Халиди иҗатында күренә. XIX гасырның икенче яртысында Россия тарихында яңа чор башлана. 60-70 елларда илдә тирәнлегенә, масштаблыгы, нәтиҗәләренә буенча Россиядәнең тарихында моңа кадәр булмаган реформалар ясала. Реформалар чоры тарихта шәһәрләр һәм сәүдә үсешенә белән характерлы. Бу чорда шәһәр халкы бик тиз арта. 1897 елда шәһәрдә 184 мең кеше яши һәм бу төбәктә яшәгән халыкның 8,5 % тәшкил итә. Сәнәгать һәм авыл хужалыгы продукциясенә житештерүнең үсүе, шәһәр халкы саны артуга бәйле рәвештә сәүдә дә алга китә. Реформа елларында сәүдә әйләнеше ике мәртәбә арта. Татар пролетариаты әһәмиятле социаль төркем булып формалаша. Татар

эшчеләре вак предприятиеләрдә генә түгел, эре, техник яктан яхшы жиһазланган завод-фабрикаларда эшли.

XIX гасырның икенче яртысында татар милли хәрәкәте формалаша һәм үсеш ала. Гасыр ахырында Казан губернасында 675,4 татар, шуларның 35 меңнән артыгы шәһәрдә, 640 меңе өязләрдә яши. Россия империясендә татарларның саны 2,6 миллионга житә. Татарлар иң күп тупланып яшәгән төбәк Казан губернасы була. Татар милләте формалашуда Казан губернасының хәлиткеч роле шуның белән аңлатыла.

XIX гасыр уртасында эш бүленешенең үсүе эшләр чыгарган әйберләренә тизрәк алмашуына китерә, эчке базар барлыкка килә, халык үзара нык аралаша башлый, үзен башкалардан аерылып тора торган аерым милләт кебек хиситә. Үзара тыгыз аралашуны иске татар әдәби теле тулысынча тәэмин итеп житкерә алмый, чөнки махсус өйрәнмәгән кешеләргә ул аңлашылып бетми. Тыгыз аралашу иске татар әдәби телен гомумхалык сөйләмә теленә теленә якынайтуны, ягъни татар милләтенең һәммәсенә аңлашылырлык әдәби тел төзүне таләп итә. Иске татар әдәби телен гомумхалык сөйләмә теленә якынайтып кулланырга туры килә, һәм шул процесста татар милли әдәби теле формалаша [Зәкиев 1965: 6].

XIX гасырның икенче яртысында хөкүмәт милләتلәрне руслаштыруга юнәлеш тотта. 1842 нче елда ачылган Казан духовный академиясенең махсус миссионерлар бүлеге булдырыла. Бу бүлектә мөселманнарга каршы бүлекчә дә төзелә һәм монда студентларны рус булмаган халыклар теленә, шул исәптән татар теленә дә бик яхшылап өйрәтәләр, күпләп православие әдәбияты, дин белеме китаплары укытыла. Бу сәясәт нигезендә Н.Ильминский системасы ята. Н.Ильминский Казанда рус булмаган халыклар өчен укытучылар семинариясе оештыра. Семинария татар, мордва, мари, чуваш һәм удмурт мәктәпләре өчен укытучы – миссионерлар әзерли. Моннан кала, изге Гурий жәмгыяте катнашы белән күп санлы миссионер мәктәпләре дә ачыла.

XIX гасырның икенче яртысында татар мәгърифәтчеләге тагында үсә төшә. Мәгърифәтчеләре татарлар арасында мәгариф, фәнни һәм техник белемнәр тарату эшен ныклап жайга салырга, халыкны рус һәм Европа мәдәниятенә тартырга, тормышны Европадагы кебек корырга, искергән традицияләрдән арындырырга омтылалар. 80 нче еллардан башлап иске мәктәпләргә яңа ысул белән эшләүче мәктәпләр алмашка килә. XIX гасыр ахырында аларның саны берничә дистәгә житә. Татар яшьләренә башлангыч һәм урта белем бирү, нигездә, мәктәпләрдә һәм мәдрәсәләрдә алып барыла. XIX – XX гасыр чигендә Казан губернасында яшәүчеләренә 80% ана телендә укый-яза белә. Реформа елларында Казан университетында укучы студентлар арасында татарлар саны арта. Татарлар Петербург, Томск, Мәскәү университетларында белем алалар башлыйлар.

XIX гасырда татар әдәби теле тарихында гаять күп яңарыш һәм үзгәрешләр була. Бу – телебез үсешендә бик бай, гаять үзенчәлекле, катлаулы чор. Телдәге үзгәрешләргә иҗтимагый мөнәсәбәتلәр, милли күтәрелеш, җәмгыятьтәге тарихи вакыйгалар тәэсир итә. Әдәби телне халыкның жанлы сөйләм теленә яқынайту һәм шул нигездә нормалаштыру мәсьәләсе куела. Яңа чор әдәби телнең эшкәртелүен, норматив грамматикаларның төзелүен, сүзлек хәзинәсен һәм тел байлыгын барлауны таләп итә. Россиядә татар телен өйрәнүгә ихтыяҗ артканнан арта. 1803 елда Россия Фәннәр академиясендә гуманитар бүлек яңадан торгызыла. Мәскәү, Казан, Харьков университетларында көнчыгыш телләре кафедралары ачыла. 1812 елдан татар теле Казан университетының уку программасына кертелә һәм укытучы итеп Ибраһим Хәлфин билгеләнә. Шулай ук университетның татар – төрек телләре кафедрасында А.Казем-Бек, И.Н.Березин, М.Мәхмүтов эшли.

XIX гасырда төрле типтагы уку йортларында татар теле фән буларак укытыла башлый. Тобол, Томск, Оренбург, Саратов, Әстерхан, Ставрополь, Симферополь гимназияләрендә татар теле барлык милләт вәкилләренә дә өйрәтелә. Патша Россиясенә көнчыгыш сәясәте татар телен белгән тәржемәчеләр, канцелярия хезмәткәрләре булуны таләп итә.

Татар халкы тарихында XIX гасыр фәнни идеяләренә үсүе, мәктәпләрдә белем бирү киңәю, телдә, әдәбиятта яңарыш билгеләренә арта баруы белән билгеле. Бу бөтен Россия масштабындагы социаль – икътисади, сәяси сәбәпләргә барып тоташа.

### **Әдәбият**

Закиев М.З. Некоторые вопросы развития татарского литературного языка / М.З.Закиев // Вопросы татарского языкознания. – Казань, 1965. – С.5-38.

## Темпоральность в синтаксисе русского и татарского языков

*сравнительное языкознание, темпоральность, синтаксис*

Традиционно под темпоральностью принято понимать систему всех средств языка (лексических, морфологических, синтаксических и т.д.), выражающих сущность времени, где грамматическая категория времени, выраженная глаголами в форме прошедшего, настоящего и будущего, занимает основное место. Однако репрезентация времени выходит за пределы глагольной системы. В связи с этим в современной лингвистике принято делить языковое время на *глагольное* и *неглагольное*.

*Неглагольное* время репрезентируется так называемыми спецификаторами времени (обстоятельствами времени, выраженными наречиями, существительными и прилагательными), предложно-падежными (в татарском языке послеложно-именные формы и сочетания неличных форм глаголов и причастий с послелогоми и послеложными словами) формами, причастиями и деепричастиями. При этом отмечается, что причастия еще не утратили связи с формами глагольного времени. Значимость неглагольного времени определяется еще и тем, что синтактика и семантика глагольных форм не всегда совпадают: глаголы одной временной парадигмы часто выступают в значении другого времени (так, например, глагол прошедшего времени может выражать значение настоящего). В этих случаях неглагольное время конкретизирует темпоральное значение.

В данной работе рассматриваются средства выражения темпоральности в синтаксических конструкциях простого и сложного предложений.

**1. Средства выражения временных отношений в простом предложении.** Основными средствами репрезентации темпоральности в простом предложении выступают обстоятельства, выраженные наречиями (*сегодня – бүген, утром – иртән, рано – иртә, поздно – соң, раньше – элек*) и предложно-падежные формы (сочетания именных форм в косвенных падежах с предлогами) в русском языке и аффиксы косвенных падежей, послелог и послеложные слова – в татарском.

*Утром он встанет и сразу пойдет на автобус. (В. Распутин)*

*Бүген исә ул тагын бер жыр жырлады... (М. Мәгдиев)*

Русский предлог является неизменяемой частью речи. Самостоятельное выражение темпоральности (без использования предлогов) не является характерным для субстантивов, за исключением спецификато-

ров времени (слов типа *год – ел, неделя – атна, будущее – киләчәк*), иногда в сочетании с определительными местоимениями (*весь, целый, каждый*), и беспредложного творительного падежа (*целыми неделями – атналар буе, вечерами – кичләрен*).

Временные отношения, как уже отмечалось ранее, делятся на отношения **одновременности** (*в, на, с, по, при, в течение*), **предшествования** (*до, перед, за*) и **следования** (*через, после*).

Наиболее употребительны в русском языке предлоги *в, на, с, до, после, перед, за, на протяжении, через, около* и т.д.: **до шести часов, в шесть часов, на прошлой неделе, перед**. При этом встречаются случаи совпадения синтактики пространственных и темпоральных отношений, что обусловлено многозначностью предлогов (*до Москвы – до шести часов; в Москве – в шесть часов*), поэтому целесообразно говорить не о предлогах, а предложно-падежных формах как выразителях смысловых отношений.

В татарском языке предложно-падежным формам русского языка соответствуют конструкции с существительными в косвенных падежах и послелогоми и послеложными словами *алды, арты, хәтле, уртасында, кадәр, соң* и др.

*Один раз, в субботу заси-  
делся до утра. (В. Шукшин)*

*Галләмгали агай әгәр  
иртәнгә кадәр малайлар  
янында утырса, эш жиңел...  
(М. Мәгдиев)*

При использовании послеложно-именных форм аффикс может присоединяться как к существительному, так и к послелогу. Например, *до утра – иртәнгә кадәр* (существительное с аффиксом направительного падежа); *перед уроком – дәрес алдыннан* (аффикс исходного падежа присоединен к послелогу).

Еще одна группа средств выражения временных отношений – сочетание количественного числительного с существительным в родительном падеже в русском языке и в неопределенном падеже с послелогоми и послеложными словами – в татарском.

*Три года назад этой самой пу-  
стоши, на которой он сейчас  
стоит, на пекашинской карте  
не было... (Ф.Абрамов)*

*Егеткә егерме алты яшь  
иде... (М. Мәгдиев)*

Отношения одновременности, предшествования и следования действий представлены в русском языке деепричастиями, в татарском языке те же отношения выражаются неличными формами глагола, иногда с послелогоми и послеложными словами *белән, соң, алдыннан* и др.

*Светила земля, а над ней,  
отвечая весеннему часу,  
сияли сады небесные, рас-  
пускающая цветок за цветком и*

*Юешкә калтырап мияулый-  
мияулый, ул баскыч төбенә  
килде... Бу жил, күп юллар уз-  
ганнан соң, көнбатыштан*



*роняя лишние. (Б. Екимов)*

*килә иде. (М. Мэгдиев)*

## **2. Средства выражения временных отношений в сложноподчиненном предложении.**

Исследуемые языки характеризуются наличием сложных предложений с придаточным времени, которое в русском языке присоединяется к главной части союзами, выражающими отношения 1) **одновременности** действий главного и придаточного предложений (*когда, пока, как, покамест* (архаич.), *покуда* (просторечен.), *в то время как*); 2) **предшествования** (*когда, после того как, с тех пор как, как только, лишь только, только лишь, только что, только, чуть, едва, лишь*) и 3) **следования** (*прежде чем, раньше чем, перед тем как, пока, покамест, покуда*) действия придаточного предложения действию главного.

2.1. В татарском языке аналитические придаточные присоединяются к главной части при помощи одинарных относительных слов *шунда* (*тогда*), *шуннан бирле* (*с тех пор*), *шуннан соң*, *шунуң артыннан*, *аннары* (*после этого*), *шуңа кадәр* (*до этого*), *шул чакта* (*в это время*), *шундый вакытта* (*в такое время*), *ул да түгел* (*в то же мгновение*) в составе главной части. Этим предложениям в русском языке зачастую соответствуют сложносочиненные предложения с относительными словами.

*Ул мәктәпне тәмамлагач,  
чирәм жирләрәгә ките,  
шуннан бирле күрешкәне-  
без юк. (Г. Әпсәләмов)*

*Верила и Настена, что в судьбе  
Андрея, с тех пор как он ушел из  
дому, каким-то краем есть и ее  
участие. (В. Распутин)*

Предложения, где средством связи выступают парные относительные слова *кайчан – шунда, кайчан – шул чакта, кайчан – шул вакытта* (*когда – тогда*), являются эквивалентными сложноподчиненным предложениям с парными временными союзами в русском языке.

2.2. Синтетические придаточные связываются с главным предложением при помощи аффиксов, послелогов и послеложных слов. В русском языке этим предложениям соответствуют сложноподчиненные предложения с союзами. Выбор союза зависит от отношений одновременности и разновременности.

1) Аффиксы деепричастий - *ып / -еп; -гач / гәч, -кач / кәч; -ганчы / -гәнче, -канчы / -кәнче* в составе сказуемого придаточной части и аффиксы направительного (*-га / -гә, -ка / -кә*) и местно-временного (*-да / -дә, -та / -тә*) падежей.

*Дәрәсләр беткәч, иптәшләрем өйләренә таралышты, мин партамда утырып калдым. (В. Нуруллин)*

2) Конструкции послелогов и послеложных слов *белән, бирле, соң, борын, алдыннан, чакта, арада, вакытта* со сказуемым с аффиксами - *ганнан / -гәннән, -каннан / -кәннән; -ыр / -ер; -ган / -гән, -кан / -кән*.

*Мөнирә киенгән арада, Ләлә*

*Егор долго примеривался к же-*

*өстәлдәге газетаны кара- ребцу, пока взнуздал его.*  
*штыра башлады. Г. Әпсәләмов) (В. Шукшин)*

Отношение одновременности выражают послелогои и послеложные слова *чакта, арада, вакытта* и глаголы с аффиксами *-кан / -кән; -ган / -гән*, а также аффиксы местно-временного падежа *-да / -дә, -та / -тә (эшләгән вакытта – эшләгәндә)*.

Значение предшествования действия придаточного предложения действия главного предложения передает аффикс *-кач / -кәч; -гач / -гәч*; аффиксы *-ганнан / -гәннән, -каннан / -кәннән*, с послелогоми *белән, бирле, соң*, относительное слово *ул да түгел (эшләгәч – эшләгәннән соң)*.

Союзам, выражающим отношение следования, соответствуют аффиксы *-ганчы / -гәнче, -канчы / -кәнче* и аффиксы *-ыр / -ер, -ар / -әр* с послеложным словом *алдыннан (эшләгәнче – эшләр алдыннан)*.

Представления о времени русского и татарского языковых сообществ во многом совпадают, что обусловлено тесными контактами русского и татарского народов и принадлежностью категории времени к общенаучным категориям. Однако репрезентация темпоральности в исследуемых языках имеет как схожие, так и отличные черты. Отличия связаны в первую очередь с различиями в структурно-типологической организации русского и татарского языков.

Так, в русском языке основным средством репрезентации темпоральности в простом предложении являются предложно-падежные формы слова, тогда как в татарском языке – существительные и глаголы с аффиксами в косвенных падежах (направительный, исходный и местно-временной) как с послелогоми, так и без. При этом аффикс падежа может присоединяться и к существительному, и к послеложному слову.

В сложных предложениях русского языка для выражения временных отношений преобладает использование союзов и союзных слов, а в татарском языке – одинарных и парных относительных слов, а также аффиксов косвенных падежей сказуемого с послелогоми и послеложными словами.

Татарские послелогои служат средством связи как в простом, так и в сложном предложении, и в отличие от русских предлогов и союзов могут присоединять аффиксы.

## Литература

Всеволодова М.В. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) / М.В.Всеволодова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2005. – № 1. – С.22-49.

Закамуллина М.Н. Темпоральность во французском и татарском языках: слово, высказывание, текст. Сопоставительное исследование / М.Н.Закамуллина. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2000. – 288 с.

Закиев М.З. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков [Текст]: в 3 ч. Ч. 3. Сложное предложение / М.З.Закиев, Ф.С.Сафиуллина. – Казань, 1977.

Хоружая Ю.Н. Семантические функции пространственных и временных предлогов в немецком и русском языках [Текст]: авт. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ю.Н.Хоружая. – Краснодар, 2007. – 21 с.

## СОДЕРЖАНИЕ

### ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА:

<b>НАПРАВЛЕННОСТЬ НА БУДУЩЕЕ</b> .....	3
Адягаши К. Прошлое и будущее исследования исторической фонетики татарского языка (пленарный доклад) .....	3
Бакшаева А.А. Несколько слов о маргиналиях Христинопольского Апостола XII века .....	8
Баранов В.А. Из опыта создания электронного грамматического словаря древнерусского языка: модель, реализация, использование .....	11
Валиева М.З. XVII – XVIII гасыр язма истәлекләренәң поэтик топонимиясе (гидронимнар мисалында).....	15
Гарипова Л.Ш. Г.Ибраһимовның Г.Ходаяров китабына бәяләмәсе хақында: тәржемә өлкәсендә тәҗрибәләр һәм терминология .....	19
Жолобов О.Ф. Распределение лексических вариантов <i>животь – жизнь – житие</i> в древнерусском сборнике XIII в. ....	22
Зельдин А.Е. Метатеза семитского корня в исторической перспективе .....	27
Козлова А.Ю. К вопросу о контролируемой текстологической традиции в истории бытования текста Толковой Палеи .....	31
Кортава Т.В. О становлении и развитии системы русской пунктуации .....	35
Костылев Ю.С. Наименования объектов Березовского месторождения золота отантропонимического происхождения .....	39
Mikeladze N., Chelebadze N., Putkaradze E. For an Understanding of Several Toponyms Related to Queen Tamar .....	43
Мирхаев Р.Ф. Арабские заимствования в языке татарской просветительской прозы конца XIX – начала XX вв. ....	47
Мольков Г.А., Шарихина М.Г. Проблемы составления словоуказателя к Евхологию Великой церкви в славянском переводе конца XIV в. ....	52
Морозова Е.С. Заимствования из «простой мовы» в церковнославянских памятниках .....	57
Новак М.О. К вопросу об адаптации полонизмов в русском языке: лексема <i>роскошь</i> и ее производные .....	62
Новак М.О., Пенькова Я.А. Редкая лексика в славяно-русских списках Огласительных поучений Кирилла Иерусалимского .....	67
Nurieva F.Sh. Galiulina I.R. Functioning of anatomical names in the work of Mahmud Bulgari «Nahj al-Faradis» (XIV Century) .....	72
Пентковская Т.В. Об одном аспекте редакторской правки в Коране 1716 г.: лексема <i>убо</i> .....	76
Чан Ю. Лингвистические аспекты книжной справки Псалтыри в составе Московской Библии 1663 г. ....	80

### ТРАДИЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЕЕ ЦИФРОВАЯ

<b>ТРАНСФОРМАЦИЯ</b> .....	85
Абдрашитова Л.М. Культурологическая и металингвистическая экспликация как способы решения проблемы расхождения фоновых знаний при переводе текста .....	85

Abdrashitova L.M. Role of culturological explicitation in translation .....	88
Абдулганеева И.И. Актуализация прагматического потенциала диминутивных образований в немецкой лингвокультуре.....	90
Абдуллаев С.Н., Апаева С.Х., Эркебуланова Н.Ш. Отдельные аспекты модельного представления синтаксем .....	93
Бак Х., Шаповал В.В. Русско-турецкий разговорник О.И.Сенковского 1828 г.: названия видов пищи .....	97
Галичкина Е.Н. Лингвокреативный потенциал сетевого дискурса в пандемическом мире .....	100
Гусенкова Е.А. Языковая компрессия текста при субтитровании видеоигр (на примере «FALLOUT 4») .....	104
Дубовский Ю.А., Заграевская Т.Б. Типология заимствованной лексики в русском узусе: фонетический подход к анализу межъязыковых параллелей.....	108
Дубцова Л.А. Содержание концепта «Родина» в речи жителей Среднего Приобья .....	113
Zhaxylikova K.B., Uderbaev A.Zh., Uskenbaeva R.M. Chremotonyms in kazakh mythologems .....	117
Жданова Е.А. Опыт многоаспектного изучения народных говоров с использованием информационных технологий .....	121
Замалетдинова Г.Р., Измайлова Г.А., Молодёжный сленг как языковое явление .....	124
Зельдин А.Е. Эволюция семитского корня – культурно-исторический аспект .....	126
Карпова О.М. Английская лексикография в эпоху цифровизации .....	130
Кулькова М.А. Применение корпусных технологий при обучении русской этноспецифической лексике германских студентов .....	134
Kutimskaya A.Y. Synonymy as a Cross-Functional Language Phenomenon .....	138
Лалетина А.А. Актуальные направления исследования возможностей использования инфографики в области педагогики и лингводидактики .....	142
Латыпов Р.И., Сарачоглу Х. Место и роль родного языка в обучении иностранному языку.....	147
Ли М. Экспрессивно-эмоциональная лексика в художественном тексте (на материале произведений Л. Петрушевской).....	150
Луканкина Т.А., Щуклина Т.Ю. Фонические структуры в поэзии начала XXI века (на примере поэтических текстов В.Полозковой, А.Сапир, Л.Миллер) .....	153
Максимова Ю.О. Отбор языкового материала для успешного обучения студентов .....	158
Муравьева Н.Ю. Контекстные значения: явление языка или речи? .....	161
Нагаева А.Р. Корпусный анализ синонимичных модальных глаголов must, should, have to.....	165

Пирниязова А.К. Семантическая природа фразеологизмов каракалпакского языка.....	171
Сабилова Р.И., Солнышкина М.И. Измерение параметров текстов по уровню сложности при изучении иностранного языка.....	176
Сафина Р.А., Салиева Р.Н. Современные тенденции развития фразеологии в зарубежной лингвистике .....	180
Sirazova L.S., Plankina R.M. Multimodal discourse analysis: The visualization of communication.....	184
Tereshina O.Y. Expressive means in modern English economic discourse of electronic media.....	187
Хань С. Коннотация императива в стихотворении В.В. Маяковского .....	190
Чернышева А.Ю. Методы исследования фреймирования военного конфликта в текстах аналитических репортажей.....	192
Шарафутдинова З.Т. Вкусовые метафоры в наименованиях человека говорящего (на материале башкирского языка и его диалектов).....	196
Ши Д. Средства выражения эмоциональной интонации в русской речи китайцев .....	199
Elston-Biron A.V. Corpus study of the «Declaration of love» discourse (a case study of works by A.P.Chekhov) .....	203
Юсупова С.М. Корпусная проекция культуры во фразеологии .....	208

<b>МАТЕМАТИЧЕСКАЯ, КВАНТИТАТИВНАЯ И КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА.....</b>	<b>211</b>
Ван М. Электронная коммуникация и ее разновидности.....	211
Ван М., Галеев Т.И., Бочкарёв В.В. Интернационализация русской лексики: квантитивный аспект .....	214
Виноградова О.И., Щербакова А.М. Тематическое моделирование данных из учебного корпуса REALEC .....	217
Вольская Ю.А. Особенности абстрактной и конкретной лексики: экспериментальный подход.....	219
Галиева А.М. Маркирование начала и конца слова в татарском языке: опыт квантитативного исследования .....	223
Гизатулина Д.Ю. Определение сложности учебного текста при помощи онлайн-сервисов Coh-Metrix и TextInspector.....	227
Журавкина И.С. Использование квантованного учебного пособия в образовательном процессе.....	232
Инь М., Галеев Т.И., Бочкарев В.В. Количественный анализ предложно-падежной вариативности в русском языке .....	236
Ляшевская О.Н. Образцовые наборы данных как ориентир для совершенствования моделей автоматической обработки текстов .....	239
Мамонтова А.В. Компьютерная база Сводного этимологического словаря: автоматизация совмещения словников .....	241
Маник С.А. Параллельный корпус общественно-политических текстов: подходы к выравниванию и поиску данных .....	245

Мартьянов Д.А. Слова с буквой Ё в интернет-словарях и корпусах русского языка .....	249
Мифтахутдинов З.Ш. Использование языковых моделей в задаче связывания именованных сущностей .....	253
Полидовец Н.И. Некоторые особенности графического изображения эмоций в синтаксических конструкциях в интернет-коммуникации .....	257
Поляева Е.В., Ефремова Н.Э. Задача автоматического распознавания сарказма и иронии: сбор и анализ наборов данных для русского языка .....	261
Соловьев В.Д. Эволюция лексической семантики: основные направления квантитативных исследований .....	265
Степанова Л.Ю., Щукина Д.А. К вопросу о разработке тезаурусов индивидуально-авторских дискурсов .....	269
Шаймухаметов Р.Р., Тагиров Р.Р., Михайлов В.Ю., Пшеничный П.В., Статистический анализ алфавита татарского языка по произведениям Г.Тукая, Ф.Амирхана, М.Джалиля, А.Кутуя, Х.Такташа .....	273
Шамова Н.А. Специализированные корпуса «The Movie Corpus» и «The TV Corpus» как источник материала для изучения кинодискурса .....	276
Janda L. Getting more out of limited input: strategic mastery of foreign languages (a plenary talk) .....	280
<b>РУССКИЙ И ТАТАРСКИЙ ЯЗЫКИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ .....</b>	<b>285</b>
Абызова Р.Р. Преподавание русского и татарского языков в учебных заведениях Крыма в XIX веке (по материалам Журнала Министерства народного просвещения) .....	285
Айдарова С.Х., Гарипова-Хасаншина В.М. Обучение татарскому языку на курсах «Без татарлар» .....	289
Әмирова Р.М. Татар эргонимнарында интерференция күренеше .....	292
Асилова Г.А. О методах сопоставления разносистемных языков при обучении русскому языку как иностранному .....	296
Ахметзянова Л.М. Вербализация концепта «сон» в лингвопоэтике Д. Хармса .....	299
Балясова И.И. Параметры сложности текста в татарском языке .....	302
Барашев А.Х. Окказиональные имена собственные в текстовом пространстве эпистолярия А.П. Чехова .....	306
Брагина Г.Х. Целенаправленность восприятия в семантике аудиальных глаголов .....	310
Ван С. Образный потенциал лексических единиц, обозначающих времена года .....	313
Габдреева Н.В. Об одном источнике исследования лексики .....	316
Гайнулина Г.Р. Әдәби әсәрнең теле мәсьәләсенә Ә.Еники карашлары .....	319

Галимуллина А.Ф. Художественный перевод как средство актуализации роли татарского языка в межлитературных связях на рубеже XX–XXI веков.....	321
Галиуллина Г.Р. Гади сөйләм лексикасының хәзерге татар телендә кулланылышы.....	325
Дубовский Ю.А., Заграевская Т.Б. Типология заимствованной лексики в русском узусе: фонетический подход к анализу межъязыковых параллелей.....	328
Ерофеева И.В., Усманова Л.А. Иерархические связи в синонимической системе русского языка.....	332
Жуковец Л.М. Диалог культур в организации проектной деятельности учащихся в условиях поликультурного образовательного пространства.....	336
Зарипова И.Ф. Реализация валентности конструктивных глаголов в татарском языке.....	339
Иванова К.С. Трансформация устойчивых выражений в заголовках современных русскоязычных СМИ.....	343
Измайлова Г.А., Замалетдинова Г.Р. Молодежный сленг в современном русском и английском языках.....	347
Комарова Е.В. Лингвокультурный сценарий восприятия мигрантов в России.....	349
Крапотина Т.Г. Двойственность интерпретации фразеомобразующих логоепистем.....	352
Кузьмина Х.Х. Кол Галинең «Кыйссаи Йосыф» поэмасында феминитив лексика.....	355
Курилович Н.В. Использование игрового аспекта при изучении темы «Собеседование» для отработки навыков говорения в курсе обучения иностранных учащихся русскому языку как средству делового международного общения.....	358
Литвиненко Т.Е. Русское имя в поликультурном интертексте.....	362
Лю Ф. Прилагательные с суффиксами -ейш-/-айш-: проблема категориального статуса.....	365
Михеева С.Л. Прилагательные с суффиксами субъективной оценки: аспекты семантики и функционирования.....	368
Мугтасимова Г.Р. Газета язмаларының баш исемнәрендә экспрессия белдерү чаралары.....	372
Насибуллова Г.Р., Шангареев М.М. Особенности перевода эмоциональной лексики с английского на русский язык (на материале произведения Д.У.Джонс «Ходячий замок»).....	375
Нурмухаметова Р.С., Замалетдинова Г.Ф. Лингвистические особенности названий одежды в татарском языке.....	378
Персикова Д.Г. Проект электронной версии учебного словаря русских терминов физики для иностранных студентов.....	382
Пестова М.С. Категория противоположности во фразеологии (на материале английского и русского языков).....	385



Проколова М.В., Файзуллина Г.Ч., Ермакова Е.Н. Образ дерева как основа формирования образа лесного великана в фольклоре сибирских татар.....	387
Сабирова А.И. Лингвистический анализ художественного текста и методика его проведения.....	391
Сәгъдиева Р.К., Хәснетдинов Д.Х. Сыйфат һәм рәвеш белән фиғыль арасындагы төгәлләүле мөнәсәбәтне оештыра торган бәйләк, бәйләк сүзләр.....	395
Салахова А.Р., Ликари К. От интерпретации заголовочного концепта к концептуальному содержанию повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...» .....	398
Соболева Н.П. Специфика использования онтологических метафор в исторической нон-фикшн литературе .....	402
Тимерханов А.А. Современный лексикографический ландшафт Татарстана (на примере новых словарей татарского языка).....	406
Фатхутдинова В.Г. Предметно-характеризующие значения в отглагольных субстантивах русского и татарского языков.....	410
Фомин Э.В. Татаризмы в чувашском языке: новоустановленные лексические единицы .....	414
Хадиева Г.К. Гармония гласных в татарской разговорной речи .....	417
Хайрутдинова Г.А. К проблеме образной интерпретации действительности (на материале персонификации неодушевленных субстантивов).....	420
Хуан Л. К вопросу о заимствовании в русский язык английских глаголов на рубеже XX–XXI вв. ....	424
Чэнь Н. Особенности оценочной лексики в туристических рекламных текстах.....	427
Шакирова Г.Р. Туган тел дәрәсләрендә креатив методлар куллану (creative writing мисалында) .....	429
Юсупов А.Ф., Юсупова Н.М. XX гасырның беренче яртысы татар поэзиясендә синонимнар: кулланылыш үзенчәлеге һәм функцияләре .....	431
Юсупова Ә.Ш. XIX гасырда Россиядә татар теленең торышы .....	435
Юсупова Л.Г. Темпоральность в синтаксисе русского и татарского языков .....	439

*Научное издание*

**ВЫЗОВЫ И ТРЕНДЫ  
МИРОВОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

**КАЗАНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ САММИТ**

**Казань, 16–20 ноября 2020 г.**

**Труды и материалы**

**Том 1**

---

Подписано в печать 20.04.2021.  
Бумага офсетная. Печать цифровая.  
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Arial». Усл. печ. л. 24.41.  
Тираж 500 экз. Заказ 110/12.

Отпечатано с готового оригинал-макета  
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37  
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28